Nr. 4315
inv 4716

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

РУССКОЕ СЛОВО

ВЪ 1864 ГОДУ.

Въ переживаемое нами время задача литературно-политическаго органа — сложная и трудная задача. Она должна удовлетворять положительнымъ интересамъ общества и возбуждать въ немъ новыя нравственныя силы; т. е. служить ближайшимъ, насущнымъ его потребностямъ и въ то же время указывать на болѣе отдаленныя, но не менѣе практическія цѣли. Въ удачномъ исполненіи этой задачи заключается, по нашему мнѣнію, величайшая заслуга литературнаго органа.

Развитіе жизни и смѣна одного поколѣнія другимъ требуютъ перемѣны въ самихъ понятіяхъ и идеяхъ. Многое что̀ годилось нашимъ отцамъ, не годится дѣтямъ; что̀ было полезно и раціонально прежде, то сдѣлалось безполезнымъ и нераціональнымъ теперь. Отдѣлять отжившее отъ живого, лживое отъ правдиваго, мечтательное отъ дѣйствительнаго, составляетъ прямую обязанность современнаго журнала. Если общественный дѣятель вложитъ хоть крупинку добра въ это драгоцѣнное достояніе всякого народа, онъ можетъ считать себя счастливѣйшимъ дѣятелемъ, не даромъ прожившимъ свой вѣкъ.

«РУССКОЕ СЛОВО» старалось достигнуть вышеозначенной цѣли двумя путями—строго реальнымъ взглядомъ на вещи и сближеніемъ экономическихъ вопросовъ съ общественными интересами. По этимъ двумъ направленіямъ оно искало разрѣшенія всѣхъ задачъ, занимающихъ общество въ данную минуту. Насколько мы успѣли осуществить наши стремленія—объ этомъ могутъ судить читатели «РУССКАГО СЛОВА». Многое, разумѣется, превышало наши силы; многое зависѣло не отъ одной нашей доброй воли. На будущее время, не занося̀сь слишкомъ лестными надеждами и не обѣщая больше того, что можемъ выполнить, мы смѣло даемъ слово въ одномъ — не пре-

небречь ничѣмъ, что можетъ придать новыя достоинства нашему изданію. Признаемся, настоящій годъ для «РУССКАГО СЛОВА», по многимъ обстоятельствамъ, былъ тяжелымъ годомъ, но едва ли кто можетъ упрекнуть насъ въ томъ, чтобъ мы злоупотребили довѣріемъ своихъ читателей. Будущій годъ дастъ намъ бо́льшія средства къ улучшенію журнала и слѣдовательно бо́льшія надежды на сочувствіе публики.

Программа «РУССКАГО СЛОВА».

Въ составъ журнала входятъ *три* отдѣла.

Въ первомъ отдѣлѣ помѣщаются романы, повѣсти, разсказы, очерки, драмы, стихотворенія (какъ оригинальныя, такъ и переводныя), статьи по вопросамъ историческимъ, соціальнымъ и по предмету естественныхъ наукъ. Отдѣлъ этотъ отличается преимущественно популярнымъ изложеніемъ и беллетристическимъ характеромъ.

Второй Отдѣлъ состоитъ изъ ЛИТЕРАТУРНАГО ОБОЗРѢНІЯ. Сюда относятся критическіе разборы болѣе замѣчательныхъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ книгъ. Кромѣ того каждый мѣсяцъ помѣщается *Библіографическій Листокъ*, заключающій въ себѣ рецензіи вновь выходящихъ книгъ.

Въ *Третьемъ Отдѣлѣ,* названномъ СОВРЕМЕННЫМЪ ОБОЗРѢНІЕМЪ, помѣщаются: 1) Ежемѣсячное обозрѣніе политическихъ событій въ Европѣ; 2) Домашняя Лѣтопись — обозрѣніе внутренней жизни Россіи; 3) Дневникъ Темнаго Человѣка — сатирическій фельетонъ о петербургской и провинціальной жизни.

Объемъ журнала и составъ его сотрудниковъ остается прежній.

Для неполучавшихъ «РУССКАГО СЛОВА» въ 1863 году считаемъ нелишнимъ представить здѣсь перечень главнѣйшихъ статей, напечатанныхъ въ вышедшихъ доселѣ девяти книжкахъ: 1) Сибирь по большой дорогѣ; 2) Убыточность незнанія; 3) Условія прогресса — Н. В. *Шелгунова.* 1) Наша Университетская наука; 2) Очерки изъ исторіи труда—Д. И. *Писарева.* Афонъ — Н. А. *Благовѣщенскаго.* 1) Деньги и Торговля; 2) Торговля безъ денегъ; 3) Чего не дѣлать — Н. В. *Соколова.* Гейне и Берне — В. А. *Зайцева.* Разсказы объ Испаніи—Д. И. *Каченовскаго.* Характеръ специфическихъ женскихъ преступленій — М. А. *Филиппова.* Родительская суббота—Н. А. *Потѣхина.* Манфредъ (драма Байрона) въ перев.

Д. Д. *Минаева.* Повѣсти и разсказы А. Г. Витковскаго, П. Горскаго и др.

Въ слѣдующихъ книжкахъ изъ заготовленныхъ матеріаловъ будутъ помѣщены: Критическій разборъ романа Н. Г. Чернышевскаго: Что дѣлать? — Д. И. *Писарева.* Разборъ книги Дж. Ст. Милля: О представительномъ правленіи (три статьи) — Г. Е. *Благосвѣтлова.* Новый и старый свѣтъ—Н. В. *Шелгунова.* Афонъ — Н. А. *Благовѣщенскаго.* Чайльдъ-Гарольдъ (романъ въ 4 частяхъ Байрона) въ перев. Д. Д. *Минаева.* Бѣлинскій и Добролюбовъ — В. А. *Зайцева* и проч.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

«РУССКОЕ СЛОВО» въ 1864 году будетъ выходить каждый мѣсяцъ книжками 25 — 30 листовъ каждая.

Цѣна за годовое изданіе безъ пересылки 12 р. 50 к. — съ пересылкой и доставкой на домъ — 14 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ — 1) въ Главной Конторѣ «РУССКАГО СЛОВА», *въ Колокольной улицѣ, домъ Миллера № 3.*

2) въ книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина и И. Ф. Келчевскаго (на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Армянской церкви).

3) въ книжномъ магазинѣ Н. А. Сеньковскаго (на Невскомъ проспектѣ, въ д. № 60.)

ВЪ МОСКВѢ — въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Черенина (на Рождественкѣ, въ домѣ Торлецкаго.)

Гг. служащіе пользуются разсрочкой въ уплатѣ подписной суммы по третямъ, за поручительствомъ своихъ гг. казначеевъ.

Кромѣ того подписчикамъ «Русскаго Слова» дѣлается уступка 20% съ номинальный цѣны слѣдующихъ изданій, продающихся при Главной Конторѣ «Русскаго Слова».

СОЧИНЕНІЯ Л. МЕЯ, 3 т. Ц. 3 р.; съ перес. 4 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ А. ОСТРОВСКАГО, въ 2 т. 3 р.; съ перес. 3 р. 75 к. СОЧИНЕНІЯ А. МАЙКОВА, въ 2 т. 2 р.; съ перес. 2 р. 75 к. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ М. Л. МИХАЙЛОВА. Въ провинціи, въ 2 т. 1 р.; съ перес. 1 р. 50 к. СОЧИНЕНІЯ И. ПАНАЕВА, въ 4 т. 3 р.; съ перес. 4 р. 50 к. ПАМЯТНИКИ СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, составленные подъ редакціей гг. Пыпина и Костомарова, въ 2 выпускахъ 3 р.; съ перес. 3 р. 75 к.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ.

ФУНД
Отд.
№ 5128

ГОДЪ ПЯТЫЙ

1863

СЕНТЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮМИНА И КО П.

1863.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 17 октября 1863 г.

Bibl. Jagiell.
1975 CD 1691/33

КАБАЛА.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Страннымъ, загадочнымъ существомъ выглядѣла моя знакомая;—звали ее Ольгой Васильевной. Она была очень хороша собой: высокая, стройная; казалось, вѣтеръ могъ переломить ее; во всей ея фигурѣ, въ походкѣ, въ движеніяхъ, въ голосѣ было что-то необыкновенно изящное и симпатичное. Она говорила тихо, ровно и какъ будто задумавшись. Большіе темноголубые глаза смотрѣли безучастно, они только мимоходомъ останавливались на всемъ окружающемъ и ни на что не заглядывались; худо скрытыя слезы часто блестѣли на ихъ длинныхъ серебряныхъ рѣсницахъ; на тонкихъ полураскрытыхъ губахъ мелькало что-то двусмысленое, не то улыбка, не то сдержанный сарказмъ; изъ-подъ нихъ выглядывали два ряда бѣлыхъ, ровныхъ зубовъ; тонкій, правильный носъ казался выточеннымъ изъ мрамора; лобъ большой, открытый; его окаймляли вьющіеся, совершенно бѣлокурые волосы, на солнцѣ они казались сѣдыми; густая, небрежно скрученная коса лежала на затылкѣ, и своею тяжестію какъ будто подымала всю голову, противъ воли заставляя ее держаться прямо; цвѣтъ лица матовый, блѣдный, безъ малѣйшаго румянца; щеки, нѣсколько впалыя, на вискахъ синеватыя жилки, только маленькія прозрачныя уши горѣли живымъ, розовымъ цвѣтомъ. Она походила на больную; можно было подумать,

что какой-нибудь сильный внутренній недугъ томилъ ее, не давалъ ей покоя. По всему было видно, что она жила насильно и съ безстрастнымъ взглядомъ на будущее ожидала того времени, когда смерть прекратитъ ея лишніе, ни кому ненужные дни, И одѣвалась она только по крайней необходомости надѣть что нибудь; черное шерстяное платье не сходило съ плечъ ея; на рукахъ четки, она всегда перебирала ими; на головѣ черная кружевная косынка; когда она ходила гулять, почти непроницаемый вуаль скрывалъ лицо ея. Она боялась людей, избѣгала всякаго общества; встрѣтить ее можно было или въ церкви, да и то гдѣ нибудь въ уголку, въ полумракѣ, между старухами нищими, или въ такомъ мѣстѣ, гдѣ она была увѣрена, что никто не увидитъ ее. Она за-живо похоронила себя. Ей было всего за двадцат лѣтъ.

II.

Какъ-то давно, лѣтъ пять—шесть назадъ, я жилъ на дачѣ на одномъ изъ петербургскихъ острововъ. Дачи эти извѣстны каждому, по крайней мѣрѣ среднее небогатое сословіе нашего благословеннаго болотами града очень хорошо знаетъ ихъ: крошечный, щелистый домикъ съ плохозапирающимися дверями и окнами; передъ нимъ палисадникъ, по величинѣ смахивающій на простой курятникъ, съ запыленными акаціями, да кустами чего-то похожаго на цвѣты. Мое помѣщеніе впрочемъ было одно изъ лучшихъ—вдали, въ тиши; окна глядѣли на малую Невку; пыли не много, стукотни еще меньше; передъ домомъ имѣлись скамейка, береза и два куста сирени; по сосѣдству, съ лѣвой стороны жили какіе-то почтенные супруги, вѣчно молчавшіе и вѣчно сидѣвшіе отвернувшись другъ отъ друга. Въ правомъ палисадникѣ я никого

не видѣлъ и радовался, что избавился отъ лишнихъ сосѣдей быть можетъ, отъ лишнихъ взглядовъ и толковъ. На дачѣ не то что въ городѣ, всѣ другъ дружку на перечетъ знаютъ; поселись только рядомъ какая-нибудь вдова, дѣвица, того и гляди женихомъ объявятъ.

Разъ, какъ теперь помню, вечеръ былъ тихій, чудесный, въ воздухѣ не шелохнетъ, ни одинъ листъ на деревѣ не дрогнетъ, рѣка заснула, вдали кто-то тянулъ на гармоникѣ. Я лежалъ на скамейкѣ и смотрѣлъ въ безконечное темно-голубое небо; полумракъ лѣтней, іюльской ночи покрывалъ его; казалось, какая-то прозрачная, зеленоватая ткань разстилалась по всему его пространству: луна свѣтила своимъ полнымъ свѣтомъ; дымокъ отъ сигары тонкой струйкой вился въ воздухѣ: мнѣ не хотѣлось двинутся съ мѣста; въ комнатѣ было слишкомъ душно. Молчаливые супруги убрались на боковую и щелкнули задвижкой у двери; настала тишина совершенная, я забылся; мысли мои улетѣли куда-то очень далеко. Вдругъ съ правой стороны что-то шелеснуло, послышались чьи-то легкіе шаги; я повернулъ голову, — въ сосѣднемъ палисадникѣ между кустами мелькнула черная фигура. Не знаю почему, только въ это самое время сердце екнуло у меня, быть можетъ, отъ неожиданности появленія; я былъ увѣренъ, что дача оставалась пустою и вдругъ посреди тишины и полумрака увидѣлъ въ ней что-то странное; я даже вспомнилъ читанную когда-то въ дѣтствѣ *«Черную женщину»* Греча. Бываютъ минуты, когда человѣкъ расположенъ къ таинственности, когда самыя простыя вещи кажутся ему почти сверхъестественными. Фигура шла очень медленно, черное платье, казалось, плыло по воздуху, ноги еле до земли дотрогивались; лица ея изъ за кустовъ нельзя было разглядѣть. Она остановилась у заборика, положила на него свои руки, нѣсколько минутъ простояла здѣсь неподвижно; потомъ прежними, медленными, неслышными шагами обошла вторую половину палисадника, поднялась на крыльцо и сѣла на его верхнюю ступеньку. Луна освѣтила всю ея голову. Я притаилъ дыханіе, я боялся быть открытымъ, боялся спугнуть это загадочное, фантастическое видѣніе. Я былъ пораженъ и красотой и страдаль-

ческимъ выраженіемъ лица женщины. Это было первое мое знакомство съ Ольгой Васильевной. Она сидѣла совершенно неподвижно; только сухая, бѣлая какъ снѣгъ рука ея машинально перебирала черныя костяныя четки. Широко раскрытые глаза задумчиво вперились вдаль, какъ будто хотѣли прорѣзать ее; на рѣсницахъ блестѣли слезы, одна изъ нихъ покатилась по блѣдной щекѣ; лицо при лунномъ свѣтѣ казалось прозрачнымъ, мраморнымъ; полураспущенные волосы серебрились; раскрытыя губы трепетали, грудь высоко подымалась, бѣлая сорочка на ней рѣзко отдѣлялась отъ чернаго платья. Порой она прижимала руку къ сердцу, точно хотѣла удержать его біеніе, и все лицо ея судорожно передергивалось. Нѣсколько минутъ она просидѣла въ такомъ положеніи; потомъ сбросила платокъ съ плечъ, сильно тряхнула головой, какъ будто для того, чтобъ опомниться, разсѣять тяжелыя думы; откинула падавшіе на лобъ волосы и вытянула впередъ руки; пальцы ихъ захрустѣли.

Вдругъ она вся вздрогнула, точно испугалась чего-то, прислушалась и склонила въ колѣни голову; когда она подняла ее, лицо было довольно спокойно, только еще блѣднѣе прежняго; губы вытянулись и замерли, что-то мучительное выразилось на нихъ, глаза смотрѣли неподвижно на одну точку, грудь перестала колыхаться; казалось, она устала, изнемогла, или помертвѣла отъ горя и страданія. Около часу просидѣла она; потомъ встала, накинула платокъ на плечи, провела рукою по головѣ и неслышно, медленно удалилась во внутрь дома, задвижка щелкнула вслѣдъ за ней.

Я вскочилъ со скамейки и почувствовалъ сильное, давно небывалое со мной волненіе. Богъ знаетъ, чего не пришло въ эту минуту мнѣ въ голову; долго просидѣлъ я, придумывая, что это за женщина, что за причина ея страданій; мученическое, прекрасное лицо ея не выходило изъ моей памяти, цѣлую ночь она снилась мнѣ; на слѣдующее утро я бросился въ палисадникъ,—тамъ никого не было, окна въ сосѣднемъ домѣ были завѣшаны сторами. Я вышелъ на улицу въ надеждѣ что нибудь развѣдать о таинственной сосѣдкѣ.

Дворникъ сказалъ мнѣ фамилію, назвалъ барыней, объявилъ, что она переѣхала на дачу еще ранней весной, что

при ней живетъ какая-то старуха—и только; больше я ничего не могъ добиться. На дорогѣ кабріолетъ въ одну лошадь, съ англійскою щегольскою упряжью, обогналъ меня, въ немъ сидѣлъ какой-то мужчина въ соломенной шляпѣ, я не успѣлъ замѣтить лица его, онъ круто повернулъ лошадь къ воротамъ и въѣхалъ на дворъ. Дворникъ отстранилъ передъ нимъ метлу свою и почтительно снялъ шапку.

— Кто это? спросилъ я въ недоумѣніи, какъ будто въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ что нибудь совершенно рѣдкое.

— Кто его знаетъ, баринъ надоть,—все къ этой самой ѣздитъ.

— Къ ней?

— Вѣстимо-ть къ ней.

— Часто бываетъ?

— На недѣлѣ два раза ѣздитъ, ишь кипажъ какой! Дворникъ почему-то качнулъ головой и усмѣхнулся, какъ усмѣхается русскій мужикъ, когда о чемъ-то догадывается.

— Вотъ это что, подумалъ я и опустился на скамью противъ воротъ; мнѣ хотѣлось непремѣнно видѣть этого барина. Но почему-жъ—эти страданія, слезы, болѣзненность лица, безнадежность во взглядѣ, глухое отчаяніе? Тутъ не такъ что нибудь... рѣшалъ я самъ съ собою и поминутно посматривалъ то на палисаднакъ, то на завѣшанныя сторами окна.

Любопытство такъ и тянуло меня.

Часа черезъ два, кабріолетъ выѣхалъ.

Въ немъ сидѣлъ мужчина лѣтъ пятидесяти; загорѣлое лицо его было довольно красиво; черные большіе глаза сверкали изъ подъ полей шляпы, усы съ просѣдью спускались до самой шеи. Одѣтъ онъ былъ очень изящно, воротнички его рубашки блестѣли, какъ снѣгъ на солнцѣ, на рукахъ темно-зеленыя перчатки. Увидѣвъ меня, онъ сильно ударилъ хлыстомъ лошадь и что есть духу помчался по усаженной липами дорогѣ.

Не знаю почему, но мнѣ показалось, что онъ долженъ быть большимъ мерзавцемъ; я пожалѣлъ лошадь, рванувшуюся подъ его желѣзнымъ ударомъ.

Цѣлый день Ольга Васильевна не выходила изъ комнаты,

даже двери ея оставались запертыми, сторы не подымались; вечеромъ я долго понапрасну прождалъ ее.

Прошла недѣля; я не видѣлъ ея, въ домѣ ничто не напоминало о ея присутствіи; можно было подумать, что она переѣхала на другую квартиру, или была очень больна.

Мнѣ было очень досадно; я ломалъ себѣ голову, дѣлалъ всевозможныя предположенія и ни на чемъ не могъ остановиться; я даже старался успокоить себя.

— Что мнѣ за дѣло до нея, думалъ я самъ съ собою,—мало ли людей бьется, страдаетъ; что за непрошеное участіе!

Только по прошествіи нѣсколькихъ дней, однажды вечеромъ, я снова увидѣлъ ее, но какъ!.. лучше бы было и не видѣть.

Я сидѣлъ въ палисадникѣ и читалъ какую-то книгу, какъ вдругъ полоса свѣта мелькнула на крыльцѣ сосѣдняго дома. Въ одномъ окнѣ его горѣла свѣчка, стора была поднята; я увидѣлъ слѣдующую сцену.

У самаго окна, придерживаясь руками за столъ, стояла Ольга Васильевна; глаза ея были опущены внизъ, лицо казалось мертвымъ, тѣнь отъ горѣвшей свѣчки набрасывала на немъ темныя пятна, волосы были распущены, платье на груди растегнуто. Мнѣ показалось, что въ эти дни она еще больше похудѣла. Она стояла безъ всякаго движенія, какъ приговоренная къ смерти.

Противъ нея, развалясь на креслѣ, сидѣлъ тотъ самый господинъ, который пріѣзжалъ въ кабріолетѣ; глаза его злобно сверкали, онъ что-то говорилъ, по крайней мѣрѣ усы его шевелились; въ одной рукѣ онъ держалъ хлыстъ и мѣрно колотилъ имъ по столу.

Губы Ольги Васильевны судорожно подергивались при этихъ ударахъ. Прошло нѣсколько минутъ, глаза господина все сверкали сильнѣе и сильнѣе, и вдругъ онъ всталъ съ кресла, сильно ударилъ кулакомъ по столу, схватилъ женщину за руку и грубо оттолкнулъ ее. Она пошатнулась, прижалась къ косяку окна и простерла къ нему свои руки, какъ будто о чемъ-то умоляла его или защитить себя хотѣла. Онъ ударилъ ее хлыстомъ по рукѣ, она вся задрожала, съежилась, грудь ея выдалась впередъ, ротъ раскрылся, гла-

за такъ смотрѣли, какъ будто хотѣли выскочить изъ своихъ орбитъ.

Хлыстъ снова закачался въ воздухѣ.

Больше я ничего не видѣлъ, кровь бросилась въ голову, и я схватился рукою за колъ отъ забора; мнѣ послышался чей-то слабый крикъ, топанье, паданіе, стукъ удаляющагося экипажа; когда я опомнился и взглянулъ въ окно, въ немъ было совершенно темно.

На другой день утромъ сосѣдка моя противъ обыкновенія вышла изъ дому. Я отправился за ней. Черный вуаль закрывалъ лицо ея. мы подошли къ церкви, она остановилась, перекрестилась, подала милостыню двумъ старухамъ и пошла далѣе. Мы вошли въ паркъ, она шла очень скоро, почти бѣжала, какъ будто торопилась куда-то, какъ будто только на срокъ отпустили ее; я нарочно отставалъ и старался быть незамѣченнымъ ею. Она вошла въ самую отдаленную, глухую аллею сада; я остановился въ нерѣшимости и только черезъ нѣсколько минутъ подъ видомъ гуляющаго, склонивъ задумчиво голову, побрелъ далѣе.

Она сидѣла на скамейкѣ и что-то чертила зонтикомъ на пескѣ, только звукъ шаговъ моихъ заставилъ ее встрепенуться. Я поравнялся съ нею и прошелъ мимо; мысли мои путались, мнѣ было какъ-то неловко, совѣстно; мнѣ показалось, что я не имѣю никакого права говорить съ нею, что она можетъ перепугаться, обидѣться, принять за дерзость; я уже хотѣлъ уйти изъ сада, но вчерашняя сцена вдругъ ворвалась въ мое воображеніе,—я вернулся.

— Извините меня, говорилъ я очень робко, вдругъ остановившись передъ нею; голосъ мой дрожалъ и прерывался:—извините меня, если я осмѣлился заговорить съ вами, это не дерзость, не простое любопытство... ваша грусть...

Она откинула вуаль со шляпки и строго, вопросительно посмотрѣла на меня.

Я совершенно смѣшался.

— Простите меня, бормоталъ я:—я не имѣю права, я здѣсь живу... вчера...

Она еще строже, еще пристальнѣе взглянула на меня, руки ея слегка дрожали.

— Что вчера?.. я васъ не знаю, произнесла она очень тихо и казалось сама испугалась чего-то.

Я молчалъ.

Она съ ногъ до головы оглядывала меня, только взглядъ ея сдѣлался снисходительнѣе. Она замѣтила мое смущеніе.

— Вчера!.. этотъ вечеръ... я никогда не забуду его! повторилъ я.

Она закрыла лицо руками.

— Кто вы?.. что вамъ нужно отъ меня? говорила она со страхомъ.

Я ободрился.

— Я вашъ сосѣдъ и знаю, что васъ зовутъ Ольгой Васильевной; быть можетъ, поступокъ мой вамъ кажется страннымъ, нелѣпымъ, — все равно... я обязанъ подать свой голосъ, я видѣлъ ваши слезы, ваше отчаяніе, и сколько могу догадываться, исторія вашей жизни не совсѣмъ обыкновенная исторія нашей женщины....

Она отняла отъ лица руки, глаза ея были полны слезъ.

— Но какъ же вы узнали обо мнѣ?

Я въ короткихъ словахъ объяснилъ ей.

— Да... отъ людей не скроешься, помолчавъ, замѣтила она и потомъ продолжала: — я вамъ ничего не скажу, не потому чтобъ считала неприличнымъ говорить съ постороннимъ человѣкомъ, нѣтъ... какъ горемъ, такъ и счастіемъ со всякимъ подѣлиться хочется, только мое горе не изъ такихъ, которымъ дѣлятся... вы видѣли только частицу его и жаль, что видѣли... по крайней мѣрѣ, я бы васъ попросила молчать о немъ; быть можетъ, когда нибудь вы узнаете больше; я скоро уѣду отсюда, и вы вѣроятно никогда не встрѣтите меня...

Я стоялъ передъ ней, какъ виноватый, повѣся голову.

Она насильно улыбнулась.

— Я не думала кого нибудь встрѣтить здѣсь; не присматривайте за мной... скажите мнѣ ваше имя.

Я сказалъ.

— Ольга Васильевна, простите меня! пробормоталъ я.

— Въ чемъ? благодарю васъ! Она кивнула головой, какъ бы дѣлая знакъ, чтобъ я удалился, и протянула мнѣ свою руку.

Я слегка дотронулся до нея и побрелъ восвояси.

Лице мое горѣло, сердце сильно билось, я не смѣлъ обернуться.

— Глупо, ужасно глупо! думалъ я самъ съ собою:—заговорить съ посторонней женщиной, навязываться на участіе къ ея положенію, о которомъ узнаю случайно.—Мнѣ было и смѣшно, и досадно на самого себя. Нѣсколько дней я не выходилъ въ палисадникъ, я какъ будто боялся встрѣтиться съ ней, мнѣ казалось, что я чѣмъ-то оскорбилъ ее, нарушилъ тайну ея страданій.

Господинъ въ кабріолетѣ продолжалъ ѣздить по прежнему, я его избѣгалъ всячески.

Разъ какъ - то поздно вечеромъ, возвращаясь домой, я невольно взглянулъ на ея окно; мнѣ показалось, что на крыльцѣ сидѣла знакомая, черная фигура; я опустилъ голову и ускорилъ шаги.

— Дмитрій Петровичъ! раздался позади меня тихій, мягкій голосъ.

Я остановился и устремилъ глаза въ глубь палисадника,—фигуры на крыльцѣ уже не было. Возлѣ меня шелеснуло платье.

Я вздрогнулъ, только не отъ страха... какое - то пріятное ощущеніе пробѣжало по всему моему тѣлу.

— Дмитрій Петровичъ, простите меня, я въ свою очередь рѣшаюсь заговорить съ вами, сказала Ольга Васильевна, прислонившись къ заборику и положивъ на него бѣлыя, сухія руки.

Въ одной изъ нихъ былъ свертокъ бумаги.

Я не нашелся ничего отвѣтить и только любовался ея свѣтлой улыбкой, пересилившей на этотъ разъ обычное страданіе.

— Вы хотѣли чѣмъ-то помочь мнѣ, продолжала она тѣмъ же мягкимъ, симпатичнымъ голосомъ:—мои страданія тронули васъ... мнѣ словъ не нужно, я все вижу... я завтра уѣзжаю отсюда, куда—вы не узнаете, не ваше дѣло... только на прощаньи мнѣ хотѣлось оправдаться передъ вами... прочтите это... хотите—сожгите потомъ, хотите—на память оставьте.

Она протянула мнѣ свертокъ бумаги.

Я принялъ его.

— Благодарю васъ за довѣріе! бормоталъ я.

— Не за что, я рада, что хоть разъ въ жизни могу съ кѣмъ нибудь подѣлиться... прощайте... мы больше не увидимся.

Она протянула мнѣ свою руку, я дотронулся до нея и продолжалъ смотрѣть въ лицо ей.

Слезы блеснули на ея рѣсницахъ.

— Прощайте, пора! повторила она и въ свою очередь взглянула на меня. Я понялъ этотъ взглядъ и припалъ къ рукѣ ея. Она была совершенно холодна.

Черезъ минуту черная фигура уже подымалась на крыльцо, она обернулась, кивнула головой и исчезла за дверью.

Я побѣжалъ домой, зажегъ свѣчку, не раздѣваясь бросился на постель и прочелъ слѣдующее.

III.

«Помню я свѣтлую, чистую комнату, цвѣты на окнахъ, кровать съ кисейною занавѣскою, образа въ углу, помню, какъ мать заставляла меня молиться предъ ними, какъ заботливо охорашивала меня, расчесывала мои волосы, какъ крѣпко прижимала къ своей груди... Время это теперь отраднымъ сномъ кажется; хорошо, беззаботно жилось тогда. Дѣтство человѣка есть чистая страница его жизни: кто узнаетъ, что судьба въ послѣдствіи напишетъ на ней.

Мнѣ было тогда лѣтъ восемь, мать моя была очень хороша собой, всѣ называли ее красавицей, а я гордилась ею; мнѣ казалось, что лучше ея никого и на свѣтѣ нѣтъ. Отца я не помню, онъ умеръ гораздо раньше этого времени. Часто съ слезами на глазахъ мать мнѣ говорила о немъ, о своей прежней жизни; а я, притаивъ дыханіе, припавъ къ рукамъ ея,

жадно слушала эти разсказы, сердце переставало тогда биться во мнѣ. Слова ея на всю жизнь врѣзались въ мою память, я и теперь какъ будто слышу ихъ:—«Добрый онъ былъ человѣкъ, Оля, говорила она, еслибъ не злая судьба, жилъ бы онъ до сихъ поръ судьба сгубила его».—Когда я спрашивала, что за судьба, она не отвѣчала мнѣ, изъ глазъ ея текли слезы, она прижимала меня къ груди своей и долго, крѣпко цаловала, какъ будто поцалуями хотѣла слова замѣнить, какъ будто въ чемъ-то каялась предо мной. Въ эти минуты я тоже плакала, мнѣ было жаль отца, а еще больше жаль матери. Я представляла себѣ, какъ бы онъ ласкалъ меня. Жили мы тихо, скромно, въ двухъ небольшихъ комнатахъ; ни родныхъ, ни знакомыхъ у насъ почти никого не было; ходила какая-то старушка съ внучкой, мнѣ ровесницей, да господинъ ѣздилъ. Съ тѣхъ поръ онъ нисколько не измѣнился, только постарѣлъ немного, у него и тогда тѣ же длинные усы были, тотъ же взглядъ!... Не знаю почему, я всегда дичилась, боялась его; когда онъ ласкалъ меня, грудь моя сжималась, по тѣлу мурашки бѣгали, я не смѣла взглянуть въ лицо ему; когда онъ хотѣлъ поцаловать меня, я вырывалась отъ него и забивалась куда нибудь въ уголъ; я плакала, когда онъ смѣялся надо мной, называлъ себя женихомъ моимъ. Мой дѣтскій умъ угадывалъ, что въ этомъ человѣкѣ есть что-то недоброе, что онъ-то именно и есть та злая судьба, о которой шептала мать моя.

Разъ онъ пріѣхалъ къ намъ очень сердитый; собачка моя стала ласкаться къ нему, онъ такъ ударилъ ее ногой, что бѣдное животное чуть не околѣло отъ этого удара. Съ тѣхъ поръ я возненавидѣла его. Онъ ѣздилъ къ намъ довольно часто и всегда толковалъ о какихъ-то деньгахъ; черные глаза его въ это время сверкали, а я досадовала, слушая эти толки. Мать моя тоже не совсѣмъ-то жаловала его, по крайней мѣрѣ тогда мнѣ казалось такъ,—когда она ждала его, лицо ея было блѣднѣе обыкновеннаго, руки судорожно подергивались, она безпрестанно подходила къ окну и вздрагивала, когда знакомыя ей сѣрыя лошади останавливались у нашего дома. Онъ уѣзжалъ, она успокоивалась и всегда какъ-то особенно горячо ласкала меня.

Разъ я спросила ее, зачѣмъ этотъ баринъ ѣздитъ къ намъ.

Она вся задрожала, мнѣ показалось, что даже руки ея похолодѣли.

— Этимъ человѣкомъ Богъ наказалъ насъ, отвѣтила она, минуту спустя:—не спрашивай меня о немъ, когда нибудь ты все узнаешь, только прости меня... Я ни въ чемъ не виновата!

Она заплакала.

Я бросилась ее успокоивать.

Съ этой минуты я еще больше стала бояться нашего гостя, я поняла, что и мать терпитъ отъ него; случалось, что онъ снился мнѣ во снѣ, тогда я просыпалась, плотнѣе завертывалась въ одѣяло, прятала въ подушки голову или, со страхомъ открывъ глаза, оглядывала окружающіе меня предметы.

Только съ матерью я больше не говорила о немъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Мы жили довольно благополучно, по крайней мѣрѣ ничто не нарушало нашего спокойствія; дни наши проходили, какъ часы заведенные; мать не отходила отъ меня, господинъ продолжалъ ѣздить по прежнему.

Однажды утромъ, когда я проснулась, мать моя противъ обыкновенія еще лежала на кровати, лицо ея было совершенно красное, глаза горѣли, губы запеклись, она страшно заболѣла. Наканунѣ она ѣздила куда-то очень далеко, возвратилась очень разстроенная,—мнѣ казалось, что господинъ чѣмъ-то огорчилъ ее,—пожаловалась на знобъ, а къ утру у ней развилась горячка. Когда я подошла къ ней, она съ трудомъ могла отвѣтить мнѣ. Я испугалась, послала за докторомъ, а нѣсколько дней спустя она уже умирала. Страшенъ былъ этотъ день, нельзя забыть его; тогда мнѣ казалось, что я не переживу его, да и лучше бы было не пережить!.. Она лежала безъ всякаго движенія, вытянувшись на спинѣ подъ одной простыней; волосы ея разсыпались по подушкѣ; исхудалыя руки искали чего-то, впалые глаза закатились и казались темными пятнами, раскрытыя губы совершенно посинѣли, грудь медленно подымалась. Въ изголовьяхъ ея стоялъ извѣстный господинъ, лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго, глаза смотрѣли сердито. Я вцѣпилась въ ноги матери и чувствовала, какъ холодѣли онѣ. Вдругъ она остановила свой взоръ на мнѣ, губы ея зашевелились,

она хотѣла что-то сказать, но вмѣсто словъ одинъ предсмертный, хриплый вздохъ вырвался изъ груди ея. Я зарыдала, господинъ зажалъ мой ротъ. Мать отходила. Минуту спустя, онъ положилъ свою руку на ея голову. Я стояла, какъ окаменѣлая, и крѣпко держалась за сюртукъ его; ужасъ оледенилъ меня. Въ комнатѣ воцарилось какое-то гробовое молчаніе.

— Умерла! произнесъ господинъ совершенно покойно.

Я взглянула и припала къ кровати. Онъ махнулъ рукой и отошелъ въ сторону.

Бываютъ минуты, когда человѣкъ и съ своимъ злодѣемъ радъ горемъ подѣлиться, когда тягость несчастія заглушаетъ всѣ чувства,—такая минута была и со мной.

Когда въ смерти матери нельзя было сомнѣваться, я вдругъ, сама не зная для чего, бросилась на колѣни передъ господиномъ и рыдала въ ногахъ его, даже цаловала ихъ; онъ тогда поднялъ меня, сказалъ что-то, посадилъ на кресло и долго держалъ мою руку. Казалось, и онъ былъ взволнованъ. Когда на третьи сутки гробъ матери опустили въ могилу, я упала безъ чувствъ; не знаю, что было со мной,—я очнулась только въ каретѣ, стукъ колесъ разбудилъ меня; возлѣ сидѣлъ извѣстный господинъ; когда я открыла глаза, мнѣ показалось, что онъ пристально смотрѣлъ на меня.

О себѣ я до сихъ поръ ничего не думала, горесть оглушила меня, только въ эту минуту мнѣ пришло на мысль, что будетъ со мной, куда везутъ меня .. Я поняла, что жить одна не могу; я знала, что нѣтъ у меня никого близкаго, я волей-неволей должна была покориться своей участи, быть обязанной тому, кого почти съ колыбели считала врагомъ своимъ.

Господинъ, казалось, понялъ меня.

— Ты, Оля, сирота теперь, говорилъ онъ какимъ-то мѣрнымъ, страннымъ голосомъ, по крайней мѣрѣ мнѣ казалось, что голосъ этотъ изъ подъ земли выходилъ:—ты знаешь, что у тебя никого и ничего нѣтъ; тебѣ дѣться некуда, оставаться такъ нельзя, твоя мать и твой отецъ были мнѣ всѣмъ обязаны: я не разъ спасалъ ихъ,—я спасу и тебя, ты будешь жить у одной старушки, моей родственницы, твое дѣло во всемъ слушаться ее; а я буду навѣщать тебя. Онъ снова пристально посмотрѣлъ на меня. Я ничего не отвѣчала и только закры-

ла лицо руками и горько заплакала,—да и что было отвѣчать? Круглая сирота, двѣнадцатилѣтняя дѣвушка—могла ли я располагать собой?

— Матушка, матушка! повторяла я, всхлипивая.

Мы ѣхали очень долго и остановились у какого-то деревяннаго дома. Господинъ взялъ меня за руку и почти вытащилъ изъ кареты. На крыльцѣ насъ встрѣтила сѣдая, сморщенная старуха; увидѣвъ меня, она какъ-то странно улыбнулась и провела своей жесткой рукой по головѣ моей. Господинъ заговорилъ съ ней по нѣмецки, я не знала этого языка и потому ничего понять не могла; старуха долго кивала головой, кланялась и на прощаньи поцаловала руку господина.

Я начала свою новую, сиротскую жизнь.

Въ первое время я даже ничего не говорила съ моей покровительницей и только по цѣлымъ днямъ плакала; ея сморщенное, старое лицо казалось мнѣ такимъ противнымъ въ сравненіи съ добрымъ, прекраснымъ лицомъ моей матери. Только впослѣдствіи, мало по малу, я нѣсколько привыкла къ ней,—вѣдь человѣкъ даже и къ кнуту привыкаетъ. Мы жили въ одной комнатѣ, кровати наши стояли рядомъ, она почти не отходила отъ меня, глаза ея зорко слѣдили за мною. Она во всемъ хотѣла унизить меня, безпрестанно напоминала, что у меня нѣтъ ничего, что я сирота, нищая, что я существую благодѣяніемъ. Ея присмотръ становился для меня тягостнымъ, почти невыносимымъ; я не смѣла подойти къ окну, не смѣла выйти на улицу, читать, работать безъ ея позволенія; разъ я въ чемъ-то не послушалась ее, она застучала своей костлявой рукой по столу, а на другой день пожаловалась господину. Тотъ выслушалъ ее, посовѣтовалъ мнѣ быть осторожнѣе, сказалъ, что я должна готовиться къ чему-то очень важному, что счастіе всей моей жизни зависитъ отъ моего послушанія, что нужно быть благодарной и помнить своихъ благодѣтелей.

— Боже мой! думала я сама съ собою, къ чему готовятъ меня, что будетъ со мной, почему я должна повиноваться тому, кому повиноваться нѣтъ силы, нѣтъ воли,—почему судь-

ба моя сложилась такъ уродливо?.. что за люди окружаютъ меня, чего они хотятъ отъ меня!

Мнѣ становилось слишкомъ тяжело; старуха безпрестанно дулась на меня, я жила, какъ въ монастырѣ, по цѣлымъ днямъ мнѣ не съ кѣмъ было слова сказать, не съ кѣмъ раздѣлить своихъ мыслей,—а онѣ давили меня, отъ нихъ у меня голова болѣла, сердце ныло; чего только въ это скверное время не передумала я, какъ не слагала мое будущее—и все таки ошиблась. Иногда я намѣревалась бѣжать куда нибудь; мнѣ казалось, что я могу найти другое пристанище, что люди сжалятся надо мною, что я разскажу имъ про свою долю злую, иногда напротивъ какое-то тупое отчаяніе овладѣвало мною, мнѣ чудилось, что я уже принадлежу кому-то, что вся жизнь моя давно порѣшена и законтрактована; я припоминала слова матери, и Богъ знаетъ почему, выводила какую-то связь между ея и своимъ положеніемъ. Мнѣ казалось, что и я также должна ожидать этого господина, также блѣднѣть при его взглядахъ, также вздрагивать при его появленіи. И странное дѣло, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше боялась я его; чѣмъ онъ былъ ласковѣе со мной, тѣмъ больше я избѣгала этихъ ласкъ, но за то тѣмъ больше и убѣждалась, что мнѣ не вырваться отъ него, что я раба его, что онъ въ правѣ все сдѣлать со мной. Разъ онъ поцаловалъ меня въ голову, и я похолодѣла отъ этого поцалуя, а потомъ цѣлую ночь проплакала. Только въ молитвѣ я находила отраду и, Боже мой! какъ горячо, жарко молилась я тогда; мнѣ казалось, что эта молитва отъ чего-то защищала меня; иногда ночью я вставала съ постели и украдкой отъ старухи становилась на колѣни передъ образомъ.

Мнѣ минуло осьмнадцать лѣтъ. Господинъ все продолжалъ ѣздить, въ послѣднее время, визиты его сдѣлались чаще, онъ самъ выглядѣлъ ласковѣе, предупредительнѣе, привозилъ мнѣ кое-какія бездѣлушки, я не смѣла отказатся и по неволѣ брала ихъ, я знала что все что окружаетъ меня, все принадлежитъ ему, что каждый кусокъ хлѣба купленъ на его деньги, самолюбіе кололо меня, какой-то неопредѣленный страхъ недавалъ мнѣ покою, а между тѣмъ что я могла сдѣлать? Отказаться, непринять, нехватило смѣ-

лости, вѣдь онъ же выкормилъ, выростилъ меня; скрыться бѣжать, куда?.. онъ вездѣ бы отыскалъ меня!.. и Боже мой, какъ мнѣ опротивѣло все, въ каждомъ кускѣ, въ каждой тряпкѣ, я видѣла что-то такое что опутывало, уничтожало меня. Я хотѣла работать, чтобъ добыть собственную копейку, да старуха запретила мнѣ. Я не выдержала и рѣшилась объясниться съ своимъ благодѣтелемъ, слова замирали на языкѣ, предчувствіе нашептывало что-то ужасное.

Однажды старухи не было дома, онъ вдругъ явился совершенно неожиданно. Не знаю почему я похолодѣла, я чувствовала, что лицо мое поблѣднѣло, что кровь въ жилахъ остановилась. Онъ крѣпко стиснулъ мою руку и пристально посмотрѣлъ на меня.

— Ты нездорова Ольга, ты очень блѣдна, или меня испугалась.. ты все еще боишься меня? спросилъ онъ и какъ то насильно улыбнулся, и глаза его сверкнули.

Онъ всегда говорилъ мнѣ ты, даже иногда шутя называлъ меня дочкой своей.

Я молчала.

Онъ сѣлъ въ кресло, положилъ ногу на ногу и приказалъ мнѣ сѣсть возлѣ.—Я повиновалась.

Нѣсколько минутъ онъ ничего не говорилъ, все крутилъ большіе усы свои, потомъ вдругъ поднялъ голову и снова стиснулъ мою руку.

— Ольга! началъ онъ какимъ-то глухимъ, сдержаннымъ голосомъ, ты больше не ребенокъ, я долженъ говорить съ тобой, ты узнаешь многое... жизнь твоя должна измѣниться; я бы не хотѣлъ ни къ чему принуждать тебя, ты сама должна опредѣлить свою участь, добрая воля лучше неволи. Выслушай меня.—Онъ на минуту остановился.

Я вся дрожала.

— Отецъ твой, продолжалъ онъ, когда-то служилъ подъ моимъ начальствомъ, я зналъ его за честнаго человѣка, я покровительствовалъ ему, я благословилъ его на свадьбу съ твоей матерью, я даже далъ ему денегъ на нее. Я былъ слишкомъ богатъ и просто хотѣлъ обязать его... странная судьба связала меня съ вашимъ семействомъ... черезъ два года послѣ свадьбы, съ твоимъ отцемъ случилось большое

несчастіе, у него пропала значительная сумма казенныхъ денегъ, всѣ данныя были противъ него, однимъ взмахомъ пера я могъ погубить его, ему оставались три средства: или заплатить, или пустить себѣ пулю въ лобъ, или сгнить на каторгѣ. Я заплатилъ за него, отца твоего отставили отъ мѣста, ему не чѣмъ было существовать, я сталъ содержать и его, и мать твою, я разорялся, я ничего не жалѣлъ для васъ; въ это самое время ты родилась, въ минуту рожденія я спасъ тебя отъ смерти; твой отецъ зачахъ, я созвалъ лучшихъ докторовъ лечить его, онъ умеръ я похоронилъ его. Втеченіе пятнадцати лѣтъ ты и твое семѣйство существовали мною; умерла твоя мать, я тебя призрѣлъ, безъ меня ты бы погибла! Онъ на минуту остановился, сложилъ на грудь руки и не спускалъ глазъ съ меня.

— Ты должна понять, что такія вещи не дѣлаются даромъ, продолжалъ онъ:—благодарности тутъ мало; мнѣ пожалуй и ненужна она, долгъ платежемъ красенъ... Смотри, сколько вы задолжали мнѣ! Читай, что твоя мать когда-то писала мнѣ... Я знаю, что ты ненавидишь меня... ты горда, я тоже гордъ.— Я своимъ благодѣяніемъ задавилъ тебя, волю у тебя отнялъ!.. Пора разчитаться со мной!

Онъ какъ-то дико захохоталъ, вытащилъ изъ кармана какія-то бумаги, швырнулъ ихъ на столъ, потомъ схватилъ меня за руку, рванулъ съ дивана и поставилъ передъ собой. Я взглянула въ лицо ему, оно было страшно, глаза сверкали; я не вынесла этого взгляда и, какъ мертвая, растянулась въ ногахъ его...

Боже мой, что это за странный человѣкъ! Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ я совершенно отдалась ему, сдѣлалась полной рабой его: ему все мало, онъ говоритъ, что любитъ меня, а между тѣмъ, сказать страшно, чего только не терплю я!.. Нѣтъ у меня ничего собственнаго, ни души, ни тѣла, мнѣ за все достается, старуха каждый разъ доноситъ на меня, ей до сихъ поръ поручено смотрѣть за мной. Я совершенно чиста передъ нимъ, а онъ меня вѣчно въ чемъ-то подозрѣваетъ, ему все кажется, что я въ долгу у него; какая-то не-

понятная сила приковываетъ меня къ этому человѣку, — я совершенно закабалена ему. Что за жестокая натура, что за извращенное чувство! Разъ онъ искололь мнѣ всю руку булавками, а черезъ минуту цѣловалъ мои ноги и клялся въ вѣчной любви. Нѣтъ мнѣ исхода, нѣтъ спасенія, только одна мысль утѣшала меня: мнѣ кажется, я умру скоро! Когда вы прочтете эти строчки, меня уже не будетъ здѣсь, я рада, что могла подѣлиться съ вами моимъ страданіемъ. Я никогда ни съ кѣмъ не дѣлилась имъ. Не трудитесь узнавать, гдѣ я, вы ничего и никогда не узнаете!

Я кончилъ читать и продолжалъ смотрѣть на исписанный листъ бумаги; всѣ чувства, казалось, замерли во мнѣ, я былъ совершенно ошеломленъ, озадаченъ. Стукъ колесъ на улицѣ разбудилъ меня. Я бросился къ окну: карета, освѣщенная двумя фонарями, промчалась мимо палисадника. На другой день сосѣдняя дача оказалась пустою.

V.

Однажды ранней весной, когда еще деревья не распускались, а петербургскіе жители не успѣли разъѣхаться на дачи, въ ворота лѣтняго сада въѣхалъ щегольской кабріолетъ, запряженный сѣрою лошадью. Въ кабріолетѣ сидѣлъ мужчина лѣтъ за пятьдесятъ; загорѣлое лицо его было довольно красиво, почти сѣдые усы спускались до самой шеи. Породистый конь выступалъ какъ-то горделиво, закрутивъ голову и растопыривъ ноздри; куски земли летѣли изъ-подъ копытъ его; казалось, ему хотѣлось рвануться, разгуляться на волѣ, поиграть, попрыгать, да только дюжая рука сѣдока удерживала его. Господинъ, повидимому, былъ чѣмъ-то взволнованъ, по крайней мѣрѣ черные, большіе глаза его сердито оглядывали всѣхъ

прохожихъ. Онъ проѣхалъ по большой аллеѣ и сильно дернулъ возжами, какъ будто этимъ хотѣлъ выразить свою злобу; конь заупрямился и отскочилъ всторону; глаза господина сверкнули, онъ щелкнулъ хлыстомъ по спинѣ коня, конь взвился на дыбы; онъ ударилъ второй разъ такъ сильно, какъ будто бы хотѣлъ раздавить его: животное рванулось подъ этимъ ударомъ; казалось всѣ жилы затрепетали въ немъ, оно круто повернуло въ аллею, неудержимымъ вихремъ помчалось по ней,—кабріолетъ лежалъ на землѣ, одно колесо его разбилось въ дребезги, ноги господина запутались въ возжахъ, голова то бороздила песокъ, то ударялась о тумбы. Тщетно прохожіе пытались остановить разгоряченнаго коня; отъ ихъ криковъ да взмаховъ онъ только или бросался въ стороны, ломалъ, билъ все попадавшееся, или мчался все сильнѣе и сильнѣе, только чугунныя ворота сада остановили его. Обезображенный трупъ господина положили на ближайшую скамейку; конь какъ-то гордо смотрѣлъ на него, ноздри его такъ и раздувались, брызги пѣны летѣли изъ нихъ.

VI.

Въ прошломъ году, отправившись въ одну изъ провинцій я посѣтилъ одинъ изъ нашихъ женскихъ монастырей: пригласилъ меня туда одинъ изъ моихъ знакомыхъ—послушать монастырское пѣніе. Мы пошли. Почему жь и не пойти въ самомъ дѣлѣ, хоть бы за тѣмъ, чтобъ посмотрѣть на этихъ за-живо похороненныхъ людей за монастырской оградой? Мы вошли въ ворота съ вставленной надъ ними темной иконой, миновали дворъ, поросшій травой да крапивой, и по деревянной лѣстницѣ поднялись въ церковь; на ступеняхъ ея стояло нѣсколько старыхъ монахинь съ книжками въ ру-

кахъ, собиравшихъ подаяніе. Въ церкви шла обѣдня. На клиросѣ помѣщался хоръ, прочія монахини стояли вразсыпную по разнымъ угламъ, наклонивъ головы и перебирая четки. Лица всѣхъ были большею частію желтыя, покрытыя морщинами и старческія; только изъ числа пѣвицъ я замѣтилъ нѣсколько молоденькихъ. Народу въ церкви почти никого не было, на насъ никто не обратилъ вниманія, никто даже головы не повернулъ при нашемъ входѣ. Я заглядѣлся на свѣжее личико дисканта почти ребенка и думалъ: зачѣмъ она здѣсь? Цѣлая жизнь у ней впереди, а здѣсь, между могилой и жизнью, нѣтъ.

Отъ хора отдѣлилась монахиня высокаго роста съ книжкой въ рукѣ, она остановилась противъ царскихъ дверей и три раза перекрестилась; ряса какъ-то особенно хорошо сидѣла на ея статной фигурѣ; бѣлыя, какъ снѣгъ, руки рѣзко отдѣлялись отъ черныхъ рукавовъ; движенія были плавны, медленны. Она повернулась, почтительно поклонилась стоявшей впереди монахинѣ и пошла собирать подаяніе. Сначала я не могъ разглядѣть лица ея, я замѣтилъ только необыкновенную бѣлизну его, оно было почти закрыто чернымъ, спускавшимся съ головы покрываломъ; она обошла церковь, повернула и пошла прямо ко мнѣ; я остановился, какъ вкопаный, и, вытаращивъ глаза, съ ужасомъ смотрѣлъ на нее. Я не вѣрилъ самъ себѣ: передо мной стояла бывшая сосѣдка на дачѣ. Лицо ея все еще было прекрасно, только прежнее страдальческое выраженіе его замѣнилось тихою, безотвѣтною грустью.

— Ольга! чуть было не вскрикнулъ я, да вдругъ вспомнилъ, что она даже и не Ольга теперь, и только дрожащею рукой вынулъ изъ кармана какую-то серебряную монету и положилъ ей на книжку.

Не знаю, видѣла ли она меня; глаза ея были опущены внизъ, а на правой рѣсницѣ по прежнему дрожала слеза.

Аминь! пропѣли пѣвчіе. Аминь! подумалъ я и вышелъ изъ церкви.

А. Витковскій.

ГРАЖДАНСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ ИРКУТСКАГО КРАЯ.

I.

Статистичкскіе источники.

Столичные журналы и газеты имѣли на «Губернскія Вѣдомости» скорѣе вредное, чѣмъ полезное вліяніе. Какая бѣда, что у «Губернскихъ Вѣдомостей» и шрифтъ слѣпой, и бумага сѣрая, или что помѣщались въ нихъ исключительно объявленія, извѣщенія, публикаціи, вызовы, благодарности начальника и тому подобное?

Въ томъ видѣ, какъ издавались «Губернскія Вѣдомости» прежде, онѣ имѣли одно важное достоинство — свою физіономію. А за физіономію укорять никого нельзя, потому что физіономія зависитъ не отъ человѣка. Если у человѣка косые глаза, или скверная улыбка, это значитъ только, что въ его нервахъ есть особенности, непозволяющія глазамъ смотрѣть прямо, а лицу имѣть пріятное выраженіе. Если у человѣка рыжіе волосы, значитъ уже у него такіе соки, что производятъ непремѣнно рыжіе волосы. Насмѣшки надъ рыжимъ могутъ заставить его краситься, но отъ этого у него еще не станутъ расти волосы чернаго цвѣта.

Благоразумный человѣкъ не станетъ смѣяться надъ мѣщаниномъ, зачѣмъ онъ мѣщанинъ, и потому же нельзя обвинять «Губернскія Вѣдомости», зачѣмъ онѣ не «Сѣверная Пчела».

Между тѣмъ, насмѣшки взяли свое и пробудили въ губернской прессѣ чувство щегольства. Въ этомъ-то и заключается зло, потому что хо

тя наружность и можно измѣнить нѣсколько инымъ покроемъ платья, но у кого, вмѣсто нервовъ, была желѣзная проволока—такъ проволокой и останется.

Теперь «Губернскія Вѣдомости» стали кидаться въ литературность; отъ этого въ нихъ относительно убавилось дѣла и прибавилось лишнихъ словъ.

Было бы полезнѣе, если бы «Губернскія Вѣдомости» служили исключительно самой подробной мѣстной хроникой. Пусть публикуютъ онѣ все, что случается въ губерніи—грабежи, убійства, кражи, банкротства; пусть даютъ статическія свѣдѣнія объ экономическомъ бытѣ сельскихъ и городскихъ сословій, о людяхъ бѣдныхъ и богатыхъ, о томъ какъ живутъ чиновники, о томъ какъ наживаются купцы, о томъ какъ существуютъ крестьяне и мѣщане. Каждая мѣстность въ Россіи такъ богата всевозможными данными, относящимися до быта нашихъ разнообразныхъ сословій, и между тѣмъ подобныя вещи такъ мало извѣстны, что наша журналистика по необходимости разсуждаетъ въ общихъ фразахъ о томъ, на что есть намѣстахъ богатые и весьма характерные факты. Разумѣется, собирать подобныя свѣденія нелегко, но чтоже дѣлать: ихъ собирать всетаки нужно, потому что ими опредѣляются чрезвычайно важныя данныя.

У насъ можетъ быть все очень хорошо, мы можемъ быть умны и понимать отлично свои нужды, мы можемъ умѣть разрѣшать всѣ свои недоразумѣнія и вопросы, но при всей пріятности подобнаго убѣжденія оно требуетъ доказательствъ, подтвержденія. Безъ доказательствъ нельзя говорить ни о чемъ, а «Губернскія Вѣдомости», отражая своей хроникой всю внутреннюю жизнь провинцій, служили бы именно складомъ тѣхъ фактовъ, въ которыхъ мы такъ нуждаемся для разрѣшенія нашихъ вопросовъ, и въ тѣхъ доказательствахъ, отсутствіе которыхъ придаетъ характеръ голословности всему тому, что пишетъ большая часть нашихъ газетъ.

Отчего «Губернскія Вѣдомости» плохи—оттого-ли что редактируютъ ихъ столоначальники, оттого-ли, что нѣтъ средствъ, оттого-ли, что не все считаютъ возможнымъ и необходимымъ доводить до общаго свѣдѣнія,—во всякомъ случаѣ сущность факта остается та же, то есть, что «Губернскія Вѣдомости» плохи и что въ губерніяхъ нѣтъ лѣтописи, куда бы заносились всѣ провинціальныя событія и происшествія.

А подобныя лѣтописи имѣли бы большую практическую пользу и для правящихъ и для управляемыхъ. Вотъ примѣръ. Съ закрытіемъ откупа народъ, говорятъ, сталъ больше пить. Но такъ ли это? Точно ли выпито имъ большее количество вина, или это большее пьянство только

кажущееся, т. е. что крестьянинъ, не зная крѣпости новой водки, не установился на мѣрѣ? Не бочка же въ самомъ дѣлѣ крестьянскій желудокъ; да и для той есть мѣра. Разслѣдованіе такого вопроса было бы особенно важно для убѣжденія тѣхъ робкихъ людей, которые изъ боязни, что Россія сопьется, готовы обратиться къ откупу и которымъ бы хотѣлось, чтобы русскій человѣкъ совсѣмъ не пилъ вина. Разумѣется, пьянство вещь нехорошая и можетъ быть нигдѣ въ мірѣ народъ не напивается до такого безобразія, какъ у насъ: но что же изъ этого? Оттого мужикъ и пьетъ, что ему нельзя иначе; измѣнятся условія его экономической и общественной жизни, онъ и пить станетъ меньше. Но не въ томъ еще бѣда, что онъ пьетъ, а въ томъ, что опивается. Отчего происходить это явленіе? Оттого ли, что мужикъ пьетъ много, или оттого, что онъ пьетъ отраву? Говорятъ же крестьяне, что водка очищенная въ заведеніи, положимъ, А., хороша и вкусна, а изъ заведенія Б. сжимаетъ зубы. Отчего бы это? — Одинъ, говорятъ, гонитъ черезъ уголь, другой—чрезъ известку. Такъ ли это или нѣтъ, вопросъ другой, но если явился подобный толкъ въ народѣ, отчего бы ему не явиться и въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ»? Открыли же кукельванъ въ петербургскомъ пивѣ, отчего не быть одурѣвающей примѣси и въ иркутской водкѣ? Наконецъ, отчего нигдѣ въ мірѣ нѣтъ запоя? Кто разслѣдовалъ, насколько вредна водка, неочищенная отъ сивушнаго масла, которое извѣстно, какъ ядъ? Кто знаетъ, насколько вредна водка оттого, что она бывала слишкомъ разведена водой?

Но «Губернскія Вѣдомости» могли бы оказать большую услугу и губернскимъ ститистическимъ комитетамъ и всѣмъ людямъ, интересующимся русскими статистическими вопросами. Члены комитетовъ могутъ знать отлично свое дѣло и заниматься имъ съ усердіемъ; но не всѣ же они Кольбы. А помѣщая всѣ свои свѣдѣнія, по мѣрѣ ихъ поступленія, въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», они подвергали бы ихъ общему обсужденію, давали бы возможность заниматься статистическими выводами другимъ лицамъ; наконецъ, могли бы вызвать замѣчанія и указанія, можетъ быть, не всегда безполезныя.

Теперь же, когда факты губернской жизни передаются, какъ преданія, устнымъ путемъ, они страдаютъ прежде всего въ своей достовѣрности, а потомъ пораждаютъ ошибочныя понятія и взгляды на мѣстные вопросы, безполезные и бездоказательные споры людей; желающихъ же изучать мѣстные вопросы лишаютъ этой возможности. Въ проѣздъ по большой дорогѣ соберешь свѣдѣній немного и узнаешь мало; ходьба по ули-

цамъ незнакомаго города знакомитъ тоже недостаточно съ бытомъ населенія. Тогда какъ познокомившись хоть съ нѣкоторыми общими статистическими фактами, не трудно идти дальше, разъяснять неясное и дополнять неполное. Говоря коротко, хорошо бы, чтобы работы статистическихъ комитетовъ производились гласно, чтобы они обнародывали свои матеріалы, немедленно по ихъ полученіи, и чтобы этимъ открывалась возможность заниматься статистикой и не однимъ членамъ комитетовъ.

Нынче частный человѣкъ въ Сибири не узнаетъ ничего Полиція за всѣми частными людьми слѣдитъ весьма зорко и старается, съ свойственной ей проницательностью, замѣчать людей вредныхъ. Что значитъ человѣкъ вредный и кто полезенъ, на это не существуетъ точныхъ указаній. Такая зависимость пониманья полезности отъ субъективнаго взгляда имѣетъ довольно значительныя неудобства, особенно для статистиковъ. Человѣкъ, неимѣющій полномочія собирать свѣдѣнія, разумѣется, не достанетъ ничего изъ офиціальныхъ источниковъ, и собирая самъ матеріалы разными другими путями, преимущественно между крестьянами, мѣщанами и по деревнямъ, рискуетъ прослыть неблагоразумнымъ, неосторожнымъ, или еще и хуже. Пониманье полезности и вредности, въ примѣненіи къ вопросамъ общественнаго быта, вступило теперь въ моментъ кризиса, такъ что не только между стариками, но и между молодыми людьми стараго закала, обнаружились давно небывалыя особенности, заставляющія предполагать, что въ ихъ мозгахъ случилось какое нибудь неблагополучіе, но въ сущности неблагополучія никакого не случилось и мозги этихъ людей никогда не чувствовали въ себѣ такой силы и крѣпости. Вся причина въ томъ, что никогда не представлялось болѣе удобнаго случая показать на практикѣ справедливость замѣчанія Наполеона I: «поскобли каждаго русскаго—и окажется татаринъ.» Вся разница между русскими только въ толщинѣ этого слоя. На петербуржцахъ слой толще и до татарина добраться труднѣе. Наконецъ, и способы скобленья разнятся отъ тѣхъ, которые съ такимъ успѣхомъ дѣйствуютъ въ отдаленныхъ краяхъ нашего обширнаго отечества. Чѣмъ ближе къ востоку, тѣмъ слой, прикрывающій татарина, становится тоньше, и нерѣдко довольно какого нибудь вымышленнаго слуха, чтобы татаринъ сбросилъ въ мигъ свою европейскую оболочку.

Этимъ обстоятельствомъ указывается проще всего неосновательность той мысли, что учрежденіями нельзя исправлять нравовъ. Противъ людей, слишкомъ легко выскакивающихъ изъ своей оболочки въ полной

татарской наготѣ, только и есть одно обуздывающее средство—учрежденія, сдерживающія излишнюю размашистость. Разумѣется, такая мѣра не будетъ «органической», но «метафизикъ» и до сихъ поръ сидитъ въ ямѣ, потому что хотѣлъ придумать органическое средство.

Такимъ образомъ, при невозможности пользоваться свѣденіями офиціальными, нужно умѣть найти ихъ другими средствами. Изъ офиціальныхъ же источниковъ открытъ только одинъ — «Губернскія Вѣдомости». Неудовлетворительность его заключается въ томъ, что вѣдомости, издаваясь вовсе не съ статистической цѣлью, заключаютъ въ себѣ свѣденія слишкомъ неполныя, слишкомъ отрывочныя. Практическое неудобство этой неполноты въ томъ, что она даетъ просторъ всякому произвольному толкованію, что она не даетъ возможности дѣлать выводы и точныя заключенія, а позволяетъ только догадываться; догадки же могутъ быть весьма разнообразныхъ свойствъ.

То немногое, что удалось мнѣ извлечь изъ бывшихъ у меня «Иркутскихъ Вѣдомостей» за 1862 годъ, относится до особеннаго взгляда сибиряковъ на Сибирь и до уголовной статистики. Остальныя свѣдѣнія, касающіяся экономическаго быта края, собраны мной отъ частныхъ лицъ.

II.

Сибирь—та-ли же Русь?

Сибиряки считаютъ свою родину чуть ли не особой частью свѣта. Какъ южно-руссъ или полякъ, не отвергая кровнаго родства съ великоруссомъ, смотритъ на себя, какъ на человѣка иной національности, такъ точно и сибирякъ. Для сибиряка нѣтъ страны лучше Сибири и въ какомъ бы концѣ Россіи сибирякъ ни находился, онъ думаетъ о Сибири, какъ объ обѣтованной землѣ, гдѣ бы ему хотѣлось провести остатокъ дней и сложить свои старыя кости.

Подобная же черта замѣчается и у нѣмцевъ. Заграничный нѣмецъ имѣетъ весьма сложное патріотическое чувство. Напримѣръ у саксонца, кромѣ общаго германскаго патріотизма, есть еще патріотизмъ собственно саксонскій, по которому онъ не любитъ пруссака; а за тѣмъ, идетъ подраздѣленіе саксонскаго патріотизма на патріотизмъ саксенъ-веймарнскій, саксенъ-алленбургскій, саксенъ-мейнингенскій, саксенъ-кобургъготскій.

Въ сибирякахъ такой сложности чувствъ незамѣтно, но каждый любитъ мѣсто своей родины и многіе сибиряки даже зовутъ Сибирь матерью.

Эта привязанность не имѣетъ характера такъ называемаго національнаго чувства; она больше любовь къ своему гнѣзду, привычка къ извѣстному порядку жизни. Въ Забайкальи очень обыкновенная вещь встрѣтить людей, считаемыхъ здѣсь цивилизованными, которые будутъ увѣрять, съ великимъ жаромъ, что въ Ундинской слободѣ, или въ Шелопучинѣ лучше, чѣмъ въ Петербургѣ. На дняхъ былъ въ Иркутскѣ горный урядникъ изъ нерчинскаго округа. Спрашиваютъ урядника, какъ ему нравится Иркутскъ, ожидая вѣроятно услышать похвалу сибирской столицѣ. Но урядникъ сказалъ другое: — хуже города я и не видѣлъ, отвѣчалъ онъ: — здѣсь никто не дастъ тебѣ даромъ чашки чаю и каждый наровитъ поживиться. Въ два дня я истратилъ четыре цѣлковыхъ на извощиковъ.—Урядникъ былъ, разумѣется, правъ въ томъ отношеніи, что условія иркутской жизни непохожи на тѣ несложныя общественныя отношенія, съ какими свыкаются люди на золотыхъ промыслахъ и казачьихъ селеньяхъ Забайкалья. Но въ чемъ же виноватъ Иркутскъ и почему онъ хуже всѣхъ городовъ? Подобный же отзывъ сдѣлаетъ коренной иркутскій житель о Петербургѣ и Москвѣ, въ которой даровой чай еще рѣже, чѣмъ въ Иркутскѣ, и извощики значительно дороже.

Если въ Петербургѣ встрѣтятся дворянинъ и крестьянинъ орловской губерніи, они не выразятъ приэтомъ не только особенно шумной радости, но пожалуй и совсѣмъ не обрадуются, потому что въ сущности и радоваться нечему. Сибиряки не такъ; два человѣка, даже очень различныхъ общественныхъ положеній, почувствуютъ внѣзапно влеченіе другъ къ другу, узнавъ, что они сибиряки, совершенно какъ два заграничныхъ нѣмца, у которыхъ оказался вдругъ одинъ общій Vaterland.

Падкой любви къ своей родинѣ не замѣчается ни въ псковичахъ, ни

въ новгородцахъ, ни въ рязанцахъ; но ее легко замѣтить въ финляндцахъ, нѣмцахъ, полякахъ, южно-руссахъ и въ сибирякахъ.

Чувство внезапной радости, являющееся въ человѣкѣ при видѣ своего земляка, показываетъ только, что воспоминаніе о родинѣ доставляетъ ему гораздо большее удовольствіе, чѣмъ окружающая его чуждая ему жизнь, будь то Петербургъ, Москва, Парижъ, или Лондонъ.

Но эта привязанность къ Сибири составляетъ не общую черту всего сибирскаго населенія. Здѣсь пришлый элементъ составляетъ порядочную цифру, до 300,000. Это чиновничество и новые ссыльные. Ссыльные, оторванные силой отъ родины, бранятъ Сибирь и все сибирское; положеніе ихъ во всѣхъ отношеніяхъ далеко ниже ихъ прежняго быта въ Россіи; самая завѣтная мѣчта каждаго изъ нихъ увидѣть когда нибудь родину, къ которой онъ тяготѣетъ всю свою жизнь. Ссыльнаго не плѣняетъ ни вѣчно ясное небо Сибири, ни ея ширь, ни 40 градусные морозы, ни 40 градусные жары. Онъ видитъ и чувствуетъ экономическую и промышленную отсталость Сибири, ея низшій уровень цивилизаціи и туго прививается къ новой почвѣ, которая не можетъ замѣнить ему его родины. Вся причина этого недовольства въ принудительномъ переселеніи. Пусть тотъ же человѣкъ придетъ сюда добровольно и, разумѣется, взглядъ его на Сибирь измѣнится. Но въ этомъ чувствѣ недовольства нѣтъ враждебности. Новоселу только не нравится, что сдѣшніе люди одѣваются и ѣдятъ нѣсколько не такъ, какъ въ Россіи; онъ смѣется надъ толстой крупой, надъ колмыцкимъ чаемъ съ солью и масломъ, но въ то же время не отказывается ни отъ чая, ни отъ крупы и скоро привыкаетъ къ нимъ. Явясь, по его мнѣнію, изъ страны съ высшей цивилизаціей, онъ не обнаруживаетъ той энергіи, съ какой англичанинъ или нѣмецъ вноситъ вездѣ свои обычаи и, не дѣлая уступки чужеземному элементу, остается вѣренъ привычкамъ своей родины. Русскій новоселъ больше смѣется и ворчитъ; но въ то же время подчиняется тому, надъ чѣмъ онъ смѣется. Впрочемъ ему поступать иначе и нельзя. Ему можетъ нравиться байховый чай больще кирпичнаго, и чай въ прикуску больше чая, варенаго въ горшкѣ съ солью и саломъ; но у поселенца нѣтъ средствъ купить то, что ему привычнѣе, потому что онъ бѣденъ, какъ Иръ. Поселенецъ можетъ очень любить гречневую кашу и жить въ такой мѣстности, гдѣ гречневой крупы нѣтъ; тогда онъ примется за кашу изъ толстой крупы, или совсѣмъ не станетъ ѣсть каши. Люди болѣе энергическіе принимаются за посѣвы гречи, льна и напоминаютъ въ этомъ случаѣ нѣмцевъ, колонистовъ,

которые изъ заволжской степи съумѣли сдѣлать богато культированную мѣстность. Но энергія поселенца не отличается нѣмецкой настойчивостью; онъ легче падаетъ до болѣе низкаго уровня жизни, чѣмъ возвышаетъ низкій уровень страны до своихъ потребностей и привычекъ. Отъ этого развитіе культуры земледѣльческой идетъ здѣсь медленно и малоразвитой и неэнергическій пришлецъ живетъ изо дня въ день, какъ живется, не отличаясь ни особой предусмотрительностью, ни стремленіемъ къ улучшенію своего быта. Онъ только поддерживаетъ уровень жизни, въ которую его поставили обстоятельства, и не обнаруживаетъ особенной силы настойчивости измѣнить ее замѣтно къ лучшему.

Такая природная мягкость человѣка, такъ рѣзко отличающая нашего крестьянина отъ нѣмца и англичанина, указываетъ, что и самыя способы обращенія съ нимъ должны отличаться особенной мягкостью. Нѣмецъ и англичанинъ легче устраняетъ препятствія, представляемыя ему природой и человѣкомъ. Сѣверо-американскія штаты менѣе чѣмъ въ сто лѣтъ устроились такъ, что въ 1850 году у нихъ издавалось 2,800 (*) газетъ и другихъ повременныхъ изданій, тогда какъ въ Сибири послѣ 300 лѣтняго ея существованія выходить только 4 періодическихъ изданія, да и тѣ — «Губернскія Вѣдомости». Въ Америкѣ 4000 миль каналовъ, въ Сибири ихъ нѣтъ; въ Америкѣ болѣе 1500 пароходовъ, въ Сибири ихъ только около 30; въ Америкѣ болѣе 25,000 англійскихъ миль желѣзныхъ дорогъ, въ Сибири ихъ нѣтъ совсѣмъ.

Такая разница могла произойти только отъ того, что производительныя силы обѣихъ странъ были разнаго качества и проявлялись при разныхъ условіяхъ. Американецъ производилъ больше, сибирякъ меньше; американецъ показалъ больше силы, сибирякъ меньше. Эта неодинаковость результатовъ могла произойти не только отъ различія силъ, способностей и энергіи, но и отъ тѣхъ помѣхъ, какія встрѣчалъ въ своемъ развитіи американецъ и сибирякъ.

Принимая за фактъ, что сибирякъ гораздо пассивнѣе американца, что мозгъ его менѣе привыкъ къ мысли и къ оцѣнкѣ обстоятельствъ, съ которыми ему приходится бороться, а отъ этого и самый трудъ сибиряка гораздо менѣе успѣшенъ, чѣмъ трудъ американца, окажется, что для экономическаго развитія одинаковой успѣшности сибирякъ дол-

---

(*) Примѣчаніе Редак. Въ 1863 году эта цифра (2800) возрасла до 4000.

женъ пользоваться большей свободой, чѣмъ американецъ. Если личныя силы американца = 4, а условія успѣшности ихъ развитія равны тоже 4, то для сибиряка, силы котораго равны только 2, нужны условія вдвое болѣе успѣшныя, чѣмъ для американца, чтобы произвести тотъ же результатъ, т. е, 16.

Сибирякъ, поселенецъ и крестьянинъ, не дѣлаетъ подобныхъ параллелей между своими производительными силами и силами американцевъ, англичанъ, нѣмцевъ, что впрочемъ не мѣшаетъ факту безсилія сибирскаго производства остаться тѣмъ, чѣмъ онъ есть, и крестьянину чувствовать помѣхи. Но какъ чувствительность еще не разрѣшаетъ вопроса, то вещи, которыхъ не понимаетъ крестьянинъ, понимаетъ за него сибирская умственная аристократія. Этотъ цвѣтъ сибирской мысли и составляютъ именно тѣ сибиряки, которыя видятъ особую часть свѣта, которые и печатно, и на словахъ заявляютъ вездѣ свой мѣстный патріотизмъ и представляютъ собой именно ту прогрессивную силу, ради которой свершается на мѣстѣ хоть какое нибудь движеніе впередъ.

Эта умственная аристократія, взявшая на себя адвокатуру земледѣльческаго и промышленнаго населенія страны, составляетъ самый незначительный процентъ всего числа жителей Сибири. Если въ каждомъ городѣ насчитается ихъ 10 человѣкъ—и того много, то на всю Сибирь придется только 340 человѣкъ, т. е. 0,007 процента.

Не смотря на такую незначительную численность, сила сибиряковъ патріотовъ все-таки велика. Она—органическая аристократія сибирскаго населенія, вышедшая изъ народа и неотдѣленная отъ него исключительными правами. Сибирскій мѣщанинъ, учившійся въ гимназіи, остался тѣмъ же мѣщаниномъ; сфера дѣятельности его отличается только размѣромъ, а не качествомъ отъ круга дѣятельности мѣщанина, неучившагося въ гимназіи. Одинъ работаетъ въ купеческой кинторѣ, другой дѣлаетъ столы, но у нихъ одно общее дѣло—коммерція, промышленность; что мѣшаетъ одному, мѣшаетъ другому; стѣсненія въ промышленности и торговлѣ могутъ чувствоваться ими только въ разной степени, но чувствуются обоими; оба они производитеьныя орудія одной страны и одного народа. И у купца такая же связь съ мѣщаниномъ и крестьяниномъ; они плоды одного дерева, съ той только разницей, что на одинъ свѣтило солнце больше и оттого плодъ вышелъ сочнѣе и красивѣе, другой росъ въ тѣни у болота и вышелъ суше, бѣднѣе, а можетъ и потерпѣлъ отъ червя. Купецъ потому купецъ, что у него денегъ больше; крестьянинъ потому крестьянинъ, что у него денегъ меньше. Но

у крестьянина могутъ явиться деньги и онъ сдѣлается купцомъ, у куца могутъ изчезнуть деньги и онъ сдѣлается крестьяниномъ. Сила подобнаго адвоката въ томъ, что онъ служитъ представителемъ тѣхъ тысячь мѣстныхъ производителей, которыми онъ живетъ самъ и которые живутъ имъ. Тутъ въ одной головѣ концентрируются мысли, живущія вразбросъ, безъ связи въ тысячи головахъ.

Эти болѣе или менѣе гласные адвокаты не представили еще до сихъ поръ никакихъ фактовъ своего точнаго знанія всѣхъ условій и производительныхъ силъ Сибири, какъ не могли американцы 1780 года знать, чѣмъ будетъ Америка въ 1860 году; но общее основаніе, служащее имъ точкой отправленія совершенно безошибочно; отсюда-то и является ихъ исключительный взглядъ на Сибирь, дѣлающій ихъ иностранцами на нижегородской ярмаркѣ, въ Москвѣ и Петербургѣ.

Сибиряки чувствуютъ, а многіе изъ нихъ и знаютъ, что Сибирь можетъ и должна жить своей экономической жизнью; что невыгодно такой обширной странѣ, превышающей почти втрое европейскую Россію, получать отъ нее сахаръ, свѣчи, тарелки, ножи, ложки, кастрюли, подсвѣчники, самовары, стеклянную посуду, фарфоръ и фаянсъ, ситцы, сукна, полотна, ковры, даже пряники и зажигательныя спички. Ничего этого Сибирь не дѣлаетъ, потому что не изъ чего и некому въ ней дѣлать.

Не существуетъ никакихъ доказательствъ для положительнаго утвержденія, въ какомъ именно направленіи разовьются производительныя силы страны. Можетъ быть, Сибирь никогда не будетъ дѣлать сахара, ситцевъ, миндальныхъ пряниковъ и зажигательныхъ спичекъ; но вѣрно и вполнѣ можетъ быть доказано то обстоятельство, что успѣшному развитію внутреннихъ производительныхъ силъ народа мѣшала постоянно бѣдность населенія и невозможность, при тѣхъ условіяхъ, какія существовали, выдти ему изъ нищеты. При бѣдности громадной массы земледѣльческаго населенія, остающейся постоянно въ одномъ положеніи, невозможенъ никакой экономическій прогрессъ, никакое развитіе промышленности. Заводить сахарный заводъ, чтобы продать въ годъ только 10 пудовъ купцамъ и чиновникамъ, такъ какъ народъ по бѣдности пьетъ чай съ солью, — нерасчетъ. Также нерасчетливо дѣлать самовары, потому что народъ варитъ чай въ горшкахъ. Посуда народу тоже ненужна, потому что онъ обходится копѣечными глиняными горшками и плошками, да китайскими деревянными чашками. Вотъ по-

чему внутренняя, самостоятельная, экономическая жизнь Сибири будетъ возможна тогда, когда народъ станетъ богаче.

Возможность такого самостоятельнаго экономическаго положенія составляетъ тотъ отдаленный идеалъ, къ которому стремятся болѣе развитые сибиряки, и въ этомъ же причина, почему ихъ возмущаютъ такъ тѣ обстоятельства, которыя, по ихъ мнѣнію, были главной помѣхой Сибири на пути ея экономическаго прогресса.

Считая непреложной истиной, что сибирякъ одаренъ здравымъ смысломъ, что онъ умнѣе и способнѣе русскаго, сибиряки видятъ единственную помѣху развитію страны въ томъ наплывномъ русскомъ населеніи, которое являлось сюда для управленія сибиряками — въ чиновничествѣ.

Чиновничество здѣсь—всероссійскаго происхожденія, внутренней связи съ страной оно не имѣетъ; пріѣзжаетъ сюда, чтобы просвѣщать Сибирь и устраивать въ ней гражданскій порядокъ. Но что значитъ просвѣщеніе и что такое порядокъ? Этотъ повсемірно спорный вопросъ вышелъ спорнымъ и въ Сибири. Извѣстно какой любовью пользуются учители и наставники въ уѣздныхъ, приходскихъ и другихъ училищахъ. Учителя весьма хлопочутъ о просвѣщеніи и порядкѣ, но достигаемые ими результаты не соотвѣтствуютъ степени ихъ усердія, тратѣ силъ и времени. Учитель стоитъ самъ по себѣ; ученики сами по себѣ. Учитель говоритъ про учениковъ, что они скверные, необузданные мальчики; а ученики говорятъ про учителя, что онъ дерется.

Въ подобномъ же отношеніи находится заѣздное чиновничество къ кореннымъ сибирякамъ. Сельское населеніе, напримѣръ, не понимало пользы винокуренныхъ заводовъ и необходимости продавать на заводы хлѣбъ. Тогда внушили крестьянамъ, что это дѣло полезное, назначили на хлѣбъ цѣны, потому что и этого крестьяне не умѣли сдѣлать — и крестьяне повезли хлѣбъ. Если случалось, что цѣна на хлѣбъ поднималась до 50 к. за пудъ, крестьянину же давали 25—35 к. за пудъ и онъ находилъ эту цѣну для себя несходной, ему внушали, что онъ не понимаетъ своихъ выгодъ и онъ, сознавшись, въ своей ошибкѣ, везъ хлѣбъ за 25—35 к. за пудъ. Точно также крестьянинъ не понималъ прежде пользы почтовыхъ учрежденій и почтовой гоньбы; тогда ему внушили, насколько дѣло это важно для него и онъ началъ держать почтовыя станціи за ту плату, какую признавали для него выгодной. Крестьянинъ или мѣщанинъ не понималъ пользы городскихъ, запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, тогда ему внушили, какъ магазины полезны для

бѣдныхъ людей въ неурожайные года, и крестьяне повезли хлѣбъ въ магазины по 40 до 50 к. ас. съ пуда съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ голода получить тотъ же пудъ обратно за 1 р. или 1 р. 50 к. ас. Купцы, мѣщане и крестьяне не понимали пользы отдачи своихъ дочерей за поселенцевъ, тогда отцамъ внушали, сколько дѣло это общеполезно, и — «только отцамъ, матерямъ и родственникамъ было извѣстно, чего стоила свобода, сопряженная съ безславіемъ несчастныхъ дѣтей». Крестьянину при его неразвитости казалось, что ему очень выгодно идти налѣво, но какъ другіе находили, что ему гораздо выгоднѣе идти направо, то крестьянинъ, почесывая въ затылкѣ, шелъ куда ему внушали, размышляя по пути, почему же направо выгоднѣе, чѣмъ налѣво?

Наставники народа и устроители порядка тяготѣли не къ этому народу, который они пріѣхали просвѣщать, а къ тому отдаленному центру, отъ котораго зависѣла ихъ чиновничья жизнь и смерть Очень можетъ быть, что въ своемъ простосердечіи они думали, что дѣлаютъ дѣло и приносятъ пользу краю; но только тѣ, о чьей пользѣ заботились такимъ образомъ, думали иначе. Простой человѣкъ, незнакомый съ высшими соображеніями, понималъ только одно, что 50 к. больше, чѣмъ четвертакъ, и что продать вещь за 40 к., чтобы купить потомъ ее же за рубль, невыгодно. Будущія пользы отдаленнаго потомства и тѣ глубокія соображенія, по которымъ онъ долженъ былъ бросать свой домъ, хозяйство, обработанное поле, чтобы заселить пустынный край, корчевать вновь столѣтніе пни себѣ подъ новую пашню, и умирать съ голоду на мѣстѣ новаго населенія, невыбраннаго имъ самимъ, а указаннаго ему его наставниками, тогда какъ рядомъ есть мѣсто болѣе удобное,— всего этого простой человѣкъ никакъ не могъ переварить своимъ деревяннымъ умомъ. Какъ человѣкъ положительнаго свойства, живущій настоящимъ, имѣющій одинъ только экономическій критеріумъ для оцѣнки дѣйствовавшихъ на него вліяній и обстоятельствъ — ихъ выгодности или невыгодности, промышленный и торговый человѣкъ Сибири былъ правъ. Онъ разсуждалъ правильно, считая добромъ то, что ему выгодно, и зломъ то, что ему убыточно. Такихъ чисто-экономическихъ соображеній у заѣзжихъ чиновниковъ не было, да и быть не могло. Чиновникъ знаетъ, за что ему даютъ награды и за что даютъ выговоры, и потому, руководствуясь тѣмъ же личнымъ расчетомъ, какъ и крестьянинъ, онъ дѣйствовалъ такъ, чтобы ему досталась награда, а не выговоръ. Потому, что заѣзжій чиновникъ смотрѣлъ на Сибирь и сибиряковъ свысока, что онъ считалъ себя наставникомъ сибиряковъ — ди-

карей, съ которыми надо было употреблять строгія мѣры и принужденія, потому что люди не понимаютъ своихъ выгодъ; сибиряки во всемъ томъ злѣ, какое приходилось имъ терпѣть, обвиняютъ чиновниковъ и именно заѣзжихъ и думаютъ, что зла не будетъ, если образуются чиновники «мѣстные». Но это невѣрно. Дѣйствительно, заѣзжій чиновникъ не имѣлъ связи съ Сибирью; онъ не жилъ интересами мѣстныхъ жителей; онъ смотрѣлъ на нихъ свысока, пренебрегая общественнымъ мнѣніемъ; но все это онъ дѣлалъ не столько потому, что онъ заѣзжій, сколько потому, что онъ чиновникъ. У чиновника есть свое историческое происхожденіе и своя порода, какъ у крестьянина, ремесленника, мѣщанина, купца, дворянина. У всякаго изъ этихъ сословій есть свое міросозерцаніе, своя практика въ стремленіяхъ къ выгодѣ и пользѣ, свое пониманіе отношеній къ другимъ сословіямъ, свой кодексъ нравственности, свое пониманье ума и глупости, наконецъ свое особенное положеніе по размѣру возможности дѣлать добро и зло другимъ сословіямъ. Чиновникъ — сила большая и онъ знаетъ это; да и всѣ знаютъ тоже самое. Вся его служебная практика воспитываетъ его такъ, что развиваетъ именно тѣ наклонности и тѣ стороны ума, которыя при случаѣ даютъ чувствовать всю свою силу. Развившись въ одну сторону, чиновникъ и дѣйствуетъ въ одну сторону, и какъ онъ, стоя особнякомъ и составляя свое отдѣльное сословіе, совершенно чуждъ тѣхъ интересовъ, въ которыхъ вырастаютъ всѣ производительныя сословія страны, то изъ этого и выходитъ то, что его выгоды не сходятся съ выгодами тѣхъ, кѣмъ онъ распоряжается. Купецъ уйдетъ въ мѣщанина, мѣщанинъ въ крестьянина, и обратно крестьянинъ можетъ сдѣлаться купцомъ, — потому что всѣ они какъ бы сѣмена одного рода; но чиновникъ всегда останется чиновникомъ, даже тогда, когда онъ давно уже оставилъ службу, или по бѣдности принялся за черную работу. Чиновникъ — это особая порода людей, создаваемая особенными обстоятельствами и такими учрежденіями, которыя, давая возможность развитію извѣстныхъ сторонъ ума и характера, создаютъ порядокъ административныхъ явленій, извѣстный въ своей совокупности подъ именемъ чиновничества.

Разумѣется, не у всѣхъ людей одинаковыя способности для этого и не у всѣхъ народовъ чиновникъ проявляется въ одной и той же формѣ. Такъ французскій чиновникъ отличается отъ чиновника нѣмецкаго, нѣ-

мецкій отъ польскаго и польскій отъ русскаго. Здѣсь все зависитъ отъ характера учрежденій страны. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и чиновничьи способности не есть исключительность лицъ, носящихъ виц-мундиръ. Купцы и мѣщане превращаются у насъ необыкновенно легко въ чиновниковъ, когда общество, облекая ихъ своимъ довѣріемъ, даетъ имъ власть. Сибирякамъ показались ужасны заѣзжіе чиновники потому, что ихъ распоряженія обхватывали народъ цѣлыми массами. Такъ нѣкогда селили ссыльныхъ цѣлыми деревнями, учили ихъ цѣлыми деревнями хлѣбопашеству, а потому они и разбѣжались цѣлыми деревнями. Такъ обращали людей въ солдаты цѣлыми десятками тысячъ, выселяли казаковъ цѣлыми селеніями, или цѣлыми слободами переводили раскольниковъ съ одного мѣста на другое; снабжали винокуренные заводы принудительными средствами громадными массами хлѣба, по произвольно пониженной цѣнѣ; устроивали тѣмъ же путемъ выгодную почтовую гоньбу. Во всемъ этотъ чиновникъ дѣйствовалъ, по его соображеніямъ, въ видахъ общественной пользы, цивилизаціи края и развитія въ народѣ духа промышленой предпріимчивости. Но такая принудительная система цивилизаціи казалась народу невыгодной. Нисколько не отвергая пользы почтовыхъ сообщеній, можно находить плату за содержаніе станцій недостаточной. Въ такомъ же видѣ можетъ представляться и винокуренное дѣло и принудительное переселеніе. Пить пиво и чай съ сахаромъ можетъ быть и очень хорошо, но только для того, кто находитъ это для себя хорошимъ и кто самъ дѣлаетъ переходъ отъ водки къ пиву; но превратить всѣ кабаки въ пивныя лавки административнымъ порядкомъ и заставить всѣхъ мужиковъ пить чай въ прикуску, будетъ неудобно, потому что не достигнетъ своей цѣли. Маленькіе Петры Великіе Сибири не знали этой простой научной истины. Только въ незнаніи ея и заключается вся причина, что всѣ отношенія чиновниковъ къ народу Сибири падали на него убыткомъ и уменьшали его матеріальное благосостояніе.

Заѣзжіе чиновники дѣйствовали такъ но совсѣмъ не потому, чтобы они ненавидѣли Сибирь и смотрѣли на нее, какъ на личнаго врага, по крайней мѣрѣ этого доказать ничѣмъ нельзя. Они дѣйствовали такъ потому, что не умѣли, да и не могли поступать иначе. Они просвѣщали и цивилизовали Сибирь, какъ умѣли, понимая по своему просвѣщеніе и цивилизацію. Лоскутовъ, поровшій крестьянъ цѣлыми де-

ревнями и разъѣзжавшій съ конвоемъ казаковъ и пуками розогъ, не употреблялъ бы подобныхъ административныхъ мѣръ въ Англіи, во Франціи или въ Германіи. Трескинъ не дѣлалъ бы такихъ чудесъ, какими онъ прославилъ себя въ Сибири. Даже въ Европейской Россіи они не рѣшились бы на десятую долю того, что позволяли себѣ здѣсь, потому что кромѣ киргизскихъ, башкирскихъ и калмыцкихъ степей, въ Россіи не было мѣста болѣе удобнаго дѣлать то, что взбредетъ человѣку на умъ, какъ Сибирь. Люди, выходившіе въ купцы, не стѣснялись выборомъ средствъ для обогащенія, мѣщанинъ, крестьянинъ, ссыльный — всякій дѣлалъ, что хотѣлъ, и если какой нибудь Трескинъ или Лоскутовъ выдались больше среди этого броженія разныхъ элементовъ едва слагавшейся гражданственности, то только потому, что были сильны характеромъ и имѣли больше возможности выказать свою силу. Однимъ словомъ, всѣ были хороши. Мѣстный чиновникъ, котораго такъ хочется сибирякамъ, сложившись изъ такихъ началъ, едва ли отличался бы въ сущности отъ чиновника заѣзжаго. Человѣкъ, сдѣлавшись чиновникомъ, и былъ бы чиновникомъ, и вдавшись въ высшія соображенія онъ логически постепенно и незамѣтно пришелъ бы къ тому, къ чему приходили почти всѣ сибирскіе администраторы. Сибири слѣдуетъ радоваться, что у нея нѣтъ своего туземнаго чиновничества, а не желать его. Въ Россіи все чиновничество туземное — но легче ли ей отъ этого? Наконецъ, гдѣ у сибиряковъ доказательство, что изъ доморощенныхъ чиновниковъ не явились бы Лоскутовы и Трескины?

Литературныя иркутскія губернскія вѣдомости, дѣлающія свои выводы не изъ фактовъ, которыя бы имъ легче знать, чѣмъ кому либо, въ порывѣ сентиментализма приводятъ слѣдующую выписку изъ газеты «Амуръ». Въ одномъ ученомъ обществѣ въ Петербургѣ предсѣдатель сказалъ разъ по поводу Сибири: «Сибирь — таже Русь». «Эти драгоцѣнныя для Сибири слова, говорятъ «Амуръ» и «Иркутскія Вѣдомости», не отталкиваютъ уже ее отъ Россіи, они показываютъ, что Сибирь не особенный какой-либо край, принадлежащій Россіи, что Сибирь не требуетъ уже для себя какихъ-либо исключеній, что теперь нѣтъ Сибири въ томъ смыслѣ, какъ ее понимали прежде, точно такъ, какъ нѣтъ прежнихъ Казани и Астрахани; Сибирь — таже Русь, и если такъ будутъ смотрѣть на Сибирь всѣ, — и частныя лица, и правительство, то съ этого времени начнется для Сибири новое время, при такомъ взглядѣ Сибирь никого не оттолкнетъ отъ себя. Подкрѣ-

пимъ наши слова примѣрами: Русскій крестьянинъ пожелаетъ переселиться въ Сибирь; самое названіе Сибири его можетъ устрашить и остановить въ желаемомъ переселеніи; купецъ пожелаетъ перенести свою торговлю въ Сибирь; но онъ слышитъ, что Сибирь край особенный, изъ чего можетъ заключить, что и торговля здѣсь идетъ особеннымъ порядкомъ; чиновникъ пожелаетъ въ Сибирь на службу, но онъ можетъ уже съ увѣренностью заключить, что въ Сибири служба труднѣе или тоже какая-то особенная, потому что имѣетъ особенныя преимущества; словомъ, всякаго незнакомаго съ Сибирью, одно это названіе приводитъ въ недоумѣніе въ отношеніи Сибири. Нельзя конечно сказать, чтобы Сибирь не имѣла никакихъ особенностей, сравнительно съ губерніями европейской Россіи, но эти особенности далеко не уничтожаютъ сходства между европейской Россіей и Сибирью. При обширности пространства Россіи и каждая губернія имѣетъ свои особенности. Особенности Сибири вовсе не такъ велики, чтобы можно было считать ее колоніей Россіи; общій характеръ Сибири чисто русскій; Сибирь отнюдь не колонія Россіи; она — дитя одной и той же матери — Руси; въ Сибири живутъ тѣ же русскіе люди, какъ и въ Россіи, таже въ ней вѣра, языкъ, обычаи, даже повѣрья, одежда народная. Словомъ, «Сибирь — таже Русь», скажетъ и долженъ сказать каждый, хорошо знающій Сибирь, и каждый пожелаетъ ей, чтобы мнимая особенность ея не заставляла смотрѣть на нее особеннымъ взглядомъ и лишать ее того, что ей принесетъ одинаковую пользу съ Россіей. Укажемъ хотя на нѣкоторые примѣры: въ русскихъ губерніяхъ назначены судебные слѣдователи, въ Сибири ихъ нѣтъ; въ русскихъ губерніяхъ, если не во всѣхъ, то по крайней мѣрѣ въ болѣе значительныхъ, учреждены высшія учебныя заведенія; въ Сибири же, не смотря на ея обширность и отдаленность отъ Россіи, не во всѣхъ даже губернскихъ и областныхъ городахъ находятся гимназіи. Правда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, шла переписка объ открытіи гимназіи въ Красноярскѣ; была мысль и объ университетѣ, а въ послѣднее время, какъ слышно, предположено ходатайствовать объ учрежденіи въ Иркутскѣ лицея, но при нашей умѣренности во всемъ, при нашей исключительности, такое благо, какъ учрежденіе здѣсь высшаго учебнаго заведенія, невольно кажется благомъ, для насъ недостижимымъ и походитъ на мечту бѣдняка о довольствѣ, едва только ему извѣстномъ...»

Все, что говоритъ авторъ приведенной замѣтки, не можетъ быть подкрѣплено имъ никакими доказательствами. Авторъ высказываетъ

много чувствительности и любви къ Сибири, но такіе аргументы не представляютъ никакой силы убѣдительности. Пусть Сибирь дитя одной и той же Руси — матери, но только чтоже изъ этого? Авторъ говоритъ: пусть на Сибирь смотрятъ какъ на Русь и тогда она не оттолкнетъ никого — ни крестьянина, ни купца, ни чиновника. Но чтобы смотрѣть такъ на Сибирь, надо, чтобы она не отличалась ничѣмъ отъ Россіи европейской. А это невозможно. Житель европейской Россіи зоветъ сибиряка сибирякомъ, а сибирякъ зоветъ его человѣкомъ «россійскимъ», не только потому, что предполагаетъ географическое различіе, но еще и потому, что эти краи, при кажущемся внѣшнемъ сходствѣ, имѣютъ громадное экономическое различіе и совершенно иной сословный составъ.

Въ Сибири нѣтъ туземнаго дворянства и чиновничества, поэтому крестьянинъ не испытывалъ никогда крѣпостного права. Хотя въ экономическомъ отношеніи ему и не было отъ этого легче, потому что земская полиція не выказывала особенно благотворнаго экономическаго вліянія, тѣмъ не менѣе нравственная порча была все-таки слабѣе. Кромѣ того, отсутствіе дворянства давало болѣе демократическій оттѣнокъ населенію; а при отсутствіи еще и мѣстнаго служиваго дворянства, т. е. чиновничества, сибирское населеніе состояло только изъ крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ. Въ Россіи совсѣмъ иной сословный составъ. Тамъ дворянство играло всегда большую роль, да и теперь сторонники аристократическаго начала стараются создать изъ русскаго дворянства нѣчто въ родѣ англійской аристократіи. Въ Сибири такого элемента не существуетъ, слѣдовательно очевидно, что Сибирь въ этомъ отношеніи совсѣмъ не та же Русь.

Въ Россіи главное племя великорусское, смѣшавшееся съ разными вѣтвями финскаго племени. Въ Сибири помѣси совсѣмъ иныхъ племенъ. Изъ Россіи шелъ сюда тотъ, кому или самому казалось тамъ тѣсно, или кого находили тамъ ненужнымъ, или вреднымъ. Рудники, заводы и вообще мѣста ссылокъ наполнялись людьми нѣсколько иной организаціи, чѣмъ тѣ, кто оставался въ Россіи, потому что для преступленія нужна иная организація и иная нервная система. Такой людъ постоянно наполнялъ Сибирь и образовалъ наконецъ съ своимъ потомствомъ нынѣшнее населеніе края. Помѣсь, особенно въ восточной Сибири, съ бурятами, тунгусами, монголами образовала въ здѣшнемъ населеніи особый типъ, замѣтно отличающій коренного сибиряка отъ «россійскаго» человѣка. Статистическія и физіологическія изслѣдованія

до сихъ поръ еще не указали разницы въ способностяхъ, характерѣ и умственныхъ дарованіяхъ русскаго и сибиряка. Но происхожденіе ихъ совсѣмъ различное, а потому необходимо допустить различіе и въ нравственныхъ качествахъ,—различіе чисто племенное, которое создаетъ то, что изъ одного человѣка выходитъ англичанинъ, изъ другаго нѣмецъ, изъ третьяго французъ. Изъ американца географическое положеніе страны создало же человѣка иной наружности и другого характера, чѣмъ англичанинъ, отъ котораго онъ произошелъ; такое же различіе должно быть между русскимъ и сибирякомъ. Въ чемъ это различіе, наши ученые еще не опредѣлили; но они не могутъ представить и ни одного доказательства противъ этой мысли; а пока они не представили доказательствъ въ опроверженіе, нельзя опровергать и племенной разницы русскаго и сибиряка. Слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи Сибирь опять не та же Русь.

Россія, по отношенію къ своимъ европейскимъ сосѣдямъ, находится въ такомъ положеніи, какихъ Сибирь не знаетъ. Каждый политическій европейскій вопросъ, какой бы онъ ни былъ — восточный, славянскій, венгерскій, даже греческій, заставляетъ Россію насторожить свое вниманіе, приготовлять или передвигать войска, думать о своей западной границѣ. Сибирь совсѣмъ чужда этого, ей не можетъ грозить никакая опасность, ни съ сѣвера, ни съ востока, ни съ юга, ни съ запада. Здѣсь скачи куда хочешь, никуда не проскачешь; на Сибирь не пойдетъ никто войной, потому что съ нея взять нечего; ни китайцы, ни киргизы угрожать ей ничѣмъ не могутъ; границы Сибири установились твердо и Сибирь могла бы жить спокойно, не имѣя ни одного солдата. Сибирь по своему географическому положенію и по экономическому развитію находится въ такихъ скудныхъ обстоятельствахъ, что не можетъ возбудить ничьей зависти. Въ Китаѣ 400,000,000 населенія, въ Китаѣ есть чай, шелкъ, съ Китаемъ выгодно устроить торговыя сношенія, потому что есть кому продавать сукно, плисъ, разныя матеріи. Сибири продавать нечего, потому что у ней у самой ничего нѣтъ, кромѣ хлѣба для собственныхъ потребностей. Отъ этого въ Китай могли забираться французы и англичане, потому что это имъ выгодно, а въ Сибирь забираться никто не станетъ, потому что это безполезный трудъ. Съ какой границы ни завези сюда товаръ — онъ не дастъ плѣнительныхъ барышей, потому что рѣдкое земледѣльческое населеніе, перебиваясь кое-какъ, обходится большею частью своими скудными домашними средствами.

Разумѣется, въ политическомъ отношеніи «Сибирь — таже Русь», потому что составляетъ часть россійской имперіи, но Сибирь все-таки Азія; она все-така страна, едва перешедшая отъ кочевой жизни къ земледѣлію, страна съ населеніемъ весьма подвижнымъ, страна, въ которую каждый годъ являются новые десятки тысячъ бездомныхъ людей, въ видѣ ссыльныхъ, страна, въ которой даже туземцы двигаются цѣлыми массами съ мѣста на мѣсто, — напримѣръ заселеніе Амура, обращеніе крестьянъ въ казаки и отправленіе казаковъ на Амуръ. Россія уже установилась и начинаетъ формировать внутренній порядокъ, тогда какъ Сибири разныя обстоятельства мѣшали установиться и она все еще находится въ состояніи броженія и той подвижности, которая мѣшаетъ людямъ приняться за порядочную жизнь Россія страна, *откуда* люди переселяются, Сибирь—страна, *куда* переселяются. Человѣку переселяющемуся нужно дать покой и льготу, переселенцу нужно осмотрѣться, уладиться, установиться Въ странѣ, какъ Сибирь, гдѣ не угрожаютъ и не могутъ угрожать никакіе внѣшніе враги, внутренній порядокъ и экономическій бытъ уладится легко, если только не мѣшать человѣку и не стѣснять его. Какъ скоро устроивается человѣкъ, оставленный въ покоѣ, доказываетъ Америка, а въ Сибири доказали это «каменьщики», образовавшіе свои населенія въ томской губерніи изъ разныхъ сортовъ бѣглыхъ. Никакое управленіе не касалось каменьщиковъ, потому что они забрались въ такую даль, куда не могло попасть никакое начальство. Не стѣсняемые ничѣмъ, они образовали общины, благоденствующія въ экономическомъ отношеніи, а для сохраненія порядка создали свой судъ и полицію.

Воинственность къ Сибири нейдетъ потому, что воевать ей не съ кѣмъ, да и не изъ чего; времена великаго переселенія народовъ давно уже прошли и для людей на всемъ земномъ шарѣ наступила пора экономическаго развитія и разрѣшенія экономическихъ вопросовъ. Для Сибири вопросы этого рода важнѣе чѣмъ для кого-либо: она страна населяющаяся, новая; она лежитъ такимъ особнякомъ и такъ далеко отъ запада и востока, что самый сильный политическій толчекъ на западѣ Европы въ Сибири не почувствуется, какъ ни въ Англіи, ни во Франціи не чувствовали иркутскихъ землетрясеній. Подогрѣвать въ себѣ искуственно воинственный жаръ и надѣвать рыцарскіе доспѣхи странно для Сибири потому, что изъ этого выходитъ только маскарадъ; здѣсь все мирно и для народа существуетъ только одинъ вопросъ — экономическій, потому что Сибирь страна исключительно земледѣльцевъ, ре-

месленниковъ, мѣщанъ и купцовъ. Въ этомъ отношеніи Сибирь имѣетъ большое сходство съ Америкой, съ этой страной негоціантовъ и промышленниковъ. Офицерство, чиновничество, дворянство въ Сибири элементъ пришлый, завозный, явившійся изъ Россіи. Высшія соображенія, придающія Сибири такъ неидущія къ ней политическія занятія, выросли не на сибирской почвѣ.

Доводы автора замѣтки «Сибирь — таже Русь» потому не достигаютъ своей цѣли, что онъ старается расчувствовать читателя, а не убѣдить его доказательствами. Онъ думаетъ, что въ Сибири нужны судебные слѣдователи и учебныя заведенія, потому что Сибирь дитя одной и той же Руси — матери. Тогда какъ для Сибири нужны справедливый судъ и образованіе совсѣмъ не по ея родственнымъ отношеніямъ съ кѣмъ либо, а сама по себѣ, потому что безъ нихъ невозможно гражданское существованіе страны. Странно было бы убѣждать, что сибирякамъ нужны воздухъ и вода, потому что въ Россіи люди дышутъ воздухомъ и пьютъ воду. Вода и воздухъ нужны каждому человѣку для различія его происхожденія, нужны потому, что безъ нихъ человѣкъ не можетъ жить.

Но этого мало. Особенность Сибири въ томъ, что здѣсь все дается человѣку труднѣе, чѣмъ въ Россіи; здѣсь и климатъ суровѣе, и разстоянія больше, а населеніе меньше, и разнообразіе человѣческаго труда скуднѣе. Поэтому, сибиряку, какъ человѣку новому и какъ человѣку русскому, неотличающемуся энергіей и настойчивостью англичанина, нѣмца или американца, нужно дать полную свободу въ развитіи его экономическихъ силъ и въ умственномъ образованіи. Все это возможно безъ всякихъ опасеній и заднихъ мыслей, потому что съ присоединеніемъ Амура Сибирь можетъ успокоиться надолго отъ политическихъ соображеній. Шириться ей некуда, воевать не съ кѣмъ; а внутри будетъ все благополучно даже и безъ всякаго военнаго надзора.

III.

Бродячее населеніе и сибирская безопасность.

Разсказы о бытѣ арестантовъ и характеристики болѣе замѣчательныхъ русскихъ преступниковъ и злодѣевъ читаются у насъ теперь съ особенной любовью. Разумѣется, любовь къ такимъ разсказамъ можетъ и не доказывать желанія большинства извлечь изъ нихъ какую нибудь существенную пользу; но съ другой стороны и разсказы не заключаютъ достаточныхъ данныхъ для точныхъ научныхъ выводовъ. Научная неудовлетворительность такихъ сочиненій заключается главнѣйше въ ихъ односторонности—въ томъ, что они направлены исключительно къ возбужденію сочувствія къ арестантамъ, къ тому, чтобы показать, что и преступникъ тоже человѣкъ. Подобное направленіе, имѣющее цѣлью разжалобить и разчувствовать читателя, могло явиться только потому, что въ большинствѣ именно и не оказывалось гуманности; что въ общественномъ мнѣніи еще не сложилось убѣжденіе, что съ арестантомъ можно обращаться по человѣчески; что привыкнувъ видѣть арестантовъ въ самомъ жалкомъ видѣ, истомленныхъ голодомъ и дурными нездоровыми помѣщеніями, общество сдружилось съ этимъ, какъ большинство петербургскихъ жителей сдружилось съ сквернымъ петербургскимъ климатомъ, считая даже совершенно лишнимъ задавать себѣ вопросъ — полезна слякоть или нѣтъ? Видно полезна, если она есть.

Но возбужденіе чувствительности и сожалѣнія вовсе не научный пріемъ; наука такимъ дѣломъ не занимается. Она обращается къ тѣмъ сторонамъ ума, которыя зовутся разумомъ и разсудкомъ; путемъ же чувствительности убѣждаютъ только тѣхъ, кого нельзя убѣждать инымъ способомъ, кто не умѣетъ понять, что человѣку нужны чистый воздухъ и здоровая питательная пища, потому что это физіологическій законъ и кто понимаетъ вредное вліяніе міазмовъ и голода, только тогда когда ему нарисуютъ позеленѣлаго, исхудалаго человѣка, умирающаго въ изнеможеніи. Возможность убѣждать людей только этимъ способомъ предполагаетъ въ нихъ отсутствіе еще того умственнаго элемента, по которому люди иныхъ способностей видятъ въ взаимныхъ услугахъ тотъ же простой законъ взаимныхъ отношеній, по которому два коммерческихъ

человѣка мѣняются товарами, не считая это унизительнымъ, и въ дѣйствительности не унижая другъ друга.

Такимъ образомъ, если въ подобной формѣ изложенія виноватъ читатель, котораго невозможно убѣдить иначе, то не менѣе виноваты и авторы, неумѣвшіе найти тона проникнутаго большимъ чувствомъ достоинства. Возбуждать слезы состраданія къ людямъ, находящимся въ невыгодныхъ и непріятныхъ для нихъ общественныхъ или экономическихъ условіяхъ, значитъ возбуждать чувство злое. Это значитъ, положить между тѣмъ, кто сожалѣетъ, и тѣмъ, кого сожалѣютъ, непроходимую преграду; одного поставить на пьедесталъ, другого нарочно запачкать грязью и выкупать въ лужѣ, чтобы онъ казался еще грязнѣе. Это тѣ же средства, какія употребляютъ нищіе, растравляющіе себѣ раны и портящіе члены, чтобы возбудить чувствительность сердобольныхъ людей. Такой порядокъ отношеній людей между собой существовалъ въ Россіи изстари и, кромѣ зла, не приносилъ ничего. Онъ только дѣлилъ людей на два лагеря: на людей дѣлавшихъ все изъ милости, и на тѣхъ, кому дѣлалась милость. Попросилъ бы онъ меня изъ чести, и слова не сказалъ бы, а то вздумалъ требовать — выраженіе довольно обыкновенное и нынче. Поддерживать въ людяхъ такое чувство, вмѣсто того, чтобы заглушить его, дѣйствуя на другія стороны ума, можетъ только тотъ, кто находитъ полезнымъ нищенство, въ какихъ бы формахъ оно ни выражалось. Есть положенія людей вовсе не унизительныя, и между тѣмъ люди унижаются добровольно, потому что только этимъ средствомъ они могутъ раздѣлаться съ тѣми невыгодными обстоятельствами, въ которыхъ они находятся. Поступить иначе, т. е. не унижаться, значитъ, погибнуть безъ помощи, потому что всякая услуга считается милостью и дѣлается изъ милости; а получить милость, т. е. ту же милостыню, можно только при нищенской формѣ ея выпрашиванія, при возбужденіи чувства состраданія, соболѣзнованія, при условіи приниженности съ одной стороны и при высокомѣріи и тщеславіи съ другой. Смѣхъ, насмѣшки, шутка считаются у насъ весьма обидными формами отношенія къ ближнему, но сожалѣніе не обижаетъ никого. «Смѣйтесь надо мной, но только не плачьте», какъ практическое правило въ большой части общественныхъ и частныхъ отношеній у насъ непонятно и невозможно и требуетъ для большинства даже разъясненій. Смѣшонъ можетъ быть всякій и надъ всякимъ можно надсмѣяться; но сожалѣть никого нельзя, потому что сожалѣніе унижаетъ человѣка. Соболѣзнованіе и сожалѣніе у насъ такая необходимая общественная фор-

ма, что каждый изъ насъ, очутившись какъ нибудь у постели больного, сечасъ же постарается вытянуть, или скривить сожалительнымъ образомъ свое лицо, чтобы заявить этимъ свое сочувствіе, тогда какъ было бы гораздо полезнѣе сходить поскорѣе, безъ гримасъ, въ аптеку.

Такая односторонность изслѣдователей — литераторовъ ведетъ къ односторонней пользѣ отъ ихъ произведеній, потому что, возбуждая исключительно сочувствіе, они оставляютъ нетронутыми всѣ остальныя стороны вопроса.

Между тѣмъ въ бытѣ арестантовъ множество разныхъ неудобствъ, неудобствъ лично для нихъ и невыгодъ для общества, потому что отъ этихъ неудобствъ безопасность общества не убавляется, а увеличивается. Лѣтъ 25—30 назадъ, земледѣлецъ восточной Сибири могъ отправляться въ поле на работы не иначе, какъ съ винтовкой. А при такихъ условіяхъ земледѣліе едва ли могло развиваться успѣшно. То, что случается теперь, не говоритъ тоже въ пользу особенной безопасности здѣшняго человѣка, какъ бы коренные Сибиряки ни увѣряли въ противномъ, изъ чувства патріотизма. Размѣръ дѣйствительно случающагося неизвѣстенъ; но и то немногое, что публикуютъ «Иркутскія Вѣдомости», говоритъ мало въ пользу безопасности здѣшнихъ земледѣльцевъ и торговцевъ изъ крестьянскаго быта. Разумѣется, безопасность людей, носящихъ нѣмецкое или французское платье и разъѣзжающихъ на почтовыхъ лошадяхъ, гораздо выше; съ платьемъ и вещами не изъ крестьянскаго быта дѣться уже труднѣе и напасть на проѣзжающаго на почтовыхъ гораздо рискованнѣе. Поэтому всѣ кражи, разбои и убійства свершаются почти исключительно среди крестьянскаго населенія. Воры не гнушаются даже самыми мелочными предметами изъ крестьянскаго быта. Воруется все: хлѣбъ печеный и мука разныхъ сортовъ, по мелочамъ и оптомъ, конопляное сѣмя, крупа, веревки, возжи, топоры, косы, сапоги, шапки, армяки и всякое женское и мужское платье, безъ различія—старое или новое, всякихъ сортовъ бѣлье — тоже старое и новое. Наконецъ, свершаются кражи самого аристократическаго размѣра — напримѣръ, обворовывается вся деревенская лавка, съ панскими товарами, до послѣдней штуки.

При наклонности людей подозрѣвать въ дурномъ человѣка уже разъ провинившагося, авторами кражъ считаютъ по преимуществу ссыльныхъ и бѣглыхъ. Но случается много кражъ такого сорта, гдѣ вполнѣ очевидно безучастіе ссыльныхъ. Напримѣръ, украдутъ заднія колеса у телѣги и дугу. Съ этими вещами бѣглому дѣлать нечего. Также разу-

мѣется невиноваты бѣглые и въ томъ, что пропадаютъ у крестьянъ самовары, чайники и чашки. Но въ кражѣ, гдѣ вмѣстѣ съ носимымъ платьемъ вынутъ изъ телѣги желѣзный шкворень, скорѣе всего будетъ виноватъ бродяга. Желѣзный шкворень отличное смертоносное оружіе, играющее вмѣстѣ съ топоромъ главную роль въ убійствахъ. Убійство двухъ жидовъ бѣглыми каторжными, въ компаніи съ бѣглымъ солдатомъ, сдѣланное въ Забайкальи въ прошедшемъ году, было свершено шкворнемъ. Для подобной же цѣли употребляются и нѣкоторыя замѣняющія орудія. Такъ, при пріемкѣ одного бѣглаго рабочаго Николаевскаго желѣзнаго завода были отобраны отъ него пистолетъ, куль, ножикъ и чугунная гиря. Куль или мѣшокъ — это сакъ-вояжъ бродяги, ножикъ нуженъ для хлѣба. Но гиря взята не для такихъ скромныхъ цѣлей; вѣсить бѣглому нечего, потому что онъ человѣкъ неторговый, и ужъ разумѣется ей бы пришлось сдѣлать свое дѣло, т. е. разыграть роль кистеня, когда бы представился случай наполнить пустой сакъвояжъ.

Число всѣхъ совершающихся кражъ, можетъ быть, и извѣстно мѣстнымъ властямъ, но только «Иркутскія Вѣдомости» упоминаютъ исключительно о тѣхъ, гдѣ кража свершилась, а вора нѣтъ. Нужно полагать, что публикаціи эти дѣлаются на случай отысканія пропавшихъ вещей. Насколько публикаціи помогаютъ отысканію, сказать трудно; но слѣдуетъ думать, что пользы отъ нихъ немного. Такъ, у одного поселенца балаганскаго округа украли самоваръ, фарфоровый чайникъ и двѣ пары чашекъ, — на 8-е апрѣля 62 года, а публикація о кражѣ сдѣлана 8 декабря, т. е. ровно черезъ 8 мѣсяцевъ. Или, въ 37 № вѣдомостей того же года помѣщено такое объявленіе: «въ балаганскомъ округѣ, при производствѣ слѣдствія объ ограбленіи каторжными Коломенцовымъ, Быковымъ и Липинскимъ, ссыльнаго Фреймана, во время осмотра мѣста, гдѣ совершено преступленіе, замѣчены были совершенно сгнившіе лоскутья отъ мужичьяго азяма, а при дальнѣйшемъ розыскѣ, не вдалекѣ отъ этого мѣста, въ разныхъ направленіяхъ оказалось: два черепа человѣческіе, совершенно голые и сухіе, одинъ изъ нихъ больше другого, съ нижнею челюстью, отдѣлившеюся отъ черепа, зубы у обоихъ череповъ большею частію выгнившіе, около одного черепа внутри найдена присохшею небольшая часть волосъ, имѣющихъ цвѣтъ свѣтлорусый съ просѣдью, четыре кости ножныя, изъ коихъ двѣ больше другихъ двухъ, три ручныхъ кости, четыре тазовыхъ, одна кость отъ лопатки, два позвоночныхъ столба въ мелкихъ частяхъ, разные между

собою по величинѣ, двѣ становыя кости, одна другой меньше, и реберныхъ костей двадцать одна». А въ слѣдующемъ N, т. е. черезъ недѣлю публикуется, что «7 августа, балаганскаго округа, черемховской волости, въ 6 верстахъ отъ Тырятскаго селенія, на дорогѣ, поселенецъ Югантъ Фрейманъ былъ остановленъ тремя бродягами, которые ограбили у Фреймана вещи и деньги 17 рублей, съ нанесеніемъ ему шиною трехъ ранъ по головѣ; грабители пойманы». Изъ этого видно что публикаціи дѣлаются въ порядкѣ важности предметовъ. И какъ двадцать одно ребро, три ручныя кости, совершенно обглоданныя и сухія, служатъ фактами, можетъ быть, двухъ душегубствъ, то о нихъ и слѣдовало сказать ранѣе, не смотря на то, что ихъ открыли во время слѣдствія объ ограбленіи Фреймана, и не смотря на то что открытіе ихъ не поведетъ ни къ чему. Наконецъ, изъ этого же видно еще и то, что объявленія бываютъ не всегда только въ томъ случаѣ, когда неизвѣстны воры, но публикуютъ о происшествіяхъ просто такъ, для всеобщаго свѣдѣнія. Если это такъ, то зачѣмъ не дѣлаются объявленія о всѣхъ происшествіяхъ? Какихъ свойствъ и размѣра должно быть событіе, чтобы о немъ напечатали въ губернскихъ вѣдомостяхъ? Если же все зависитъ отъ желанія или нежеланія полиціи, въ такомъ случаѣ очевидно, что для публики существуетъ большее вѣроятіе не узнать, чѣмъ узнать о происшествіяхъ, и разумѣется, найдутся полиціи, которыя изъ благоразумной скромности постараются умолчать о случившихся у нихъ кражахъ и убійствахъ, чтобы не тревожить напрасно мирныхъ обитателей, полагающихся вполнѣ на зоркость, дѣятельность, способность и неусыпность охраняющей ихъ полиціи. Судя по вѣдомостямъ, наибольшее спокойствіе живетъ въ Иркутскѣ, по крайней мѣрѣ я не нашелъ почти ни одного объявленія, изъ котораго можно бы заключить, что въ Иркутскѣ случаются кражи, грабежи и убійства Между тѣмъ если слушать то, что разсказываютъ, то придется придти къ другому убѣжденію: въ Иркутскѣ, какъ и вездѣ, случаются воровства, ворованныя вещи не отыскиваются и мошенничества [illegible]ются иногда съ такой наглостью, что люди, содержащіеся въ острогѣ, являются въ маскарадъ и, наворовавъ тамъ деньги, часы, уѣзжаютъ затѣмъ на свою квартиру въ острогъ. Этотъ случай мошенничества былъ сдѣланъ людьми до того смѣлыми, что они рѣшились красть часы даже у военныхъ генераловъ, стоящихъ весьма высоко въ мѣстномъ управленіи.

Если безгласностью думаютъ дѣйствовать успокоительно на общество,

въ такомъ случаѣ очевидно, что полиціи, поступающія иначе, поступаютъ неблагоразумно, и самымъ неблагоразумнымъ изъ всѣхъ оказывается балаганскій судъ. Онъ съ полнѣйшей откровенностью печатаетъ о всякомъ найденномъ имъ сгнившемъ трупѣ, о всякой пустой и разломанной шкатулкѣ, валяющейся на большой дорогѣ, о всякомъ пропавшемъ конѣ, кости котораго, за исключеніемъ черепа, давно разнесены хищными звѣрями и птицами. Изъ этого выходитъ то, что изъ числа всѣхъ опубликованныхъ кражъ на балаганскій округъ приходится гораздо больше трети, и человѣкъ, мало знакомый съ откровенностью балаганскаго земскаго суда, можетъ подумать, что въ балаганскомъ округѣ жизнь всего опаснѣе, а въ г. Иркутскѣ можно смѣло ложиться спать, не запирая дверей своей квартиры. Въ подобномъ мнѣніи можетъ легко утвердиться всякій новый пріѣзжій, составляющій мнѣніе о городской жизни изъ того, что онъ видитъ на улицахъ; а на улицахъ ни днемъ ни ночью, ни въ людныхъ, ни въ пустыхъ частяхъ города не встрѣтишь никогда ни одного полицейскаго. Слѣдовательно ясно, что въ городѣ все совершенно спокойно и не бываетъ никогда никакихъ происшествій. И между тѣмъ, въ Иркутскѣ бываетъ все то же и даже больше, чѣмъ въ другихъ большихъ городахъ. Такъ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, въ двѣнадцатомъ часу ночи, въ безмолвномъ переулкѣ, гдѣ я жилъ, раздался внезапно самый отчаянный «караулъ». Кричать такимъ образомъ могъ только человѣкъ, умирающій подъ ножами убійцы. Крикъ раздавался сначала издали, потомъ, приближаясь, происходилъ предъ самимъ домомъ, потомъ началъ удаляться. Повидимому, никто особенно не безпокоился этимъ; изъ всей нашей улицы выскочило, можетъ быть, — человѣкъ пять, не больше. Всѣ спрашивали другъ друга, что такое? что такое?» И всѣ шли самымъ скромнымъ шагомъ по направленію къ удалявшемуся человѣку, кричавшему тѣмъ же, какъ и прежде, отчаяннымъ голосомъ. Наконецъ, на встрѣчу намъ, т. е. со стороны крика, показался бѣжавшій человѣкъ совсѣмъ босой, только въ рубашкѣ и штанахъ. —Что тамъ такое? рѣжутъ что-ли?—И я думалъ, что рѣжутъ; вскочилъ съ постели какъ былъ, лишь бы поскорѣе. — Ну, и что же? — Да ничего, пьяный поселенецъ идетъ, да оретъ, а за нимъ другой. —Чего же онъ оретъ?—Да бѣсъ его знаетъ. Тѣмъ, что личная безопасность каждаго зависитъ преимущественно отъ личной заботливости о себѣ самихъ гражданъ, объясняется слышанный мной отвѣтъ засѣдателя, по поводу убійства двухъ жидовъ:—сами виноваты; у ж довъ глупая манера болтать со всякимъ; а тутъ изъ скупости, чтобы не

платить на постояломъ дворѣ, вздумали еще ночевать въ полѣ. Понятно, что виноваты жиды, а не убійцы.

Относительно мѣръ, принимаемыхъ къ обезпеченію личной безопасности, простой народъ въ Сибири имѣетъ сходство съ американцами. Въ Америкѣ, въ XVII столѣтіи, когда граждански неустроенное общество не всегда имѣло возможность обращаться къ судебной власти, и противъ огромнаго числа мошенниковъ и людей, жившихъ на чужой счетъ, нужно было принимать быстрыя и рѣшительныя мѣры, народу было предоставлено право—дѣла извѣстнаго рода рѣшать самосудомъ. Этотъ законъ Линча позволилъ вѣшать людей съ необычайной быстротой. Поймаютъ въ полѣ человѣка, намѣревавшагося увезти чужой хлѣбъ, соберется нѣсколько граждапъ и, рѣшивъ, что человѣкъ—воръ, тащатъ его къ ближайшему дереву, и въ двѣ минуты онъ уже болтается между небомъ и землей. Расправы сибиряковъ въ этомъ же родѣ. Извѣстно, что ни одинъ обозъ и до сихъ поръ не дойдетъ благополучно отъ Кяхты до Нижняго. Подрѣзываніе обозовъ составляетъ особую промышленность, а бывали, а можетъ быть есть и теперь здѣсь купцы, сдѣлавшіе себѣ порядочное состояніе перепродажей краденаго чая, или другихъ товаровъ. Но какъ за украденное мѣсто возчики отвѣчаютъ передъ хозяиномъ, то быть неловкимъ воромъ великій рискъ. Судъ извощиковъ коротокъ и простъ: вора примутъ въ кнуты и колья, такъ что несчастный едва уноситъ ноги. Бывали случаи, что крѣпко побитый человѣкъ, приходя домой, хирѣлъ, хирѣлъ, да и отдавалъ душу Богу, тщательно скрывая отъ всѣхъ, какая приключилась съ нимъ болѣзнь. Мнѣ разсказывали крестьяне, что одному такому несчастному возчики, въ видѣ клистира, ввернули въ животъ совокъ, т. е. желѣзный щупъ, которымъ берутся пробы изъ чайныхъ мѣстъ. Извощики расправляются сами потому, что суды и власти по дорогѣ рѣдки; идти къ нимъ съ жалобой не всегда ведетъ къ дѣйствительному удовлетворенію претензіи, а время дорого, особенно если кладь идетъ на срокъ.

Крестьянамъ надоѣдаютъ воры и они не любятъ ихъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ кто либо, потому что крестьянинъ бѣденъ, и каждая копѣйка и каждая вещь дается ему съ большими усиліями, чѣмъ людямъ другихъ сословій. По юридической части крестьянинъ слабъ и, выросши въ понятіяхъ, что каждая вина должна быть наказана, онъ наказываетъ по своему уму-разуму, не справляясь о томъ, какъ разсуждало бы въ данномъ случаѣ римское право. Дойдя своимъ умомъ до сознанія необходимости во многихъ случаяхъ самосуда, крестьянинъ и

въ своей юстиціи дѣйствуетъ такъ, какъ будто бы на него напали на дорогѣ разбойники—онъ защищается чѣмъ ни попало. Вотъ интересный фактъ, случившійся лѣтъ пять назадъ въ восточной Сибири. Крестьянинъ Лукинъ съ своимъ племянникомъ Степаномъ Какауровымъ и съ рабочими пошли въ лѣсъ на охоту. Подходя къ своимъ ямамъ, гдѣ по ихъ мнѣнію звѣрь долженъ былъ уже находиться, они услышали голосъ не то собачій, не то человѣчій. Лукинъ и говоритъ: «надо обождать, непридетъ ли кто мясничить». Это значить, что онъ подозрѣвалъ, что какой-то недобрый человѣкъ идетъ воспользоваться ихъ звѣремъ. И точно, по тропинкѣ къ ямамъ показался человѣкъ. Какауровъ и Лукинъ бросились за нимъ. Нагнавъ человѣка, Лукинъ замахнулся на него топоромъ, а Какауровъ хотѣлъ ударить его винтовкой. Но Подкорытовъ предупредилъ удары, схвативъ одной рукой топоръ, а другой винтовку. Тогда Лукинъ позвалъ своихъ людей и велѣлъ имъ связать Подкорытову ногу; ноги связали, потомъ дернули за веревку, Подкорытовъ упалъ. Послѣ этого связали ему назадъ руки, притащили къ двумъ березамъ и привязали его одной веревкой въ полтѣла, а другой за шею притянувъ ее какъ только можно было крѣпко. Подкорытовъ во все время кричалъ: «батюшки, отпустите, я ни въ чемъ невиноватъ». Затѣмъ Какауровъ, обратившись къ бывшему съ ними мальчику, кажется, своему племяннику, говоритъ ему: «дай ка топоръ, я его подкую», и сталъ бить обухомъ по голымъ пяткамъ, сначала по одной, а потомъ и по другой ногѣ. Отъ сильной боли Подкорытовъ сталъ дергать ногами:—«э, да онъ еще лягается», сказалъ Какауровъ и, заворотивъ ему ноги врозь, выше головы, замоталъ веревками къ березѣ; потомъ досталъ ножикъ и сталъ обрѣзать Подкорытову волосы съ головы; онъ даже хотѣлъ распороть ему ножемъ ноздри, но товарищи не допустили. Послѣ этого Какауровъ взялъ молотокъ и сталъ снова подковывать Подкорытова. Кончивъ эту операцію, компанія, оставивъ при Подкорытовѣ караулъ, отправилась за звѣремъ. Но Подкорытову приходилъ должно быть послѣдній часъ и караульщики стали кричать: »эй, идите сюда, Семенъ умираетъ». И точно, Семенъ совсѣмъ почернѣлъ и лишился чувствъ, у рта была пѣна. Его отвязали, приволокли къ огню и положили на сѣно. Семенъ началъ приходить въ себя и спросилъ воды. Вмѣсто воды, Какауровъ, схвативъ стягъ и сказавъ: «еще ты пить хочешь, вотъ я тебѣ дамъ», размахнулся и ударилъ, но промахнулся; потомъ схватилъ полѣно, хотѣлъ бить снова, но полѣно отъ него вырвали. Стало тем-

нѣть и тогда Какауровъ принялся топтать больнаго колѣнями въ грудь. Переночевали. Утромъ, связавъ избитаго, они отправились верхами домой. Не доѣзжая селенія, Какауровъ снялъ съ Подкорытова кушакъ и связалъ ему руки назадъ, а подъѣзжая къ селу, снялъ съ него шапку и кричалъ: «варнака везу», потомъ толкнулъ его дуломъ и тотъ свалился съ лошади. Привезя въ деревню, онъ сдалъ Подкорытова старостѣ.

Все обращеніе Какаурова съ Подкорытовымъ на обыкновенномъ разговорномъ языкѣ называется ужаснымъ, безчеловѣчнымъ, жестокимъ и т. д. Но едва ли Какауровъ понялъ бы, когда цивилизованный человѣкъ сталъ бы подобными эпитетами опредѣлять его поступокъ. Ужасно или нѣтъ ковать человѣка, Какауровъ не знаетъ; но онъ выросъ въ такой практикѣ, гдѣ обухъ топора, стягъ, ремень съ пряжкой, полѣно и вообще всякое первое попавшееся подъ руку твердое тѣло считаются инструментами, весьма удобными для нанесенія побоевъ. Потомъ онъ видѣлъ, что побои наносятъ всегда въ такомъ размѣрѣ, чтобы сохранялись какъ можно крѣпче въ памяти битаго. Онъ видѣлъ, разумѣется, какъ и заплечный мастеръ упражняется плетью на базарной площади, при стеченіи народа, надъ спиной человѣка, обвиненнаго судомъ. Онъ слышалъ, что шпицрутены даются иногда въ такомъ числѣ, что наказываемый едва въ три срока успѣетъ собрать ихъ всѣ на свою спину. Онъ всю свою жизнь видѣлъ, что палка есть главное орудіе, которымъ лечатся нравственные недуги, которой учатъ и людей уму-разуму, которая годится и для взрослаго, и для малаго, для собаки, и для лошади. Какъ въ гомеопатіи nux vomica считается почти универсальнымъ средствомъ, которое доморощенные доктора даютъ во всѣхъ больницахъ, такъ и палки въ практической жизни. Нашалилъ ребенокъ—палка, и ребенокъ уже не повторяетъ шалости; жена ослушалась, сгрубила или поцаловалась съ солдатомъ — палка или ремень съ пряжкой, и жена становится шелковой; лошадь ли завязла съ возомъ въ грязи—опять палка, и возъ вытащенъ; самъ ли мужикъ надѣлалъ что нибудь и его дуютъ палкой, и онъ сноситъ удары съ полнымъ убѣжденіемъ, что невозможно же иначе. Ужасно ли все это, человѣчно ли, безчеловѣчно, жестоко или не жестоко, крестьянинъ не знаетъ; но должно быть, что все это весьма человѣчно, потому что всегда употреблялось со всѣми рѣшительно людьми, какихъ только онъ встрѣчалъ на своемъ вѣку. Чтобы у крестьянина могло явиться представленіе о жестокости и безчеловѣчности, нужно, чтобы въ параллель съ той средой, гдѣ ни одному человѣку и домашнему звѣрю не при-

шлось прожить свой вѣкъ безъ побоевъ, жила бы еще и другая среда, доступная для крестьянина, гдѣ людей только ласкаютъ, оказываютъ людямъ всякое уваженіе и почтеніе, гдѣ у людей развивается новымъ обращеніемъ чувство собственнаго достоинства. Поживъ въ такомъ кружкѣ и привыкнувъ къ пріятнымъ впечатлѣніямъ, крестьянинъ не пошелъ бы въ ту среду, гдѣ ему пришлось бы снова подставлять свою спину подъ плеть и палку. Тогда бы только побои онъ назвалъ дѣйствіемъ нечеловѣчнымъ и жестокимъ, потому что видѣлъ бы какъ подобные же люди живутъ, весь вѣкъ не зная плети и стяга, и не только не становятся отъ этого хуже, но представляютъ такія нравственныя качества, какихъ нѣтъ у битыхъ. Теперь же мужикъ знаетъ только одно, что за битаго двухъ небитыхъ даютъ, и что всякое ученье и исправленіе нравственности совершается исключительно въ формѣ побоевъ и что если такое средство существуетъ повсемѣстно, то разумѣется потому, что ничего лучшаго и придумать нельзя. Точно также Какауровъ разсуждаетъ и о своемъ самосудѣ, если онъ только разсуждаетъ о немъ. Ему кажется совершенно въ порядкѣ вещей, что сначала онъ самъ поколотилъ Подкорытова, а потомъ отправилъ его къ старостѣ, чтобы и тотъ расправился еще съ нимъ. Все это онъ дѣлаетъ для того, чтобы Подкорытовъ удержалъ крѣпче въ памяти, что не слѣдуетъ брать чужого добра. Но можетъ быть, Подкорытовъ шелъ по лѣсу совсѣмъ не для того, чтобы поживиться чужимъ звѣремъ? Что вину его слѣдуетъ еще опредѣлить, что для этого существуетъ особая власть, называемая судомъ,—Какауровъ, можетъ быть, и точно знаетъ все это, но онъ знаетъ еще и то, что судъ можетъ быть рѣшитъ дѣло и такъ, и иначе; онъ знаетъ также, что судъ отъ него далеко и что старики сложили поговорку: «вора ловили, да себя погубили». Тамъ еще жди суда и его рѣшенія, да и Богъ его знаетъ, какое оно будетъ; а тутъ короче и досаду вымѣстить, да и человѣку добро, потому что отучилъ его отъ дурного.

Только выносливость и крѣпкое здоровье, или случай, спасли Подкорытова отъ смерти. Будь онъ слабѣе, или караульные невнимательнѣе, и вотъ однимъ убитымъ больше и между кандальными явился бы новый товарищъ. Спросите такого убійцу, какъ и за что попалъ онъ въ острогъ, и онъ отвѣтитъ: по несчастію, грѣхъ случился. И точно, случился грѣхъ, потому что Какауровъ хотѣлъ только поучить построже Подкорытова, но не убивать его; если бы онъ хотѣлъ убить, ему бы ничего не стоило пустить въ него зарядъ изъ винтовки, или

разсѣчь его топоромъ. Человѣкъ слишкомъ горячій, Какауровъ не имѣлъ столько разсудка, чтобы понимать, что онъ дѣлаетъ, и колотилъ несчастнаго не въ мѣру потому, что не понималъ, что онъ бьетъ больше, чѣмъ человѣческая натура можетъ вынести. Невѣжество русскаго человѣка въ этомъ такъ велико, что онъ срываетъ досаду всей той силой, какая въ немъ есть. Онъ бьетъ во всю мочь, не разбирая кого онъ бьетъ — лошадь, женщину или ребенка; оттого такъ часты случаи убійствъ, по нечаянности, подъ горячую руку. Баба, убившая своего мужа чугуннымъ горшкомъ, не съумѣла только сообразить относительную крѣпость горшка и мужицкой головы. Понимай она, т. е. только задай себѣ вопросъ, чѣмъ могутъ кончиться такіе побои и разумѣется, она не стала бы бить чугуномъ. Вотъ почему и эта баба говоритъ, что она попала въ каторгу по несчастію, что случился грѣхъ. Большая часть убійцъ этого рода не понимаютъ сами, какъ случилось убійство. Вся вина ихъ въ томъ, что они люди слишкомъ горячіе и непонимающіе, что они дѣлаютъ.

Даже и другой сортъ убійцъ, люди убивающіе, чтобы ограбить и разжиться деньгами, дѣлаютъ это обыкновенно по тупоумію. Интересный фактъ этого рода представляетъ убійство, случившееся въ Саксоніи въ 1859 году. Убійцей былъ 15-лѣтній мальчикъ, Карлъ Вюстнеръ. Привожу этотъ случай потому, что при производствѣ уголовныхъ процессовъ заграницей опредѣляются съ большой обстоятельностію побудительныя причины преступленія, и самого преступника стараются разъяснить полнѣе, какъ извѣстную психологическую задачу. Всѣ наши процессы описываются и ведутся гораздо проще. Въ томъ видѣ, какъ излагаются у насъ процессы въ печати, они представляются весьма нехитрыми и несложными. Задумала ли баба отравить своего мужа, она пошла къ другой бабѣ, купила у нея мышьяку, насыпала его въ водку и дала выпить мужу. Или еще проще, разрубила ему ночью голову топоромъ, а потомъ выскочила изъ избы и объявила міру о томъ, что она сдѣлала. Но бываютъ случаи, когда сдѣланное убійство разъясняется слѣдствіемъ такъ странно, что нѣтъ никакой возможности понять изъ него что-либо. Такъ, въ 22 № Ирк. вѣд. 1862 г. разсказывается, что «поселянинъ ачинскаго округа Алексѣй Лисицынъ нанесъ топоромъ по головѣ рану поселенцу Кондратію Катышкину, который спустя три дня умеръ. Произведеннымъ по этому предмету разслѣдованіемъ обнаружено, что Лисицынъ совершилъ преступленіе, не имѣя никакой злобы къ убитому. По его словамъ,

онъ ранѣе задумалъ совершить преступленіе надъ приказчикомъ Мисаиловымъ будто бы за нанесенную ему брань и обиду; но по какому-то безотчетному внушенію, безъ всякаго повода, схватилъ вблизи лежащій топоръ и ударилъ имъ по головѣ бывшаго въ одной съ нимъ казармѣ поселенца Катышкина. Это было одно мгновеніе, которое и самъ Лисицынъ называетъ безпамятствомъ. Намѣреніе Лисицына убить прикащика Мисаилова, а также и поводъ къ совершенію этого преступленія, при слѣдствіи не подтвердились». Слѣдователь не разъяснилъ здѣсь ничего; человѣкъ хотѣлъ убить одного, а убилъ другаго; Петръ ли то, или Иванъ — ему все равно, лишь бы убить кого нибудь. Такіе факты у насъ нерѣдки. Такъ, въ одной острожной больницѣ два арестанта хотѣли убить третьяго за шпіонство. Но какъ они не могли найти сразу гдѣ онъ спитъ, то и рѣшили рѣзать всѣхъ сподрядъ, потому что виноватому тогда, разумѣется, не увернуться. Убійство производится здѣсь совершенно спокойно, и человѣка рѣжутъ хладнокровнѣе, чѣмъ курицу. Какой же процессъ происходитъ въ убійцѣ? Процессъ очень простой, тотъ же самый, какой и въ поварѣ, когда онъ рѣжетъ цыпленка или барана. Нужно зарѣзать, онъ и рѣжетъ. Чтобы приходить въ содраганіе отъ вида человѣческой крови, или чувствовать жалость къ мольбамъ жертвы, надо имѣть головной мозгъ и нервы болѣе впечатлительные и болѣе тонкаго развитія, чѣмъ какими владѣетъ русскій человѣкъ, особенно пошатавшійся по острогамъ. И съ молоду онъ ужъ испыталъ на себѣ ухваты, кочерги и всякихъ сортовъ колотушки; потомъ изболтался отъ всей окружающей его нищеты и неурядицы; потомъ попалъ въ острогъ, видѣлъ плети и на своей и на чужой спинѣ, видѣлъ людей, обезображенныхъ шпицрутенами. Такая школа очень укрѣпляетъ нервы, особенно если они и раньше отличались проволочными свойствами. Къ этому человѣкъ получаетъ еще въ острогѣ философское воспитаніе; въ немъ образуется особенное міросозерцаніе и извѣстные принципы, повѣрья и предразсудки. Арестанты думаютъ, что когда убѣжишь изъ острога, то перваго кого ограбишь, чтобы завестись одеждой или сапогами, слѣдуетъ убить, а то будетъ неблагополучно. И неопытный арестантъ, запоминая это правило, совершенно удовлетворяется той причиной, что будетъ неблагополучно. А что значитъ неблагополучно, онъ не спрашиваетъ, потому что этотъ вопросъ ему вовсе и не представляется. Я знаю фактъ, гдѣ бѣглый арестантъ убилъ человѣка, потому что ему понравились его новые сапоги. Если бы онъ вздумалъ снимать сапоги силой, то ра-

зумѣется, для бродяги могло бы явиться неблагополучіе, потому что его могли поймать. А тутъ дѣло кончилось безъ хлопотъ и шуму. Кто знаетъ, какимъ путемъ явились всѣ эти мертвыя тѣла, съ признаками насилія, о которыхъ публикуютъ Иркутскія вѣдомости? Я насчиталъ ихъ въ 1862 г. до 55. Но сколько случается всѣхъ убійствъ, этого нельзя сказать даже и приблизительно. Можетъ быть всѣхъ мертвыхъ тѣлъ съ признаками насилія, найдется и болѣе ста, а можетъ быть, въ цифрѣ 55 заключаются всѣ убитые. Сибирь страна очень широкая, дорогъ здѣсь мало, пустырей и лѣсовъ много, народонаселеніе рѣдко, слѣдовательно совершать убійства и хоронить концы весьма удобно. Если бы здѣшніе убійцы были народъ болѣе развитой, то, разумѣется, они бы ловчѣе скрывали и свои преступленія. Но при своемъ тупоуміи и простоватости они убиваютъ самыми простыми способами, большею частью шкворнемъ, камнемъ или просто хлѣбнымъ ножемъ и, убивъ человѣка и оттащивъ его въ кусты, убійца продолжаетъ спокойно свое путешествіе. Если бы тѣла убитыхъ жидовъ убійцы зарыли въ землю, или бросили бы въ воду, то, разумѣется, убійцъ никто бы не поймалъ, и они благополучно гуляли бы теперь въ пермской, или казанской губерніяхъ. Но расчитавъ на рѣдкое населеніе Забайкалья и на русское авось, убійцы попались скоро. Какъ русскій человѣкъ отличается неразвитіемъ въ жизни и въ своихъ потребностяхъ, такимъ же неразвитіемъ отличается онъ и въ своихъ преступленіяхъ. Того злодѣйскаго характера, тонины обдуманности и сложныхъ интригъ, которыя такъ обыкновенны въ преступленіяхъ западныхъ европейцевъ, у русскихъ нѣтъ. Русскій человѣкъ очень простъ и большею частью самъ не знаетъ, какъ случился съ нимъ грѣхъ; оттого онъ и зоветъ свои вины глупостью, несчастіемъ и грѣхомъ. Хочется ему иногда наказать свою жену, и въ горячкѣ, не соразмѣривъ силы удара полѣномъ съ крѣпостью черепа, онъ сдѣлаетъ убійство. Даже убійцы по ремеслу, видавшіе много остроговъ и знакомые съ каторгой, отличаются той же тупостью и неразвитостью. Пожалуй, можно ихъ идеализировать, какъ это дѣлаютъ наши современные описатели остроговъ, но отъ идеализаціи и до дѣла еще слишкомъ далеко. Наша гражданская неразвитость видна у насъ во всемъ, во всѣхъ понятіяхъ народа и во всѣхъ преступленіяхъ простаго человѣка. Отъ этого у насъ преступленія совершаются или въ горячкѣ, въ безпамятствѣ, или въ спокойномъ состояніи духа, съ тѣмъ хладнокровіемъ, которое такъ поражаетъ цивилизованныхъ людей.

Но возвратимся къ 15-лѣтнему убійцѣ Вюстнеру. Этотъ Вюст-

неръ былъ сынъ рудокопа и съ 1858 года началъ самъ работать въ рудокопнѣ. За свою ежедневную 12-ти-часовую работу онъ получалъ въ четырнадцать дней около 1 руб. 84 коп. Вюстнеръ былъ тихій и мягкосердечный мальчикъ и товарищи отзывались о немъ хорошо. Отецъ воспитывалъ его съ строгостію и иногда наказывалъ Карла, но только рукою. Карлъ былъ одѣтъ весьма бѣдно, «воскресныхъ вещей» онъ не имѣлъ, и его желаніе имѣть шляпу, какія носили всѣ его товарищи, до сихъ поръ не могло быть исполнено.

Около четырехъ часовъ утра Карлъ уходилъ изъ дому. Онъ бралъ съ собой пищу на весь день, состоявшую изъ хлѣба съ масломъ, а иногда, когда дома масла не было, изъ одного хлѣба. Теплое кушанье— кортофель, супъ или кофе онъ получалъ только вечеромъ, по возвращеніи домой. Большая же часть его товарищей, родители которыхъ жили близъ рудокопни, получали отъ нихъ теплую пищу въ полдень. Порція, даваемая Вюстнеру, была такъ незначительна, что онъ съѣдалъ иногда весь хлѣбъ уже за завтракомъ. Карлъ работалъ иногда за нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей, но вырученную за это плату онъ долженъ былъ отдавать своему отцу.

Въ рудокопнѣ было заведено, что работники могли покупать у жены смотрителя хлѣбъ, масло, пиво. Отецъ Вюстнера позволилъ ему издерживать на съѣстные припасы два гроша въ двѣ недѣли. Однажды Карлъ издержалъ однимъ грошомъ болѣе и отецъ, выбранивъ его, угрожалъ, что если вина повторится, то онъ поколотитъ его сильно.

Не смотря на это долгъ его дошелъ наконецъ до 1 талера 23 грошей. Жена смотрителя требовала нѣсколько разъ уплаты и грозила попросить своего мужа вычесть долгъ изъ заработной платы.

Въ тотъ день, когда совершилось убійство, отецъ Вюстнера сказалъ ему, что пошлетъ въ полдень старшаго сына за полученіемъ заработной платы Карла. Карлъ отдалъ брату 3 талера и въ то же время заплатилъ маленькую сумму женѣ смотрителя, обѣщая расчитаться съ ней окончательно на другой день.

При работѣ Вюстнеру постоянно приходила мысль, что онъ не можетъ отдать долга. Его мучила мысль, какъ бы добыть денегъ, и на него напалъ страхъ.

Размышляя такимъ образомъ, ему въ четвертомъ часу пришла вдругъ мысль убить кого нибудь вечеромъ, и именно кого нибудь изъ работниковъ, потому что въ этотъ день всѣ они получили плату. Въ это время онъ еще не рѣшилъ кого убить, а также гдѣ и какимъ образомъ.

Когда онъ рѣшился убить, ему совсѣмъ не приходила мысль, что лучше бы никого не убивать, онъ не испытывалъ никакой внутренней борьбы. Онъ думалъ только, что замышляетъ нѣчто худое и надѣялся, что о его поступкѣ никто не узнаетъ.

Послѣ пяти часовъ онъ оставилъ рудокопню и пошелъ домой съ нѣсколькими товарищами. Дойдя до кучи хвороста, Вюстнеръ вытащилъ изъ нея сосновый сукъ, которымъ хотѣлъ убить. Когда приготовилъ онъ палку, то только тогда онъ подумалъ, что ему бы убить Палитца. Вюстнеръ былъ увѣренъ, что Палитцъ его догонитъ и нѣсколько разъ просилъ товарищей подождать Палитца. Также только дорогой подумалъ онъ въ первый разъ о томъ, гдѣ онъ убьетъ Палитца: онъ рѣшился убить его въ сосновой рощѣ, лежавшей на ихъ пути.

Вскорѣ нагналъ ихъ Палитцъ, а товарищи, расходясь по домамъ, оставили наконецъ Вюстнера и Палитца однихъ. Вюстнеръ спросилъ Палитца, много ли онъ получилъ денегъ, и узналъ, что 4 т. 18 гр. Вюстнеръ сдѣлалъ этотъ вопросъ, потому что «хотѣлъ это знать и убить Палитца». Когда они были близь рощи, то Карлъ подумалъ, «что онъ будетъ бить Палитца по головѣ, но ему сейчасъ же пришло на мысль, что послѣ перваго удара Палитцъ только упадетъ и не будетъ еще убитъ, и потому ему прійдется ударить еще нѣсколько разъ».

Когда они вошли въ рощу, Карлъ ударилъ Палитца съ лѣвой стороны во всю силу. Палитцъ упалъ, сталъ визжать и сказалъ разъ или два: «Карлъ пусти меня.» Тогда ему стало страшно, онъ боялся, что кто нибудь придетъ, потому что Палитцъ сильно вылъ. Но не смотря на просьбу Палитца, онъ не могъ пустить его, такъ какъ онъ его уже ударилъ. Палитцъ хотѣлъ приподняться, но Карлъ ударилъ его еще нѣсколько разъ по лѣвой сторонѣ головы.

Когда Палитцъ былъ уже мертвъ, Карлъ вынулъ у него изъ кармана платокъ съ деньгами и при выходѣ изъ рощи спряталъ дубину въ ямѣ подъ снѣгомъ.

Все это продолжалось не болѣе десяти минутъ, и въ четверть восьмаго Карлъ былъ уже дома. Когда онъ подумалъ, что его схватятъ и что все это откроется, ему стало страшно. Осмотрѣвъ себя, онъ увидѣлъ на платьи и сапогахъ кровь; онъ вымылъ руки и вытеръ сапоги. Потомъ, вынувъ изъ печки супъ, онъ ѣлъ его. Послѣ супа онъ ѣлъ хлѣбъ съ масломъ и кушанье казалось ему вкуснымъ.

Поѣвши, онъ сталъ вязать чулокъ, что онъ всегда дѣлалъ по вече-

рамъ. Но вскорѣ ему захотѣлось спать и онъ уснулъ, положивъ руки на столъ и голову на руки. Онъ проснулся въ восемь часовъ, разбуженный приходомъ матери, и она пошла въ сосѣдній домъ, гдѣ отецъ его свѣжевалъ корову. Дорогой у Карла болѣло сердце; ему было страшно, потому что онъ убилъ Палитца. Онъ думалъ, что это откроется.

Утромъ онъ по обыкновенію отправился на работу, но дойдя до рощи, ему стало страшно; ему было очень нехорошо, когда онъ проходилъ черезъ рощу.

Въ рудокопнѣ никто не замѣтилъ въ Вюстнерѣ ничего особеннаго, даже послѣ того, какъ пришло извѣстіе, что нашли трупъ Палитца. Онъ исполнялъ свою работу, какъ обыкновенно.

Во время процесса Вюстнеръ былъ спокоенъ и равнодушенъ, въ немъ не было замѣтно ни раскаянія, ни страха предъ наказаніемъ. Онъ сказалъ, что присутствовалъ бы при похоронахъ Палитца, если бы имѣлъ на то время. Даже видъ убитой горемъ матери Палитца, ея дрожащій голосъ и изліяніе горя и отчаянія, которыя сильно потрясли сердца всѣхъ присутствовавшихъ, не произвели на Вюстнера никакого впечатлѣнія: онъ только нѣсколько разъ наклонялъ голову и смотрѣлъ въ землю.

Только когда была вызвана его мать, онъ потерялъ свое обычное хладнокровіе. При видѣ ея Вюстнеръ началъ плакать тихо, но горько и наконецъ его громкія рыданія слились съ плачемъ его матери.

Ребенокъ убивалъ, потому что не понималъ, что онъ дѣлаетъ; все его хладнокровіе это только тупость и равнодушіе, созданныя его печальной жизнью, полною лишеній. Онъ не цѣнилъ и не могъ цѣнить жизнь, потому что она не представляла для него ничего привлекательнаго. Какое же было для него основаніе цѣнить жизнь другого? Низкій уровень матеріальнаго благосостоянія, неразвитость и нужда, вотъ что создала изъ Вюстнера убійцу. Его преступленіе просто непониманье того, что онъ сдѣлалъ. Впослѣдствіи, развившись, онъ можетъ быть и понялъ бы, что онъ сдѣлалъ, но въ моментъ свершенія убійства онъ понимать этого еще не могъ. Вотъ и причина его равнодушія. Такое непониманье очень обыкновенная вещь и въ взрослыхъ убійцахъ, когда жизнь затупила ихъ до скотскаго состоянія способностей. Въ Нерчинскомъ заводѣ замужняя баба убила вмѣстѣ съ своимъ любовникомъ своего мужа, и сейчасъ же послѣ этого она «имѣла любовь». Угрызе-

ніе совѣсти, которое такъ любятъ моралисты, возможно только въ тѣхъ, кто понимаетъ свой поступокъ, потому что совѣсть есть только способность оцѣнки своихъ дѣйствій. Но ни въ Вюстнерѣ, ни въ этихъ любовникахъ не было еще этой способности, и потому странно удивляться, почему они не убивались отъ своего ужаснаго поступка, почему они не терзались, не плакали. Не дѣлали они этого потому, что не могли; совершенно потому же, почему прикащикъ обмѣриваетъ и обвѣшиваетъ продавца, и спитъ послѣ этого спокойно: онъ не понимаетъ, что онъ дѣлаетъ.

Но есть въ проступкѣ Вюстнера обстоятельство, имѣющее практическое значеніе; оно заключается въ томъ, что у него былъ постоянно страхъ — какъ бы не узнали объ убійствѣ. Эта боязнь, чтобы преступленіе не было открыто, черта всѣхъ проступковъ и преступленій. Каждый воръ, каждый убійца боится этого и потому старается всѣми мѣрами скрыть слѣды своего преступленія, на сколько достаетъ у него на это способностей; и если по несчастію, онъ будетъ заподозрѣнъ и преданъ суду, то и тутъ всякими выдумками и ложью старается скрыть свою вину. Вотъ почему бдительное преслѣдованіе преступленій путемъ общественной гласности такъ важно относительно уменьшенія ихъ числа. Но въ Сибири не только нѣтъ общественной гласности, но и полиціи подобной Петербургской. Въ Петербургѣ никто не станетъ привязывать вора къ дереву и ковать или ввинчивать въ него совокъ. Гораздо проще отвести пойманнаго мошенника въ кварталъ. Такъ тамъ и дѣлаютъ. Но въ какой кварталъ вести вора, пойманнаго возчиками на большой дорогѣ? И къ чему поведетъ представленіе его полиціи и суду? Есть ли увѣренность, что воръ будетъ точно признанъ воромъ и будетъ наказанъ? Если бы такая увѣренность жила въ возчикахъ, едва ли бы они стали расправляться съ ворами по своему. Но они изъ опытовъ прошедшихъ лѣтъ знаютъ очень хорошо, что представленіе вора даже съ полными уликами не вело ни къ чему. Бывали даже такіе случаи, что кяхтинскій купецъ заѣзжаетъ дорогой къ купцу тунгурскому и у него въ квартирѣ находитъ мѣсто съ чаемъ, съ своей мѣткой, украденныя дорогой. И купецъ все-таки не заводитъ дѣла, потому что знаетъ, что изъ этого ничего не будетъ. Можетъ быть дѣятельность полиціи и судовъ Сибири измѣнилась въ послѣднее время, но народъ, воспитавшійся на преданіи, туго вѣритъ полицейскому и судебному прогрессу. Нельзя думать, чтобы возчикамъ доставляло удовольствіе бить воровъ, потому что это все-таки хлопоты и трата времени, но

они рѣшаются на эту мѣру, какъ на единственную въ ихъ положеніи. А между тѣмъ въ какой степени надзоръ по большимъ дорогамъ могъ бы быть полезенъ и какъ могло бы быть значительно его вліяніе на уменьшеніе мошенничествъ и воровства, видно изъ того, что побитые возчиками воры тщательно скрываютъ причину болѣзни отъ своихъ домашнихъ и не открываютъ своего секрета даже тогда, когда они умираютъ отъ этихъ побоевъ. Однимъ пойманнымъ и преданнымъ суду воромъ запугиваются десять остальныхъ, и если они и не перестанутъ красть совсѣмъ, покрайней мѣрѣ станутъ воровать осторожнѣе и съ меньшей наглостью.

Но чтобы это случилось, необходимо, чтобы за быстрой поимкой слѣдовалъ бы и быстрый судъ. Въ Англіи напримѣръ, особенно въ Лондонѣ, дѣла идутъ такъ быстро, что нерѣдко люди, сдѣлавшіе сегодня преступленіе, завтра уже предаются суду присяжныхъ. Нѣтъ никакихъ основаній предпологать, чтобы и у насъ не явилась современемъ значительнѣйшая противъ нынѣшней быстрота въ производствѣ уголовныхъ процессовъ. Но этого еще мало. Человѣкъ въ большей части случаевъ дѣлаетъ то, что принуждаютъ его дѣлать обстоятельства, слагающіяся такъ или иначе подъ вліяніемъ учрежденій страны. Органическія особенности, дозволяющія человѣку уклоняться такъ легко отъ установившихся порядковъ и свершать такъ называемыя тяжкія преступленія, какъ убійства, составляютъ рѣдкое исключеніе. Большая же часть преступленій и проступковъ зависятъ прямо отъ учрежденій, находящихся въ противорѣчіи съ натурой человѣка. Каждый человѣкъ дѣлаетъ только то, что ему пріятно и старается освободиться отъ непріятнаго. Когда крестьянину, а особенно дворовому человѣку, становились совершенно невыносимы преслѣдованія помѣщика, его палки и розги — дворовый бѣжалъ, рѣшаясь лучше на скитальческую жизнь бродяги, чѣмъ терпѣть дома вѣчную каторгу. Разумѣется, человѣкъ не рѣшился бы покинуть свой домъ, если бы былъ убѣжденъ, что существуетъ другое средство измѣнить обстоятельства. Но такихъ средствъ въ распоряженіи крестьянина и дворового человѣка не было; онъ зналъ, что нѣтъ такой власти на землѣ, которая бы изъ помѣщика - злодѣя сдѣлала добродѣтельнаго человѣка. Люди болѣе рѣшительные прибѣгали къ убійствамъ своихъ господъ и, какъ увѣряетъ одинъ русскій писатель, число убиваемыхъ помѣщиковъ доходило въ годъ среднимъ числомъ до семидесяти. Люди же, не рѣшавшіеся на подобное дѣло, бѣжали и скитались по Россіи изъ конца въ конецъ, съ фальшивыми

паспортами, или совсѣмъ безъ всякаго вида. Трудности военной службы и существовавшая до сихъ поръ строгость и даже жестокость обращенія съ солдатами, а особенно съ рекрутами, создали дезертерство. Строгость же обращенія по принципу и система устрашенія была такого размѣра, что высшей мѣрой наказанія солдату за обыкновенныя преступленія было принято 6,000 ударовъ шпицрутенами. И что замѣчательно, находились люди, которые выносили даже большее число ударовъ. Еще и до сихъ поръ попадаются въ Сибири старики, о спины которыхъ были избиты цѣлыя березовыя и орѣховыя рощи. И старики эти добры и крѣпки. Что за страшная, нечеловѣческая сила жила въ этихъ людяхъ! Такъ Горкинъ, нѣкогда гроза всѣхъ проѣзжавшихъ по охотскому тракту, разбивавшій съ двумя товарищами цѣлыя роты солдатъ и толпы мужиковъ, высылаемыхъ для его поимки, человѣкъ, голова котораго изрублена вся саблями, а спина приняла безъ счету кнуты, палки и розги, до сихъ поръ, не смотря на свои 70 лѣтъ, имѣетъ видъ человѣка 45 — 50 лѣтъ. Правда, что Горкины рѣдки, но они бывали. Можетъ быть, и нынче найдутся подобные же желѣзные люди, но только наказывать ихъ такимъ жестокимъ образомъ нерасчетъ. Они не дѣлаются отъ этого лучше, и общество не выигрываетъ ничего въ своей безопасности. Когда обращеніе было здѣсь строже, когда нерчинскіе начальники ходили на работы съ двумя палачами, въ видѣ адъютантовъ, чтобы пороть рабочаго кнутомъ за малѣйшую оплошность, явилось только больше бѣглыхъ и являлись покушенія на убійство жестокихъ командировъ. Сдѣлалось начальство мягче — стали и преступники лучше. Строгость, можетъ быть, и очень полезна, но человѣкъ не чугунъ и каторжный цѣнитъ ласку и гуманное обращеніе еще болѣе, чѣмъ не каторжный. До чего доходило заблужденіе людей, полагавшихъ, что устрашеніе исправляетъ людей, можно видѣть изъ той виртуозности, съ какой былъ придуманъ нашъ неподражаемый наставникъ — кнутъ. Кнутъ состоялъ изъ четырехъ частей. Сначала деревянная рукоятка, т. е. палка длиной въ пять и толщиной въ діаметрѣ въ одинъ вершокъ. Въ концѣ этой палки прикрѣплено желѣзное кольцо. Къ кольцу привязывается другое кольцо, къ которому придѣлана плеть длиной вершковъ десять, толщины такой же какъ палка, сплетенная плотно изъ ремня, какъ казацкая нагайка. Въ концѣ этой плети опять кольцо, къ которому привязывается вторая точно такая же плеть. Плети эти тверды, какъ палки. Эти три ужасныя части, имѣющія съ кольцами длину болѣе полутора аршина, обладаютъ

качествами вполнѣ способными запугать даже и не совсѣмъ робкое воображеніе. Но все это еще не кнутъ. Собственно кнутомъ считается послѣдняя, четвертая часть. Кнутъ съ виду вещь очень деликатная. Это маленькій сыромятный ремешокъ, длиной вершковъ двѣнадцать, согнутый по длинѣ въ видѣ желобка. На обѣихъ концахъ желобокъ этотъ сжатъ и загнутъ въ видѣ маленькаго крючечка. Въ такомъ видѣ желобокъ имѣетъ видъ модели очень длинной и узкой американской лодки. Ремень этотъ привязывается однимъ концомъ къ кольцу послѣдней плети. Такимъ образомъ кнутъ въ полномъ своемъ составѣ имѣетъ рукоятку, двѣ плети и желобокъ. Всѣ эти части, связанныя большими кольцами, совершенно подвижны и позволяютъ сложить кнутъ. Вся длина его почти два съ половиной аршина. Спеціальное качество желобка заключается въ томъ, что онъ, не смотря на свою кажущуюся нѣжность и опрятный цвѣтъ, твердъ, какъ желѣзо. Механизмъ сѣченія долженъ былъ, по теоріи, заключаться въ томъ, чтобы ударить наказываемаго непремѣнно ребрами желобка и разсѣчь кожу; затѣмъ крючечкомъ слѣдовало зацѣпить кончикъ помѣченной такимъ образомъ узкой полоски и снять ее въ видѣ ремня. Такъ ли водилось въ практикѣ, не знаю; но преданіе говоритъ, что между палачами бывали весьма талантливые люди, убивавшіе несчастнаго, если то было нужно, однимъ ударомъ. Такихъ виртуозовъ теперь уже нѣтъ, и кнутъ съ плетью отходятъ уже въ исторію.

Кнутъ, при всей замысловатости его изобрѣтенія, не привелъ къ тѣмъ прекраснымъ результатамъ, какіе отъ него ожидались, и, не исправивъ нравственности людей, сошелъ со сцены. После него надъ исправленіемъ преступниковъ упражнялась плеть, но и ей пришлось убѣдиться, что нервы людей отъ побоевъ не становятся впечатлительнѣе и головной мозгъ человѣка не получаетъ иныхъ качествъ.

Такимъ образомъ главной причиной бродяжничества было крѣпостное состояніе и разныя стѣсненія военной службы. За бродяжничество было осуждено: въ 1856 году — 4294 ч., въ 1857 г.—4029, и въ 1858 — 3975 ч. Постепенное уменьшеніе бродяжничества произошло только потому, что по манифесту многіе, преданные суду, были въ 1857 и въ 58 годахъ освобождены. Число бѣглыхъ въ войскахъ достигало тоже весьма почтенной величины. Въ 1857 г. бѣжало 5791 солдатъ, въ 1858—5,153. Изъ нихъ поймано въ 1857 г.—2079 ч. и въ 1858 г. — 2173. Изъ числа всѣхъ преступленій бродяжничеству принадлежитъ второе мѣсто. Первое остается за воровствомъ —

кражей, представляющей въ годъ обыкновенно болѣе 6,000 случаевъ. Впрочемъ, въ послѣднее время воровство-кража зашло за 7000 случаевъ въ годъ.

Бывали, разумѣется, и другія причины побѣговъ; убѣгали дѣти отъ родителей, когда отцы ихъ дрались ужъ слишкомъ больно; бѣгали каторжные съ заводовъ и рудниковъ; бѣгали поселенцы изъ деревень, куда ихъ посадили силой на хлѣбопашество. Но случаи эти сравнительно мелочные. Бродяжничество—черта исключительно русская и бродяга есть произведеніе русской почвы. Русскій никогда не дорожилъ особенно своей осѣдлостью и легко разставался съ ней, когда это было ему выгодно. Особенно дорожить ей ему и не было причинъ. Дорожатъ мѣстомъ только хорошимъ и удобнымъ, гдѣ жить пріятно. Но если кругомъ все печально, заработокъ труденъ, да и эта трудовая копѣйка уходитъ еще не на личныя потребности крестьянина, если кромѣ бѣдности крестьянинъ терпитъ побои и долженъ былъ какъ каторжный, работать весь свой вѣкъ не на себя, а на другихъ, не предвидя никакой возможности улучшить свое матеріальное положеніе и достигнуть обезпеченной и спокойной старости, то изъ-за чего бы дорожить ему своей деревней? И вотъ народъ, терпѣвшій разныя притѣсненія, уходилъ цѣлыми массами, переселяясь на новыя мѣста, въ пустыри, лѣса. Такъ спасались люди до Петра отъ ратнаго дѣла и отъ дурныхъ помѣщиковъ; такъ уходили потомъ цѣлыми деревнями раскольники, спасаясь отъ утѣснявшей ихъ власти; такъ уходилъ вразсыпную разный недовольный народъ, видѣвшій въ побѣгѣ одно средство спасенія и гдѣ нибудь на дальнемъ сѣверѣ или въ Сибири созидавшій новыя населенія. Но наконецъ уходить цѣлыми массами стало не возможнымъ; дикіе лѣса изчезли, пустыя земли стали всѣ извѣстны и отъ земской полиціи укрываться новымъ поселкамъ стало невозможно. Тогда побѣги массами смѣнились побѣгами единичными, т. е. измѣнилась форма протеста, но сущность его осталась та же, и всякій русскій простой человѣкъ, недовольный своимъ положеніемъ, искалъ по прежнему спасенье въ побѣгѣ. Сыну ли стало тѣсно въ родительскомъ домѣ — бѣжитъ; крестьянину пришло ли не въ мочь отъ помѣщика—бѣжитъ; солдату тяжела военная служба или грозитъ ему наказаніе — бѣжитъ; арестанту худо въ острогѣ или не хочется идти въ Сибирь — бѣжитъ; каторжнику надоѣла работа и тюремная жизнь — бѣжитъ. Бѣжавшему было трудно устроиться на одномъ мѣстѣ и онъ бродитъ, какъ волкъ, переходя изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, пока его гдѣ-нибудь не изловятъ.

Для бродячей жизни требовалось не много: способность спать на голой землѣ, подъ открытымъ небомъ, не бояться дождя, когда нѣтъ крышки, питаться однимъ хлѣбомъ и водой, если не дадутъ поѣсть ничего другого. Ко всему этому для русскаго крестьянина, солдата или арестанта не требовалось особенной привычки. Но выгода была большая въ томъ, что человѣкъ не чувствовалъ надъ собой каждую минуту грозы, что никто его не заставлялъ работать, что онъ могъ спать днемъ, когда хочетъ; однимъ словомъ, человѣкъ чувствовалъ вполнѣ свою независимость. Разумѣется, непривычный человѣкъ могъ мучиться боязнью, что его задержатъ, но противъ этого есть во-первыхъ фальшивые паспорты, потому что бумага для нихъ продается въ казначействѣ для всякаго, а мастера для подписей и печатей найдутся тоже, когда есть чѣмъ заплатить. А во-вторыхъ, если и поймаютъ, то что мѣшаетъ назваться или Иваномъ непомнящимъ родства, или показать небывалую деревню и небывалаго помѣщика. Пока идутъ справки можно убѣжать; и если неудастся или обнаружится, что первое показаніе невѣрно, можно сдѣлать второе тоже невѣрное показаніе, и удрать изъ острога. Поймаютъ второй разъ, можно сказаться Петромъ — непомнящимъ, или придумать какую нибудь новую исторію, и пока дѣло тянется за всякими справками, бѣжать снова. И можно перебиваться такъ весь свой вѣкъ, то живя подаяніемъ, то занимаясь какимъ нибудь художествомъ, то нанявшись у крестьянина работникомъ, то живя въ острогѣ на казенный счетъ. Мѣстами съ бродягами стараются обходиться очень строго и осторожно, нисколько не довѣряя ихъ невинному виду и убѣдительнымъ рѣчамъ. Медики осматриваютъ тщательно у бродягъ спины; трутъ ихъ сукномъ, чтобы обнаружить слѣды тѣлеснаго наказанія; осматриваютъ, нѣтъ ли гдѣ вытравленныхъ клеймъ; но все это съ стойкимъ человѣкомъ не ведетъ ни къ чему. Если онъ убѣжалъ изъ арестантскихъ ротъ и унесъ на спинѣ слѣды наказанія отъ шпицрутеновъ, то, разумѣется, ему нѣтъ никакого расчета разсказать всю правду, да и неблагоразумно со стороны слѣдователей полагать, что имъ удастся заставить такого человѣка раскрыть душу. Онъ очень хорошо знаетъ, что скажи онъ правду, ему предстоятъ новые шпицрутины, которые отсчитываются обыкновенно сотнями, да тысячами, а какъ бродягѣ, ему выйдутъ только розги, или въ крайнемъ случаѣ плети. Самый глупый человѣкъ не затруднится сообразить, что ему выгоднѣе. Разумѣется, при этомъ у бродягъ являются объясненія весьма страннаго свойства. Такъ въ 32 N Ирк. вѣд. 1862 г. публикуется, что бѣжавшій въ 1849 году

крестьянинъ балаганскаго округа Емельянъ Ершовъ, а по воспитателю Голубевъ, возвратился въ 1861 году и отозвался, что онъ бродяжничалъ по западной и восточной Сибири. Относительно найденныхъ на тѣлѣ его знаковъ наказанія и вытравленнаго клейма онъ показалъ, что первые *произошли отъ скитальческой жизни его*, а послѣднее положено въ городѣ Ельцѣ, орловской губерніи, гдѣ онъ сужденъ за бродяжничество. Елецкій же судъ отозвался, что въ немъ дѣла о Голубевѣ не производилось. Какъ ни странно объясненіе Голубева, что знаки наказанія произошли отъ скитальческой его жизни, но видно, что подобныя объясненія удовлетворяютъ и имѣютъ значеніе въ нашей юридической практикѣ, потому что иначе ихъ бы и не стали дѣлать. Въ этомъ случаѣ Ершовъ поступалъ, какъ человѣкъ опытный. Ищи, кто онъ тамъ былъ и что надѣлалъ; не разсылать же его дагеротипныхъ портретовъ по всей Россіи, ко всѣмъ сельскимъ старостамъ. И Ершовъ знаетъ, что это невозможно; онъ знаетъ, что нѣтъ такой силы на свѣтѣ, которая бы добралась до его прошлаго, и онъ вретъ, что ему вздумается, лишь бы замести слѣдъ и сбить съ пути охотниковъ. Самое дурное чѣмъ все это можетъ кончиться — плети; а къ нимъ можетъ быть ему ужь не привыкать. Этотъ Ершовъ пришелъ на свою родину, какъ человѣкъ, которому какъ бы надоѣло шататься:—это кающійся грѣшникъ. И такіе кающіеся между бродягами очень обыкновенны, особенно когда наступятъ морозы. Можетъ быть, что и не всегда именно холодъ заставляетъ ихъ являться къ властямъ, но къ сожалѣнію, изъ того, что публикуется въ Иркут. вѣдомостяхъ, рѣшительно невозможно добраться до побужденій этихъ кающихся грѣшниковъ, такъ что явка бродяги, кажется, какой-то безсмыслицей. Такъ 22 января, въ балаганскій земскій судъ, явился неизвѣстнаго званія человѣкъ, назвавшій себя бродягой Александромъ Овчинниковымъ, крестьяниномъ помѣщика Шкуратова, владимірской губерніи. Овчинниковъ говоритъ, что онъ бѣжалъ въ 1860 году, не сдѣлавъ никакого преступленія, съ цѣлью избавиться отъ крѣпостной зависимости. Когда его спросили, какими рѣками и городами шелъ онъ въ Сибирь изъ владимірской губерніи, Овчинниковъ отвѣтилъ, что онъ всѣ рѣки и города перезабылъ; а на вопросъ, какія ближайшія селенія и города къ мѣсту его родины, Овчинниковъ сказалъ, что, будучи у помѣщика пастухомъ, онъ изъ дому никуда не отлучался и потому не знаетъ окрестной мѣстности. По справкамъ оказалось, что Овчинниковъ о своемъ происхожденіи навралъ и его отправили на работу, въ иркутскій солеваренный заводъ. Для

чего явился этотъ Овчинниковъ? Неужели только для того, чтобы его высѣкли и отправили въ заводъ къ каторжнымъ? Хотя Овчинникову всего 24 года, но онъ умѣлъ же давать отвѣты такого рода, что слѣдователи не узнали отъ него ничего; точно также, онъ могъ бы сообразить и неудобство очутиться въ работѣ. Могло быть, что холода и недостатокъ средствъ заставили его искать дароваго казеннаго помѣщенія. Все это могло быть, и все-таки неизвѣстно, почему Овчинниковъ явился добровольно. Весьма вѣроятно, что, при случаѣ, онъ уйдетъ снова и явится въ какомъ нибудь томскомъ судѣ подъ именемъ Петра Алексѣева, и изъ него выйдетъ наконецъ опытный бродяга въ родѣ Ершова, болтавшійся по свѣту 12 лѣтъ. Впрочемъ 12 лѣтъ въ жизни бродяги еще немного. Въ тобольскомъ острогѣ сидѣлъ Иванъ-непомнящій, который дожилъ до сѣдыхъ волосъ и всю жизнь бродилъ по разнымъ губерніямъ Россіи; былъ онъ и на сѣверѣ и на югѣ; пересидѣлъ почти во всѣхъ острогахъ, и пріобрѣлъ въ острожномъ дѣлѣ такую опытность, что можетъ убѣжать изъ всякаго острога, какъ бы устройство его ни было хитро; никто лучше его не умѣетъ уладиться въ острогѣ какъ дома, познакомиться съ арестантской аристократіей, у которой водится и чай и деньги; никто лучше его не умѣетъ расклепать и заклепать кандаловъ, и острожные кузнецы въ этомъ случаѣ передъ нимъ—совершенные ребятишки. Ивану-непомнящему надоѣла уже скитальческая жизнь, потому что не во всякомъ возрастѣ человѣкъ способенъ бродить по свѣту, какъ волкъ, и Иванъ задумалъ воротиться на родину, въ архангельскую или вологодскую губернію. Есть между ссыльными и такіе, которые по двѣнадцати разъ дѣлали сибирскую дорогу въ арестантской партіи.

Но одного недовольства своимъ положеніемъ еще недостаточно, чтобы сдѣлаться бродягой, хотя недовольство есть первое побужденіе и главная причина шатанья. Нуженъ еще просторъ, степныя условія страны, позволяющія человѣку бродить сколько душѣ его угодно, съ полной увѣренностью, что онъ пройдетъ вездѣ, безъ всякой помѣхи и не умреть съ голоду. Степныя условія у насъ развиты вездѣ достаточно, особенно въ Сибири, гдѣ человѣкъ живетъ совершенно свободно, какъ въ какомъ нибудь Дагестанѣ или въ Коканѣ. Чтобы не умереть съ голоду, нужно тоже немного; русскій человѣкъ накормитъ всякаго странника, потому что за это будетъ ему награда на томъ свѣтѣ. Наконецъ, при низкомъ уровнѣ матеріальнаго состоянія нашего сельскаго сословія и при огромныхъ трудахъ его, шатанья представляютъ да-

же выгоды. Человѣкъ все-таки сытъ, а работать не нужно. А сколько заманчиваго въ этой странствующей жизни, сколько новыхъ лицъ, новыхъ мѣстностей, новыхъ впечатлѣній. Люди со средствами путешествуютъ весь свой вѣкъ въ экипажахъ и по желѣзнымъ дорогамъ; бродяга—подобный же путешественникъ, но только онъ ходитъ весь свой вѣкъ пѣшкомъ и не имѣетъ постояннаго мѣста жительства.

Впрочемъ, это замѣчаніе относится до бродягъ невинныхъ, людей, скромно, безъ шалостей переходящихъ съ мѣста на мѣсто, людей, у которыхъ такъ велика потребность къ кочевой жизни, что съ появленіемъ весенняго солнышка никакія силы не удержатъ его на мѣстѣ; онъ разорветъ кандалы, подкопаетъ острогъ и уйдетъ въ лѣсъ, чтобы валяться на травѣ, грѣясь на солнцѣ, и дышать полной грудью свѣжимъ, весеннимъ воздухомъ. Кромѣ этихъ бродягъ диллетантовъ, вся вина которыхъ въ томъ, что у нихъ нѣтъ письменнаго вида, есть сортъ бродягъ весьма рѣшительнаго характера. Изъ нихъ одни люди горячіе, страстные; другіе тупые, но всѣ они бѣгутъ потому, что имъ дурно, и въ обстоятельствахъ ихъ бродяжнической жизни заключается причина, почему они дѣлаются легко, по обстоятельствамъ, или ворами, или разбойниками, или даже убійцами.

Слѣдовательно, улучшеніе матеріальнаго быта народа и устраненіе всего загрубляющаго натуру человѣка, какъ побои, сѣченіе, плети, вотъ въ чемъ начало уменьшенія числа проступковъ и преступленій. Отмѣна тѣлеснаго наказанія отучитъ драться и родителей, а вмѣстѣ съ этимъ пойдетъ поколѣніе людей болѣе мягкихъ. Наука эта привьется скоро къ русскому, потому что русскій человѣкъ не золъ; онъ только дерется безъ толку, вслѣдствіе убѣжденія всосаннаго имъ еще въ молодости, что за «битаго двухъ небитыхъ даютъ», и что «битая посуда два вѣка живетъ». Но философія эта уже очень поколебалась въ Россіи и живетъ въ своей первоначальной чистотѣ только въ Сибири, особенно въ восточной. Здѣсь побои, помимо своего всемогущаго дѣйствія при исправленіи нравственности дѣтей и взрослыхъ мужиковъ, помимо удивительнаго вліянія на быстроту почтовыхъ лошадей, хотя проѣзжающій бьетъ только ямщика, имѣютъ еще большое значеніе въ юридической практикѣ. По теоріи, существуютъ разныя формы уголовнаго судопроизводства: процессы—инквизиціонный, обвинительный, смѣшанный. Но все это теорія, которая съ здѣшнимъ народомъ никуда не годится, и потому здѣсь производились допросы не на основаніи теоріи, а такъ, какъ легче добиться отъ обвиняемаго сознанія. Бывали

точно удивительные случаи. Вотъ одинъ, бывшій въ 1847 году. Приходятъ въ полицію двѣ женщины и объявляютъ, что въ домѣ мѣщанина Русакова должно быть неблагополучно. Самого Русакова не было въ это время въ городѣ и оставались его жена, свояченица и его трое дѣтей: двѣ дѣвочки 8 и 10 лѣтъ, и грудной ребенокъ. Полиція пришла, выломала двери и нашла, что дѣвочки лежатъ на кровати зарѣзанныя, а ребенокъ въ люлькѣ задушенъ. Женщинъ нѣтъ. Идутъ въ огородъ и тамъ въ одной бороздѣ, между грядами, находятъ жену Русакова, съ пробитой головой; въ другой бороздѣ тѣло его свояченицы. Начались распросы, изслѣдованіе, но слѣдовъ преступленій не найдено никакихъ. Въ то время, когда убитыхъ отвезли въ больницу для судебно-медицинскаго изслѣдованія, явилась туда же знакомая Русаковыхъ, поселянка. Должно быть, она сильно любила покойницъ, потому что страшно убивалась, плакала, ревѣла, рвала на себѣ волосы. Эта женщина взяла на себя обмыть трупы. Наконецъ свидѣтельство кончилось и убитыхъ похоронили. Поселянка провожала тѣло до самой могилы.

У народа сибирскаго есть повѣрье, что когда съ убитымъ начнетъ прощаться его убійца, то у покойника пойдетъ кровь. Полиція, вѣрившая вполнѣ въ юридическую непогрѣшимость этого повѣрья, наблюдала за всѣми, кто прощался съ покойницами. Когда подошла прощаться поселянка, то частному приставу показалось, что у убитыхъ потекла кровь и что поселянка вышла изъ церкви сильно смущенная.

У пристава была прачка, знакомая съ этой поселянкой. На спросъ пристава, не замѣчаетъ ли она какой нибудь перемѣны въ поселянкѣ, прачка отвѣчала, что она начала сильно пить. Это еще болѣе утвердило пристава въ его подозрѣніи и онъ поручилъ прачкѣ пригласить къ себѣ поселянку, подпоить ее и завести разговоръ объ убійствѣ. Все такъ и сдѣлалось, и Анна Ивановна въ пьяномъ видѣ призналась пріятельницѣ, что это ея дѣло. Только что она сказала это, изъ-за ширмъ выскочили спрятанные полицейскіе, и квартальный со всего маху «бацъ» Анну Ивановну въ лицо.—Ты убила Русаковыхъ? говори!—Виновата—я, отвѣтила поселянка.

Послѣ, когда Анна Ивановна сидѣла въ острогѣ, она говорила, что если бы проклятый квартальный не сконфузилъ ее внезапнымъ, оглушившимъ ее ударомъ, то, разумѣется, полиція ничего бы не добилась при слѣдствіи.

Убѣжденіе въ томъ, что инквизиціонная форма допроса съ пристрастіемъ дѣйствительно ведетъ къ раскрытію истинъ, живетъ здѣсь и до сихъ поръ. Это можно заключить изъ слѣдующаго факта. Недавно у одного господина случилась кража. Подозрѣніе пало на служившую у него кухарку, но при спросѣ она не созналась. Тогда частный просилъ у господина позволенія допросить кухарку подъ розгами. Обворованный не согласился.

Въ томъ, что въ Сибири живутъ еще такія убѣжденія, винить никого нельзя. Здѣсь почва еще очень не культирована, человѣкъ первобытно простъ не только въ нисшихъ слояхъ, но даже и въ тѣхъ, куда проникаютъ европейскія идеи и гдѣ вкусъ услаждается французской кухней, шампанскимъ и гаванскими сигарами. Одни другихъ стоятъ, и французское сукно на кафтанѣ еще не сообщаетъ головѣ французскихъ идей. Отъ этого и простой народъ думаетъ, что съ пристрастіемъ узнаешь скорѣе правду, и думаютъ такимъ образомъ тѣ, кому бы давно слѣдовало думать иначе.

Но потому, что въ Сибири такъ много простоты, потому что здѣсь соединяются всѣ удобства для бродяжничества, для укрывательства всякихъ лихихъ людей, что здѣсь легче скрыться, сдѣлавъ преступленіе, и казенной полиціи труднѣе справляться съ своимъ дѣломъ, поэтому-то и нуженъ здѣсь большій просторъ тѣмъ свободнымъ учрежденіямъ, которыя могутъ давать гражданское воспитаніе цѣлымъ массамъ сразу. Учрежденіе выборной полиціи изъ самихъ гражданъ, т. е. изъ городскихъ и сельскихъ сословій, и гласный, словесный судъ дадутъ такое воспитаніе здѣшнему хотя неразвитому, но весьма способному и неглупому человѣку, что съ молодымъ поколѣніемъ пойдутъ совсѣмъ иные порядки. Но разумѣется, вмѣстѣ съ тѣмъ нужно, чтобы здѣшняго простого человѣка не могъ бить всякій, кому это вздумается. Оттого, что бить простого человѣка считается позволительнымъ, а простымъ считается тотъ, кто одѣтъ бѣдно или грязно, бываютъ иногда такіе случаи, что побитый оказывается вдругъ отставнымъ чиновникомъ или офицеромъ; бивали даже и чиновницъ.

Правительственное измѣненіе учрежденій не можетъ, разумѣется, измѣнить всѣхъ обстоятельствъ, побуждающихъ людей на дурное, такъ чтобы люди вдругъ сдѣлались добродѣтельными. Но число преступниковъ уменьшится значительно даже и отъ того, что сдѣлано. Отъ одного преобразованія откуповъ уменьшится число преступниковъ болѣе чѣмъ

на тысячу человѣкъ въ годъ, ибо за нарушеніе правилъ о питейномъ сборѣ было наказанныхъ:

въ 1856 г. . . . . . 1293 ч.
— 1857 — . . . . . 1325 —
— 1858 — . . . . . 1528 —

Если улучшеніемъ быта земледѣльческаго и военнаго сословій прекратится только одно бродяжничество, то и въ этомъ случаѣ число преступленій уменьшиться въ годъ по крайней мѣрѣ на 4 т. случаевъ. Такимъ образомъ, отъ измѣненія только въ двухъ статьяхъ число преступленій уменьшится почти на одну треть, ибо всѣхъ обвиненныхъ въ 1858 году было 18 тысячъ человѣкъ. Но коренныя мѣры, дающія полный просторъ развитію экономическихъ силъ народа, необременительные налоги, гуманный, нераззорительный для крестьянъ способъ собиранія ихъ, преобразованія въ паспортной системѣ, свобода промысловъ, улучшенія путей сообщеній и земская собственность, достаточная для покрытія всѣхъ расходовъ крестьянской земли,—все это, улучшивъ бытъ народа, уменьшитъ непремѣнно число случаевъ святотатства, разбоевъ, грабежей и воровства всякаго рода. На воровство не ходятъ тѣ, кому тепло и сытно, а идетъ тотъ, кому холодно и голодно, кто съ малолѣтства видѣлъ только нужду, да лишенія и, можетъ быть, съ пяти лѣтъ учился протягивать руку за милостыней. Можетъ быть, все это и очень скверно и преступно, но видно, что человѣку нельзя было поступать иначе: было бы можно—воровать не пошелъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ТРУДА.

(Статья первая.)

I.

Исторія человѣчества представляетъ намъ безконечное разнообразіе лицъ и событій, идей и стремленій, политическихъ системъ и нравственныхъ переворотовъ. Подъ этимъ разнообразіемъ формъ кроются и медленно развиваются двѣ основныя потребности человѣка, двѣ такія потребности, безъ удовлетворенія которыхъ человѣкъ не могъ бы ни улучшать свое матеріальное и интеллектуальное положеніе, ни даже поддерживать бренное существованіе личности и породы. Первая изъ этихъ потребностей заключается въ томъ, что человѣкъ, подобно всѣмъ другимъ животнымъ, долженъ предохранять свое тѣло отъ разрушительныхъ вліяній окружающей природы; ему надо принимать пищу для того, чтобы вознаграждать неизбѣжную убыль своего организма; надо покрывать тѣло, чтобы сохранять въ немъ необходимое количество животной теплоты; надо оберегать это тѣло отъ слишкомъ быстрыхъ перемѣнъ температуры и отъ вреднаго дѣйствія сырости, зноя и холода; словомъ, человѣку необходимо завоевать себѣ на землѣ квартиру, столъ, одежду и разныя другія матеріальныя обезпеченія жизни. Но эта первая потребность можетъ быть удовлетворена только съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы такъ или иначе удовлетворялась другая потребность также чрезвычайно

важная, хотя и не такъ рѣзко бросающаяся въ глаза. Эта вторая потребность состоитъ въ томъ, что человѣкъ долженъ сближаться съ человѣкомъ, помогать ему въ его предпріятіяхъ, и въ свою очередь находить въ немъ естественнаго помощника и союзника. Двѣ основныя потребности человѣка удовлетворялись въ различной степени втеченіи тѣхъ тысячелѣтій, о которыхъ сохранились лѣтописи или преданія; чѣмъ полнѣе удовлетворялись онѣ, тѣмъ удобнѣе жилось человѣку; чѣмъ сильнѣе, напротивъ того, увлекались люди посторонними цѣлями и искусственными интересами, тѣмъ мрачнѣе и тягостнѣе становилась участь огромнаго, трудящагося большинства.

Лѣтописи и легенды наполнены разсказами о великихъ подвигахъ завоевателей. На равнинахъ Египта возвышаются до сихъ поръ колоссальныя пирамиды. Въ первомъ случаѣ мы видимъ, что густыя массы людей встрѣчаются съ другими густыми массами такихъ же людей, и что естественные союзники и помощники истребляютъ другъ друга съ особеннымъ удовольствіемъ. Во второмъ случаѣ мы видимъ, что люди борятся съ внѣшнею природою и побѣждаютъ страшныя трудности и препятствія для того, чтобы обтесать и сложить кучу камней, которая не даетъ имъ ни пищи, ни одежды, ни жилища.

Въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣятельность людей, очевидно, идетъ вразрѣзъ съ ихъ основными потребностями; но, несмотря на то, эти самыя потребности, основанныя на великихъ и незыблемыхъ законахъ природы, даютъ себя чувствовать тѣмъ самымъ людямъ, которые дѣйствуютъ имъ наперекоръ. Во-первыхъ, идея завоевателя и идея строителя пирамиды осуществляется не иначе, какъ при содѣйствіи многихъ людей, соединяющихъ свои усилія для достиженія одной общей цѣли. Стало быть, потребность человѣка сближаться съ другимъ человѣкомъ остается въ полной силѣ. Во-вторыхъ, воины завоевателя и каменьщики строителя, не имѣя возможности добывать себѣ пищу собственнымъ трудомъ, должны получать пищу, добытую другими людьми. Такимъ образомъ, другая потребность человѣка, потребность бороться съ окружающею природою и оспаривать у ней тѣ матеріалы, которые необходимы для поддержанія жизни, остается точно также въ полной силѣ. Ни военный геній Александра Македонскаго, ни суровая воля египетскаго фараона Хеопса не могутъ ни на одно мгновеніе пріостановить дѣйствіе великихъ законовъ природы. Цѣли того и другаго, составляющія ихъ личную собственность, достигаются только въ томъ случаѣ, если соблюдаются законы природы; но

такъ какъ эти цѣли сами по себѣ лежатъ внѣ естественныхъ потребностей человѣка, то преслѣдованіе и достиженіе этихъ и подобныхъ цѣлей несетъ съ собой неизбѣжное историческое возмездіе. Здоровыя силы людей, отвлеченныя отъ тѣхъ занятій, которыя доставляютъ имъ пищу, одежду и другія удобства жизни, силы, употребленныя на раззореніе чужихъ земель или на сооруженіе безполезныхъ громадъ, оказываются потерянными въ общей экономіи человѣчества. Сооруженіе, произведенное этими силами, безплодно; раззореніе не вознаграждается никакимъ положительнымъ благомъ; работники, которые должны кормить воина и каменьщика, трудятся много и получаютъ лично для себя мало. Воины и каменьщики съ своей стороны получаютъ только необходимое. Стало быть, всѣ работаютъ до изнеможенія, всѣ сближаются между собою безъ собственнаго желанія, всѣ ѣдятъ плохо, одѣваются грязно и съ каждымъ годомъ становятся беднѣе и тупѣе. Цѣлые ряды неопровержимыхъ историческихъ фактовъ доказываютъ намъ самымъ нагляднымъ образомъ, что войны всегда оказывали гибельное вліяніе на побѣдителей и на побѣжденныхъ; наружное могущество завоевательной державы покупалось цѣною внутренней бѣдности, цѣною страданій и невѣжества народа-завоевателя; это могущество, основанное на неестественномъ напряженіи силъ, продолжалось обыкновенно не долго и оканчивалось такимъ паденіемъ, которое было тѣмъ глубже и тѣмъ полнѣе, чѣмъ значительнѣе было сдѣланное напряженіе, и слѣдовательно чѣмъ величественнѣе было мимолетное проявленіе могущества. Что касается до пирамидъ, то будетъ достаточно сказать, что онѣ воздвигались трудами рабовъ и что жизнь этихъ рабовъ расточалась такъ же щедро, какъ расточался ихъ дешевый трудъ.

Различныя видоизмѣненія войны и различныя проявленія рабства наполняютъ собою всѣ страницы всемірной исторіи. Переходъ отъ одного вида войны къ другому и отъ одной формы рабства къ другой называется благозвучнымъ именемъ историческаго прогресса. И война, и рабство существуютъ до нашихъ временъ; война до сихъ поръ называется своимъ настоящимъ именемъ, а рабство въ большей части образованныхъ государствъ скрывается подъ другими формами и названіями менѣе оскорбительными для просвѣщенныхъ и сострадательныхъ глазъ и ушей. Отчего произошли на свѣтъ война и рабство и отчего они благоденствуютъ до нашихъ временъ — это такіе вопросы, которые не приходится рѣшать между прочимъ; по-

этому, для нашей цѣли будетъ достаточно обратить вниманіе читателя на то, что историческое развитіе человѣчества, находящееся до сихъ поръ подъ вліяніемъ войны и рабства, никогда не удовлетворяло вполнѣ тѣмъ двумъ основнымъ потребностямъ, отъ которыхъ зависитъ счастье и совершенствованіе отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ народовъ. Разныя постороннія вліянія постоянно мѣшали человѣку посвятить всѣ свои силы мирной и послѣдовательной борьбѣ съ окружающею природою; эти вліянія, происходившія отъ неправильныхъ отношеній человѣка къ человѣку, самымъ фактомъ своего происхожденія и существованія, не позволяли людямъ сближаться между собою такъ, чтобы во всякое время находить другъ въ другѣ помощниковъ, сотрудниковъ и союзниковъ. Эти постороннія вліянія, неимѣющія ничего общаго съ законами природы, очень многочисленны и разнообразны въ каждомъ изъ новѣйшимъ обществъ. Ихъ такъ много, и они такъ перепутаны между собой, что совершенно закрываютъ отъ глазъ изслѣдователя дѣйствительную природу человѣка и настоящій смыслъ его необходимой борьбы съ предметами и силами окружающаго міра. Находясь въ такомъ положеніи, изслѣдователь долженъ поступить такъ, какъ поступаетъ естествоиспытатель, замѣтившій, что изучаемое имъ явленіе подвергается вліянію нѣсколькихъ силъ, дѣйствующихъ по различнымъ направленіямъ. Естествоиспытатель устраняетъ всѣ постороннія вліянія и наблюдаетъ явленіе въ его непосредственной чистотѣ; потомъ онъ даетъ въ своемъ опытѣ мѣсто одному изъ дѣйствовавшихъ прежде вліяній и замѣчаетъ видоизмѣненія, совершающіяся въ предметѣ изслѣдованія; затѣмъ изучаются поодиночкѣ второе, третье вліяніе, и такъ далѣе, до послѣдняго; и такимъ образомъ получается наконецъ общій выводъ, въ которомъ каждому вліянію отводится принадлежащее ему мѣсто. Конечно, естествоиспытатель имѣетъ передъ историкомъ то огромное преимущество, что онъ можетъ брать въ руки предметъ своего изслѣдованія и доказывать непосредственнымъ опытомъ свои положенія; онъ можетъ дѣйствительно изолировать изучаемое явленіе, между тѣмъ какъ историкъ принужденъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ ограничиваться разсужденіями, гипотезами и теоретическими выкладками. Но какъ ни плохи орудія историка въ сравненіи съ тѣми сложными снарядами, которыми располагаетъ натуралистъ, какъ ни гадательны выводы перваго въ сравненіи съ положительными знаніями послѣдняго, все-таки желаніе человѣка узнать что нибудь о прошедшей

жизни своей породы, или обсудить какъ нибудь существующія бытовыя формы, такъ сильно, что оно всегда заставляетъ его забывать о несовершенствѣ орудій и о шаткости получаемыхъ выводовъ. Я увѣренъ, что мои читатели интересуются общечеловѣческими вопросами, и потому надѣюсь, что они безъ особеннаго неудовольствія прочтутъ слѣдующіе очерки, излагающіе идеи извѣстнаго американскаго мыслителя Кэри (Carey) о значеніи и историческомъ развитіи человѣческаго труда. Чтобы не запутаться въ существующихъ бытовыхъ формахъ, составляющихъ болѣе или менѣе патологическія явленія, чтобы не принять этихъ явленій за естественныя отправленія здоровой жизни, мы начнемъ съ чисто теоретическихъ разсужденій, а потомъ уже, принимая въ соображеніе одно вліяніе за другимъ, доберемся постепенно до дѣйствительныхъ фактовъ и до такихъ величественныхъ хроническихъ болѣзней, какова напримѣръ, колоніальная политика, мануфактурная система и экономическая доктрина просвѣщенной и могущественной Англіи.

II.

Изслѣдованія геологовъ надъ различными формаціями земной коры и надъ остатками органическихъ тѣлъ, превратившихся въ окаменѣлости, доказываютъ неопровержимымъ образомъ, что человѣкъ появился на землѣ въ позднѣйшій періодъ ея образованія. Тысячи и, можетъ быть, милліоны лѣтъ прошли надъ нашею планетою прежде, чѣмъ органическая жизнь достигла того разнообразія, той сложности и того совершенства, которыя проявляются въ высшихъ породахъ млекопитающихъ, т. е. въ обезьянахъ и въ человѣкѣ. Цѣлые геологическіе періоды отошли въ вѣчность; цѣлые могучіе виды растительности отжили свое время, и умирая, залегли подъ позднѣйшую почву громадными пластами каменнаго угля; своеобразныя породы животныхъ, господствовавшихъ въ первобытныхъ лѣсахъ и въ недосягаемыхъ пучинахъ морей, уничтожились, оставивъ послѣ себя нѣ-

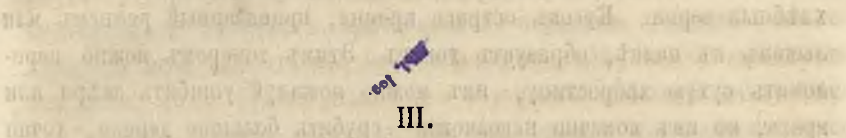
сколько костей или даже просто отпечатки лапъ на мягкихъ известковыхъ породахъ; неисчислимые милліоны микроскопическихъ моллюсковъ образовали изъ крошечныхъ обломковъ своихъ раковинъ цѣлые толстые слои мѣловыхъ формацій; море нѣсколько разъ перемѣнило свой бассейнъ; вулканическія поднятія земной коры взломали наслоенія почвы, выдвинули высокія и длинныя цѣпи горъ, и создали скалистые острова среди необозримыхъ равнинъ океана; на развалинахъ многихъ исчезнувшихъ первобытныхъ міровъ появились новыя формы растительности; вмѣсто древовидныхъ хвощей и папоротниковъ каменноугольной эпохи возникли извѣстныя намъ породы лиственныхъ и хвойныхъ деревьевъ; климаты обозначились явственно, и могучія деревья дѣвственныхъ лѣсовъ захватили сырую почву, согрѣваемую отвѣсными лучами тропическаго солнца; за безобразными ящерами и крылатыми драконами, за колоссальными и неуклюжими мастодонтами и динотеріями послѣдовали разнообразныя породы травоядныхъ и плотоядныхъ животныхъ, составляющихъ въ настоящее время наши стада, или изощряющихъ искусство и храбрость нашихъ охотниковъ. Планета наша пришла въ то положеніе, въ которомъ она находится до нашихъ временъ, и эта планета сдѣлалась наконецъ жилищемъ человѣка. Насколько этотъ первобытный человѣкъ былъ похожъ на насъ складомъ тѣла, чертами лица, силою и подвижностью ума — этого конечно не можетъ разъяснить намъ никакое изслѣдованіе. Мы можемъ только предпологать, что человѣкъ прожилъ на землѣ много столѣтій прежде, нежели у него составились какія нибудь историческія преданія; даже языкъ и мифологія,—эти первыя проявленія чувства и мысли,—не могли явиться готовыми и должны были, подобно всѣмъ произведеніямъ природы, развиваться и совершенствоваться мало помалу. Дурно владѣя орудіемъ слова, плохо справляясь съ впечатлѣніями внѣшняго міра, съ трудомъ передавая ихъ другому и съ трудомъ понимая безсвязные звуки и неопредѣленныя желанія этого другого, первобытный человѣкъ былъ вѣроятно очень несчастнымъ существомъ, если только мы позволимъ себѣ предположить, что онъ, по устройству своего тѣла, былъ похожъ на своихъ потомковъ. Будущій властелинъ природы, прямой предокъ какого нибудь Ньютона или Линнея былъ самымъ жалкимъ рабомъ всѣхъ окружающихъ его предметовъ; у него не было ни естественнаго оружія, ни естественной защиты отъ суровой атмосферы, ни даже такого желудка, который могъ бы переваривать траву и листья. Онъ

могъ совершенно справедливо завидовать и могучему медвѣдю, и покрытому шерстью барану, и пережевывающему буйволу. Что онъ перенесъ, сколько страданій ему пришлось испытать отъ голода, отъ холода, отъ другихъ животныхъ, начиная съ хищныхъ звѣрей и кончая лѣсными муравьями и москитами, сколько поколѣній измыкали свою жизнь въ тупомъ страхѣ и безсильномъ отчаяніи — это все такіе вопросы, на которые откажется отвѣчать самое смѣлое воображеніе самаго великаго поэта. Слабымъ отблескомъ этихъ доисторическихъ, или даже домифическихъ страданій можно признать мрачный и кровожадный характеръ всѣхъ первобытныхъ религій и богослуженій. Человѣческія жертвы, приносившіяся для умилостивленія грозныхъ и всегда разгнѣванныхъ силъ природы, являются очевидно зловѣщимъ воспоминаніемъ о неравной и мучительной борьбѣ, перенесенной тѣми поколѣніями, среди которыхъ медленно, съ напряженіемъ и съ болью вырабатывались первые начатки языка и первые очерки религіозныхъ представленій.

Между тѣмъ эта природа, такъ безжалостно терзавшая своего новорожденнаго, младшаго сына, была та самая мать-природа, которая доставляетъ намъ въ избыткѣ все необходимое, та самая природа, которая даетъ намъ всѣ средства къ наслажденію, и которая въ добавокъ, настраиваетъ лиры нашихъ сладкогласныхъ поэтовъ. Чего же недоставало первобытному человѣку? Недоставало бездѣлицы. Во-первыхъ, знанія этой природы. Во-вторыхъ, умѣнья сближаться съ подобнымъ себѣ человѣкомъ и находить себѣ въ немъ естественнаго союзника. На каждомъ пути первый шагъ обыкновенно оказывается самымъ труднымъ. Первое усиліе изобрѣтательнаго ума, проявившееся въ томъ, что человѣкъ вооружился какою нибудь деревянною дубиною, или попробовалъ на какомъ нибудь бревнѣ переплыть черезъ небольшой ручей было, можетъ быть, самымъ удивительнымъ подвигомъ человѣчества, самымъ вѣрнымъ и блестящимъ предзнаменованіемъ будущей великой судьбы нашей породы. Первая попытка къ сближенію человѣка съ человѣкомъ, попытка, выразившаяся какимъ нибудь безобразнымъ мычаніемъ, подергиваніемъ лицевыхъ мускуловъ и безпокойнымъ движеніемъ руки, была, по всей вѣроятности, важнѣе и плодотворнѣе по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ самыя удивительныя и сложныя комбинаціи позднѣйшихъ создателей римскаго права. Первые успѣхи людей въ практическомъ ознакомленіи съ силами и законами природы и въ создаваніи языка, какъ могучаго

и незамѣнимаго орудія сближенія между собою, были конечно медленны и вялы; но за то каждый послѣдующій шагъ совершался легче и быстрѣе предъидущаго. Первыя, полумифическія преданія, открывающія собою исторію каждаго народа, застаютъ людей уже на очень высокой степени умственнаго развитія и матеріальнаго благосостоянія. Языкъ уже созданъ совершенно и примѣняется уже къ такимъ цѣлямъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ грубыми потребностями животной жизни. На языкѣ этомъ существуютъ уже пѣсни, космогоническіе мифы и героическія эпопеи. Человѣкъ живетъ охотою и скотоводствомъ; онъ уже не боится дикихъ звѣрей; онъ самъ отъискиваетъ и преслѣдуетъ ихъ; у него есть оружіе; ему удалось покорить себѣ нѣкоторыя породы животныхъ и обратить ихъ въ прочную собственность. Наконецъ, онъ дѣлаетъ то же самое съ растеніями; возникаетъ первобытное земледѣліе, которое даже въ самомъ грубомъ видѣ предполагаетъ очень обширныя знанія силъ и законовъ природы; чтобы сдѣлаться земледѣльцемъ, человѣку надобно во-первыхъ узнать, что зерна извѣстныхъ растеній заключаютъ въ себѣ питательное вещество; во-вторыхъ, надо узнать, что зерна, положенныя въ землю, производятъ новыя растенія; въ третьихъ, надо узнать, на какой землѣ эти зерна могутъ дать ростокъ; далѣе, надо узнать, въ какое время года ихъ сѣять, и когда убирать. Всѣ эти свѣденія пріобрѣтаются только опытомъ и составляютъ рядъ удивительныхъ открытій, передъ которыми блѣднѣютъ паровыя машины и электрическіе телеграфы, составляющіе славу и гордость нашего вѣка. Мы не знаемъ настоящей цѣны этимъ открытіямъ, потому что они съ незапамятныхъ временъ составляютъ общее достояніе массъ; но если мы перенесемся воображеніемъ къ тѣмъ вѣкамъ отдаленной древности, въ которыхъ открытія эти были сдѣланы, если мы представимъ себѣ, какъ бѣденъ былъ тогдашній человѣкъ опытами, знаніями, и слѣдовательно мыслями, то подобныя открытія покажутся намъ почти необъяснимыми чудесами и во всякомъ случаѣ чисто героическими подвигами младенческаго ума первобытнаго человѣка. Такіе подвиги могутъ быть воспроизведены только въ фантастической сказкѣ или въ эпической поэмѣ. На этомъ основаніи я принужденъ въ этихъ очеркахъ брать человѣка и его отношенія къ природѣ уже въ томъ моментѣ развитія, когда первыя труднѣйшія и величайшія открытія сдѣланы. Я всегда буду такимъ образомъ предполагать, что языкъ, какъ орудіе сближенія, уже соз-

данъ, что прирученіе домашнихъ животныхъ уже совершено, и что первые, важнѣйшіе начатки земледѣлія уже отъисканы наблюдательнымъ умомъ древняго человѣка.

III.

Между охотниками, пастухами и земледѣльцами первобытной эпохи часто происходятъ раздоры и драки. Эти зародыши будущихъ войнъ выдвигаютъ впередъ микроскопическихъ Цезарей и Наполеоновъ, и вносятъ въ бытъ первобытныхъ людей такой элементъ, который не имѣетъ ничего общаго съ послѣдовательнымъ и правильнымъ развитіемъ труда. Чтобы устранить изъ нашего изслѣдованія этотъ посторонній элементъ, мы должны изолировать одного изъ древнихъ земледѣльцевъ и поставить его въ исключительное положеніе. Мы желаемъ знать, что *должно было бы* произойдти, если бы никакія постороннія препятствія не отвлекали человѣка отъ мирныхъ и плодотворныхъ побѣдъ надъ различными силами окружающей его природы. Для этого мы допустимъ предположеніе, что мущина и женщина, владѣющіе языкомъ, умѣющіе приручать нѣкоторыя породы животныхъ, и усвоившіе себѣ элементарныя свѣденія по земледѣлію, попали вмѣстѣ на необитаемый островъ, богатый всѣми дарами дѣвственной природы. Островъ великъ, плодородной земли много, и поселенцы могутъ завладѣть безпрепятственно тѣми мѣстами, которыя покажутся имъ особенно привольными. Къ сожалѣнію, эти привольныя мѣста, лежащія въ долинахъ, по берегамъ рѣкъ и ручьевъ, покрыты самою роскошною растительностью; въ одномъ изъ этихъ мѣстъ обиліе сырости образовало трясину, въ другомъ глубокій черноземъ поросъ колоссальнымъ строевымъ лѣсомъ. Если бы поселенецъ могъ прорыть каналъ для отвода воды, или вырубить вѣковыя деревья, то осушенная и очищенная почва вознаградила бы его за трудъ обильнымъ урожаемъ. Но такой трудъ превышаетъ физическія силы отдѣльнаго человѣка. У этого человѣка нѣтъ такихъ орудій, которыя необходимы для подобныхъ работъ. Употреб-

леніе металловъ еще неизвѣстно нашему Робинзону. Онъ убиваетъ звѣря дубиною, сдираетъ съ него кожу острою раковиною, рѣжетъ его мясо на части острымъ кремнемъ. Тотъ же кремень помогаетъ ему заострить палку; заостренный конецъ палки обжигается на легкомъ огнѣ, и обожженный колъ даетъ земледѣльцу возможность вырывать въ рыхлой землѣ тѣ мелкія ямки, въ которыя онъ бросаетъ хлѣбныя зерна. Кусокъ остраго кремня, привязанный ремнемъ или лыкомъ къ палкѣ, образуетъ топоръ. Этимъ топоромъ можно переломить сухую хворостину, имъ можно пожалуй ушибить звѣря или врага, но имъ конечно невозможно срубить большое дерево, точно также какъ невозможно обожженнымъ коломъ вырыть каналъ. Чтобы расчистить одну десятину плодородной земли, поселенцу необходимо вырубить и стащить съ мѣста десятки, а можетъ быть и сотни большихъ деревьевъ; потомъ надо вырыть пни и освободить почву отъ множества валежника, отъ повалившихся и гніющихъ бревенъ; если бы поселенецъ осмѣлился взяться за такую работу, то отчаянная храбрость его ни въ какомъ случаѣ не увѣнчалась бы успѣхомъ; могучая растительность стала бы преслѣдовать его по пятамъ, заглушила бы его посѣвы и принудила бы его постоянно возобновлять одну и ту же безплодную работу. Очевидно, стало быть, что первая попытка нашего колониста срубить первобытнымъ топоромъ колоссальное дерево покажетъ ему всю неразрѣшимость подобной задачи; спертый и сырой воздухъ, наполняющій собою мрачные своды дѣвственнаго лѣса, дастъ ему почувствовать непріятное ощущеніе лихорадочнаго озноба, и колонистъ поневолѣ пойдетъ искать себѣ для поселенія такого мѣста, на которомъ роскошная растительность не отнимала бы у него теплыхъ и живительныхъ лучей солнца и не мѣшала бы созрѣванію его скудныхъ посѣвовъ. Онъ найдетъ такое мѣсто на темени какого нибудь холма; тамъ почва бѣднѣе, чѣмъ въ долинѣ, и эта бѣдность составляетъ въ глазахъ колониста достоинство, потому что она помѣшала лѣснымъ исполинамъ укорениться на этой площадкѣ. Съ легкимъ кустарникомъ и съ сорными травами, покрывающими вершину холма, поселенецъ коекакъ справляется; обожженный колъ дѣлаетъ свое дѣло; площадка покрывается тощими колосьями, и хлѣбъ родится на первый разъ самъ-другъ; успѣхъ неблестящій, но прожить кое-какъ можно, если, не ограничиваясь земледѣліемъ, заниматься ловлею птицъ, охотою и собираніемъ лѣсныхъ плодовъ. Конечно, богатая почва долинъ могла

бы родить самъ-двадцать, но такъ какъ эта почва оказалась недоступною, то нашему Робинзону приходится смотрѣть на нее, какъ «Пери молодая» смотрѣла на потерянный рай. Впрочемъ, мы не должны думать, чтобы Робинзонъ чувствовалъ особенную нѣжность къ богатой почвѣ. Драгоцѣнныя свойства этой почвы выражаются покуда въ враждебномъ для него развитіи сырости и лѣсной растительности, а Робинзонъ, какъ плохой агрономъ и плохой мыслитель, по всей вѣроятности не воображаетъ себѣ, что со временемъ эта самая почва будетъ давать его потомкамъ обильную жатву. Считая развитіе своихъ собственныхъ силъ вполнѣ нормальнымъ и не пускаясь въ теорію историческаго прогресса, онъ конечно не можетъ себѣ представить, что его потомки будутъ обладать такими силами и такими тайнами природы, которыя сдѣлаютъ ихъ полными властителями окружающаго міра. Не предвидя великаго будущаго, Робинзонъ повинуется физической необходимости, поселяется на сухомъ холмѣ и хлѣбъ родится у него самъ-другъ.

Между тѣмъ семейство Робинзона увеличивается; подрастающія дѣти помогаютъ отцу и матери въ тѣхъ работахъ, которыя не превышаютъ дѣтскихъ силъ; потребности поселенія становятся значительнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаютъ и силы; число умовъ увеличивается съ увеличеніемъ числа рабочихъ рукъ; и отецъ, и мать, и дѣти наталкиваются на разныя явленія природы, обмѣниваются между собою опытами и наблюденіями, и, при содѣйствіи этихъ нехитрыхъ опытовъ, улучшаютъ понемногу свое матеріальное положеніе. Увеличеніе населенія имѣетъ конечно свои дурныя стороны; пяти человѣкамъ труднѣе жить въ мірѣ, чѣмъ двоимъ; на островѣ могутъ повториться тѣже раздоры и драки, для избѣжанія которыхъ мы принуждены были увести Робинзона съ женою въ тихое пристанище. Но чтобы подобные пассажи не путали нашихъ теоретическихъ выкладовъ, мы предположимъ разъ навсегда, что на нашемъ островѣ царствуетъ миръ и спокойствіе, и что каждый изъ поселенцевъ пользуется плодами своего труда, не захватывая въ свою пользу труда слабѣйшаго сосѣда. Я очень хорошо знаю, что подобное предположеніе не имѣетъ подъ собою исторической почвы,—на самомъ дѣлѣ такъ не бываетъ ни на островахъ, ни на материкахъ, но я напомню читателю, что мы изучаемъ трудъ человѣка, и выводимъ тѣ слѣдствія, которыя должны были бы получиться, если бы къ элементу труда не примѣшивались разныя неблагообразности. Мы

ставимъ человѣка лицомъ къ лицу съ природою и спрашиваемъ: кто долженъ побѣдить? Человѣкъ или природа? Это вопросъ простой, и чтобы не усложнять его до поры до времени, мы должны постоянно отстранять всякія столкновенія человѣка съ человѣкомъ. Итакъ, мы предполагаемъ, что колонисты наши плодятся и множатся, и что цѣлыя столѣтія проходятъ надъ тихимъ пристанищемъ, принося съ собою увеличеніе потребностей и рабочихъ силъ, но не возбуждая въ людяхъ тѣхъ низкихъ страстей, которыя заставляютъ ихъ истреблять и грабить другъ друга.

При такихъ условіяхъ, благосостояніе поселенцевъ должно постоянно увеличиваться, и я постараюсь убѣдить въ этомъ читателя цѣлымъ рядомъ самыхъ правдоподобныхъ разсужденій. На островѣ есть горы, а въ горахъ лежатъ жилы разныхъ металловъ. Эти жилы для Робинзона были мертвымъ капиталомъ, но какой нибудь нечаянный случай открываетъ его потомкамъ способъ извлекать изъ нихъ огромныя выгоды. Открытія въ древности производились не такъ, какъ они производятся въ наше время, когда существуютъ ученые изслѣдователи и практическіе технологи. Въ наше время ищутъ и находятъ, а въ древности на открытія натыкались случайно; стало быть, въ древности для произведенія открытія были необходимы два элемента: счастливый случай и смѣтливый глазъ человѣка, способнаго извлечь изъ даннаго случая пользу. Число этихъ двухъ элементовъ конечно увеличивается съ увеличеніемъ населенія. Чѣмъ больше людей, тѣмъ больше отдѣльныхъ случаевъ; чѣмъ больше людей, тѣмъ больше смѣтливыхъ глазъ и сообразительныхъ умовъ. Чего не случится съ однимъ, то можетъ случиться съ другимъ; чего не доглядитъ другой, то подмѣтитъ третій; чего не сообразитъ третій, то осилитъ умомъ четвертый. Такъ или иначе, первый кусокъ мѣдной руды попалъ случайно въ огонь, и получилась какая-то красная масса, которая конечно очень изумила, и, какъ новинка, обрадовала колонистовъ. Кому нибудь пришло въ голову испытать крѣпость новаго тѣла; оказалось, что оно съ удобствомъ можетъ замѣнить кремень и жженное дерево; земледѣльческія орудія значительно усовершенствовались; явилась возможность глубже взрывать землю, и съ меньшимъ трудомъ рубить небольшія деревья; поля колонистовъ расширились, и урожаи сдѣлались обильнѣе, во-первыхъ, отъ этого расширенія, во-вторыхъ, отъ улучшеній въ обработкѣ земли. Ободренные этимъ успѣхомъ, колонисты, уже не дожидаясь

новаго случая, пробуютъ дѣйствіе огня надъ разными кусками земли и камня. Послѣ многихъ безплодныхъ попытокъ, они натыкаются на оловянную руду; пробуютъ смѣшать олово съ мѣдью; смѣсь оказывается крѣпче чистой мѣди, и производитъ новое усовершенствованіе орудій; съ увеличеніемъ матеріала улучшается вѣроятно и форма инструментовъ, потому что работники, разумѣется, соображаются съ указаніями возрастающаго опыта.

Наконецъ добираются и до желѣза; можетъ быть, желѣзная руда попадалась и раньше, но ею не умѣли пользоваться прежніе колонисты; не было ни той опытности, ни тѣхъ орудій, которыя необходимы для добыванія и ковки желѣза; теперь же, когда есть люди, привыкшіе обращаться съ мѣдью и съ оловомъ, когда есть и мѣдныя лопаты и мѣдные молотки, теперь и желѣзная руда должна уступить усиліямъ человѣка; и вотъ новый металлъ снова производитъ благодѣтельный переворотъ во всѣхъ отрасляхъ производства. Каждый успѣхъ является такимъ образомъ переходною ступенью къ дальнѣйшимъ, и притомъ болѣе важнымъ успѣхамъ. Желѣзными орудіями колонисты взрываютъ землю такъ глубоко, что добираются до слоевъ другого состава: подъ песчанымъ грунтомъ они находятъ мергель, подъ глинистою почвою известковую землю. Смѣшеніе двухъ слоевъ между собою значительно увеличиваетъ производительность земли. Хлѣбопашцы замѣчаютъ это и придумываютъ такія орудія, которыя даютъ имъ возможность пахать гораздо глубже, чѣмъ пахали ихъ предки. Обожженный колъ давно уже замѣнился заступомъ; теперь заступъ въ свою очередь уступаетъ мѣсто сохѣ и плугу; эти новыя орудія по своей тяжести изнурительны для человѣка, и ему приходитъ въ голову воспользоваться силами вола или лошади. Это новое усовершенствованіе значительно ускоряетъ работу, которая вмѣстѣ съ тѣмъ становится легче для человѣка и плодотворнѣе по своимъ результатамъ. Времени и мускульной силы тратится меньше, а пищи получается больше. Теперь можно безъ особенной опасности предпринять нашествіе на тѣ части острова, въ которыхъ, при жизни стараго Робинзона, деспотически господствовала могучая лѣсная растительность. Теперь людей много, у каждаго есть въ рукахъ желѣзный топоръ, и за каждымъ слѣдуютъ вьючныя животныя, которыя немедленно выволокутъ срубленныя деревья, гніющія бревна и кучи валежника. Пользуясь услугами вьючныхъ животныхъ, поселенцы замѣчаютъ, что этимъ животнымъ легче

тащить такія тѣла, которыя катятся по землѣ, чѣмъ такія, которыя производятъ сильное треніе. Идя путемъ постепенныхъ усовершенствованій, они доходятъ до изобрѣтенія телѣги, значительно сберегающей силу вола или лошади. Владѣя желѣзными орудіями и перевозочными средствами, потомки Робинзона, во-первыхъ, успѣваютъ расчистить и распахать нѣкоторыя части тучной почвы, лежащей по берегамъ рѣкъ и ручьевъ, и, во-вторыхъ, получаютъ возможность воспользоваться срубленными большими деревьями для различныхъ построекъ. Тучная почва даетъ обильный урожай, а крѣпкіе бревенчатые срубы доставляютъ множество удобствъ и выгодъ. Жилище родоначальника колоніи было похоже на логовище медвѣдя; Робинзонъ принужденъ былъ довольствоваться простою пещерою, гдѣ ему приходилось сидѣть въ темнотѣ, или задыхаться отъ дыма, когда холодъ заставлялъ его разводить огонь. Черезъ нѣсколько времени ему удалось вмѣстѣ съ сыновьями сплести изъ хвороста шалашъ, служившій плохою защитою отъ дождя, вѣтра, холода и зноя; потомъ онъ воспользовался тѣми бревнами и сучьями, которые валялись въ лѣсу и сгородилъ изъ нихъ съ большимъ трудомъ очень безобразную и неудобную хижину, въ которой было что-то подобное двери, но въ которой нельзя было найдти ни окна, ни дымовой трубы. Темнота, дымъ и грязь продолжали преслѣдовать семью колонистовъ. Открытіе металловъ было во всѣхъ отношеніяхъ поворотнымъ пунктомъ въ ихъ образѣ жизни. Явилась возможность рубить большія деревья, и распиливать ихъ на доски; возникло умѣнье выкатывать изъ каменной горы большія глыбы и обтесывать ихъ такъ, чтобы онѣ могли держаться одна на другой; при ближайшемъ знакомствѣ съ свойствами различныхъ пластовъ земли, поселенцы замѣтили, что глина очень легко принимаетъ въ жидкомъ видѣ всевозможныя формы, и потомъ твердѣетъ, подвергаясь дѣйствію солнечныхъ лучей. Въ избѣ, построенной изъ бревенъ, является тогда досчатый полъ, окно, затворяющееся досками, и печка, сложенная изъ камня и смазанная глиною. Здоровье поселенцевъ значительно улучшается, потому что имъ не приходится страдать ни отъ дыму, ни отъ холода, ни отъ грязнаго землянаго пола; кромѣ того, оказывается значительный выигрышъ времени, потому что представляется возможность работать въ избѣ, въ которой перестаетъ царствовать вѣчная темнота.—Позаботившись о себѣ, поселенцы заботятся о своемъ домашнемъ и рабочемъ скотѣ. Въ бы-

лое время, свиньи, быки и овцы жили у нихъ подъ открытымъ небомъ, и круглый годъ находились на подножномъ корму; въ холодное время года, пещера колониста превращалась въ Ноевъ ковчегъ, потому что всѣ животныя загонялись въ это первобытное жилище, и тамъ согрѣвали другъ друга собственною теплотою. Когда процессъ строенія значительно облегчился улучшеніемъ орудій, когда вмѣстѣ съ увеличеніемъ силъ произошло усложненіе потребностей и вкусовъ, тогда непосредственная близость самыхъ полезныхъ животныхъ потеряла въ глазахъ колонистовъ всякую прелесть. Люди и животныя разлучились, къ обоюдной выгодѣ тѣхъ и другихъ. Появились скотные дворы и закутки; уходъ за скотомъ улучшился; количество добываемаго молока и мяса увеличилось, и порода скота стала замѣтно совершенствоваться.

IV.

Столѣтія прошли надъ тихимъ пристанищемъ нашего Робинзона; въ его размножившемся потомствѣ живутъ уже одни темныя преданія о тѣхъ далекихъ временахъ, когда родоначальникъ ихъ поселился на островѣ; молодому поколѣнію кажутся уже совершенно неправдоподобными разсказы о лишеніяхъ и страданіяхъ, выдержанныхъ первыми поселенцами. Въ самомъ дѣлѣ трудно повѣрить. Ихъ было только двое; въ ихъ распоряженіи находился цѣлый островъ, обширный и богатый, а между тѣмъ они часто терпѣли нужду, и съ трудомъ спасались отъ голодной смерти. Теперь колонисты считаются тысячами, островъ не увеличился въ объемѣ ни на одинъ вершокъ, а между тѣмъ всѣ хорошо одѣты и живутъ припѣваючи. Ясно, что такая благодѣтельная перемѣна произошла именно потому, что ихъ теперь много, и что эти многіе являются прямыми и законными наслѣдниками всей массы вѣковаго опыта, набраннаго предками, и купленнаго дорогою цѣною прошедшихъ трудовъ и страданій. Каждое послѣдующее поколѣніе оказывается многозначительнѣе предъидущаго, живетъ богаче, и придумываетъ но-

выя техническія улучшенія, которыя позволяютъ ему добывать больше пищи и одежды, съ меньшимъ напряженіемъ мускуловъ, и съ меньшею тратою времени. Открывается возможность пользоваться для промышленныхъ цѣлей великими естественными силами воды, вѣтра и наконецъ пара. Въ былое время хлѣбныя зерна растирались между двумя камнями, приводимыми въ движеніе руками человѣка. Эта работа была утомительна, и мука получалась плохая, потому что многія зерна оставались полураздавленными. Вслѣдъ за тѣмъ было найдено средство замѣнить трудъ человѣка трудомъ лошади или вола. Работа пошла быстрѣе, и мука улучшилась. Потомъ, когда практическая механика сдѣлала значительные успѣхи, превращеніе зеренъ въ муку было поручено водѣ и вѣтру, такимъ работникамъ, которые не требуютъ пищи, и которыхъ могущество неизмѣримо велико въ сравненіи съ ограниченными и быстро остающимися силами человѣка, лошади и вола. Такимъ образомъ произошло громадное сбереженіе труда и времени, а между тѣмъ количество превращаемаго продукта значительно увеличилось, и въ такой же степени повысилось его качество. Тоже самое произошло въ тѣхъ отрасляхъ производства, которыя относятся къ приготовленію одежды. Одежда Рабинзона состояла изъ звѣриной кожи, наброшенной на плеча. Такъ какъ первобытному поселенцу рѣдко случалось убивать такого большаго звѣря, котораго шкура могла бы служить для человѣка достаточною защитою отъ воздуха, то, конечно, одежда считалась большею рѣдкостью, и очень не удовлетворительно исполняла свое назначеніе. Рѣдкость большихъ шкуръ навела на мысль связывать ремешками маленькія шкурки; когда у Робинзона развелись домашнія животныя, то, конечно, добываніе шкуръ значительно облегчилось; вмѣсто связыванія шкуръ явилось сшиваніе; вмѣсто иголки употреблялась какая нибудь острая кость, а вмѣсто нитокъ — тонкіе ремешки, тонкія жилья или струны, скрученныя изъ кишечной кожи. Счастливая мысль сучить нитки изъ животной шерсти и растительныхъ волоконъ повела за собою многочисленныя улучшенія; возникло прядильное искуство, изъ котораго въ свою очередь развилось производство тканей. За тѣмъ явились механическія усовершенствованія орудій; простое веретено замѣнилось самопрялкою; первобытный ткацкій станокъ испыталъ значительныя превращенія. Наконецъ сила пара, приложенная къ этой отрасли производства, довела выработываніе тканей до изумительной легкости

и быстроты. Мы знаемъ, что всѣ эти открытія и усовершенствованія были произведены въ дѣйствительности, но мы можемъ кромѣ того доказать, что они неизбѣжно должны были быть произведены. Въ нихъ нѣтъ ничего случайнаго, и они нисколько не зависятъ отъ личныхъ свойствъ тѣхъ людей, которые сдѣлали ихъ достояніемъ человѣчества. Мы считаемъ этихъ людей благодѣтелями нашей породы, и чувствуемъ къ нимъ признательность потому же самому свойству нашей натуры, по которому мы кидаемся на шею къ человѣку, сообщающему намъ очень радостное извѣстіе. На самомъ же дѣлѣ свойства вещества, подмѣченныя изобрѣтателемъ, такъ же мало зависитъ отъ его воли, какъ мало зависитъ счастливое событіе отъ человѣка, передающаго радостное извѣстіе. Эти свойства вещества только потому оставались неизвѣстными, что большинство людей задавлено механическою работою, а меньшинство жуируетъ или занимается пустяками, или изобрѣтаетъ средства еще больше обременить большинство. Поэтому наблюдать и размышлять, трудиться и осмыслять свой трудъ могутъ только не многія единицы; эти единицы одарены сильнымъ умомъ, но ихъ такъ мало не отъ того, что на извѣстную полосу земли отпускается такое количество ума, а отъ того, что отпускаемое количество расходуется самымъ нерасчетливымъ образомъ. Умные и полезные люди составляютъ рѣдкія исключенія, между тѣмъ, какъ они должны были бы составлять правило. Я не намѣренъ отнимать у великихъ геніевъ ни одного вершка ихъ роста, но съ полнымъ убѣжденіемъ выражаю ту мысль, что они стоятъ такъ неизмѣримо высоко надъ общимъ уровнемъ человѣчества только потому, что неблагопріятныя обстоятельства довели этотъ общій уровень до неестественно низкой степени. Великая, богатая и могучая природа человѣка, совершившая въ своемъ славномъ младенчествѣ столько героическихъ умственныхъ подвиговъ въ дѣлѣ завоеванія внѣшней природы, истощается и уродуется именно тѣми условіями жизни, которыя представляютъ жалкія и пагубныя уклоненія отъ великаго дѣла производительнаго и постоянно расширяющагося труда. Намъ часто случается слышать панегирики замѣчательнымъ открытіямъ нашего вѣка; конечно, хорошо, что открытія эти сдѣланы; но удивляться тутъ не чему; скорѣе слѣдовало бы подивиться тому, что они сдѣланы такъ поздно;—тому, что мы до сихъ поръ такъ мало знаемъ природу;—тому, что земледѣліе, извѣстное человѣку съ незапамятныхъ временъ, только въ послѣд-

нее тридцатилѣтіе, въ немногихъ уголкахъ Европы начало пользоваться указаніями осмысленнаго опыта. Если бы Шекспиръ не написалъ Отелло или Макбета, то, конечно, трагедіи Отелло и Макбетъ не существовали бы, но тѣ чувства и страсти человѣческой природы, которыя разоблачаютъ намъ эти трагедіи, несомнѣнно были бы извѣстны людямъ, какъ изъ жизни, такъ и изъ другихъ литературныхъ произведеній, и притомъ были бы извѣстны такъ же хорошо, какъ они извѣстны намъ теперь. Шекспиръ придалъ этимъ чувствамъ и страстямъ только индивидуальную форму; но машина или законъ природы не могутъ имѣть индивидуальной формы. Изъ двухъ различныхъ машинъ, построенныхъ для одной и той же цѣли, одна непремѣнно будетъ удобнѣе другой, и слѣдовательно вытѣснитъ изъ употребленія другую. Изъ двухъ различныхъ объясненій явленія природы, одно будетъ непремѣнно важнымъ, и слѣдовательно, рано или поздно, будетъ отвергнуто. Въ дѣлѣ изученія и завоеванія природы нѣтъ мѣста личному произволу; тутъ нельзя изобрѣтать, надо только наблюдать и понимать, пользоваться отъ вѣка существующими силами, и разгадывать отъ вѣка существующую связь причинъ и слѣдствій. Открытіе есть встрѣча между вѣчнымъ явленіемъ и вѣчнымъ умомъ человѣчества. Встрѣча эта неизбѣжна, но она можетъ совершиться раньше или позднѣе, смотря по тому, много или мало отдѣльныхъ человѣческихъ умовъ стоятъ на извѣстной высотѣ развитія, и предаются плодотворному дѣлу труда и наблюденія. Если бы Уаттъ не открылъ двигательную силу пара, то ее непремѣнно открылъ бы кто нибудь другой, потому что эта сила существовала въ доисторическія времена и будетъ существовать на нашей планетѣ до тѣхъ поръ, пока не изсякнетъ послѣдняя лужа воды и не уничтожится послѣдній лучъ теплорода. Эту силу открыли въ XVIII столѣтіи, а не раньше, только потому, что, чѣмъ дальше мы будемъ забираться въ древность, тѣмъ сильнѣе будутъ проявляться элементы враждебные труду, и слѣдовательно тѣмъ рѣже будутъ становиться шансы для счастливыхъ и плодотворныхъ встрѣчъ между явленіемъ природы и наблюдательнымъ умомъ человѣка. Мы въ нашей гипотезѣ устранили съ Тихаго-пристанища всѣ элементы, враждебные труду и ассоціаціи; поэтому, мы имѣемъ полное право утверждать, что на островѣ Робинзона весь ходъ неизбѣжныхъ открытій и совершенствованій будетъ несравненно быстрѣе, чѣмъ гдѣ либо въ дѣйствительности. Чтобы ис-

торическимъ фактомъ доказать читателю неизбѣжность главныхъ практическихъ открытій, и независимость ихъ отъ отдѣльныхъ личностей, я напомню ему только ту извѣстную истину, что китайцы совершенно самостоятельнымъ путемъ дошли почти до всѣхъ техническихъ усовершенствованій, которыми гордится теперь Европейская цивилизація. Если мы предположимъ, что Тихое-пристанище продолжало жить до нашихъ временъ своею мирною и разумною жизнью, то мы совершенно послѣдовательно принуждены будемъ допустить, что жителямъ счастливаго острова извѣстны такія свойства природы, и такія техническія комбинаціи, о которыхъ не имѣетъ понятія ни одна изъ передовыхъ странъ Европы. Мы, конечно, знаемъ, что мы далеко еще не достигли предѣловъ естествознанія, но этого мало: мы теперь не можемъ и не имѣемъ права сказать, что этому знанію существуютъ какіе нибудь предѣлы; мы не имѣемъ также права утверждать, что силы природы когда нибудь могутъ быть исчерпаны или истощены. Напротивъ, оглядываясь назадъ на поприще, пройденное человѣчествомъ, и потомъ видя впереди необозримую и безпредѣльную даль, мы имѣемъ полное основаніе думать, что наша порода вѣчно могла бы съ каждымъ поколѣніемъ становиться могущественнѣе, богаче, умнѣе и счастливѣе, если бы только не мѣшали этому развитію безконечныя и разнообразныя междуусобныя распри, поглощающія и истощающія лучшую и значительнѣйшую часть великихъ и прекрасныхъ способностей человѣческаго тѣла и человѣческаго ума. Природа человѣка всегда была такъ же способна къ безпредѣльному развитію, какъ природа, окружающая человѣка, всегда была способна къ безконечному разнообразію видоизмѣненій и комбинацій; но человѣкъ не могъ съ разу понять ни себя, ни природу; онъ и до сихъ поръ понимаетъ невѣрно и неполно какъ самого себя, такъ и тѣ бытовыя условія, при которыхъ дѣятельность его можетъ быть плодотворна, развитіе — быстро и успѣшно, и счастье — по возможности совершенно. Изъ этого неполнаго и невѣрнаго пониманія, какъ изъ вѣчно открытаго ящика Пандоры, сыпятся и льются роковыя ошибки, и только въ этихъ ошибкахъ заключаются причины всякой бѣдности и всякихъ страданій.

V.

Многія причины заставляли Робинзона довольствоваться тѣми скудными жатвами, которыя давали ему участки тощей и сухой почвы, лежавшей по вершинамъ холмовъ. Тучная почва долинъ была занята вѣковымъ лѣсомъ, котораго одинокій и несвѣдущій колонистъ не могъ вырубить; она была покрыта болотами, которыхъ онъ не могъ осушить. Кромѣ того, Робинзонъ не умѣлъ пахать ту почву, которая была ему по силамъ; минеральныя частицы различныхъ слоевъ не смѣшивались между собою; песокъ и мергель, суглинокъ и известь оставались несоединенными, и, вслѣдствіе этого, земля развертывала только самую незначительную долю своихъ производительныхъ силъ. Скотъ Робинзона бродилъ по волѣ, и пометъ его пропадалъ даромъ, тѣмъ болѣе, что первобытный агрономъ, по всей вѣроятности, не зналъ его драгоцѣнныхъ свойствъ. Всѣ эти причины бѣдности были постепенно устранены, когда населеніе увеличилось и обогатилось опытными знаніями. Рубка лѣсовъ, и осушеніе болотъ посредствомъ каналовъ открыли позднѣйшимъ колонистамъ путь въ роскошныя долины; вмѣстѣ съ тѣмъ, усовершенствованіе земледѣльческихъ орудій, и введеніе раціональнаго скотоводства дало имъ возможность распахать и удобрить тѣ участки сухой почвы, которые ихъ предки царапали обожженными кольями. Переходъ отъ бѣдной почвы къ богатой совершился такимъ образомъ съ увеличеніемъ числа рабочихъ рукъ, и съ улучшеніемъ средствъ обработки. Такой переходъ самъ по себѣ въ высшей степени правдоподобенъ, но намъ нѣтъ надобности считать его только правдоподобнымъ; мы можемъ подтвердить его всѣми дѣйствительными фактами заселеній, совершавшихся на глазахъ исторіи.

Колонизація сѣверо-американскихъ штатовъ была произведена такъ недавно, что каждый шагъ поселенцевъ на новомъ материкѣ можетъ быть указанъ, какъ въ историческихъ свидѣтельствахъ, такъ и на самой почвѣ. Первая англійская колонія, Плимутъ, была основана въ штатѣ Массачусетѣ, на песчаной прибрежной почвѣ. Весь Массачусетъ отличается тонкимъ грунтомъ, но пуритане, селившіеся на скалистыхъ холмахъ, выбирали самыя бѣдныя части этого тоща-

го грунта. Въ штатѣ Нью-Іоркѣ, старая желѣзная дорога идетъ по возвышенностямъ, на которыхъ лежатъ деревни и мѣстечки первыхъ поселенцевъ; напротивъ того, новая желѣзная дорога прямою линіею прорѣзываетъ богатѣйшія долины штата, которыя до сихъ поръ остаются неосушенными и невоздѣланными. Плодороднѣйшія земли Пенсильваніи долгое время считались совершенно неудобными, потому что сырой и болотистый воздухъ преслѣдовалъ поселенцевъ періодическими лихорадками. Въ Нью-Джерси квакеры основали свои первыя поселенія на песчаныхъ холмахъ, поросшихъ жидкими сосновыми рощами, а потомки ихъ оставили эти мѣста, когда имъ удалось вырубить дубовые лѣса, покрывавшіе тучный грунтъ, и осушить тѣ низменности, на которыхъ росъ бѣлый кедръ. Въ штатѣ Охайо, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, сухія земли холмовъ были гораздо дороже долинъ и рѣчныхъ береговъ, па которыхъ никто не хотѣлъ селиться; по берегамъ Сускеганны цѣлыя сотни акровъ передавались изъ рукъ въ руки за одинъ долларъ, или даже за кружку водки; теперь эти земли возвысились въ цѣнѣ, а холмы, напротивъ того, оставлены и заброшены. Въ Уисконсинѣ богатѣйшая земля штата называлась «мокрыми лугами», и составляла ужасъ первыхъ поселенцевъ; теперь эти «мокрые луга» высушены безъ всякихъ гидравлическихъ сооруженій; ихъ просто каждый годъ косили и вытравливали рогатымъ скотомъ; солнце и воздухъ вытянули излишекъ воды, и земледѣлецъ получилъ возможность воспользоваться толстѣйшими слоями превосходнаго чернозема. По берегамъ рѣки Миссисипи, ниже того мѣста, гдѣ она принимаетъ въ себя рѣку Охайо, лежатъ милліоны акровъ богатѣйшей почвы, которая до сихъ поръ остается нетронутою, и сохраняетъ зловѣщее названіе трясины (Swamp.). Эта обширная мѣстность покрыта лѣсомъ и камышами и наполнена цѣлыми озерами стоячей и гніющей воды, которая, содѣйствуя развитію разнообразной растительности, заражаетъ воздухъ самыми вредными міазмами. Разлитія Миссисипи затопляютъ въ обѣ стороны огромныя полосы земли и, увеличивая ея плодородіе осадками ила, поддерживаютъ тотъ избытокъ сырости, который отражаетъ завоевательныя попытки самыхъ смѣлыхъ колонистовъ. Трясина только тогда перестанетъ быть трясиною, когда большіе каналы спустятъ громадныя лужи стоячей воды, и когда высокія плотины положатъ предѣлъ разрушительнымъ шалостямъ рѣки. Подобныя сооруженія могутъ быть

выполнены только многочисленнымъ и предпріимчивымъ населеніемъ. Они далеко превышаютъ силы мѣстныхъ плантаторовъ, считающихъ рабство и земледѣльческую рутину краеугольными камнями своего личнаго и общественнаго благосостоянія. На этомъ основаніи, въ трясинѣ господствуютъ исключительно охотники, рыбаки и дровосѣки — люди бѣдные, полудикіе, привыкшіе къ ежедневнымъ опасностямъ и небоящіеся ни лѣсныхъ звѣрей, ни болотныхъ испареній. По теченію рѣкъ Миссури, Кентекки, Теннесси и Красной мы постоянно замѣчаемъ однородныя явленія: чѣмъ гуще населеніе, чѣмъ значительнѣе накопленіе богатства, тѣмъ ближе подступаютъ земледѣльцы къ береговымъ низменностямъ; чѣмъ рѣже и бѣднѣе становится населеніе, тѣмъ исключительнѣе сосредоточивается хлѣбопашество на тощей почвѣ сухихъ холмовъ, отодвигаясь далѣе и далѣе отъ теченія рѣкъ. Въ обѣихъ Каролинахъ, въ Джорджіи, въ Флоридѣ и Элебемѣ, милліоны акровъ великолѣпнѣйшихъ луговъ и лѣсовъ остаются неосушенными и нерасчищенными, между тѣмъ какъ плантаторы этихъ штатовъ вытягиваютъ послѣдніе соки изъ своихъ тощихъ земель. Земледѣльцы, отправляющіеся искать счастья на дальнемъ западѣ, постоянно основываютъ свои первыя поселенія на холмахъ, не смотря на то, что у нихъ есть отличные стальные топоры и заступы. Хорошія орудія, очень полезны, но такія громадныя предпріятія, какъ расчищеніе дѣвственныхъ лѣсовъ и осушеніе обширныхъ болотъ, могутъ быть выполнены только соотвѣтственнымъ количествомъ рабочихъ рукъ, и поэтому рѣшеніе подобныхъ задачь всегда предоставляется болѣе или менѣе отдаленному будущему. Всякая попытка нарушить этотъ основной законъ и начать обработку прямо съ тучныхъ участковъ земли неизбѣжно ведетъ за собою неудачи и народныя бѣдствія; посѣвы гніютъ на корнѣ, колонисты мрутъ отъ лихорадокъ, и возникающее поселеніе погибаетъ, задавленное непомѣрными силами дѣвственной природы. Много такихъ примѣровъ представляетъ исторія французскихъ колоній въ Луизіанѣ и въ Кайеннѣ, и первыхъ англійскихъ поселеній въ Виргиніи и въ Каролинѣ.

Въ Мексикѣ обработываются песчаныя земли Потози и Закатекаса, лишенныя естественнаго орошенія и часто подвергающіяся губительнымъ засухамъ; между тѣмъ, остаются невоздѣланными и незаселенными берега рѣкъ и мексиканскаго залива, покрытые богатѣйшею тропическою растительностью, и производящіе сами собою хлопчатую

бумагу и индиго, маисъ и сахарный тростникъ. Возвышенности Тласкалы и сухая почва Юкатана обработаны, а плодородныя земли Табаско и Гандураса нетронуты. Скалистые острова Караибскаго моря Монсерратъ, С. Луччія и С. Винцентъ заселены, а Порто-Рико и Тринидадъ, самые плодородные изъ этихъ островов, остаются почти въ первобытномъ состояніи. На Панамскомъ перешейкѣ развертывается вся изумительная сила американской природы; дожди продолжаются сплошь по семи мѣсяцевъ, и лѣсная растительность развивается такъ быстро, что линія панамской желѣзной дороги заросла бы лѣсомъ въ одинъ годъ, если бы на ней не производились постоянныя расчистки. Конечно, какъ и слѣдовало ожидать, Панамскій перешеекъ, по обѣ стороны рельсовъ, представляетъ нетронутую глушь.

Въ Южной Америкѣ повторяется тотъ же общій законъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Во времена Пизарро существовала цивилизація только въ гористомъ и сухомъ Перу, составляющемъ крутой склонъ Кордильеровъ къ Восточному океану. Перу орошается небольшими и быстрыми рѣками, которыя, не застаиваясь въ своемъ теченіи, не могутъ образовать болотистыхъ разливовъ. Кромѣ того, пассатные вѣтры, насыщенные водяными парами, задерживаются вершинами Кардильеровъ, и облака, гонимыя этими вѣтрами, проливаютъ свой дождь, не достигая плоскихъ возвышенностей Перу и Боливіи. Отъ этого происходятъ засухи и неурожаи, и, однако, несмотря на эти неудобства, гражданственность сосредоточилась именно въ Перу. Бразилія, лежащая къ востоку отъ Перу, орошается величайшими рѣками въ мірѣ и можетъ производить въ безпредѣльномъ изобиліи сахаръ, кофе, табакъ, пряности, красильныя вещества и все, чего только человѣкъ можетъ потребовать отъ тропической природы. Луга ея покрыты стадами буйволовъ и дикихъ лошадей; драгоцѣнные металлы лежатъ почти на самой поверхности земли. Кажется, людямъ стоило бы только придти и овладѣть всѣми этими сокровищами, а между тѣмъ весь неизмѣримый бассейнъ Амазонской и ея громадныхъ притоковъ до сихъ поръ представляется сплошнымъ дѣвственнымъ лѣсомъ. Ту же самую противоположность мы видимъ южнѣе, сравнивая гористую и населенную береговую полосу Чили съ обширною, плодородною и почти нетронутою долиною Ла-Платы.

VI.

Въ Англіи съ незапамятныхъ временъ были обработаны земли Корнваллиса, извѣстныя по своей сухости; почти каждый холмъ въ этой странѣ представляетъ слѣды древнихъ поселеній. Теперь эти мѣста считаются худшими землями и обыкновенно оставляются подъ выгономъ. Во времена первыхъ норманскихъ королей, южный Ланкаширъ былъ покрытъ болотами, въ которыхъ едва не увязло побѣдоносное войско Вильгельма Завоевателя. Теперь на этихъ самыхъ мѣстахъ созрѣваютъ богатыя жатвы, и пасутся стада породистаго рогатаго скота. Во времена Плантагенетовъ въ Англіи было множество лѣсовъ, въ которыхъ водились кабаны и волки; теперь на мѣстѣ этихъ лѣсовъ мы находимъ пахатныя земли, далеко превосходящія своимъ плодородіемъ тѣ участки, которые воздѣлывались въ древности и въ средніе вѣка. Въ Шотландіи слѣды древняго земледѣлія находятся на горахъ; теперешнимъ жителямъ кажется до такой степени неправдоподобнымъ воздѣлываніе такихъ мѣстностей людьми, что они называютъ эти слѣды пашнями Эльфовъ. Въ средніе вѣка житницею въ Шотландіи называлась тощая полоса земли, къ которой хлѣбопашцы нашихъ временъ чувствуютъ весьма незначительное уваженіе. Напротивъ того, лучшія теперешнія фермы Шотландіи лежатъ на бывшихъ болотахъ временъ Елисаветы и Маріи Стюартъ. Въ средніе вѣка Оркнейскіе острова имѣли очень важное значеніе, которое совершенно утратилось теперь. Они были однажды заложены какому-то норвежскому королю въ обезпеченіе такой значительной денежной суммы, за которую ихъ теперь нельзя было бы продать, если бы даже покупателю, вмѣстѣ съ верховнымъ господствомъ, предоставлялось право собственности надъ землею. Оркнейскіе острова могли быть такъ дороги только потому, что лучшія земли оставались недоступными для земледѣльцевъ. Теперь обитатели этихъ острововъ живутъ очень бѣдно, но мы не имѣемъ основанія думать, что уровень ихъ благосостоянія понизился со времени среднихъ вѣковъ. Что считалось богатствомъ тогда, то покажется бѣдностью теперь, точно такъ же, какъ богатство дикаря для цивилизованнаго человѣка можетъ быть крайнею степенью нищеты.

Въ Галліи временъ Юлія Цезаря сильнѣйшія племена галловъ Арверны, Эдуи и Секваны, жили по склонамъ Альпійскихъ горъ. Въ ихъ земляхъ возникли богатые торговые города, а въ настоящее время эти самыя земли лишены дорогъ, и путникъ, попавшій въ эту глушь, принужденъ перебираться черезъ горные потоки по переброшеннымъ бревнамъ, а еще чаще по камнямъ, положеннымъ въ воду, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Въ такомъ положеніи находится территорія «le Morvan», занимающая до полутораста квадратныхъ лье, и представляющая мѣстами сохранившіеся слѣды отличныхъ военныхъ дорогъ. Вообще остатки древней цивилизаціи находятся именно въ самыхъ дикихъ и бѣдныхъ захолустьяхъ современной Франціи, въ Бретани, въ Оверни, въ Лимузенѣ, въ Севенскихъ горахъ, и на склонахъ Альповъ. Всѣ значительные города, извѣстные въ исторіи Капетинговъ, Людовика Святого, Филиппа Августа,— Шалонъ, Сенъ Кантенъ, Суассонъ, Реймсъ, Труа, Нанси, Орлеанъ, Буржъ, Дижонъ, Вьеннь, Нимъ, Тулуза, Кагоръ — всѣ построены на высокихъ мѣстностяхъ, недалеко отъ истоковъ большихъ рѣкъ, или на возвышенностяхъ, составляющихъ водораздѣлы. Многія изъ лучшихъ земель Франціи до сихъ поръ не обработаны, и «Journal des Economistes» въ 1855 году обращаетъ вниманіе правительства на необходимость осушить болотистыя мѣстности.

Въ Бельгіи, тощія земли Лимбурга и Люксембурга обработывались съ незапамятныхъ временъ, а тучная Фландрія до седьмого столѣтія нашей эры оставалась пустынею. Въ Голландіи первенство между отдѣльными провинціями принадлежало узкой и песчаной полосѣ земли, лежавшей между Утрехтомъ и моремъ. Эта провинція называлась Голландіею, и преобладаніе ея достаточно выражается уже въ томъ обстоятельствѣ, что она дала свое имя всей странѣ.

Преданія скандинавскаго племени выводятъ обитателей скандинавскаго полуострова съ юга и указываютъ ихъ первобытную родину на берегахъ Дона. Мы видимъ такимъ образомъ, что цѣлый народъ уходитъ съ богатой почвы южной Россіи, не останавливается на тучныхъ равнинахъ средней и сѣверной Германіи, отыскиваетъ себѣ за моремъ новую отчизну, и на этой бѣдной землѣ выбираетъ себѣ для поселеній самыя гористыя и тощія мѣстности. Это послѣднее обстоятельство доказывается тѣмъ, что слѣды древнѣйшихъ жилищъ въ Скандинавіи, какъ и въ Шотландіи, находятся на возвышенностяхъ.

Славянскія племена, заселившія Россію, въ пѣсняхъ своихъ вспоминаютъ о южномъ происхожденіи своемъ съ береговъ Дуная. Первыя проявленія гражданственности въ нашемъ отечествѣ находимъ мы на берегахъ Волхова и Ильменя, въ суровомъ климатѣ, на тощей почвѣ. Кіевъ является преимущественно военною стоянкою князей; народная жизнь уходитъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ, держится въ Новгородѣ и Псковѣ, проявляется въ Суздалѣ и Владимірѣ, производитъ колонизацію Вятки и разбрасывается по берегамъ Бѣлаго моря. Въ настоящее время сѣверныя части Россіи, за исключеніемъ тѣхъ крайнихъ оконечностей, въ которыхъ холодъ губитъ всякую растительность, оказываются болѣе населенными и лучше воздѣланными, чѣмъ роскошныя степи новороссійскаго края. По вѣрному замѣчанію Тенгоборскаго псковская губернія занимаетъ девятое мѣсто по относительному количеству пахатной земли, и въ этомъ отношеніи стоитъ гораздо выше губерній подольской, саратовской и волынской, которыя, конечно, далеко превосходятъ ее плодородіемъ почвы.

Въ нынѣшней Венгріи сподвижники Аттилы основали свои первыя населенія на песчаной равнинѣ, лежащей между Тиссою и Дунаемъ; потомки ихъ до сихъ поръ держатся на этихъ безплодныхъ мѣстахъ, оставляя необработанными и неосушенными богатыя земли, простирающіяся за Тиссою.

Въ Италіи Самнитскіе холмы и высокая Этрурія были уже обработаны, а Веіи и Альба-Лонга считались уже могущественными городами, когда при низовьяхъ Тибра еще не возникало бѣдное поселеніе товарищей Ромула. Возвышенности цизальпинской Галліи были заняты въ древности, а лагуны адріатическаго прибрежья, на которыхъ стоитъ Венеція, заселены только въ началѣ среднихъ вѣковъ. Въ Корсикѣ хижины жителей разбросаны по горамъ, а почва долинъ, способная производить табакъ, сахарный тростникъ, хлопчатникъ и даже индиго, лежитъ нетронутая. Тоже самое мы видимъ въ Сардиніи, на Балеарскихъ островахъ и въ Сициліи.

Въ древней Греціи обработка земли началась въ гористой Аркадіи и въ сухой Аттикѣ гораздо раньше, чѣмъ въ тучной Віотіи. Фокеяне, Локры и Этолійцы тѣснились на скалистыхъ возвышенностяхъ, между тѣмъ какъ рядомъ съ ними лежали слабо заселенныя богатыя равнины Фессаліи и Фракіи.

Египетская цивилизація возникаетъ въ верхнихъ частяхъ Нила,

и первою столицею ея являются Фивы; оттуда она спускается внизъ по теченію, къ Мемфису, и наконецъ уже гораздо позднѣе захватываетъ плодородную дельту Нила, на которой построена Александрія.

Столица Абиссиніи лежитъ на высотѣ 8,000 футовъ надъ поверхностью моря, а долины незаселены.

Въ Остъ-Индіи дельты Инда и Ганга покрыты непроходимыми лѣсами, и почти всѣ долины большихъ рѣкъ остаются въ первобытномъ состояніи, а между тѣмъ по склонамъ горъ туземцы выбиваются изъ силъ, чтобы добыть себѣ въ день горсть рису, или въ мѣсяцъ двѣ рупіи заработной платы. На Цейлонѣ и на Явѣ жители боятся и тщательно обходятъ тучную почву долинъ, въ которыхъ рядомъ съ могучею растительностью развиваются губительные міазмы.

Вся эта груда набросанныхъ фактовъ, взятыхъ изъ всѣхъ частей свѣта, подъ всѣми широтами, изъ настоящаго и изъ прошедшаго, у народовъ, стоящихъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ умственнаго и общественнаго развитія, самымъ блестящимъ образомъ доказываетъ съ разныхъ сторонъ непреложность одного общаго закона. Человѣкъ постоянно переходитъ отъ худшаго къ лучшему, отъ бѣдной почвы къ богатой, точно также какъ онъ переходитъ отъ острой раковины къ желѣзному и стальному ножу, отъ обожженнаго кола къ плугу, отъ пещеры къ каменному дому, отъ лука къ штуцеру, отъ звѣриной кожи къ сукну и бархату. Для того, чтобы переходъ этотъ совершался, необходимо только предоставить свободу естественнымъ отправленіямъ человѣческаго организма. Человѣку, вмѣстѣ со всѣми другими животными, свойственно стремленіе размножаться, и мы видимъ дѣйствительно, что размноженіе людей составляетъ непремѣнное условіе всякаго прогресса. Человѣку свойственно искать сближенія съ другими людьми, и оказывается на самомъ дѣлѣ, что только соединенныя человѣческія силы могутъ успѣшно бороться съ природою. Человѣку свойственно искать себѣ матеріальныхъ удобствъ, и мы замѣчаемъ вездѣ и всегда, что чѣмъ усерднѣе онъ ихъ ищетъ, т. е. чѣмъ сильнѣе онъ работаетъ мозгомъ и мускулами, тѣмъ быстрѣе улучшается его положеніе. Каждая потребность человѣка можетъ найдти себѣ удовлетвореніе, и чѣмъ полнѣе она будетъ удовлетворяться, тѣмъ больше будетъ оказываться средствъ удовлетворять ей въ будущемъ. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ выводить то лестное заключеніе, что потребности человѣка дѣйствительно удо-

влетворяются всегда и вездѣ. На земномъ шарѣ существуетъ множество различныхъ организмовъ, которые всѣ могутъ жить и развиваться въ свойственной имъ обстановкѣ; но каждый изъ этихъ организмовъ можетъ быть искусственно поставленъ въ такое положеніе, при которомъ онъ или зачахнетъ, или разрушится. Положите рыбу на берегъ, бросьте птицу въ воду, заприте въ одно стойло лошадь, а въ другое кошку, и положите передъ первою пудъ сырого мяса, а передъ второй мѣру овса, и вы увидите, что четыре организма будутъ разрушены, первые очень быстро, послѣдніе довольно медленно. Если бы нашелся такой проказникъ, который могъ бы перетасовать такимъ образомъ всѣ существующіе организмы, то въ короткое время весь земной шаръ покрылся бы трупами, чего нельзя было бы приписать простому дѣйствію законовъ природы, потому что комбинаціи, производящія такой поразительный *coup de théatre*, составляютъ только игривое проявленіе единичной воли. Разрушить произвольнымъ вмѣшательствомъ всю органическую жизнь на земномъ шарѣ невозможно, но повредить въ какой нибудь отдѣльной странѣ правильному развитію человѣческаго труда вовсе нетрудно; для этого не требуется даже злонамѣренности,—одно незнаніе производитъ искусственныя комбинаціи въ между-человѣческихъ и общественныхъ отношеніяхъ; при такихъ комбинаціяхъ удовлетвореніе многихъ человѣческихъ потребностей становится невозможнымъ, и самое существованіе такихъ потребностей дѣлается источникомъ страданій и приводитъ къ погибели, точно такъ же какъ потребность дышать губитъ птицу, погруженную въ воду, или потребность принимать пищу — кошку, находящуюся *tête-à-tête* съ мѣрою овса. Очевидно, что тутъ виновата не потребность, а уродливая комбинація. Каждая изъ европейскихъ націй прошла черезъ множество подобныхъ комбинацій, но натура человѣка такъ крѣпка и эластична, и естественное теченіе событій настолько сильнѣе ошибочныхъ расчетовъ и произвольныхъ распоряженій, что, не смотря на всѣ историческія несчастія, мы все-таки замѣчаемъ въ передовыхъ странахъ Европы постоянное возрастаніе народонаселенія, постоянное улучшеніе техническихъ пріемовъ, и вслѣдствіе того постоянное стремленіе къ переходу отъ тощей почвы къ болѣе плодородной. Но въ нѣкоторыхъ земляхъ враждебныя вліянія были до такой степени сильны, что они превозмогали дѣйствіе естественныхъ стремленій человѣка: народонаселеніе убывало, матеріальное довольство уменьша-

лось, техническая ловкость и изобрѣтательность терялась, и человѣкъ покидалъ богатую почву, чтобы снова добывать себѣ скудное пропитаніе на тощихъ и сухихъ земляхъ. Войны, порабощеніе труда и разныя видоизмѣненія административнаго произвола составляютъ главныя причины такихъ печальныхъ явленій. Такъ опустѣли Греція и Италія въ послѣдніе годы римской республики и во время имперіи. Такъ пустѣетъ теперь Турція, заключающая въ себѣ плодороднѣйшія земли Европы и Азіи и между тѣмъ населенная такимъ народомъ, который едва успѣваетъ предохранять себя отъ голодной смерти. Богатая Буюкдерская долина, разстилающаяся у самыхъ воротъ Константинополя, не обработывается, такъ что въ столицу привозится хлѣбъ съ холмовъ, лежащихъ за сорокъ и за пятьдесятъ миль. Земли, орошаемыя нижнимъ теченіемъ Дуная, давали богатыя жатвы во времена римскаго владычества, а теперь на нихъ пасутся малочисленныя стада свиней, которыхъ пастухи находятся въ самомъ жалкомъ положеніи. Такія же картины запущенія попадаются путешественнику въ Малой Азіи, въ Сиріи, по берегамъ Тигра и Евфрата—въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ процвѣтала греческая цивилизація, и тамъ, гдѣ земля кипѣла молокомъ и медомъ. Все это произведено отчасти военными опустошеніями былыхъ временъ, отчасти такою системою управленія, которая не обезпечиваетъ ни личности, ни собственности, отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что Турція, какъ чисто земледѣльческое государство, вывозитъ постоянно свои сырые продукты на далекіе рынки, постоянно истощаетъ свою почву, и слѣдовательно, проживая такимъ образомъ свой капиталъ, съ каждымъ годомъ становится бѣднѣе и слабѣе.

Южные, рабовладѣльческіе штаты Америки находятся почти въ такомъ же положеніи. Вся нижняя Виргинія покрыта развалинами оставленныхъ плантаторскихъ домовъ; поля заброшены и поросли верескомъ и кустарникомъ; хозяева принуждены искать новыхъ земель и такъ какъ расчистка и осушеніе богатой почвы имъ не по силамъ, то они, естественнымъ образомъ, разработываютъ сухія вершины холмовъ. Здѣсь этотъ упадокъ земледѣлія произведенъ двумя причинами, тѣсно связанными между собою: постояннымъ вывозомъ сырыхъ продуктовъ, истощавшимъ землю, и рабствомъ, обусловливающимъ собою хозяйственную рутину. Сырые продукты вывозились въ Англію оттого, что не было мануфактуръ намѣстѣ, а мануфактуръ не было оттого, что не был предпріимчивости а

предпріимчивость немыслима въ такой странѣ, гдѣ большинство жителей работаетъ изъ-подъ палки, а меньшинство безъ малѣйшаго труда проживаетъ доходы. Слѣдовательно, рабство и истощеніе почвы образуютъ такой заколдованный кругъ, изъ котораго южные штаты никакъ не умѣютъ вырваться.

VII.

Если бы нельзя было осязательно доказать, что земледѣліе возникаетъ на возвышенностяхъ и уже впослѣдствіи спускается въ долины, то идея о возможности прогреса, составляющая краеугольный камень разумнаго міросозерцанія, въ научномъ отношеніи могла бы занять мѣсто рядомъ съ теоріями старухъ о близости свѣтопредставленія. На первый взглядъ такое положеніе кажется нелѣпымъ, но первое впечатлѣніе здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, оказывается ошибочнымъ. Тучная почва всегда находится въ долинахъ и низменностяхъ, потому что каждый ливень смываетъ съ высокихъ мѣстъ частицы почвы и несетъ ихъ мутными потоками дождевой воды въ низкія мѣста, гдѣ эти частицы осаждаются по естественному дѣйствію тяжести. Если бы первобытные поселенцы могли разработать тучную почву, и если бы размножающееся потомство этихъ поселенцевъ было принуждено мало помалу распахивать тощія земли, то очевидно трудъ послѣднихъ съ каждымъ годомъ сталъ бы получать болѣе скудное вознагражденіе; чѣмъ больше нарождалось бы людей, тѣмъ дальше пришлось бы земледѣльцамъ забираться на сухіе холмы; цѣною постоянно возрастающихъ усилій пришлось бы добывать постоянно уменьшающееся количество пищи и другихъ сырыхъ матеріаловъ. При такомъ положеніи дѣлъ, всякое приращеніе народонаселенія было бы зломъ, потому что оно вело бы за собою постоянно увеличеніе бѣдности. Некогда было бы придумывать техническія усовершенствованія, потому что все время жителей уходило бы на заботы о кускѣ хлѣба, и всѣ эти заботы

все-таки не могли бы предохранить ихъ отъ частыхъ посѣщеній голода; кромѣ того, всякія техническія усовершенствованія были бы безполезны, если бы не увеличивалось количество сырыхъ матеріаловъ, которое, въ концѣ концовъ, всегда служитъ настоящимъ мѣриломъ богатства. О прогрессѣ нечего было бы и думать; нищета, голодъ, заразительныя болѣзни составляли бы естественную судьбу человѣчества и поражали бы каждое послѣдующее поколѣніе сильнѣе, чѣмъ предъидущее; передъ такою перспективою самый неукротимый идеалистъ сложитъ оружіе и сознается, что о нравственномъ и умственномъ совершенствованіи приходится отложить попеченіе. Существуетъ однако цѣлая школа ученыхъ мужей, которые, не считая себя неукротимыми идеалистами, полагаютъ, что есть возможность помирить идею прогресса съ враждебнымъ воззрѣніемъ на возрастаніе народонаселенія. Дѣло идетъ о многочисленныхъ послѣдователяхъ слишкомъ знаменитыхъ учителей Мальтуса и Рикардо. Теорія Мальтуса состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что люди плодятся въ геометрической прогрессіи (1, 2, 4, 8, 16, 32...) въ то самое время, какъ предметы, употребляющіеся въ пищу, размножаются въ арифметической прогрессіи (1, 2, 3, 4, 5, 6...) Черезъ такую неравномѣрность размноженія происходитъ для людей недостатокъ пищи, нищета, голодъ, болѣзни,—однимъ словомъ, всѣ тѣ бѣдствія, отъ которыхъ страдаетъ гарнизонъ осажденной крѣпости. По мнѣнію Мальтуса, Англія уже дошла до такого бѣдственнаго положенія, и причины пауперизма и развивающихся изъ него страданій и преступленій заключаются именно въ излишкѣ народонаселенія. Идеи Рикардо относятся къ заселенію земли. Онъ утверждаетъ, что первые поселенцы захватили лучшія земли, потому что они имѣли полную свободу выбора; послѣдующимъ поколѣніямъ пришлось довольствоваться тѣмъ, что осталось, или платить наслѣдникамъ первыхъ собственниковъ извѣстное количество продукта за пользованіе лучшими, уже захваченными землями. Такъ объясняется происхожденіе поземельной ренты. Обѣ теоріи составлены въ рабочемъ кабинетѣ, за письменнымъ столомъ, за которымъ можно составить какіе угодно проэкты, выкладки, комбинаціи и доктрины. Обѣ теоріи носятъ на себѣ печать тѣхъ счастливыхъ временъ, когда можно было тасовать и раскладывать въ головѣ и на бумагѣ разныя мысли о природѣ и человѣкѣ, не обращая никакого вниманія ни на законы и явленія природы, ни на свидѣтельства исторіи и ежедневнаго опыта.

Въ подобныхъ выкладкахъ, и человѣкъ, и природа являются только какъ отвлеченныя понятія и показываютъ изслѣдователю только ту, часто даже несуществующую сторону, которую ему угодно принимать въ соображеніе. Рикардо говоритъ, что первые поселенцы, конечно, выбрали лучшую землю. Тутъ, очевидно, берутся отвлеченные поселенцы и отвлеченная земля. Въ «лучшей землѣ» принимается въ соображеніе только та сторона, что она можетъ давать много хлѣба. Въ «первыхъ поселенцахъ» берется въ расчетъ только то свойство, что они имѣютъ глаза и могутъ сдѣлать выборъ. Но что лучшая земля, именно потому, что она лучшая, должна была непремѣнно зарости лѣсомъ или покрыться лужами стоячей воды, объ этомъ Рикардо не думаетъ. Что первый поселенецъ, именно потому, что онъ первый, долженъ былъ располагать очень плохими орудіями и очень слабыми техническими свѣдѣніями, этого Рикардо также не соображаетъ. Между тѣмъ, мы видѣли, что именно эти непризнанныя свойства земли и человѣка вездѣ мѣшали одинокому колонисту захватить тѣ участки, которые могли давать ему обильные урожаи. Мы видѣли также, насколько историческіе факты находятся въ согласіи съ идеями Рикардо, который очевидно дошелъ до своихъ заключеній только потому, что соблазнился внѣшнею логичностью своихъ кабинетныхъ соображеній. Оригинально также то обстоятельство, что существованіе поземельной ренты въ Англіи, въ которой землевладѣльцы ведутъ свои права отъ норманскихъ завоевателей и феодальныхъ бароновъ, приводится въ связь съ какимъ-то идеальнымъ заселеніемъ земли. Такіе логическіе и историческіе salto-mortale неизбѣжны въ тѣхъ случаяхъ, когда писатель, насилуя свою совѣсть и закрывая глаза и уши, старается во что бы то ни стало, узаконить и оправдать некрасивыя явленія современной дѣйствительности. Гаданія Мальтуса о размноженіи людей вытекаютъ изъ того же мутнаго источника и, подобно разсужденіямъ Рикардо, не имѣютъ ни малѣйшаго научнаго основанія. Такъ называемый мальтусовъ законъ много разъ подвергался разрушительной критикѣ мыслителей, имѣющихъ здравыя понятія объ условіяхъ народнаго благосостоянія. Года три тому назадъ, общая несостоятельность и отдѣльные промахи этой теоріи были доказаны очень основательно Чернышевскимъ, въ его примѣчаніяхъ и дополненіяхъ къ переводу политической экономіи Милля. Не желая повторять приводимыхъ тамъ аргументовъ, я обрисую здѣсь только мертвящій взглядъ Мальтуса и

его послѣдователей на жизнь природы и на дѣятельность человѣка. Земля и ея производительныя силы представляются Мальтусу сундукомъ, наполненнымъ деньгами: если, разсуждаетъ онъ, пять человѣкъ раздѣлятъ между собою эти деньги, то каждому достанется одна пятая; если десять человѣкъ раздѣлятъ ихъ, то каждому достанется вдвое меньше, чѣмъ въ первомъ случаѣ; если двадцать, вчетверо меньше, и т. д. Изъ этого очевидно слѣдуетъ заключеніе, что чѣмъ меньше будетъ людей, предъявляющихъ свои притязанія на деньги, тѣмъ богаче будутъ тѣ, которые раздѣлятъ содержаніе сундука. Мальтусъ допускаетъ правда, что производительныя силы земли могутъ увеличиваться, но и сумма денегъ можетъ увеличиться, если ее положатъ въ банкъ. Мальтусъ вычисляетъ возрастаніе въ количествѣ продуктовъ также опредѣлительно, какъ можно было бы высчитать проценты съ извѣстнаго денежнаго капитала. Разумѣется, въ сочиненіяхъ Мальтуса не встрѣчается сравненія земли съ сундукомъ, но вездѣ выражается стремленіе смотрѣть на производительныя силы природы, какъ на мертвую массу, которую можно измѣрить футами и свѣсить фунтами. Въ человѣческомъ трудѣ онъ также видитъ механическое приложеніе мускульной силы и совершенно забываетъ дѣятельность мозга, постоянно одерживающую побѣды надъ физическою природою и постоянно открывающую въ ней новыя свойства. Такой взглядъ въ отношеніи къ природѣ радикально невѣренъ, а въ отношеніи къ человѣку совершенно одностороненъ, и слѣдовательно, также несостоятеленъ. Вся жизнь природы на нашей планетѣ представляется мыслящему наблюдателю вѣчнымъ круговращеніемъ, неостанавливающимся ни на одну милліонную долю секунды. Въ это круговращеніе вовлечены и атмосфера, и вода, и минеральныя частицы, и всѣ организмы, отъ инфузоріи до кита, и отъ плѣсени до человѣка. Растенія составляютъ свои корни, стебли, листья, цвѣты и плоды изъ минеральныхъ частицъ и изъ углекислоты, поглащаемой ими изъ атмосфернаго воздуха. Эту углекислоту они разлагаютъ и, удерживая углеродъ, выбрасываютъ назадъ кислородъ, посредствомъ выдыханія. Кромѣ того, они поглощаютъ воду изъ почвы, а водяные пары изъ воздуха. Растенія служатъ посредствующимъ звеномъ между газами атмосферы и минеральнымъ составомъ земной коры съ одной стороны, и травоядными животными организмами съ другой стороны. Травоядныя животныя нуждаются въ пищѣ; для поддержанія жизни имъ необходимы именно тѣ элементы,

которые заключаются частью въ атмосферномъ воздухѣ, частью въ минераллахъ; крахмалъ и клейковина растительныхъ веществъ состоятъ преимущественно—первый изъ водорода, кислорода и углерода, вторая изъ тѣхъ же трехъ элементовъ съ прибавкою четвертаго, азота. Но травоядное животное можетъ питаться крахмаломъ и клейковиною, а четырьмя названными газами питаться не можетъ. Ему необходимо, чтобы составные элементы его пищи были приведены растеніемъ именно въ ту форму, въ какой они могутъ быть восприняты и усвоены его организмомъ. Работа, которую растеніе производитъ для травояднаго, совершается потомъ травояднымъ для плодояднаго. Растеніе питается газами и минералами, коза съѣдаетъ растеніе, козу съѣдаетъ волкъ; потомъ волкъ издыхаетъ и снова возвращаетъ землѣ всѣ составныя части, которыя были взяты имъ напрокатъ, и которыми тотчасъ же можетъ питаться новое растеніе. И волкъ, и коза, и прежнее растеніе при жизни своей постоянно отдавали въ общую экономію природы большую часть поглощаемой матеріи; растеніе постоянно выдѣляло кислородъ, а коза и волкъ выдыхали углекислоту; растеніе однолѣтнее, съѣденное въ цвѣтѣ лѣтъ козою, не могло непосредственно отдать землѣ своихъ твердыхъ составныхъ частей, но многолѣтнее растеніе каждый годъ роняетъ листья; коза и волкъ постоянно выдѣляли твердыя вещества въ испражненіяхъ и въ видѣ выпадающихъ волосъ. Все это опять попадало въ общій круговоротъ. Человѣкъ, конечно, участвуетъ въ этомъ круговоротѣ такъ же невольно и такъ же безсознательно, какъ коза и волкъ; но этимъ роль его не ограничивается. Онъ поглощаетъ и выдѣляетъ извѣстныя количества матеріи, но, кромѣ того, онъ еще сознательнымъ вмѣшательствомъ своимъ ускоряетъ и направляетъ нѣкоторыя струйки кругового теченія. Такое вмѣшательство начинается на самыхъ низшихъ ступеняхъ умственнаго и общественнаго развитія. Человѣкъ разводитъ огонь, и уже это простѣйшее дѣйствіе ускоряетъ круговоротъ въ одномъ крошечномъ уголкѣ нашей планеты. Дерево въ этомъ случаѣ быстро разлагается на свои составныя части; дымъ уносился вѣтромъ и вступаетъ тотчасъ же въ разныя комбинаціи, а зола остается на землѣ и втягивается также въ общее движеніе. Все это произошло бы и въ томъ случаѣ, если бы сожженные сучья спокойно сгнили отъ сырого воздуха, но произошло бы гораздо медленнѣе, стало быть, вліяніе человѣка выразилось въ уско-

реніи движенія. Я считаю это специфическимъ вліяніемъ человѣка, потому что ближайшее къ человѣку животное, обезьяна, не умѣетъ не только развести, но даже поддержать огонь. Когда человѣкъ занимается скотоводствомъ и заботится о доставленіи корма своимъ коровамъ, онъ очевидно ускоряетъ круговращеніе, и самъ пользуется результатами этого ускоренія. Корова сама отъискивала себѣ пищу, но не такъ скоро, или не столько, сколько нужно, или не такого качества. Вмѣшательство человѣка производитъ здѣсь ускореніе круговращенія, которое выражается въ томъ, что корова жирѣетъ и даетъ больше молока. Но если бы корова зимою стала искать себѣ пищи, она бы не нашла ея; круговращеніе продолжалось бы своимъ чередомъ, значительная часть тканей коровы были бы вовлечены въ это вѣчное круговращеніе, и корова околѣла бы. Здѣсь уже вмѣшательство человѣка, доставляющаго коровѣ пищу, не только ускоряетъ, но и направляетъ струйку кругообращенія такъ, какъ того требуетъ человѣческія выгоды и соображенія. Занимаясь земледѣліемъ, человѣкъ постоянно ускоряетъ круговращеніе; онъ старается на извѣстномъ пространствѣ земли собрать всѣ условія, содѣйствующія быстрому превращенію минеральныхъ частицъ и газовъ въ различныя части извѣстныхъ растеній; для этого онъ проводитъ борозды по землѣ, кладетъ на эту землю разлагающіяся вещества, бросаетъ сѣмена, покрываетъ ихъ слоемъ земли и конечно всякій посторонній зритель отличитъ съ перваго взгляда ниву, обработанную и засѣянную человѣкомъ, отъ участка земли, на которомъ изъ случайно попавшихъ хлѣбныхъ зеренъ выросли кое-гдѣ колосья. Круговращеніе на обработанной нивѣ усилено и направлено сообразно съ выгодами человѣка, и человѣкъ пользуется плодами своего вмѣшательства. Человѣкъ не можетъ прибавить ни одного атома къ массѣ существующей матеріи, но въ этомъ онъ и не нуждается. Для него важны формы, которыя принимаетъ на себя матерія, и комбинаціи, въ которыя вступаютъ между собою простые элементы, а создавать и разрушать формы и комбинаціи значитъ именно ускорять и направлять круговращеніе. На это у человѣка есть множество средствъ, и число этихъ средствъ постоянно увеличивается, потому что человѣкъ постоянно узнаетъ новыя свойства и тайны природы. Что же касается до сырого матеріала, изъ котораго человѣку приходится лѣпить необходимыя ему комбинаціи, то количество его неизмѣримо велико. Однимъ изъ важнѣйшихъ матеріаловъ мы должны признать

атмосферный воздухъ и плавающіе въ немъ газы: воздуха у насъ достаточно; надъ землею лежитъ слой атмосферы въ сорокъ верстъ толщиною; другой важный матеріалъ заключается въ различныхъ минераллахъ,—тоже недостатка не предвидится; вся земная кора къ нашимъ услугамъ, а толщина этой коры, по мнѣнію однихъ геологовъ, заключаетъ въ себѣ *пятьдесятъ*, а по мнѣнію другихъ, *двѣсти* миль; третій матеріалъ—вода; воды довольно, всѣ океаны, моря, рѣки, вмѣстѣ взятыя, могутъ покрыть всю сушу; если разравнять всѣ горы и долины материковъ и побросать массы твердой земли въ самыя глубокія мѣста морей, такъ чтобы выравнялись всѣ неровности морского дна, то образуется на земномъ шарѣ сплошная масса воды въ 1,100 футовъ глубины. Надо припомнить кромѣ того, что ни одна песчинка, ни одна капля воды, ни одинъ атомъ газа не пропадаетъ, не отрывается отъ земного шара, не улетучивается въ міровое пространство. Громадный капиталъ, изъ котораго не теряется ни одна полушка, конечно долженъ быть признанъ неистребимымъ капиталомъ. А пока существуютъ газы, минераллы и вода, до тѣхъ поръ совершенно обезпечено существованіе растеній, слѣдовательно и травояднымъ нечего бояться, слѣдовательно и плотоядные и человѣкъ не останутся въ накладѣ. На землѣ теперь существуетъ безчисленное множество растеній, но ихъ число можетъ еще увеличиться безконечное число разъ, потому что на созиданіе растеній пущена въ оборотъ только крайне незначительная часть всего капитала, состоящаго изъ совокупности всѣхъ газовъ, минераллов и водъ. Растенія дѣйствительно завоевываютъ малу помалу такія мѣста, которыя прежде состояли изъ голаго камня. Процессъ такого завоеванія описанъ у Шлейдена въ его книгѣ «die Pflanze». На вершинѣ Брокена, на голомъ гранитѣ открыто микроскопическое растеніе, которое невооруженному глазу представляется въ видѣ тончайшихъ красноватыхъ пылинокъ; если потереть кусокъ гранита, поросшій милліонами растеній, то они издаютъ фіалковый запахъ; ето растеніе питается исключительно дождевыми каплями, растворившими въ себѣ аммоніакъ и углекислоту. Оно готовитъ почву для болѣе крупныхъ лишаевъ темнаго цвѣта, называемыхъ стигійскимъ и фолунскимъ; за лишаями идутъ мхи, потомъ дернъ, трава, можжевельникъ и наконецъ сосна. А подъ этими растеніями гранитъ уже не тотъ, что былъ прежде; онъ разрыхляется, разлагается и втягивается малу помалу въ круговращеніе. Что на брокен-

скомъ граните делаетъ сама природа, то делаетъ на поляхъ своихъ человекъ, когда онъ взрываетъ плугомъ глубокіе слои почвы и втягиваетъ въ круговоротъ мергель, лежавшій мертвымъ капиталомъ подъ пескомъ, или известь, лежавшую такимъ же образомъ подъ глиною. Чемъ больше милліоновъ людей работаетъ плугомъ на поляхъ, темъ большее количество мергеля и извести вовлекается въ круговое теченіе; чемъ больше десятковъ тысячъ людей работаетъ въ кузницахъ и на фабрикахъ, темъ больше хорошихъ орудій и хорошей одежды получаютъ предъидущіе милліоны; чемъ больше сотень людей работаетъ въ химическихъ лабораторіяхъ, темъ больше открывается новыхъ средствъ втягивать въ круговоротъ массы мертваго капитала. Не Либихъ, не Берцеліусъ, не Дэви, не Депре, не Лавуазье создали химію; ее создали умственныя и матеріальныя потребности массъ, реальное и практическое направленіе нашего времени; умные люди были и въ средніе века, но они писали теологическіе трактаты или картины; это было очень похвально, но отъ этого не прибавилось на земле не одного зерна хлеба. Когда населеніе разраслось, когда люди плотнее сдвинулись между собой, когда начался живой обменъ мыслей, тогда массы почувствовали свои потребности и выдвинули впередъ своихъ геніальныхъ детей, которые сделались детьми-работниками въ великой мастерской природы, а не праздными вздыхателями въ храмахъ науки и искусства. Такое движеніе не могло бы произойти безъ возрастанія народонаселенія. Только въ одномъ случае, вмешательство человека ослабляетъ производительныя силы природы; это происходитъ тогда, когда человекъ вывозитъ сырые продукты земли на далекіе рынки; такимъ образомъ, постоянно отнимая у земли известныя составныя части, не возвращаетъ ей взаменъ никакого удобренія. А такой образъ действій возможенъ только въ техъ местахъ, где мало людей и где, вследствіе этого, нетъ промышленнаго движенія. Если бы было много людей, явилась бы по необходимости предпріимчивость, выросли бы фабрики, сырые продукты стали бы переработываться и поглощаться на месте, остатки переработанныхъ продуктовъ давали бы богатое удобреніе, и почва, вместо того, чтобы истощаться, постоянно становилась бы плодороднее. Выходитъ, стало быть, какъ разъ противное тому, что утверждалъ Мальтусъ. Бедность происходитъ отъ малолюдства; если же бедность существуетъ иногда вместе съ многолюдствомъ, то въ такомъ случае надо искать причинъ бедности въ ненормальной ор-

ганизаціи труда, а никакъ не въ многолюдствѣ. Многолюдство есть обиліе силъ; если что нибудь мѣшаетъ приложенію этихъ силъ, то виновато конечно препятствіе, а не существованіе силъ. Историческіе факты доказываютъ самымъ нагляднымъ образомъ, что люди вовсе не размножаются быстрѣе, чѣмъ предметы пищи. Во Франціи въ 1760 году было 21,000,000 жителей, и на каждаго человѣка по 450 литровъ различнаго хлѣба; въ 1840 году жителей было 34,000,000, а хлѣба приходилось на каждаго по 541 литру; да кромѣ того были введены въ употребленіе картофель и различные овощи, которые въ 1760 не были извѣстны въ народномъ хозяйствѣ; картофеля и овощей получалось въ 1840 году по 291 литру на человѣка; стало быть, всего питательнаго продукта добывалось на человѣка по 832 литра. Число жителей увеличилось только на 60 процентовъ, а количество пищи утроилось, такъ что Мальтусъ и его законъ на этотъ случай оказались непригодными. Надобно притомъ замѣтить, что Франція вовсе не похожа на образцовую ферму, и что ея земледѣліе чрезвычайно далеко даже отъ той степени совершенства, которая возможна при теперешнемъ состояніи агрономической науки, а агрономическая наука въ свою очередь далеко еще не воспользовалась всѣми указаніями и открытіями современной химіи, а химія опять-таки вовсе не находится въ законченномъ состояніи; множество вопросовъ рѣшается, множество стоитъ на очереди, и безчисленное множество вопросовъ еще не поставлено, потому что къ нимъ и подойдти невозможно при теперешнихъ средствахъ науки. Слѣдовательно, въ настоящее время дѣлать какіе нибудь выводы о производительныхъ силахъ природы и о будущихъ успѣхахъ человѣка значило бы только обнаруживать ту близорукость и заносчивость, которыя всегда свойственны самолюбивому невѣжеству. Любопытно замѣтить въ заключеніе этой длинной главы, что школа Мальтуса не отказывается отъ возможности прогресса. Послѣдователи Мальтуса полагаютъ, что люди должны только употреблять въ отношеніи къ себѣ моральное стѣсненіе (moral restraint) и воздерживаться отъ излишняго дѣторожденія. Рикардо думаетъ, что рабочіе должны получать такую плату, которая позволила бы имъ существовать, не размножаясь и не уменьшаясь. Милль, тотъ самый Джонъ Стюартъ Милль, котораго такъ уважаютъ всѣ наши разноцвѣтные публицисты, говоритъ, что многочисленное семейство пролетарія должно возбуждать въ насъ къ отцу этого семейства такое

же отвращеніе и презрѣніе, какое возбудило бы безобразное пьянство. Ратуя за женщину и доказывая необходимость женскаго труда, Милль особенно напираетъ на то соображеніе, что трудъ въ значительной степени отвлечетъ женщину отъ дѣторожденія. Наконецъ, въ своей знаменитой книгѣ «о свободѣ» (on liberty) Милль признаетъ за государствомъ право запрещать, по своему благоусмотрѣнію, браки между людьми необезпеченныхъ классовъ. Тутъ ужъ не знаешь, чѣмъ больше восхищаться, гуманностью ли, или дальновидностью подобной идеи. Я посмотрю на нее съ точки зрѣнія дальновидности. Ну, прекрасно: государство запретило браки; тогда начинаютъ рождаться дѣти внѣ брака у такихъ родителей, которымъ дѣтей имѣть не позволяется; чтобы быть послѣдовательнымъ, государство назначаетъ за незаконныя рожденія уголовныя наказанія; тогда начинаются вытравленія зародышей и дѣтоубійства; государство казнитъ преступниковъ и преступницъ. Такъ или иначе задушевное желаніе Милля исполнено; возрастаніе населенія пріостановлено. Кто потрусливѣе, тотъ воздержится посредствомъ «moral restraint», а кто построптивѣе, того объуздаетъ палачъ. Казни будутъ происходить каждый день, но что за бѣда? Великая цѣль достигнута, и прогрессъ человѣчества обезпеченъ. Я удивляюсь только, какъ это Миллю не пришло въ голову подать государству слѣдующій мудрый совѣтъ: пусть государство само назначаетъ, сколько новорожденныхъ младенцевъ мужескаго пола могутъ современемъ пользоваться своими половыми способностями; затѣмъ, пусть остальные будутъ лишены этихъ антипрогрессивныхъ способностей. При теперешнемъ состояніи хирургіи, такое лишеніе можетъ быть совершено безъ малѣйшей опасности для жизни, и малютки выростутъ, сохраняя на всю жизнь превосходный сопрано, и не жалѣя о своей утратѣ. При такомъ образѣ дѣйствій государство всегда можетъ сохранить контроль надъ размноженіемъ людей, а лорды и капиталисты, въ пользу которыхъ конфискуются половыя способности пролетаріевъ, могутъ съ полною безпечностью наслаждаться своими замками, виллами, парками, милліонами, законными супругами и балетными танцвщицами.

VIII.

Одинокій поселенецъ находился на своемъ богатомъ островѣ въ положеніи Тантала; деревья дѣвственнаго лѣса были усыпаны птицами, которыя могли доставить ему превосходное жаркое; изъ чащи выскакивали поминутно зайцы и дикія козы, отъ которыхъ не отказался бы самый разборчивый гастрономъ; въ прозрачной водѣ рѣки шевелились форели, лещи, щуки и разныя другія очень аппетитныя рыбы. Задача состояла только въ томъ, чтобы взять въ руки всѣ эти летающія, бѣгающія и плавающія кушанья. Но именно въ руки-то они и не давались; Робинзону приходилось пробавляться дикими плодами, и съ сокрушеніемъ размыщлять о прелестяхъ мясного и рыбнаго стола. Если ему удавалось, послѣ долгихъ попытокъ и разочарованій, убить мѣтко пущеннымъ камнемъ какого нибудь кролика, то конечно онъ очень дорожилъ своею добычею; онъ придавалъ ей тѣмъ болѣе цѣнности, чѣмъ значительнѣе были побѣжденныя имъ препятствія. Чтобы набрать себѣ плодовъ, Робинзону надобно было ходить по лѣсу и взлѣзать на деревья впродолженіи нѣсколькихъ часовъ; чтобы убить камнемъ кролика, ему надо было ходить, осматривать, подкараулиевать, прицѣливаться и промахиваться впродолженіи нѣсколькихъ дней. Понятно, что онъ дорожилъ убитымъ кроликомъ больше, чѣмъ нѣсколькими десятками банановъ или кокосовыхъ орѣховъ. Но Робинзонъ человѣкъ догадливый; онъ придумываетъ устроить себѣ лукъ, и опытъ убѣждаетъ его, что заостренныя деревянныя стрѣлы летятъ дальше и достигаютъ цѣли вѣрнѣе, чѣмъ камень, брошенный рукою. Кролики и птицы начинаютъ дѣлаться его добычею чаще, чѣмъ прежде; добываніе животной пищи значительно облегчено, между тѣмъ какъ за бананами и за кокосовыми орѣхами попрежнему приходится бродить по лѣсу и влѣзать на деревья впродолженіи нѣсколькихъ часовъ. Въ прейскурантѣ Робинзона совершается переворотъ: кролики, сравнительно съ плодами, дешевѣютъ, а плоды, сравнительно съ кроликами, становятся дороже. Когда Робинзонъ дѣйствовалъ камнемъ, онъ готовъ дать за кролика сорокъ штукъ плодовъ; теперь, владѣя лукомъ, онъ уже не дастъ больше тридцати. Но у него родилось неистовое жела-

ніе отвѣдать рыбы; за хорошаго леща онъ съ удовольствіемъ далъ бы двѣ пары кроликовъ или стодвадцать штукъ плодовъ; изобрѣтательность опять выручаетъ его изъ затрудненія; заостренная кость, тонкая жила и деревянная палка образуютъ первобытную удочку; является рыба, и колонистъ нашъ скоро замѣчаетъ, что поймать рыбу вовсе не такъ трудно, какъ ему казалось; цѣнность рыбы понижается, хорошій лещъ уравнивается въ правахъ съ кроликомъ, а потомъ, когда устройство удочки совершенствуется, то лещъ даже ставится ниже кролика. Но всѣ эти передвиженія на прейсъ-курантѣ Робинзона клонятся къ постоянному возвышенію одной цѣнности, съ которою Робинзонъ сознательно или безсознательно сравниваетъ всѣ блага и удобства своей одинокой жизни. Это—цѣнность человѣческаго труда. Съ каждымъ новымъ изобрѣтеніемъ или улучшеніемъ, трудъ Робинзона становится болѣе производительнымъ. Вооруженный лукомъ и удочкой, Робинзонъ въ одинъ день застрѣлитъ больше дичи и наловитъ больше рыбы, чѣмъ онъ прежде могъ бы застрѣлить или наловить въ недѣлю. Дичь и рыба подешевѣли, а трудъ вздорожалъ. Такъ и должно быть. Всякая новая машина, всякое новое приложеніе къ дѣлу двигательныхъ силъ природы должны возвышать цѣнность человѣческаго труда, т. е., дѣлать его болѣе производительнымъ, и слѣдовательно, улучшать матеріальное и всякое другое положеніе трудящагося человѣка. Если въ дѣйствительности выходитъ наоборотъ, если машины часто отбиваютъ у работника хлѣбъ, или увеличиваютъ его порабощеніе, то въ этомъ конечно не слѣдуетъ винить изобрѣтеніе. Изобрѣтеніе само по себѣ хорошо; нехорошо то, что горсть людей конфискуетъ это изобрѣтеніе въ свою пользу и превращаетъ его въ оружіе для той глухой, постоянной войны, которая ведется въ обществѣ между почивающимъ на лаврахъ капиталистомъ и надрывающимся отъ работы пролетаріемъ. Эта конфискація и эта война составляютъ, разумѣется, болѣзненныя уклоненія отъ чистой природы труда, и поэтому разсмотрѣніе и оцѣнка этихъ явленій не относится покуда къ нашему предмету. Робинзонъ на своемъ островѣ ни съ кѣмъ не ведетъ войны и ни отъ кого не терпитъ обиды. Цѣнность его труда постоянно увеличивается, а цѣнность продуктовъ и составленныхъ запасовъ также постоянно уменьшается. Первый лукъ стоилъ Робинзону много труда; трудно было убить кролика; слѣдовательно, трудно было достать ту жилку, изъ которой надо было сдѣлать тетиву; когда первый лукъ устроенъ, то стрѣ-

ляніе кроликовъ стало легче, стало быть, и добываніе жилъ облегчилось; второй лукъ стоилъ меньше труда, чѣмъ первый, слѣдовательно и первый лукъ понизился въ цѣнѣ, если только Робинзонъ не дорожилъ имъ, какъ историческою реликвіею. Такъ точно бываетъ и въ дѣйствительной жизни. Каменный уголь облегчаетъ добываніе желѣза и понижаетъ его цѣнность; увеличившееся количество подешевѣвшихъ желѣзныхъ орудій облегчаетъ добываніе каменнаго угля, и слѣдовательно, также понижаетъ цѣнность послѣдняго. Оказывается, что каменный уголь самъ понизилъ свою цѣнность, точно также какъ первый лукъ Робинзона самъ себя понизилъ въ цѣнѣ. При всѣхъ этихъ пониженіяхъ возвышается цѣнность человѣческаго труда и увеличивается могущество человѣка надъ окружающею природою. Цѣнность предмета опредѣляется такимъ образомъ не тѣмъ количествомъ труда, которое было употреблено на его произведеніе, а тѣмъ, которое необходимо употребить для его воспроизведенія. Если вы пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ купили штуку сукна, то какъ бы она хорошо ни сохранилась, вы никакъ не получите за нее тѣхъ денегъ, которыя вы заплатили сами. Въ фабрикаціи сукна произведено много усовершенствованій, понизившихъ цѣну этого продукта, и вы, въ самомъ лучшемъ случаѣ, можете получить за вашъ товаръ только ту цѣну, по которой продается теперь сукно того же достоинства. Капиталъ Робинзона, состоящій въ его удочкѣ, въ лукѣ, челнокѣ, топорѣ, хижинѣ и разной грубой утвари, постоянно понижается въ цѣнѣ, но Робинзонъ отъ этого не бѣднѣетъ, потому что онъ трудится, потому что трудъ его становится производительнѣе, и потому что именно успѣшность и производительность его труда ведетъ за собою техническія улучшенія, понижающія цѣнность всѣхъ прежнихъ накопленій. Лукъ, требовавшій цѣлыхъ сутокъ работы, можетъ быть сдѣланъ въ два часа; челнокъ, который прежде надо было долбить полгода, можетъ быть сдѣланъ въ два мѣсяца; хижина, которую надо было городить цѣлый годъ, можетъ быть выстроена въ четыре мѣсяца. Всѣ эти перемѣны очевидно выгодны и пріятны для Робинзона; онъ выросъ, онъ сталъ сильнѣе, онъ покорилъ себѣ до нѣкоторой степени природу, и потому его прежніе подвиги кажутся ему незначительными и легкими, точно также какъ взрослому человѣку кажутся чрезвычайно простыми тѣ самыя арифметическія задачи, которыя приводили его въ отчаяніе въ дѣтствѣ. Но положимъ, что у Робинзона есть сосѣдъ, у котораго былъ челнокъ

въ то время, когда у Робинзона челнока не было; сосѣдъ позволяетъ Робинзону пользоваться челнокомъ и требуетъ въ замѣнъ три четверти того количества рыбы, которое будетъ поймано при помощи челнока. Робинзонъ по необходимости соглашается и выполняетъ заключенное условіе, а сосѣдъ между тѣмъ предается сладостному far niente и питается трудами дѣятельнаго рыболова. Но Робинзонъ, съ свойственною ему смѣтливостью, находитъ возможность коекакъ выдолбить полусгнившее бревно; этотъ новый челнокъ плохъ, но на водѣ держится; на немъ ѣздить очень неудобно, но Робинзонъ предпочитаетъ пользоваться плохимъ челнокомъ, чѣмъ платить за прокатъ хорошаго три четверти своей добычи. Сосѣду приходится или сбавить цѣну, или разстаться съ любезнымъ бездѣйствіемъ. Сосѣдъ выбираетъ первое, и Робинзонъ платитъ за челнокъ уже не три четверти, а половину улова. Затѣмъ слѣдуетъ новое ухищреніе Робинзона, и новая уступка со стороны сосѣда. Наконецъ Робинзону удается сдѣлать точь въ точь такой челнокъ, какой есть у сосѣда; тогда Робинзонъ привозитъ обратно челнокъ, взятый напрокатъ и дружелюбно раскланивается съ своимъ сосѣдомъ, которому поневолѣ приходится отъ «безпечальнаго созерцанія» перейдти къ презрѣннымъ заботамъ дѣйствительности. Капиталъ, дававшій ему доходъ, растаялъ у него въ рукахъ. Каждое изобрѣтеніе Робинзона, уменьшавшее крѣпостную зависимость послѣдняго, было тяжелымъ ударомъ для благосостоянія празднаго обладателя челнока.

Тотъ фактъ, который представленъ здѣсь въ простѣйшемъ видѣ, повторяется въ дѣйствительной жизни въ самыхъ большихъ размѣрахъ и съ самыми разнообразными усложненіями. Трудъ постоянно стремится выбиться изъ-подъ контроля и господства капитала въ тѣхъ земляхъ, въ которыхъ человѣческій умъ не находится въ бездѣйствіи. Рабочая плата постоянно ростетъ, не смотря на всѣ усилія капиталистовъ держать ее на самомъ низкомъ уровнѣ. Въ XIV столѣтіи работникъ получалъ въ недѣлю 7 $1/2$ пенсовъ (около 11 копеекъ), а теперь онъ заработываетъ въ тотъ же срокъ отъ 12 до 15 шиллинговъ (отъ 3 р. 60 к. сер. до 4 р. 50 к. с.). Драгоцѣнные металлы, сравнительно съ трудомъ, подешевѣли такимъ образомъ въ 30—40 разъ, и могущество обладателя денегъ надъ пролетаріемъ уменьшилось въ значительной степени. Въ XIV столѣтіи, когда работникъ получалъ по 11 копеекъ въ недѣлю, обладатель одного фунта серебра могъ за пользованіе этимъ

количествомъ металла брать съ своего должника очень большiе проценты, потому что прiобрѣсти фунтъ серебра въ собственность можно было только полуторагодовымъ трудомъ; теперь никто не дастъ въ Англiи такихъ процентовъ, потому что фунтъ серебра заработывается въ двѣ недѣли съ небольшимъ. Въ настоящее время проценты очень высоки въ самыхъ бѣдныхъ и чисто земледѣльческихъ странахъ, въ которыхъ трудъ дешевъ и работникъ находится въ положенiи вьючнаго животнаго; по мѣрѣ того, какъ мы переходимъ въ тѣ земли, въ которыхъ существуютъ разнообразныя приложенiя человѣческаго труда, мы замѣчаемъ, что трудъ становится дороже, человѣкъ самостоятельнѣе, возможность накопленiя значительнѣе, капиталы всякаго рода обильнѣе, и слѣдовательно, проценты ниже. Трудящееся большинство выигрываетъ отъ каждаго уменьшенiя въ могуществѣ капитала, и теряютъ только тѣ паразиты, которые, живя процентами, поглощаютъ произведенiя чужого труда. Эти люди всегда хлопочутъ о томъ, чтобы поработить трудъ, и потому о ихъ волненiяхъ и неудачахъ здравомыслящему человѣку сокрушаться не слѣдуетъ.

IX.

Оставляя въ сторонѣ Робинзона и его островъ, читатель можетъ въ собственномъ своемъ кабинетѣ, не вставая съ мѣста, отдать себѣ полный и ясный отчетъ въ томъ, съ какими предметами онъ связываетъ идею цѣнности. Онъ увидитъ прежде всего, что онъ окруженъ атмосфернымъ воздухомъ, который для него необходимъ и которому онъ однако не придаетъ никакой цѣнности. Днемъ онъ не придаетъ никакой цѣнности солнечному свѣту, который однако чрезвычайно важенъ, какъ для здоровья читателя, такъ и для его занятiй. Лѣтомъ теплота кабинета также не имѣетъ никакой цѣнности. Но освѣщенiе комнаты посредствомъ свѣчей, лампъ или газа имѣетъ цѣнность; отопленiе комнаты посредствомъ дровъ или камен-

наго угля также имѣетъ свою очень опредѣленную цѣнность, а между тѣмъ искуственное освѣщеніе хуже солнечнаго свѣта, и натопленная комната составляетъ плохую замѣну теплаго лѣтняго воздуха. Читатель пойметъ безъ труда, почему онъ придаетъ цѣнность искусственному освѣщенію и отопленію и не придаетъ никакой цѣнности воздуху, солнечному свѣту и лѣтней теплотѣ. Потому, отвѣтитъ онъ самъ себѣ, что воздухъ, свѣтъ и теплота доставляются природою въ неограниченномъ количествѣ, въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ мы ими пользуемся, и на то самое мѣсто, на которомъ мы въ нихъ нуждаемся. Если бы воздухъ не проникалъ въ какой нибудь тоннель, то его надо было бы накачивать туда, и тогда за трудъ накачиванія пришлось бы платить, и воздухъ получилъ бы цѣнность. Если солнечный свѣтъ не проникаетъ въ глубокую шахту, то въ ней приходится работать съ фонарями, и тогда свѣтъ даже во время дня имѣетъ цѣнность. Въ монастырѣ св. Бернарда, на высотѣ 14 т. туазовъ, приходится топить камины круглый годъ, потому что природа даже во время лѣта не доставляетъ туда достаточнаго количества теплоты. Тамъ теплота всегда имѣетъ цѣнность. Разсудивъ такимъ образомъ, читатель рѣшитъ немедленно, что онъ придаетъ цѣнность дровамъ и свѣчамъ потому, что ихъ приготовленіе и доставленіе на мѣсто стоитъ труда. Природа даетъ даромъ деревья и торфъ, изъ котораго дѣлаются парафиновыя свѣчи; но дерево надо срубить, а торфъ надо добыть; потомъ срубленное дерево надо разрубить на мелкія части, а надъ торфомъ надо произвести разныя химическія и механическія операціи. Наконецъ, готовыя дрова и готовыя свѣчи надо перевести на мѣсто потребленія. На перемѣну формы и на перемѣщеніе употребленъ человѣческій трудъ: за этотъ самый трудъ и придается извѣстному предмету его цѣнность. Но необходимое количество человѣческаго труда измѣняется, и это измѣненіе выражается въ измѣненіи цѣнности. Читатель сидитъ на креслѣ, передъ письменнымъ столомъ, на которомъ лежатъ книги и письменныя принадлежности. Чернила, стальныя перья и бумага куплены недѣлю тому назадъ; съ тѣхъ поръ въ фабрикаціи этихъ предметовъ не могло произойти усовершенствованій, и новый комплектъ этихъ вещей стоилъ бы такого же количества труда, и слѣдовательно такой же суммы денегъ, какая заплачена за вещи моего читателя. Но мебель куплена лѣтъ десять тому назадъ; съ тѣхъ поръ столярное производство облегчилось и улучшилось введеніемъ новыхъ пріемовъ и инструментовъ;

цѣнность кресла и письменнаго стола понизилась, потому что теперь можно сработать такія же вещи съ меньшею тратою труда и времени; можетъ быть, въ денежномъ отношеніи кресла и письменные столы не подешевѣли, можетъ быть, они даже вздорожали, но цѣнность предметовъ должна измѣряться не деньгами, а трудомъ; если десять лѣтъ тому назадъ письменный столъ дѣлался однимъ работникомъ впродолженіи десяти дней, и если теперь также одинъ работникъ можетъ сдѣлать такой же столъ въ восемь дней, то цѣнность стола понизилась. Но если десять лѣтъ тому назадъ работникъ получалъ въ день 70 к. с., а теперь получаетъ 90 к. сер., то столъ, сработанный десять лѣтъ тому назадъ, стоилъ 7 р. сер., а столъ такого же достоинства теперь будетъ стоить 7 р. 20 к. с. Это значитъ, что трудъ возвысился въ цѣнѣ, какъ сравнительно съ столами, такъ и сравнительно съ деньгами, т. е. съ драгоцѣнными металлами; приэтомъ цѣнность послѣднихъ понизилась сильнѣе, чѣмъ цѣнность первыхъ. Если читатель, сидящій за своимъ письменнымъ столомъ, самъ человѣкъ трудящійся, то для него такая перемѣна выгодна и пріятна. Онъ платитъ дороже прежняго столяру, портному и сапожнику, но за то и самъ получаетъ за свой трудъ большее количество денегъ и удобствъ. Если же мой читатель живетъ процентами съ капитала, тогда конечно возрастающія претензіи всякой чернорабочей сволочи должны казаться ему глубоко безнравственными; но въ этомъ случаѣ онъ самъ виноватъ; вольно же ему полагаться на мертвую кучу денегъ, вмѣсто того, чтобы искать себѣ опоры въ живыхъ силахъ собственныхъ мускуловъ и собственнаго мозга. Разсматривая свои книги, читатель замѣчаетъ, что каждая изъ нихъ представляетъ сумму нѣсколькихъ сложныхъ операцій. Прежде всего онъ видитъ умственный трудъ автора, затѣмъ передъ нимъ рисуются фабрикація бумаги, добываніе металла, изъ котораго отливается шрифтъ, отливка шрифта, работа наборщиковъ, отпечатаніе набранныхъ полосъ, корректура, брошюрованіе листовъ и переплетная работа. Облегченіе какой нибудь одной изъ этихъ операцій отражается на цѣнности книги. Чѣмъ больше операцій и чѣмъ онѣ сложнѣе, тѣмъ больше основаній предполагать, что общая цѣнность продукта должна быстро понижаться, потому что тѣмъ больше есть шансовъ для отдѣльныхъ техническихъ усовершенствованій. Химикъ открываетъ такой составъ, которымъ удешевляется бѣленіе бумаги; цѣнность бумаги понижается, и вмѣстѣ съ этимъ понижает-

ся цѣнность книги. Желѣзная дорога уменьшаетъ издержки на перевозку тряпокъ, идущихъ на фабрикацію бумаги; опять пониженіе. Примѣненіе пара къ выдѣлкѣ бумаги даетъ фабриканту возможность производить стопы бумаги въ то время, въ которое прежде онъ производилъ только дести. Паръ примѣняется къ отливанію шрифта; паръ приводитъ въ движеніе скоропечатную машину и оттискиваетъ тысячи листовъ въ часъ, между тѣмъ какъ машина, приводившаяся въ дѣйствіе руками, оттискивала въ часъ только сотни листовъ. Читатель можетъ себѣ представить, какъ совокупность такихъ колоссальныхъ усовершенствованій должна отразиться на цѣнности окончательнаго продукта, т. е. книги. Экземпляръ сочиненій Шекспира или Мильтона, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, изображалъ собою недѣлю человѣческаго труда, а теперь онъ можетъ быть воспроизведенъ работою одного дня. Читатель встрѣчаетъ здѣсь имена англійскихъ писателей потому, что Англіи и Америкѣ принадлежитъ пальма первенства въ дѣлѣ техническихъ усовершенствованій всякаго рода. Если читатель перенесетъ вопросъ на русскую почву, то онъ конечно увидитъ, что мы ничего не усовершенствовали самостоятельно, даже мало переняли у передовыхъ народовъ; слѣдовательно, цѣнность рускихъ книгъ въ послѣднее полустолѣтіе понизилась не такъ значительно. Изъ всѣхъ размышленій, предпринятыхъ читателемъ въ его кабинетѣ, онъ можетъ вывести то плодотворное заключеніе, что цѣнность каждаго изъ окружающихъ его предметовъ равняется тому количеству труда, которое необходимо для его воспроизведенія. Это необходимое количество труда уменьшается съ каждымъ усовершенствованіемъ въ производствѣ, и слѣдовательно цѣнность всѣхъ продуктовъ стремится къ постоянному пониженію, которое совершается быстро или медленно, смотря по тому, быстро или медленно совершенствуются различныя отрасли производительнаго труда. Читатель увидитъ, что результаты, добытые имъ въ кабинетѣ, остаются въ полной силѣ, какъ бы мы ни расширяли поле нашего изслѣдованія и въ какихъ бы сложныхъ комбинаціяхъ ни представлялся намъ вопросъ о цѣнности различныхъ угодій и предметовъ. Цѣнность обработанной земли подчиняется тому же общему закону. Земля сама по себѣ не имѣетъ никакой цѣнности, точно также какъ воздухъ, солнечный свѣтъ, теплота, электричество, вѣтеръ и всякія другія силы природы. Если бы кому нибудь принадлежали милліоны десятинъ земли въ скалистыхъ горахъ сѣверной Америки, въ дѣв-

ственныхъ лѣсахъ Бразиліи, или въ пустынныхъ равнинахъ нашей Сибири, то этотъ счастливый собственникъ не могъ бы получить съ своей земли ни копейки дохода. Между тѣмъ въ Англіи или во Франціи, каждый квадратный аршинъ земли имѣетъ свою цѣнность и можетъ приносить доходъ, не смотря на то, что по качеству англійская или французская земля гораздо хуже бразильской. Вся разница между Англіею и Бразиліею заключается въ томъ, что въ Англіи съ незапамятныхъ временъ потрачено многими десятками поколѣній неизмѣримое количество труда, и что весь этотъ трудъ положенъ въ землю, какъ въ огромную сберегательную кассу. Трудъ человѣка вырубилъ лѣса, осушилъ болота, насыпалъ плотины, провелъ дороги, основалъ деревни и города, построилъ школы, больницы, запасные магазины, превратилъ деревья въ корабли и сдѣлалъ тысячи другихъ операцій, вслѣдствіе которыхъ дикая пустыня сдѣлалась жилищемъ многочисленнаго и дѣятельнаго народа. Если бы вдругъ можно было отнять отъ Англіи всю массу потраченнаго на нее человѣческаго труда, если бы въ одно мгновеніе ее можно было превратить въ Англію доисторическихъ временъ, то навѣрное девять десятыхъ ея жителей погибли бы въ самомъ непродолжительномъ времени, а остальная десятая часть съ ужасомъ бѣжала бы на континентъ. Англія опустѣла бы, и земля тотчасъ же потеряла бы всякую цѣнность; тотчасъ началась бы конечно новая колонизація изъ Франціи и Германіи, и земля быстро стала бы пріобрѣтать цѣнность, благодаря тому обстоятельству, что много человѣческаго труда потрачено на земли, лежащія недалеко отъ Англіи, и что населенность этихъ земель и промышленная дѣятельность народовъ чрезвычайно облегчаетъ трудъ разработки и расчистки новой почвы. Населенность земель и промышленная дѣятельность народовъ нашего времени составляетъ также прямое слѣдствіе того огромнаго количества труда, которое было положено въ землю всѣми предъидущими поколѣніями. Земля не могла бы быть густо населена, еслибы трудъ человѣка не сдѣлалъ ее предварительно обитаемою; а если бы на извѣстномъ пространствѣ земли не сосредоточилось значительное число людей, то никогда не могла бы развиться промышленность. Грубый трудъ полудикаго пахаря лежитъ въ основаніи всѣхъ чудесъ европейской цивилизаціи. Этотъ же самый трудъ, котораго значительная доля скрывается въ доисторической древности, составляетъ единственную причину цѣнности земли. Богатый и могущественный землевладѣлецъ

Англіи является прямымъ и, по мнѣнію юристовъ, законнымъ наслѣдникомъ вооруженнаго варвара, пришедшаго въ мирную землю и конфисковавшаго въ свою пользу личный трудъ англо-саксовъ и трудъ многихъ вѣковъ, составлявшихъ наслѣдственное достояніе беззащитныхъ поселянъ. Вооруженный варваръ, или иначе, рыцарь и баронъ, отнялъ у поселянъ трудовое наслѣдіе предковъ и личную свободу; онъ былъ въ одно и тоже время похитителемъ собственности и рабовладѣльцемъ. Теперешній англійскій перъ, филантропъ и аболиціонистъ, обязанъ всѣмъ своимъ богатствомъ и могуществомъ тѣмъ самымъ поступкамъ своего славнаго предка, которые онъ, перъ, съ добродѣтельнымъ ужасомъ назвалъ бы позорными преступленіями. Часто повторявшіеся историческіе опыты доказываютъ неопровержимымъ образомъ, что колоссальное территоріальное богатство можетъ быть основано только на похищеніи чужого труда и на порабощеніи работника. Въ XVII и въ XVIII столѣтіяхъ было много примѣровъ, что люди богатые и вліятельные получали въ подарокъ или за ничтожную сумму огромныя пространства земли въ нынѣшнихъ американскихъ штатахъ. Они дѣятельно принимались за разработку земель, нанимали поселенцевъ, тратили много денегъ, хлопотали сами, и въ результатѣ оказывалось, что они раззорялись въ конецъ. Такой случай произошелъ съ Уилльямомъ Пенномъ, съ герцогомъ іоркскимъ, съ Робертомъ Моррисомъ, и съ голландскою поземельною компаніею. Наемный трудъ чрезвычайно дорогъ въ обработкѣ новой земли, а рабскій трудъ особенно убыточенъ потому, что невольники мрутъ въ большомъ количествѣ отъ работъ въ лѣсахъ и болотахъ. Для заселенія новой земли не годится ни наемный работникъ, ни рабъ; только вольный колонистъ, предпріимчивый и самостоятельный, трудящійся для себя, завоевывающій новую землю для своего семейства и потомства, имѣющій полную возможность идти направо или налѣво, не спрашиваясь ни у кого и не давая никому отчета,—только такой колонистъ можетъ положить прочное основаніе будущему богатству и цвѣтущему поселенію. Такіе колонисты въ древности заселили и начали обработывать Англію; а потомки этихъ колонистовъ были обобраны и порабощены предками нынѣшнихъ перовъ, точно также какъ русскіе были порабощены татарами Батыя, которымъ они впродолженіи двухъ столѣтій платили дань. Изъ всего этого слѣдуетъ, что не захватъ земли, а захватъ человѣческаго труда со-

ставляетъ богатство современной плутократіи. Вся цѣнность земли, какъ и всякой другой вещи, заключается только въ трудѣ человѣка.

X.

Трудъ есть борьба человѣка съ природою; въ борьбѣ «то сей, то оный на бокъ гнется;» когда побѣждаетъ природа, мы называемъ трудъ неудачнымъ; когда побѣждаетъ человѣкъ, мы говоримъ, что трудъ удаченъ; побѣды бываютъ болѣе или менѣе полныя и, сообразно съ этимъ, трудъ бываетъ совершенно или несовершенно удачнымъ. На одну совершенную удачу обыкновенно приходится нѣсколько несовершенныхъ удачъ и нѣсколько совершенныхъ неудачъ. Такъ какъ совершенная удача случается сравнительно рѣдко, то мы говоримъ, что для достиженія такой удачи надо преодолѣть сильное сопротивленіе природы. Конечно всѣ эти выраженія: «борьба съ природой,» «сопротивленіе природы», при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказываются простыми метафорами. Природа вовсе не борется съ нами и не старается злоумышленнымъ сопротивленіемъ разрушить наши замыслы и повредить нашимъ интересамъ. Наши неудачи или неполныя удачи просто происходятъ отъ нашего неумѣнья и неполнаго знанія причинъ и слѣдствій; но отчего бы онѣ ни происходили, онѣ несомнѣнно существуютъ и оказываютъ свое вліяніе на цѣнность предметовъ, производимыхъ трудомъ. Стекольщикъ кладетъ въ горнъ большое количество сырого матеріала, который долженъ превратиться въ листовое стекло; послѣ окончанія разныхъ операцій, нѣсколько десятковъ листовъ оказываются готовыми. Матеріалъ для всѣхъ листовъ былъ одинъ, работникъ тоже одинъ, количество работы одинаковое, между тѣмъ четыре листа вышли совершенно гладкіе, одинадцать листовъ съ едва замѣтными неровностями, десятка три — съ порядочными крапинами, а остальной листъ — весь въ пузыряхъ, такъ что никуда не годится. Это произошло, разумѣется,

оттого, что для первыхъ листовъ случайно стеклись такія благопріятныя обстоятельства, которыя работникъ, по недостатку умѣнья, не могъ обратить въ общее правило для всего количества продукта. Поэтому онъ сортируетъ изготовленные листы, и цѣнность перваго сорта считается выше второго, который въ свою очередь цѣнится выше третьяго и т. д. Различіе въ цѣнностяхъ происходитъ отъ различія въ сопротивленіи природы. Стекло перваго сорта можетъ образоваться при исключительно благопріятныхъ условіяхъ, которыя встрѣчаются рѣдко, и оттого это стекло дорого; чтобы приготовить одинъ такой листъ, надо испортить на неудачныя попытки больше десятка. Конный заводчикъ воспитываетъ съ одинаковымъ стараніемъ сотню жеребятъ, но изъ этой сотни, можетъ быть, сформируется только два замѣчательные скакуна, потомъ штукъ пятнадцать отличныхъ верховыхъ и упряжныхъ лошадей, потомъ штукъ тридцать порядочныхъ лошадей, а затѣмъ остальныя окажутся дрянью. Причины тѣ же самыя, какія мы видѣли въ фабрикаціи стекла,—именно, неполное знаніе естественныхъ свойствъ предмета, и слѣдовательно, неполное умѣнье пользоваться благопріятными условіями и устранять разстроивающія вліянія. Цѣна различнымъ лошадямъ будетъ конечно чрезвычайно различная. Замѣчательный скакунъ долженъ будетъ по возможности наверстывать трудъ, потраченный на него самого и на менѣе удачные экземпляры, представляющіе собою неосуществившіяся стремленія заводчика. Тамберликъ получаетъ за свой зимній сезонъ въ Петербургѣ такую значительную сумму денегъ, что каждая арія его можетъ быть разсчитана на рубли и копѣйки; положимъ, что какой нибудь прожектеръ вздумалъ сформировать новаго Тамберлика съ тѣмъ, чтобы онъ пѣлъ въ его пользу. Такое предпріятіе имѣетъ какіе нибудь шансы успѣха только въ томъ случаѣ, если предпріимчивый оригиналъ займется физическимъ и музыкальнымъ воспитаніемъ цѣлыхъ сотенъ или тысячъ дѣтей, подающихъ надежды. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣтей умрутъ, другія потеряютъ голосъ, третьи окажутся лишенными слуха, четвертыя обнаружатъ непроходимую тупость, большая часть сдѣлаются хорошими людьми, но плохими пѣвцами. Наконецъ, если и выдрессируется новый Тамберликъ, то онъ навѣрное не окупитъ издержекъ и трудовъ, убитыхъ на его воспитаніе и на неудавшіяся попытки. Тогда предпріимчивый воспитатель увидитъ, что Тамберликъ цѣнится такъ дорого потому, что надо побѣдить множество препятствій, прежде нежели можно будетъ воспро-

извести другой подобный голосъ. А препятствія все-таки состоятъ въ незнаніи тѣхъ физіологическихъ, гигіеническихъ, климатическихъ и всякихъ другихъ данныхъ, которыхъ совокупность необходима для образованія превосходной музыкальной организаціи.

Мы до сихъ поръ ходимъ ощупью во всѣхъ отрасляхъ нашей дѣятельности; все, что выходитъ у нас хорошаго, принимается нами, какъ подарокъ судьбы, какъ счастливая случайность, какъ исключеніе, стоящее рядомъ съ сотнею уродливостей, которыя считаются нами за настоящее правило. Поэтому первый сортъ вездѣ дорогъ, и на стеклянной фабрикѣ, и на конномъ заводѣ, и въ музыкальной школѣ. Это доказываетъ намъ, что полное знаніе природы, полное могущество надъ нею, и слѣдовательно, полное счастье человѣка лежитъ еще далеко впереди насъ, но это вовсе не доказываетъ того, чтобы знаніе наше имѣло передъ собой неодолимыя преграды, и чтобы въ природѣ заключались такія тайны, которыя навсегда останутся недоступными пытливому уму человѣка. Въ наше время никто не удивился бы такому усовершенствованію въ фабрикаціи стекла, вслѣдствіе котораго весь сырой матеріалъ, положенный въ горнъ, сталъ бы превращаться въ стекло перваго сорта. Даже значительное усовершенствованіе въ коннозаводствѣ, дающее возможность удвоить или утроить число ежегодно формирующихся превосходныхъ скакуновъ или ломовиковъ, не показалось бы намъ невѣроятнымъ, не смотря на то, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ органическою жизнью въ одномъ изъ самыхъ сложныхъ ея проявленій. Если бы мы могли по произволу улучшать складъ нашихъ домашнихъ животныхъ, если бы посредствомъ тщательнаго ухода и измѣненныхъ условій питанія мы могли сообщить простому русскому жеребенку превосходныя качества арабской лошади, то мы конечно очень близко подошли бы къ той чрезвычайно важной задачѣ, чтобы путемъ различныхъ физическихъ вліяній сообщать развивающемуся человѣческому организму возможно большее количество мускульной и мозговой силы. Уже Платонъ мечталъ о средствахъ производить великихъ людей; для его времени такая цѣль была совершенно фантастична, потому что не была намѣчена даже та дорога, которая можетъ къ ней привести; въ наше время эта цѣль все еще остается недостижимою, но мы знаемъ уже тотъ путь изслѣдованія, который навѣрное, рано или поздно, приведетъ къ рѣшенію самыхъ сложныхъ вопросовъ органической жизни. Къ сожалѣнію, между теоретическимъ знаніемъ и практическимъ при-

ложеніемъ лежитъ до сихъ поръ, на всѣхъ отрасляхъ нашей дѣятельности, глубокая и широкая бездна. Теоретическая гигіена давно твердитъ людямъ, что для ихъ организма необходимы чистый воздухъ, свѣтъ, теплота, свѣжая и обильная пища, а между тѣмъ всѣ эти совѣты гигіены звучатъ горькою насмѣшкою для каждаго, кто сколько нибудь знакомъ съ бытовыми условіями огромнаго большинства. Большіе города, грязные переулки и дворы, темнота, сырость, голодъ, холодъ, разлагающаяся пища, гніющая вода — все это существуетъ въ огромныхъ размѣрахъ и нимало не смущается предписаніями гигіенической науки. Къ довершенію нелѣпости, находятся люди, которые всѣ эти явленія оправдываютъ, какъ неизбѣжныя слѣдствія неизмѣнныхъ естественныхъ законовъ. «Вольножъ *имъ* плодиться, какъ свиньямъ, говоритъ мальтузіанецъ Милль: —*они* сами виноваты, и намъ, людямъ приличнымъ, не слѣдуетъ становиться между прегрѣшеніемъ и наказаніемъ.» Весь историческій ходъ событій, породившій такое повсемѣстное практическое порицаніе гигіены, представляется каждому мыслящему человѣку обиднымъ и безконечно долгимъ недоразумѣніемъ, перевѣшивающимъ въ значительной степени то благодѣтельное вліяніе, которое должны были бы оказать на судьбу нашей породы великія открытія естествознанія. Можно было бы, глядя на продолжающіяся историческія недоразумѣнія, усумниться въ силѣ этихъ открытій, усомниться въ ихъ приложимости къ вседневной жизни всѣхъ людей, можно было бы принять эти открытія за новое видоизмѣненіе монополій и привиллегій, если бы неподкупный духъ анализа, пробужденный естественными науками, не проникъ въ изслѣдованіе существующихъ формъ общественной и экономической жизни. Та минута, въ которую плодами этого изслѣдованія можно будетъ подѣлиться со всѣмъ человѣчествомъ, откроетъ собою новую эру справедливости, физическаго здоровья и матеріальнаго благосостоянія. Препятствій много, минута эта далека. Но къ приближенію этой минуты направлены всѣ усилія всѣхъ честныхъ работниковъ мысли на земномъ шарѣ; нѣтъ тѣхъ препятствій, которыхъ не побѣдила бы рано или поздно энергія мысли и сила честнаго убѣжденія; нѣтъ тѣхъ испытаній, которыя бы испугали людей, сознающихъ въ себѣ естественныхъ депутатовъ и защитниковъ своей породы,—и потому славное будущее человѣчества не можетъ погибнуть. Знаніе есть сила, и противъ этой силы не устоятъ самыя ока-

менѣлыя заблужденія, какъ не устояла противъ нея инерція окружающей насъ природы.

Всякая побѣда человѣка надъ инерціею природы увеличиваетъ пользу окружающей насъ матеріи и уменьшаетъ цѣнность предметовъ нашего потребленія. Пользою предметовъ измѣряется сила человѣка надъ природой; поэтому польза увеличивается, когда люди сближаются между собой. Цѣнностью предметовъ измѣряется, напротивъ того, сила природы надъ человѣкомъ; поэтому цѣнность уменьшается при сближеніи людей между собою. Одинокому поселенцу приходится бѣгать за водой къ рѣкѣ за нѣсколько сотъ шаговъ, такъ что каждое ведро воды стоитъ значительнаго количества труда. Когда число поселенцевъ увеличивается, то имъ удается вырыть колодезь возлѣ самыхъ домовъ; цѣнность воды уменьшается, но польза ея увеличивается, потому что ее употребляютъ въ домашнемъ быту чаще и въ большемъ количествѣ. Потомъ, поселенцы ставятъ надъ колодцемъ насосъ, который еще облегчаетъ добываніе воды и, уменьшая ея цѣнность, снова увеличиваетъ ея пользу. Наконецъ, когда силы поселенія оказываются уже очень значительными, вода проводится въ дома, послѣ чего каждому изъ жителей стоитъ только отвернуть кранъ, чтобы добыть себѣ цѣлыя бочки воды. Цѣнность падаетъ такимъ образомъ до самой низкой степени, а польза увеличивается до самыхъ большихъ размѣровъ. Этотъ простой примѣръ, въ которомъ нѣтъ ни натяжки, ни произвольной гипотезы, показываетъ намъ, что цѣнность и польза предметовъ находится всегда въ обратномъ отношеніи между собою. Кромѣ того, этотъ примѣръ подтверждаетъ еще разъ ту истину, что дружное соединеніе человѣческихъ силъ распространяетъ свое благотворное вліяніе на всѣ мелкія подробности вседневной жизни.

XI.

Положимъ, что буря выбрасываетъ обломки корабля па такой островъ, котораго еще не посѣщали европейскіе мореплаватели; дикіе островитяне осматриваютъ эти обломки и находятъ, въ числѣ другихъ вещей, нѣсколько ружей, запасъ неподмоченнаго пороха,

нѣсколько фунтовъ пуль и дроби и большое количество пистолетовъ. Для людей, живущихъ охотою, чрезвычайно выгодно замѣнить луки и стрѣлы хорошими ружьями, но дикари навѣрное не поймутъ важнаго значенія своей находки и останутся при своемъ прежнемъ, варварскомъ оружіи. Для нихъ ружья не составляютъ богатства, потому что они не умѣютъ ими пользоваться. Если бы къ нимъ перенесли всѣ паровыя машины Англіи или американскихъ Штатовъ и если бы земля ихъ заключала въ себѣ мощные пласты каменнаго угля и неистощимыя жилы желѣзной руды, то и тогда они не съумѣли бы сдѣлать себѣ ни одного ножа, и попрежнему продолжали бы рѣзать кожу и мясо животныхъ острыми раковинами и кремнями. У нихъ не достаетъ знаній для того, чтобы обращаться, какъ слѣдуетъ, съ паровою машиной или съ ружьемъ. Они даже не подозрѣваютъ, чтобы въ природѣ существовала возможность тѣхъ явленій и сложныхъ комбинацій, которыя извѣстны каждому фабричному работнику въ Англіи или въ Америкѣ. Въ тѣхъ предѣлахъ, до которыхъ успѣли развиться знанія дикарей, они воспользуются и паровою машиной и ружьемъ. Первую они вѣроятно разломаютъ на части, чтобы изъ этихъ частей сдѣлать себѣ разную домашнюю утварь; второе будетъ обращено въ дубинку, которую дикарь будетъ брать въ руки за дуло, чтобы поражать своего врага прикладомъ. Это своеобразное употребленіе паровой машины и ружья обнаруживаетъ въ дикаряхъ опытное знаніе самыхъ элементарныхъ свойствъ матеріи: видно, что они умѣютъ пользоваться емкостью, твердостью, тяжестью, клинообразною или остроконечною формою и другими наглядными свойствами окружающихъ предметовъ. Благодаря этимъ слабымъ знаніямъ, они могли извлечь очень незначительную пользу изъ тѣхъ снарядовъ, изъ которыхъ свѣдущій европеецъ извлекаетъ большое количество важныхъ житейскихъ удобствъ.

Всякій читатель согласится, что большое количество житейскихъ удобствъ можетъ быть названо богатствомъ, и что европеецъ, пользующійся ружьемъ, какъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, богаче дикаря, употребляющаго точно такое же ружье, какъ дубину. Въ рукахъ перваго, ружье развертываетъ всѣ свои производительныя силы, между тѣмъ какъ у послѣдняго всѣ специфическія свойства ружья остаются мертвымъ капиталомъ. Причины такихъ различныхъ результатовъ заключаются въ различіи знаній, слѣдовательно, надо согласиться съ тѣмъ, что знаніе составляетъ важнѣйшій элементъ бо-

гатства. Но знаніе не такой предметъ, который человѣкъ могъ бы найдти готовымъ на какой нибудь горѣ или въ какой нибудь пещерѣ. Знаніе составляется изъ мелкихъ крупинокъ ежедневнаго опыта, а такъ какъ жизнь отдѣльнаго человѣка очень коротка и кругъ его зрѣнія очень ограниченъ по своему пространству, то онъ никогда не выбился бы изъ подъ гнета невѣжества и бѣдности, если бы, сходясь съ другими людьми, онъ не выслушивалъ отъ нихъ и не обращалъ бы въ свою пользу собранныхъ ими опытовъ и наблюденій. Сближеніе съ людьми составляетъ для человѣка самое могущественное средство умственнаго развитія; въ обществѣ человѣкъ мыслитъ быстрѣе, чѣмъ въ одиночествѣ, и мысли каждаго отдѣльнаго лица находятъ себѣ повѣрку въ опытѣ другихъ, и средства къ испытанію и примѣненію въ совѣтахъ и въ содѣйствіи слушателей. На этомъ основаніи, всякая мѣра, уменьшающая разстояніе между отдѣльными людьми, или уничтожающая препятствія, лежащія на пути ихъ сближенія, или увеличивающая потребность людей сближаться между собою, — всякая подобная мѣра, говорю я, увеличиваетъ скорость въ обращеніи идей, распространяетъ знанія и производитъ увеличеніе богатства. Люди всего больше расположены сближаться между собою тогда, когда они занимаются различными промыслами, и могутъ мѣняться между собой продуктами своего труда. Земледѣлецъ не пойдетъ къ сосѣду земледѣльцу, потому что онъ знаетъ, что у него и у сосѣда одни и тѣ же излишки, и одни и тѣ же потребности. Сосѣдъ не возьметъ у него хлѣба, потому что у сосѣда своего хлѣба слишкомъ много, и сосѣдъ не дастъ ему рубашки, потому что сосѣдъ самъ хочетъ пріобрѣсти себѣ полотна или бумажной матеріи. Чтобы сбыть лишній возъ зерноваго хлѣба и пріобрѣсти нѣсколько аршинъ полотна или сукна, пару сапоговъ или новую косу, земледѣлецъ принужденъ отправиться въ ближайшій городъ, за нѣсколько десятковъ верстъ, по дурной и гористой дорогѣ. Это препятствіе, находящееся между производителемъ-земледѣльцевъ и потребителемъ-ремесленникомъ, и заключающееся въ далекомъ разстояніи и въ дурной дорогѣ, ведетъ за собою много невыгодъ. Цѣлый день земледѣльца будетъ потраченъ непроизводительно, т. е. не увеличитъ количества продукта; вмѣстѣ съ трудомъ земледѣльца пропадетъ и трудъ лошади, которая повезетъ хлѣбъ въ городъ и телегу изъ города. Пометъ лошади, падающій на дорогу, потерянъ; кромѣ того, земледѣлецъ, неимѣющій подъ рукою близкаго сбыта,

принужденъ обсѣвать свои поля только такими сортами хлѣба, которые, при наименьшей громоздкости, продаются по наиболѣе дорогой цѣнѣ. Онъ не можетъ возить въ городъ картофель или сѣно, потому что продажная цѣна этихъ продуктовъ не окупитъ издержекъ и трудовъ перевозки. Это обстоятельство вредитъ успѣшному ходу его хозяйства, не позволяетъ ему ввести раціональный сѣвооборотъ и заставляетъ его истощать свои поля постоянными посѣвами ржи, пшеницы, овса и другихъ зерновыхъ хлѣбовъ. Положимъ теперь, что черезъ владѣнія нашего земледѣльца пролегла желѣзная дорога, ведущая къ тому городу, въ который прежде приходилось ѣздить по разнымъ трясинамъ и буеракамъ; теперь продукты отправляются на продажу въ вагонахъ, а то количество лошадинаго и человѣческаго труда, которое тратилось на безплодныя прогулки по дурной проселочной дорогѣ, посвящается улучшенію земли; пометъ весь идетъ на удобреніе земли, и количество земледѣльческихъ продуктовъ увеличивается. Тогда земледѣлецъ нанимаетъ большее число работниковъ, чтобы еще болѣе расширить кругъ своихъ дѣйствій. Является необходимость построить новые амбары и скотные дворы; плотникъ, замѣчая запросъ на свой трудъ, поселяется рядомъ съ земледѣльцемъ; сапожникъ, получая съ фермы частые заказы, приближается къ своимъ заказчикамъ; мельникъ ставитъ мельницу на ближайшей рѣчкѣ, потому что предвидитъ себѣ работу. Прежде надо было ѣздить къ плотнику за тесомъ и за рамами, къ сапожнику за обувью, къ мельнику съ зерномъ, и отъ мельника съ мукою; на всѣ эти прогулки въ общей сложности тратилось большое количество труда и помета; теперь все это терявшееся количество сохраняется и увеличиваетъ плодородіе земли: хлѣба добывается гораздо больше прежняго, и притягательная сила процвѣтающаго мѣстечка постоянно увеличивается; приходитъ ткачъ, чтобы на мѣстѣ превращать ленъ и пеньку въ полотно; затѣмъ устроивается сукновальня, избавляющая фермера отъ необходимости возить въ городъ шерсть своихъ овецъ. Затѣмъ являются портной, кузнецъ, колесникъ, шорникъ, пивоваръ и другіе рабочіе. Сблизившись между собою, всѣ эти различные ремесленники ежедневно доставляютъ другъ другу значительныя выгоды, какъ производители и какъ потребители; всѣ они могутъ постоянно заниматься своими работами, не имѣя надобности бѣгать по дорогамъ ни за покупателями, ни за продавцами. Сапожнику стоитъ перейдти черезъ улицу, чтобы купить у ткача по-

лотна; ткачу стоитъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, чтобы достать у мельника муки; и сапожникъ, и ткачъ знаютъ также, что ихъ сосѣди сами придутъ къ нимъ за тѣми продуктами, которые они вырабатываютъ. Что же касается до земледѣльца, то онъ находится въ самомъ цвѣтущемъ положеніи; каждый кусокъ земли приноситъ ему пользу и доходъ; хлѣбъ, говядина, баранина, масло, яйца, домашняя птица, сыръ — все это находитъ себѣ сбытъ, и все это дешево, потому что продается намѣстѣ, и все это, кромѣ денегъ, даетъ удобреніе, которое постоянно возвышаетъ производительную силу земли. Нравственныя слѣдствія такого сближенія разнородныхъ людей и промысловъ также очень значительны. Каждое отдѣльное ремесло знакомитъ человѣка съ особенными свойствами того или другого сырого матеріала; каждое изъ нихъ даетъ человѣку особенныя орудія и научаетъ его особеннымъ пріемамъ; каждое изощряетъ въ человѣкѣ ту или другую способность и направляетъ его природную наблюдательность на ту или другую сторону обыденныхъ явленій. Всякій знаетъ, что у землевладѣльца есть свои особенныя метеорологическія примѣты, что пастухамъ извѣстны многія интересныя свойства въ характерѣ домашнихъ животныхъ, что мельники по необходимости пріобрѣтаютъ практическія свѣдѣнія по части механики и гидростатики. Когда множество различныхъ ремесленниковъ живутъ между собою рядомъ и находятся другъ съ другомъ въ ежедневныхъ сношеніяхъ, то они невольно и безсознательно сообщаютъ другъ другу большое количество замѣтокъ и свѣдѣній, которыя возбуждаютъ любознательность, нарушаютъ неподвижность ума и расширяютъ кругъ понятій и воззрѣній. Особенно важны нравственныя слѣдствія такого сближенія для подрастающихъ дѣтей. Гдѣ земледѣліе составляетъ единственный промыселъ всего населенія, тамъ не можетъ быть рѣчи о личныхъ наклонностяхъ или способностяхъ молодыхъ членовъ общества. Къ чему бы ни былъ расположенъ мальчикъ, каковы бы ни были его природныя дарованія, онъ все-таки долженъ непремѣнно браться за соху, потому что внѣ сохи нѣтъ спасенія отъ нищеты. Когда же, напротивъ того, десятки различныхъ ремесленниковъ живутъ на пространствѣ одной квадратной версты, тогда самые прихотливые вкусы и самыя разностороннія способности могутъ и должны находить себѣ удовлетвореніе. Кто расположенъ къ сидячей жизни и къ кропотливой работѣ, тотъ пойдетъ въ ученіе къ портному или къ сапожнику; у кого вѣрный глазъ

и сильная рука, тотъ сдѣлается плотникомъ; кто владѣетъ тѣмъ же хорошимъ глазомѣромъ при меньшей физической силѣ, тотъ займется столярною работой; кто любитъ работать на открытомъ воздухѣ, тотъ посвятитъ свои силы садоводству или огородничеству; всякому откроется возможность заниматься своимъ дѣломъ съ охотою, по свободному влеченію, а не вслѣдствіе горькой необходимости. Индивидуальныя силы, наклонности и способности заявятъ свое существованіе, и это обстоятельство, во-первыхъ, возвыситъ нравственное состояніе людей, и во-вторыхъ, увеличитъ количество и улучшитъ качество продуктовъ, понизитъ ихъ цѣны посредствомъ усовершенствованій въ производствѣ, усилитъ такимъ образомъ ихъ сбытъ, и возвыситъ общее благосостояніе производителей и потребителей. Наконецъ разнообразіе промысловъ благодѣтельно тѣмъ, что оно уменьшаетъ зависимость простого работника отъ хозяина или мастера и увеличиваетъ въ первомъ чувство собственнаго достоинства, принуждая въ то же время второго уважать человѣческую личность своего подчиненнаго. Гдѣ всѣ пашутъ землю, тамъ личность работника не существуетъ; тамъ человѣкъ, идущій за сохою, по свойствамъ своего труда, очень мало отличается отъ лошади или отъ вола, на которыхъ онъ покрикиваетъ и помахиваетъ кнутомъ. Хозяинъ не дорожитъ умомъ и ловкостью своего батрака; онъ совершенно основательно разсуждаетъ, что за сохою съумѣетъ ходить и круглый дуракъ; поэтому онъ и помыкаетъ своими работниками, какъ ему угодно, и гоняетъ ихъ съ двора, когда они начинаютъ пускаться въ разсужденія. Замѣнить выгнаннаго работника вовсе нетрудно, потому что особенныхъ достоинствъ и способностей отъ кандидата на такое мѣсто не требуется. Въ ремесленной дѣятельности вопросъ ставится совершенно иначе. Хозяинъ дорожитъ человѣкомъ и смышленымъ работникомъ, потому что его не скоро замѣнишь. Въ чисто земледѣльческомъ быту принималась въ расчетъ только животная сила человѣка; при ремесленной работѣ, напротивъ того, сила мускуловъ обыкновенно отходитъ на второй планъ, а всего больше обращается вниманіе на искусство, на знаніе дѣла, на сообразительность. Въ ремеслѣ впервые проявляется и признается элементъ личнаго таланта. Этотъ элементъ эмансипируетъ и возвышаетъ ремесленника и смягчаетъ въ отношеніи къ нему хозяина, котораго личный интересъ зависитъ отъ ума и технической ловкости рабочаго. Въ исторіи среднихъ вѣковъ встрѣчается такой фактъ, который со-

вершенно подтверждаетъ собою предъидущія разсужденія. Первые признаки самостоятельности въ отношеніи къ феодаламъ проявляются между ремесленниками; они образуютъ коммуны и возмущаются противъ епископовъ и бароновъ; изъ нихъ составляется знаменитый tiers-état, а въ это время земледѣльцы еще несутъ на себѣ всю тяжесть барщины и разныхъ произвольныхъ поборовъ. Изъ всего, что было сказано о жизни разросшагося мѣстечка, мы можемъ замѣтить, что сближеніе людей между собой, распространеніе знаній, увеличеніе богатства и нравственное освобожденіе личности зависятъ преимущественно отъ разнообразія занятій, и при существованіи этого послѣдняго условія естественнымъ образомъ развиваются одно изъ другого. Для того, чтобы въ каждой отдѣльной мѣстности какой нибудь страны проявлялось то разнообразіе занятій, изъ котораго вытекаютъ дѣятельность, знаніе, богатство и свобода, необходимо существованіе множества мѣстныхъ центровъ притяженія. Если въ какой нибудь землѣ одинъ огромный городъ стягиваетъ въ себѣ большую часть промышленныхъ силъ страны, то жители находятся въ зависимости отъ этого общаго центра; они принуждены возить свои продукты на этотъ далекій рынокъ, и на этомъ же рынкѣ покупать тѣ фабричныя издѣлія, которыя необходимы имъ для домашняго обихода. Ни одинъ изъ жителей не рѣшается устроить какое нибудь промышленное заведеніе внѣ большого центра, потому что не можетъ расчитывать на сбытъ; разбросанное населеніе поневолѣ занимается исключительно земледѣліемъ и истощаетъ свою почву постояннымъ вывозомъ сырыхъ произведеній, которыя потребляются на далекомъ рынкѣ, и слѣдовательно, не даютъ обратно никакого удобренія. Между тѣмъ, въ большомъ центрѣ заводятся всякія гадости; туда бѣжитъ все, что голодно, въ надеждѣ найти работу, и находитъ чаще всего крайнюю степень нужды, совершенное нравственное паденіе и преждевременную смерть отъ изнуренія, отъ гнилой пищи, или отъ вынужденнаго разврата; туда бѣжитъ и ѣдетъ все, что честолюбиво, въ надеждѣ найти блескъ и повышеніе, и чаще всего находитъ развращающую школу низкопоклонства и ничѣмъ невознаграждаемаго насилованія совѣсти; туда же, въ обѣтованную землю всякой роскоши, несутся всѣ люди, стремящіеся пожить на чужой счетъ, начиная отъ безконечнаго числа разныхъ просителей, искателей, и кончая легіономъ шуллеровъ и уличныхъ мошенниковъ. Первые, большею частью питаются надеждами и нравственными подзатыльниками,

но за то вторые, какъ люди, избравшіе благую часть, обыкновенно находятъ себѣ обильную ловлю рыбы въ мутной водѣ этихъ колоссальныхъ клоакъ нашей великой цивилизаціи. Такимъ образомъ страна, имѣющая одинъ большой центръ притяженія, представляетъ очень неутѣшительную картину; провинціи постоянно бѣднѣютъ и истощаются; жители тупѣютъ отъ однообразнаго и неблагодарнаго труда; а въ центрѣ собирается вся дрянь страны, вся испорченная кровь, весь гной ея бѣдности, вся квинт-ессенція ея разврата и нравственной низости, ея страданій и преступленій; но такъ какъ эта міазматическая смѣсь подергивается всегда тонкою пленкою мишурнаго золота, то дальновидные теоретики находятъ обыкновенно, что все обстоитъ благополучно, или утверждаютъ, что вся бѣда происходитъ отъ недостатка нравственнаго самовоздержанія (moral restraint) со стороны рабочаго человѣка и его супруги.

XII.

Когда Робинсонъ жилъ одинъ на своемъ островѣ, то ему надо было ходить на охоту, собирать плоды, ловить рыбу, сносить всѣ эти запасы въ свою пещеру, варить или жарить ихъ, готовить себѣ одежду изъ шкуръ, таскать изъ лѣса дрова для отопленія жилища, сооружать и чистить охотничьи и рыболовные инструменты. Все это и, можетъ быть, много другихъ занятій лежало на немъ одномъ, потому что у него не было союзника и помощника. Когда онъ отправлялся въ лѣсъ за добычею, то запасы, набранные наканунѣ, оставались безъ присмотра и могли быть съѣдены крысами или унесены какимъ нибудь болѣе крупнымъ животнымъ; когда онъ былъ на охотѣ, пища не приготовлялась ко времени его возвращенія, и одежда, которую онъ началъ шить до своего ухода, оставалась недоконченною. Когда онъ готовилъ пищу, или дошивалъ одежду, время, удобное для ловли рыбы, могло быть пропущено. Словомъ, Робинзонъ постоянно принужденъ былъ переходить отъ одного дѣла

къ другому, причемъ конечно много труда и времени терялось на эти безпрестанные переходы; всѣ занятія, понеобходимости, шли плохо, потому что они сталкивались между собою и ежеминутно мѣшали другъ другу. Каждая работа дѣлалась урывками, и ни въ одной не было того постояннаго и послѣдовательнаго движенія, которое необходимо для достиженія выгодныхъ результатовъ. Если у Робинзона была жена, то уже всѣ работы должны были идти гораздо успѣшнѣе: пока мистеръ Робинзонъ бродилъ по лѣсу за дичью, или плавалъ по рѣкѣ за рыбою, домашній очагъ охранялся бдительнымъ окомъ мистриссъ Робинзонъ, которая, кромѣ того, въ это же время варила или жарила мясо, чистила набранные наканунѣ плоды, потрошила наловленную рыбу, или шила одежду; работы не прерывались такъ часто, какъ во время холостой жизни Робинзона, и вслѣдствіе этого, въ этихъ работахъ замѣчалось больше порядка, и отъ нихъ получалось большее количество продукта. Между Робинзономъ и его женою происходили постоянные обмѣны услугъ, къ обоюдной выгодѣ обѣихъ сторонъ. Когда подросли дѣти, то быстрота въ обмѣнѣ услугъ значительно увеличилась. Одинъ изъ членовъ семейства охотился за дичью, другой ловилъ рыбу, третій чинилъ охотничьи инструменты, четвертый варилъ кушанье, пятый шилъ одежду, шестой копалъ землю, такъ что всѣ отрасли работъ одновременно и дружно подвигались впередъ; потомъ продукты этихъ работъ обмѣнивались одинъ на другой; когда вся семья садилась обѣдать, тутъ излишекъ дичи одного обмѣнивался на излишекъ рыбы другого; тутъ съѣстные припасы, добытые однимъ, оплачивали труды другихъ, посвящавшихъ свои силы на приготовленіе кушанья, на шитье одежды, на сооруженіе луковъ, челноковъ и удочекъ. Этотъ обмѣнъ былъ выгоденъ для каждаго, потому что, вслѣдствіе такого обмѣна, каждый пользовался разнообразнымъ столомъ, каждый былъ одѣтъ, каждый, кому надо было охотиться или ловить рыбу, былъ снабженъ необходимыми инструментами. Трудъ каждаго былъ гораздо производительнѣе, чѣмъ трудъ одинокаго колониста, потому что каждый посвящалъ своему занятію все свое время и все свое вниманіе, не кидаясь отъ одной работы къ другой и не развлекаясь посторонними заботами и соображеніями. Эта небольшая семья колонистовъ служитъ прототипомъ общества; въ ней, какъ и въ самомъ многолюдномъ обществѣ, происходятъ раздѣленіе труда и обмѣнъ услугъ; эти два явленія заключаютъ въ себѣ источникъ всѣхъ бла-

годѣтельныхъ дѣйствій, которыя существованіе общества производитъ на матеріальное и нравственное положеніе отдѣльнаго человѣка. Чѣмъ многолюднѣе общество, тѣмъ значительнѣе можетъ быть раздѣленіе труда, тѣмъ безпрерывнѣе и быстрѣе можетъ совершаться обмѣнъ услугъ, тѣмъ дѣятельнѣе, умнѣе, богаче и свободнѣе можетъ становиться человѣкъ, тѣмъ сильнѣе должны понижаться цѣнности предметовъ и тѣмъ сильнѣе должна возвышаться ихъ польза. Такъ можетъ быть, и такъ должно быть, но такъ не бываетъ въ дѣйствительности, потому что люди, кромѣ раздѣленія труда и обмѣна услугъ, всегда вносятъ въ каждое зарождающееся общество элементъ присвоенія чужого труда. Этого ядовитаго зерна достаточно, чтобы отравить всѣ блага общественной жизни и породить всѣ междоусобныя распри, которыя составляютъ исторію и въ которыхъ до нашихъ временъ истощаются физическія и умственныя силы людей. Начинается съ того, что мужъ бьетъ свою жену и побоями принуждаетъ ее работать, въ то время, какъ самъ онъ лежитъ на спинѣ и грѣется на солнцѣ. Такимъ образомъ нарушается естественное раздѣленіе труда и свободный обмѣнъ услугъ. Мужчина беретъ себѣ большее количество продуктовъ и меньшее количество труда; для возстановленія равновѣсія въ обмѣнѣ, онъ отпускаетъ женщинѣ нѣсколько ударовъ кулакомъ по лицу, или палкой по спинѣ, и равновѣсіе дѣйствительно возстановляется, потому что возраженія женщины умолкаютъ послѣ полученія подобной монеты,—и обмѣнъ услугъ продолжается, не смотря на явное нарушеніе справедливости. Какъ мужъ присвоилъ себѣ значительное количество труда жены, такъ родители присвоиваютъ себѣ значительное количество труда дѣтей; братья поступаютъ точно также въ отношеніи къ сестрамъ, и старшій братъ въ отношеніи къ младшему; потомъ, когда дѣти становятся взрослыми людьми, а родители дряхлыми стариками, то первые эксплуатируютъ послѣднихъ, и наконецъ, измучивъ ихъ до крайности непосильными работами, предоставляютъ имъ полную свободу умереть съ голода. Войны и порабощеніе начинаются такимъ образомъ въ самомъ семействѣ и, начавшись однажды, не останавливаются ни на одну минуту; каждый изъ членовъ семейства бываетъ постоянно то побѣдителемъ, то побѣжденнымъ, то рабовладѣльцемъ, преподающимъ осязательныя внушенія слабѣйшему родственнику, то рабомъ, испытывающимъ убѣдительность такихъ же наставленій со стороны сильнѣйшаго. Значительная доля труда и изобрѣтательности, большое

количество физической силы и нравственной энергіи тратятся на постоянно повторяющіеся натиски и отпоры, на завоевательныя попытки и на отраженіе такихъ попытовъ. При борьбѣ съ природою человѣкъ никогда не встрѣчаетъ сознательнаго сопротивленія своему сознательному нападенію; при борьбѣ человѣка съ человѣкомъ коса находитъ на камень: насиліе встрѣчается съ насиліемъ, хитрость отражается хитростью, суровая воля рабовладѣльца натыкается на пассивное, но сознательное упорство раба. Борьба затягивается, усложняется и принимаетъ на себя безконечное разнообразіе видоизмѣненій. Семейство оказывается для первобытнаго человѣка превосходною школою безнравственности. Изъ этой школы онъ выноситъ очень основательныя свѣдѣнія по части естественнаго гладіаторства и самороднаго маккіавелизма; за предѣлами семейства онъ встрѣчается съ воспитанниками другихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподавались тѣ же элементарныя науки, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями въ программѣ и въ планѣ. Встрѣтившіяся юноши начинаютъ пробовать другъ надъ другомъ силу и убѣдительность своихъ научныхъ аргументовъ и стратегическихъ пріемовъ. Предѣлы диспутовъ расширяются; первобытные силлогизмы совершенствуются и усложняются. Война, политика, рабство, эксплуатація, воровство и грабежъ — всѣ эти различныя видоизмѣненія одного общаго начала приводятся въ стройныя и красивыя системы. Человѣческій умъ развертывается во всемъ своемъ величіи и блескѣ и производитъ въ этомъ направленіи такія же превосходныя усовершенствованія, какими являются въ области производительнаго труда паровыя машины и приложеніе химіи къ земледѣлію. Не рискуя ошибиться, можно даже сказать, что элементъ присвоенія развился гораздо быстрѣе, чѣмъ элементы труда и обмѣна услугъ; этотъ первый элементъ достигъ полнѣйшаго совершенства и успѣлъ уже просочиться въ практическое примѣненіе тѣхъ открытій, которыя подарило человѣчеству естествознаніе, составляющее одно изъ важнѣйшихъ и плодотворнѣйшихъ проявленій элемента труда. Элементъ присвоенія преобладаетъ во всѣхъ существующихъ обществахъ, вездѣ и всегда искажаетъ природу человѣка, и во всѣхъ бѣдствіяхъ частной и общественной жизни является единственной причиной страданій и преступленій. Дойдя до этого элемента и указавши читателю, я уже вышелъ изъ области гипотезъ и теоретическихъ выкладокъ и стою теперь на порогѣ исторіи,

на почвѣ дѣйствительныхъ фактовъ. Здѣсь я считаю удобнымъ остановится на нѣсколько минутъ, оглянуться назадъ и въ сжатомъ очеркѣ напомнить читателю добытые нами результаты, составляющіе въ своей совокупности физіологическую часть исторіи труда. Мы видѣли, что человѣкъ былъ слабъ и бѣденъ, пока онъ оставался одинокимъ; силы природы, окружавшія человѣка, не приносили ему почти никакой пользы, а всѣ удобства жизни, начиная отъ самой грубой пищи, имѣли въ его глазахъ самую значительную цѣнность; когда число людей увеличилось, тогда люди стали помогать другъ другу и совокупными силами успѣли одержать надъ природою много важныхъ побѣдъ; каждая такая побѣда увеличивала пользу сырого матеріала и уменьшала цѣнность предметовъ потребленія. Каждая побѣда человѣка надъ природой давала ему въ руки новыя орудія, и такимъ образомъ прокладывала ему путь къ новымъ и болѣе важнымъ побѣдамъ. Начавши обработку земли на сухихъ холмахъ, человѣкъ спускался въ тучныя долины, когда увеличившееся число людей и усовершенствованіе орудій давали ему возможность вырубить лѣса и осушить болота, покрывавшія плодородную почву. Овладѣвши тучною землю, человѣкъ становится богатымъ; въ основаніи его богатства лежало знаніе, дававшее ему господство надъ природой; знаніе пріобрѣтается и развивается вслѣдствіе частыхъ и разнообразныхъ сношеній людей между собою. Сношенія эти завязываются и поддерживаются разнообразіемъ занятій; разнообразіе занятій возможно только въ томъ случаѣ, когда существуетъ множество небольшихъ, тѣсныхъ центровъ притяженія. Эти тѣсные центры образуются сами собою въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ общественныя аномаліи не парализируютъ естественнаго развитія человѣческаго труда. Общественныя аномаліи всякаго рода выросли изъ элемента присвоенія чужого труда, а этотъ враждебный элементъ возникъ въ доисторическія времена въ семейномъ быту и изъ него раскинулъ свои вѣтви по всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности. Вотъ бѣглый перечень тѣхъ мыслей, которыя были изложены на предъидущихъ страницахъ. Совокупность этихъ мыслей указываетъ на ту великую и свѣтлую участь, которая должна составлять естественное достояніе людей; участь эта не имѣетъ ничего общаго съ тѣми мрачными явленіями, которыя наполняютъ всемірную исторію и обращаютъ на себя вниманіе современнаго наблюдателя. Люди сбились съ настоящаго пути, исказили свою природу и до сихъ поръ

продолжаютъ мучить другъ друга. Факты эти очень достовѣрны и тѣмъ болѣе печальны. Но эти факты не даютъ намъ права думать, чтобы свѣтлое будущее было недостижимо. Надо помнить, что люди потратили много тысячелѣтій на то, чтобы ознакомиться съ природой; надо помнить, что они до сихъ поръ не знаютъ ея вполнѣ, и надо помнить, кромѣ того, что человѣкъ есть самое сложное явленіе природы, всего менѣе доступное непосредственному наблюденію и почти совершенно недоступное опыту. Очень естественно, что величайшее число ошибокъ, теоретическихъ и практическихъ, относится именно къ человѣку, какъ самому сложному, самому неизвѣстному и въ тоже время самому интересному предмету во всей природѣ. Очень естественно, что астрономія и химія уже въ настоящее время вышли изъ тумана произвольныхъ гаданій, между тѣмъ какъ общественныя и экономическія доктрины до сихъ поръ представляютъ очень близкое сходство съ отжившими призраками астрономіи, алхиміи, магіи и теософіи. Очень вѣроятно, что и эти кабалистическія доктрины сложатся когда нибудь въ чисто-научныя формы, и современемъ обнаружатъ свое вліяніе на практическую жизнь, со временемъ убѣдятъ людей въ томъ, что людоѣдство не только безнравственно, но и невыгодно. Современемъ многое перемѣнится, — но мы съ вами, читатель, до этого не доживемъ, и потому намъ приходится ублажать себя тѣмъ высоко-безплоднымъ сознаніемъ, что мы до нѣкоторой степени понимаемъ нелѣпости существующаго.

— «И это называется нигилизмомъ?

— И это называется нигилизмомъ!' повторилъ опять Базаровъ, на этотъ разъ съ особенною дерзостью».

1863 года.
23 Августа.

Д. Писаревъ.

НЕ УДАЛОСЬ.

(РАЗСКАЗЪ).

—

Былъ теплый іюньскій полдень.

Генеральша Геліотропова сидѣла на балконѣ своей дачи и отъ нечего дѣлать болтала съ кузеномъ Мишелемъ Георгиновымъ. Кузенъ Мишель Георгиновъ отъ нечего дѣлать поддерживалъ болтовню всѣми отъ него зависящими средствами. Когда уже говорить было не о чемъ и весь запасъ великосвѣтскихъ сплетней истощился, двѣ эти особы уныло начали созерцать природу.

— А, M-r Чимбасовъ!

Это восклицаніе вышло изъ полныхъ губокъ генеральши Геліотроповой; затѣмъ она кивнула головой молодому человѣку, проходившему въ это время по улицѣ, мимо балкона.

Молодой человѣкъ остановился и поздоровался.

— Вы вѣдь къ намъ? спросила генеральша.

— Да; сегодня середа, — вашъ сынъ дома?

— Онъ, кажется, въ саду.

Чимбасовъ поклонился и повернулся.

— Mais... entrez! Посидите съ нами.

— Извините, мнѣ право некогда..

— Э, полноте! Успѣете наговориться съ вашимъ ученикомъ; пусть мой Nicolas еще поиграетъ.

— Нѣтъ, не могу-съ; у меня еще есть урокъ въ назначенный часъ... Время разсчитано. Извините!

И Чимбасовъ пошелъ.

Мишель Георгиновъ пожалъ плечами и посмотрѣлъ на кузину.

— Что вамъ за охота, замѣтилъ онъ, опуская презрительно губы:—разговаривать съ этой чернорабочей дрянью?...

— Все же новое лицо....

— А сколько на этомъ новомъ лицѣ гордости... вы замѣтили? Какой нибудь студентъ и.... ха, ха, ха!

— Но.... онъ не дуренъ, одѣтъ только грязновато.... вѣдь онъ бѣдный.

Болтовня опять завязалась. Мишель весьма жолчно отзывался о Чимбасовѣ и называлъ его демократическою грязью и санкюлотомъ, причемъ доказывалъ, что какъ бы человѣкъ ни былъ образованъ, но если онъ рожденъ въ низшемъ кругу, ему никогда не будутъ доступны тонкія чувства, деликатныя манеры и пр., и пр... Генеральша соглашалась, но въ тайнѣ мечтала о томъ, что какъ было бы хорошо, если бы этотъ простенькій Чимбасовъ надѣлъ напримѣръ кавалергардскій сюртукъ и пригладилъ свои черные, всклоченные волоса? И какъ было бы еще хорошо, если бы онъ въ такомъ видѣ, гремя саблей, прошелся съ нею по Невскому, въ часъ прогулки избранныхъ смертныхъ.... При этомъ сѣренькіе глазки Геліотроповой покрылись матовой влагой.

Между тѣмъ Мишель говорилъ и горячился.

Чимбасовъ вошелъ въ садъ и засталъ Nicolas, мальчика лѣтъ четырнадцати, въ интимной бесѣдѣ съ молоденькой горничной мамаши. Они сидѣли на скамейкѣ. При видѣ Чимбасова дѣвушка вырвалась изъ рукъ юноши и скрылась. Смущенный Nicolas всталъ. На лицѣ его попеременно выражалась досада, боязнь, покорность и смиреніе.

— Какъ вы рано... сегодня, выговорилъ наконецъ онъ.

Чимбасовъ ничего не отвѣтилъ и отправился къ бесѣдкѣ, гдѣ они постоянно занимались. Безпокойство овладѣло юношею и послѣ легкой борьбы, отразившейся на его лицѣ, онъ обратился жалобно къ учителю:

— Не говорите, пожалуста, maman...

— Какое же мнѣ дѣло? Дѣлайте, что хотите.

Чимбасовъ развернулъ геометрію.

— Нѣтъ, даете мнѣ честное слово?

Студентъ посмотрѣлъ на Nicolas и улыбнулся.

— Займемтесь-ка, пора! Приготовили вы сегодня урокъ?

Юноша опустилъ глаза.

— Не учили?

Ученикъ молчалъ и глупо смотрѣлъ на сапоги.

— Что же вы молчите? Не церемоньтесь: ну, не выучили? Да?

— Я ужъ вамъ лучше къ слѣдующему разу вдвое выучу.... Сегодня.... такъ жарко....

— Ну-съ, такъ пойдемте дальше.

Чимбасовъ и Nicolas усѣлись,—но не успѣлъ учитель начертить двухъ треугольниковъ, какъ въ бесѣдку вошелъ лакей и доложилъ, что его превосходительство, папаша, пріѣхали и велѣли позвать молодого барина.

— Скажи, что онъ занимается, отвѣчалъ Чимбасовъ.

— Верховую лошадь имъ привели, такъ безпремѣнно требуютъ-съ.

— Все равно, скажи....

Учителю не нужно было договаривать, потому что Nicolas удивительно живо выскочилъ изъ бесѣдки и, крикнувъ «извините!», скрылся.

Оставшись безъ питомца, Чимбасовъ немного подумалъ и отправился къ балкону. На балконѣ были гости. Двое офицеровъ съ хлыстами разговаривали съ Мишелемъ Георгиновымъ; три барышни въ амазонкахъ сіяли удовольствіемъ и трещали взапуски. Составлялась кавалькада. Nicolas, подъ руководствомъ папаши, его превосходительства, принималъ въ ней живѣйшее участіе; объ урокѣ нечего было и думать. При появленіи Чимбасова разговаривающіе и трещавшія замолчали и устремили на него глаза. Молодой человѣкъ объявилъ генеральшѣ, что урокъ не состоялся и повидимому не состоится, и потому онъ уходитъ. Madame Геліотропова, чтобы утѣшить его, сказала, что она этотъ урокъ все-таки будетъ считать. Чимбасовъ холодно отказался, поклонился и сошелъ съ балкона.

Одна изъ барышень процѣдила по-русски:

— Какой смѣшной!

Другія двѣ подняли кверху носики, улыбнулись и одобрительно посмотрѣли на своихъ кавалеровъ. Мишель и двое офицеровъ, сдерживая улыбки, проводили глазами удаляющагося Чимбасова, причемъ какъ-то невольно взглянули на свое платье и прищурили глаза.

— Жалкая, грубая жизнь! замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ по-французски.

— А вѣдь счастливъ? добавилъ другой.

Мишель только что началъ говорить о санкюлотахъ и демократахъ, какъ на балконъ влетѣлъ Nicolas и возвѣстилъ, что лошади готовы. Кавалеры, пригласивъ амазонокъ слѣдовать за собой, отправились къ лошадямъ.

Что было дѣлать Чимбасову? Отъ дома своего онъ зашелъ далеко, до другого урока оставалось еще часа два, а погода была славная, и онъ пошелъ бродить вдоль рѣчки, которая лежала противъ дачъ.

Походивъ немного, Чимбасовъ нашелъ уютное мѣстечко на покатистомъ берегу, бросилъ на траву пальто, легъ и закурилъ папироску. Взгрустнулось ему.

Задумался онъ о своемъ житьѣ-бытьѣ.

— Вотъ, думалъ Чимбасовъ: —годъ мнѣ осталось пробыть въ университетѣ.... Что-жъ? и этотъ годъ проживу, какъ прожилъ прежніе три. За лѣто-то рублей семьдесятъ заработаю и внесу сполна всѣ пятьдесятъ за лекціи. Останется рублей двадцать: ну и хвала Аллаху! А тамъ.... урокъ какой нибудь набѣжитъ, да вотъ еще въ журналъ отдалъ статейку: можетъ, получу что нибудь.... Дорога-то тяженелька! Колбаса да ситникъ, ситникъ да колбаса.... Тетушка все зоветъ меня обѣдать къ себѣ—не пойду.... много ужъ тамъ больно генеральства. Тоска за обѣдомъ. Разныя особы такую несутъ дичь, что нѣтъ мочи слушать, а молчать и слушать эту дичь ужасно скучно. Сидѣть тяжело, иногда такъ жаромъ и обдастъ, а кровь-то какъ, будто что-то живое, такъ все и нашептываетъ: да обрѣжь ты ихъ хорошенько! Протри имъ глаза! Выведи ложь наружу....

Чимбасовъ вздохнулъ и затянулся. Другія мысли полѣзли въ его голову.

— А вотъ штука скверная, какъ надуетъ меня эта генеральша—не отдастъ денегъ? Бываютъ такіе казусы. А вѣдь съ этимъ дура-

комъ, ея Nicolas, не мало было труда и потеряннаго времени. Да неужели не отдастъ? Вѣдь богаты они.... Ну, а какъ швейцаръ скажетъ: «уѣхали съ заграницу».. . Что тогда? Ничего и не подѣлаешь!.... Чимбасовъ задумался и потомъ произнесъ слѣдующіе стихи:

Праздникъ жизни, молодости годы
Я убилъ подъ тяжестью труда
И поэтомъ, баловнемъ свободы,
Другомъ лѣни—не былъ никогда...

Замолчалъ Чимбасовъ и сталъ прислушиваться. Слышались ему тихія всхлипыванія дѣтскаго голоса. Кто-то плакалъ. Молодой человѣкъ приподнялся на рукахъ и оглянулся. Сзади него стояла простенькая дача, ворота были открыты; на дворѣ баба развѣшивала юбки. Осмотрѣвъ тщательно мѣстность, онъ замѣтилъ небольшой навѣсъ, примыкавшій къ растворенным воротамъ со стороны двора. Подъ навѣсомъ была скамейка; тутъ только Чимбасовъ увидѣлъ кусокъ голубого платья и женскую ботинку. Онъ на рукахъ перебрался на другое мѣсто, откуда и увидѣлъ всю внутренность навѣса. На скамьѣ сидѣла дѣвушка въ голубомъ платьѣ; въ рукѣ у нея былъ прутикъ, которымъ она что-то чертила по землѣ; изрѣдка она судорожно всхлипывала и не поднимала глазъ. Свѣтлые ея волосы были очень гладко причесаны и къ хорошенькому ея личику вовсе не шли слезы. Узенькія плечи, плоская грудь и худыя руки говорили, что она еще ребенокъ и что не завтра, такъ послѣзавтра она начнетъ быстро и полно развиваться. Чимбасова заинтересовала плачущая дѣвочка.—О чемъ, думалъ онъ, плачетъ она? Какое у ней горе? По платью и вообще по чистотѣ видно было, что она не изъ бѣдныхъ,—значитъ сыта, живетъ еще на дачѣ.... Вотъ, можетъ быть, братецъ ее обидѣлъ или учиться заставляютъ? Чимбасовъ не спускалъ съ нея глазъ.

Но вотъ лицо дѣвушки передернулось, ноздри расширились и она, глотая слезы, снова горько заплакала.

Чимбасовъ не выдержалъ, всталъ и подошелъ къ дѣвушкѣ. Увидѣвъ передъ собой незнакомое лицо, какъ будто выросшее изъ земли, она истерически вздрогнула. Но мягкій и откровенный голосъ молодого человѣка нѣсколько успокоилъ ее.

— О чемъ вы плачете? спросилъ онъ.

Дѣвушка подняла глаза, покраснѣла и сдвинула брови.

— Васъ кто нибудь обидѣлъ?

— А вамъ зачѣмъ знать? холодно отвѣтила она и принялась мять въ рукахъ платокъ.

— Я такъ спросилъ; мнѣ всегда жаль тѣхъ, кто плачетъ... Дѣвушка молчала.

— Не обидѣлъ ли васъ братецъ?

— Нѣтъ.

— Можетъ быть, маменька?

— А вы почему знаете?

— Я не знаю, а догадываюсь...

Дѣвушка бросила испытующій взглядъ на Чимбасова и, встрѣтившись съ его симпатичнымъ и добрымъ взглядомъ, проговорила сквозь слезы: — а вы кто такой?

— Вы узнаете послѣ, а теперь скажите мнѣ, о чемъ вы плачете?

— Меня маменька прибила, и дѣвушка показала на распухшую щеку.

— За что же?

— Я не хотѣла вчера съ гостями сидѣть и спряталась...

— Что-жъ, развѣ гости нехорошіе?

— Да, разные... вотъ и сегодня, кажется, будутъ; опять спрячусь...

— Васъ опять прибьютъ.

— Пусть, уныло отвѣчала дѣвушка.

Оба замолчали.

— Папенька у васъ есть? спросилъ Чимбасовъ.

— Нѣтъ!

— Умеръ?

— Я не знаю.

Чимбасовъ произнесъ: «гм».

— Да неужели же гости такіе гадкіе, что съ ними и сидѣть нельзя?

— Грубые и гадкіе! Вотъ, маменькѣ съ ними весело, а мнѣ... я не могу; противно такъ... все руками... цѣловаться...

Дѣвушка слегка покраснѣла.

— А маменька ваша дома?

— Нѣтъ, уѣхала куда-то; сказала, что вечеромъ пріѣдетъ.

Чимбасовъ становился все угрюмѣе и угрюмѣе.

— Нельзя ли какъ нибудь мнѣ видѣть хоть издали вашихъ гостей?..

— Отчего же нельзя? Приходите вечеромъ къ маменькѣ.

— Да вѣдь я незнакомъ...

— Это ничего, продолжала спокойно молодая дѣвушка:—у васъ есть деньги? Много? Маменька всегда говоритъ: у кого много денегъ, съ тѣмъ всегда можно познакомиться...

— А! Ну, такъ мнѣ незачѣмъ ходить.

— Какъ хотите.

Глубоко вздохнулъ Чимбасовъ и, запустивъ руку въ волоса, началъ ихъ ерошить. «Ну, что тутъ дѣлать»? подумалъ онъ про себя и началъ волноваться.

Дѣвушка съ любопытствомъ смотрѣла на молодого человѣка и уже не плакала.

— Какой вы добрый, наконецъ произнес а она нѣжно:—а еще молодой такой. Вы вѣдь благородный?

Чимбасовъ улыбнулся и кивнулъ утвердительно головой.

— У насъ молодые тоже бываютъ... только пьяные и такіе грубые, заключила она быстро.

— А что вамъ маменька больше всего говоритъ?

— Больше-то? Ну... вотъ, что я лѣнива, мало о себѣ думаю, застѣнчива... обѣщаетъ она мнѣ, что скоро буду богатой и уѣду отъ нее .. Скорѣй бы, право! Тутъ такъ мнѣ не нравится,—шумъ такой, танцуютъ, пьютъ, и дамы такія... вольныя...

Чимбасовъ все время смотрѣлъ въ землю и морщилъ лобъ.

— Трудно помочь вамъ, очень трудно...

— Ну, такъ ненадо.

— Нѣтъ, надо!

— Я вамъ вѣдь говорил о вы не можете.

— Трудно, но могу.

— Да маменька говоритъ, что она скоро отдастъ меня замужъ, я и уѣду отсюда, а пока подожду...

— Маменька васъ обманываетъ, скрипнувъ зубами, прошепталъ Чимбасовъ и метнулъ глазами молнію. Дѣвушка вытаращила глаза. Молодой человѣкъ успокоился и взялъ руку дѣвушки.

— Васъ надо отсюда взять , вамъ нельзя здѣсь жить... Вы здѣсь пропадете...

Она вздохнула.

— Вѣдь вы не хотите здѣсь жить, продолжалъ Чимбасовъ:—да? Непріятно вамъ тутъ?

— Да... очень.

— Вамъ не жалко оставить маменьку?

— Нѣтъ!

Дѣвушка улыбнулась.

— Прекрасно.

Чимбасовъ посмотрѣлъ на часы.

— Однако пора на урокъ. Вотъ что... да, можно узнать ваше имя?

— Какое? Настоящее?

— Да развѣ у васъ два?

— Два. И у маменькѣ два. Она настоящимъ мнѣ не велитъ называться, а говоритъ, что Адель лучше; а меня зовутъ Надей...

— Такъ вотъ что, Наденька: послѣ завтра я опять буду здѣсь. Въ это время я подумаю, какъ бы вамъ помочь, потому что помочь — надо, и скажу вамъ, что придумалъ. Только какъ бы мнѣ увидать васъ?

— Здѣсь-же.

— Ну, хорошо. Прощайте!

Чимбасовъ пожалъ руку Наденькѣ и быстро пошелъ.

— Какъ я съ нимъ скоро познакомилась... Ахъ, имя-то позабыла спросить? подумала она:—а странно, я не боюсь его, какъ другихъ... Отчего это?..

Въ тотъ же день, около девяти часовъ вечера, мимо знакомого намъ навѣса прошелъ Мишель Георгиновъ и, дойдя до крыльца, позвонилъ. Женщина отворила дверь.

— Эмилія Андреевна дома? спросилъ онъ.

— Пожалуйте.

Въ порядочно-убранной гостиной, на диванѣ, поджавши подъ себя ноги, сидѣла Эмилія Андреевна или, понастоящему, Анна Андреевна. Въ ея рукѣ дымился пахитосъ. Лѣтъ было ей подъ тридцать. Довольно высокій ростъ, черные волосы, нѣкоторая полнота и немного ввалившіеся большіе глаза дѣлали ее весьма интересною особою въ глазахъ нашихъ чухонскихъ донъ-жуановъ и старичковъ съ послѣобѣденными эротическими аппетитами. Нѣсколько чуть замѣтныхъ морщинъ у глазъ и у угловъ рта свидѣтельствовали, что эта интересная особа много чего переиспытала. При входѣ Мишеля Ге-

оргинова она кивнула ему головой и пригласила сѣсть. Гость пожалъ ей руку и усѣлся.

— Вы однѣ? Я очень радъ, началъ Мишель.

— Рано еще. Пріѣдутъ, отвѣчала, зѣвая, хозяйка.

— Сержъ и Аспазія будутъ?

— Обѣщались. Да вы-то у меня останетесь?

— Я думаю

Оба замолчали.

— Пить что-то хочется, сказалъ Мишель: — нѣтъ у васъ дома никакого вина?

— Рейнвейнъ, кажется, есть... погодите.

Эмилія Андреевна встала и вышла въ другую комнату. Немного погодя, она вернулась съ бутылкой и съ стаканомъ. Гость выпилъ.

— Славное вино! Что же вы, Эмилія?

— Налейте.

И хозяйка выпила.

— Да, хорошее... Елисѣевское.

— А гдѣ Адель? Убѣжала опять?

Мишель лукаво хихикнулъ.

— Нѣтъ, она, кажется, въ своей комнатѣ... Адель, venez-ici!

— Не тревожьте ее, Эмилія! Въ ея лѣта покапризничать можно, пройдетъ современемъ.

Гость махнулъ рукой и тихо прибавилъ:

— Напрасно вы такъ съ ней строги, вы ее хуже запугаете... Тутъ надо мягко, мягко... Дайте мнѣ слово, что вы перемѣните съ ней обращеніе?

— Пожалуй. Будетъ-ли толкъ? .

— Не безпокойтесь. Я преобразую ее.

Мишель налилъ полный стаканъ вина, отпилъ до половины и передалъ его Эмиліѣ Андреевнѣ. Хозяйка докончила.

— Адель! Крикнула она снова.

Гдѣ-то послышались шаги и, немного погодя, въ дверяхъ показалась Наденька.

— Два раза тебя надо звать? спросила Эмилія Андреевна.

— Я, маменька, не слыхала...

— Bon jour, ma petite! произнесъ Мишель, немного привставъ.

Увидѣвъ Мишеля, Наденька повернулась и ушла.

— Дура! Приличія не знаешь!? разразилась мать и вскочила съ

дивана, намѣреваясь ее догнать. Георгиновъ остановилъ взволнованную и немного захмѣлѣвшую хозяйку.

— Оставьте, оставьте, Эмилія! Нельзя же такъ вдругъ... Къ тому, же она бы мнѣ помѣшала: я хотѣлъ окончательно съ вами сегодня переговорить, покамѣстъ еще никого нѣтъ.

Эмилія Андреевна сѣла и выпила еще вина.

— Я вотъ о чемъ хочу говорить, началъ Мишель:—на сближеніе съ Аделью много нужно времени; ей же теперь только 15 лѣтъ, слѣдовательно годъ по крайней мѣрѣ утечетъ. А въ это время — вѣдь мало-ли что можетъ случиться? То есть я намекаю на то, что буду ли я у васъ въ виду, только я одинъ, относительно Адели? Наконецъ, сумма, предложенная мною, вдругъ покажется вамъ недостаточной, и—вы обратитесь пожалуй къ другому...

— Нѣтъ, вѣдь я ужъ согласилась и дала слово...

— Все это такъ-съ; да вѣдь напримѣръ 1,000 р. больше 200?

— Больше... такъ что же?

— А тоже, что я хочу вамъ вотъ что предложить: отдайте мнѣ теперь Адель; я найму квартиру для нее, приставлю какую нибудь старуху и сейчасъ же отдаю вамъ половину... Ну-съ?

— Гм! произнесла Эмилія Андреевна, уже начинавшая пьянѣть:— а вѣдь тысяча-то... больше...

— Все равно: вы уже дали слово.

— Ну да... ну, слово... надо подумать.

— Что тутъ думать? Экъ васъ тысяча-то соблазнила! Вѣдь это я только въ примѣръ привелъ... Знаете: не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки... Да мало ли что еще можетъ быть! Адель теперь развивается, настаетъ для нея пора любви, нутко усмотрите за ней цѣлый годъ-то въ ожиданіи журавля? А не усмотрите — и синица пропала...

— Ну да... ну да! пропала...

— То-то и есть. Такъ какъ же?

— Я бы не хотѣла, чтобы она меня совсѣмъ оставила, вѣдь я ужъ стара становлюсь... а она помогала бы мнѣ...

— Объ этомъ вы не безпокойтесь: чуть что нибудь будетъ вамъ плохо — идите къ намъ. Дверь всегда будетъ для васъ открыта.

— На словахъ-то все открыто.

— Ну вотъ! Клянусь вамъ... Ну, Эмилія, согласны?

— Эхъ, чортъ побери! воскликнула Эмилія Андреевна, махнувъ рукой: — пожалуй!

— Браво! Да вамъ и деньги теперь нужны?

— Нужны-то, нужны. Давайте!

Мишель вынулъ бумажникъ и отсчиталъ сотню.

— А другую половину когда?

— Тогда, когда Адель переѣдетъ на квартиру.

— Дайте же, Мишель, и вы слово.

— Я вамъ даже росписку дамъ.

— Ну, хорошо. Когда-же возьмете?

— Когда все устрою. Дня черезъ четыре.

Мишель Георгиновъ засіялъ, вскочилъ съ дивана и сдѣлалъ нѣсколько антраша.

— А что вашъ баронъ? спросилъ онъ снова, садясь.

— Скупъ по прежнему.

— Это свинство! Впрочемъ — старикъ вѣдь...

Послѣдовало молчаніе.

— Знаете что, Эмилія? Я бы хотѣлъ Адель разокъ поцѣловать... только поцѣловать!

— Идите.

Мишель побѣжалъ и скоро вернулся.

— Ушла, сказалъ онъ, наморщивъ брови.

— Экая мерзкая дѣвчонка! Вѣдь я и Марьѣ и Авдотьѣ велѣла смотрѣть за ней, когда у насъ бываютъ гости... вороны! Авдотья! Явилась Авдотья.

— Что вы, спите, что ли? Барышня опять ушла!

— Ушла? Да мы отъ дверей съ Марьей не отходили, да и барышня сейчасъ только въ кухнѣ были... Можетъ быть, по нуждѣ-съ...

— Ну, хорошо, ступай.

Авдотья вышла и сдѣлала въ дверяхъ лукавое лицо.

— Интересно бы знать: куда он ходитъ? замѣтилъ Мишель задумчиво.

— Не бойтесь, далеко не уйдетъ, дороги не знаетъ. Тутъ у насъ роща есть — вѣрно туда.

— Надо было бы когда нибудь проелѣдить за ней... нѣтъ ли тутъ чего нибудь?..

— Н-н·ѣтъ, куда ей... дика очень. Впрочемъ, я пожалуй пошлю Авдотью.

— Помните, Эмилія: вы дали мнѣ слово, что будете съ ней теперь мягче и ласковѣе.

— Буду, буду.

Разговоръ повернулъ опять на скупого барона.

Ровно въ десять часовъ къ крыльцу подкатила щегольская коляска. Изъ ней вышли Сержъ, Аспазія и двое военныхъ. Въ гостиной сдѣлалось шумно и весело. Сержъ досталъ изъ коляски корзинку и, имѣя себѣ помощника въ лицѣ Мишеля Георгинова, принялся стряпать жжонку.

Вошла Авдотья и доложила шопотомъ хозяйкѣ, что барышни въ рощѣ нѣтъ.

У Мишеля при этомъ извѣстіи вытянулось лицо.

— Не безпокойтесь, утѣшала Эмилія Андреевна: — она здѣсь гдѣ нибудь спряталась... пусть ее! Да и теперь на что она вамъ?

— Ну, пожалуй.

И Мишель кивнулъ головой.

Въ назначенный день Чимбасовъ подошелъ къ воротамъ знакомой намъ дачи. На этотъ разъ Наденька сама вышла къ нему изъ-подъ навѣса. На лицѣ дѣвушки замѣтно было волненіе. Приложивъ палецъ къ губамъ, она взяла его за руку.

— Пойдемте... тутъ нельзя, сказала она ему тихо.

Чимбасовъ повиновался.

— Куда же мы пойдемъ?

Наденька не отвѣчала и тащила его за собой.

— Маменька еще не вставала, говорила дорогой дѣвушка: — а можетъ скоро встать и потому увидѣла бы васъ тамъ... А что я вамъ скажу-у! Я подслушала...

— И я вамъ кое что скажу, перебилъ Чимбасовъ.

— Погодите, погодите! Вотъ придемъ въ рощу... тамъ.

— А далеко?

— Вотъ сейчасъ. А какъ васъ зовутъ? Я еще и не спросила— такая разсѣянная...

— Ильей Иванычемъ, отвѣчалъ Чимбасовъ.

— Илья Иванычъ, Илья Иванычъ, лепетала дѣвушка: — я прежде не любила имя Ильи, а теперь люблю...

Молодой человѣкъ опять какъ-то неловко крякнулъ.

Пройдя еще нѣсколько шаговъ, они вошли въ рощу. Наденька нашла уютное мѣстечко.

— Сядемте тутъ, сказала она: — ну, говорите вы прежде.

— Порядочно, Наденька, я похлопоталъ; дѣло пойдетъ на ладъ... но вотъ что я у васъ долженъ спросить: дѣйствительно ли вы хотите оставить вашу маменьку и правда ли все то, что вы мнѣ говорили? Не прибавили ли вы чего нибудь?

Наденька сдѣлала большіе глаза.

— Развѣ можно лгать? Это грѣхъ. Я всегда говорю правду...

— Извините, что немножко обидѣлъ васъ, но я долженъ былъ спросить. Слушайте же теперь: главное дѣло — въ вашемъ желаніи; безъ него — я ничего не могу для васъ сдѣлать. Умѣете ли вы писать?

— Умѣю.

— Прекрасно. Торопиться намъ покамѣсть некуда; я вамъ послѣ скажу, зачѣмъ спрашивалъ у васъ, умѣете-ли писать. Теперь еще: знаете ли вы какую нибудь работу?

— Я могу вышивать, обрублять платки...

— Недурно. Видите, Наденька, въ чемъ дѣло: надо дѣйствовать черезъ полицію, ну да это не ваша забота. Главное — нужно вамъ гдѣ нибудь жить въ другомъ мѣстѣ, а не здѣсь. Со мной вамъ жить неловко пожалуй, да и неудобно... Но я нашелъ средство: ловко подъѣхалъ къ моей тетушкѣ и уломалъ ее: она согласна васъ взять; разумѣется, вамъ нельзя же будетъ сидѣть, сложа руки?..

— Я люблю работать, люблю! Я, пожалуй, полъ буду мести или нянчить маленькихъ... я люблю маленькихъ.

— Молодецъ вы! воскликнулъ Чимбасовъ.

— А у вашей тетушки есть маленькія?

— Есть; кажется, еще двое.

— Ахъ, какъ это весело!

Вдругъ Наденька сдѣлала печальное личико.

— А я такъ вчера боялась, боялась...

— Чего же вы боялись? Ничего, Наденька! Недѣльку вы здѣсь еще потерпите, прячьтесь хорошенько... это дѣло сразу нельзя сдѣлать.

— А меня хотятъ увезти!..

— Это васъ пугаютъ только.

— Нѣтъ, нѣтъ, Илья Иванычъ! Если бы вы знали, что я подслушала, когда маменька моя третьяго дня говорила съ однимъ господиномъ!

— Ну, что же такое?

Чимбасовъ навострилъ уши. Наденька, какъ могла, пересказала ему разговоръ матери съ Мишелемъ Георгиновымъ. По мѣрѣ того, какъ она разсказывала, слушатель ея порывался вскочить съ травы, ерошилъ свой затылокъ и наконецъ поднялся на ноги.

— Такъ васъ хотятъ продать! завопилъ Чимбасовъ: — гнусныя животныя!..

И онъ скрипнулъ зубами.

— Правда-ли это? спросилъ молодой человѣкъ, немного успокоившись. Онъ не сомнѣвался, но ему хотѣлось усумниться.

— Правда, Илья Иванычъ, правда... Я развѣ собачонка, что меня могутъ купить?

Грудь Чимбасова стѣснилась; онъ перевелъ духъ и сѣлъ опять на траву.

— Ни минуты нельзя медлить. Я васъ прежде долженъ увезти къ тетушкѣ. Самое дѣло мы послѣ начнемъ. Вы сказали, что онъ росписку далъ? Это очень хорошо! Но какъ и когда васъ взять?

— Рано утромъ, когда всѣ спятъ.

— Такъ какъ откладывать нельзя, такъ завтра часовъ въ шесть, утромъ... хорошо? Слышите ли: въ шесть часовъ утра будьте готовы и прямо идите къ мосту: тамъ я буду васъ ждать на извощикѣ. Ничего не бойтесь! Я все беру на себя, да къ тому же и тетушка моя генеральша.

— Ну, а если сегодня?..

— Что сегодня?

— Меня онъ возьметъ?

— Ну, больной притворитесь, лягте въ постель.

— Да, да! можно, можно.

Наденька замѣтно повеселѣла. Чимбасовъ тоже.

— А какой онъ противный, гадкій!

— Кто это?

— А вотъ, кто купить-то меня хочетъ...

— Подлецъ! прошипѣлъ Чимбасовъ.

— Онъ въ тотъ вечеръ искалъ меня, да не нашелъ. У насъ въ стѣнѣ есть шкафъ такой, я тамъ и сидѣла. Маменька и не знаетъ этого шкафа, только Авдотья знаетъ. Маменька думала, что я въ рощѣ... А ужъ какъ въ тотъ вечеръ гости пѣли, плясали — ай, ай, какъ нехорошо! Я въ шкафу и уснула.

— Когда дѣло наше кончится и вы будете ужъ у тетушки, я васъ, Наденька, учить буду. Вѣдь вы ничего не знаете?

— Читать и писать умѣю.

— Мало этого.

Наденька взяла Чимбасова за руку.

— А вы ужъ непремѣнно завтра пріѣдете? А то я не знаю, что и дѣлать тогда...

— Какъ-же не пріѣхать? Непремѣнно буду. Меня ничто не удержитъ.

— И дождя не побоитесь?

— Еще бы! И вы, Наденька, на погоду не посмотрите: дождь будетъ — все равно, идите. Вотъ, можетъ быть, развѣ я вдругъ заболѣю — да этого со мной не бываетъ! Крѣпокъ я.

И въ самомъ дѣлѣ, Илья Иванычъ былъ крѣпокъ.

— Впрочемъ, пробормоталъ онъ задумчиво: — можетъ быть, ночью что нибудь — да и это... нѣтъ! Я остороженъ и потому спокоенъ.

— Только ужъ вы меня не отдавайте, если меня будетъ маменька требовать...

— Васъ, Наденька, законъ будетъ беречь и не отдастъ васъ маменькѣ.

Дѣвушка задумалась.

— А мнѣ будетъ немножко ее жалко, проговорила она и вдругъ взглянула на собесѣдника: — маменька иногда такая добрая, ласковая... Нѣтъ! она хотѣла меня отдать, — мнѣ не жалко ее! Мнѣ жалко только Авдотью: она такая была хорошая и все жалѣла меня... Прежде я любила одну Авдотью, заключила весело Наденька: — а теперь еще васъ люблю... Я васъ бы какъ брата поцѣловала...

Она опустила глазки.

— Нѣтъ... зачѣмъ же...

Чимбасовъ покраснѣлъ, крякнулъ и принялся поспѣшно доставать порт-сигаръ.

Вдругъ Наденька прижалась къ плечу Ильи Иваныча и задрожала.

— Онъ... онъ, прошептала она.

Чимбасовъ поднялъ глаза.

— Такъ этотъ?! вырвалось у него.

Помахивая тросточкой и таращa глаза, къ нимъ прямо шелъ Мишель Георгиновъ. Илья Иванычъ стиснулъ зубы, поблѣднѣлъ и всталъ.

— Пойдемте, Наденька.

— Ха, ха, ха! Такъ вотъ вы гдѣ, Адель? Браво!.. Маленькіе глазки Мишеля наполнились кровью.

— Идите домой, шепнулъ Чимбасовъ дѣвушкѣ, и помните: шесть часовъ.

Наденька побѣжала.

Мишель Георгиновъ подходилъ къ студенту, прищуривая глаза и еще сильнѣе махая тросточкой. Илья Ивановичъ мѣрнымъ шагомъ взялъ влѣво и пошелъ.

— Куда же вы, донъ-Жуанъ? съ разстановкой проговорилъ франтъ:—сейчасъ ужъ и тягу? а?..

Чимбасовъ молчалъ и шелъ. Мишель догналъ его. Они вышли изъ рощи. Нѣсколько дамъ и мущинъ прогуливались невдалекѣ.

— Труcливъ, какъ заяцъ, а блудливъ, какъ кошка!.. Стой! закричалъ Георгиновъ.

Студенвъ шелъ молча и посвистывалъ, не обращая никакого вниманія на горячившагося джентльмена.

— Вотъ онъ—скромникъ! Санкюлотъ!

Они поровнялись съ гуляющими дачниками.

— Знаешь ли ты, чортъ тебя побери, что за такія дѣла бьютъ по рожѣ?! Это моя знакомая!—заревѣлъ Мишель и дернулъ Чимбасова за плечо.

Гуляющіе остановились.

Чимбасовъ быстро обернулся. Лицо его было блѣдно, синія губы дрожали. Молча онъ вымѣрилъ глазами франта и — Мишель вдругъ отдѣлился отъ земли и заболталъ ногами: двѣ сильныя руки приподняли его за шиворотъ, потрясли и сильно швырнули шаговъ на десять всторону. Нѣкоторыя дамы вскрикнули, мужчины попяти-

лись, а Чимбасовъ, идя тѣмъ же мѣрнымъ шагомъ, скрылся за угломъ дачи.

Тихое, теплое было утро слѣдующаго дня.

Въ половинѣ шестого Наденька была уже у моста. Въ рукѣ держала она небольшой узелокъ. Личико ея показывало слѣды безсонной ночи. Два водовоза проѣхали мимо Наденьки. Одинъ изъ нихъ, поглядѣвъ на дѣвушку, кивнулъ головой товарищу.

— Ишь ты! Съ утра... милова-дружка ждетъ.

— Дѣвки завсегда такъ.

— Палкой бы осиновой—вотъ что!

— Суки!

— Это вѣрно.

Водовозы проѣхали. Наденька не поняла, что они о ней говорили. Она прошла мостъ и вышла на большую дорогу. Далеко бѣлѣла дорога и терялась ея перспектива въ синеватомъ туманѣ. Было на ней и пусто и тихо. Но вотъ дѣвушка прищурила глаза и постояла съ минуту не двигаясь. Вдали, по дорогѣ ѣхали дрожки. Сердце Наденьки забилось... но дрожки свернули всторону и скрылись. Она тихо вздохнула и пошла опять къ мосту. Солнце подымалось выше.

Наденька достала булку, хотѣла ее ѣсть, но не могла и кинула въ воду.

— Неловко тутъ все стоять—замѣтятъ, подумала она и пошла къ дорогѣ. По обѣимъ сторонамъ широкаго шоссе были густо насажены кусты акацій.

— А который теперь часъ? Узнать бы? Да, все равно: сяду за деревьями и буду ждать.

Сзади нея послышались шаги. Наденька обернулась.

Гимназистъ, въ бѣломъ черкескомъ кителѣ, шелъ за нею и курилъ папироску. Золотая часовая цѣпочка ярко блестѣла на бѣломъ. Предъ нимъ бѣжала собака. Гимназистъ, проходя мимо дѣвушки,

сильно затянулся и хотѣлъ пустить кольцо изъ дыма, но ему это не удалось.

— Вотъ у него спрошу, подумала Наденька. Который часъ, скажите пожалуйста?

Юноша остановился и небрежно вынулъ часы.

— Безъ пяти минутъ шесть-съ.

— Благодарю васъ.

Гимназистъ хотѣлъ что-то сказать, но не рѣшился, свиснулъ своей собакѣ и пошелъ напѣвая басомъ:

«Скажите ей, что пламенной душо-о-ою»...

Наденька вышла еще разъ на шоссе и посмотрѣла вдаль. И опять пусто было на безконечной бѣлой дорогѣ,—никто даже не шелъ.

Она пошла за акаціи и сѣла на влажную траву.

Солнце подымалось выше и выше.

Но вотъ послышался Наденькѣ шумъ ѣдущаго экипажа. Она встала и раздвинула двѣ большія вѣтки куста. Минуты черезъ три мимо нея проѣхала коляска; въ ней дремала дама. И опять стало тихо.

Долго еще сидѣла Наденька... а ужъ высоко было солнце. Наконецъ она встала и пошла тихо къ мосту.

— Гдѣ-же онъ? прошептала дѣвушка и остановилась:—неужели обманулъ?.. Или подождать еще?

Нѣтъ, Наденька, не обманулъ тебя Илья Иванычъ! Такіе люди не обманываютъ. Но ты его не жди ни сегодня, ни завтра... иди ужъ домой. Можетъ быть Мишель Георгиновъ пожаловался на него и подалъ просьбу, вслѣдствіе чего его позвали въ кварталъ? Нѣтъ. Мишель Георгиновъ изъ боязни огласки никому даже не говорилъ о вчерашней исторіи... Не жди-же, Наденька, Илья Иваныча! Онъ пропалъ на годъ, на два, а можетъ быть и на три, пропалъ безъ вѣсти...

Прошло около двухъ лѣтъ.

Въ одинъ изъ сырыхъ, но свѣтлыхъ вечеровъ петербургскаго лѣта, садъ г. Излера былъ особенно наполненъ гуляющею публикой. Гремѣла музыка. Давался какой-то праздникъ въ честь Брамы съ индійскими ночами, какъ гласила аршинная афиша.

Много ходило и сидѣло прекрасныхъ барышень въ маленькихъ ухорскихъ шапочкахъ съ перьями, много было не менѣе прекрасныхъ кавалеровъ. Въ освѣщенной залѣ, за столиками сидѣла публика; она кушала и пила.

У стола, заставленнаго разными яствами, помѣщалась одна изъ ухорскихъ шапочекъ. Рядомъ съ ней сидѣлъ кирасиръ, а напротивъ какой-то статскій. Ухорская шапочка трещала и запивала свою болтовню виномъ.

Мимо этой компаніи прошли два лицеиста. Одинъ изъ нихъ, играя золотымъ лорнетомъ, обратился къ товарищу и подмигнулъ на ухорскую шапочку.

— Славная дѣвочка!.. Вотъ-бы...

— Вотъ-бы... повторилъ товарищъ.

Эта славная дѣвочка была—Наденька...

В.—левъ.

ПѢСНЯ ЧАЙЛЬДЪ-ГАРОЛЬДА.

(Изъ Байрона).

I.

Прости! Утопаетъ въ дали голубой
Родимаго берега видъ,
Волна за волною реветъ въ перебой
И дикая чайка кричитъ.
Мы видимъ, какъ солнце въ морской глубинѣ
Торопится отдыхъ найти:
Прости! и тебѣ и родимой странѣ.
Мой край! доброй ночи! Прости!

II.

Часы пролетятъ,—и опять надо мной
Румяное солнце всплыветъ,
Вновь день я увижу, но берегъ родной
Изъ глазъ навсегда пропадетъ.
Сталъ пустъ и заброшенъ печальный мой домъ,
Огонь разведеный зачахъ,
И стѣны травой заростаютъ кругомъ,
И воетъ мой песъ въ воротахъ.

III.

— Мой маленькій пажъ! Подойди же ко мнѣ.
О чемъ ты рыдаешь съ тоской?
Боишься-ль ты смерти въ холодной волнѣ?
Иль холоденъ вѣтеръ морской?
Утри жъ свои слезы, будь веселъ опять;
Корабль нашъ построенъ легко,

И если бы соколъ насъ вздумалъ догнать—
Остался-бы онъ далеко.

IV.

— «Не страшны мнѣ бури; пусть волны ревутъ,
Пусть вѣтеръ рветъ парусъ въ клочки,
Но ты, господинъ, не дивись, что бѣгутъ
Изъ глазъ моихъ слезы тоски.
Не вижу я больше отцовскихъ сѣдинъ
И мать со слезами въ глазахъ;
Остались друзьями мнѣ—ты лишь одинъ,
Да Тотъ, что живетъ въ небесахъ.

V.

— «Отецъ на прощанье крестилъ мнѣ чело,
Хоть холоденъ былъ его взглядъ,
Но мать моя будетъ вздыхать тяжело,
Пока не вернусь я назадъ».
— Довольно, малютка! Понять я умѣлъ,
Что слезы такія—не стыдъ,
И если-бъ я чистое сердце имѣлъ —
Я самъ бы заплакалъ навзрыдъ.

VI.

Поди же ко мнѣ ты, мой вѣрный слуга,
Въ лицѣ твоемъ блѣдность видна?
Ужъ ты не боишься-ль француза—врага?
Иль буря тебѣ такъ страшна?
— «Ты думаешь, мой господинъ, обо мнѣ,
Что стану за жизнь я робѣть?
Нѣтъ, мысль о покинутой, бѣдной женѣ
Меня заставляетъ блѣднѣть.

VII.

— «Близь замка отцовъ твоихъ, съ мукой въ лицѣ
Пришлось мнѣ дѣтей покидать.
Теперь, если спросятъ они объ отцѣ,
Что можетъ отвѣтить имъ мать?»

— Довольно, мой добрый служитель,—ты правъ,
Печаль твоя—стòитъ похвалъ,
Но я,—не таковъ легковѣрный мой нравъ,—
Смѣясь край родной покидалъ.

VIII.

И что же находимъ мы въ женскихъ слезахъ?
И долго-ли женщина ждетъ?
Чужая рука на прекрасныхъ глазахъ
Вчерашнія слезы сотретъ!
Не жаль мнѣ дней счастья въ родимой странѣ,
Не гнусь я при видѣ грозы,
Но горько одно лишь, что не о комъ мнѣ
Сронить ни единой слезы.

IX.

Я вновь одинокъ, какъ въ былые года,
Одинъ посреди этихъ водъ!
Къ чему жь о другихъ я заплачу, когда
Никто обо мнѣ не вздохнетъ...
Недолго мой песъ будетъ выть и скучать,
Найдетъ новый уголъ и кровъ,
И если вернусь я,—меня разорвать
Песъ собственный будетъ готовъ.

X.

Корабль мой! Неси же меня по волнамъ;
Пусть море кипитъ подо мной,
Неси куда хочешь, къ далекимъ странамъ,
Лишь только бъ не въ край мой родной,
Привѣтъ посылаю я синимъ морямъ,
А ихъ не увижу въ пути —
Привѣтъ мой—пещерамъ, пустынямъ, горамъ...
Мой край! доброй ночи! Прости!..

Дмитрій Минаевъ.

ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕЦЪ.

РОМАНЪ

ЧАРЛЬЗА ЛЕВЕРА.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА X.

Аннесли Бичеръ въ новой роли.

Около пяти недѣль прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы покинули Грога Девиса и его общество въ Голбахѣ. Пять недѣль — немного времени, но можетъ случиться, что и въ этотъ короткій срокъ много воды утечетъ. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Что, казалось, могло бы нарушить однообразное теченіе этой мирной жизни, въ которой одинъ день ничѣмъ не отличался отъ другаго? А между тѣмъ этотъ маленькій мірокъ, состоявшій всего на все изъ трехъ индивидуумовъ, не былъ изъятъ отъ тѣхъ треволненій, отъ тѣхъ колебаній между страхомъ и надеждою, которыми жизнь преслѣдуетъ человѣка, брошеннаго въ полный круговоротъ ея.

Въ началѣ Бичеръ выходилъ изъ себя отъ проволочки; Лицци показывалась лишь изрѣдка, и держала себя при этомъ такъ чинно, такъ натянуто, что онъ не могъ надивиться. Въ обра-

щеніи ея не было замѣтно ни досады, ни чувства оскорбленія: только прежняя короткость ея съ нимъ исчезла. Не оставалось тоже и слѣда ея прежней веселости: въ ней нельзя было и узнать то смѣющееся, безпечное, рѣзвое созданіе, которое онъ знавалъ когда-то; она притихла и стала невозмутима серьезна. Сидитъ она бывало, и взглядъ ея молча блуждаетъ по окрестностямъ или слѣдитъ за извивами рѣки, а во взглядѣ этомъ проглядываетъ какая то, не то дума, не то забота. Впрочемъ, выраженіе лица ея оставалось спокойно, и ничто не изобличало въ ней положительнаго горя, кромѣ, развѣ, едва замѣтной блѣдности. Если голосъ ея утратилъ свою серебристую звонкость, за то онъ пріобрѣлъ такую глубокую, нѣжащую и мягкую интонацію, которая хватала за сердце слушателя. Сначала эта перемѣна имѣла для Бичера что-то охлаждающее и отталкивающее, но мало по малу онъ съ ней освоился. Правда, онъ не находилъ болѣе въ ея обществѣ того обаянія веселости и одушевленія, которому самъ невольно поддавался; но въ замѣнъ этого онъ чувствовалъ, что теперь могъ обращаться съ нею смѣлѣе и довѣрчивѣе. Ему открывалась возможность говорить ей свободнѣе чѣмъ прежде, о себѣ самомъ. Теперь ему нечего было опасаться тѣхъ злыхъ и мѣткихъ эпиграмъ, которыми она, бывало, преслѣдовала его мнѣнія и поднимала на смѣхъ его воззрѣнія на жизнь. Теперь онъ могъ расчитывать съ ея стороны, если не на участіе, то покрайней мѣрѣ, на снисходительность: по цѣлымъ часамъ высиживала она, слушая его безконечныя разглагольствованья на единственную тему, представлявшую для него интересъ, — собственную личность. А кто не знаетъ, что ничто такъ предательски не опутываетъ человѣка, готоваго влюбиться, какъ эта благосклонная терпимость, оказываемая его себялюбивымъ инстинктамъ? Я не беру на себя утверждать, чтобъ Лицци, поступая такимъ образомъ, слѣдовала какой нибудь заранѣе обдуманной тактикѣ; говоря откровенно, я долженъ сознаться, что просто не понимаю ея. Въ поступкахъ ея, а равно въ пріемѣ мышленія было что-то такое, ей одной исключительно свойственное; она не всегда являлась, что называется, послѣдовательною, но за то необычайно скоро ловила себя на каждомъ отклоненіи въ сторону и спѣшила поправиться. Вмѣстѣ съ сильнымъ желаніемъ нравиться она обладала какимъ-то инстинктивнымъ пониманіемъ всякаго характера, съ которымъ приходила въ соприкосновеніе; наконецъ надо и то сказать, что не было человѣка, въ которомъ она не отыскала бы той или другой черты, достойной ея сочувствія.

Сначала, она не мѣшала болтовнѣ Бичера, потому что это доставляло ему удовольствіе; кончилось же тѣмъ, что дѣлать пріятное для него понравилось и ей самой. Вспоминалъ ли онъ какое нибудь доброе дѣло, сдѣланное имъ случайно, разсказывалъ ли о какомъ нибудь великодушномъ поступкѣ, она выставляла ему на видъ, что въ этихъ воспоминаніяхъ заключается источникъ болѣе законной гордости, чѣмъ во всѣхъ его ухорскихъ подвигахъ и тонкихъ продѣлкахъ на конскихъ скачкахъ. Бичеръ замѣчалъ въ какую сторону клонится ея сочувствіе, но все это приписывалъ ея незнанію жизни и твердо вѣрилъ, что жизненный опытъ научитъ ее цѣнить его умственныя способности даже выше его добраго сердца. Бѣдный! онъ и не подозрѣвалъ, что голова его и сердце стоили другъ друга, и что френологія могла бы указать на него, какъ на блестящее оправданіе своей теоріи о равновѣсіи, существующемъ между умственными способностями и нравственными свойствами. По прошествіи первой недѣли, они все время проводили съ глазу на глазъ, потому что Девисъ безпрестанно отлучался. Количество отправляемыхъ и получаемыхъ имъ писемъ и телеграммъ, было просто неимовѣрно и когда Бичеръ подшучивалъ надъ нимъ по этому поводу, онъ загадочно отвѣчалъ: «Все по вашимъ дѣламъ хлопочу, пріятель, — все для васъ же стараюсь!» Аннесли Бичеръ былъ слишкомъ большой философъ, чтобы ломать себѣ голову тамъ гдѣ этого можно было избѣжать; а имѣть возлѣ себя человѣка, душою и тѣломъ преданнаго его интересамъ и взвалить на этого человѣка всѣ сношенія съ назойливыми кредиторами, — да это было такою роскошью, лучше которой онъ ничего себѣ и вообразить не могъ! Если бы еще Грогъ взялъ на себя трудъ драться за него на дуэляхъ и сидѣть въ тюрьмѣ, то онъ счелъ бы себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. «Но почемъ знать? разсуждалъ онъ самъ съ собою, можетъ и до этого дойдетъ. Я словно чарами обошелъ старика и право не знаю, чего онъ для меня не сдѣлаетъ».

А между тѣмъ онъ, самъ того не замѣчая, давалъ себя опутывать другаго рода всемогущими чарами. Первою его мыслью, когда онъ просыпался, была Лицци. Онъ заботливо обдумывалъ каждую подробность своего туалета, прежде чѣмъ являлся завтракать съ нею. Послѣ завтрака онъ смирнехонько подсаживался къ ней брать урокъ нѣмецкаго языка и прилежно спрягая: «Ich liebe» съ нетерпѣніемъ ожидалъ того дня, когда дѣло дойдетъ до повелительнаго наклоненія.

Время летѣло быстро и пріятно, хотя Бичеръ и самъ не умѣлъ объяснить себѣ, какъ это такъ дѣлалось. Казалось бы достопримѣчательностей для осматриванья было мало подъ рукою, дѣла— ровно никакого, а между тѣмъ на все это день оказывался слишкомъ малымъ. Случалось ему, правда, оставшись наединѣ съ самимъ собою, упрекать себя за то, что онъ называлъ постыдною праздностью своего настоящаго образа жизни и переноситься мысленно на тѣ скачки, которыя по расчетамъ его выпадали въ тотъ самый день; но, говоря вообще, онъ чувствовалъ себя совершенно счастливымъ. Давно не бывало у него такъ легко на душѣ, давно не ощущалъ онъ въ себѣ такого благодушнаго расположенія къ цѣлому свѣту. Его не порадовало бы въ эту минуту никакое несчастіе съ конюшней Гольта или съ трехгодовалымъ жеребчикомъ Шитмана; засыпая, онъ не молилъ Бога о томъ, чтобы Беверли сломилъ себѣ ногу, или у Найтъ-кома лопнуло сухожилье, но, что еще удивительнѣе, онъ могъ проснуться и не пожалѣть о томъ, что не онъ виконтъ Лакингтонъ. Привыкнувъ повѣрять Лицци всѣ свои мысли, спрашивать у нея во всемъ совѣта и ждать отъ нея разрѣшенія всѣхъ своихъ недоумѣній, онъ не преминулъ сообщить ей и объ этомъ феноменѣ своей внутренней жизни, откровенно сознавшись, что для него онъ представляетъ неразрѣшимую загадку.

— Вы никогда, ни передъ чѣмъ не становитесь въ тупикъ· Лицци,—еще за нѣсколько времени передъ этимъ онъ привыкъ называть ее Лицци,—такъ скажите же мнѣ, какъ вы это объясняете? Согласитесь, что это очень странно?

— Да, это точно странно, проговорила она съ легкою улыбкой, въ которой проглядывала какая-то грустная задняя мысль.

— Да такъ странно, продолжалъ онъ, что скажи мнѣ кто-нибудь заранѣе: Бичеръ, ты проживешь два съ лишнимъ мѣсяца въ маленькой германской гостинницѣ, безъ всякаго дѣла, безъ всякаго развлеченія, и не соскучишься — я бы отвѣчалъ: бьюсь съ вами объ закладъ на какихъ угодно условіяхъ, что этого никогда не будетъ—и проигралъ бы, какъ Богъ святъ, проигралъ бы!

— Можетъ, и не проиграли бы. Если бы закладъ былъ съ вашей стороны очень значительный, вы по всѣмъ вѣроятностямъ не пріѣхали бы сюда.

— Какъ знать! Всему на свѣтѣ есть особое предопредѣленіе. Да, смѣйтесь, смѣйтесь—а между тѣмъ это такъ. Чтоже, спрашиваю васъ, привело меня сюда, какъ не судьба? Почему гуляю я рядомъ съ вами по берегу этой рѣки?

— Отчасти, полагаю потому, что это вамъ пріятно, проговорила она съ какою-то важностью, и въ тоже время что-то лукаво веселое сверкнуло въ ея глазахъ.

— Нѣтъ, тутъ еще должна быть другая причина, проговорилъ онъ озабоченно, сознавая всю трудность рѣшенія этого вопроса и въ тоже время желая показать Лицци, что онъ не уклоняется отъ подобныхъ трудностей.

— Отчасти, быть можетъ, и потому, что это мнѣ пріятно, проговорила она тѣмъ же спокойнымъ голосомъ.

Онъ недовѣрчиво покачалъ головою: ни одно изъ полученныхъ объясненій не удовлетворяло его.—Какъ бы то ни было, сказалъ онъ, въ одномъ вы конечно согласитесь со мною, Лицци: ужь если это судьба, такъ противъ нея ничего не подѣлаешь. Вѣдь такъ, что ли, я говорю?

— Если вы хотите этимъ сказать, что должны, независимо отъ того, хотите вы или нѣтъ, гулять со мною рядомъ, то совѣтую вамъ для пробы переправиться на тотъ берегъ, а меня оставить одну.

— Оставить васъ одну! воскликнулъ Бичеръ, на котораго эти три слова всегда производили самое сильное впечатлѣніе. Но съ какой же стати, Лицци? Развѣ вы на меня сердитесь? Развѣ я наскучилъ вамъ?

— Нѣтъ, я не сержусь на васъ, отвѣтила она кротко.

— Такъ вы соскучились со мною, я надоѣлъ вамъ?

— Вы хотите во что бы то ни стало добиться отъ меня комплиментовъ, мистеръ Бичеръ.

— Ну вотъ опять, воскликнулъ онъ обиженнымъ тономъ, вчера еще вы согласились называть меня Аннесли, а ныньче, какъ будто этого и не бывало, вы все забыли!

— Нѣтъ, я рѣдко, что забываю, къ несчастью;—это послѣднее слово было добавлено ею про себя.

— Такъ вы будете называть меня Аннесли? спросилъ онъ съ одушевленіемъ.

— Да, если вы желаете этого, — Аннесли.

Передъ послѣднимъ словомъ она какъ будто заикнулась; когда же она произнесла его, голосъ у нея замеръ и щеки вспыхнули чуть замѣтнымъ румянцемъ.

Что же касается Бичера, то сердце его запрыгало гордо и радостно, и по всему существу его пробѣжалъ какой-то бодрый, небывалый трепетъ, почти похожій на мужество. Въ эту минуту

онъ былъ бы радъ кинуться на встрѣчу какой угодно опасности, лишь бы предстать передъ Лицци въ роли паладина.

— Лицци, мнѣ нужно переговорить съ вами объ одномъ важномъ дѣлѣ, началъ онъ, взявъ ее подъ руку. Мнѣ давно хотѣлось сказать вамъ нѣчто, — и если вы выслушаете меня безъ гнѣва, то, клянусь вамъ,—пусть мнѣ завтра же предложатъ помѣняться съ Лаккингтономъ, я не помѣняюсь. Одно ваше «да» будетъ для меня дороже перваго приза на какой угодно скачкѣ. Вы знаете, къ чему я веду дѣло, милая Лицци, а потому умоляю васъ, не томите меня далѣе.

Она ничего не отвѣчала. Лицо ея страшно поблѣднѣло и судорожный трепетъ пробѣжалъ по всему ея тѣлу; но прошла минута, — и она опять стала невозмутимо спокойна.

— Если вы любите другого, Лицци, продолжалъ Бичеръ, и губы его при этомъ задрожали, — то скажите мнѣ откровенно. Чтожъ! Судьба моя видно во всемъ такая; впрочемъ, эта неудача будетъ обиднѣе всѣхъ прочихъ.

Въ голосѣ его звучало такое задушевное, неподдѣльное чувство, что Лицци казалась тронутою: она взглянула на него украдкою, и въ этомъ косвенномъ взглядѣ выразилось состраданіе.

— Такъ что же, Лицци? Или вы въ самомъ дѣлѣ любите другого? повторилъ онъ еще болѣе взволнованнымъ голосомъ.

— Нѣтъ! — чуть слышно проговорила она.

— Такъ скажите же мнѣ, милая Лицци, могу ли я, по крайней мѣрѣ, надѣяться? Я знаю, что такой бѣднякъ какъ я, младшій въ родѣ, не пара для васъ, и что вы, съ вашею красотою, могли бы мѣтить выше. Отъ васъ бы зависѣло имѣть и богатство, и высокое званіе, и общественное положеніе, — это-то я хорошо понимаю. У меня же ничего нѣтъ, кромѣ жалкаго годоваго оклада, который даетъ мнѣ Лаккингтонъ, и на который только что можно не умереть съ голоду. Впрочемъ, я вовсе не намѣренъ продолжать тотъ образъ жизни, который велъ до сихъ поръ; нѣтъ, будетъ съ меня! Теперь я сталъ поумнѣе, и ужь мы съ вашимъ отцомъ сговорились, какъ намъ быть.

Какой взглядъ бросила на него Лицци при этихъ словахъ! Подъ этимъ испытующимъ взглядомъ, кровь бросилась ему въ лицо и слова замерли на губахъ.

— Въ одномъ готовъ я поклясться передъ вами, Лицци, самыми торжественными клятвами, воскликнулъ онъ наконецъ: — если вы согласитесь дѣлить мою участь, я не отважусь безъ вашего полнаго одобренія ни на одно предпріятіе, какъ бы вы-

годно и безопасно оно ни было. Послѣдніе годы моей жизни такъ научили меня кое-чему. Дорого, правда, поплатился я за свой опытъ, ну, да по крайней мѣрѣ теперь я знаю штучки двѣ три: я глядѣлъ въ оба.

О Аннесли Бичеръ! Неужели вы не догадывались, какой страшный ударъ наносили этими рѣчами своему собственному дѣлу?—Неужели вы не видѣли, какъ эта головка отъ васъ отвернулась? Неужели вы не могли заглянуть въ это прекрасное лицо и прочитать на немъ выраженіе гордаго презрѣнія?

— Какое же это такое знаніе, которымъ вы такъ гордитесь? спросила она холодно.

— О! это знаніе касается такихъ вещей, о которыхъ вы и понятія не имѣете, отвѣчалъ онъ, слегка смущенный внезапной перемѣною ея тона. Конскія скачки, и люди, живущіе ими, образуютъ особый, замкнутый мірокъ. Для нихъ не существуютъ политическіе интересы, и имъ дѣла нѣтъ до того, кто въ министерствѣ, и кто въ оппозиціи.

— Я не вижу ничего дурнаго въ томъ, что вамъ дѣла нѣтъ до государственныхъ тайнъ; — очень можетъ быть, что вы нашли бы въ нихъ мало интереснаго для себя. Но неужели вы не можете пріискать себѣ другое, болѣе приличное занятіе? — Вѣдь настоящее ваше занятіе въ сущности ничто иное, какъ спекуляція на чужое легкомысліе. Превращать забаву въ доходное ремесло, по моему, низко, неблагородно.

— Не всѣ такъ смотрятъ на это дѣло. Все, что ни есть лучшаго въ цѣлой Англіи, не гнушается держать лошадей для скачекъ.

— Но именно потому, что люди эти богаты, они и стоятъ выше всякихъ искушеній; скачки развращаютъ только тѣхъ, которые живутъ ими.

— Ну хорошо, вотъ вамъ мое честное слово, что я все это брошу. Никогда нога моя не будетъ у Таттерсоля въ Канмстонѣ, я велю вычеркнуть свое имя изъ списковъ торфъ-клуба. Довольны ли вы?

Чистосердечная готовность его даже на подобную жертву вызвала у нея невольную улыбку; но въ этой улыбкѣ не было того презрѣнія, которое еще недавно выражалось на ея лицѣ.

— Идите скорѣе! супъ стынетъ и хересъ согрѣвается, прокричалъ имъ въ эту минуту Грогъ, махая салфеткою изъ окна маленькой гостинницы.

— Вотъ и папа насъ зоветъ, проговорила Лицци: — кто бы подумалъ, что такъ поздно?

— А и въ самомъ дѣлѣ! уже семь часовъ, воскликнулъ Бичеръ, подавая ей руку, чтобы взойти на крыльцо. Задастъ же онъ намъ теперь за то, что мы такъ долго проморили его безъ обѣда.

— Я поѣлъ безъ васъ всю икру, всѣ пикули и выпилъ цѣлую бутылку мадеры, сказалъ Грогъ. Такъ ужь сдѣлайте милость, безъ переодѣванья, и маршъ прямо за столъ.

— Лицци, милая, шепнулъ ей Бичеръ на порогѣ; вымолвите одно слово, — одно только маленькое словечко, и оно сдѣлаетъ меня счастливѣйшимъ или самымъ жалкимъ изъ смертныхъ! — Но прежде нежели онъ договорилъ, Лицци взбѣжала на лѣстницу и скрылась въ своей комнатѣ.

— Эхъ! Подождать бы ей одну минуту, разсуждалъ Бичеръ съ самимъ собою и она узнала бы, что я рѣшился на будущее время стать другимъ человѣкомъ. Я разсказалъ бы ей, какую штучку мы задумали удрать съ баденскимъ банкомъ: положимъ, Грогъ убилъ бы меня на мѣстѣ, если бы пронюхалъ объ этомъ, ну, да не въ томъ дѣло. На этотъ разъ ей не къ чему будетъ придраться; она не въ правѣ будетъ попрекнуть меня панибратствомъ съ конюхами, жокеями и грумами. Все дѣло будетъ дѣлаться между нами, по семейному и, главное, безъ всякаго риску. Но знаете ли что, Аннесли Бичеръ? — Какъ пораздумаешь, такъ вы право мало потеряли, что не успѣли выболтать Лицци все, что было у васъ на умѣ, и, напрасно такъ объ этомъ сокрушались.

ГЛАВА XI.

Пріятельская бесѣда послѣ ужина.

Восемь или десять дней прошло со времени только-что описанныхъ нами происшествій; мы не станемъ распространяться о событіяхъ, ознаменовавшихъ эти десять дней,—довольно будетъ упомянуть, что мѣсто дѣйствія все еще въ Гольбахѣ. Только сцена, вмѣсто аллей, усыпанныхъ сухою листвою и живописныхъ

береговъ извивающейся рѣки, представляетъ небольшую, но комфортебельно убранную комнату знакомой намъ гостиницы. Обильный ужинъ разставленъ на буфетѣ,—потому что средина комнаты занята карточнымъ столомъ, за которымъ сидятъ двое играющихъ. Нѣсколько растроенныя физіономіи ихъ и безпорядокъ, господствующій въ ихъ одеждѣ, показываютъ, что бой былъ продолжительный; этотъ же фактъ подтверждается красноватымъ отблескомъ разсвѣта, который пробивается сквозь щели ставней и сливается съ болѣзненно желтымъ мерцаніемъ свѣчь. Полъ вокругъ нихъ усѣянъ колодами картъ, брошенными вѣроятно въ сердцахъ, съ тою примѣсью суевѣрія, которая понятна только игрокамъ; графинъ и нѣсколько стакановъ стоятъ на столѣ возлѣ играющихъ, въ которыхъ мы узнаемъ старинныхъ нашихъ знакомыхъ: Грога Девиса и Павла Классона. — Девисъ только-что отсчиталъ Павлу Классону сумму въ двѣсти наполеоновъ — то была условленная плата за одну тайную службу, которую тотъ подрядился сослужить пріятелю.—И видъ этой кучки блестящаго, только-что отчеканеннаго золота, лежавшаго на одномъ концѣ стола, до того подзадорилъ природную алчность Грога, что онъ не устоялъ противъ искушенія попытать счастья и отыграть деньги. — Онъ очень хорошо зналъ, что даже въ случаѣ выигрыша, тотчасъ же принужденъ будетъ возвратить ихъ своему противнику, которому онѣ были необходимы для покрытія издержекъ предпринимаемаго имъ дальняго путешествія — но это нисколько не охлаждало его увлеченія.

Оба пріятеля были слишкомъ искусные игроки, чтобы сосредоточивать на настоящемъ своемъ занятіи всѣ свои умственныя способности, какъ то дѣлаютъ новички. Они свободно разговаривали обо всемъ, что приходило на умъ, лишь изрѣдка переплетая рѣчь свою техническими терминами игры. Нѣсколько времени счастье благопріятствовало Павлу и, по мѣрѣ того какъ онъ становился все ласковѣе, мягче и благоразумнѣе въ обращеніи, Грогъ дѣлался все мрачнѣе и мрачнѣе; глаза у него искрились зловѣщимъ свѣтомъ, и слова вырывались грубо и отрывисто. Утонченная вѣжливость Классона сердила и раздражала его, но онъ по видимому рѣшился подавлять по возможности это раздраженіе, чтобы не дать своему противнику надъ собою преимущества хладнокровія.

— У насъ едва хватитъ времени еще на одну пульку, Китъ, проговорилъ Классонъ:—заря занимается.

— И я тоже думаю, возразилъ Девисъ съ горькимъ хохотомъ.

Вы въ выигрышѣ... дайте-ка сосчитать на сколько... па двѣсти сорокъ или, этакъ, не двѣсти пятьдесятъ наполеончиковъ... Не дурной заработокъ для одной ночи; картинки, полагаю, повыгоднѣе проповѣдей будутъ.

— Конечно, если разсматривать дѣло съ чисто денежной точки зрѣнія...

— Будетъ вамъ врать-то—снимайте карты, перебилъ его Девисъ.

Пики Девисъ сдавалъ, Классонъ сидѣлъ откинувшись въ своемъ креслѣ, полузажмуря глаза и скрестивъ руки на груди; онъ изподтишка слѣдилъ за картами, по мѣрѣ того, какъ онѣ падали на столъ, но дѣлалъ видъ, что глубоко погруженъ въ свои собственныя размышленія.

— А скажу я вамъ, Девисъ, началъ онъ съ тою торжественною медленностью, которая возвѣщаетъ, что человѣкъ напалъ на хорошую мысль,—вѣдь вы важно обработали это дѣльце.

— Кажется, что такъ, отвѣчалъ Девисъ съ какою-то мрачною рѣшимостью въ голосѣ. Только уладить все это было труднѣе, нежели вы думаете.

— Вѣрю, вѣрю, что вамъ много было хлопотъ, тихо проговорилъ Павелъ. Хоть я и мало его знаю, но имѣю основаніе думать, что онъ изъ тѣхъ людей, съ которыми ладить очень мудрено. Онъ гордъ, очень гордъ, и подозрителенъ до нельзя. У меня пять картъ,—сорокъ семь.

— Не йдетъ.

— Три дамы.

— Четыре десятки.

— Слѣдовательно моя пиковая тройка не йдетъ. Одинъ.

— Пятнадцать да пять—двадцать, да десятки—девяносто четыре. Насилу-то дождался онёра.— Всего больше хлопотъ было мнѣ съ моей дочерью; она и слышать не хотѣла объ немъ.

— Не хотѣла и слышать объ немъ? — Да статочное ли это дѣло — брезгать перомъ королевства!

— Почемъ она могла знать, что онъ перъ? Она видѣла въ немъ только дворянина Аннесли Бичера. Положимъ такъ. Но даже какъ дворянинъ Аннесли Бичеръ, онъ состоялъ въ родствѣ съ лучшими фамиліями, имѣлъ огромныя связи.—Трефы, игра въ трефахъ.— Такою партіею, я думаю ни въ какомъ случаѣ нельзя было пренебрегать.

— Но она, какъ видно, не раздѣляла вашего мнѣнія, отрывисто

проговорилъ Девисъ, и не думаю, чтобы вы не подѣйствовали на нее, объявивъ ей, что онъ перъ.—Вамъ сдавать.

— А самъ онъ не догадывается о смерти своего брата? спросилъ Классонъ, сдавая карты.

— Нисколько. Еще не далѣе какъ вчера онъ собирался написать ему о своей предстоящей женитьбѣ.

— Это вы умно распорядились! Умнѣе ничего нельзя было придумать, воскликнулъ Павелъ въ восторгѣ.

— Очень можетъ быть, что узнавъ объ этой перемѣнѣ въ своемъ положеніи, — онъ отказался бы отъ нея.

— Н-нѣтъ,—я думаю, наврядъ-ли, отвѣчалъ Девисъ съ разстановкою, и свирѣпая страшная рѣшимость выразились на его лицѣ. Дама бубенъ! Вотъ такъ важная взятка! У меня теперь семь картъ... Посмотрѣлъ бы я какъ бы онъ отказался отъ нея. Не долго бы натѣшился онъ послѣ этого своимъ перствомъ. Когда я что забралъ себѣ въ голову — я умѣю поставить на своемъ. Да вотъ хоть бы вчера. этотъ мальчишка, attaché посольства во Франкфуртѣ, заупрямился было выдать мнѣ паспортъ для онаребля Аннесли Бичера и мистрисъ Бичеръ, личность которой, видите ли, до бракосочетанія, не существуетъ; я шепнулъ ему на ухо одно словечко, и паспортъ, какъ видите, у меня въ рукахъ.

— Они отправляются въ Италію! Воскликнулъ Классонъ, пробѣгая бумагу, которую Девисъ перебросилъ ему черезъ столъ. Удивительный человѣкъ! Ничего-то онъ не забудетъ, пробормоталъ онъ про себя. Такъ когда же онъ узнаетъ о доставшемся ему наслѣдствѣ?

— Когда мы спровадимъ его по ту сторону Альпъ, подальше отъ этой классической стороны Rouge et Noir и рулетки. Тогда, пусть все узнаетъ на здоровье! Я съѣдусь съ ними въ Комо или въ Миланѣ, потому что въ Баденъ мнѣ глазъ нельзя показать, даже въ настоящее, позднее время года. О смерти же Лакингтона онъ узнаетъ еще до моего пріѣзда.

— Не догадается ли онъ, Китъ, что вы знали о ней прежде?

— Не знаю,—можетъ быть, отвѣчалъ Грогъ равнодушно.

— Но обстоятельство это можетъ поселить между вами натянутыя отношенія.

— Можетъ статься. — Семь червей и пять пикъ — у васъ ни одной взятки, пріятель Павелъ... Такъ что же, что онъ будетъ догадываться? Велика важность! Мало ли объ чемъ догадываются добрые люди относительно меня? — а найдется ли хоть одинъ

который посмѣетъ обвинить меня прямо въ лице? Если бы мы съ вами жаловались на тѣ подозрѣнія, которыя на насъ падаютъ, такъ намъ бы лучше не жить на свѣтѣ.—Ну-съ, теперь сведемъ наши счеты; если я не ошибаюсь, вы выиграли пятьнадцать нополеонъ д'оровъ—вотъ они.

— Боже милостивый! А я то расчитывалъ по крайней мѣрѣ на сотни.

— Такъ-съ, не считая очки; но вы проиграли пятьсотъ шестьдесятъ четыре, —и вамъ право грѣшно жаловаться на судьбу... Вспомните, часто ли вамъ приходилось зашибать такую сумму честнымъ образомъ?

Классонъ испустилъ тяжелый вздохъ, загребая деньги къ себѣ въ карманъ, и отвѣчалъ: право не могу сказать вамъ; память у меня день ото дня слабѣетъ.

— По крайней мѣрѣ у васъ то утѣшеніе, что возвратившись въ Англію, вамъ всегда можно будетъ освѣжить вашу память—стоитъ только навести справки въ полиціи.

— Позвольте узнать, сколько будетъ благородный виконтъ получать ежегоднаго дохода? спросилъ Классонъ, чтобы только перемѣнить предметъ разговора.

— Тысячь этакъ восемь или десять.

— Славный кушъ, Китъ, право славный кушъ. Ну, да и самъ онъ, полагаю, малый не промахъ?

— Ничуть не бывало, коротко отвѣчалъ Девисъ. Онъ всегда былъ дуракъ,—дуракомъ и останется.

— Тѣмъ больше для него счастья—имѣть Христофора Девиса своимъ тестемъ.

— Не въ томъ его счастье, другъ Павелъ, а въ томъ, что Лицци будетъ его жсною. Вы и въ самомъ дѣлѣ воображаете, что такая партія для нея нивѣсть какая находка, потому только, что онъ милордъ, виконтъ, а она—моя дочь; но я вамъ скажу и готовъ чѣмъ угодно поручиться, что не встрѣчалъ еще ни одного человѣка, который былъ бы ея достоинъ. По части красоты, можетъ и найдутся другія дѣвушки, которыя не уступятъ ей, хотя я такихъ не видалъ; по части образованія, — тоже — въ этомъ дѣлѣ я не судья, но укажите мнѣ въ цѣлой Европѣ другую женщину, у которой было бы столько львиной отваги?—Вы думаете она выходитъ за его титулъ?—Будь онъ герцогъ, она не взяла бы его.—Или за его состояніе? — Будь онъ въ десять разъ богаче, она бы ему отказала. Она не соглашалась идти за него даже для того, чтобы спасти меня отъ петли и обезпечить мнѣ

прочное положеніе въ обществѣ—для этого она думала идти на сцену, или выкинуть другую какую нибудь глупость въ этомъ родѣ.—Не могла она польститься на него какъ на человѣка, потому что знала, не хуже меня самого, что онъ дуракъ. Что же бы вы думали,—преодолѣло ея отвращеніе?—Ей нестерпима показалась мысль, что она *не смѣетъ* выдти за него замужъ, что сѣвъ не въ свои сани, она подвергнется такимъ оскорбленіямъ, которыя придутся ей не по силамъ. Я случайно напалъ на открытіе, что она скорѣе согласилась бы умереть, чѣмъ оставить эту перчатку не поднятою, — это было все равно, какъ если бы мнѣ кто сказалъ: «послушай-ка, другъ Девисъ,—не суйся вонъ туда, въ этотъ кругъ; милордамъ и джентльменамъ это не угодно». А! это имъ не угодно! Такъ на же, я на смѣхъ пойду туда. Вотъ что задѣло ее за живое, Павелъ Классонъ. Ей дѣла не было до всѣхъ этихъ знатныхъ баръ; дожила бы она припѣваючи свой вѣкъ, оставаясь тѣмъ, чѣмъ была. Ей не нужно было, чтобы ее величали графиней; но, какъ скоро намекнули ей, что бѣда ей, если она вотрется въ непрошенные ряды этой знати, — она рѣшилась. — Сама она никогда мнѣ ни въ чемъ не сознавалась, но я все узналъ, зорко наблюдая за нею. Однажды разсказалъ я ей, не помню уже какой анекдотъ о грубомъ оскорбленіи, нанесенномъ въ этихъ высшихъ слояхъ общества одной бѣдной выскочкѣ;—такъ посмотрѣли бы вы, какъ привскочила она, точно ужаленная, и какъ загорѣлись у нея глаза, точно у тигра. Она схватила меня за руку и воскликнула: «Не разсказывайте мнѣ про эти вещи; слушать ихъ для меня больнѣе настоящаго горя!» Съ меня этого было довольно; я заглянулъ ей въ карты и, конечно, обыгралъ ее.

Павелъ Классонъ испустилъ глубокій вздохъ и промолчалъ. Немного спустя онъ спросилъ съ легкимъ оттѣнкомъ нерѣшимости въ голосѣ:

— Говорили ли вы съ его сіятельствомъ о томъ, о чемъ я вамъ упоминалъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Грогъ: — подумавъ, я нашелъ, что лучше объ этомъ помолчать. Я увѣренъ, что у него нѣтъ ни одной ваканціи въ церковной іерархіи, которою онъ могъ бы располагать. Къ тому же, Павелъ Классонъ, онъ знаетъ, какъ и всякій другой, что вы за птица.

— Вы совершенно правы, Китъ. У меня мелкая душонка, способная только на карманную кражу; вашъ же геній дѣлаетъ васъ достойнымъ пожизненной каторги.

Девисъ припрыгнулъ на стулѣ и страшно сверкнулъ глазами на своего собесѣдника, который между тѣмъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ наливалъ себѣ стаканъ вина.

— Не сердитесь, старый товарищъ, проговорилъ онъ ласково. Заботливая дружба,—что хирургъ,—часто причиняетъ намъ боль для нашей же пользы. Счастье еще если не болѣе безжалостная рука владѣетъ ножемъ или зондомъ.

— Будетъ вамъ святошествовать; мнѣ нужно переговорить съ вами о дѣлѣ. Вы, конечно, отправитесь въ путь сегодня?

— Тотчасъ же послѣ брачной церемоніи.

— Какою дорогою вы поѣдете?

— На Страсбургъ, Парижъ, Марсель; оттуда съ первымъ пароходомъ въ Константинополь.

— Далѣе?

— Далѣе Чернымъ моремъ въ Балаклаву.

— Но когда же вы думаете быть въ Крыму?

— Полагаю, что Балаклава находится въ Крыму.

Девисъ вспыхнулъ, его больно уколола эта насмѣшка надъ недостаточностью его географическихъ свѣденій.

— Да увѣрены ли вы въ томъ, что поняли мои инструкціи? спросилъ онъ придирчиво.

— Дорого бы я далъ, чтобы такъ же быть увѣреннымъ въ полученіи деканскаго мѣста, отвѣчалъ Павелъ, чмокая губами надъ опорожненнымъ стаканомъ.

— А я такъ право даже жалѣю, что выбралъ васъ для этого порученія.

— Въ успѣхѣ предпріятія Павелъ Классонъ ручается вамъ своей головою.

— Въ тотъ день, когда вы возвратитесь ко мнѣ съ доказательствами этого успѣха, вы получите отъ меня пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ.

— Чистыми деньгами?

— Да; и еще кое-что въ придачу, если окажется, что все исполнено вами вполнѣ удовлетворительно. Овъ, — тутъ онъ указалъ мизинцемъ по направленію къ комнатѣ Бичера,—онъ не забудетъ васъ. Павелъ зажмурилъ глаза и пробормоталъ про себя что-то, оканчивавшееся словами: «и пять фунтовъ стерлинговъ отъ преосвященнаго Павла Классона въ пользу общества уничтоженія жестокаго обращенія съ животными». — Тогда у меня и на это хватитъ капиталу.

— Однако, на дворѣ уже день, воскликнулъ Грогъ, отворяя

окно и открывая доступъ въ комнату розовому отблеску разсвѣта и свѣжему утреннему воздуху.

— Холодновато, однако, проговорилъ Классонъ, ежась и опоражнивая къ себѣ въ стаканъ остатки джина.

— Вы и такъ хватили лишняго, грубо замѣтилъ Грогъ, — и стаканъ полетѣлъ за окно. Теперь ступайте, умойтесь и пріуберитесь немного — право, глядя на васъ можно подумать, что вы провели ночь гдѣ нибудь въ полиціи.

— Когда мы свидимся черезъ нѣсколько часовъ, вы сами примете меня за архидіакона. И съ этими словами, придерживаясь за стулья, онъ направился къ двери.

Девисъ тоже поспѣшилъ твердымъ, спокойнымъ шагомъ въ свою комнату; ни вино, ни безсонная ночь не оказали на него никакого дѣйствія. Вскорѣ онъ приступилъ къ своему туалету и черты его приняли при этомъ озабоченное выраженіе; дѣйствительно, въ это утро онъ одѣвался тщательнѣе обыкновеннаго и перебросалъ кучу галстуховъ на полъ, уже устланный множествомъ шитыхъ жилетовъ. Наконецъ, туалетъ его былъ конченъ, и Грогъ, оглядѣвши себя съ головы до ногъ въ большомъ зеркалѣ, остался доволенъ собою. Онъ зналъ, что ему никогда не походить на Аннесли Бичера, и еще менѣе на какого нибудь почтеннаго лорда; но въ наружности его, было, казалось ему, что-то воинственное, удалое, производившее, по своему, хорошій эффектъ. «Во всякомъ случаѣ, Лицци не будетъ стыдиться за меня», проговорилъ онъ самъ съ собою. Бѣдная, бѣдная Лицци, добавилъ онъ разбитымъ голосомъ, и опустившись въ кресло, припалъ головою къ столу.

Въ эту минуту кто-то тоже постучался въ дверь. «Войдите,» проговорилъ Девисъ, не поднимая головы,—и она вошла. Шелестъ ея богатаго шелковаго платья не обратилъ на себя его вниманія; онъ остался неподвижнымъ даже и тогда, когда она склонилась надъ нимъ и, обвивъ его шею руками, поцѣловала его въ лобъ.

— Я хочу, чтобы вы поглядѣли на меня, дорогой папа, проговорила она тихо.

— Моя бѣдная Лицци, дорогое дитя мое, бормоталъ онъ невнятно,—но вдругъ, пораженный, встрепенулся и воскликнулъ: Боже правый! Да стоитъ ли...

— Нѣтъ, папа, отвѣчала она съ жаромъ, нѣтъ, не стоитъ!

— Что ты хочешь сказать этимъ, спросилъ онъ круто измѣняя голосъ, — какая была твоя мысль?

— Я отвѣчала на вашу мысль, возразила она горячо.

— Какъ ты хороша, Боже, какъ ты хороша, повторялъ онъ, придерживая ее за обѣ руки и осматривая съ головы до ногъ. Это брюссельское кружево?

— Она утвердительно кивнула головою.

— А изъ чего сдѣланы эти пуговицы?

— Онѣ изъ опала.

— Какъ все это тебѣ къ лицу! Вотъ, я всегда желалъ бы видѣть тебя такою нарядною. И, какъ подумаешь, что нынѣшній день отниметъ тебя у меня... И онъ бросился ей на шею, нѣжно прижимая ее къ своему сердцу.

— Милый, милый папа! Если бы вы знали только... Она не могла договорить.

— Развѣ я не знаю?—подхватилъ онъ. Неужели ты думаешь, что вся та горькая, развращающая опытность, которую я вынесъ изъ жизни, могла меня сдѣлать до такой степени безчувственнымъ?—Но, Лицци, продолжалъ онъ болѣе спокойнымъ голосомъ, я знаю также, что не одно горе, казавшееся намъ невыносимымъ, переносится на дѣлѣ легко; мало того, мы до такой степени свыкаемся съ нимъ, что нѣсколько лѣтъ спустя, сами себѣ не можемъ надивиться, что сокрушались надъ такими пустяками.

— Неужели страданія могутъ до такой степени измѣнить нашу природу? проговорила она печально.

— Стало быть, что могутъ, отвѣчалъ онъ вздыхая.—Потомъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе, чтобы пріободриться, продолжалъ: Ты будешь часто писать мнѣ, Лицци, какъ можно чаще! Вѣдь я захочу знать, какъ ты ладишь со всѣми этими большими господами; за тебя-то я не боюсь, дочка. Но боюсь, чтобы зависть не озлобила ихъ противъ тебя. Ты такъ прекрасна, дитя мое, такъ прекрасна!

— Тѣмъ лучше, отвѣчала она съ видомъ горделиваго довольства.

— Кто тамъ? съ досадою крикнулъ Девисъ на громкій стукъ, раздавшійся у двери. — То былъ Павелъ Классонъ, явившійся чтобы попросить на прокатъ бѣлый галстукъ, такъ какъ ни одинъ изъ его собственныхъ не казался ему приличнымъ для такого торжественнаго случая.

— Мнѣ совѣстно явиться передъ вами въ такомъ видѣ, миссъ Девисъ, началъ онъ, вваливаясь въ комнату и церемонно раскланиваясь на каждомъ шагу, — вѣдь я конечно имѣю честь гово-

рить съ самой миссъ Девисъ? Другая не могла бы и быть такъ поразительно прекрасна.

— Нате, возьмите то за чѣмъ пришли, и проваливайте, грубо перебилъ его Девисъ. Скоро семь часовъ.

— Ошибаетесь, восьмой въ началѣ. Все общество собралось уже внизу, и мистеръ Бичеръ,— по крайней мѣрѣ я такъ догадываюсь, что это онъ, — расхаживаетъ по маленькой террасѣ, мучимый понятнымъ нетерпѣніемъ жениха. — Честь имѣю кланяться, миссъ Девисъ. И, отвѣсивъ глубоко почтительный поклонъ, Классонъ удалился.

— Я такъ много собирался сказать тебѣ, Лицци, — началъ Девисъ,—когда этотъ Классонъ помѣшалъ намъ.—Крѣпкое словцо было уже готово сорваться у него съ языка, но онъ удержался.

— Признаюсь, папа, онъ не произвелъ на меня благопріятнаго впечатлѣнія.

— Онъ умнѣйшій человѣкъ и обладаетъ большою начитанностью. Это звѣзда первой величины между попами, и его чуть было не возвели въ епископы. Но не онъ озабочиваетъ меня въ настоящую минуту; мнѣ бы хотѣлось, дочь моя, поговорить съ тобою о Бичерѣ и объ этой гордячкѣ—его невѣсткѣ. Я предчувствую, Лицци, что тебѣ съ нею будетъ много горя.

— Милый папа, не вы ли сами говаривали мнѣ, что готовясь заранѣе къ непріятнымъ случайностямъ жизни, мы преувеличиваемъ ихъ значеніе? Я не хочу поддаваться мрачнымъ предчувствіямъ.

— Вотъ и Бичеръ! воскликнулъ Девисъ, и, прижавъ ее еще разъ къ своему сердцу, повелъ внизъ.

Все населеніе гостинницы было въ полномъ сборѣ, и комната была набита биткомъ. Были тутъ хозяинъ съ женою, четырьмя цвѣтущими дочерьми и двумя сыновьями. Были тутъ и половой— разбитной малый въ очень узкихъ панталонахъ, и трактирная служанка, и цѣлыхъ три работницы съ фермы; у всѣхъ ихъ было по огромному букету въ рукахъ и по большому банту изъ бѣлыхъ лентъ на груди. При церемоніи, какъ и слѣдовало ожидать, присутствовали горничная Лицци, mademoiselle Annette, въ лиловомъ шелковомъ платьѣ и бѣлой крéповой шляпкѣ, и Питерсъ, слуга Бичера, въ изящнѣйшемъ синемъ фракѣ, благодаря которому онъ болѣе чѣмъ кто либо изъ присутствующихъ, за исключеніемъ своего господина, походилъ ва джентльмена.

Что же касается самого Аннесли Бичера, то никто лучше его не умѣлъ усвоить себѣ искусства костюмировки, приличест-

вовавшей обстоятельствамъ. Само собою разумѣется, что я не стану распространяться о томъ, какъ онъ былъ одѣтъ въ это достопамятное утро; довольно будетъ сказать, что всевозможное вниманіе было обращено имъ на свою наружность, и что старанія его одѣться къ лицу увѣнчались полнымъ успѣхомъ. А Павелъ, отче Павелъ, какимъ кроткимъ величіемъ, какою елейною ясностью сіяла его наружность! Ужъ подлинно можно было сказать, что брачное благословеніе, данное имъ, несетъ съ собою двойную благодать. Когда онъ дошелъ до вопроса: хочешь ли ты взять эту женщину?—то сладкозвучный голосъ его задрожалъ, и онъ какъ будто неохотно выговорилъ послѣднее слово. Если бы можно было замѣнить слова обряда другими, онъ охотнѣе бы сказалъ: «этого ангела», но такъ какъ этого нельзя было сдѣлать, то выраженіе голоса его пополнило то, что осталось недосказаннымъ на словахъ.

И такъ они стали мужемъ и женою. За бракосочетаніемъ послѣдовалъ парадный завтракъ, на который были приглашены всѣ присутствующіе и за которымъ Павелъ Классонъ привѣтствовалъ молодыхъ весьма краснорѣчивымъ миленькимъ спичемъ, очень искусно переплетая англійскій языкъ съ нѣмецкимъ. Послѣ завтрака молодые укатили на лихой почтовой четверкѣ, при шумѣ хлопающихъ бичей, напутствуемые улыбками и вздохами и прощальными пожеланіями всякаго благополучія.

ГЛАВА XII.

Неожиданная вѣсть.

Гостинница Cour de Bade была заранѣе извѣщена телеграфическою депешею о прибытіи мистера Аннесли Бичера съ супругою. Когда ожиданная карета подъ вечеръ съ шумомъ въѣхала въ ворота гостинницы, самъ хозяинъ и вся прислуга въ полномъ парадѣ были уже готовы къ принятію почетныхъ гостей.

Давно уже тщеславіе Бичера не щекоталось этою предупредительною внимательностью, этою униженною почтительностью, которыя всюду оказываются исключительно богатству. Герръ Ба-

уеръ получилъ депешу какъ разъ во время, чтобы удержать для Бичера свои лучшія комнаты, и даже отказалъ маркграфу фонъ Швейнгаузенъ, желавшему занять ихъ. Это было очень лестно для самолюбія Бичера. Какъ ни ограничены были его познанія въ нѣмецкомъ языкѣ, онъ поймалъ на лету полусдержанныя восклицанія: «Ach Gott, wie schön! wie lieblich!» послышавшіяся въ слѣдъ его красавицѣ женѣ, когда она проходила на верхъ. Словомъ, онъ находился въ блаженнѣйшемъ настроеніи духа. Герръ Бауеръ удостоилъ лично прислуживать за столомъ, что онъ дѣлалъ только для именитыхъ посѣтителей, и не переставалъ любезничать во время обѣда.

Когда на столъ подали дессертъ, Бауеръ удалился и они остались вдвоемъ.

— Куча денегъ у этого Бауера, замѣтилъ Бичеръ. Онъ больше даетъ денегъ взаймы, чѣмъ любой жидъ во Франкфуртѣ. Не уломаю ли я его отсчитать и мнѣ сотню другую...

— Вы, стало быть, нуждаетесь въ деньгахъ? простодушно спросила Лицци.

— Не то чтобы положительно нуждался въ нихъ; я хочу сказать, что нуждаюсь ни больше, ни меньше, какъ и всякій другой; сколько ни давайте человѣку денегъ, онъ всегда найдетъ куда усадить ихъ.

— Это по моему не значитъ еще нуждаться, отвѣчала она почти холодно.

— Сыграй мнѣ что нибудь, Лицци. Тутъ есть фортепіано. Ну хоть бы этотъ сицилійскій мотивъ, и спой мнѣ его. Онъ подалъ ей руку чтобы вести ее къ инструменту, но она осталась неподвижною и только плотнѣе укуталась въ шаль.—Или, быть можетъ, тебѣ больше будетъ по вкусу тотъ стирійскій танецъ, продолжалъ онъ.

— Я сегодня не въ духѣ, отвѣчала она спокойно.

— Не въ духѣ! Ну, сдѣлай милость, постарайся быть въ духѣ. Что до меня касается, я не запомню себя въ такомъ отличномъ настроеніи: Бауеръ угостилъ насъ такимъ славнымъ обѣдомъ, и вино было отличное,—я не говорю, конечно, о пріятномъ обществѣ.—А, Лицци, что ты на это скажешь?

— Дѣйствительно, господинъ Бауеръ былъ очень пріятнымъ собесѣдникомъ.

— Милая, у меня не Бауеръ былъ въ мысляхъ, а кое кто другой.

— Этого я не знала, отвѣчала она съ полуусталымъ вздохомъ.

Бичеръ покраснѣлъ и отошелъ къ окну; она, между тѣмъ взяла книгу и углубилась въ чтеніе. По аллеѣ, подъ самыми окнами гостинницы, видны были кучки посѣтителей, отправлявшихся въ курзалъ, гдѣ теперь начиналась игра. Бичеръ слѣдилъ глазами за пестрыми группами, взбиравшимися по ступенямъ и исчезавшими во внутренности зданія, и воображеніе рисовало ему самыми соблазнительными красками то, что происходило въ этихъ завѣтныхъ стѣнахъ. «Я далъ обѣщаніе Грогу не посѣщать рулетку, это правда,—разсуждалъ онъ самъ съ собою; но это значило только, что я не буду играть. Ничто не мѣшаетъ мнѣ зайти туда изъ любопытства, въ качествѣ посторонняго посѣтителя; смѣшно же было бы, наконецъ, отказывать себѣ и въ этомъ удовольствіи, особенно,—продолжалъ онъ бросая взглядъ на Лицци,—особенно когда здѣсь по видимому нѣтъ ни малѣйшаго расположенія сдѣлать мнѣ пребыванье дома пріятнымъ.

Бичеръ съ сердцемъ пробормоталъ еще что-то про себя и вышелъ, хлопнувъ за собою дверью. Онъ направился прямо къ курзалу. Его настроеніе духа было не изъ самыхъ пріятныхъ: ему смутно казалось, что его обманули, «провели», хотя онъ и не могъ дать себѣ отчета въ томъ, когда это было сдѣлано, кѣмъ, какъ, и съ какою цѣлью. Онъ вошелъ въ залъ и подошелъ къ игорному столу въ самую критическую минуту: все, что ни было въ комнатѣ посѣтителей, столпилось вокругъ одного счастливаго игрока, котораго первая ставка луидоръ, удвоиваясь съ каждымъ ходомъ рулетки, дошла наконецъ до такой суммы, которая равнялась капиталу банка.

— Опять выигралъ! послышалось нѣсколько голосовъ. Въ тринадцатый разъ! Да это неслыханное, баснословное, чудовищное счастье! —Между тѣмъ высокій мущина протянулъ руку къ столу и началъ сгребать золото, приговаривая любезнымъ, но нѣсколько суетливымъ тономъ:—Тысячу разъ прошу у васъ извиненія; надѣюсь, что вы извините меня, мнѣ очень жаль было бы причинить вамъ безпокойство.—Вы, если не ошибаюсь, сказали—это уже относилось къ банкомету,—тридцать восемь тысячъ франковъ?—Покорнѣйше благодарю; да, нынѣшній вечеръ мнѣ точно задался, я не запомню такого счастья... И застѣнчиво сваливъ къ себѣ въ шляпу блестящія груды золота, какъ бы стыдясь замѣшательства, причиненнаго имъ въ игрѣ, онъ удалился къ боковому столику сосчитать свой выигрышъ.

— Старая пѣсня, какъ вижу, Твинингъ, заговорилъ Бичеръ под-

ходя къ нему. Въ жизнь свою не видалъ я и не слыхалъ, чтобы у человѣка была такая легкая рука.

— Да, счастье мнѣ везетъ, отлично везетъ, отвѣчалъ Твинингъ, потирая свои сухощавыя руки и потомъ ударяя ими о свои еще болѣе сухощавыя колѣни. Ваше сіятельство совершенно справедливо замѣтили. Мнѣ случается выигрывать не всегда, далеко не всегда, но таки случается. Очень радъ васъ видѣть здѣсь, какъ нельзя болѣе радъ.—Экая штука-то, какъ подумаешь! — А погода стоитъ хорошая, даромъ-что дѣло идетъ къ осени. Ваше сіятельство, полагаю, сейчасъ только пріѣхали?

— Какъ я вижу, вы не узнаете меня, Твинингъ, проговорилъ Бичеръ, улыбаясь на своего собесѣдника, которому счастье, казалось, совершенно вскружило голову.

— Какъ это можетъ быть, милордъ! У меня память на лица удивительная.

— Мнѣ очень жаль, что я въ настоящемъ случаѣ долженъ уличить вашу память въ погрѣшности, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что меня вы не узнаете. Скажите-ка, за кого вы меня принимаете?

— За кого я васъ принимаю, милордъ! Какъ за кого? Неужели же я ошибаюсь, думая, что говорю съ лордомъ Лаккингтономъ?

— Ну вотъ, такъ и зналъ, захохоталъ Бичеръ.—Я такъ и думалъ, чортъ возьми! Однако неужели я такъ постарѣлъ? Вѣдь братъ мой, вы знаете, осьмнадцатью годами старѣе меня.

— Да, онъ былъ гораздо старше васъ, милордъ, отвѣчалъ Твинингъ, собирая свои деньги.—И въ первую минуту, признаюсь, я глазамъ своимъ не повѣрилъ, встрѣтивъ васъ не въ траурѣ.

— Въ траурѣ! по комъ же это?

— По покойномъ виконтѣ, братѣ вашего сіятельства.

— Лаккингтонъ!.. Такъ Лаккингтонъ умеръ?

— Неужели ваше сіятельство этого не знаете? Быть не можетъ, чтобы до васъ не дошло ни одного письма съ этимъ извѣстіемъ? Событіе это случилось шесть,—нѣтъ, семь недѣль тому назадъ, и я знаю, что миледи писала вамъ, настоятельно прося васъ пріѣхать къ ней въ Италію. Тутъ Твинингъ пустился въ подробное описаніе послѣдней болѣзни лорда Лаккингтона, но Бичеръ не слушалъ его; онъ стоялъ, какъ громомъ пораженный этимъ извѣстіемъ. Самыя противуположныя ощущенія боролись въ его сердцѣ: съ одной стороны, крутой переворотъ въ его настоящемъ положеніи не могъ не потрясти его; съ другой, ему вспомнились доказательства братской любви и заботливости, данныя ему

давно, очень давно, когда онъ былъ еще школьникомъ въ Гарроу, и «Лакъ» пріѣзжалъ навѣщать его; припомнилось ему, какъ и впослѣдствіи братъ не разъ выручалъ его изъ бѣды; въ то время онъ не умѣлъ цѣнить эти услуги,—но теперь онъ вспомнилъ о нихъ болѣе чѣмъ съ благодарностью.

— Бѣдный Лаккингтонъ! проговорилъ онъ.—И надо же, чтобы меня не было возлѣ тебя въ твои послѣднія минуты! Этими словами онъ самъ навелъ свои мысли на другую дорогу, и привскочилъ точно ужаленный сознаніемъ, что все это время былъ чужою игрушкою: Девисъ зналъ все, Девисъ перехватывалъ письма! Такъ вотъ почему онъ такъ долго удерживалъ его въ глухой прирейнской деревушкѣ; вотъ почему обращеніе его съ нимъ такъ замѣтно измѣнилось. Теперь объяснялись довѣрчивость, съ которою онъ сжегъ фальшивые векселя, и щедрость, съ которою онъ давалъ ему деньги и наконецъ—женитьба. — Какъ же они меня поддѣли, воскликнулъ онъ съ невыразимою горечью:—какъ они меня поддѣли! Все это было заранѣе обдумано, подготовлено, и она была въ заговорѣ! Пока онъ бормоталъ такимъ образомъ, проклиная свою собственную глупость, Твинингъ увелъ его изъ залы и незамѣтно удалился съ нимъ въ одну изъ наименѣе людныхъ аллей. Первые вопросы Бичера исключительно относились къ болѣзни брата; потомъ онъ перешелъ къ своей невѣсткѣ, распрашивалъ гдѣ она и какъ поживаетъ. Мало помалу дошло дѣло и до завѣщанія Лаккингтона. Твинингъ былъ въ числѣ душеприкащиковъ и могъ обо всемъ ему дать подробный отчетъ. Виконтъ оставилъ приличное, но нероскошное обезпеченье своей вдовѣ, все же остальное завѣщалъ брату.—Бѣдный Лаккингтонъ! Я зналъ, что онъ любилъ меня всегда! Твинингъ пустился было тоже въ запутанное повѣствованіе о сдѣланной, или предположенной покойнымъ виконтомъ покупкѣ помѣстья въ Ирландіи, но Бичеръ пропустилъ разсказъ этотъ мимо ушей. Всѣ мысли его были сосредоточены на собственномъ его положеніи и на хитрой продѣлкѣ Девиса.—Но гдѣ же вы все это время находились милордъ, что ни о чемъ не знали? спросилъ Твинингъ.

— Я былъ въ Германіи, въ Нассаускомъ герцогствѣ, забавлялся рыбною ловлею въ городѣ, отвѣчалъ Бичеръ въ смущеніи.

— Рыбною ловлею? Славное занятіе; я ужасно его люблю — расходовъ никакихъ, только и заготовляйте что прутья да крючки, прутья да крючки. Не то что охота,—охота, скажу я вамъ, просто раззоренье для нашего т. е. брата; про такихъ людей, какъ ваше сіятельство, я конечно не говорю.

— Бѣдный Лаккингтонъ! почти безсознательно повторилъ Бичеръ.

— Да! сочувственно вздохнулъ Твинингъ.

— Я все время собирался навѣстить его, но то одно, то другое задерживало меня.

— А жаль, что это такъ случилось, милордъ. Онъ все время не переставалъ о васъ безпокоиться. Вы конечно знаете, какъ онъ дорожилъ титуломъ и именемъ своего дома; онъ то и дѣло твердилъ: если бы Бичеръ былъ женатъ! если бы мы могли найдти жену для Аннесли!

— Жену! воскликнулъ тотъ неожиданно.

— Да, милордъ, жену. Славное дѣло, я вамъ скажу, женитьба; отличная штука!

— Но это дѣло уже сдѣлано, сэръ, я закабаленъ, воскликнулъ Бичеръ въ бѣшенствѣ:—въ воскресенье была моя свадьба.

— Честь имѣю поздравить васъ съ такимъ счастливымъ событіемъ и желаю вашему сіятельству всевозможнаго благополучія. Виконтесса здѣсь?

— Да, она здѣсь, угрюмо отвѣчалъ Бичеръ.

— Смѣю ли я освѣдомиться о прежней фамиліи леди Лаккингтонъ?

— Имя ея, ея фамилія.... повторилъ Бичеръ съ презрительнымъ хохотомъ, но вдругъ, остановившись, схватилъ Твининга подъ руку и заговорилъ съ нимъ, понижая голосъ, тономъ самого пытливаго довѣрія:—вы хорошо знаете свѣтъ, вы опытнѣе многихъ въ этомъ отношеніи, и можете мнѣ сказать, имѣетъ ли подобный бракъ законную силу?

— Про какого рода бракъ говорите вы?

— Обрядъ былъ совершенъ въ гостиницѣ, безъ предварительнаго оглашенія въ церкви, безъ всякихъ формальностей, чуть ли не разжалованнымъ священникомъ нѣкоимъ Классономъ.

— Павломъ Классономъ? Отцомъ Павломъ? Умный малый, скажу я вамъ! Вздумалъ было какъ-то поддѣть меня на подписку въ пользу обращенія минданскихъ индѣйцевъ, — только я не поддался. Вотъ такъ штука.

— Полагаю, что обрядъ, совершенный имъ, не имѣетъ никакого значенія передъ закономъ?

— Боюсь, чтобы не вышло наоборотъ, милордъ. Еще вашъ покойный братецъ говаривалъ, что для брачныхъ узъ и гнилая веревка достаточно крѣпка. Не будь этого, сдается мнѣ, что не

одинъ изъ насъ порвалъ бы канатъ и былъ таковъ. Вотъ такъ забавная штука, милордъ, право презабавная.

— По моему мнѣнію, такой бракъ выѣденнаго яйца не стоитъ, продолжалъ Бичеръ тѣмъ тономъ положительный увѣренности, которымъ онъ обыкновенно старался придать себѣ бодрости тамъ, гдѣ настоящее мужество измѣняло ему.—Я по крайней мѣрѣ убѣжденъ, что въ Англіи найдутся сотни людей, которые не затруднятся придумать не ту, такъ другую лазейку, чтобы объявить его недѣйствительнымъ.

— Такъ вы собираетесь навострить лыжи, милордъ? отрывисто спросилъ Твинингъ.

— Это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ. Видите ли, Твинингъ, между Аннесли Бичеромъ, неимѣвшимъ ни гроша за душою, и виконтомъ Лаккингтономъ, обладателемъ изряднаго состояньица, разстояніе не маленькое. Конечно, если бы я только зналъ въ прошлое воскресенье свою настоящую стоимость, то я распорядился бы нѣсколько иначе.

— Но вы забываете родственниковъ вашей супруги.

— Родственниковъ! подхватилъ Бичеръ съ презрительнымъ хохотомъ.

— Ну семейство друзей: у нея конечно, есть отецъ, братья.

— Какъ же! у нея есть отецъ, чортъ возьми, —есть отецъ.

— Осмѣлюсь я спросить....

— О, вы знаете его какъ нельзя лучше! Онъ извѣстенъ цѣлому свѣту. Кто не слыхалъ про Кита Девиса Грога?

— Грога Девиса, милордъ! Грога Девиса?

— Такъ точно, отвѣчаль Бичеръ, закуривая сигару съ притворнымъ равнодушіемъ, которое старался выдать за мужество.

— Грогъ... Грогъ... Грогъ! Необыкновенный малый! Молодецъ на всѣ руки! Забавникъ удивительный! Я долженъ сказать, милордъ, что тесть вашего сіятельства въ высшей степени замѣчательный человѣкъ.

— Еще бы не замѣчательный, Твинингъ!

— И, принявъ въ соображеніе настоящія обстоятельства, я бы посовѣтовалъ вамъ, милордъ, не думать о разводѣ: и изъ головы вонъ выкиньте эту мысль.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, Твинингъ; вамъ кажется, что шутить съ мистеромъ Грогомъ плохое дѣло. Я знаю, что о немъ ходятъ такого рода слухи; многіе положительно боятся его,— только не я. Что, не вѣрите? Этотъ послѣдній вопросъ былъ вызванъ двусмысленною улыбкою, мелькнувшею на лицѣ собе-

сѣдника.—Вы думаете, Твинингъ, что я его боюсь? Но съ какой же бы стати мнѣ его бояться?

— И я тоже не вижу, милордъ, съ какой бы стати вамъ его бояться?

— Его считаютъ за опаснаго человѣка.

— Даже за очень опаснаго.

— Онъ мстителенъ.

— До чрезвычайности. Говорятъ, что онъ если разъ положилъ себѣ сдѣлать, то и сдѣлаетъ.

— Но мы живемъ въ цивилизованномъ вѣкѣ, Твинингъ. Люди его закала и рады бы, да не смѣютъ прибѣгать къ самопроизвольной расправѣ.

— Боюсь, милордъ, что къ ней-то они именно и прибѣгаютъ. Право рѣдко бываетъ на ихъ сторонѣ, но они всегда умѣютъ такъ или иначе поставить на своемъ.

И мистеръ Твинингъ, потирая себѣ руки, залился веселымъ смѣхомъ.

— Вы напоминаете мнѣ утѣшителей Іова, Твинингъ, колко проговорилъ Бичеръ.

— Не вижу большого сходства между имъ и вашимъ сіятельствомъ! Развѣ наоборотъ. Вы имѣете больше поводовъ превозноситься, чѣмъ упражняться въ терпѣніи. Не такъ-то плохо очутиться перомъ и владѣльцемъ отличнаго состоянія.

— Знаю одно только, что я никогда не домогался быть ни тѣмъ, ни другимъ. Я могу сказать, положа руку на сердце, что никогда не желалъ купить это счастье цѣною... цѣною... А вотъ что я думаю, Твинингъ: отчего бы намъ не прибѣгнуть къ полюбовной сдѣлкѣ? Мнѣ кажется, что стоитъ предложить порядочный кушъ, — а я вовсе не намѣренъ скупиться,—и все дѣло уладится какъ нельзя лучше. Всего удобнѣе было бы поручить веденіе этихъ переговоровъ какому нибудь смышленному пріятелю. Какъ вы думаете объ этомъ?

— Я совершенно согласенъ съ вами, милордъ! Я убѣжденъ, что нельзя было ничего умнѣе придумать.

— А что, если я попрошу васъ заступить меня въ этомъ дѣлѣ, и повидаться съ Девисомъ?

Твинингъ поморщился, точно ему причинили физическую боль.

— Я не вижу въ этомъ большой важности, продолжалъ Бичеръ: — вѣдь спросъ не бѣда.

— Именно такъ, милордъ.

— Вѣдь мы рискнемъ только для пробы.

— Вы совершенно правы, милордъ. Но и стрѣляютъ въ первый разъ изъ новой пушки только для пробы, а между тѣмъ я не хотѣлъ бы стоять на бреши подъ первымъ выстрѣломъ.

— Странное дѣло, какъ всѣ боятся этого человѣка; я же между тѣмъ дѣлаю изъ него все что хочу.

— Великое дѣло тактъ, милордъ, тактъ и находчивость.

— Видите ли, Твинингъ, началъ Бичеръ конфиденціально: — дѣло въ томъ, что я и самъ не знаю, захочу ли съ ней разводиться; я еще ни на что пока не рѣшился. Тутъ многое можно сказать и за, и противъ. А мы вотъ что сдѣлаемъ: приходите-ка завтра утромъ и отзавтракайте съ нами, я бы охотнѣе пригласилъ васъ отобѣдать, но я выѣзжаю рано и думаю отправиться на югъ. Вы увидите ее, а тамъ мы переговоримъ.

— Охотно, милордъ, съ величайшимъ удовольствіемъ. Въ которомъ же часу?

— Часовъ въ одинадцать, если вамъ будетъ удобно.

— Какъ нельзя удобнѣе, — я всегда къ вашимъ услугамъ, въ одинадцать, въ двѣнадцать, въ часъ, когда только вашему сіятельству заблагоразсудится.

— Такъ до свиданья, Твинингъ, покойной ночи.

— И вамъ того же желаю, милордъ. Вотъ такъ забавная штука, пробормоталъ онъ, разводя руками и отправляясь домой.

— Новый виконтъ возвратился въ гостиницу. Дѣло было подъ утро и весь домъ спалъ такъ крѣпко, что онъ съ добрыхъ полчаса простучалъ въ дверь, прежде чѣмъ его впустили.

— Васъ спрашивалъ, сэръ, какой-то джентльменъ, только что пріѣхавшій сюда. Онъ не сказалъ своего имени.

— Какой онъ на видъ? Старикъ или молодой высокаго или небольшого роста?

— Онъ среднихъ лѣтъ, сэръ, небольшого роста, съ рыжей бородой и съ усами. Онъ пилъ чай наверху съ вашей супругой и дожидался васъ почти до двухъ часовъ.

— Я знаю, кто это, проговорилъ Бичеръ и отправился къ себѣ. Войдя въ свою уборную комнату, онъ нашелъ столъ заваленнымъ множествомъ писемъ, адресованныхъ на имя его сіятельства виконта Лаккингтона и облѣпленныхъ множествомъ почтовыхъ марокъ; но болѣе всѣхъ обратила на себя его вниманіе карточка съ написанными на ней слѣдующими словами: «Не удивляйтесь — вы дѣйствительно виконтъ. К. Д.»

Тяжелый стонъ вырвался у Бичера, онъ выронилъ карточку изъ рукъ и тяжело опустился на стулъ. Нескоро собрался онъ съ

духомъ, чтобы распечатать письма и взглянуть въ ихъ содержаніе. То были большею частью письма отъ адвокатовъ и повѣренныхъ по дѣламъ; въ одномъ объяснялись различныя формальности, которыя необходимо было исполнить, въ другихъ почтительно просили новаго виконта о неоставленіи и впредь довѣріемъ. Одно очень длинное письмо заключало въ себѣ подробное изложеніе предстоящаго процесса изъ-за титула, и перечень тѣхъ документовъ, которые потребуются въ послѣдствіи для защиты. Это извѣстіе о возстаніи, совпадавшее съ первою минутою восшествія на престолъ, было уже черезъ-чуръ обидно: Бичеръ сердито швырнулъ на другой конецъ комнаты непріятное извѣщеніе; не такъ мечталъ онъ въ былыя времена встрѣтить давно желанный переворотъ въ своей судьбѣ.

— Надо полагать, что перемѣна эта къ лучшему, пробормоталъ онъ про себя:—но пока я конца не вижу хлопотамъ и затрудненіямъ.

ГЛАВА XIII.

Непріятныя объясненія.

Бичеръ только-что начиналъ засыпать, когда его разбудили тяжелые, твердые шаги, раздавшіеся въ его комнатѣ. Онъ вскочилъ и увидѣлъ Девиса.

— Какъ поживаетъ благородный виконтъ? началъ Девисъ, придвигая себѣ стулъ къ его постели.—Я спѣшилъ сюда сломя голову, когда получилъ это извѣстіе.

— Вы сообщили ей объ этомъ? поспѣшно спросилъ Бичеръ.

— Сообщилъ ли я ей? Еще бы! Для чего же иного, какъ не для этого удовольствія пріѣхалъ я сюда? Вѣдь здѣсь меня каждую минуту могутъ арестовать и засадить въ раштадскую крѣпость. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я застрѣлилъ въ тамошнемъ гарнизонѣ австрійскаго офицера.

— Слышалъ я эту исторію, проговорилъ Бичеръ глубоко вздыхая.—Итакъ она все уже знаетъ?

— Она знаетъ, что вы перъ Англіи, а она—пересса.

Бичеръ взглянулъ на своего собесѣдника, фигура котораго показалась ему въ эту минуту невыразимо нахальною; полузабытыя или ускользнувшія отъ него черты выступили теперь передъ нимъ во всей своей грубости. Девисъ, какъ будто угадывая то, что происходило въ душѣ Бичера, глядѣлъ ему прямо въ глаза съ вызывающимъ и рѣшительнымъ выраженіемъ.

— Быть можетъ, продолжалъ Грогъ:—вы предпочли бы сами извѣстить ея сіятельство о случившемся, но мнѣ казалось, что ей равно пріятно будетъ выслушать эту вѣсть отъ своего отца.

Бичеръ просидѣлъ нѣсколько времени молча, погруженный въ свои размышленія.—Мистеръ Твинингъ, съ которымъ я нечаянно встрѣтился вчера вечеромъ, началъ онъ наконецъ:—сказалъ мнѣ о смерти моего брата, случившейся, по его словамъ, восемь недѣль тому назадъ.

— Вотъ какъ! Давненько же онъ умеръ, сухо замѣтилъ Девисъ.

— Да, давно, повторилъ Бичеръ, глядя на него въ упоръ. — Отъ того же Твининга я узналъ, что леди Лаккингтонъ писала мнѣ два или три письма, прося меня поспѣшить къ ней въ Италію, гдѣ она ожидаетъ моего прибытія съ часу на часъ. Много и другихъ писемъ было отправлено на мое имя, но ни одно изъ нихъ до меня не дошло. Все это странно, очень странно.

— Надѣюсь, что теперь вы получили ихъ всѣ до послѣдняго, нагло проговорилъ Грогъ, указывая на кучу писемъ, покрывавшихъ туалетный столикъ.

— Нѣтъ, эти всѣ недавно писаны и въ нихъ, кромѣ того, говорится о другихъ, которыхъ я не получалъ.

— Куда же всѣ другія могли дѣваться? смѣло спросилъ Грогъ.

— Вотъ этого-то вопроса я и не могу рѣшить и хотѣлъ обратиться за рѣшеніемъ къ вамъ.

— Что вы хотите этимъ сказать? спокойно спросилъ Грогъ.

— Я хочу сказать, продолжалъ Бичеръ:—что мнѣ любопытно было бы услышать отъ васъ, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ вы узнали о смерти моего брата?

— Быть можетъ, вамъ желательно будетъ слышать, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я началъ о ней догадываться, — въ такомъ случаѣ я могу удовлетворить вашему любопытству.

— Ну-съ, повѣдайте намъ хоть это.

— Я сталъ догадываться о случившемся вскорѣ послѣ вашего пріѣзда въ Гольбафъ.

— А! такъ и зналъ! я такъ и думалъ! воскликнулъ Бичеръ съ торжествующимъ видомъ.

— Позвольте, не торопитесь; вы воображаете, что обыграли меня въ конецъ,—ошибаетесь: у мене еще одна карта въ запасѣ. Когда вы въ Ахенѣ выдавали Лазарю Штейну извѣстные вамъ векселя, не вы ли надписали на нихъ Лаккингтонъ? Вы не смѣете отпираться въ этомъ, векселя у меня здѣсь въ бумажникѣ. Итакъ одно изъ двухъ: или брата вашего уже не было въ живыхъ, или вы употребили фальшивую подпись.

— Вы хорошо знаете, сэръ, высокомѣрно замѣтилъ Бичеръ: — кто уговорилъ меня подписаться Лаккингтономъ.

— Я знаю? Ничего я не знаю. Но, прежде чѣмъ идти далѣе въ этомъ спорѣ, выслушайте отъ меня одинъ добрый совѣтъ: оставьте этотъ гордый тонъ—онъ въ разговорѣ со мною не идетъ,— говорю я вамъ, что не идетъ. Если вы—милордъ, виконтъ въ глазахъ свѣта, то вы чертовски хорошо знаете, что вы такое въ моихъ глазахъ и чѣмъ я могу сдѣлать васъ и во мнѣніи остальныхъ, если вы выведете меня изъ терпѣнія.

— Капитанъ Девисъ, началъ Бичеръ съ необычайною въ немъ твердостью.—Мнѣ кажется, что намъ всего лучше будетъ разъ навсегда объясниться другъ съ другомъ. Наши отношенія не могутъ оставаться тѣмъ, чѣмъ они были до сихъ поръ. Я ненамѣренъ далѣе подчинять всѣ свои дѣйствія вашему контролю. Наши пути въ жизни расходятся въ противоположныя стороны, намъ незачѣмъ сходиться,—а подавно, переходить другъ другу дорогу. Если леди Лаккингтонъ взглянетъ на это дѣло съ той же точки, какъ и я—тѣмъ лучше; если же нѣтъ, то, полагаю, легко будетъ найти сдѣлку, удовлетворяющую обѣ стороны.

— Такъ вотъ какъ! Вы задумали ломать изъ себя благороднаго лорда передо мною? проговорилъ Девисъ съ ужасающею ироніею въ взглядахъ и въ голосѣ.—Я всегда зналъ васъ за глупца, но чтобы ваша глупость завела васъ такъ далеко, этого, признаюсь, я никакъ не ожидалъ. Вы, кажется, хотите намекнуть,— а если бы вы не трусили, вы бы и прямо сказали мнѣ,—что краснѣете вашей женитьбы на моей дочери. На это я скажу вамъ, что во всей вашей праздной, безпутной, недостойной жизни, это единственный поступокъ, на который вы можете указать не краснѣя. Что она удостоила протянуть вамъ руку—это другое дѣло; она болѣе украшаетъ настоящій вашъ санъ, нежели онъ ее украшаетъ. Да, удивляйтесь сколько угодно, но не усмѣхайтесь такъ презрительно, не то, клянусь вамъ, это будетъ ваша послѣдняя

усмѣшка. И быстрымъ движеніемъ руки, которою онъ схватился за бортъ своего сюртука, Девисъ придалъ такую грозную значительность своимъ словамъ, что Бичеръ вскочилъ съ мѣста и хотѣлъ было дернуть сонетку.—Сидите смирно, тутъ на этомъ стулѣ, крикнулъ на него Грогъ, хриплымъ отъ бѣшенства голосомъ.—Я еще не покончилъ съ вами; кликните только лакея, и я выброшу васъ изъ окна. Такъ вы воображали, что когда я сжегъ фальшивые векселя, то не оставилъ себѣ противъ васъ на всякій случай другой, болѣе сильной улики? Плохо же вы знали Кита Девиса! Вы затѣвали помѣряться со мною? Эхъ, виконтъ! Пустое вы дѣло затѣвали, не по силамъ выбрали себѣ дѣло.

Въ минуты самого страшнаго изступленія, Девисъ не терялъ способности наблюдательности. Отъ него и теперь не ускользнуло, что Бичеръ сохранилъ на этотъ разъ гораздо болѣе спокойствія и самообладанія, нежели въ другія критическія минуты своей жизни. Обстоятельство это немало изумило Грога.

— Когда вашъ гнѣвъ поостынетъ, хладнокровно заговорилъ Бичеръ: — вы, быть можетъ, соблаговолите сказать мнѣ, чего вы отъ меня хотите.

— Чего я хочу отъ васъ—отъ васъ! повторилъ Девисъ, болѣе озадаченный хладнокровіемъ своего противника, чѣмъ имѣлъ духу сознаться даже самому себѣ.

— Но чего же могу я хотѣть отъ васъ? Развѣ только того, чтобы вы не забывали кто вы, и кто я. Не забывайте, что я и теперь, какъ и встарь, держу васъ въ своихъ рукахъ, и что я такъ же легко могу погубить виконта Лаккингтона, какъ и онорабля Анесли Бичера.

Бичеръ поблѣднѣлъ, но на одну только секунду; онъ отвѣчалъ съ чувствомъ собственнаго достоинства, котораго никакъ не ожидалъ отъ него Грогъ:

— Вы совершенно напрасно говорите со мною въ такомъ тонѣ, и я съ своей стороны не вижу никакой надобности выслушивать отъ васъ такія рѣчи. Послѣ всего, что между нами произошло, мы врядъ ли можемъ остаться друзьями, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мы должны были враждовать другъ съ другомъ.

— Въ переводѣ это значитъ: вотъ вамъ Богъ — а вотъ порогъ, мистеръ Грогъ. Такъ что ли? спросилъ онъ, осклабляясь.

Бичеръ отвѣчалъ улыбкою, которую можно было растолковать какъ угодно.

— Ага! Стало быть, я угадалъ, воскликнулъ Девисъ, стараясь во чтобы то ни стало добиться отвѣта.

Но Бичеръ, не говоря ни слова, приступилъ, какъ ни въ чемъ не бывало, къ своему туалету.

— Ну, это по крайней мѣрѣ откровенно, мрачно проговорилъ Девисъ.—Хорошо же! и я буду съ вами откровененъ: не далѣе какъ нѣсколько дней тому назадъ, я думалъ, что все обработалъ къ лучшему, теперь же оказывается, что я промахнулся. Ныньче вы виконтъ — но не пройдетъ и шести мѣсяцевъ, какъ вы не будете имъ.

Бичеръ поглядѣлъ на него съ улыбкою самого оскорбительнаго недовѣрія.

— Да, я знаю, что вы не вѣрите, потому что я вамъ говорю это. Но тоже самое говорилъ одинъ повѣренный, пріѣзжавшій отъ Фордайса, и когда вы вскроете ваши письма, то вѣроятно найдете въ нихъ подтвержденіе моихъ словъ.

Тутъ присутствіе духа измѣнило Бичеру, и стулъ, за который онъ держался, задрожалъ подъ его рукою.

— Вотъ въ чемъ дѣло, началъ Девисъ спокойно и обдуманно: — Дённъ, тотъ самый господинъ, у котораго мы какъ-то были съ вами вмѣстѣ, напалъ на какую-то бумагу — патентъ, что ли тамъ какой, или другого рода документъ,— изъ которой явствуетъ, что вы не имѣете никакого права на званіе виконта, и что оно должно отойти, вмѣстѣ съ помѣстьями, къ другому лицу, представляющему старшую отрасль вашего рода. У Дённа этого, новидимому, были довольно запутанные счеты съ вашимъ братомъ — онъ чуть ли не покупалъ земли по его довѣренности, а деньги не отдавалъ куда слѣдуетъ, либо отдавалъ деньги, а землю взамѣнъ не получалъ, — что-то такое въ этомъ родѣ; словомъ, онъ не былъ въ расчетѣ съ вашимъ братомъ, и боясь, чтобы вы не заглянули поближе въ это дѣло, говоритъ: не пытайтесь сводить со мною счеты, и пользуйтесь себѣ на здоровье своимъ титуломъ. Троньте только меня — и я перейду къ непріятелю.

— Но такого документа не можетъ быть.

— Повѣренные Фордайса говорятъ, что онъ точно существуетъ. Генксъ, повѣренный самого Дённа, передалъ имъ его сущность: и, какъ видно, о немъ упоминалось въ перечнѣ доказательствъ, только его до сихъ поръ не могли нигдѣ отыскать.

Бичеръ уже не слушалъ его, но, поднявъ письмо адвоката, ко-

торое вчера еще отбросилъ въ сторону съ такимъ негодованіемъ, принялся внимательно его перечитывать.

— Тутъ самъ чортъ ничего не разберетъ, воскликнулъ онъ наконецъ, теряя терпѣніе. Право этотъ баринъ воображаетъ, что я писарь изъ маклерской конторы и долженъ понимать ихъ тарабарское нарѣчіе. И все это дѣлается для того, чтобы выжать изъ меня деньги.

— Не совсѣмъ такъ. Ружье не всегда бываетъ заряжено холостымъ зарядомъ—и плохо испробовать это на себѣ, воскликнулъ Девисъ.

— Но неужели контора Фордайса не можетъ прислать повѣреннаго, для личныхъ со мною переговоровъ?

— Они и присылали такого повѣреннаго и я видѣлся съ нимъ, какъ ни въ чемъ не бывало отвѣчалъ Девисъ.

Бичеръ побагровѣлъ и по губамъ его пробѣжалъ судорожный трепетъ. Нелегко было ему удержаться отъ взрыва, но онъ переломилъ себя и только спросилъ:—Что же далѣе?

— Далѣе? продолжалъ Девисъ: — я отправилъ его обратно.

— Кто далъ вамъ право мѣшаться безъ спросу въ это дѣло? воскликнулъ Бичеръ съ бѣшенствомъ.

— Кто далъ мнѣ право? Участіе, принимаемое мною въ судьбѣ моей дочери, виконтессы Лаккингтонъ, съ дерзкою насмѣшливостью отвѣчалъ Грогъ.—Вы можете быть увѣрены, что для васъ я не сталъ бы хлопотать. Кто далъ мнѣ право! И съ этими словами онъ нагло разразился саркастическимъ хохотомъ.

— Я вовсе не желаю обидѣть васъ, но согласитесь, можно ли довѣрить такое дѣло въ ваши руки?

— Вы думаете, что нельзя?

— Я положительно увѣренъ въ этомъ.

— А я, такъ нѣтъ. Мало того, я готовъ биться объ закладъ, что если ужъ я васъ не выручу, такъ не выручитъ васъ и никто другой. Что адвокаты? Они только затянутъ игру до безконечности: одинъ будетъ приводить такой-то актъ, другой выкопаетъ для возраженія ему такую-то статью духовнаго завѣщанія,—и поведутъ они себѣ свои мины и контръ-мины надосугѣ; торопиться имъ некуда—ихъ же выгода въ проволочкахъ. Тутъ нуженъ такой человѣкъ, которому рискъ былъ бы нипочемъ, который съумѣлъ бы показать, гдѣ лисій хвостъ, а гдѣ и волчій ротъ, и не побоялся бы въ случаѣ надобности достать или уничтожить любой документъ, даже съ опасностью окончить дни свои гдѣ нибудь въ Норфолькъ-Эйландѣ.

— Вы, кажется, воображаете, что и на свѣтѣ все также дѣлается, какъ на скачкахъ.

— А развѣ не такъ? Желалъ бы я знать, въ чемъ заключается разница. Ужь не такіе ли благородные лорды, какъ вы, укажутъ мнѣ на нее?

— Я самъ повидаюсь съ Фордайсомъ, холодно проговорилъ Бичеръ.

— Это будетъ совершенно напрасный трудъ, спокойно возразилъ Девисъ.—Я и безъ того могу сказать вамъ, что существуетъ два способа уладить дѣло: первый, заключить мировую съ вашимъ соперникомъ, который какъ оказывается, никто иной, какъ молодой Конуэй, по прозванію Смашеръ.

— Молодой Конуэй, этотъ однорукій повѣса!

— Онъ самый. Другой же способъ состоитъ въ томъ, чтобы овладѣть бумагами, находящимися у Дённа. Что касается до перваго, то я уже отправилъ въ Крымъ одного надежнаго человѣка. Послѣднее же дѣло я беру на себя.

— Какъ такъ?

— А вотъ какъ: вы дадите мнѣ письменную довѣренность на полученіе отъ Дённа всѣхъ вашихъ фамильныхъ бумагъ и документовъ: я буду дѣйствовать въ качествѣ вашего уполномоченнаго по дѣламъ въ Ирландіи. Бичеръ вздрогнулъ и насмѣшливая улыбка скользнула по его губамъ; но что-то такое, изобразившееся на лицѣ Грога, быстро уничтожило всякій порывъ къ дальнѣйшей веселости, и сердце у него захолодѣло отъ ужаса. Грогъ продолжалъ: — Дённъ конечно станетъ оттягивать дѣло въ дальній ящикъ, захочетъ предварительно объясниться съ вами, дожидаться отъ васъ различныхъ объясненій и инструкцій, и т. д. Будь я его поля ягода, я бы конечно согласился съ нимъ, но такъ какъ я—Китъ Девисъ, а не кто другой, то я скажу ему: не артачься, дружокъ, попустому; эту партію мы тебѣ не уступимъ, сами хотимъ остаться въ выигрышѣ; такъ чѣмъ скорѣе ты смиришься, тѣмъ для тебя же будетъ лучше. — И будьте увѣрены, мы отлично поймемъ другъ друга.

Легкій стукъ въ дверь перебилъ Девиса на этомъ мѣстѣ, и слуга Бичера проговорилъ самымъ заискивающимъ голосомъ:

— Ея сіятельство ожидаетъ васъ къ завтраку, милордъ.

Въ столовой они застали Лицци,—да проститъ мнѣ читатель, что я, говоря о ней и ея мужѣ, называю ихъ порой по старой привычкѣ прежними именами, — итакъ они застали Лицци въ

разговорѣ съ мистеромъ Твинингомъ, который успѣлъ уже самъ отрекомендоваться ей и объяснить причину своего прихода.

— Вы знакомы съ капитаномъ Девисомъ, Твинингъ? Позвольте мнѣ васъ представить другъ другу, проговорилъ Бичеръ, краснѣя до ушей.

— Очень радъ, милордъ, за особенное удовольствіе сочту познакомиться. Если не ошибаюсь, мы уже прежде встрѣчались. Дѣло было на скачкахъ въ Іоркѣ. И Твинингъ пустился вспоминать съ Девисомъ эпизоды, ознаменовавшіе эти скачки.

Пользуясь этимъ, Бичеръ отвелъ Лицци къ окну и сталъ ее распрашивать тревожнымъ шопотомъ:

— Тебя удивило это извѣстіе? началъ онъ, пристально вглядываясь ей въ лицо.

— Да, отвѣчала она спокойно.

— Вѣдь это случилось совсѣмъ неожиданно, продолжалъ онъ полувопросительнымъ тономъ:—по крайней мѣрѣ для меня, добавилъ онъ, помолчавъ.

Она видѣла, что ему на умъ запало какое-то подозрѣніе, но какое именно, она не догадывалась, да и не любопытствовала знать; не говоря болѣе ни слова, она повернулась и направилась къ столу. Бичеръ однако снова отозвалъ ее къ окну.

— Мнѣ бы очень хотѣлось предложить вамъ одинъ вопросъ, началъ онъ въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ:—только я долженъ быть напередъ увѣренъ, что вы не примете его въ дурную сторону.

— А развѣ есть опасность этого рода? спросила она.

— Да, можетъ быть, пролепеталъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ не совѣтую вамъ и рисковать. И спокойная рѣшимость, съ которою были сказаны эти слова, была убѣдительнѣе всякихъ гнѣвныхъ возраженій. Бичеръ почувствовалъ, что онъ не смѣетъ ослушаться ея совѣта.

Итакъ Лицци заняла свое мѣсто за столомъ. Каждый взглядъ ея, каждое слово и движеніе дышали развязностью и самообладаніемъ; съ неподражаемымъ тактомъ съумѣла она придать разговору тотъ непринужденный, веселый тонъ, который способствуетъ свободному обмѣну мыслей. Когда завтракъ кончился, Лицци встала, и опираясь на руку отца, увела его съ собою; имъ многое нужно было сказать другъ другу; а Бичеръ съ Твинингомъ остались одни.

— Ну, Твинингъ, началъ Бичеръ, закуривая сигару:—скажите-ка

мнѣ откровенно, какого вы мнѣнія о моемъ выборѣ? Не думаете ли вы, что онъ могъ быть и менѣе удаченъ?

— Вы не могли сдѣлать болѣе удачнаго выбора, воскликнулъ Твинингъ.—Я не говорю о красотѣ ея сіятельства, которою она превосходитъ все доселѣ видѣнное мною; но возьмите всѣ ея пріемы, это восхитительное смѣшеніе величавости съ привѣтливостью. Да, она могла бы служить украшеніемъ любого европейскаго двора.

— Мнѣ пріятно слышать это отъ васъ, Твинингъ; вѣдь ваши сужденія объ этихъ вещахъ слывутъ за авторитетъ, и я, откровенно вамъ говоря, очень радъ, что вы оправдываете мой выборъ.

— Ея появленіе въ свѣтѣ произведетъ неслыханный фуроръ, воскликнулъ Твинингъ.

— Думаю, что вы правы, Твинингъ; думаю, что вы правы, отвѣчалъ Бичеръ, просіявшій отъ удовольствія. — И у кого она научилась всему этому — вотъ чего я не могу понять, добавилъ онъ, понижая голосъ.

— Это одна изъ тѣхъ тайнъ, милордъ, которыя природа хранитъ про себя.

— Одна бѣда—ея дражайшій родитель, этотъ старикашка Грогъ, продолжалъ Бичеръ еще болѣе осторожнымъ шопотомъ:— ну что вы съ нимъ подѣлаете?

— Безспорно, онъ великій оригиналъ, чудакъ, какихъ мало! Презабавная, я вамъ доложу, эта исторія! И Твинингъ мгновенно вошелъ въ свою обычную колею и принялся безпощадно хлопать себя по ногамъ.

— Я тутъ ничего забавнаго не вижу, по крайней мѣрѣ для меня, сердито отвѣчалъ Бичеръ.

— А впрочемъ, милордъ, онъ пользуется своего рода извѣстностью,—какъ же! онъ настоящая знаменитость!

— Чортъ возьми, воскликнулъ Бичеръ съ сердцемъ.—Неужели вы не понимаете, что въ этомъ-то и заключается все неудобство? Нашего молодца знаютъ во всей Англіи: войдите въ любой клубъ и вы непремѣнно наткнетесь на разсказъ о какой нибудь его продѣлкѣ. Не проѣдете вы трехъ станцій по желѣзной дорогѣ, какъ услышите въ какомъ нибудь углу вагона: «А слышали вы, какую новую штуку откололъ Грогъ»? Онъ неутомимъ въ своихъ подвигахъ.

— Неисчерпаемая изобрѣтательность, находчивость изумительная! Презабавная это, я вамъ доложу, исторія.

— Вамъ, можетъ быть, угодно находить ее забавною, но мнѣ право не до шутокъ, съ досадою возразилъ ему Бичеръ.

Твинингъ былъ слишкомъ добродушенъ, чтобы обижаться на эту выходку своего пріятеля, и весело продолжалъ посмѣиваться, потирая руки.

— И что всего хуже, продолжалъ Бичеръ: —это, что онъ всегда и вездѣ будетъ выдаваться; какъ вы не бейтесь, а онъ съумѣетъ выдвинуться на первый планъ.

— Достаньте ему мѣсто въ отъѣздъ, милордъ, гдѣ нибудь въ колоніяхъ, замѣтилъ Твинингъ.

— Мысль у васъ недурная, Твинингъ; боюсь только, что его слишкомъ хорошо знаютъ.

— Это еще не бѣда, милордъ. У каждаго вѣдомства есть мѣста, спеціально предназначенныя для замѣщенія ихъ опальными.

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что мнѣ удастся выхлопотать для него какое нибудь мѣсто, т. е. такое мѣсто, которое онъ согласился бы принять?

— Не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія, милордъ. Мнѣ тоже на дняхъ было нужно сбыть съ рукъ одного бѣднаго родственника — такъ что же бы вы думали? Его сдѣлали начальникомъ гавани въ Баффиновомъ замкѣ. Въ Баффиновомъ замкѣ! вотъ такъ забавная штука! И онъ разразился громкимъ смѣхомъ.

— Какъ же мнѣ взяться за это дѣло, Твинингъ? Вы знаете, что до настоящей минуты я не имѣлъ никакихъ сношеній съ политическими партіями.

— Нѣтъ ничего легче, милордъ, особенно для пера. Напишите первому министру, намекните ему о своей готовности поддерживать его во всемъ, отстаивать до крайности достославныя преимущества нашей конституціи и содѣйствовать постепенному прогрессу... Забавная это исторія, доложу я вамъ! Или же, если вамъ это не нравится, поручите обработать это дѣло Девенпорту Дённу. Онъ повѣренный вашего сіятельства въ Ирландіи — по крайней мѣрѣ онъ былъ повѣреннымъ покойнаго виконта, — а лучше его никто этого не сдѣлаетъ.

— Послѣднее ваше предложеніе мнѣ лучше нравится, проговорилъ Бичеръ въ раздумьи.

— Что же касается Дённа, то онъ просто будетъ въ восторгѣ отъ этого доказательства вашего довѣрія. Онъ примется хлопотать, не теряя ни минуты, и прежде нежели ваше сіятельство начнете выѣзжать въ свѣтъ или у себя принимать, вашъ лю-

безный и талантливый тесть отправится сборщикомъ податей куда нибудь въ Кохинхину.

— Остается еще одно затрудненіе, Твинингъ: какъ уломать самого Девиса? Онъ любитъ Европу, онъ ужился въ Англіи и на континентѣ.

— Это какъ нельзя болѣе понятно, я съ своей стороны нисколько не удивляюсь,— еще бы онъ не цѣнилъ удовольствія общественной жизни — онъ, который соединяетъ въ себѣ всѣ данныя, чтобы быть лучшимъ ея украшеніемъ. Забавная, доложу вамъ, исторія!

— Не согласитесь ли вы, продолжалъ Бичеръ:—повести съ нимъ объ этомъ рѣчь стороною, намекните, — только чтобы узнать, какъ онъ это приметъ...

— Гораздо удобнѣе будетъ вашему сіятельству взять это на себя.

— Да... но я право не знаю... мнѣ кажется...

— Да ужъ такъ, милордъ; вѣрьте мнѣ, это будетъ гораздо лучше; необыкновенный тактъ у вашего сіятельства... Ай, ай, ай! Каково? Уже второй часъ, а меня еще ждутъ въ одномъ мѣстѣ. И, разсыпаясь въ извиненіяхъ по случаю такого внезапнаго отъѣзда, извиненіяхъ, которыя онъ просилъ передать и ея сіятельству, Твинингъ скрылся изъ виду.

ГЛАВА XIV.

Рядъ надувательствъ.

Планъ дѣйствій, предположенный Твинингомъ, пришелся какъ нельзя болѣе по сердцу Бичеру. Обстоятельства, какъ нарочно, сложились такъ, что все ручалось за успѣхъ: самъ Грогъ неотступно требовалъ у Бичера довѣрительнаго письма къ Девенпорту Дённу; приэтомъ, какой отличный случай представлялся послѣднему вывѣдать у Девиса, какъ онъ принялъ бы подобное предложеніе, и при благопріятныхъ обстоятельствахъ выманить у него согласіе. Бичеръ, со свойственнымъ ему влеченіемъ къ двое-

душію, началъ обдумывать, какими бы окольными путями ему достигнуть предположенной цѣли.

— Нашелъ, таки, нашелъ! воскликнулъ онъ съ восхищеніемъ и поспѣшно отправился въ свою комнату, гдѣ заперся на замокъ и присѣлъ къ письменному столу.

Въ числѣ прочихъ своихъ талантовъ, Бичеръ не могъ похвастаться умѣньемъ свободно владѣть перомъ. Машинальная часть этого труда была для него такимъ же камнемъ преткновенія, какъ и самый процессъ мышленія; строки у него выходили неровныя, буквы разнокалиберныя, страницы были испещрены чернильными пятнами и помарками, кривописанье изобличало высокомѣрное презрѣнье ко всѣмъ установленнымъ по этому предмету правиламъ.

Болѣе дюжины полуисписанныхъ листовъ оказались результатамъ двухчасовой работы, а между тѣмъ его трудная задача далеко не была приведена къ окончанію. Онъ не зналъ, какъ даже приступиться къ самому началу; по столу было разбросано съ добрый десятокъ листовъ, на которыхъ однако красовались слѣдующія слова: Лордъ Лаккингтонъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе...Виконтъ Лаккингтонъ покорнѣйше проситъ... Лордъ Лаккингтонъ пользуется настоящимъ случаемъ... Любезный Дённъ... Любезный мистеръ Дённъ ...Любезный Д... Наконецъ онъ написалъ: «Любезный Дённъ, такъ какъ мнѣ извѣстно ваше вліяніе на людей, имѣющихъ власть въ своихъ рукахъ...—Нѣтъ, этакъ пожалуй будетъ слишкомъ накрахмалено, замѣтилъ онъ, перечитывая эти слова. «Такъ какъ я знаю, какая у васъ сильная рука въ Доунингъ Стритѣ»,—вотъ такъ будетъ гораздо лучше,—«то я желалъ бы, чтобы вы пристроили вручителя этого письма»,—нѣтъ, это не годится,—«я желалъ бы, чтобы вы мнѣ достали тепленькое мѣстечко въ колоніяхъ,» — или, еще лучше,—«чтобы вы мнѣ выхлопотали приличное назначеніе въ колоніи для моего тестя,»—нѣтъ: для моего пріятеля, — нѣтъ, для моего стариннаго, неизмѣннаго приверженца,—это чертовски хорошо сказано,—«для моего стариннаго, неизмѣннаго приверженца, капитана Девиса. Вы съ разу догадаетесь, почему я желаю упрятать его куда нибудь подальше,» —или, нѣтъ,—«вы сами угадаете причины»,—или, и того лучше, «вы живо смекнете въ чемъ дѣло.» Тутъ онъ бросилъ перо и въ упоеніи самодовольства потеръ себѣ руки.—«Насчетъ климата не безпокойтесь,—онъ силенъ, какъ трехгодичный жеребецъ: главное, позаботьтесь, чтобы ему было поменьше дѣла и побольше удобствъ заниматься извѣстнаго рода шашнями. Что касается расходовъ на первое обзаведенье, то

я беру ихъ на себя. А разъ мы его поставимъ на ноги, то былъ бы только въ колоніяхъ хоть одинъ билліардный столъ, онъ и самъ не пропадетъ.»

Окончивъ это письмо, Бичеръ принялся сочинять другое. Такъ какъ это послѣднее посланіе не предназначалось для отправки и долженствовало только отвести глаза самому Грогу, то ему было за нимъ гораздо меньше хлопотъ. Впрочемъ и тутъ не надо было упускать изъ виду того обстоятельства, что, неумѣренно возбуждая въ Грогѣ надежду получить въ управленіе ирландскія помѣстья, можно было повредить успѣху задуманнаго предпріятія. Вслѣдствіе этого Бичеръ старался соблюсти строгую осмотрительность въ выраженіяхъ и, рекомендуя Дённу капитана Девиса, какъ лицо, пользующееся полнымъ его, Бичера, довѣріемъ въ то же время весьма неопредѣленно намекалъ на свое намѣреніе современемъ сдѣлать его своимъ повѣреннымъ въ Ирландіи.

Едва успѣлъ онъ окончить это письмо, какъ послышался громкій стукъ въ дверь, возвѣщавшій о приходѣ самого Девиса.

— Васъ-то именно мнѣ и было нужно, заговорилъ Бичеръ:— присядьте-ка и прочитайте вотъ это.

Грогъ вынулъ изъ кармана очки и весь ушелъ въ строгое просматриванье письма.—Довольно темно написано, произнесъ онъ въ заключеніе.—Другой бы ничего не могъ сдѣлать съ такою довѣренностью, но для Кита Девиса и ея за-глаза довольно.

— Я это зналъ, робко замѣтилъ Бичеръ.

— Этотъ мистеръ Дённъ, какъ слышно, человѣкъ практическій, и мы скоро поймемъ другъ друга, продолжалъ Девисъ.

— О, онъ вамъ очень понравится.

— Мнѣ дѣла нѣтъ до того, понравится ли онъ мнѣ, или я ему, перебилъ его Грогъ.

— Въ настоящую минуту онъ пользуется огромнымъ вліяніемъ; все министерство у него въ рукахъ.

— Тѣмъ лучше для него, отрывисто проговорилъ Грогъ.

— И для его друзей тоже, не забывайте, сэръ, добавилъ Бичеръ.—Однимъ почеркомъ пера онъ можетъ кого угодно пристроить въ метрополіи ли, въ колоніяхъ ли.

— А это намъ какъ разъ на руку! замѣтилъ Грогъ и, случайно ли, преднамѣренно ли, взглядъ его при этихъ словахъ прямо уставился на Бичера, причемъ яркій румянецъ разлился по лицу послѣдняго. — Право, это намъ какъ нельзя болѣе на руку, продолжалъ Грогъ, заставляя несчастнаго собесѣдника выносить не-

стерпимыя муки подъ своимъ упорнымъ, приводящимъ въ смущеніе, взглядомъ.—Милордъ виконтъ, сказалъ онъ важно, примите отъ меня одно небольшое предостереженіе: не вздумайте когда либо совершить смертоубійство; ваша собственная трусливость выдастъ васъ палачу.

— Я не понимаю васъ, замирающимъ голосомъ отвѣчалъ Бичеръ.

— Полноте, сдѣлайте милость, — вы понимаете меня какъ нельзя лучше, закричалъ Грогъ.—И кто это вбилъ вамъ въ голову вздорную мысль хлопотать о мѣстѣ для меня? Что за нелѣпая затѣя — сдѣлать меня сборщикомъ того-то, или инспекторомъ того-то? Съ чего вы взяли, что изъ-за какого нибудь жалкаго годового оклада въ семьсотъ или восемьсотъ фунтовъ стерлинговъ, я такъ-таки и откажусь отъ того, съ чего я могу выручить въ шестеро больше? Вамъ, быть можетъ, хотѣлось бы спровадить меня въ Индію, или въ Китай? Вотъ оно что, я какъ разъ попалъ въ цѣль! воскликнулъ онъ, видя, какъ пылающій румянецъ охватилъ все лицо Бичера вплоть до самыхъ волосъ.—Ну-съ, такъ куда же вы меня посылаете? Помнится, есть такое мѣсто, по имени Бигота, гдѣ никто еще не избѣжалъ жолтой лихорадки, такъ не можете ли вы мнѣ выхлопотать назначеніе туда консуломъ? Ахъ, Богъ ты мой! разразился онъ громкимъ хохотомъ:—и охота вамъ начинать игру, когда вы каждый разъ остаетесь въ дуракахъ.

— Мнѣ право кажется порой, что вы и сами не подозрѣваете, до какой степени оскорбительно ваше обращеніе со мной, сказалъ Бичеръ, негодованіе котораго начинало одерживать верхъ даже надъ страхомъ.—Во всякомъ случаѣ, я долженъ предупредить васъ, что наше знакомство не можетъ долѣе продолжаться.

— Я столько же дорожу вашимъ знакомствомъ, сколько и вы моимъ, отвѣчалъ Девисъ.—Удерживаетъ меня здѣсь одно желаніе побыть съ дочерью.

— Что до этого касается, началъ было Бичеръ:—то я не вижу необходимости... Тутъ голосъ его оборвался,—такимъ угрожающимъ взглядомъ метнулъ въ него Девисъ.

— Будьте поосторожнѣе въ томъ, что вы говорите, прорычалъ на него Грогъ:—я вообще не изъ смирнаго десятка, теперь же и подавно не совѣтую меня раздражать.

— Такъ говорите же, берете вы это письмо или нѣтъ? рѣшительно приступилъ къ нему Бичеръ.

— Беру, запечатайте его и надпишите адресъ, отвѣчалъ Грогъ,

отыскивая спички, чтобы зажечь свѣчу. Бичеръ сложилъ письмо и сталъ надписывать адресъ. Девису между тѣмъ не удавалось высѣчь огонь и спички ломались у него въ рукахъ одна за другою. Дѣло было къ вечеру и въ комнатѣ уже настолько стемнѣло, что трудно становилось различать предметы. У Бичера тревожно забилось сердце при мысли, что даже теперь, если только у него хватитъ смѣлости, онъ успѣетъ перехитрить Грога. Какое счастье если ему удастся это!

— И дернулъ же чортъ выдумывать эти восковыя спички, проворчалъ Девисъ:—прежнія деревянныя всегда зажигались... Ну вотъ, пятую испортилъ.

— Если бы вы потрудились позвать Фишера... Нетерпѣливое восклицаніе, сопровождаемое ругательствомъ, показало въ эту минуту, что Грогъ обжегъ себѣ палецъ; тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ неутомимо шаркать спичками.

— Наконецъ-то, воскликнулъ онъ:—насилу добился. И въ ту самую минуту, какъ пламя медленно разгоралось, Бичеръ, проворно сунувъ письмо къ себѣ въ карманъ, замѣстилъ его другимъ.

— Я выѣзжаю сегодня въ ночь, сказалъ Девисъ, опуская письмо къ себѣ въ карманъ. Очень можетъ быть, что я на день или на два остановлюсь въ Лондонѣ, чтобы повидаться съ Фордайсомъ. Куда адресовать мнѣ письмо къ вамъ?

— Объ этомъ мнѣ надо будетъ переговорить съ миледи, отвѣчалъ Бичеръ, едва-едва оправляясь отъ страха только-что миновавшей опасности. Мы обѣдаемъ въ шесть часовъ, добавилъ онъ вслѣдъ уходившему Девису.

— Лицци говорила мнѣ объ этомъ, отвѣчалъ Девисъ.

За обѣдомъ случилось такъ, что всѣ три собесѣдника, сошедшіеся къ столу, были, каждый по своему, въ отличномъ расположеніи духа: Грогъ, потому что ему удалось съизнова подчинить Бичера своему вліянію; Бичеръ, потому что, оставаясь съ виду въ дуракахъ, успѣлъ провести своего противника; что же касается до Лицци, то ея веселость имѣла гораздо болѣе невинную причину:—въ этотъ день она была одѣта какъ-то особенно къ лицу и сознавала это. Къ тому же она очень пріятно провела утро, благодаря мистеру Твинингу, который счелъ своимъ долгомъ обѣгать всѣхъ баденскихъ модныхъ торговцевъ, возвѣщая имъ пріѣздъ одного «милорда милліонера» и совѣтуя имъ отправиться въ отель съ соблазнительнымъ грузомъ своихъ товаровъ. Слѣдствіемъ этого было то, что гостиная Лицци вплоть до самого обѣда представляла поразительное сходство съ ярмаркой — такъ

она была завалена всевозможными изобрѣтеніями роскоши, начиная отъ изящно отдѣланныхъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, роскошныхъ кружевъ и мѣховъ, до пѣнковыхъ трубокъ, украшенныхъ богатою рѣзьбою и тросточекъ для гулянья. Девисъ, который пришелъ провѣдать ее, нашелъ, что у нея глаза разбѣжались на все это великолѣпіе и тутъ же внушилъ ей, что одна изъ обязанностей ея званія состоитъ въ поощреніи этого рода промышленности.—На кого же и расчитывать этимъ людямъ, какъ не на тебя и на подобныхъ тебѣ, сказалъ онъ.—Жена англійскаго пера—та же принцесса и обязана щедрою рукою сыпать вокругъ себя золото. И я долженъ сознаться, что ея сіятельство добросовѣстно исполнила обязательство своего званія, не заботясь даже порою освѣдомляться о цѣнѣ забираемыхъ ею предметовъ. Бичеръ слегка поморщился при видѣ всѣхъ этихъ покупокъ, но Девисъ тотчасъ же шепнулъ ему въ успокоеніе, что банкиръ, Герръ Кохъ, открылъ его сіятельству неограниченный кредитъ.

Веселый обѣдъ приходилъ къ окончанію и кофе былъ уже поданъ на столъ, когда подъ окнами раздался шумъ подъѣхавшаго экипажа.

— Это мой экипажъ, замѣтилъ Девисъ:—я велѣлъ ему быть здѣсь ровно въ половинѣ девятаго.

— Но въ этотъ часъ не отходитъ ни одного поѣзда по желѣзной дорогѣ, сказала Лицци.

— Знаю; но я буду всю ночь скакать на почтовыхъ и поспѣю какъ разъ къ утреннему поѣзду въ Карлсруэ. Мнѣ непремѣнно надо быть въ Лондонѣ къ понедѣльнику, вѣдь такъ милордъ?

— Да, никакъ не позже, отвѣчалъ Бичеръ: — а во вторникъ вечеромъ въ Дублинѣ.

— Такъ, такъ, сказалъ Девисъ, вставая:—и я постараюсь нигдѣ не опоздать ни минутой. Не будетъ ли мнѣ отъ васъ какихъ порученій?

— Не забудьте пріискать намъ курьера,—онъ можетъ догнать насъ въ Римѣ. Намъ тоже понадобится поваръ; я знаю, что клубъ Маубрей имѣетъ отличнаго малаго по этой части, и убѣжденъ, что его легко можно будетъ сманить посредствомъ надбавки въ какихъ нибудь пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ. Наконецъ и для миледи нужна будетъ горничная половчѣе Аннеты.

— О, я ни за что не разстанусь съ Аннетой, сказала Лицци.

— Въ этомъ и нѣтъ никакой надобности, но нужно же тебѣ имѣть горничную, которая сумѣла бы причесать тебя похристіански.

— А какъ же она теперь, по вашему, причесана? грубо спросилъ его Грогъ.

— Милордъ совершенно правъ, перебила Лицци: — я переняла свою настоящую прическу у дѣвушки еврейки, изображенной на картинѣ, которую я только что купила сегодня утромъ, и нахожу, что эта прическа чудо какъ идетъ ко мнѣ.

Игривая кокетливость этихъ словъ тотчасъ же поправила все, что было натянутаго въ положеніи присутствующихъ, и Бичеръ поблагодарилъ Лицци улыбкою за такую находчивость.

Лицци, между тѣмъ, во избѣжаніе дальнѣйшихъ столкновеній, отвела отца всторону и обмѣнялась съ нимъ шопотомъ немногими словами на прощанье. Они говорили такъ тихо, что ничего нельзя было разслышать, но Бичеру показалось, что онъ поймалъ на лету слѣдующія слова, сказанныя Грогомъ: «смѣлостью этого можно будетъ достигнуть — смѣлость города беретъ». За тѣмъ послѣдовалъ долгій, нѣжный поцѣлуй.—Ну, прощай же, дочка! съ любовью проговорилъ Девисъ и, пожавъ руку Бичеру и закуривъ сигару, уѣхалъ.

Съ той минуты, какъ Бичеръ избавился отъ ненавистнаго присутствія Грога, онъ чувствовалъ себя гораздо спокойнѣе. Человѣкъ этотъ, знавшій его въ самую темную эпоху его жизни, былъ для него какъ бы ходячею совѣстью, всегда готовою уликою; въ его присутствіи замирало въ немъ всякое честное побужденіе. А между тѣмъ онъ чувствовалъ въ душѣ, что виконтъ Лаккингтонъ, владѣющій десятью тысячами фунтовъ годового дохода, совсѣмъ не то, что оноребль Аннесли Бичеръ, перебивающійся на какіе нибудь триста фунтовъ. То, что для молодого человѣка представляло неодолимое искушеніе, возбуждало только улыбку благороднаго лорда. Но какое дѣло было до всего этого Грогу? Неумолимый, онъ всегда былъ готовъ напомнить Лаккингтону о его тождествѣ съ Бичеромъ. И надо же Бичеру было на бѣду свою встрѣтиться въ жизни съ этимъ человѣкомъ!

На другой день, рано утромъ, дорожная карета стояла у подъѣзда и счастливая чета, напутствуемая низкими поклонами всей гостиницы, выѣхала по дорогѣ въ Италію:

— Такъ это Италія? проговорила Лицци, когда карета ихъ, оставивъ позади себя туманы верхнихъ Альпъ, стала спускаться по извилинамъ Шплюгена.

— Да, а эта жалкая нора носитъ названіе Кампо Дальчини, отвѣчалъ Бичеръ, перелистывая свой гидъ.—Итальянцы тѣмъ и

отличаются, что всему любятъ давать громкія имена, а мы-то, дураки, позволяемъ себя обманывать пустымъ звукомъ.

— Это пристрастіе къ громкимъ словамъ обще всѣмъ намъ, какъ кажется, отвѣчала Лицци.—Слова: ваше величество, ваше свѣтлость, заключаютъ въ себѣ какую-то магическую силу даже и тогда, когда самыя лица оказываются плохими представителями своего высокаго званія.

— Этими возрѣніями вы конечно позаимствовались отъ вашего отца, довольно сердито замѣтилъ Бичеръ.

— Про какія воззрѣнія говорите вы?

— Я говорю про эту заманку ставить ни во что высокое общественное положеніе и считать людей, занимающихъ его, годными только на то, чтобы быть обманутыми и водимыми за носъ.

— Нѣтъ, отвѣчала она спокойно, но рѣшительно. Если отецъ когда и касался со мною этого предмета, то всегда съ цѣлью внушить мнѣ высокое мнѣніе о личныхъ свойствахъ людей, высоко стоящихъ. Я однако боюсь, чтобы дѣйствительность не оказалась ниже моихъ ожиданій. Я могу только представить себѣ, чѣмъ эти люди могли бы быть, но право не знаю, найду ли ихъ такими.

— Совѣтую вамъ не говорить этого моей невѣсткѣ, насмѣшливо замѣтилъ Бичеръ.

— Я вовсе не имѣла этого намѣренія, отвѣчала Лицци тѣмъ же ровнымъ голосомъ.

— Я потому это вамъ замѣчаю, продолжалъ онъ:—что она придерживается преувеличенныхъ, если хотите, понятій о превосходствѣ людей знатной породы надъ остальными. Мнѣ даже кажется, что она не совсѣмъ справедлива въ своей оцѣнкѣ людей низкаго происхожденія.

— Какъ много теряютъ черезъ это люди низкаго происхожденія! проговорила Лицци и тихо засмѣялась. Бичеръ взглянулъ на нее украдкой и замолчалъ.

Впрочемъ молчалъ онъ не долго. Его мучило неодолимое желаніе задѣть обиднымъ отзывомъ тотъ слой общества, къ которому Лицци принадлежала по рожденію, и это не потому, чтобы это презрѣніе было въ немъ искренно, но потому что онъ не видѣлъ другого способа отомстить Грогу, хотя, собственно говоря, это мщеніе обрушивалось не на самого Девиса, а на его дочь. Итакъ онъ пустился въ подробное изложеніе всѣхъ нелѣпыхъ со-

словныхъ предразсудковъ, которыхъ придерживалась леди Джорджіана и подобныя ей.

— Вамъ понадобится большая осторожность въ обращеніи съ ней, сказалъ онъ.—Вы конечно можете держать себя совершенно естественно и свободно, но отнюдь не фамильярно—этого она вамъ не проститъ.

— Я буду осторожна, спокойно отвѣчала Лицци.

— По всѣмъ вѣроятіямъ она откопаетъ какихъ нибудь вашихъ однофамильцевъ и спроситъ у васъ съ своимъ обычнымъ, полубезпечнымъ видомъ: «не родня ли вамъ стаффрдширскіе Деви?» или: «не изъ такихъ-то ли вы Девисовъ?»

— На это я отвѣчу конечно, что не знаю, проговорила Лицци.

— Вотъ разодолжи такимъ отвѣтомъ, съ хохотомъ сказалъ Бичеръ.—да вѣдь вы сдѣлаете страшный промахъ, если объявите, что и сами хорошенько не знаете—родня они вамъ или нѣтъ. Вѣдь это будетъ равняться признанью, что ваше семейство не имѣетъ фамильныхъ преданій.

— Что же? вѣдь это было бы сущая правда, отвѣчала она тѣмъ же голосомъ.

— Правда сама по себѣ хорошее дѣло, но ее не всегда можно говорить.

— Но почему бы вамъ не избавить меня отъ допроса, на которомъ я рискую сдѣлать столько промаховъ, прямо объявивъ, что вы взяли дѣвушку безъ состоянія, безъ имени, безъ общественнаго положенія? Какъ скоро эти факты будутъ констатированы, я убѣждена, что ея сіятельство не будетъ къ нимъ болѣе возвращаться и не поставитъ меня въ неловкое положеніе.

— Потомъ остается еще одинъ важный пунктъ, продолжалъ Бичеръ, видимо досадуя, что ему не удается раздразнить ее:—остается еще одинъ важный пунктъ, на который совѣтую вамъ обратить особенное вниманіе: ни подъ какимъ видомъ не проговоритесь о томъ, что вы были воспитаны въ школѣ, или—какъ бишь? въ пансіонѣ. Нѣтъ вещи, противъ которой моя невѣстка питала бы такое, сильное предубѣжденіе, какъ противъ пенсіонскаго воспитанія. Смотрите же, почаще упоминайте въ разговорѣ о вашей гувернанткѣ.

Она не отвѣчала ни слова и только улыбнулась.

— Потомъ, продолжалъ Бичеръ:—она спроситъ васъ, выѣзжали ли вы въ свѣтъ, были ли представлены ко двору, и кѣмъ? И всѣ эти вопросы она предложитъ вамъ такъ просто и спокойно, что

вамъ и въ голову не придетъ заподозрить ее въ намѣреньи оскорбить васъ.

— Тѣмъ лучше, я и не почувствую оскорбленія.

— Что же касается до представленія ко двору, вы должны отвѣчать, что жили очень уединенно, постоянно въ деревнѣ, что отецъ вашъ мало вьѣзжалъ и мало принималъ у себя.

— Это мы, кажется, выѣзжаемъ въ Кіавенну? спросила Лицци, зардѣвшись едва замѣтнымъ румянцемъ. Громкое хлопанье почтовыхъ бичей не дало имъ выговорить больше ни слова во все время, пока ихъ карета катилась по узкимъ улицамъ. У самого подъѣзда гостиницы стояла ободранная повозка веттурино, тотчасъ посторонившаяся, чтобы дать мѣсто болѣе изящному экипажу. Едва курьеръ успѣлъ соскочить на землю, какъ вся прислуга гостиницы засуетилась, освѣдомляясь, не угодно ли будетъ «Milordo» выдти изъ экипажа и предлагая его «Eccellenza» закусить чего нибудь.

Но его «Eccellenza» наотрѣзъ отказался какъ отъ того, такъ и отъ другого; онъ былъ не въ духѣ и отрывисто отвѣчалъ:— мнѣ ничего не нужно кромѣ почтовыхъ лошадей, чтобы поскорѣе выбраться изъ этого мерзкаго городишка.

— Сейчасъ видно, что англичанинъ, сказалъ кто-то въ извощичьей повозкѣ, видимо обращаясь къ другому сидѣвшему съ нимъ рядомъ.

— Но, Боже мой, вѣдь я знаю его! отвѣчалъ тотъ, выскакивая изъ экипажа:—это новый виконтъ Лаккингтонъ. Подойдя къ каретѣ, онъ почтительно снялъ шляпу и проговорилъ:—какъ ваше здоровье, милордъ?

— А! Спайсеръ! вы здѣсь какими судьбами? отвѣчалъ Бичеръ немного свысока.—Отправляетесь конечно въ Англію?

— Нѣтъ, милордъ, я ѣду въ Римъ.

— И мы тоже, т. е. мы съ леди Лаккингтонъ, добавилъ онъ, чтобы осадить нѣсколько дерзкій взглядъ, брошенный на Лицци Спасейромъ. — Не можете ли вы мнѣ сказать, застанемъ ли мы тамъ леди Джорджіану.

— Да, милордъ, она живетъ въ «Palazzo Gondi» на Пинтіанскомъ холмѣ.

— Pallazzo Gondi. Запомни, пожалуйста это названіе, обратился Бичеръ къ женѣ. Сдѣлавъ рукою прощальный знакъ Спайсеру, онъ проговорилъ:—до свиданья, на дняхъ увидимся въ Римѣ,—и отдалъ приказаніе ѣхать.

ГЛАВА XV.

Въ Римѣ.

Въ маленькой довольно скромно убранной комнатѣ, на Пинтіанскомъ холмѣ въ Римѣ, сидѣли за работою двѣ дамы; одна изъ нихъ была въ глубокомъ траурѣ, другая въ черномъ шелковомъ платьѣ, старинный покрой котораго и отсутствіе всякихъ украшеній напоминали собою монашескую рясу. Одна изъ этихъ дамъ была вдовствующая виконтесса Лаккингтонъ, другая—леди Гресъ Твинингъ, недавно обращенная въ нѣдра римско-католической церкви и готовившаяся занять въ іерархіи этой церкви мѣсто шануанессы или какое нибудь другое, не менѣе почетное. У леди Лаккингтонъ былъ усталый, изнеможенный видъ, но наружность ея скорѣе изобличала глубокую озабоченность, чѣмъ сильное горе. Только за нѣсколько дней смерти своего мужа узнала она о тяжбѣ, грозившей ей лишеніемъ титула. Какъ ни мало прошло съ тѣхъ поръ времени, но съ каждою почтою приходили новыя и все болѣе и болѣе непріятныя извѣстія по этому дѣлу. О Бичерѣ между тѣмъ не было ни слуху, ни духу. На собственныя ея письма къ нему не послѣдовало отвѣта; ни Фордайсъ, ни мистеръ Дённъ не могли напасть на его слѣдъ; оставалось послѣднее средство — призвать на помощь то учрежденіе, которое обыкновенно употребляетъ все свое инквизиторское рвеніе на отысканіе преступниковъ.

Если въ Бичерѣ и можно было предположить отсутствіе нѣжной братской привязанности, то его никакъ уже нельзя было заподозрить въ равнодушіи къ своимъ собственнымъ интересамъ. Что же мѣшало ему въ эти послѣдніе два мѣсяца вступить во владѣніе своимъ наслѣдствомъ? Мрачныя предчувствія, волновавшія виконтессу по поводу этого таинственнаго исчезновенія, подтверждались и письмами адвокатовъ. Въ этихъ послѣднихъ то и дѣло намекалось на тѣсныя связи Бичера съ самыми подозрительными личностями между записными посѣтителями конскихъ скачекъ. Всѣмъ были извѣстны его безпорядочный образъ жизни и разорительныя сдѣлки, въ которыя онъ былъ поневолѣ увлеченъ своими стѣсненными денежными обстоятельствами. Очень

естественно было предположить, что человѣкъ въ его положенiи, окруженный такого рода совѣтниками, не отступитъ ни передъ какою сдѣлкою, которая, въ замѣнъ невѣрныхъ благъ, ожидаемыхъ въ далекомъ будущемъ, дала бы ему небольшую, но существенную выгоду въ настоящемъ.

Послѣднее письмо, полученное виконтессою отъ Фордайса содержало въ себѣ слѣдующiя, малоуспокоительныя строки: «Не подлежитъ никакому сомнѣнiю, что мистеръ Бичеръ не преминулъ бы воспользоваться въ самомъ скоромъ времени пр имуществами новаго своего званiя, если бы это только было въ его власти; слѣдовательно наше вниманiе должно быть обращено на тѣ обстоятельства, которыя воспрепятствовали ему тотчасъ же объявить себя виконтомъ Лаккингтономъ. Самонадѣянный тонъ, принимаемый съ нѣкоторыхъ поръ партiей Конуэя, даетъ намъ ключъ къ этой загадкѣ; все, что я узнаю, болѣе и болѣе приводитъ меня къ убѣжденiю, что тутъ состоялась постыдная сдѣлка».

Это-то письмо лежало передъ леди Лаккингтонъ. Она дѣлала видъ, что занята своимъ рукодѣльемъ, и между тѣмъ въ пятидесятый разъ перечитывала неутѣшительныя строки.

— Ну, кто бы повѣрилъ, чтобы въ нашъ вѣкъ, при помощи желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ такъ трудно было отыскать мѣстопребыванiе человѣка! проговорила леди Лаккингтонъ.

— Я право думаю, что онъ убитъ, замѣтила леди Гресъ, придавая своему голосу самую мягкую интонацiю и склоняясь надъ великолѣпнымъ напрестольнымъ покровомъ, который она вышивала.

— Что за нелѣпая мысль! Такое преступленiе тотчасъ же сдѣлалось бы гласнымъ.

Леди Гресъ удовольствовалась вмѣсто отвѣта улыбкою сострадания.

— Я одного не могу понять: какъ вы напали на такое невѣроятное предположенiе, жолчно замѣтила виконтесса.

— Я одно только знаю, моя милая, не далѣе какъ вчера вечеромъ, монсиньоръ увѣрялъ меня, что черезъ Мадзини и черезъ библейскiя общества вы можете подослать убiйцъ къ кому угодно въ Европѣ, да и не въ одной Европѣ. Напрасно вы, милая, такъ презрительно улыбаетесь на эти слова: вспомните, кому они принадлежатъ. «Конечно, добавилъ монсиньоръ:—безумные журналы всегда подоспѣютъ съ своими глупыми толкованiями, приписывая подобнаго рода дѣла то помѣшательству, то политичеекимъ страстямъ; такъ было въ дѣлѣ графа Росса, такъ объясняли убiйство бла-

женной памяти архіепископа Парижскаго; но какой же истинно вѣрующій поддавался на эти басни?»

— Посмотрѣла бы я, какъ бы монсиньоръ пустился со мною въ такіе разговоры, надменно отвѣчала леди Лаккингтонъ.

— Весьма вѣроятно, душа моя, что вамъ онъ этого бы и не сказалъ; эти вещи переданы мнѣ имъ конфиденціально.

— Не въ томъ дѣло, но мнѣ кажется, что онъ не захотѣлъ бы поколебать во мнѣ всякое уваженіе къ его здравому смыслу, поддерживая такія нелѣпости.—Что скажешь, Торнеръ? обратилась она къ своей горничной, вошедшей въ эту минуту.

— Сейчасъ пришли ваши вещи, упакованныя въ четырехъ ящикахъ, миледи. Мистеръ Спайсеръ свидѣтельствуетъ вамъ свое нижайшее почтеніе, и самъ сейчасъ будетъ, онъ только заѣхалъ домой, чтобы переодѣться.

— Не могъ онъ явиться какъ былъ? Какое мнѣ дѣло до его костюма?

— Конечно никакого, миледи, отвѣтила Торнеръ и удалилась.

— Однако онъ поторопился, томно проговорила миледи.—Выѣхалъ онъ отсюда, если не ошибаюсь, восьмого или девятаго; замѣтьте, онъ долженъ былъ распорядиться насчетъ моего траура,—туалетъ мой по этой части былъ въ плачевномъ состояніи,—потомъ съѣздить въ Лаккингтонъ, оттуда въ уэльское графство, наконецъ на островъ Уайтъ, повидаться по этимъ скучнымъ дѣламъ съ адвокатами, и все это онъ успѣлъ обдѣлать въ такой короткій срокъ. Право недурно!

— Надѣюсь, что онъ привезъ съ собою потиръ, со вздохомъ сказала леди Гресъ.

— Надѣюсь, что онъ привезъ собою вѣсти о моемъ любезномъ деверѣ, сказала виконтесса такимъ тономъ, какъ будто желала указать, въ чемъ заключается самый существенный вопросъ.

— А икра? Только бы онъ про икру не забылъ. Монсиньоръ ничего больше не кушаетъ за завтракомъ во время рождественскаго поста.

Презрительное движеніе головы было единственнымъ отвѣтомъ, которымъ леди Лаккингтонъ удостоила эти рѣчи. Помолчавъ немного, она продолжала:

— Право, этотъ Спайсеръ въ своемъ родѣ неоцѣненный человѣкъ, когда выкидываетъ изъ головы свои глупыя конскія скачки.

— Это правда, поддакнула леди Гресъ.

— Впрочемъ у него не одинъ этотъ конёкъ: онъ любитъ кор-

чить изъ себя богача, и что всего смѣшнѣе, воображаетъ себя джентльменомъ. И мысль эта показалась ея сіятельству до того забавною, что она громко расхохоталась.

— Мистеръ Спайсеръ, миледи, доложилъ лакей, широко распахивая двери, и джентльменъ этотъ, безукоризненно одѣтый для утренняго визита, появился въ комнатѣ, расшаркиваясь на каждомъ шагу. Леди Лакингтонъ, послѣ слабой улыбки и вопроса: «какъ ваше здоровье»? указала ему легкимъ движеніемъ руки, на какой именно стулъ онъ долженъ сѣсть; но прежде чѣмъ занять это мѣсто, Спайсеръ отвѣсилъ почтительный поклонъ леди Гресъ, которая съ своей стороны отвѣтила на него ничего невыражавшею улыбкой, и снова погрузилась въ свое рукодѣлье.

— По всему видно, что вы не теряете времени, Спайсеръ, начала леди Лаккингтонъ: — я никакъ не ожидала васъ раньше субботы.

— Я цѣлыхъ шесть ночей не ложился въ постель, миледи.

— За то вы конечно отлично выспитесь сегодня.

— Переѣздъ нашъ черезъ Па-де-Кале былъ ужасный: по причинѣ сильнаго вѣтра онъ продолжался цѣлыхъ восемь часовъ.

— Вамъ пріятнѣе было, я думаю, продолжать путешествіе сухимъ путемъ?

— Какое! миледи, около Ліона вся окрестность была затоплена наводненіемъ и мы принуждены были идти пѣшкомъ цѣлыхъ одинадцать миль по насыпи желѣзной дороги подъ проливнымъ дождемъ. Но это все еще ничего. Когда я переправлялся черезъ Сенъ-Бернаръ...

— Право, я нисколько не интересуюсь подобными страшными происшествіями, я въ газетахъ ихъ всегда пропускала. Скажите лучше, что мой трауръ? Въ модѣ ли крепъ?

— Очень въ модѣ, миледи; его носятъ все больше буфами, вдоль платья.

— Со стеклярусомъ или просто? Вы не знаете, что отвѣчать на это, сэръ; вы, я вижу, забыли узнать про стеклярусъ.

— Нѣтъ, миледи, не забылъ, отвѣчалъ онъ съ торжествующимъ видомъ.—Носятъ тоже черныя бусы на выемкахъ оборокъ и m-me Frantin совѣтовала, основываясь на томъ, что ваше сіятельство терпѣть не можете черный цвѣтъ...

— Но съ чего она взяла, сэръ, что я его терпѣть не могу, перебила виконтесса гнѣвно.

— А скажите, мистеръ Спайсеръ, вы не забыли про икру? пролепетала леди Гресъ.

— Какъ можно забыть, миледи! Только у Фортнёма мнѣ боялись ручаться за ея достоинство: нынѣшній годъ, что-то такое случилось съ рыбою въ Балтійскомъ морѣ,—что именно, не могу доложить вамъ въ точности.

— Обратимся однако, перебила виконтесса:—къ главному дѣлу, по которому вы ѣздили: узнали ли вы что нибудь о моемъ деверѣ?

— Да, миледи, я видѣлъ его въ Кіавеннѣ. Онъ въ одно время съ нами подъѣхалъ къ почтовой станціи перемѣнить лошадей; мы говорили съ нимъ всего нѣсколько минутъ, но я успѣлъ узнать отъ него, что они ѣдутъ въ Римъ.

— Кто это «они», сэръ?

— Лордъ и леди Лаккингтонъ, миледи.

— Стало быть, онъ женатъ? Вы, кажется, сказали, что онъ женатъ, сэръ? воскликнула она, и голосъ ея, вопреки всѣмъ ея усиліямъ, звучалъ, какъ порванная струна.

— Да, миледи, и я имѣлъ честь быть въ нѣкоторомъ родѣ представленнымъ ея сіятельству, которая, долженъ сознаться, необычайно хороша собою...

— Удержите ваши восторги, сэръ; они мнѣ ненужны. И вы положительно знаете, что она жена его?

— Его сіятельство прямо объявилъ мнѣ это, миледи; когда они остановились въ королевской гостиницѣ въ Миланѣ, я воспользовался случаемъ порасспросить ихъ курьера, котораго знавалъ прежде; онъ-то мнѣ все и разсказалъ.

— Продолжайте, сэръ.

— Я узналъ, миледи, что свадьба ихъ состоялась дней за десять или за двѣнадцать до нашей первой встрѣчи. Обрядъ былъ совершенъ въ какомъ-то глухомъ прирейнскомъ мѣстечкѣ, гдѣ мистеръ Бичеръ провелъ цѣлое лѣто и куда по странному случаю до него не дошло извѣстіе о кончинѣ покойнаго лорда; не то, онъ конечно бы не вступилъ въ этотъ несчастный бракъ.

— Почему вы его называете несчастнымъ, сэръ?

— Его иначе и нельзя назвать, миледи; по крайней мѣрѣ, такого мнѣнія будетъ о немъ свѣтъ.

— Кто она такая, сэръ?

— Она дочь человѣка, пользующагося самою громкою худою славою въ цѣлой Англіи,—знаменитаго плута, Грога Девиса.

Эти слова, выговоренныя съ видомъ притворнаго соболѣзнованія, такъ поразили ту, къ которой они обращались, что у нея на нѣсколько минутъ отнялся языкъ. Она набросила себѣ на лицо

носовой платокъ и долго оставалась въ этомъ положенiи. Для мистера Спайсера то была минута высокаго торжества: наконецъ-то ему удалось отомстить ей за всѣ оскорбленiя, на которыя она была такъ щедра въ отношенiи его.

Когда леди Лаккингтонъ отняла платокъ отъ лица, она была блѣдна, какъ смерть, и побѣлѣвшiя губы ея дрожали.—Слышали вы, Гресъ, что сказалъ этотъ человѣкъ? проговорила она такимъ внятнымъ шопотомъ, что его можно было разслышать на противуположномъ концѣ комнаты.

— Какъ же, душа моя, это очень прискорбно.

— Прискорбно! Скажите же, что это позоръ нашему имени! Но вдругъ обратившись къ Спайсеру съ пылающимъ лицомъ и сверкающими глазами, она продолжала:—впрочемъ вы отличаетесь особеннымъ умѣньемъ вѣчно все перепутать, сэръ; быть можетъ, и въ настоящемъ случаѣ вы не разобрали, въ чемъ дѣло: я увѣрена, что она не жена ему.

— Въ одномъ я могу поручиться вамъ, миледи: я навелъ самыя точныя справки по этому дѣлу, и такъ какъ Кюфнеръ, курьеръ, лично находился при бракосочетанiи...

— При бракосочетанiи, перебила она его иронически:—но скажите, сэръ, развѣ такъ избираетъ перъ королевства ту, которая должна дѣлить съ нимъ почести его званiя?

— Но вы забываете, миледи, возразилъ Спайсеръ:—что онъ въ то время еще не зналъ о своемъ перствѣ, опъ и не ожидалъ ничего подобнаго. Старый Грогъ...

— Не забывайте, сэръ, съ кѣмъ вы говорите: эти безцеремонныя прозвища могутъ быть очень умѣстны на конскихъ скачкахъ, но *мой* слухъ прошу пощадить.

— Ну, скажемъ капитанъ, миледи,—онъ равно извѣстенъ подъ обоими именами. Итакъ, капитанъ зналъ объ этомъ и задерживалъ письма, и такъ ловко обработалъ дѣло, что мистеръ Бичеръ въ первый разъ услыхалъ о смерти его сiятельства отъ мистера Твининга, въ Баденѣ.

— А я была увѣрена, что мистеръ Твинингъ въ Алжирѣ, или— какъ бишь? въ Австралiи, нѣжно пролепетала леди Гресъ.

— Но такой бракъ—комедiя, одна пустая комедiя. Онъ расторгнетъ его, ужъ я добьюсь этого,—онъ долженъ его расторгнуть, твердила леди Лаккингтонъ, расхаживая по комнатѣ большими шагами и напоминая собою тигрицу, засаженную въ клѣтку.

— Но, Боже мой, въ томъ-то и бѣда, что браки такъ трудно расторгаются, простонала леди Гресъ. Мистеръ Твинингъ обна-

дежилъ меня было разводомъ, когда вышелъ новый законъ, удешевившій всю процедуру; но теперь онъ говоритъ, что это было не болѣе какъ недоразумѣніе, и что, пока не выйдетъ новаго билля, или постановленія или чего-то въ этомъ родѣ, разводъ останется недоступною роскошью для людей съ ограниченными средствами.

— А я все таки настою на разводѣ, пробормотала леди Лакингтонъ, шагая взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Конечно, для васъ, милая, расходы ничего ровно не значатъ, вздыхая замѣтила леди Гресъ.

— И такъ вы говорите, серъ, продолжала леди Лакингтовъ, что это тотъ самый капитанъ Девисъ, о подвигахъ котораго извѣщаетъ насъ каждый новый нумеръ газетъ?

— Да, миледи, это тотъ самый знаменитый... Онъ чуть было не сказалъ: Грогъ, но во время поправился: капитанъ Девисъ; онъ находился въ теченіе многихъ лѣтъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ теперешнимъ лордомъ Лакингтономъ.

Мистеръ Спайсеръ испытывалъ въ настоящую минуту глубокое наслажденіе; — рѣдко удавалось ему причинить миледи столько страданій съ полною безопасностью для самаго себя. Но удача сдѣлала его неосторожнымъ: леди Лакингтонъ, взглянувъ на него не взначай поймала на лицѣ его выраженіе лукаваго довольства.

— Берегитесь, сэръ, воскликнула она, грозясь на него пальцемъ:—въ вашемъ разсказѣ могутъ отыскаться погрѣшности, — и если это только окажется, мистеръ Спайсеръ, не думаю, чтобы лордъ Лакингтонъ поблагодарилъ васъ за это, а ужъ я-то навѣрное не поблагодарю. И съ этою угрозою леди Лакингтонъ величаво вышла изъ комнаты.

— Вотъ вамъ и благодарность за всю вашу услужливость; — угождайте послѣ этого, не щадя своего живота... Съ такими печальными размышленіями Спайсеръ вышелъ изъ дому и пошелъ бродить по улицамъ. Подойдя къ одной изъ лучшихъ гостинницъ на Piazza di Spagna онъ узналъ дорожный экипажъ Бичера, видимо недавно остановившійся у подъѣзда; курьеръ еще суетился около него, отдавая приказанія повелительнымъ тономъ, какъ и подобало слугѣ такого господина, который имѣлъ полную возможность не стѣсняться ничѣмъ и платить хорошо.

— Очистить весь бельэтажъ, до послѣдней комнаты, Фрейтагъ, кричалъ онъ. Милордъ терпѣть не можетъ, чтобы его безпокоили сосѣди.

— Помнится, въ былыя времена онъ не былъ такъ прихот-

ливъ, подумалъ Спайсеръ про себя; случалось ему живать и въ одной комнатѣ самъ третій.

— Мистеръ Спайсеръ, мое почтенье! Милордъ говорилъ мнѣ, чтобы, въ случаѣ я васъ встрѣчу, я передалъ вамъ, что онъ желаетъ васъ видѣть.

— И ты думаешь, Кюфнеръ, что онъ можетъ принять меня теперь?

— Постойте, я пойду узнаю.

Мистеръ Кюфнеръ не замедлилъ воротиться и, сдѣлавъ Спайсеру знакъ, чтобы онъ за нимъ слѣдовалъ, повелъ его въ комнату лорда Лакингтона.—Онъ теперь одѣвается къ обѣду, но васъ онъ приметъ, прибавилъ онъ, отворяя передъ нимъ дверь.

Благородный виконтъ стоялъ передъ зеркаломъ и съ озабоченнымъ видомъ повязывалъ себѣ галстухъ; появленіе Спайсера не отвлекло его отъ этого занятія: не оборачиваясь къ нему, онъ только сказалъ:—отыщите себѣ, Спайсеръ, гдѣ нибудь стулъ и садитесь.

Но сказать это было легче, чѣмъ сдѣлать: комната была завалена тѣми роскошными бездѣлюшками, которыя въ нашъ изнѣженный вѣкъ сдѣлались принадлежностями мужского туалета; кромѣ того, всюду были разбросаны самыя дорогія и самыя разнообразныя одежды. Спайсеръ предпочелъ стать у камина и облокотиться о него въ такой неопредѣленной позѣ, которую, смотря по надобности, можно было передѣлать въ почтительную или безцеремонную.

— Давно ли вы пріѣхали? спросилъ милордъ.

— Часа два тому назадъ, было короткимъ отвѣтомъ. Бичеръ сдѣлалъ движеніе, чтобы взглянуть на человѣка, говорившаго съ нимъ такъ непочтительно, и глаза ихъ встрѣтились тутъ въ первый разъ. Спайсеръ видимо расчитывалъ наглымъ напоминовеніемъ Бичеру прежнихъ ихъ короткихъ отношеній возстановить это панибратство и на будущія времемена; но Бичеръ твердо положилъ не допускать этого и придалъ своему спокойному, упорному взгляду столько надменной рѣшимости, что Спайсеру стало неловко, и онъ нашелся вынужденнымъ понизить тонъ.

— Быть можетъ, и цѣлыхъ три часа будетъ, милордъ, поправился онъ какъ-то суетливо. Бичеръ отвернулся съ презрительнымъ подергиваньемъ губы, какъ будто хотѣлъ сказать: скоро же ты спасовалъ, пріятель. Спайсеръ подмѣтилъ это движеніе и поклялся отомстить за него.

— А я было думалъ, что вы пріѣдете сюда двумя или тремя днями раньше, небрежно проговорилъ Бичеръ.

— Плестись съ веттурино не то что скакать на почтовыхъ, милордъ, раболѣпно отвѣчалъ Спайсеръ.—Вамъ ни почемъ отмахать сто миль между завтракомъ и позднимъ обѣдомъ, мы же рады-рады были, когда намъ удавалось угнать миль сорокъ отъ солнечнаго восхода и до поздней ночи.

— Это правда, сказалъ, зѣвая, Бичеръ:—пренесносная должна быть эта ѣзда съ веттурино.

— Никто не можетъ это вамъ такъ хорошо засвидѣтельствовать, какъ тесть вашъ, милордъ. Онъ немало-таки изъѣздилъ на своемъ вѣку такимъ образомъ. Помню, какъ-то, — дѣло было зимою и только-что вывалилъ глубокій снѣгъ,—мы выѣхали изъ Брюсселя вчетверомъ: Берингъ, Ганъ, Фискъ, Грогъ и я.

— Я не любопытствую знать ваши приключенія и попросилъ бы васъ называть моего тестя Капитаномъ Девисомъ, избѣгая всякихъ прозвищъ.

— Клянусь честью, милордъ, слово это нечаянно сорвалось у меня съ языка. Но это все еще ничего,—не далѣе какъ сегодня, оно сорвалось у меня еще болѣе неловкимъ образомъ въ присутствіи леди Лаккингтонъ,—я хочу сказать, вдовы.

— Но какой же поводъ, сэръ, имѣли вы упоминать о капитанѣ Девисѣ въ ея просутствіи? гнѣвно спросилъ Бичеръ.

— Она прямо спросила у меня, милордъ, какое имя носила миледи до замужества и кто ея родные. На это я долженъ былъ отвѣтить, что о родныхъ ея никогда не слыхалъ, а знаю только ея отца, извѣстнаго въ просторѣчьи подъ именемъ Грога, человѣка знакомаго каждому любителю конскихъ скачекъ.

— Вы злой негодяй, Спайсеръ, проговорилъ Бичеръ, блѣдныя щеки котораго дрожали отъ волненія.

— Ну, этого я не думаю, милордъ, отвѣчалъ Спайсеръ съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Покрайней мѣрѣ не такая слава идетъ про меня въ свѣтѣ. Что же касается нынѣшняго нашего разговора съ миледи, то я съ своей стороны сдѣлалъ все, что могъ, во избѣжаніе затрудненій. Я сказалъ ей, что Брайтонское дѣло въ настоящую минуту почти забыто, такъ какъ съ тѣхъ поръ прошло цѣлыхъ 18 лѣтъ; я увѣрилъ ее, что вопросъ о смерти Чарльза Герберта не рѣшенъ и по сію пору окончательно, и что многіе положительно увѣряютъ, будто бѣдный Чарльзъ ударилъ Грога; наконецъ я внушилъ ей, что хотя судебное слѣдствіе въ Іоркѣ дѣйствительно надѣлало много шуму... Полноте, ми-

лордъ, не глядите на меня такъ гнѣвно, вѣдь я невиноватъ, что дѣла эти подверглись такой огласкѣ.

— Но вамъ ли говорить про капитана Девиса? Сами-то вы что такое? Не вѣкъ ли вы служили у него на посылкахъ, исполняя тѣ дѣла, которыми онъ пренебрегалъ заняться самъ?

Это выраженіе пламеннаго негодованія, столь необычайное въ Бичерѣ, произвело на Спайсера потрясающее дѣйствіе: онъ глядѣлъ на своего противника съ какимъ-то смѣшеніемъ страха и злобы.

— Я утверждаю, мистеръ Спайсеръ, продолжалъ Бичеръ съ возрастающимъ гнѣвомъ: — что если бы вы не были увѣрены, что нѣсколько тысячъ миль лежитъ между вами и Девисомъ, вы никогда бы не посмѣли такъ отзываться о немъ. Но я могу порадовать васъ извѣстіемъ, что дня черезъ два онъ будетъ здѣсь.

— Но я не сказалъ о немъ ни слова, которое не подтверждалось бы въ газетахъ, отвѣчалъ Спайсеръ угрюмо.

— Вотъ погодите, когда онъ потребуетъ васъ къ отвѣту,—то или я очень ошибаюсь, или сами вы доставите содержаніе лишнему параграфу въ дневникѣ происшествій.

Спайсеръ поморщился; онъ сдѣлалъ движеніе рукою, чтобы поправить свой галстухъ, потомъ рванулъ свою перчатку. Но ничто не помогало: онъ замѣтно дрожалъ съ головы до ногъ.

— Я его не хуже вашего знаю, милордъ, заговорилъ онъ наконецъ, теряя терпѣнье:—и я знаю кромѣ того, что болѣе чѣмъ на половину континента онъ не смѣетъ носу показать.

— Быть можетъ, и этотъ фактъ вы поспѣшили довести до свѣдѣнья моей невѣстки? иронически спросилъ Бичеръ.

— Нѣтъ, объ этомъ я ничего не говорилъ, пробормоталъ тотъ.

Послѣдовала пауза, впродолженіе которой каждый выжидалъ со стороны противника малѣйшей попытки примиренія, чтобы съ своей стороны отвѣтить тѣмъ же. Хотя съ обѣихъ сторонъ не существовало и тѣни дѣйствительнаго расположенія, тѣмъ не менѣе оба хорошо усвоили себѣ ту мудрость, которая совѣтуетъ плутамъ держаться другъ за друга.

Послѣ долгаго раздумья съ обѣихъ сторонъ, Бичеръ наконецъ проговорилъ: Что оставилъ вамъ покойный братъ въ своемъ завѣщаніи?

— Уздечку и два кнута, милордъ.

— Добрый братъ! Онъ никого не забывалъ, сказалъ Бичеръ, вздохнувъ.

— Память у него, точно, была удивительная, милордъ: лѣтъ десять тому назадъ я занялъ у него двадцать фунтовъ на кентерберійскія скачки: и что же бы вы думали? Передъ самою своею болѣзвью онъ сказалъ мнѣ: Не безпокойся объ этой пустой суммѣ, которую ты мнѣ долженъ, Спайсеръ: я не возьму ее назадъ.

— Добрый, великодушный милый! проговорилъ Бичеръ.

У Спайсера немного подергивало ротъ, но онъ промолчалъ.

— Такъ-то, пріятель, вдругъ началъ Бичеръ, дружески потрепавъ его по плечу; не слѣдовало вамъ говорить всего этого Джорджіанѣ; изъ такой болтовни бываетъ мало проку.

— Клянусь вамъ, милордъ, если я и говорилъ что, то у меня были при этомъ самыя благія намѣренья; я разсудилъ, что ея сіятельство все равно узнаетъ объ этомъ—и потому лучше уже я теперь представлю ей все дѣло по возможности въ мягкомъ, примирительномъ свѣтѣ.

— Полноте, полноте, Спайсеръ, — не лгите, знаемъ мы, какъ вы станете хлопотать о мягкости и примирительности въ отношеніи миледи. Ну, да что говорить — дѣло сдѣлано и его перемѣнить нельзя—и тутъ онъ испустилъ тяжелый вздохъ. Немного помолчавъ онъ продолжалъ: Какъ приняла она это извѣстіе?

— Сначала, милордъ, она ему вѣрить не хотѣла и только и знала что повторяла: она не жена ему; я говорю вамъ, что они не женаты.

— Ну. а потомъ?

— А потомъ, милордъ, я увѣрилъ ее, что относительно этого факта не можетъ оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія, что ваше сіятельство сами удостоили меня чести быть представленнымъ...

— Положимъ, что представлять то васъ я и не думалъ, мистеръ Спайсеръ, и вы сами это очень хорошо знаете. Ну, да у васъ ложь поперегъ горла не станетъ.

— Какъ бы то ни было я заставилъ ее повѣрить, что вы женаты, и притомъ, на дочери человѣка, который не задумался бы сжить васъ со свѣта, если бы вы осмѣлились набросить хоть тѣнь сомнѣнія на дѣйствительность брака.

— Вотъ ужъ подлинно, что онъ не задумался бы, воскликнулъ Бичеръ, съ полною готовностью подтверждая такой важный фактъ:—ну, какъ же приняла она это?

— Она не отвѣчала ни слова, только раскачивалась изъ сто-

роны въ сторону, точно у нея душа съ тѣломъ разставалась.— И точно, — она была блѣдна какъ смерть. Потомъ она нѣсколько разъ вздохнула полной грудью и проговорила: «это всего хуже! Наконецъ, она оправилась и тутъ уже, нечего сказать, порядкомъ досталось вашему сіятельству; но припѣвъ у нея оставался одинъ и тотже: «онъ долженъ расторгнуть этотъ бракъ, я настою, чтобы онъ расторгнулъ его, хотя бы самъ архіепископъ кентерберійскій совершилъ надъ ними обрядъ.»

— Все это хорошо говорить, мистеръ Спайсеръ, но вѣдь бракъ не такое дѣло, чтобы въ немъ можно было воротиться назадъ.— Что говорить— если бы оно было возможно,—добавилъ онъ про себя. Жаль что у васъ не достало находчивости и смѣлости сказать ей что это *мое* дѣло, а не ея. Что же касается до чести Лакингтоновъ и тому подобнаго, то вѣдь она столько же имѣетъ въ себѣ лакингтоновской крови, сколько и вы. Правда, она сама изъ знатнаго рода, — но все же, она не изъ нашихъ и вамъ бы слѣдовало напомнить ей объ этомъ.

— Признаюсь, у меня не стало бы на это духу; вѣдь у меня далеко нѣтъ вашей прыти, милордъ, отвѣчалъ Спайсеръ съ притворнымъ сожалѣніемъ.

— Да и у многихъ ли она есть, Спайсеръ, вы мнѣ вотъ что скажите? — И самодовольное сознаніе собственныхъ блестящихъ дарованій заставило Бичера тотчасъ же позабыть все, что еще не за долго передъ тѣмъ возбуждало его досаду.—Мы обѣдаемъ въ семь часовъ, Спайсеръ, заключилъ онъ; приходите къ этому времени и я представлю васъ миледи. Она найдетъ васъ забавнымъ.—Что то странное было въ этихъ послѣднихъ словахъ, но мистеру Спайсеру не заблагоразсудилось придать имъ особенную важность: онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые подъ часъ и ставятъ ни во что хлѣбъ съ масломъ, но за то отнюдь не пренебрегаютъ трюфелями,—для этого они слишкомъ себѣ на умѣ.

ГЛАВА XVI.

Двѣ виконтессы.

Спровадивъ Спайсера, новый виконтъ отправился съ визитомъ къ своей невѣсткѣ. Читатель, если онъ только слѣдилъ за ходомъ нашего повѣтствованія, легко догадается, что не слишкомъ охотно приступалъ нашъ герой къ исполненію лежавшей на немъ обязанности. Напрасно старался онъ придать себѣ бодрости, повторяя про себя разныя общія мѣста, въ родѣ слѣдующихъ: она надо мною не опекунша, я не обязанъ отдавать ей отчетъ въ своихъ поступкахъ и далѣе, въ томъ же тонѣ. Онъ уже начиналъ задавать себѣ вопросъ: «да дѣйствительно ли ужъ такъ необходимо ему подвергаться свиданію, которое грозитъ такими непріятностями? Не лучше ли написать ей письмо или послать Лицци, велѣвъ сказать, что я боленъ и лежу въ постели?—То то бы я думаю пустилъ я брандера! хоть бы однимъ глазкомъ взглянуть мнѣ, какъ онѣ сцѣпятся другъ съ другомъ! Что побѣда осталась бы за Джорджіаной — это вѣрно; въ качествѣ grande dame она обладаетъ столькими преимуществами, что полувоспитанная дѣвчонка противъ нея не устояла бы. — А все же дѣло не обошлось бы безъ борьбы—и очень даже ожесточенной; Лицци по своему тоже баба не промахъ и ей недостаетъ только внѣшней полировки; о, кабы не это... На этомъ мѣстѣ оборвались его размышленія, потому что въ эту самую минуту онъ подъѣхалъ къ дому, въ которомъ жила его невѣстка. Съ какою-то тупою рѣшимостью дернулъ онъ за звонокъ — и вошелъ: ея сіятельство одѣвалась, но черезъ минуту должна была выдти. И дѣйствительно, дверь вскорѣ отворилась и миледи показалась на порогѣ. Онъ поспѣшилъ къ ней на встрѣчу и привѣтствовалъ ее поцѣлуемъ въ обѣ щеки. Въ этой первой встрѣчѣ обѣ стороны лицемѣрили. Усѣвшись рядомъ на диванѣ и онъ и она хранили въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ глубокое молчаніе; наконецъ, она сказала ровнымъ, тихимъ голосомъ: — Мы надѣялись увидѣть васъ гораздо ранѣе — *онъ* нетерпѣливо ожидалъ вашего пріѣзда.

Бичеръ испустилъ глубокій вздохъ; эта злополучная просрочка была тѣсно связана съ повѣстью остальныхъ его бѣдствій: а какъ приступить къ этому разсказу?

— Я писала вамъ не менѣе пяти писемъ, продолжала она: — частью адресуя ихъ къ Фордайсу, частью же къ мистеру Девенпортъ-Дённу.

— Ни одно изъ нихъ до меня не дошло.

— Странно, очень странно, проговорила она съ улыбкой легкаго недовѣрія:—въ наше время письма такъ рѣдко пропадаютъ. Но, что еще удивительнѣе, это то, что никто изъ другихъ вашихъ корреспондентовъ не извѣстилъ васъ о состояніи здоровья вашего брата. Времени на это, кажется, было довольно.

— Я ничего не зналъ. Даю вамъ честное слово, что я не имѣлъ ни о чемъ ни малѣйшаго подозрѣнія.

— Въ наши дни, при быстротѣ телеграфическихъ сообщеній, какъ бы, кажется, могло опоздать извѣстіе; а я писала Фордайсу, пустить въ ходъ всевозможныя средства, чтобы извѣстить васъ о случившимся.

— Мнѣ остается только повторить уже разъ сказанное; я ни о чемъ не зналъ до пріѣзда своего въ Баденъ, гдѣ случайно встрѣтилъ Твининга...

— Спайсеръ мнѣ обо всемъ разсказалъ, прервала она его тутъ, какъ бы желая избѣжать дальнѣйшихъ безполезныхъ разглагольствованій. — Я тѣмъ болѣе нетерпѣливо ожидала вашего пріѣзда, что надо же было вамъ принять какія нибудь мѣры въ виду грозящаго намъ процесса. Уже были публикаціи о предстоящей тяжбѣ и большой ущербъ нанесенъ нашему дѣлу отсутствіемъ всякихъ инструкцій съ вашей стороны.

— Такъ дѣло и впрямъ затѣвается не на шутку, Джорджіана? спросилъ онъ непритворно встревоженнымъ голосомъ.

— Если вы возьмете на себя трудъ прочитать два послѣднихъ письма отъ Фардайса — правда, они очень длинны и не совсѣмъ понятны, — то вы увидите по крайней мѣрѣ, что его личное мнѣніе далеко для насъ не успокоительно. Дѣло въ томъ, что онъ считаетъ помѣстья въ Англіи безвозвратно потерянными для насъ.

— О Джорджина милая! Неужели и вы того же мнѣнія?

— Что касается ирландской бароніи, а также кое какихъ земель въ Коркѣ, то на нихъ не изъявлено притязаній со стороны нашихъ противниковъ. Само собою, тоже разумѣется, что они

не имѣютъ никакого права на помѣстья, купленныя лордомъ Лакингтономъ черезъ посредничество мистера Дённа.

— Но титулъ?

— Виконтство отходитъ вмѣстѣ съ англійскими владѣніями.

— Боже правый! Мы пользовались этимъ титуломъ со временъ Эдуарда третьяго и никто до сихъ поръ не думалъ его оспаривать у насъ! Я просто не могу освоиться съ этою мыслью.

— Какъ бы велики ни были превратности житейскія, ихъ можно переносить съ достоинствомъ тамъ, гдѣ наша совѣсть ни въ чемъ насъ не упрекнетъ, проговорила она многозначительно и строго.

— Къ сожалѣнію, я не могу похвастаться такимъ же философскимъ взглядомъ, возразилъ онъ колко.

— Тѣмъ хуже — вамъ онъ нужнѣе, чѣмъ даже мнѣ, если только все слышанное мною справедливо.

Намекъ былъ ясенъ и Бичеръ колебался только, вступить ли ему тутъ же въ бой или дождаться вторичнаго вызова.

— Излишне и говорить, продолжала она:—что большимъ утѣшеніемъ было бы для меня въ эту годину испытанія, если бы вы могли доказать, что донедшіе до меня слухи не болѣе какъ выдумка и клевета.

— Говорите же, Джорджина, прямо, если хотите, чтобы я понималъ васъ.

— Вы женаты, Аннесли? спросила она его вдругъ.

— Да, и думаю, что въ мои годы позволительно вступить въ бракъ не спрашивая на то согласія родственниковъ.

— Такъ это стало быть правда? проговорила она, понижая голосъ.

— Совершенная правда. Что же далѣе? — И въ вопросѣ его звучала вызывающая интонація, которая еще болѣе раздражала ее.

— Что же далѣе? Что же далѣе? повторила она за нимъ:—вы конечно хотите сказать: чѣмъ все это кончится?

Бичеръ краснѣлъ и блѣднѣлъ попеременно, обуреваемый то страхомъ, то негодованіемъ; но онъ не отвѣчалъ ни слова.

— Но дѣйствительно ли это бракъ? воскликнула она: — или только комедія, разыгранная разстриженнымъ попомъ въ угоду честолюбивымъ плутамъ? О Аннесли, разскажите мнѣ откровенно, какими интригами притянули они васъ къ этому позорному дѣлу?— И въ голосѣ ея звучала томящая нѣжность, которая тронула его на минуту; но въ немъ тотчасъ же воспрянуло чувство оскорбленнаго достоинства, и онъ отвѣчалъ:

— Я не могу допустить васъ продолжать въ этомъ тонѣ; бракъ мой—дѣйствительный, законный бракъ и леди, раздѣляющая мою участь, такая же виконтесса Лаккингтонъ, какъ и вы сами.

Она закрыла лице руками и оставалась такъ впродолженіи нѣсколькихъ минутъ.

— Быть можетъ оно и къ лучшему, проговорила она тихо, но внятно.—Потеря сана, имени и общественнаго положенія тѣмъ легче отзовется на томъ, кто ничего этого не умѣлъ поддержать съ достоинствомъ.

— И въ эту то самую минуту, воскликнулъ онъ съ жаромъ:— когда мнѣ грозитъ потеря титула и потеря имущества, вы ничего лучшаго не можете придумать, какъ осыпать меня оскорбленіями?

Поразила ли ее рѣшительность тона, или справедливость словъ, только она приняла этотъ укоръ почти съ покорностью.

— Вы должны немедленно отправиться въ Англію, Бичеръ, продолжала она уже спокойнымъ тономъ.—Вы тотчасъ же должны призвать на помощь Фордайса и обратиться за совѣтомъ къ лучшимъ адвокатамъ.

— Я исполню все, что вы мнѣ совѣтуете, Джорджіана, отвѣчалъ Бичеръ, подсаживаясь къ ней поближе на диванъ.—Если вы находите, что мнѣ необходимо побывать въ Англію, я ѣду туда, не теряя ни минуты.

— Да, ваше присутствіе необходимо въ Лондонѣ; тамъ вы имѣете, въ случаѣ надобности, возможность ежедневно, ежчасно совѣщаться съ адвокатами; но вы уже напередъ должны предоставить рѣшеніе спора между вами и вашими противниками одному закону. Я не могу, не хочу вѣрить, чтобы ваши права были недѣйствительны. Я убѣждена, что палата перовъ не откажется принять подъ свою защиту признаннаго своего сочлена противъ притязаній неизвѣстнаго соперника, но это сочувствіе только до тѣхъ поръ останется на вашей сторонѣ, пока сами вы останетесь вѣрны самому себѣ. Вы его лишитесь, какъ скоро дадите обольстить себя предложеніемъ сдѣлки. Вотъ почему, Аннесли,—тутъ она понизила голосъ, видимо придавая болѣе вѣса своимъ послѣдующимъ словамъ:—вотъ почему я совѣтовала бы вамъ отправиться въ Англію одному; не надо, чтобы посторонніе вліянія мѣшали вамъ хладнокровно и спокойно обсуждать дѣло; пусть одни адвокаты знаютъ о вашемъ мѣстопребываніи, — не допускайте къ себѣ, кромѣ ихъ, никого.

— Итакъ, вы думаете, что мнѣ всего лучше ѣхать безъ жены?

— Да! отвѣчала она холодно.—Если она поѣдетъ съ вами, то отецъ ея и знакомые, съ которыми она, конечно, будетъ переписываться, узнаютъ, гдѣ вы находитесь, и обступятъ васъ съ своими предательскими совѣтами. Этого всего болѣе надо избѣгать.

— Но какъ же это устроить, леди Джорджана? Не можетъ же она, покуда я буду въ Англіи, оставаться здѣсь въ гостинницѣ?

— А почему же бы и нѣтъ? Конечно, не имѣя чести быть лично знакомой съ леди Лаккингтонъ, я не могу угадать причины, дѣлающей это невозможнымъ. Молода она?

— Ей еще нѣтъ двадцати лѣтъ.

— Конечно, хороша собою? продолжала она съ едва замѣтнымъ надменнымъ подергиваніемъ губъ.

— Очень хороша — въ полномъ смыслѣ слова красавица, отвѣчалъ онъ безъ всякой, впрочемъ, восторженности.

Леди Лаккингтонъ подумала съ минуту; она видимо рѣшала въ умѣ своемъ трудную задачу, отвѣчая на вызванныя ею же самою возраженія, по мѣрѣ того, какъ онѣ возникали въ ея умѣ. Она проговаривалась отрывистыми словами:

— Конечно опасно... особенно въ Римѣ... Но, опять таки, ѣхать ей въ Англію... объ этомъ нечего и думать: ея родственники... такъ пусть ужъ лучше... дѣлать нечего... — И вдругъ обратившись къ Бичеру съ рѣшительнымъ видомъ, она объявила: «До вашего возвращенія она останется со мною». — Прежде нежели онъ успѣлъ опомниться отъ изумленія, она добавила: пріѣзжайте оба сегодня вечеромъ къ чаю; вы меня познакомите съ нею.

Бичеръ молча пожалъ ей руку, какъ бы не находя словъ для выраженія своей благодарности. Въ сущности же онъ рѣшительно терялся въ виду новыхъ возникавшихъ въ его положеніи трудностей.

— Мы рано будемъ у васъ, воскликнулъ онъ и удалился.

Лицци равнодушно узнала о томъ, что они приглашены виконтессою къ чаю. То немногое, что она по наслышкѣ знала о ея сіятельствѣ, не располагало ее ожидать особеннаго удовольствія отъ этой встрѣчи.

Между тѣмъ во всѣхъ пріемахъ ея мужа проглядывала какая-то тревожная озабоченность, показывавшая, что предстоящее свиданіе имѣетъ въ глазахъ его большую важность, чему она рѣшительно не могла сочувствовать. Онъ то и дѣло возвращался

въ разговорѣ къ «понятіямъ Джорджіаны» о томъ или о другомъ предметѣ, и, относясь къ нимъ съ виду полунасмѣшливо, выказывалъ между тѣмъ, что въ душѣ благоговѣетъ передъ ними. Онъ простеръ даже свою заботливость на нарядъ Лицци, и сказалъ ей, чтобы она обратила на него по возможности строгое вниманіе.

Чего бы не далъ Бичеръ въ ту минуту, какъ она катила въ каретѣ, за смѣлость прочитать ей наставленіе, дать ей совѣтъ. Но у него не доставало духу вымолвить слово, и она съ своей стороны молчала.

Я не берусь рѣшить, какого рода представленіе составила себѣ леди Джорджіана о своей невѣсткѣ; дѣло въ томъ, что воображеніе рисовало ей не одинъ, а нѣсколько портретовъ одной и той же личности; самыя противуположныя черты чередовались въ этихъ произвольныхъ представленіяхъ — дерзость и скромность, смѣлость и застѣнчивость, наивность и развязность,—и она еще не рѣшила, на которой изъ нихъ остановиться въ своихъ ожиданіяхъ, когда Лицци вошла. — При видѣ ея леди Джорджіана такъ поражена была удивленіемъ, что въ смущеніи пошла къ ней на встрѣчу и, взявъ ее за руку, повела къ дивану, на которомъ усадила рядомъ съ собою.

Пока происходилъ между ними обмѣнъ обычныхъ вступительныхъ общихъ мѣстъ, каждая съ своей стороны внимательно всматривалась въ другую. Какіе выводы и соображенія были результатомъ этого взаимнаго осмотра, мы не беремся рѣшить, однѣ женщины обладаютъ тайною этихъ массонскихъ знаковъ; съ помощью которыхъ распознаваніе характера такъ же легко дается имъ какъ оцѣнка кружевной оборки. Если леди Джорджіана была поражена красотою своей невѣстки, то не менѣе поразила ее изящное спокойствіе, благородная красота,—результатъ высшаго искусства, которыя дышали въ каждомъ ея движеніи, каждомъ словѣ. Гдѣ могла она перенять все это? Какъ усвоила она себѣ это тонкое остроуміе, которое искрится игриво, но не ослѣпляетъ? Кто научилъ ее вкладывать въ каждое свое слово это желаніе понравиться, которое имѣетъ для слушающаго такую силу? Ея сіятельство терялась въ догадкахъ, стараясь объяснить себѣ эту тайну.

— Скоро ли кончится мое испытаніе? шепнула между тѣмъ Лицци своему мужу, проходившему мимо ея: — Я бы охотно съ разу подверглась осужденію, лишь бы избавиться отъ дальнѣйшаго допроса.

Взглядъ, умолявшій объ осторожности, былъ единственнымъ его отвѣтомъ.

Хотя леди Лаккингтонъ не могла разслышать изъ сказаннаго ни одного слова, тѣмъ не менѣе она догадалась, въ чемъ приблизительно дѣло, и по губамъ ея пробѣжала дрожь нетерпѣнія, когда она обратилась къ Бичеру:

— Говорили ли вы леди Лакингтонъ о нашихъ планахъ относительно ея на время вашего отсутствія?

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ онъ неохотно и отошелъ въ сторону.

— Надѣюсь, что вы одобрите наши намѣренія, начала леди Джорджіана почти холодно.—Бичеру необходимо отправиться на нѣсколько недѣль въ Англію, а такъ какъ для васъ неудобно и неприлично было бы проживать все это время одной въ гостинницѣ, то мы нашли, что всего лучше будетъ вамъ переѣхать ко мнѣ.

Лицци только взглянула на Бичера, но во взглядѣ этомъ ясно выражался вопросъ: И это *ваше* рѣшеніе? — Онъ отвернулся и молчалъ.

— Впрочемъ, продолжала леди Лаккингтонъ:—если кто нибудь изъ членовъ вашего собственнаго семейства можетъ пріѣхать сюда, и вы предпочтете его общество, то и того лучше. Такъ какъ же?

— Объ этомъ нечего и думать, миледи, отвѣчала Лицци: — Отецъ мой въ настоящую минуту задержанъ важными дѣлами.

— О, я не имѣю въ мысляхъ именно вашего отца — у васъ могутъ быть сестры?

— У меня ихъ нѣтъ.

— Или, можетъ статься, тетушка?

— Я по крайней мѣрѣ никогда не слыхала объ этомъ

— Лицци, какъ вамъ, Джорджіана, извѣстно, вступился Бичеръ, и голосъ его дрожалъ: — Лицци была воспитана за границей,—она ни разу не видала своихъ родственниковъ.

— Какъ это странно! И какъ досадно, что это такъ! проговорила миледи тономъ презрительнаго сожалѣнія.

— Ваше сіятельство, быть можетъ, еще болѣе удивитесь, если я скажу вамъ, что даже никогда ни о комъ изъ нихъ не слыхала.

— Во всякомъ случаѣ я не вижу, чтобы тутъ было чѣмъ гордиться, отвѣчала леди Лаккингтонъ въ отмщеніе за вызывающій взглядъ своей собесѣдницы.

— Смѣю увѣрить ваше сіятельство, что вы ошибаетесь, приписывая мнѣ подобныя чувства. Мнѣ нечѣмъ гордиться.

— Но, кажется, настоящее ваше положеніе, леди Лаккингтонъ, могло бы внушить вамъ законную гордость.

— До сихъ поръ оно мнѣ еще не внушало ея, миледи. Мое знакомство съ благороднымъ сословіемъ, въ которое я только что вступила, слишкомъ кратковременно, а потому слишкомъ поверхностно. Быть можетъ, время пополнитъ этотъ недостатокъ.

— Однако, насмѣшливо замѣтила леди Джорджіана:—не бездѣлица изъ миссъ Девисъ сдѣлаться виконтессою Лаккингтонъ.

— Когда перемѣна эта сдѣлается болѣе осязательною, тогда, конечно, миледи, она принесетъ свои плоды, неустрашимо отвѣчала Лицци.—Но для этого надо, чтобы, выслушивая намеки на мое происхожденіе, — намеки, полные завистливой злобы, я съ гордымъ самообладаніемъ могла встрѣчать эти попреки въ томъ, что не моя вина, а дѣло случая, и въ душѣ сознавала себя равною тѣмъ, которые хотѣли бы унизить меня. Тогда, конечно, мнѣ будетъ чѣмъ гордиться.

— Но этому, по всѣмъ вѣроятіямъ, никогда не бывать, холодно замѣтила леди Джорджіана.

— Очень можетъ быть, что вы правы, миледи. Съ моей стороны не было потрачено никакихъ усилій, чтобы занять то положеніе, которое вы цѣните такъ высоко; никакихъ усилій не потребуется и на то, чтобы обойтись безъ выгодъ, сопряженныхъ съ нимъ.

— Философія, по истинѣ, изумительная въ такой молоденькой женщинѣ! Я убѣждена, что лордъ Лаккингтонъ не подозрѣвалъ, что жена его окажется воплощенною мудростью. Впрочемъ, это быть можетъ наслѣдственная черта.

— Дѣйствительно, миледи, отецъ мой выказалъ много мудрости, предупредивъ меня заранѣе о томъ пріемѣ, который ожидаетъ меня среди моей новой обстановки; только въ своемъ незнаніи большаго свѣта, онъ предостерегалъ меня противъ скрытыхъ оскорбленій—не противъ явныхъ дерзостей. Что до меня касается, я, какъ истая плебейка, предпочитаю послѣднія; по крайней мѣрѣ изъ нихъ я вижу, что враги мои не такъ-то опасны.

— Ваши слова убѣждаютъ меня, что совершенно напрасно было бы предлагать мое покровительство особѣ, обладающей такою житейскою опытностью.

— По крайней мѣрѣ ваше сіятельство можете изъ нихъ заключить, что я и не приняла бы этого покровительства.

— Но, Лицци, милая, опомнись, что ты говоришь! Леди Джорд-

жіана можетъ доставить тебѣ такое положеніе въ обществѣ, какого никто другой тебѣ не доставитъ.

— Я и сама съумѣю поставить себя въ обществѣ, безъ посторонней помощи.

— Точь въ точь какъ отецъ ея, мистеръ Грогъ, не задумался бы всѣми неправдами проложить себѣ дорогу къ цѣли, проговорила леди Джорджіана шопотомъ, но такъ, чтобы Лицци могла ее разслышать.

— Ваше сравненіе не совсѣмъ удачно, миледи, замѣтила Лицци, улыбаясь:—но, признаюсь, имѣя подъ рукою образчики тѣхъ дарованій, которымъ рукоплещитъ свѣтъ, я не отчаяваюсь за себя. Вѣдь я слышала, продолжала она, притворяясь простодушной:—что ваше сіятельство имѣли рѣдкій успѣхъ въ обществѣ?

Леди Лаккингтонъ поднялась съ своего мѣста и уставила на Лицци нагло оскорбительный взглядъ. Потомъ она вдругъ отвернулась и шепнула что-то на ухо Бичеру.

— Какъ бы то ни было, пробормоталъ онъ:—не она начинала. Надѣвай свою шаль, Лицци, продолжалъ онъ громко:—сестра моя рано ложится въ постель и намъ не слѣдуетъ нарушать ея привычки.

Леди Лаккингтонъ и Лицци церемонно раскланялись другъ передъ другомъ, ни дать ни взять, какъ актрисы въ высокой комедіи; казалось, каждая хотѣла превзойти свою соперницу въ почтительности и чинности поклона.

— Ну, надѣлала же ты бѣдъ! воскликнулъ Бичеръ, когда она очутилась на улицѣ:—Джорджіана по гробъ этого не забудетъ.

— Если бы она даже забыла, я постаралась бы освѣжить ей память, отвѣчала Лицци смѣясь. И мягко звучалъ ея хохотъ, какъ будто она вѣкъ не знавала заботы.

— Мнѣ нужно завтра отправиться въ Англію, угрюмо проговорилъ Бичеръ, когда они подъѣхали къ гостинницѣ.

Слова эти были сказаны съ тѣмъ, чтобы вызвать отвѣтъ, но никакого отвѣта не воспослѣдовало.

— По всѣмъ вѣроятіямъ, я пробуду нѣсколько недѣль въ отлучкѣ, продолжалъ онъ.

И на это она промолчала, внимательно продолжая разсматривать корону, вышитую на углу ея платка.

— Такъ какъ обстоятельства требуютъ, — такъ какъ я буду принужденъ ѣхать одинъ, а для молодой женщины, только что вышедшей замужъ, въ высшей степени неприлично оставаться жить въ гостинницѣ, совершенно одной, особенно въ томъ об-

щественномъ положенiи, которое вы занимаете,—то мы думали... т. е. мы съ Джорджiаной рѣшили, чтобы вы это время пробыли у нея.

Лицци только улыбнулась, то что означала это странная улыбка, этого никакъ не могъ рѣшить Бичеръ.

— Въ этомъ отношенiи представляется только одно затрудненiе, продолжалъ онъ:—и, такъ какъ это затрудненiе почти цѣликомъ причинено вами, то вы, конечно, не откажетесь исправить свою же ошибку. Тутъ онъ прiостановился, выжидая, чтобы она сама спросила его въ чемъ дѣло; ждалъ онъ долго, но она не выказывала ни малѣйшаго любопытства и по прежнему молчала.

— Я хочу сказать, продолжалъ онъ смѣлѣе:—что прежде чѣмъ воспользоваться гостепрiимствомъ моей сестры, вы должны извиниться передъ нею за что такъ обошлись съ нею.

— Обошлась съ нею, повторила за нимъ Лицци съ разстановкой и совершенно ровнымъ голосомъ.

— Да, именно такъ, отвѣчалъ онъ.

— Вы развѣ забыли какъ она обошлась со мною, спросила Лицци тѣмъ же спокойнымъ голосомъ.

— Ну, что до этого касается, отвѣчалъ онъ въ какомъ-то, суетливомъ смущенiи: что до этого касается, вы не должны забывать кто она. Къ тому же, у нея манера такая; даже между своими, между людьми равными ей происхожденiю, она привыкла нѣкоторымъ образомъ предписывать законы; въ модномъ свѣтѣ она занимаетъ съ общаго приговора первое мѣсто. Все это для васъ еще теперь непонятно,—но со временемъ, вы, быть можетъ поймете. Словомъ, ей многое позволено, чего вы не можете и не должны себѣ позволять, и чѣмъ раньше вы это узнаете, тѣмъ лучше.

— Что же я по вашему должна сдѣлать? спросила она съ кажущимся простодушiемъ.

— Напишите ей записку, коротенькую записку, пожалуй, но въ самыхъ вѣжливыхъ выраженiяхъ, и попросите ее извинить васъ, если вы чѣмъ ее оскорбили; сошлитесь на вашу неопытность, ваше незнанiе свѣтскихъ приличiй и т. д. Заявите полную готовность воспользоваться тѣми совѣтами, которые она, по добротѣ своей, будетъ давать вамъ на будущее время,—не забывайте, что она великiй знатокъ во всемъ, что касается свѣтскихъ приличiй— и наконецъ, заключите увѣренiемъ... Что съ вами? воскликнулъ онъ вдругъ, потому что она такъ неожиданно вскочила съ своего мѣста, что онъ потерялъ нить своихъ мыслей.

— Продолжайте, продолжайте, сказала она, возвращаясь къ своему прежнему спокойному тону.

— Вы совсѣмъ сбили меня; я не могу припомнить на чемъ я остановился. Постойте! Я говорилъ... Что такое я говорилъ? Да! что-то такое въ смыслѣ...

— Что-то такое въ смыслѣ: виновата, впередъ не буду, подсказала она и тихо засмѣялась. Не медля ни минуты, она открыла свой пюпитръ и сѣла писать.

Хотя Бичеру и пріятнѣе было бы если бы она выслушала его выговоръ съ большимъ смиреніемъ, но, говоря вообще, онъ остался доволенъ ея покорностью. Онъ не спускалъ съ нея глазъ, пока она писала. Водила она перомъ спокойно и обдуманно, ничто не изобличало въ ней волненія. Кончивъ записку, она стала ее складывать, но вдругъ остановилась и спросила: — Быть можетъ, вы полюбопытствуете прочитать ее?

— Конечно я желалъ бы прочитать ее, поспѣшилъ онъ отвѣтить и, получивъ отъ нея записку, прочелъ въ слухъ:

«Виконтесса Лаккингтонъ, получивъ отъ лорда Лаккингтона приказаніе извиниться передъ Джорджіаной, виконтессой Лаккингтонъ, за нѣкоторыя выраженія, которыя послѣдней могли показаться обидными, охотно приступаетъ къ этому дѣлу въ надеждѣ, что примѣръ ея напомнитъ и ея сіятельству объ умѣстности извиненія передъ той, которая пріѣзжала искать ея расположенія и защиты».

— И вы не шутя думаете отправить эту записку? воскликнулъ онъ, и, смявъ ее въ рукахъ, бросилъ въ огонь.

— Теперь, конечно, я ее не могу послать, отвѣчала она спокойно улыбаясь.

— Садитесь и пишите...

— Я ничего больше не напишу, отвѣтила она, вставая и медленнымъ шагомъ направляясь къ двери.

— Ну, заварилъ же я кашу, воскликнулъ Бичеръ, оставшись одинъ и, обхвативъ голову руками, подсѣлъ къ камельку.

ГЛАВА XVII.

Открытіе.

Стоялъ густой туманъ и шелъ мелкій холодный дождикъ, когда пароходъ «Тигрисъ» вошелъ въ Балаклавскую гавань. Намъ, конеч-

но, нѣтъ дѣла до груза корабля, состоявшаго преимущественно изъ обуви, а равно и до патентованнаго ячменя, сушеныхъ съѣстныхъ припасовъ и печатныхъ инструкцій, которыми онъ былъ снабженъ въ изобиліи. Для насъ гораздо интереснѣе два пассажира, пріѣхавшіе на немъ изъ Константинополя и успѣвшіе во время дороги довольно коротко познакомиться другъ съ другомъ. Наружность ихъ не имѣла въ себѣ ничего выдающагося, такъ что посторонній наблюдатель, проходя мимо ихъ, не съумѣлъ бы отличить одного отъ другаго: оба были плотны, широкоплечи и на видъ, что называется, тривіальны; обоимъ казалось лѣтъ сорокъ пять, а можетъ и болѣе; но другъ для друга они представляли своего рода загадку.

Мы не желаемъ усиливать интересъ повѣствованія таинственностью, а потому сразу откроемъ читателю ихъ имена: одинъ изъ нихъ былъ Терри Дрисколь, другой же высокопочтенный Павелъ Классонъ.

Дрисколь успѣлъ довольно неопредѣленно проговориться своему собесѣднику о томъ, что цѣль его пріѣзда—проводить повѣсу-племянника, которому вѣчно удавалось попадаться въ просакъ. Впрочемъ, онъ не зналъ, въ какомъ полку онъ служитъ, и гдѣ онъ стоитъ, и живъ ли онъ или нѣтъ—и, странное дѣло,—неизвѣстность эта, по видимому мало его растрогивала. Что же касается до Павла, то, не распространяясь прямо о своей личности въ разговорѣ, онъ заявилъ свою принадлежность къ духовному званію не торопясь, слово за слово, будто невзначай, причемъ слушающему предоставлялось догадываться, что онъ санъ христіанскаго пастыря соединяетъ съ достоинствомъ литератора, не имѣя впрочемъ въ настоящую минуту опредѣленнаго занятія ни въ томъ, ни въ другомъ званіи.

— Мнѣ совѣтывали остановиться у какой-то мистрисъ Сиколь, сказалъ Классонъ, когда они высадились на берегъ, кипѣвшій солдатами, матросами, носильщиками тяжестей, между тѣмъ какъ турки, валахи, татары и греки тутъ же представляли въ лицахъ вавилонское смѣшеніе языковъ.

— Охъ, горе мнѣ! жалобно воскликнулъ Терри:—я здѣсь все равно, что дитя малое; никого-то я не знаю, ни объ чемъ-то не съумѣю распросить.

— Такъ пойдемте со мною. Павелъ Классонъ не плохой курьеръ. И, протолкавшись сквозь толпу, его преподобіе взвалилъ себѣ на плечи свой дорожный мѣшокъ и пошелъ далѣе.

— Хотѣлъ бы я знать, кто онъ такой, пробормоталъ Терри про

себя, когда они достигли мѣста своего назначенія.—Онъ, какъ разъ, могъ бы помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ, если бы я могъ только ему довѣриться.

По странному стеченію обстоятельствъ, въ ту же самую минуту Павелъ Классонъ разсуждалъ съ самимъ собою: Простоватость этого малаго могла бы оказать намъ неоцѣнимыя услуги, если бы мнѣ только удалось завербовать его въ нашу службу. Въ этихъ обстоятельствахъ одинъ такой дуракъ стоитъ двухъ умниковъ.

Родъ кофейной, въ которой они ужинали, была биткомъ набита солдатами, матросами, статскими,—словомъ, самымъ пестрымъ сбродомъ всѣхъ сословій и званій. Шумный разговоръ между собесѣдниками, сошедшимися, быть можетъ, въ первый разъ въ жизни, шелъ съ полною непринужденностью, какъ и подобаетъ между людьми, освобожденными отъ всякихъ стѣсненій обычнаго этикета. О чемъ, о чемъ тутъ не говорилось? — Одинъ разсказывалъ о томъ, какъ онъ оправился послѣ болѣзни, другой о томъ, какъ такой-то испрашиваетъ себѣ отпускъ по домашнимъ обстоятельствамъ; одни хвастались, другіе ворчали, многіе подсмѣивались надъ французами и всѣ проклинали коммиссаріатъ...

Но, между всѣми этими шумными разсказами и еще болѣе шумными комментаріями, одинъ предметъ разговора предпочтительно передъ всѣми прочими возбуждалъ горячія пренія. Дѣло шло о наградѣ, слѣдовавшей герою, чинъ котораго дѣлалъ для него орденъ Бани недоступнымъ.

— Говорю же я вамъ, горячился одинъ изъ собесѣдниковъ:—что если бы это сдѣлалъ французъ, то конца бы не было похвальбамъ между нашими любезными союзниками, и ему бы дали ужъ я право не знаю которую степень почетнаго легіона, съ пенсіей въ придачу. Да укажите мнѣ хоть одного изъ нихъ, которому такой подвигъ былъ бы по плечу? Не въ отвагѣ тутъ дѣло—отваги имъ не занимать стать, но гдѣ тотъ ѣздокъ, который удержался бы въ сѣдлѣ при такомъ скачкѣ?

— А какая была высота? спросилъ другой, затягиваясь сигарой.

— Одни говорятъ—шесть футовъ, другіе—пять; ну допустимъ четыре, или, пожалуй и того меньше, но вы то примите въ соображеніе, что цѣлью скачка былъ брустверъ съ двумя девятифунтовыми пушками и я опять таки повторяю, что въ цѣлой арміи не знаю кто бы это сдѣлалъ кромѣ Конуэя.

До сихъ поръ путешественники прислушивались къ этому разговору съ празднымъ любопытствомъ, но едва имя Конуэй было

произнесено, какъ оба привскочили отъ удивленія. Классонъ даже совсѣмъ поднялся съ своего мѣста и, подойдя поближе къ разсказчику, въ вѣжливыхъ выраженіяхъ освѣдомился, не тотъ ли это самый Конуэй, у котораго недостаетъ одной руки?

— Онъ самый, сэръ.

— И среди всѣхъ этихъ опасностей онъ остался здравъ и невредимъ? спросилъ Классонъ.

— Нѣтъ, этого я не говорилъ. Самъ онъ едва не былъ изрубленъ въ куски; лошадь его, пораженная четырьмя пулями, вынесла его на полдороги отъ нашей линіи и пала подъ нимъ мертвая.

— А Конуэй живъ? Есть надежда на его выздоровленіе? поспѣшно освѣдомился Павелъ.

— Доктора говорятъ, что оно невозможно; но самъ Чарльзъ увѣряетъ, что еще не собирается умирать, и по всѣмъ вѣроятіямъ сдержитъ свое слово.

— О Господи! какая жалость, проморталъ Дрисколь, прислушивавшійся къ разговору съ наиглупѣйшимъ видомъ.

— А гдѣ онъ теперь, сэръ, смѣю спросить, находится?

— Онъ въ монастырѣ св. Георгія, миляхъ въ восьми отсюда.

— Пошли ему Господи здоровья и силы опять драться съ русскими, проговорилъ Терри. И рѣчь его, сказанная тономъ такой естественности и простоты, была встрѣчена всеобщимъ хохотомъ.

ГЛАВА XVIII.

Монастырь св. Георгія.

Дневной свѣтъ съ трудомъ пробивался сквозь рѣшетчатыя окна монастыря св. Георгія и тускло падалъ на толпу посѣтителей дожидавшихся въ пріемной. Тутъ были сухопутные и морскіе офицеры, пришедшіе провѣдать раненыхъ товарищей, лекари, сидѣлки, корреспонденты газетъ и пр.

Прислушаемся къ разговору, который велся въ одной изъ небольшихъ группъ, разсѣянныхъ по залѣ; группа состояла изъ дюжины человѣкъ, между которыми главную рѣчь держали штабъофицеръ и флотскій капитанъ.

— Я убѣжденъ, говорилъ первый:—что если занести въ лѣтопись частные эпизоды этой войны, то они покажутся гораздо необычайнѣе и занимательнѣе всѣхъ крупныхъ подвиговъ, ознаме-

новавшихъ эту компанію. Ну, хоть бы настоящій случай—прошу покорно, гдѣ вы услышите что нибудь подобное? Раненаго солдата, полуизрубленнаго непріятельскими саблями, приносятъ на перевязочный пунктъ и тутъ онъ узнаетъ, что за нимъ признано право на перство и что ему остается только выздоровѣть, чтобы пользоваться пятнадцатью тысячами годоваго дохода.

— Гдѣ теперь этотъ Конуэй?

— Онъ здѣсь, и говорятъ, что несмотря на семь или на восемь довольно тяжелыхъ ранъ, есть надежда на его выздоровленіе. Да вотъ идетъ докторъ Рексъ; онъ всѣхъ лучше можетъ сказать намъ, какъ его здоровье.

Поименованный джентльменъ шелъ быстрыми шагами по пріемной, сопровождаемый многочисленною свитою ассистентовъ, которымъ онъ раздавалъ на ходу приказанія; въ тоже время онъ распечатывалъ и пробѣгалъ глазами письма, которыя одинъ изъ нихъ передавалъ ему по одиночкѣ.

— Надоѣли мнѣ всѣ эти просьбы, Перксъ, проговорилъ онъ повелительнымъ голосомъ. Не дозволять никому свиданія съ больными, которые не переведены въ палату выздоравливающихъ. Эти свиданья вѣчно имѣютъ одно и тоже дѣйствіе—прибавляютъ намъ хлопотъ.

Въ эту минуту доктора обступила густая толпа съ тревожными распросами; кто освѣдомлялся о лучшемъ другѣ, кто о близкомъ родственникѣ. На всѣ эти вопросы онъ отвѣчалъ отрывисто: «плохо, лучше, надежды мало», но ни разу повидимому память не измѣнила ему относительно имени и состоянія здоровья того лица, о которомъ его спрашивали.

Мало по малу толпа начала рѣдѣть, и вскорѣ пріемная совсѣмъ опустѣла. Вдоль одного изъ монастырскихъ корридоровъ быстрыми шагами прохаживались два врача и вели между собою разговоръ о тѣхъ случайныхъ неудачахъ, которыя порою являются такою неразрѣшимою загадкою въ ихъ дѣлѣ.

— Плохой отчетъ придется намъ завтра отправить, Перксъ, говорилъ старшій изъ нихъ. Ни одинъ изъ паціентовъ, оперированныхъ въ послѣднее время, не поправляется: рана Малькольма принимаетъ очень подозрительный оборотъ; этотъ переломъ съ раздробленіемъ являетъ признаки омертвенія, наконецъ Конуэй, за котораго вчера еще мы всѣ надѣялись, быстро угасаетъ, повидимому отъ внутренняго кровотеченья.

— Какой-то статскій тамъ внизу, доложилъ больничный сержантъ, желаетъ видѣть мистера Конуэя.

— Нельзя, скажи ему, было короткимъ отвѣтомъ, и докторъ разорвалъ не читая клочекъ бумаги, на которомъ было написано имя посѣтителя.

— Это вѣрно адвокатъ, проговорилъ его товарищъ; какъ будто бѣдняку теперь до актовъ и до росписей доходовъ. Я думаю, теперь ему гораздо пріятнѣе будетъ проглотить двадцать капель морфину, чѣмъ узнать, что владѣнія его занимаютъ полъ-графства.

Сержантъ подождалъ секунды съ двѣ, не перемѣнитъ ли докторъ своего рѣшенія и за тѣмъ почтительно удалился. Посѣтитель, въ ожиданіи его прихода, успѣлъ снять шинель и лыжи и грѣлъ руки передъ каминомъ.

— Что же, служивый, могу я его видѣть? спросилъ онъ съ живостью.

— Нѣтъ, доктора не позволяютъ.

— Да ты вѣрно не сказалъ имъ кто я такой: вѣдь я довѣренное лицо отъ его семейства и имѣю къ нему очень важныя порученія.

— Я не могъ этого сказать, по той простой причинѣ, что и самъ не зналъ, смѣясь отвѣчалъ сержантъ.

— Такъ ступай же скорѣе и скажи имъ, что мнѣ необходимо его видѣть—тѣ десять минутъ, которыя я пробуду съ нимъ сберегутъ намъ много лѣтъ судебныхъ мытарствъ;—и вотъ тебѣ продолжалъ онъ, десять фунтовъ стерлинговъ за эти десять минутъ.

Сержантъ только разсмѣялся въ отвѣтъ и, закуривъ сигару, усѣлся къ камину.

— Они, видите ли, боятся, чтобы свиданье со мной не повредило ему, продолжалъ тотъ; а между тѣмъ, то что я имѣю сказать ему, подняло бы мертваго изъ гроба; тутъ, въ этой самой сумкѣ, у меня есть бумаги, которымъ недостаетъ только его подписи, чтобы подняться до стоимости не одной и не двухъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Слушай-ка, пріятель, я сейчасъ обѣщалъ тебѣ десять фунтовъ, но я обмолвился: я хотѣлъ сказать, что выложу тебѣ тутъ же сто золотыхъ совереновъ. Протяни-ка мнѣ руку.

Будто шутя, сержантъ подставилъ ладонь и тотъ началъ отсчитывать въ нее по одиночкѣ обѣщанное количество монетъ. Сто! воскликнулъ онъ, когда послѣдняя монета скользнула изъ подъ его пальцевъ, и рука сержанта сжалась въ кулакъ надъ полученнымъ золотомъ.

Во все продолженіе этого торга, пара проницательныхъ глазъ слѣдила за нимъ изъ окна, полузанесеннаго снѣгомъ.

— Подождите здѣсь, проговорилъ сержантъ:—я пойду и посмотрю, нельзя ли какъ нибудь это уладить.

Не успѣлъ онъ выдти изъ комнаты, какъ наружная дверь отворилась и вошелъ человѣкъ, съ головы до ногъ засыпанный снѣгомъ.

— Такъ-то, другъ любезный, воскликнулъ онъ полнозвучнымъ, мягкимъ голосомъ; вы отъ меня подъ шумокъ дали тягу!

— Ахъ, почтенный другъ! вы здѣсь какими судьбами! Вотъ ужъ гдѣ никакъ не ожидалъ васъ встрѣтить.

Павелъ Классонъ и Дрисколь долго не спускали другъ съ друга глазъ и въ этомъ взглядѣ выражалось взаимное полное пониманіе и удивленіе двухъ равно искусныхъ мошенниковъ.

— А надо вамъ отдать справедливость, Дрисколь, вы малый не промахъ, проговорилъ Павелъ одобрительно.

— Нѣтъ, нѣтъ, куда мнѣ, я человѣкъ убогій, отвѣчалъ Терри, уныло покачивая головою.

— Дрисколь, началъ Павелъ послѣ продолжительной паузы, вы на чьей сторонѣ?

— На чьей сторонѣ? Ничего-то я, видитъ Богъ, не понимаю, что вы такое говорите, простоналъ тотъ.

— Полно, полно, пріятель, что пользы хитрить: я насквозь вижу вашу игру и знаю въ ней на перечетъ каждаго козыря.

— О, Господи, простоналъ Терри:—и что это за жизнь наша какъ подумаешь?—Только грѣхъ одинъ.

— Правда, ваша правда, Дрисколь. Но теперь обсудимъ эти вещи съ точки зрѣнія дѣловыхъ людей: ясно, что мы оба съ вами люди не богатые.—Дрисколь вздохнулъ утвердительно.

— Оба мы, какъ я вижу, получили каждый съ своей стороны инструкціи обработать одно дѣльце; и потому, вмѣсто того, чтобы мѣшать другъ другу — не лучше ли намъ дѣйствовать за одно. Только одна сторона и можетъ выиграть, такъ будемъ же оба служить ея интересамъ.

Терри снова вздохнулъ, но слабѣе прежняго.

— Къ тому же, проговорилъ Классонъ, вставая и поворачиваясь къ огню спиною съ засунутыми въ карманы руками,—я надежный другъ, но не совѣтую имѣть меня своимъ недругомъ.

— Думаете ли вы, что онъ останется въ живыхъ, спросилъ Терри, объясняя пантомимою, кого онъ подразумѣваетъ подъ этимъ мѣстоименіемъ.

— И думать нечего, конфиденціально отвѣчалъ Классонъ. Въ донесеніи онъ выставленъ тяжело раненнымъ, но мнѣ сообщили подъ секретомъ, что ему не встать.

— И его право умираетъ вмѣстѣ съ нимъ?

— Это еще подлежитъ сомнѣнію; на всякій случай, безопаснѣе прибрать его бумаги къ рукамъ, мистеръ Дрисколь.

— Это точно, подтвердилъ Дрисколь тономъ свѣдущаго человѣка.

— Ну-съ, теперь вопросъ только въ томъ, кто изъ насъ ихъ стяпнетъ? Я имѣю къ нему доступъ въ качествѣ капитана, право не запомню какого полка. Вы же кто такой, многоуважаемый другъ?

— Я его родственникъ съ материнской стороны, отвѣчалъ Терри, плутовски подмигивая.

— Родственникъ! расхохотался Классонъ:—превосходно, какъ нельзя лучше.

— Но не забывайте, уныло проговорилъ Терри, что намъ обоимъ стоитъ поперегъ дороги этотъ мистеръ Регисъ, адвокатъ изъ конторы Суиндаль и Регисъ, который привезъ это извѣстіе въ лагерь.

— Объ немъ уже позаботились, отвѣчалъ Классонъ, осклабляясь.

— Господи спаси и помилуй! Что вы хотите сказать? вскрикнулъ въ ужасѣ Терри.

— Ему нужно было вернуться отсюда вчера вечеромъ; я подкупилъ ему въ провожатые двухъ африканскихъ егерей. Они завезли его по ту сторону французскихъ передовыхъ постовъ и бросили въ пяти стахъ ядрахъ отъ казацкаго пикета, такъ что почтенный адвокатъ сидитъ себѣ теперь въ Севастополѣ. Не даромъ я вамъ говорилъ, душа моя Дрисколь, что скверная штука имѣть меня своимъ противникомъ.

Терри засмѣялся въ знакъ согласія, но не весело звучалъ его смѣхъ.

— Дѣвчонка эта, одна изъ сестеръ милосердія, по имени миссъ Келлетъ, тоже въ плѣну, продолжалъ Классонъ.

— Миссъ Келлетъ, воскликнулъ Дрисколь съ ужасомъ смѣшаннымъ съ удивленіемъ. Я ее хорошо знаю, и если она только здѣсь, то она перемудритъ насъ обоихъ.

— Она хорошо упрятана въ настоящую минуту и вся ея тонкость ни къ чему не поведетъ. Словомъ, любезный Дрисколь, игра наша, лишь бы сами мы не плошали.

— Вотъ письменное разрѣшеніе одному изъ васъ, господа,

сказалъ входя больничный ординаторъ, видѣться съ лейтенантомъ Конуэемъ.

— Это мнѣ, живо подхватилъ Дрисколь; я его родственникъ.

— А я его капеланъ, проговорилъ Классонъ вставая;—такъ мы пойдемъ вмѣстѣ. И прежде нежели Дрисколь успѣлъ выговорить слово, Павелъ взялъ его подъ руку и увелъ съ собою.

ГЛАВА XIX.

Въ которой показывается, какъ раны залечиваются.

На низенькой кровати въ небольшой комнатѣ, когда-то бывшей монастырской кельей, лежалъ Чарльзъ Конуэй, блѣдный, истощенный потерею крови и еле дышавшій. Въ больничныхъ отчетахъ онъ числился смертельно раненымъ и многіе изъ его товарищей приходили уже съ нимъ проститься. Въ настоящую минуту онъ былъ одинъ; у самой двери слышался тихій говоръ нѣсколькихъ голосовъ — но онъ ихъ по видимому не слыхалъ.

— Такъ онъ поговаривалъ о завѣщаніи? шопотомъ спрашивалъ Классонъ.

— Да сэръ; онъ уже нѣсколько разъ освѣдомлялся, нѣтъ ли здѣсь такого человѣка, который бы могъ занести его послѣднюю волю на бумагу и далъ бы ему подписать ее при свидѣтеляхъ.

— Отлично, какъ нельзя болѣе кстати, проговорилъ Павелъ, переступая черезъ порогъ комнаты; за нимъ по пятамъ слѣдовалъ Дрисколь.

— Какъ подумаешь, какой пустой звукъ титулъ милорда, когда человѣкъ уже находится на краю гроба, проговорилъ Павелъ назидательнымъ тономъ. Слово милордъ было имъ выговорено съ такимъ отчетливымъ удареніемъ, что оно поразило слухъ больнаго.

— Такъ это стало быть правда, и я не брежу, проговорилъ Чарльзъ, вскидывая глазами на говорившаго.

— Все правда до послѣдняго слова, милордъ, отвѣчалъ Классонъ, садясь возлѣ его кровати.

— И я первый открылъ это, милордъ, вмѣшался Терри. Вашъ покорнѣйшій слуга первый напалъ на документы, завалявшіеся въ старинномъ коттеджѣ и показалъ ихъ Девенпорту Дённу.

— Дённъ, Дённъ, пробормоталъ Конуэй, припоминая что-то. Мы были вмѣстѣ на похоронахъ покойнаго Келлета; бѣдный Келлетъ! Онъ былъ рыцарь безъ страха и безъ упрека, такъ же какъ и сынъ его, Джекъ. Гдѣ теперь Джекъ? Я хотѣлъ назначить его своимъ наслѣдникомъ, продолжалъ Конуэй, начиная приходить въ забытье... Наслѣдникамъ! Не странно-ли, что у Чарльза Конуэя есть что оставлять по завѣщанію? Кто бы повѣрилъ этому мѣсяцъ тому назадъ? А теперь я милордъ, виконтъ,—такъ, что-ли?

— Ваше желаніе на счетъ завѣщанія будетъ въ точности исполнено, сэръ, проговорилъ Классонъ вкрадчиво. Мы для того сюда и поспѣшили, чтобы узнать, какія будутъ ваши распоряженія.

И съ расторопностью человѣка, набившаго руку въ подобныхъ дѣлахъ, Классонъ вынулъ изъ кармана небольшой бумажникъ, снабженный всѣми письменными принадлежностями, которыя и разложилъ въ порядкѣ передъ собою. Но больной уже успѣлъ погрузиться въ забытье.

— Въ этой шкатулкѣ должны быть всѣ бумаги, проговорилъ Классонъ, вставая и крадясь по комнатѣ:—и ключъ какъ разъ тутъ. Въ одно мгновеніе оба припали къ шкатулкѣ и принялись поспѣшно ее опоражнивать; они едва успѣли въ это время бросить бѣглый взглядъ на заключавшіяся въ ней бумаги и убѣдиться, что это тѣ самыя, которыя имъ были нужны. Каждую минуту они съ ужасомъ оглядывались, не очнулся-ли больной.

— Теперь все повыбрано, удачнѣе даже чѣмъ я ожидалъ, проговорилъ Классонъ. Набивайте-ка ими карманы. Намъ надо раздѣлить между собою добычу, да убираться по добру по здорову, пока онъ не пришелъ въ себя.

— Тсъ! шепнулъ ему собесѣдникъ; не показалось-ли вамъ, что онъ поглядѣлъ на насъ?

Классонъ вздрогнулъ. Глаза больнаго были открыты и прямо уставлены на нихъ; полураскрытыя губы видимо силились что-то сказать, но не могли.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Классонъ чуть слышнымъ шопотомъ:—это смерть.

— Говорю же я вамъ, что онъ видитъ насъ.

— А если даже и видитъ, — что за бѣда? Онъ скоро будетъ тамъ, откуда ему нельзя будетъ насъ изобличить. Застегивайте-ка сюртукъ поплотнѣе, и маршъ отсюда.

— Убей Богъ мою душу, я глазъ съ него не могу спустить, проговорилъ Дрисколь, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Совѣтую не мѣшкать, пріятель, мало-ли что можетъ здѣсь съ нами случиться! Я кажется вижу на пальцѣ его кольцо съ печатью?

— Не мѣшало-бы свезти его на память его старухѣ матери, Дрисколь, проговорилъ Классонъ какъ-то двусмысленно.

— Оставьте, не троньте его, оно накличетъ на насъ бѣду, проговорилъ Дрисколь въ ужасѣ.

— Что за пустяки, прошепталъ Классонъ, стараясь стащить съ пальца кольцо. Но вдругъ у него вырвался полусдержанный крикъ.

— Что такое случилось? воскликнулъ Дрисколь.

— Каково! Онъ схватилъ меня за руку и держитъ, да еще какъ крѣпко, проговорилъ Классонъ, напрасно стараясь придать своему голосу шутливую интонацію: — ну-ка, помогите мнѣ разогнуть его пальцы.

— Давайте мнѣ хоть тысячу гиней, я не дотронусь до него, содрогаясь, отвѣчалъ Дрисколь.

— Что за вздоръ! Намъ некогда здѣсь прохлаждатьса, живѣе, разожмите осторожно его пальцы. Я слышу приближающійся шумъ голосовъ и конскій топотъ на дворѣ. Куда-же вы? Неужели вы хотите оставить меня одного?

— Убей Богъ мою душу, коли я знаю, что дѣлать! съ отчаяніемъ проговорилъ Дрисколь. И не говорилъ-ли я вамъ съ самаго начала, что вы этимъ накличете на насъ бѣду?

— Да ужъ хуже нѣтъ бѣды какъ имѣть труса и дурака своимъ помощникомъ, сердито отвѣчалъ Классонъ. Ну, дайте мнѣ хоть ножикъ, я самъ высвобожу свою руку.

— Богъ вамъ судья, вы ужасный человѣкъ, воскликнулъ Дрисколь, поспѣшно выбираясь изъ комнаты и притворяя за собою дверь.

Съ минуту Классонъ простоялъ неподвижно, прислушиваясь къ тому, что происходило за дверью: въ корридорѣ слышались голоса, между которыми выдавался голосъ Дрисколя.—А вѣдь подлецъ меня-же выдастъ, пробормоталъ Павелъ. Это можетъ плохо кончиться, если я не успѣю выбраться отсюда. И нагнув-

шись къ Конуэю, онъ заговорилъ ему на ухо:—Разожмите ваши пальцы, сэръ, выпустите меня. Человѣкъ этотъ васъ обокралъ и мнѣ надо пуститься за нимъ въ погоню. Да нуже, голубчикъ, разожмите пальцы,—не то, поздно будетъ.

Показалось-ли ему только, или дѣйствительно по этому лицу, покрытому смертельною блѣдностью, промелькнула слабая улыбка?

— Ну, такъ ничего больше не остается дѣлать, пробормоталъ Классонъ съ проклятіемъ, видя, что всѣ мольбы его остаются тщетными: — сами на себя и пеняйте. И съ этими словами, вынувъ изъ кармана складной ножикъ, онъ попробовалъ открыть его зубами. Но пружина оказывала ему нѣкоторое сопротивленіе, — въ эту самую минуту въ корридорѣ послышались приближающіеся шаги и Классонъ опустился на колѣни подлѣ кровати; на лбу у него выступилъ холодный потъ и самъ онъ дрожалъ какъ осиновый листъ.

Комната быстро наполнилась штабъ-офицерами и врачами, изъ толпы которыхъ поспѣшно отдѣлился человѣкъ, повидимому не принадлежавшій ни къ тѣмъ, ни къ другимъ; дорожное платье его было въ безпорядкѣ и самъ онъ казался утомленнымъ.—Что это за человѣкъ, спросилъ онъ, увидѣвъ Классона: — что онъ здѣсь дѣлаетъ?

— Смиренный миссіонеръ, сосудъ скудельный, отвѣчалъ послѣдній плаксивымъ голосомъ. Въ пароксизмѣ страданія онъ схватилъ меня за руку, да съ тѣхъ поръ такъ все и держитъ.— Насилу-то, воскликнулъ онъ, потому что въ эту самую минуту пальцы больного разжались и выпустили его.

— Здѣсь дѣло нечисто, проговорилъ незнакомецъ, бывшій никто иной, какъ самъ мистеръ Регисъ:—посмотрите, изъ этого ящика все выбрано, полъ усѣянъ бумагами—этого человѣка надо задержать.

— Въ темницѣ и въ узахъ... началъ было Классонъ, приготовляясь произнести длинную проповѣдь, но ему не дали кончить и его вывели изъ комнаты.

— Въ его положеніи не замѣтно никакого ухудшенія, проговорилъ одинъ изъ докторовъ, успѣвшій между тѣмъ пощупать пульсъ Конуэя: — хотя и нельзя еще положительно ручаться за его жизнь.

— Если я не ошибаюсь, продолжалъ мистеръ Регисъ, по милости этого-то пріятеля миссіонера я и попался въ плѣнъ къ русскимъ; хорошо по крайней мѣрѣ то, что меня не долго задержали въ Севастополѣ.

— Что миссъ Келлетъ? тоже на свободѣ? спросилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Какъ же; мы возвратились съ нею вмѣстѣ.

— Что съ вами Конуэй? спросилъ одинъ изъ врачей, замѣтивъ на лицѣ его тревожное выраженіе:—вамъ хуже?

Конуэй отрицательно покачалъ головою.

— Быть можетъ вамъ хочется пить?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ чуть слышно.

— Такъ что же васъ безпокоитъ? продолжалъ онъ дружески допрашивать его.

— Такъ это не былъ сонъ! проговорилъ Конуэй задыхающимся голосомъ.

— Что казалось вамъ сномъ?

— Все, кромѣ вотъ этого, отвѣчалъ онъ, указывая на глубокую рану отъ сабли въ плечѣ.

— Но пройдутъ года,—и это вамъ тоже будетъ казаться не болѣе какъ сномъ, сказалъ собесѣдникъ ободряющимъ голосомъ.

Конуэй попросилъ его знакомъ наклониться къ постели и шепотомъ спросилъ:

— Правда ли то, что мнѣ сейчасъ послышалось? Точно ли она здѣсь?

— Вы говорите о миссъ Келлетъ?—Да, это она вамъ привезла извѣстіе о признаніи васъ перомъ. Она же перевязала вамъ платкомъ поврежденную артерію и спасла вашу жизнь.

— Здѣсь, въ Крыму! Быть не можетъ, сказалъ со вздохомъ Конуэй:—такъ это я ее видѣлъ на траншеяхъ, продолжалъ онъ съ жаромъ. То не былъ обманъ чувствъ?

— Она была на мѣстѣ дѣйствія въ ту ночь какъ русскіе произвели неожиданную аттаку на 5 й полкъ. Она первая подняла тревогу.

— Да, я видѣлъ сестру Джека Келлета, она ободряла сражающихся — я готовъ былъ поклясться, что это она, но дѣло казалось невозможнымъ и я боялся довѣрять своимъ чувствамъ. Я уже думалъ, не предзнаменованіе ли это какое! — теперь же, слава Богу, я избавился отъ этого суевѣрнаго страха и сталъ опять самимъ собою.

— Стало быть, вы можете меня теперь выслушать, вмѣшался Регисъ, садясь къ его постели и приступая къ своему повѣствованію. Но Конуэй слушалъ его разсѣянно и не разъ адвокатъ начиналъ терять съ нимъ терпѣніе.—Я и такъ по возможности стараюсь быть краткимъ, сэръ, говорилъ онъ обиженнымъ

голосомъ. Дѣло это, кажется, могло бы, — даже должно бы было,—васъ интересовать.

— Да оно и будетъ интересовать меня, если только вотъ докторъ надѣлитъ меня жизнью и здоровьемъ для наслажденія всѣми этими благами, отвѣчалъ Конуэй:—какая приблизительная сумма доходовъ?

— Если мы возвратимъ одни англійскія помѣстья, то доходъ будетъ около двѣнадцати тысячъ въ годъ. Если вамъ посчастливится и съ ирландскими, — то онъ будетъ тремя тысячами болѣе. Одна судебная инстанція уже рѣшила въ нашу пользу — этимъ рѣшеніемъ, — такъ думаютъ единодушно всѣ ваши адвокаты—упрочивается за вами право на виконтство.

— Я едва могу представить себѣ это, мои мысли мѣшаются, проговорилъ Конуэй въ полголоса:—первымъ моимъ дѣломъ будетъ купить офицерскій патентъ для Джека Келлета.

— Если вы говорите про брата миссъ Келлетъ, то онъ уже произведенъ въ прапорщики и на готовѣ отправиться въ свой полкъ, стоящій въ Индіи.

— Какъ вы это узнали?

— Она сама мнѣ сказала объ этомъ.

— Она! Гдѣ же? въ какое время вы ее видѣли?

— Я встрѣтился съ ней здѣсь, на главной квартирѣ; потомъ мы были вмѣстѣ въ плѣну въ Севастополѣ; вчера я опять ее встрѣтилъ въ лагерѣ. Къ сожалѣнію, она не долго здѣсь останется; она готовится послѣдовать за братомъ въ Калькуту.

Смертельная блѣдность покрыла лице Конуэя; онъ закрылъ его руками, чтобы оно не выдавало того, что происходило у него на душѣ, и все окружающее для него исчезло. Онъ и не замѣтилъ какъ присутствующіе одинъ за другимъ тихонько повыбрались изъ комнаты и на мѣсто ихъ тихо подошла къ его изголовью стройная фигура молодой дѣвушки, одѣтая въ черное и покрытая вуалью. — Какъ нарочно, проговорилъ онъ самъ съ собою вслухъ, все это такъ называемое счастье пришло ко мнѣ тогда, когда я всего менѣе въ немъ нуждаюсь.

— Какъ же это такъ? — спросилъ тихій, мягкій голосъ почти надъ самимъ его ухомъ.

— Неужели это вы! воскликнулъ онъ съ жаромъ:—такъ это ваше прикосновеніе я чувствовалъ на этихъ вискахъ, когда я раненый лежалъ за траншеями? Такъ это вашъ голосъ ободрялъ меня, когда меня унесли въ арьеръ — гардъ?

Она слегка наклонила голову и проговорила:—То была прямая обязанность сестры вашего стараго товарища.

— А теперь вы хотите меня покинуть? проговорилъ онъ съ глубокимъ отчаяньемъ въ голосѣ.

Она слегка отвернулась и не отвѣчала ни слова.

— И я здѣсь останусь одинъ одинешенекъ, продолжалъ онъ разбитымъ голосомъ:—развѣ и въ этомъ вы поступаете какъ сестра моего стараго товарища?—Но вскорѣ ему самому сдѣлалось стыдно этихъ словъ и онъ торопливо добавилъ:—Хорошъ я однако, что говорю вамъ это!—вамъ, которая такъ много для меня сдѣлала, вамъ, обѣщавшей быть дочерью для моей бѣдной матери, когда меня не станетъ.

— Но вы не должны предаваться этимъ мрачнымъ мыслямъ, возразила она съ живостью:—доктора въ одинъ голосъ говорятъ, что вамъ лучше и что черезъ недѣлю или двѣ васъ можно будетъ перевезти въ Константинополь.

Онъ улыбнулся грустною, болѣзненною улыбкою.

— А тамъ чего не сдѣлаетъ живительный воздухъ уэльскихъ горъ при содѣйствіи нѣжныхъ заботъ любящей матери?

— А гдѣ вы будете въ это время? спросилъ онъ торопливо.

— Вѣроятно на пути въ дальнюю восточную страну, и болѣе одинока чѣмъ когда либо.

— Такъ вотъ оно, мое хваленое счастье! воскликнулъ онъ съ ожесточеніемъ:—въ ту самую минуту какъ жизнь начинаетъ мнѣ улыбаться, я теряю все, что заставляло меня дорожить ею. Вы рѣшились — хорошо же! и я съ своей стороны тоже рѣшился: если вы уѣдете въ Индію, я останусь въ Крыму.

— Не ожидала я слышать это отъ сына, такъ нѣжно любящаго свою мать какъ вы, проговорила она съ укоромъ.

— Да Сибелла, тотъ день былъ бы счастливѣйшимъ днемъ въ моей жизни, когда я съ честью возвратился бы къ ней и могъ ей сказать: твой сынъ возвращается подъ твою кровлю не одинъ; онъ привезъ тебѣ новую дочь. Если бы перемѣна въ моей судьбѣ была сопряжена съ этимъ счастьемъ, тогда, точно, можно было бы мнѣ позавидовать. Безъ этой надежды ничто меня не привязываетъ къ жизни.

Она пыталась тихонько вынуть свою руку изъ его руки, но онъ держалъ ее крѣпко.

— Пустите меня, проговорила она шопотомъ:—мнѣ пора проститься съ вами.

— Повремените еще немного, Сибелла, воскликнулъ онъ стра-

стно:—какъ ни тяжелы эти мгновенія, они все таки счастливѣйшія въ моей жизни.

— Но это не хорошо, почти не великодушно съ вашей стороны, проговорила она, едва сдерживая свое волненіе и все еще пытаясь отнять руку.

— Вы правы, воскликнулъ онъ вдругъ:—это недостойно мужчины и неблагородно. Только болѣзнь могла сдѣлать меня такимъ себялюбивымъ и внушить мнѣ такую униженную мольбу.— Съ этими словами онъ выпустилъ ея руку, но тотчасъ же опять схватилъ ее и, прижавъ къ губамъ, залился слезами.—Не такъ долженъ вести себя воинъ, Сибелла, проговорилъ онъ, силясь улыбнуться. Прощайте, прощайте.

— Теперь уже не время говорить это слово, отвѣчала она чуть слышно. Я никогда не уѣду.

— Вы не уѣдете, Сибелла, вы не покинете меня? воскликнулъ онъ:—я не знаю, вѣрить ли своему слуху... Такъ вы сказали, что остаетесь со мною—на долго ли?

— Навсегда, отвѣчала она, наклонясь и цѣлуя его въ лобъ.— Черезъ минуту ея не было въ комнатѣ.

— Ну, Конуэй, говорилъ ему докторъ, не унывайте, другъ любезный, черезъ какую нибудь недѣлю вы будете молодецъ хоть куда. И то сказать, у васъ есть для чего жить теперь, если только правда все что говорятъ.

— Вы правы, докторъ, о вы болѣе правы, нежели вы думаете, весело отвѣчалъ Конуэй.

ГЛАВА XX.

Грогъ совѣщается.

По пріѣздѣ своемъ въ Лондонъ, Грогъ остановился у одного стариннаго пріятеля и товарища по ремеслу, жившаго въ одной изъ тѣхъ мрачныхъ улицъ, которыя ведутъ отъ Странда къ Темзѣ. Проснувшись на другой день, Грогъ увидѣлъ, что ему

предстоитъ коротать утро одному,—хозяина его не было дома,—и, потому, расположившись поуютнѣе въ креслѣ, онъ углубился въ чтеніе газеты. Не успѣлъ онъ дочитать заинтересовавшаго его параграфа, какъ въ комнату вошелъ посѣтитель.

— Боюсь, что я не туда попалъ, проговорилъ вкрадчивымъ голосомъ этотъ джентльменъ, который былъ никто иной, какъ старинный нашъ знакомый, мистеръ Генксъ:—я былъ убѣжденъ, что это квартира капитана Фиска.

— Вы и не ошибаетесь, отвѣчалъ Грогъ, для котораго появленіе это повидимому вовсе не было неожиданностью: онъ съ головы до ногъ осматривалъ Генкса, разодѣтаго въ пухъ и прахъ.

— Мнѣ очень жаль, сэръ, торжественно началъ Генксъ: —что я не имѣю чести...

— Полноте, полноте, вы имѣете честь, перебилъ его Грогъ:—мы съ вами не со вчерашняго дня знакомы. Садитесь-ка, я, правда, не такъ хорошо сохранился какъ вы, но вы сейчасъ признаете меня: я Китъ Девисъ, милостивый государь; конечно вы не потребуете, чтобы я назвалъ васъ по имени.

— Девисъ, Грогъ Девисъ, бормоталъ про себя Генксъ, блѣдный какъ полотно.

— Вы по видимому не очень рады этой встрѣчѣ со старымъ пріятелемъ, продолжалъ Грогъ двусмысленно усмѣхаясь:—а напрасно, право напрасно. Старый другъ лучше новыхъ двухъ. Люди, знавшіе насъ въ пору нашихъ юношескихъ шалостей, всегда расположены снисходительнѣе относиться къ нашимъ старческимъ грѣхамъ. Долгонько таки мы съ вами не видались.

— Да! лѣтъ десять, или двѣнадцать будетъ.

— И всѣ двадцать восемь насчитаете, другъ любозный. Видѣлъ я васъ въ послѣдній разъ, дай Богъ память, въ Экстерѣ. Вы были подъ судомъ по дѣлу о векселяхъ Джорджа Кольборна. Не глядите такимъ испуганнымъ взглядомъ,—насъ здѣсь никто не услышитъ. А дешево вы тогда отдѣлались, необычайно дешево. Вѣроятно послѣ этой-то продѣлки вы и приняли имя Генкса?

— Да, отвѣчалъ тотъ чуть слышнымъ шопотомъ.

— Ну, мнѣ не такъ везло въ жизни, какъ вамъ, продолжалъ Грогъ:—я долженъ былъ съ трудомъ пробиваться.

— Но вы таки пробились, Девисъ; возразилъ тотъ, переходя въ дружественный тонъ:—развѣ вы не выдали свою дочь за виконта?

— Кто вамъ это сказалъ? Какъ это узнали здѣсь? поспѣшно освѣдомился Девисъ.

— Я слышалъ объ этомъ отъ служащихъ у Фордайса, недѣли двѣ тому назадъ; и я же первый сообщилъ это извѣстіе Девенпорту Дённу.

— Что же онъ на это сказалъ?

— Говорить-то онъ немного объ этомъ говорилъ; подивился только, какъ это вамъ удалось, и замѣтилъ, что вы должны быть необыкновенно ловкій малый, потому что штука эта пахнетъ большими выгодами, если только все обойдется благополучно.

— То есть вы намекаете на предстоящую тяжбу изъ за титула?

— Именно такъ.

— Стало быть, онъ думаетъ, что исходъ дѣла сомнителенъ?

— Этого онъ не можетъ думать, потому что отъ него зависитъ рѣшить дѣло въ ту или въ другую сторону. Если ему заблагоразсудится вынуть изъ подъ спуда находящіяся у него бумаги, то можно считать, что право на перство признано за Конуэемъ. Вы знаете, что двѣ инстанціи уже рѣшили въ его пользу; но отъ Дённа зависитъ сберечь его адвокатамъ кучу времени и труда, и съ этою-то цѣлью онъ пріѣдетъ завтра въ городъ.

— Какія его условія? Сколько онъ требуетъ? быстро спросилъ Грогъ.

— Этого я не могу сказать съ достовѣрностью, я могу только погадываться.

— Ну-съ, какія же ваши догадки?

— А вотъ какія, отвѣчалъ Генксъ собираясь съ духомъ. Мнѣ кажется, что если онъ рѣшитъ въ пользу настоящаго виконта, то потребуетъ взамѣнъ укрѣпленія за собою всѣхъ ирландскихъ помѣстьевъ.

— Двѣ тысячи годоваго дохода и казенная собственность! воскликнулъ Девисъ.

— Это еще не все, хладнокровно отвѣчалъ Генксъ.

— Не все! Чего же ему еще надобно?

— Тутъ есть небольшой счетецъ; дѣло въ томъ, что во время продажи помѣстій, обремененныхъ долгами, одно изъ нихъ было куплено покойнымъ виконтомъ, по крайней мѣрѣ на его имя, и потомъ перепродано съ большимъ барышемъ... Тутъ Генксъ остановился, какъ будто испугался, что зашелъ слишкомъ далеко.

— Понимаю, подхватилъ Грогъ; виконтъ не видалъ полученныхъ за продажу денежекъ, какъ своихъ ушей, а вашъ пріятель Дённъ требуетъ росписки въ полученіи ихъ сполна.

— Вы угадали.

— А какой это, примѣрно, кушъ?

— Тридцать семь тысячъ шестьсотъ фунтовъ стерлинговъ.

— Не любитъ же этотъ Девенпортъ Дённъ играть, по маленькой, замѣтилъ Грогъ усмѣхаясь:—надо ему отдать въ этомъ справедливость.

— Да, такой головы поискать, да и поискать, съ удивленіемъ отвѣчалъ Генксъ.

— Я пожалуй соглашусь съ вами, если голова убережетъ его шею отъ петли. Такъ вы говорите, что онъ всѣ эти бумаги и документы привезетъ съ собою?

— Да; онъ хочетъ такъ или иначе покончить это дѣло до своей свадьбы. А тамъ, онъ навсегда удалится отъ дѣлъ.

— А туго онъ, я думаю, набилъ карманы?

— Умнѣйшая онъ, я вамъ скажу, голова въ цѣлой Англіи! воскликнулъ Генксъ восторженно:—когда настанетъ великій погромъ— а это будетъ не позже какъ черезъ мѣсяцъ отъ нынѣшняго дня— тогда добрые люди увидятъ, что ихъ надули ни болѣе ни менѣе какъ на четыре милліона фунтовъ стерлинговъ; — но концы при этомъ такъ ловко схоронены, что тутъ самъ чортъ не разберетъ кто кого надулъ: компанія ли желѣзныхъ дорогъ подорвала, рудокопни ли подкопались подъ оссорскій банкъ, оссорскій ли банкъ обанкрутилъ гленгаррифское предпріятіе. И этого мало, продолжалъ Генксъ, видя съ какимъ страстнымъ вниманіемъ слушаетъ его Грогъ:—нѣтъ человѣка, отъ пера и до послѣдняго земледѣльца, котораго онъ не запуталъ бы въ свои плутни и не сдѣлалъ бы сообщникомъ своего успѣха. Такъ какъ каждое предпріятіе будетъ искать опоры для своей состоятельности въ банкротствѣ другаго, то оссорскій банкъ будетъ враждовать съ гленгаррифскимъ предпріятіемъ, дренажное товарищество всячески будетъ стараться повредить рудокопнямъ и т. д. Да коммисія о банкротствахъ пятьдесятъ лѣтъ будетъ разбирать дѣло и не найдетъ виноватыхъ.

Грогъ весело потиралъ руки и громко хохоталъ.

— И этого молодца нельзя будетъ повѣсить? спросилъ онъ помолчавъ.

— Повѣсить! какъ бы не такъ!

— Ни даже сослать?

— Нѣтъ; ни одинъ волосъ на головѣ его не пострадаетъ.

— Все это можетъ случиться такъ именно, какъ вы говорите, мрачно возразилъ Грогъ:—хотя, что до меня касается, я далеко не вѣ-

рю этому безусловно. Но отъ этого мое дѣло съ нимъ ни на волосъ не подвигается впередъ. Мнѣ нужно достать отъ него эти Лаккингтоновскія бумаги; мнѣ тамъ дѣла нѣтъ, что съ нимъ будетъ, лишь бы положеніе моей дочери какъ виконтессы было обезпечено.

— Какою суммою наличныхъ денегъ можете вы располагать?

Грогъ вынулъ затасканный бумажникъ изъ боковаго кармана и, раскрывъ его, принялся считать про себя.

— Пятьдесять семь фунтовъ и сколько-то шиллинговъ, отвѣчалъ онъ усмѣхаясь.

— Если бы у васъ было этакъ двѣнадцать или пятнадцать тысячъ, тогда бы еще, пожалуй, можно было съ вами толковать. Защитники Конуэя могутъ когда угодно выложить десять тысячъ.

— Отъ кого вы это знаете? вскрикнулъ Грогъ.

— Отъ самого Дённа. Но онъ не охотно пойдетъ съ ними на сдѣлку, потому что при этомъ, вопросъ объ ирландскомъ помѣстьи останется неразрѣшеннымъ.

— Такъ что же мнѣ дѣлать? спросилъ Грогъ.

— Право не знаю, какой вамъ подать совѣтъ, отвѣчалъ Генксъ въ раздумьи:—у Дённа есть одно неизмѣнное правило именно: никогда не вступать съ постороннимъ лицемъ въ такого рода переговоры, которые не могутъ быть окончены въ одно свиданье. Если бы вы прямо могли начать съ того, что показали бы ему банковые билеты, то и толковать бы нечего было.

Грогъ всталъ и прошелся по комнатѣ скорыми шагами.

— Вы кажется сказали, что онъ завтра долженъ быть въ городѣ? Гдѣ онъ остановится?

— На этотъ разъ у Кальверта въ Брукъ-Стритѣ.

— Онъ пріѣдетъ, конечно, съ экстреннымъ поѣздомъ?

— Если только не съ особымъ локомотивомъ, отвѣчалъ Генксъ:—впрочемъ, онъ всегда ѣздитъ въ отдѣльномъ вагонѣ, который нарочно для него прицѣпляется и никому другому не отдается. Самъ кондукторъ не смѣетъ отворить къ нему дверь, кромѣ случаевъ крайней необходимости.

— Однако уже двѣнадцать часовъ, проговорилъ Девисъ, а у меня еще куча дѣлъ. Скажите, пожалуйста, Генксъ, нельзя вамъ будетъ понавѣдаться ко мнѣ завтра вечеромъ? Быть можетъ у меня будетъ кое что сообщить вамъ.

— Надѣюсь, что все сказанное сегодня останется между нами, Китъ, шепнулъ ему собесѣдникъ.

— Пора бы вамъ знать меня,—было единственнымъ отвѣтомъ

Грога:—я думаю злѣйшій мой врагъ не скажетъ про меня, чтобы я когда выдалъ человѣка, довѣрившагося мнѣ.

И крѣпко пожавъ другъ другу руки, они разстались.

ГЛАВА XXI.

Поѣздъ.

Поѣздъ желѣзной дороги изъ Голигада опоздалъ нѣсколькими минутами и путешественники съ нетерпѣніемъ ожидали его прибытія на Честерской станціи. Наконецъ послышался издали пронзительный визгъ локомотива, и гремя и тяжело пыхтя вошелъ поѣздъ подъ своды станціи. Чиновникъ, служащій на желѣзной дорогѣ поспѣшилъ донести начальнику станціи: «Насъ задержалъ около ¼ часа мистеръ Девенпортъ Деннъ — ему нужно было осмотрѣть новую пристань. Впрочемъ мы почти наверстали потерянное время.» «Хорошо» отвѣчалъ начальникъ станціи. Между тѣмъ по платформѣ пробирался одинъ незнакомецъ и, дойдя до отдѣльнаго купе съ опущенными сторами, остановился и взялся за дверную ручку, будто собираясь войти въ него.—Не туда, сэръ, это семейный вагонъ, торопливо остановилъ его сторожъ, и незнакомецъ принужденъ былъ пройти далѣе въ другой вагонъ. Двое другихъ путешественниковъ занимали то отдѣленіе, въ которое онъ вошелъ. Усаживаясь на свое мѣсто, нашъ незнакомецъ потихоньку опустилъ въ карманъ отмычку, пригодность которой онъ успѣлъ уже испробовать въ тѣ немногія секунды, которыя пробылъ у двери частнаго вагона. Прикрывъ себѣ колѣни ковромъ, онъ спокойно откинулся назадъ. Вскорѣ раздался звонокъ и локомотивъ, тяжело скрыпя и вздыхая, поѣхалъ далѣе. Спутники нашего незнакомца, надвинувъ на брови дорожные колпаки, не замедлили погрузиться въ глубокій сонъ. Нашъ путешественникъ долго всматривался въ нихъ и, убѣдившись наконецъ, что они точно крѣпко спятъ, всталъ потихоньку и завѣсилъ сторою лампу, помѣщавшуюся въ вагонѣ. При дрожащемъ полусвѣтѣ, незнакомецъ снялъ съ себя густой черный

парикъ, накладныя брови и усы того же цвѣта; потомъ онъ разоблачился отъ огромнаго плаща, подбитаго толстымъ слоемъ ваты, наконецъ отвинтилъ отъ сапогъ своихъ огромные каблуки дюйма въ два вышиною. Такимъ образомъ вмѣсто толстаго, неуклюжаго старика лѣтъ шестидесяти, явился человѣкъ небольшаго роста, плотнаго сложенія, съ рыжими волосами на головѣ и на бородѣ, съ сѣрыми сверкающими глазами и ртомъ, очертанія котораго говорили о несокрушимой твердости воли. Едва успѣлъ незнакомецъ, въ которомъ вы, конечно, узнали Грога Девиса, привести въ порядокъ свою наружность, какъ поѣздъ спустился въ глубокій оврагъ, лежавшій между двумя глинистыми насыпями. Повидимому онъ только этого и дожидался, потому что тотчасъ же съ помощью отмычки отперъ дверь вагона и очутился на наружной платформѣ. Ночь была темная и шелъ мелкій, теплый дождь: пробираясь отъ одного вагона къ другому съ ловкостью которая показывала, что это не первый его опытъ въ этомъ родѣ, Девисъ вскорѣ очутился у багажнаго вагона, непосредственно за которымъ находился купе Девенпорта Дённа.

Окруженный письмами, бумагами и депешами, великій дѣлецъ работалъ съ такимъ же комфортомъ, какъ будто онъ былъ у себя въ кабинетѣ. Отъ Девиса не ускользнули пистолеты, помѣщавшіеся въ простѣнкѣ между оконъ и сонетка висѣвшая около самаго стола; снурокъ ея проходилъ сквозь крышу купе и видимо имѣлъ сообщеніе съ кондукторскимъ вагономъ. Обрѣзать его и завязать узелъ снаружи, чтобы сидящій внутри купе ни о чемъ не догадался, было дѣломъ одной минуты.

Принявъ всѣ эти предосторожности, Девисъ впустилъ въ замочную скважину свою отмычку, безъ шума отперъ замокъ и отворивъ дверь, вошелъ во внутренность вагона. Шумъ захлопнувшейся двери заставилъ вздрогнуть Девенпорта Дённа, и оглянуться на вошедшаго. Первымъ его движеніемъ было позвонить, но снурокъ сонетки, какъ только онъ за него дернулъ, остался у него въ рукахъ — и онъ понялъ, что все было обдумано и предусмотрѣно заранѣе.

— Оставьте ваши пистолеты въ покоѣ, хладнокровно замѣтилъ ему Грогъ, вѣдь я тоже не безоруженъ. Если бы мнѣ была нужна ваша жизнь, то я двадцать разъ успѣлъ бы убить васъ въ эти послѣднія десять или двѣнадцать минутъ.

— Что значитъ это насиліе, сэръ? По какому праву осмѣлились вы войти сюда? — воскликнулъ Дённъ внѣ себя отъ гнѣва. И быстрымъ движеніемъ онъ опустилъ окно, — но въ туже ми-

нуту желѣзная рука Грога схватила его и удержала неподвижнымъ на мѣстѣ.

— Полно вамъ дурить, проговорилъ онъ сурово, я этого не потерплю. Я пришелъ сюда съ обдуманнымъ намѣреніемъ и не уйду, пока не исполню его. Вы меня знаете.

— Да, я дѣйствительно знаю васъ, съ оскорбительной ироніей отвѣчалъ Дённъ.

— Точно также какъ и я знаю, что вы за птица. Генксъ, Симми Генксъ, разсказалъ мнѣ штучки двѣ; впрочемъ скоро и цѣлый свѣтъ узнаетъ про нихъ. Но мнѣ до этого дѣла нѣтъ; оплетайте ихъ всѣхъ, сколько вамъ угодно, только не трогайте Кита Девиса. Вотъ что привело меня сюда: дочь моя замужемъ за Аннесли Бичеромъ, теперешнимъ виконтомъ Лаккингтономъ;— право на титулъ и на помѣстья оспариваетъ у него другой; вы знаете коротко въ чемъ самая суть тяжбы и, какъ я слышалъ, можете по своему произволу удружить той или другой сторонѣ. Вотъ я и пришелъ съ вами сторговаться: сколько вы запросите? Лучше говорить прямо, а то, что толку плутать окольными путями?

— Я не могу быть вамъ полезенъ въ этомъ дѣлѣ, нерѣшительно отвѣчалъ Дённъ; бумаги находятся не у меня: процессъ Конуэя въ рукахъ у лучшихъ адвокатовъ...

— Все это я знаю, и знаю, кромѣ того, что у васъ въ отели Кальверта назначено по этому дѣлу свиданье съ Фордайсомъ; и такъ, говорите прямо и не хитрите со мною. У кого эти бумаги?

Дённъ вздрогнулъ при этомъ неожиданномъ вопросѣ и быстро взглянулъ въ тотъ уголъ вагона, гдѣ стояла окованная мѣдью шкатулка. Какъ ни быстро былъ брошенъ этотъ взглядъ, онъ не ускользнулъ отъ напряженной наблюдательности Девиса, который снова приступилъ съ своимъ вопросомъ: — Гдѣ же онѣ?

— Однѣ находятся у адвоката Конуэя, другія обманомъ увезены въ Крымъ особою, которая нѣкогда пользовалась моимъ довѣріемъ; часть ихъ, полагаю, находится у матери Конуэя, въ уэльскомъ княжествѣ...

— А другая часть лежитъ вотъ въ этой шкатулкѣ, подсказалъ Девисъ съ вызывающимъ взглядомъ.

— Ни одна. Я могу поклясться вамъ какою угодно страшною клятвою, что въ этой шкатулкѣ нѣтъ ни одного документа относящагося къ этому дѣлу. И при этихъ словахъ голосъ Дённа дрожалъ отъ волненія, и онъ былъ блѣденъ какъ полотно.

— А что если я не повѣрю вашимъ клятвамъ? перебилъ его

Грогъ, проницательные глаза котораго, казалось, насквозь видѣли самые сокровенные помыслы противника. Мы съ вами не со вчерашняго дня научились шутить клятвами. Отоприте этотъ ящикъ, я самъ хочу просмотрѣть, что въ немъ такое хранится.

— Этого вамъ никогда не увидать! воскликнулъ Дённъ съ бѣшенствомъ, хватаясь за лежавшую передъ нимъ связку ключей и пряча ее у себя на груди.

— Мнѣ нравится ваша прыть, Дённъ, только она на этотъ разъ не поможетъ вамъ; выбирайте одно изъ двухъ: или отоприте мнѣ эту шкатулку теперь же, или я унесу ее съ собою.

— Ни тому, ни другому не бывать, воскликнулъ Дённъ, доведенный до крайнихъ предѣловъ гнѣва.

— А вотъ мы прежде подальше припрячемъ эти скверныя игрушки—и съ этими словами Девисъ однимъ прыжкомъ овладѣлъ пистолетами и выбросилъ ихъ изъ окна; но при этомъ онъ по необходимости долженъ былъ наклонить свое туловище впередъ и очутился къ Девенпорту Дённу спиною. Съ быстротою молніи выхватилъ Дённъ заряженый пистолетъ, спрятанный у него на груди и, приставивъ дуло къ головѣ противника, въ упоръ спустилъ курокъ. Быстрое движеніе шеи было причиною, что пуля только скользнула вдоль черепной кости и, пройдя между мускулами шеи, засѣла повыше плеча. Ужасная эта рана не помѣшала Девису тигромъ устремиться на своего врага. У него не вырвалось ни одного слова, ни одного звука; мучимый страшною болью, онъ схватилъ Дённа одною рукою за горло, другою же, вынувъ изъ за пазухи тяжелый кистень, ударилъ имъ его по головѣ. Раздался страшный крикъ, призывавшій на помощь, но онъ замеръ въ послѣдовавшемъ стенаніи и Дённъ, свалившись съ своего стула, мертвый растянулся на полу. Черепъ у него былъ раздробленъ въ двухъ мѣстахъ, и жизнь погасла мгновенно. Девисъ нагнулся, приложилъ руку къ сердцу и убѣдился, что все кончено. По тѣлу его пробѣжалъ мгновенный ознобъ, но онъ тотчасъ же разстегнулъ сюртукъ убитаго и, овладѣвъ связкою ключей, приступилъ къ осмотру шкатулки. Она была наполнена фамильными документами, принадлежавшими Гленгариффамъ; одна только бумага и была съ именемъ Лаккингтоновъ: то была отступная отъ всякихъ претензій противъ Девенпорта Дённа, данная будто бы покойнымъ лордомъ, подпись котораго была однако означена на бумагѣ карандашемъ.

— Игра не стоила свѣчъ, проговорилъ Девисъ, бросая помy-

тившійся взглядъ на безжизненную массу, лежавшую у ногъ его. Впрочемъ, добавилъ онъ, я не виноватъ, онъ началъ первый.

Громкій свистъ локомотива возвѣстилъ о приближеніи къ станціи. Девисъ, не дожидаясь кондуктора, самъ отперъ дверь и, едва передвигая ноги, вслѣдствіе полученной имъ раны, сошелъ на платформу.

— Позовите начальника станціи, сказалъ онъ первому встрѣтившемуся чиновнику. Пошлите тоже кого нибудь за докторомъ, потому что я тяжело раненъ, и за полисменомъ, потому что я хочу отдать себя въ руки правосудія. Немного помолчавъ онъ добавилъ: Тамъ, въ вагонѣ, вы найдете мертвое тѣло.

ГЛАВА XXII.

Судъ.

Не успѣли афиши, извѣщавшія объ ужасномъ убійствѣ Девенпорта Дённа, обѣжать весь городъ, какъ уже второе изданіе утреннихъ газетъ разнесло повсюду вѣсть о разореніи, являвшемся неминуемымъ послѣдствіемъ этого событія. Одна за другою приходили вѣсти о томъ, что казначей гленгарифской компаніи бѣжалъ съ пятидесятью тысячами фунтовъ, что оссорскій банкъ прекратилъ выдачу денегъ; только и слуховъ было, что о лопавшихся компаніяхъ и о повсемѣстныхъ кризисахъ. Впродолженіи многихъ недѣль столбцы газетъ наполнялись описаніями безчисленныхъ бѣдствій, причиненныхъ безчестностью погибшаго милліонера. Судьямъ отбою не было отъ жалобъ просителей, лишенныхъ послѣднихъ средствъ существованія.

Въ публичныхъ кафе толпились люди, торопившіеся узнать, подложны или нѣтъ тѣ документы и обезпеченія, въ которыхъ заключалось все ихъ состояніе. Казалось, что довѣрія нигдѣ болѣе не существуетъ. Каждый дрожалъ распечатывая письмо и никто не былъ увѣренъ, что слѣдующее же мгновеніе не принесетъ ему вѣсти о его конечномъ разореніи.

Но между безчисленными жертвами вѣроломства Дённа, была

одна, упорно отказывавшаяся вѣрить его виновности: то былъ старый графъ гленгариффскій. Онъ былъ такъ пораженъ извѣстіемъ объ убійствѣ, что умственныя способности его не могли уже вполнѣ оправиться отъ этого перваго потрясенія, — онъ то ожидалъ съ тревожнымъ нетерпѣніемъ пріѣзда Дённа, то впадалъ въ уныніе, видя, что Дённа нѣтъ какъ нѣтъ. Такъ годъ за годъ проходила его жизнь; дочь окружала его всевозможными заботами, всячески старалась скрыть отъ него печальную перемѣну ихъ положенія и въ угоду старику обманывала его надеждами на блестящее будущее.

Наконецъ, общественное вниманіе было отвлечено въ другую сторону объявленіемъ, что въ такой-то день Христофоръ Девисъ будетъ судиться въ Ольдъ-Бели за убійство Девенпорта Дённа.

Во все продолженіе слѣдствія Девисъ хранилъ упорное молчаніе относительно причинъ, побудившихъ его къ этому дѣлу. Онъ наотрѣзъ объявилъ, что откладываетъ всякія объясненія до того времени, когда будетъ стоять передъ судьями и, нисколько не стѣсняясь, выказывалъ дерзкое равнодушіе къ приговору, который, какъ онъ очень хорошо зналъ, не могъ измѣнить его участь; своему же адвокату онъ открылся, что не хочетъ, чтобы сторонники Конуэя узнали о неудачной попыткѣ его овладѣть бумагами, потому что его предполагаемое обладаніе ими быть можетъ еще склонитъ ихъ на сдѣлку съ Бичеромъ.

Напрасно говорили ему, что упорство его не отвѣчать на вопросы присяжныхъ можетъ сильно повредить его дѣлу, возстановивъ противъ него общественное мнѣніе; онъ оставался непоколебимъ и лаконически отвѣчалъ: «Тутъ затронуты интересы поважнѣе моихъ собственныхъ — то интересы моей дочери, виконтессы; надо объ ней думать, а не обо мнѣ». Въ теченіе всего долгаго промежутка времени, который предшествовалъ суду, онъ оказывалъ весьма ограниченное довѣріе своему адвокату; совѣщался онъ съ нимъ преимущественно о юридическихъ тонкостяхъ, распрашивалъ его о случаяхъ, схожихъ съ его собственнымъ, занесенныхъ въ лѣтописи уголовнаго права; по всему видно было, что онъ ищетъ только освоиться съ подробностями и защиту свою передъ присяжными беретъ на себя.

Наконецъ, настало многознаменательное утро, и когда въ присутствіи многочисленнаго собранія оффиціальный обвинитель предложилъ подсудимому обычный вопросъ: «признаетъ-ли онъ себя виновнымъ или невиновнымъ»? то общее вниманіе обратилось на послѣдняго. Одни ожидали видѣть его унылымъ и рас-

теряннымъ, другіе готовились къ наглымъ пріемамъ. Тѣ и другіе ошиблись въ расчетѣ: онъ спокойнымъ твердымъ взглядомъ окинулъ судей и присяжныхъ и въ этомъ взглядѣ были неподдѣльное достоинство и сила. Онъ не напрашивался на привѣтствія тѣхъ своихъ знакомыхъ, которые находились между зрителями, но и не избѣгалъ ихъ и съ небрежною развязностью отвѣчалъ на поклоны всѣхъ «этихъ франтовъ», какъ онъ ихъ называлъ.

Я вовсе не имѣю намѣренія задерживать читателя подробнымъ описаніемъ самого процесса. Въ мастерски составленномъ повѣствованіи адвокатъ обвиняющей стороны прослѣдилъ Девиса отъ самого отправленія его изъ Лондона и до прибытія въ Честеръ; самый подробный отчетъ былъ данъ о тѣхъ двухъ часахъ, которые онъ провелъ въ Честерѣ; правда, нѣсколько трудно было доказать тождественность подсудимаго съ путешественникомъ, сѣвшимъ на этой станціи, но были основательныя причины думать, что оба — одно и тоже лице. Что же касалось до самого убійства, то тутъ единственнымъ основаніемъ для догадокъ могло служить положеніе, въ которомъ найдено тѣло и сущность ранъ, причинившихъ смерть. Относительно послѣднихъ не могло быть никакого сомнѣнія: медицинскіе свидѣтели въ одинъ голосъ показали, что смерть должна была быть мгновенна. Для объясненія причинъ, побудившихъ Девиса къ преступленію—хотя онѣ были и не важны съ точки зрѣнія закона,—адвокатъ обвиняющей стороны позволилъ себѣ намекнуть на всѣмъ извѣстныя личныя свойства подсудимаго и на какія-то черты изъ прежней его жизни.

Но тутъ Девисъ неожиданно перебилъ ему рѣчь, воскликнувъ:

— Ни одна изъ нихъ не включена въ обвинительный актъ, сэръ:—я сужусь теперь по обвиненію въ убійствѣ, а не за то, что отстегалъ васъ кнутомъ въ Аскотѣ, въ тотъ годъ, когда Комюсъ выигралъ призовую чашу.

Эти оскорбительныя слова были сказаны такимъ голосомъ, который раздался по всей залѣ и принудилъ адвоката съ жаромъ обратиться къ судьямъ съ просьбою о заступничествѣ; судья не замедлилъ сдѣлать выговоръ Девису и напомнить ему о неприличіи подобной выходки со стороны человѣка, переживающаго такую торжественную минуту.

—Торжественна-то она точно могла бы быть, если бы я сознавалъ себя виновнымъ, милордъ; но такъ какъ совѣсть моя совершенно спокойна, то я могу только досадовать на непріят-

ность настоящаго своего положенія.—Таковъ былъ отвѣтъ Грога, который при этомъ окинулъ все собраніе вызывающимъ взглядомъ.

Когда кончилась перекличка свидѣтелей обвиняющей стороны, Девисъ всталъ, и, полный спокойнаго самообладанія, обратился къ ареопагу съ слѣдующей рѣчью:

—Если бы я хотѣлъ сообразоваться съ обычаемъ, принятымъ въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, я началъ-бы съ того, что выразилъ-бы удовольствіе видѣть свое дѣло въ рукахъ столь праведнаго судьи и столь мудрыхъ присяжныхъ. Потомъ, послѣ небольшаго отступленія на тему: что чистая совѣсть есть высочайшее изъ благъ, пустился-бы минутъ на пятнадцать или на двадцать въ краснорѣчивыя выраженія соболѣзнованья о томъ добродѣтельномъ мужѣ, безвременная смерть котораго дала поводъ къ настоящему процессу. Но я ничего этого ни сдѣлаю. Судьи обыкновенно бываютъ справедливы; присяжные большею частью добросовѣстно вникаютъ въ дѣло; и такъ, я считаю себя столь же безопаснымъ, стоя передъ вашимъ сіятельствомъ и передъ вами, господа, какъ и передъ любыми другими судьями. Что же касается до мистера Девенпорта Дённа и его добродѣтелей, то объ этомъ предметѣ, господа, такъ-же какъ и о репутаціи вашего покорнѣйшаго слуги, чѣмъ меньше мы будемъ распространяться, тѣмъ лучше. Это впрочемъ не значитъ, чтобы сравненіе съ нимъ могло быть невыгодно для меня,—далеко нѣтъ; оба мы съ нимъ были искатели приключеній, каждый изъ насъ пользовался слабостями ближнихъ для собственной наживы; вся разница только въ томъ, что онъ игралъ навѣрняка, между тѣмъ какъ я не уклонялся отъ своей доли риска. Моими *жертвами* были молокососы, вступавшіе въ жизнь съ большимъ запасомъ денегъ и малымъ запасомъ опытности; его же жертвами были сироты и вдовы, довѣрявшія ему свои послѣднія скудныя средства существованія. Но я полагаю, что вамъ нѣтъ дѣла ни до его, ни до моихъ личныхъ свойствъ; вы собрались здѣсь, чтобы узнать какъ онъ погибъ,—и объ этомъ я вамъ разскажу.

И въ совершенно спокойномъ и безстрастномъ повѣтствованіи онъ передалъ какъ, по дѣлу весьма важному, но сущность котораго онъ не желалъ излагать, онъ имѣлъ свиданіе съ Девенпортомъ Дённомъ въ тотъ роковой вечеръ, когда случилось убійство.

— Объясненія по этому дѣлу, продолжалъ онъ:—вызвали весьма крупный разговоръ, и Девисъ, выведенный изъ терпѣнія, проговорился о томъ, что знаетъ всѣ тайныя плутни Девенпорта Дённа

и объявилъ послѣднему, что настала пора сорвать съ него маску и показать свѣту, что онъ за человѣкъ. Я имѣлъ основаніе думать, продолжалъ онъ:—что въ красной шкатулкѣ, стоявшей у ногъ моихъ, находился документъ, предъявленіе котораго въ судѣ могло спасти отъ разоренія одного близкаго мнѣ человѣка, и который Дённъ везъ съ собою въ Лондонъ съ тѣмъ, чтобы передать его въ руки противной сторонѣ. Я сдѣлалъ видъ, что положительно увѣренъ, что документъ находится въ шкатулкѣ, и смущеніе его показало мнѣ, что догадка моя была справедлива. Я предложилъ ему самыя выгодныя условія, какихъ онъ только могъ ожидать, но онъ ихъ не принялъ. Между тѣмъ время шло и мы подъѣзжали къ станціи, на которой я долженъ былъ сойти; доведенный до отчаянія, я объявилъ ему, что взломаю шкатулку, если онъ не согласится ее отпереть. Съ этими словами я наклонился; въ ту же минуту онъ схватилъ пистолетъ и выстрѣлилъ въ меня. Пуля скользнула по черепу и засѣла въ шеѣ. Вотъ рана,—продолжалъ онъ, обнажая шею:—а вотъ и самая пуля. Я не лишился чувствъ, а потому вскочилъ на ноги и убилъ его.

При этихъ словахъ тихій ропотъ ужаса и негодованія пробѣжалъ въ толпѣ. Девисъ отвѣчалъ на это выраженіе неодобренія спокойнымъ, рѣшительнымъ взглядомъ.

— Остальныя подробности событія вамъ уже извѣстны, продолжалъ онъ:—одинъ мой знакомый адвокатъ говорилъ мнѣ, что въ подобныхъ случаяхъ не безполезно бываетъ назвать нѣсколько лицъ, могущихъ дать о подсудимомъ одобрительныя свидѣтельства. Для меня нѣтъ ничего легче, какъ удовлетворить подобному требованію. Я могу назвать вамъ, между прочимъ, благороднаго лорда, который знаетъ меня съ давнихъ поръ; вы можете распросить обо мнѣ одного почтеннаго епископа, который научилъ меня одной штучкѣ много лѣтъ тому назадъ. Успокойтесь милордъ, я никого больше не назову — мнѣ больше нечего говорить.

Присяжные, выслушавъ краткую рѣчь судьи, удалились. Послѣ кратковременнаго совѣщанія, они возвратились съ рѣшеніемъ: не виноватъ въ преднамѣренномъ убійствѣ, виноватъ въ неумышленномъ убійствѣ только. Девисъ спокойно выслушалъ это рѣшеніе, къ которому присяжные присовокупили, скорѣе впрочемъ для формы, напоминаніе о милосердіи. Судья отложилъ присужденіе наказанія, желая обдумать его именно въ духѣ этого милосердія, и засѣданіе кончилось.

ГЛАВА XXIII.

Эпилогъ.

Между смертью Девенпорта Дённа и процессомъ Кита Девиса прошло три мѣсяца; въ эти три мѣсяца въ участи нѣкоторыхъ изъ героевъ нашего разсказа произошли важныя перемѣны. Я не стану надоѣдать читателю подробнымъ изложенiемъ той судебной процедуры, результатомъ которой было признанiе за Чарльзомъ Конуэемъ титула и помѣстiй, принадлежавшихъ ему по праву. Довольно будетъ упомянуть, что между всѣми документами, способствовавшими такому исходу дѣла, ни одинъ не имѣлъ такой важности, какъ тѣ, на которые случайно напала Сибелла Келлетъ. Конуэй, имя котораго не задолго передъ тѣмъ едва ли было извѣстно, сдѣлался, благодаря своимъ подвигамъ въ Крыму, настоящею знаменитостью и потому всѣ съ живымъ участiемъ прочитали въ газетахъ слѣдующее извѣстiе: «Сегодня утромъ въ церкви посольства въ Перѣ состоялось бракосочетанiе виконта Лаккингтона, болѣе извѣстнаго нашимъ читателямъ подъ именемъ крымскаго Конуэя, съ миссъ Келлетъ, единственною дочерью умершаго капитана Келлетъ изъ Келлетъ-Корта. Счастливая чета отправляется завтра на королевскомъ кораблѣ Дедалѣ въ Мальту; такъ какъ они намѣреваются по дорогѣ посѣтить Италiю, то вѣроятно прибудутъ въ Англiю не ранѣе двухъ мѣсяцевъ.»

Яснымъ осеннимъ вечеромъ небольшое общество сидѣло на террасѣ виллы д'Эсте, выходящей на озеро. Общество это состояло изъ дамы и двухъ джентльменовъ. Дама сидѣла нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ и повидимому съ безпокойнымъ ожиданiемъ глядѣла куда-то вдаль, то наклоняясь впередъ и къ чему-то прислушиваясь, то снова усаживаясь въ прежнемъ положенiи.

Младшiй изъ двухъ мужчинъ повидимому раздѣлялъ ея безпокойство; что же касается до старшаго, невысокаго, но плотно сложеннаго господина, то онъ выказывалъ свое нетерпѣнiе развѣ тѣмъ, что прохаживался скорыми шагами взадъ и впередъ на небольшомъ пространствѣ и изрѣдка бросалъ на озеро быстрый, зоркiй взглядъ. Никто изъ нихъ не говорилъ ни слова. Наконецъ невысокiй господинъ спросилъ грубо:

— Да навѣрное ли вы помните, что она сказала, что они пріѣдутъ сегодня вечеромъ?

— Навѣрное; она сама прочитала мнѣ письмо. Къ тому же не въ привычкахъ сестры моей Джорджины дѣлать подобныя ошибки; не отправилась бы она такъ поспѣшно въ Лугано, если бы не была увѣрена, что они будутъ здѣсь сегодня къ вечеру.

— Признаюсь! Ваши знатные господа и благодарность какъ-то по своему понимаютъ, какъ и все остальное. Эти люди изъ деликатности оставили ей пожизненное пользованіе изряднымъ доходцемъ, а она въ отплату за это бѣгаетъ отъ нихъ, какъ отъ чумы.

— Но это какъ нельзя болѣе понятно, вступилась въ эту минуту дама:—развѣ она можетъ забыть, что они лишили ее титула, общественнаго положенія, самого имени даже? Я чувствую, что на ея мѣстѣ поступила бы точно также.

—Это правда, подхватилъ молодой человѣкъ:—Лицци совершенно права. Если бы не они, Джорджина все бы еще была виконтесса Лаккингтонъ.

— Вамъ и Богъ велѣлъ такъ смотрѣть на дѣло, съ презрительнымъ хохотомъ отвѣчалъ невысокій господинъ: — оба вы въ одинаковомъ съ нею положеніи, съ тою только разницею, что вамъ не оставили тысячи двухсотъ фунтовъ годоваго дохода.

—Кажется, лодка плыветъ. Такъ! я слышу шумъ веселъ, воскликнула дама.

— А важно бы было, если бы на ваше счастье, набѣжалъ теперь посильнѣе шквалъ, проговорилъ невысокій господинъ:—какъ подумаешь, какой вздоръ стоитъ иногда между человѣкомъ и двѣнадцатью тысячами годоваго дохода.

Повидимому слова эти нашли мало сочувствія въ слушающихъ, потому что они промолчали на нихъ.

— Вы, кажется, такъ и не отослали письма, спросилъ онъ, обращаясь къ молодому человѣку.

— Конечно нѣтъ, папа, я не могла унизиться до такой подлости, отвѣчалъ за него женскій голосъ.

— Унизиться? воскликнулъ Грогъ, — излишне и говорить, что это былъ никто иной, какъ онъ. — Это мнѣ нравится! Мы толкуемъ объ униженіи, когда мы доведены до пресмыканья!

— Да, чортъ возьми, съ горечью проговорилъ Бичеръ:—это правда.

— Я на вашемъ мѣстѣ непремѣнно отослалъ-бы письмо, продолжалъ Грогъ:—я выставилъ-бы имъ на видъ, что вы, молъ, наградили же вдову, не забудьте и насъ.

— Батюшка, батюшка, воскликнула Лицци умоляющимъ голосомъ:—вы-ли это говорите?

—Я и самъ чувствую, дочка, что въ былыя времена я-бы этого не сказалъ. Но послѣ этихъ шести мѣсяцевъ, что я высидѣлъ въ ньюгетской тюрьмѣ, я сталъ точно самъ не свой. Того, чѣмъ я былъ прежде, не осталось во мнѣ и слѣда; скучная тюремная жизнь подкосила старика Грога и ему уже больше не оправиться.—Тяжелый вздохъ закончилъ эту рѣчь и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ всѣ хранили глубокое молчаніе.

— Къ пристани заворачиваетъ лодка, внезапно воскликнулъ Бичеръ.

— Я должна, я хочу ихъ видѣть, проговорила Лицци, вставая и кутаясь въ шаль: — не изъ одного празднаго любопытства хочу я видѣть этого крымскаго героя и его героиню жену.— Трудно было рѣшить, въ какомъ смыслѣ были сказаны послѣднія слова, такъ странно сливался въ нихъ сарказмъ съ серьезнымъ увлеченіемъ.—Вы идете, батюшка?

— И—нѣтъ, милая, рѣзко отвѣчалъ Грогъ:—двухгодовалый жеребчикъ хорошей породы гораздо интереснѣе для меня всѣхъ красавицъ и всѣхъ героевъ Европы.

— А ты, Бичеръ? улыбаясь обратилась она къ мужу.

— Гмъ! особеннаго желанія не имѣю. Оба они слишкомъ насолили мнѣ, чтобы я могъ относиться къ нимъ съ особенно теплымъ участіемъ.

Не успѣлъ онъ договорить, какъ балконная дверь, выходившая на террасу, распахнулась настежъ и широкая струя свѣта хлынула на то самое мѣсто, гдѣ они стояли. Въ ту же минуту къ нимъ подошелъ джентльменъ, ведя какую-то даму подъ руку.

— Мистеръ Аннесли Бичеръ здѣсь, если я не ошибаюсь? проговорилъ незнакомецъ.

— Да, это я самъ, было отвѣтомъ.

— Позвольте-же мнѣ, по праву кузена, пожать вамъ руку, продолжалъ тотъ:—вы знавали меня въ прежніе годы подъ именемъ Чарльза Конуэя, а жена моя имѣетъ притязаніе на еще болѣе старинное знакомство съ вами.

— Отецъ мой горячо любилъ васъ, поспѣшила тутъ вмѣшаться Сибелла.

Бичеръ пробормоталъ какіе-то неясные звуки.

—Съ вашей стороны очень естественно смотрѣть на меня, какъ на виновника вашего несчастія, продолжалъ Конуэй:—но я думаю, что нѣтъ такой игры, въ которой всѣ могли-бы остаться въ

выигрышъ. Одно небольшое вознагражденіе впрочемъ въ моей власти. Адвокаты говорили мнѣ, что для упроченія за нами права на ирландскія помѣстья потребуется особый процессъ. Возьмите-же ихъ себѣ: даю вамъ слово за себя и за наслѣдниковъ своихъ никогда не оспаривать ихъ у васъ. Я объ одномъ только прошу, чтобы между нами не оставалось и тѣни непріязни. Будемте друзьями.

— На меня, по крайней мѣрѣ, вы можете расчитывать въ этомъ отношеніи, сказала Лицци, протягивая ему руку.—Откровенно говорю, я горжусь вашимъ знакомствомъ.

— Прошу и меня принять въ этомъ дружественный союзъ, сказала Сибелла, подходя къ Лицци.

— Намъ нечего прощать другъ другу, милая кузина, а потому намъ не нужно никакихъ предварительныхъ объясненій, чтобы сдѣлаться друзьями.

Послѣ такого удачнаго вступленія въ знакомство, они продолжали всѣ вмѣстѣ прогулку по террасѣ, пока наконецъ ночная свѣжесть не напомнила Конуэю, что онъ еще не такъ давно оправился отъ болѣзни.

— Такъ до завтра, проговорила Сибелла, цѣлуя Лицци въ щеку.

— До завтра, отвѣчала послѣдняя и крупная слеза при этомъ катилась у нея изъ глазъ. Не весело было у нея на душѣ, когда она проводила глазами удаляющуюся парочку.

— Ну, не молодецъ ли онъ! воскликнулъ Бичеръ, взявъ жену подъ руку и увлекая ее за собою.—Представь себѣ, онъ и вѣрить не хочетъ, что мы подсылали тѣхъ молодчиковъ въ Крымъ, чтобы стащить у него бумаги; онъ воображаетъ, что между нами все дѣло велось на чистоту... Ба! да я и забылъ, что ты ничего этого не знала. Ну да не въ томъ дѣло; онъ безспорно великолѣпный малый,—вѣдь онъ уступаетъ намъ ирландскія помѣстья и еще старый Келлетъ-картскій замокъ въ придачу. Гдѣ же твой отецъ? У меня такъ и чешется языкъ разсказать ему эту новость.

— Я здѣсь, угрюмо отвѣчалъ Девисъ, выходя изъ небольшой бесѣдки, въ которой укрывался.

— Ура, старый другъ, дѣла наши идутъ отлично, весело воскликнулъ Бичеръ.—Я подъѣхалъ къ Конуэю съ родственностью и такъ съумѣлъ обойти его, что онъ въ концѣ концовъ предложилъ мнѣ ирландскія помѣстья.

Грогъ издалъ отрывистое рычанье и уставилъ пристальный взглядъ на свою дочь, которая, поблѣднѣвъ и дрожа всѣмъ тѣломъ, ухватилась за его руку, чтобы не упасть.

— Онъ, конечно, понялъ, продолжалъ Бичеръ:—что наше положеніе незавидное.

— Я хочу знать, что *вы* отвѣчали ему, проговорила Лиццы задыхающимся голосомъ.

— Одинъ отвѣтъ только и былъ возможенъ, воскликнулъ Бичеръ:—я ухватился за его предложеніе обѣими руками.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу этому вѣрить, продолжала она въ сильномъ волненіи:—вы не могли этаго сдѣлать; не вчера ли еще вечеромъ, гуляя по этой самой террасѣ, я говорила вамъ о томъ, какъ мы отправимся въ какую нибудь отдаленную англійскую колонію и тамъ будемъ существовать честнымъ трудомъ. Я говорила вамъ, что готова нести свою долю труда и вы соглашались со мною, что жить такимъ образомъ въ тысячу разъ лучше нежели жить въ зависимости со дня на день. Не могли же вы забыть все это?

— Забыть-то я не забылъ, но, признаюсь, я нашелъ, что теплый, уютный уголъ и тысяча двѣсти фунтовъ годоваго дохода куда болѣе сильныя приманки, чѣмъ должность школьнаго учителя въ Окландѣ или инженера путей сообщенія въ Викторіи.

— Нѣтъ, нѣтъ, скажи мнѣ, Аннесли, что ты только пошутилъ со мною, что ты никогда этого не говорилъ.

— А вѣдь Лиццы права; ей Богу, права! воскликнулъ Грогъ съ рѣшительнымъ видомъ.

— Если вы думаете, что я отказался отъ его предложенія, то вы оба жестоко ошибаетесь; чтобы скрѣпить договоръ, я даже объявилъ ему, что завтра же отправляюсь въ Ирландію.

— А я въ Новый Орлеанъ, проговорилъ Грогъ, встряхнувшись, какъ будто ему удалось сбросить съ плечь тяжелую ношу.

— Не возьмете ли вы съ собою попутчика, батюшка? спросила Лиццы тихимъ голосомъ.

— Кто же этотъ попутчикъ, дочка?

— Лиццы,—ваша Лиццы!

— Возьму, дочка, и отъ всей души, воскликнулъ онъ, обнимая и цѣлуя ее съ глубокою нѣжностью.

— Прощайте, сэръ, продолжала она, протягивая руку Бичеру.— Въ нашъ договоръ съ самаго начала закралась фальшь; было бы жалкимъ самообольщеніемъ держаться за него долѣе.

— Я зналъ, что рано или поздно, мнѣ повезетъ счастье, пробормоталъ Бичеръ, провожая ее глазами съ террасы.—Но кто бы подумалъ, что въ одинъ вечеръ я приберу къ рукамъ помѣстье, и сбуду съ рукъ жену?

ТЬМА.

Въ золотое время, въ молодые годы,
Я на свѣтлый праздникъ жизни и свободы
Бодро выходилъ;
Предо мной вставали люди — великаны,
Вѣрилось мнѣ сладко въ ихъ надежды, планы,
Въ крѣпость свѣжихъ силъ;
Вѣрилось, что въ битву за святое дѣло
Ринемся мы вмѣстѣ бѣшено и смѣло,
Что пройдутъ года —
И земля окрѣпнетъ въ сотрясеньи бурномъ,
И засвѣтитъ ярко на небѣ лазурномъ
Новая звѣзда.
Предо мною гордо развѣвались флаги,
Клики горделивой, доблестной отваги
Поражали слухъ,
Все къ борьбѣ великой грозно призывало,
Мыслью о побѣдѣ сладко волновало
Напряженный духъ...

***

Свѣтлыя надежды, радужныя грезы!
Ѣдкіе туманы, жгучіе морозы
Сокрушили васъ, —
Яркій лучъ высокихъ, гордыхъ ожиданій
Въ мракѣ ядовитомъ гнета и страданій
Навсегда угасъ.
Эти великаны — жалкіе пигмеи,
Подъ ярмо покорно протянули шеи
И, цѣпьми звеня,
Предъ врагомъ могучимъ пали ницъ послушно
И изъ новыхъ рамокъ тупо-равнодушно
Смотрятъ на меня.

Сломанныя копья, свернутые флаги,
Спячка вмѣсто кликовъ доблестной отваги,
Мелкія дѣла —
Все свидѣтель грустный, что людское племя
Съ плечъ своихъ не можетъ смѣло сбросить бремя
Міроваго зла...

* *
*

И порою только этотъ мракъ глубокій
Свѣтомъ озарится... голосъ одинокій
Крикнетъ вдругъ пора!
И уснувшимъ людямъ онъ напомнитъ смѣло
Про борьбу святую за святое дѣло
Правды и добра!
И какъ будто снова встрепенутся люди,
И кой-гдѣ какъ будто снова дрогнутъ груди,
Мигъ — и все прошло, —
И тоскливо замеръ голосъ благородный,
И опять повсюду властелинъ свободный—
Міровое зло!..

П. Вейнбергъ.

ГЕЙНЕ И БЕРНЕ.

Старый Шлоссеръ, оканчивая «Исторію XVIII и XIX столѣтій» паденіемъ Наполеона, говоритъ, что онъ охотно бросаетъ перо, чтобы не описывать смрада и грязи, составляющихъ исторію Европы съ 1815 года. Гервинусъ взялся за это дѣло. Но при всѣхъ достоинствахъ его труда, картина, рисуемая имъ, далеко не представляетъ всей пошлости изображаемой имъ эпохи. Въ его трудѣ нельзя найти яркихъ слѣдовъ времени, губившаго все, что было въ немъ хорошаго. Для полнаго уразумѣнія его, необходимо обратиться къ живымъ источникамъ, къ сочиненіямъ тѣхъ писателей, которые сами чувствовали могильный холодъ этого періода, сами страдали отъ него, и, только читая ихъ, мы можемъ вполнѣ понять значеніе этого грустнаго времени. По Байрону мы можемъ судить, до какой степени отчаянія могъ дойти человѣкъ, неиспорченный окружающей средой, оставшійся чуждымъ тогдашнему обществу, неслужившій ему, а боровшійся съ нимъ. Гражданинъ міра, Байронъ, долженъ былъ дѣлить скорбь всего міра, и поэтому такъ глубоко отчаяніе, звучащее въ его голосѣ. Въ пѣсняхъ Барбье мы, напротивъ, находимъ горе француза. Мы слышимъ въ нихъ негодованіе и ярость человѣка, принадлежащаго къ націи, для которой реакція была тѣмъ страшнѣе, что наступила послѣ самыхъ радужныхъ дней, разочарованіе тѣмъ горьше, что замѣняло самыя смѣлыя, самыя блистательныя надежды.

Ни этихъ дней, ни этихъ надеждъ не видала и не питала Германія. Все, что она получила хорошаго въ года, предшествовавшіе реакціи, получила отъ Франціи. Франція освободила ее отъ ста-

рыхъ цѣпей, Франція вывела ее изъ феодализма и ввела въ міръ новыхъ идей, выработанныхъ ею во второй половинѣ XVIII вѣка. Но взамѣнъ стараго деспотизма она дала ей наполеоновскихъ капраловъ и сбировъ вмѣстѣ съ плодами высокаго нравственнаго развитія. Поэтому Германія не могла оцѣнить благодѣяній, доставшихся ей пополамъ съ палочными ударами и военно-судными коммисіями; естественно, что въ такихъ обстоятельствахъ усилія благородныхъ людей были направлены противъ самого крупнаго и рѣзкаго зла, т. е. противъ французскаго ига. Здѣсь нечего разсказывать, какимъ образомъ, по сверженіи его, надежды народовъ, въ томъ числѣ и нѣмцевъ, были обмануты вѣнскимъ конгрессомъ. Какъ бы то ни было, но нѣмцы скоро увидѣли, что попали изъ кулька въ рогожку.

Вмѣсто одного Даву надъ Германіей тяготѣли тридцать шесть правителей. Народъ былъ обманутъ самымъ постыднымъ образомъ. Лучшіе люди Германіи, какъ Янъ, Герресъ, хотя узкіе и недальніе, но честные, сидѣли въ Кюстринѣ. Другіе, бывшіе либеральными въ блаженные дни либерализма Фридриха Вильгельма III, Франца I и др., теперь притихли и присмирѣли, видя, что вѣтеръ перемѣнился. Наступило время конгрессовъ, торговли народами, Кюстриновъ и Шпандау, *madame* Крюднеръ и кодекса жандармеріи Камптца. Среди этой мертвенности филистерство все глубже и глубже въѣдалось, какъ золотуха, въ кровь и мозгъ нѣмца и грозило принять гигантскіе размѣры и подавить окончательно все живое, всякое проявленіе чувства и мысли, всякую истину.

Къ счастію, филистерство у насъ почти совершенно неизвѣстно; поэтому я считаю нелишнимъ объяснить ужасное значеніе этого слова, повидимому ничего ужаснаго въ себѣ неимѣющаго. Когда человѣкъ начнетъ ставить форму выше содержанія, когда онъ доведетъ себя до такой черствости, что его шокируетъ всякое проявленіе чувства, когда дѣйствительная жизнь ему опротивѣла и онъ ищетъ себѣ идеаловъ въ мертвыхъ отвлеченностяхъ,—онъ дѣлается филистеромъ. Филистеры бѣгутъ отъ свѣта и истины въ трущобы схоластики и формалистики; они ненавидятъ всякую живую, сильную человѣческую страсть, толкуютъ о положительности, въ которой видятъ величайшую человѣческую мудрость и которая есть ничто иное, какъ самый жалкій, мелочной эгоизмъ улитки. Филистеры— враги всякой крайности и неспособны ни на одну. Это безстраст-

ная золотая середина, это не рыба и не мясо, какъ говоритъ Берне, это жалкія улитки, для которыхъ весь міръ заключенъ въ ихъ жесткой, вылуженной ими самими раковинѣ, которую они заботливо берегутъ отъ яркихъ лучей истины. Филистерство подразумѣваетъ цѣлый строй недостатковъ, вытекающихъ изъ него: мертвая ученость, бюрократизмъ, формализмъ, умѣренность—вотъ порожденія этой язвы, отъ которой страдаетъ весь образованный германскій міръ. Тѣ немногіе, смѣшные глупцы, называющіе сами себя положительными или практическими людьми, которые попадаются и у насъ, суть филистеры. Они считаютъ положительность, филистерство—противоположностью идеализму, и поэтому считаютъ долгомъ возставать противъ послѣдняго. Идеалиты съ своей стороны впадаютъ въ величайшую ошибку, считая ихъ солидарными съ реалистами: ихъ сбиваетъ съ толку слово положительность, которое эти улитки выдаютъ за свой принципъ. Ихъ взаимной брани можно радоваться, видя, какъ непріятельскіе полки, не узнавъ другъ друга, дерутся между собой. А они именно не узнаютъ другъ друга, не видятъ, что они одно и тоже. Положительность филистеровъ есть перезрѣлый плодъ идеализма. И напрасно идеалисты нападаютъ на филистеровъ, говорятъ о какой-то ихъ утилитарности, сухости и т. п. Филистеры сами ни въ чемъ не уступятъ самымъ записнымъ идеалистамъ; они охотники мечтать, и дальше мечты боятся идти, потому что дѣйствительный міръ для ихъ лѣниваго ума страшенъ.

Я уже сказалъ, что подобные люди составляютъ у насъ рѣдкое исключеніе. У насъ и безъ того слишкомъ много нелѣпостей, чтобы какое нибудь частное безобразіе могло составлять нашу отличительную черту. Въ Германіи же филистерство составляетъ главную язву страны Тамъ оно отравило лучшіе соки ея, поглотило лучшихъ ея дѣятелей. Начиная съ самого послѣдняго бурша и восходя до высшихъ ступеней человѣческаго ума, мы вездѣ встрѣчаемъ мертвенность, формализмъ, порожденные филистерствомъ. Послѣдній австрійскій, прусскій или баварскій чиновникъ, послѣдній бюргеръ вольнаго города Франкфурта точно такіе же черствые, сухіе филистеры, какъ и ученнѣйшіе люди Германіи, какъ члены нынѣшняго прусскаго парламента, объявившіе, что они надѣятся, что лѣтъ черезъ десять законность восторжествуетъ надъ Бисмаркомъ, и что они будутъ ждать этого торжества.

Теперь конечно въ самой Германіи есть много людей, которымъ

смѣшна эта филистерская борьба либераловъ съ юнкерами или препиранiе о schwarz-roth-güldener Fahne, но тогда такiя явленiя составляли исключительное свойство жизни германскаго общества. Политическое положенiе Европы было самое неблагопрiятное развитiю народовъ. Во Францiи возстановленная монархiя, запятнавъ себя всѣми ужасами *бѣлаго терроризма*, тулузской и авиньонской рѣзней, казнями и дружбой съ iезуитами, покидала свое мѣсто, которое занялъ Луи Филиппъ, «этотъ—по выраженiю Шатобрiана—«Sergent de ville, которому Европа могла плюнуть въ лицо.» Въ Испанiи Фердинандъ VII, съ помощью доблестной французской армiи, возстановлялъ инквизицiю и вѣшалъ Рiэго. Въ Англiи послѣ меттерниховскаго правленiя Кэстльри, послѣ казни Тистльвуда съ товарищами, велась мелочная и тупоумная съ обѣихъ сторонъ борьба за парламентскую реформу. Въ Италiи свирѣпствовали Пiй VII и Карлъ Феликсъ, а Фердинандъ сицилiйскiй травилъ народъ медвѣдями. Но нигдѣ не было такъ тяжело жить, какъ въ Германiи. Меттернихъ являлся кровожаднымъ только въ Италiи; въ самой же Германiи царство его и ему подобныхъ не скрывалось подъ видомъ дикаго произвола. Это былъ произволъ мелочной, филистерскiй, неубивающiй однимъ ударомъ, а отравляющiй медленнымъ ядомъ общественную жизнь. Произволъ этотъ дѣйствовалъ столько же черезъ писателей, въ родѣ Генца, сколько черезъ полицейскихъ агентовъ. Германiя сама чувствовала, что она сидитъ въ душной, мрачной тюрьмѣ. Въ ея униженiи и порабощенiи принимали участiе не только Меттернихи и его маленькiя креатуры, не только старый, бездушный Францъ I и меланхолическiй Фридрихъ Вильгельмъ, но и всѣ нравственные вожди нацiи. Вездѣ въ другихъ странахъ умственную жизнь народа тѣснили, сжимали и втискивали въ узкiя рамки; въ Германiи если и уничтожали ее, открытой силой, если пропускали сквозь фильтру всякую мысль, то кромѣ того еще искажали нравственный бытъ филистерскими, бюргерскими, рабскими инсинуацiями, въ которыхъ принимали участiе даже люди, повидимому, мыслящiе. Въ Европѣ преслѣдовали мысль, въ Германiи ее растлѣвали; въ Европѣ литература была стѣснена, въ Германiи развращена до послѣдней крайности, и не существовало низости доноса или клеветы, которою бы она не опозорила себя. Поэтому французъ, испанецъ, итальянецъ могли ждать и дождаться лучшихъ временъ; для нѣмца не существовало даже надежды на это.

Тридцать шесть правительствъ Германіи были тѣсно связаны между собой общими интересами. Четыре свободныхъ города управлялись и тогда, какъ и теперь по законамъ, существовавшимъ со временъ кулачнаго права. Каждый изъ этихъ правителей старался убѣдить своихъ подданныхъ, что они вовсе не нѣмцы, а баварцы, пруссаки, гессенцы, гогенцоллернъ-зигмарингенцы, и филистерство поддерживало эти убѣжденія. Правители и тогда, какъ и теперь, толковали о баварскомъ, прусскомъ, гессенскомъ, липпе-шаумбургскомъ патріотизмѣ. Правда, въ 1813 г. эти же правители охотно соизволяли милостиво выслушивать пѣсни германскаго патріота Арндта, но когда гроза миновалась, германскій патріотизмъ былъ удаленъ изъ литературы, а германскіе патріоты также удалены — въ Кюстринъ и Шпильбергъ. Впрочемъ удалять патріотовъ было не зачто: они ограничивались тѣмъ, что проповѣдывали ненависть къ французамъ даже тогда, когда Наполеонъ умеръ, когда войны съ Франціей никакой не предвидѣлось, да и вообще изъ Франціи кромѣ хорошаго ожидать было нечего. А такъ какъ это *хорошее* было въ глазахъ тогдашнихъ правительствъ дурнымъ, то имъ бы слѣдовало понастоящему поддерживать такое настроеніе германской патріотической лиры. Но съ другой стороны, всякій разъ, когда толки о германскомъ патріотизмѣ переставали быть совершенно заоблачной идеей и отвлеченной мечтой, въ родѣ любви соловья къ розѣ, какъ скоро являлась малѣйшая попытка придать имъ мало-мальски дѣйствительный смыслъ, то это было величайшей обидой для всѣхъ рудольфштадтъ—зондернгаузенскихъ и гессенъ-дармштадскихъ отцовъ отечества. Въ ихъ глазахъ это было бунтомъ, потому что всякое дѣйствительное выраженіе германскаго патріотизма направлялось противъ существованія патріотизмовъ гессенъ-дармштадскихъ и рудольфштадтъ-зондернъ-гаузенскихъ, бывшихъ опорою отдѣльныхъ деспотовъ. Поэтому, не смотря на всю свою благонамѣренность, несчастные ненавистники французовъ не замедлили раскаяться въ своемъ патріотизмѣ.

За ихъ дѣло взялись филистеры и состряпали, подъ названіемъ патріотизма, такое необыкновенное блюдо, что оно пришлось по вкусу даже взыскательнымъ на этотъ счетъ принцамъ, которые пожаловали филистерамъ разные почетные титулы тайныхъ, весьма тайныхъ и чрезвычайно тайныхъ совѣтниковъ. Они тоже, подобно истиннымъ патріотамъ временъ войны за освобожденіе, выражали ненависть къ Франціи и французамъ; но только у нихъ это происхо-

дило изъ совершенно иного источника. Тѣ, воюя противъ Франціи, когда иго уже было свергнуто, дѣлали это по ограниченности своего ума, неспособнаго ни къ малѣйшему развитію; они могли только всю жизнь разсуждать на одну извѣстную тему и разсуждали, не обращая вниманія, идутъ ли ихъ разсужденія къ дѣлу или нѣтъ; филистеры же ораторствовали противъ французовъ вовсе не потому, что когда-то французы угнетали Германію, а потому что ненавидѣли тѣ идеи, которыя были выработаны французской націей. Эта литература и процвѣтала въ Германіи во время Берне, прибавляя къ этому существенному своему свойству многія другія, какъ-то буквоѣдство Раумера, королевско прусскую философію Гегеля и инквизиціонную пропаганду противъ евреевъ. Впослѣдствіи нѣмецкіе князья убѣдились, что германскій патріотизмъ, котораго они прежде такъ боялись, пропитался тѣмъ же филистерствомъ, которое проникло во всѣ закоулки жизни нѣмцевъ. Убѣдившись въ этомъ, они стали относиться къ этому патріотизму весьма снисходительно, и теперь можно видѣть въ Германіи *цуги* патріотовъ-филистеровъ, марширующихъ безпрепятственно по улицамъ вольнаго города Франкфурта.

Всякій разъ, когда общество достигаетъ такого безобразнаго положенія, когда насиліе доходитъ до такого безстыдства, какъ было во время Наполеона и послѣдовавшей за его паденіемъ реакціи, всякій разъ, говорю я, среди этого общества является протестъ противъ такого положенія дѣлъ. Но чтобы протестовать открыто и смѣло, нуженъ сильный умъ, крѣпкая воля. Поэтому часто мы видимъ, что многіе люди, сознавшіе вполнѣ гадость окружающаго, вмѣсто того чтобы протестовать, стараются спастись, удалиться изъ среды, которая ихъ возмущаетъ. Мрачная дѣйствительность, вызывающая въ энергическихъ людяхъ сопротивленіе, на слабые характеры дѣйствуетъ иначе: они бѣгутъ отъ нея, стараются забыть ее, закрыть глаза на все совершающееся и обратиться къ воспоминаніямъ о прошедшемъ, которое по отдаленности представляется имъ въ розовомъ цвѣтѣ и которое они ошибочно надѣятся возвратить, забывая простую истину, что прошедшаго не воротишь. Часто также они заносятся въ заоблачныя пространства мечтательности, трансцендентализма и мистицизма. Такъ напр., во время упадка Римской имперіи, люди энергическіе шли безпрестанно проповѣдывать новое ученіе, не боясь ни

варваровъ, ни императорской полиціи, ни языческаго суда съ его пытками и мученіями. Люди же слабые бѣжали въ пустыни, отвращали свои взоры отъ земли и проводили годы въ мистическомъ самоуглубленіи или аскетическомъ умерщвленіи плоти. Дѣйствительность была для нихъ невыносима, и они, вмѣсто того чтобы стараться измѣнить ее, отворачивались отъ нея. Но такъ какъ и полное отчаяніе равно невозможно для слабыхъ натуръ, то они, предаваясь мечтамъ, обращали эти мечты для себя въ дѣйствительность, старались увѣрить себя, что если все погибло въ мірѣ фактовъ, то остается еще безконечный источникъ жизни и радости въ мірѣ отвлеченностей. То же самое повторялось и теперь. Между тѣмъ какъ люди даже очень ограниченные, но твердые и рѣшительные, какъ Янъ, или герои, какъ Пальмъ и Гоферъ, видя зло, старались побѣдить его, люди слабые, какъ Фихте и Шеллингъ, вступали въ рѣшительный разладъ съ дѣйствительностью, искали идеаловъ въ среднихъ вѣкахъ или доходили до полнаго отрицанія дѣйствительности.

Къ несчастію, такое положеніе Германіи продолжалось долго. Поэтому всегда находилось достаточно недовольныхъ имъ, и всегда эти люди шли, вслѣдствіе различія характеровъ, по двумъ разнымъ дорогамъ: одни дѣйствовали, другіе убѣгали дѣйствительности. Ограниченные люди въ другихъ государствахъ, принявъ за высшее проявленіе человѣческой мудрости то, что на самомъ дѣлѣ было уродливымъ порожденіемъ рабства, переселили нѣмецкую философію на свою почву и до сихъ поръ восторгаются ею. Другіе ограниченные люди приняли ее за доказательство нѣмецкой тупости и потратили не мало остроумія по этому поводу, не замѣчая того, что это явленіе вовсе не принадлежитъ исключительно Германіи, но являлось вездѣ, вслѣдстіе тѣхъ же причинъ.

Я сказалъ уже, что однимъ изъ отличительныхъ свойствъ германско-филистерской литературы во время Борне было преслѣдованіе евреевъ. Филистеры не считали евреевъ за людей и подвергали ихъ точно такому же гоненію, какому подвергаются райи въ Турціи. Такъ напр. въ вольныхъ городахъ могло быть въ одно и то же время не болѣе 4 врачей-евреевъ; адвокатами евреи вовсе не могли быть, и хотя для полученія отъ нихъ помощи въ 1813 г. это послѣднее правило было отмѣнено, но, воспользовавшись еврейскими деньгами, правительство разсудило, что надуть жидовъ не грѣхъ, и средневѣковой законъ былъ возстановленъ. Но этого филистерамъ

было мало; у нихъ было правило,—давать себѣ отчетъ во всѣхъ поступкахъ, и поэтому они не ограничивались тѣмъ, что преслѣдовали евреевъ; они постоянно старались доказать и самимъ себѣ, и евреямъ, что послѣдніе должны быть преслѣдуемы. Поэтому весьма естественно, что самый сильный протестъ долженъ былъ раздаться изъ среды задавленнаго и угнѣтеннаго еврейскаго народа, образованный классъ котораго, принадлежа повсему къ Германіи, чувствовалъ на себѣ точно клеймо преступленія, *первородный* грѣхъ своего происхожденія. Весьма естественно, что изъ числа этихъ униженныхъ и оскорбленныхъ людей вышли самые страшные враги тогдашняго общественнаго направленія. Во главѣ ихъ стоялъ Гейне, великій поэтическій талантъ, котораго самого по себѣ достаточно, чтобы обезсмертить его имя. Но здѣсь я хочу разсмотрѣть его политическое значеніе, его дѣятельность и характеръ. Въ политическомъ же отношеніи у него есть достойный сотрудникъ и соперникъ— Людовикъ Берне, о которомъ я поговорю подробнѣе, какъ о личности у насъ мало извѣстной.

Человѣкъ съ свободной, энергической душой не могъ равнодушно переносить чада, испускаемаго филистерами. Но чадъ этотъ не могъ произвести у него головокруженія и омрачить его умственныя способности. Гейне и Берне, одинъ по уму и развитію, другой по благородству характера, понимали лучше всѣхъ своихъ современниковъ состояніе общества, видѣли всю пошлость, въ которую была погружена безусловно умственная и матеріальная жизнь Германіи. Они чувствовали потребность бороться противъ этого мрака; но дѣятельныя натуры ихъ нуждались въ образѣ дѣйствій быстромъ и рѣшительномъ. Они не были способны къ медленному, едва осязательному въ своихъ ближайшихъ результатахъ противодѣйствію злу. Они не могли залѣсть на многіе годы въ кабинетъ, чтобы плодами многолѣтняго, ученаго труда, подобно Шлосееру содѣйствовать распространенію въ обществѣ здравыхъ понятій, искорененію лакейства и филистерства. Поэтому Берне явился—публицистомъ, Гейне—сатирикомъ. Но хотя литературная дѣятельность ихъ была такимъ образомъ различна, тѣмъ не менѣе у обоихъ ихъ есть общая черта, отличающая родъ оружія, избранный ими для бичеванія общественныхъ пороковъ и недостатковъ. Это оружіе былъ смѣхъ, или какъ назвали его у насъ его противники, *свистъ*. Гейне и Берне, хотя одинъ изъ нихъ былъ поэтъ, а дру-

гой публицистъ, сходятся на томъ, что оба были *свистунами*. Такіе люди являлись всегда и вездѣ, когда существовали обстоятельства подобныя тѣмъ, которыя вызвали дѣятельность Гейне и Берне. Рѣзкое негодованіе, выражающееся въ укорахъ и желчной брани, является тогда, когда источникъ вреда олицетворенъ, когда прямо можно указать, что такіе то и такіе-то люди или такая-то система мѣшаютъ общественному благосостоянію. Здѣсь естественно негодовать противъ такихъ лицъ, мѣшающихъ всеобщему благу. Но когда ясно понято, что корень зла находится не въ Иванѣ и не въ Петрѣ, а въ самомъ обществѣ, тогда рѣзкія негодующія слова неумѣстны. Да и невозможно негодовать, понявши, что бѣда не внѣ общества, а въ немъ самомъ; какъ же негодовать на цѣлое общество за то, что оно не находится на той степени развитія, на которой мнѣ хочется, чтобы оно находилось? Да и вообще негодованіе требуетъ непремѣнно за собой какое нибудь лицо или принципъ, который бы его возбуждалъ. А какъ же можно негодовать на цѣлое общество? Оно слишкомъ абстрактно, чтобы могло вызывать такія конкретныя ощущенія, какъ любовь, ненависть, негодованіе. Это все равно, что негодовать на природу, на стихіи. Можно не находить вполнѣ удовлетворительнымъ положеніе дѣлъ, при которомъ не только обѣдъ, но даже жизнь тысячи людей зависитъ отъ нѣсколькихъ дней засухи, и шансы на дальнѣйшее существованіе колеблются вмѣстѣ съ барометромъ, но досадовать на неурожай нелѣпо. Если придворному интриганту Меттерниху и нѣсколькимъ наполеоновскимъ лакеямъ удалось взять въ свои руки народъ, только что свергнувшій иго величайшаго военнаго генія, то слѣдовательно этотъ интригантъ и эти лакеи были правы; слѣдовательно пенять на нихъ было не зачто, потому что они были такимъ же неотвратимымъ зломъ, какъ неурожай или чума. Дойти до подобнаго убѣжденія крайне тяжело, потому что оно убиваетъ всякую надежду на возможность дожить до чего нибудь лучшаго. Если бы Меттернихи держались сами собой, какъ напр. Францискъ Бурбонъ, тогда можно бы было быть покойнымъ: такіе господа слишкомъ ничтожны, чтобы держаться собственной тяжестью. Но когда ясно, что ихъ поддерживаетъ общество, тогда дѣло измѣняется. Тутъ ужъ Меттернихи не причемъ; еслибъ даже они сгинули, то общество, поддержавшее ихъ, вытащило бы изъ своей среды другихъ и посадило бы на ихъ мѣсто. Произошла бы только перемѣна именъ. Тутъ

возможность лучшаго времени зависитъ уже отъ развитія общества, которое, къ сожалѣнію, развивается гораздо дольше, чѣмъ сколько продолжается человѣческая жизнь. Сознаніе этой грустной истины видно во всѣхъ сочиненіяхъ разбираемыхъ писателей. Оно превосходно выражено Гейне, который говоритъ о Эрнстѣ-Аугустусѣ Ганноверскомъ:

Idylisch sicher haust er hier
Denn besser als alle Trabanten
Beschützet ihn der mangelnde Muth
Von unseren lieben Bekannten.

Тоже ясно выражено и у Берне. Вотъ что писалъ онъ, узнавъ, что гессенцы, послѣ октроированнаго имъ подобія конституціи, выпрягли лошадей изъ кареты курфирста и возили его на себѣ: «мы не волы,—у воловъ есть рога; мы—овцы, глупыя овцы». Послѣ происходившихъ въ Ліонѣ ужасовъ, гдѣ разсвирѣпѣлые Нероны буржуазіи производили убійства, передъ которыми дѣйствія Фуше тамъ же во время великой революціи могутъ служить образцомъ кротости, ліонскій префектъ писалъ по случаю прибытія герцога орлеанскаго: «C'est l'arc en-ciel, qui annonce la fin de l'orage». «Для Берлина, говорилъ Берне, это было слишкомъ фамильарно и революціонно». Нѣмецъ сказалъ бы: «всемилостивѣйше соизволили быть радугою».

По поводу Штейна, Герреса и Арндта и всего Тугендбунда, допустившаго наклеить себѣ носъ, Берне говорилъ, что «всякій имѣетъ право быть глупымъ, но нѣмцы злоупотребляютъ этимъ правомъ». При началѣ незначительнаго волненія въ Ганноверѣ онъ писалъ, совѣтуя тамошнимъ жителямъ начать съ того, чѣмъ кончатъ, т. е. разпрячь лошадей у кареты Эрнста-Аугустуса и прокатить его на себѣ.

Такой свистъ, высказывающій ярко и убійственно пошлость и безобразіе тѣхъ, которые, стоя въ лужѣ, увѣряютъ, что это вовсе не лужа, а въ нѣкоторомъ родѣ семирамидинъ садъ, есть самый приличный образъ дѣйствія противъ общественныхъ пороковъ. Но изъ того, что этотъ свистъ блистаетъ остроуміемъ и веселостью, какъ напр. «Германія» Гейне, вовсе не слѣдуетъ, чтобы человѣкъ, дѣйствующій такимъ образомъ, находилъ только забавною окружающую его тину. Вѣдь онъ живетъ среди этой тины, она лѣзетъ ему въ носъ, ротъ и уши, онъ задыхается отъ нея; поэтому понятно, что у него горько и тяжело на сердцѣ и что въ немъ зарождается

злоба, если не къ цѣлому обществу—это невозможно, то къ тѣмъ изъ него, которые попадаются ему на глаза. Онъ можетъ, весело свистя и заставляя хохотать читателя, въ душѣ скорбѣть и негодовать. Всякій, кто читалъ Гейне, знаетъ это; всякій видитъ слезы горя и отчаянія сквозь веселую его иронію. Стихи его, особенно «Германія», напоминаютъ то странное чувство, когда человѣкъ, мучимый горемъ, находитъ убійственное наслажденіе разбереживать свою рану. Иногда кажется, что поэтъ близокъ къ отчаянію; предчувствуешь, что сильный боецъ за свободу умретъ заживо для всего дѣйствительнаго. Это предчувствіе является каждый разъ, когда видишь его страстныя обращенія къ Наполеону, котораго солдатская безчувственность и буржуазное тщеславіе казались юпитеровскимъ безстрастіемъ и геніальнымъ славолюбіемъ возлѣ маленькой фигуры Фридриха-Вильгельма III и мелочности Меттерниха.

Окруженный филистерствомъ, прусской шагистикой и торгашами вольныхъ городовъ, Гейне готовъ былъ идти даже на встрѣчу порабощенію Германіи, если только оно отдавало политикановъ и барышниковъ въ желѣзныя лапы князя Экмюлзскаго. Гейне восклицалъ:

Komme du bald, o Kaiser!

И въ этомъ восклицаніи слышится какъ будто крикъ утопающаго, хватающагося за соломинку, даже хуже, за призракъ. Если бы настоящее не было такъ возмутительно, что заставляло желать какой угодно перемѣны, то умъ Гейне могъ бы показать ему, какъ мало заслуживаетъ поклоненія его любимый герой. Онъ бы увидѣлъ, что не князей гнететъ императоръ, что князья подѣлались королями, что они обратились въ слугъ, исполняющихъ волю императора, а жертвы остались тѣ же: Гоферы и Пальмы. Онъ узналъ бы, что императоръ только усиливаетъ власть своихъ вассаловъ, которые, чувствуя надъ собой сильную руку, съ большой безпечностью предаются своему произволу.

Впрочемъ, какъ я покажу далѣе, въ характерѣ Гейне преобладала сторона, если не уменьшающая достоинствъ его произведеній, то по крайней мѣрѣ указывающая, что источникъ ихъ не ограничивался единственно любовью къ свободѣ и презрѣніемъ къ рабству. Поэтому, признавая, что личность Наполеона, дѣйствительно, могла выигрывать въ его глазахъ при сравненіи съ современниками его, я

однако же не хочу этимъ сказать, что такое счастливое сопоставленіе было единственной причиной его увлеченія Наполеономъ Да и невозможно полагать этого, потому что и для Берне существовало такое же сравненіе, однако онъ не увлекался Наполеономъ. Та же причина, о которой я скажу ниже, заставляетъ заподозривать, что для Гейне окружающее безобразіе было отвратительно не потому, чтобы онъ искренно сочувствовалъ благу, а просто потому, что оно непріятно поражало его эстетическій вкусъ.

Никакъ нельзя заподозрить искренность убѣжденій Берне; это былъ характеръ совершенно цѣльный, высѣченный изъ одного куска гранита, несокрушимаго, какъ его любовь къ свободѣ, какъ его желаніе помочь насколько хватало силы обществу, какъ его ненависть къ политиканамъ и филистерамъ. Онъ съумѣлъ всецѣло сохранить свое человѣческое достоинство, свою свободу, среди всеобщаго рабства.

«Свободный человѣкъ, говорилъ онъ: — можетъ быть рабомъ обстоятельствъ, но слугою ихъ можетъ быть тотъ, кто рабъ по натурѣ.» Онъ съумѣлъ не быть не только слугой, но даже рабомъ тѣхъ самыхъ обстоятельствъ, передъ которыми погибло такъ много людей, менѣе одушевленныхъ стремленіемъ къ свободѣ. И ни разу въ жизни не измѣнилъ онъ себѣ, ни разу не пришелъ въ совершенное отчаяніе. Даже тогда, когда конституціонализмъ уронилъ себя въ глазахъ всѣхъ честныхъ людей, даже тогда, когда Берне и людямъ его образа мыслей пришлось разстаться съ надеждой на лучшія времена, даже въ этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ онъ остался вѣренъ себѣ. Онъ писалъ, что готовъ бы былъ теперь кричать «ура» и бросать вверхъ шапку, еслибъ возвратился Карлъ X, но этимъ онъ вовсе не хотѣлъ сказать того, что выражаютъ слова Гейне:

Komme du bald, o Kaiser!

Гейне, говоря такимъ образомъ, дѣйствительно, пламенно желалъ возвращенія поэтическаго въ отдаленіи императора; Берне же только выражалъ этимъ свое презрѣніе и отвращеніе къ политическимъ торгашамъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Гейне былъ гораздо болѣе опаснымъ врагомъ, чѣмъ Берне. Насмѣшка Гейне убивала навсегда, оставляя за собой неизгладимое клеймо. Отъ нея было больно даже такимъ

лбамъ, которые подобно лбамъ аббата де-Терре, лорда Норта и Фуше, какъ говоритъ Шлоссеръ, никогда не краснѣли. Къ числу такихъ лбовъ можно отнести и лбы разныхъ Меттерниховъ, Гарденберговъ, Генцовъ и др., которые на вѣнскомъ конгрессѣ достаточно запаслись средствами противъ всякихъ свистуновъ и насмѣшниковъ. Но, благодаря генію свистуна и его поэтическому таланту, насмѣшка его съумѣла обойдти полицейскіе траппы, и Эрнстъ-Аугустусъ ганноверскій навсегда останется предметомъ смѣха. Какія бы позы не придавалъ ему художникъ на монументѣ, который вѣроятно воздвигнутъ въ его честь, онъ всегда будетъ представляться потомству въ томъ видѣ, какъ изобразилъ его свистунъ Гейне, сидящимъ у камина, и какъ онъ kocht höchstselbst ein Lavement

Für seine kranken Hunde.

Насмѣшка Берне, не менѣе безпощадная, была менѣе вредна для его враговъ, потому что самъ Берне былъ вовсе небезсмертный человѣкъ. Но для современниковъ его сочиненія имѣли громадное значеніе и читались нарасхватъ. Поэтому маленькіе Меттернихи приняли относительно ихъ такое положеніе, что имъ стало ясно, что въ отечествѣ для нихъ только и будетъ скоро одно мѣсто — въ одной изъ безчисленныхъ нѣмецкихъ Бастилій. Дойдя до такого убѣжденія, они переселились во Францію, гдѣ, какъ еще тогда утверждали нѣмецкіе филистеры, царитъ Ваалъ. Но они предпочли царство Ваала царству Меттерниховъ. Какъ ни тяжело, можетъ быть, было для нихъ изгнаніе, но нельзя не сознаться, что оно было горемъ, весьма богатымъ утѣшеніями. Въ ихъ отечествѣ не было ничего, кромѣ дыма и чада, испускаемаго филистерами; хотя конечно, «и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ», но не думаю, чтобы по крайней мѣрѣ чадъ-то могъ казаться кому нибудь сладкимъ и пріятнымъ. За то во Франціи они находили полную жизнь, со всѣми ея радостями и тревогами. Къ тому же тогда Франція только-что пріобрѣла довольно свободныя сравнительно учрежденія, при которыхъ можно было по крайней мѣрѣ дышать. Всякій въ то время, неискалеченный нравственно меттерниховскими фухтелями, смотрѣлъ на Францію какъ на обѣтованную землю; поэтому естественно, что Гейне и Берне съ уваженіемъ смотрѣли на французовъ, умѣвшихъ пріобрѣтать себѣ то, о чемъ другіе не смѣли и думать, и чуждыхъ пошлости и

лакейства, въ которыя были повергнуты прочія націи. Поэтому только тупость, или ненаходящая другихъ придирокъ злоба могли упрекать Гейне и Берне за ихъ уваженіе къ Франціи. Впрочемъ, мы уже видѣли, что и самихъ-то французовъ филистеры ненавидѣли за тѣ идеи, за которыя шла во Франціи борьба. Понятно, что они еще болѣе ненавидѣли тѣхъ своихъ соотечественниковъ, которые отдѣлялись отъ нихъ и начинали думать почеловѣчески. Впрочемъ, ненависть ихъ была основательна. Невозможно хуже унизить и опошлить филистеровъ и выставить въ болѣе яркомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ комическомъ свѣтѣ пороки ихъ, какъ это дѣлали наши свистуны. «Геттингенскіе жители, говоритъ Гейне: — раздѣляются на студентовъ, профессоровъ, филистеровъ и скотовъ; всѣ они немногимъ отличаются другъ отъ друга. Классъ скотовъ самый значительный. Число филистеровъ должно быть очень велико; ихъ такъ много, какъ песку, или лучше сказать, грязи на днѣ моря, — и право, когда утромъ я вижу ихъ, стоящими передъ дверьми академическаго правленія, съ ихъ грязными лицами и длинными счетами въ рукахъ, то едва понимаю, какъ судьба могла натворить столькихъ бездѣльниковъ.»

«Дурные евреи не хуже дурныхъ христіанъ», говорилъ Берне, котораго филистеры не мало ругали за то, что онъ еврей: — «они даже имѣютъ передъ вторыми то преимущество, что умнѣе ихъ. Они яснѣе понимаютъ вещи и людей; они легко разгадываютъ лицемѣріе, и поэтому не лицемѣрятъ. Они не боятся свѣта, воруютъ среди бѣлаго дня, а ночные воры опаснѣе. Они вредятъ изъ разсчета, а не по тупоумію или неловкости. У нихъ есть страсти, но только сильныя; они не цѣпляются за жалкую, нищенскую жизнь, живя которой, не живешь и не умираешь. У нихъ есть кровь или нѣтъ ея, но у нихъ нѣтъ водянистаго сока улитокъ. Однимъ словомъ, они не филистеры. О, горе филистерамъ! Они убиваютъ и жизнь и наслажденіе. Это не ударъ ножомъ въ грудь, это жало комара, доводящее человѣка до отчаянія. Это не горячка, убивающая или нѣтъ, это скучный насморкъ. Это не морозъ и не жаръ, не буря и не вѣтерокъ, — это досадная, сырая, холодная осень. Таковы вы, филистеры! даже ваша добродѣтель непріятна; самое ваше право досадно. Прошу васъ, будьте любезнѣе, воздержитесь отъ того, чтобы быть скучными, потому что это единственный грѣхъ, который не прощается. Но съ вами не можетъ быть никакой рѣчи. Васъ можно только бить ослиной че-

лютостью; чтобы сговориться съ вами, нужно самому сдѣлаться филистеромъ».

Невозможно лучше охарактеризовать филистерство. Чтобы лучше познакомиться съ свистомъ Берне, я приведу еще нѣсколько отзывовъ его о филистерствѣ. «Будьте чѣмъ хотите, писалъ онъ:—будьте дурны или хороши, благочестивы или безбожны, мудры или помѣшаны, но только будьте чѣмъ нибудь! Будьте виномъ или ключевой водой, но только не будьте тиной, отъ которой всякаго тошнитъ, только не будьте филистерами!»

Но чтобы окончательно познакомиться съ ироніей Берне, нужно прочесть въ его сочиненіяхъ «Häringsalat» — отвѣтъ берлинскому филистеру Герингу (Виллибальду Алексису), причемъ онъ разсказываетъ свою родословную и объ оваціяхъ, которыя ему дѣлали филистеры въ Берлинѣ за статью его о Зонтагъ.

Особенно ярко выступаетъ вражда Берне къ филистерству въ его взглядѣ на Гете. Поэтому я намѣренъ сказать объ этомъ подробнѣе, чтобы представить съ одной стороны какъ можно яснѣе взглядъ его на современное общество, а съ другой его полное недовѣріе авторитетамъ, даже авторитету великаго Гете. Гейне, какъ поэтъ, часто увлекался мнимымъ или дѣйствительнымъ величіемъ человѣка до такой степени, что готовъ былъ поклоняться ему, какъ божеству. Я уже имѣлъ случай говорить о его привязанности къ величественной издали фигурѣ французскаго императора. Не столь сильное, но тѣмъ не менѣе глубокое благоговѣніе внушала увлекающемуся поэту пасторская фигура Гете. Однажды онъ даже дошелъ до того, что называлъ Гете — богомъ Юпитеромъ и говорилъ, что искалъ возлѣ него глазами орла. Если бы мы не знали, какъ безотчетно увлекался поэтъ не только Гете, но и Наполеономъ, то приняли бы слова эти за насмѣшку. Мы бы могли подумать, что онъ намекаетъ на государственный гербъ Пруссіи и протестанизма, которому была посвящена дѣятельность тайнаго совѣтника фонъ - Гете. Увлеченіе не позволяло поэту видѣть, какая скрывается протестантско - поповская, деспотически-буржуазная личность за этими проявленіями могучаго генія, и, какъ передъ Наполеономъ, онъ падалъ ницъ передъ саксенъ-веймарскимъ оберъ - гофъ - юпитеромъ.

Берне былъ проницательнѣе, потому что самъ не былъ олимпійцемъ. Гейне былъ товарищемъ Гете по Олимпу, не саксенъ-веймарскому только. Берне же былъ простой смертный. Но взамѣнъ генія,

у него было сильно развито стремленіе къ свободѣ, и въ какую бы величественную оболочку не облекалось филистерство и лакейство, онъ видѣлъ его. Никакой туманъ не застилалъ его глазъ. Будучи самъ внутренно свободнымъ человѣкомъ, онъ чуялъ, какъ бы чутьемъ, душевное рабство какого угодно генія. Онъ не боялся вступать въ бой съ самыми закоренѣлыми понятіями, съ самыми грозными авторитетами. Берне приводитъ слѣдующее письмо, адресованное къ нему изъ Вѣны.

«Я удивляюсь, что вы такъ часто говорите мнѣ объ этомъ дикомъ Гете. Человѣкъ этотъ образецъ испорченности; нужно долго рыться въ исторіи, чтобы найти подобнаго ему. Глупо говорятъ: Шиллеръ и Гете, Вольтеръ и Руссо. Насколько Руссо выше Шиллера, настолько Гете хуже Вольтера. Гете былъ всегда слугой деспотовъ; его сатира благоразумно направлена только противъ маленькихъ людей; за большими господами онъ всегда ухаживаетъ. Этотъ Гете — ракъ на германскомъ тѣлѣ, и что всего хуже, всѣ считаютъ болѣзнь за высшее здоровье, сажаютъ Мефистофеля на олтарь и называютъ княземъ поэтовъ. Его слѣдуетъ называть поэтомъ князей.»

«Какъ это все справедливо, прибавляетъ отъ себя Берне: — какъ это все вѣрно, и какъ полезно не скажу — распространять подобное мнѣніе, — а распространять храбрость высказывать его. Гете – король своего народа: свергнувъ его, легко справиться съ народомъ. Этотъ человѣкъ вѣка имѣетъ необыкновенную силу сопротивленія, это бѣльмо на глазу Германіи; оно невелико, почти ничтожно, но удалите его, и Германія увидитъ цѣлый міръ, котораго доселѣ не видитъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я чувствую, — я ненавижу Гете; съ тѣхъ поръ, какъ я мыслю, — я знаю, почему я его ненавижу. Можно представить мою радость при встрѣчѣ въ такой нравственной пустынѣ, какъ Австрія, съ человѣкомъ мыслящимъ и чувствующимъ. какъ я.»

Въ этихъ словахъ Берне много замѣчательнаго; нельзя не удивляться вѣрности его взгляда, что авторитеты стоятъ цѣлые вѣка не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ ихъ считали непогрѣшимыми, а потому только, что недостаетъ храбрости высказывать свое мнѣніе. И вотъ всѣ отъ мала до велика повторяютъ общія мѣста о такихъ авторитетахъ, какъ Гете, Дантъ, Рафаэль; люди умные и ограниченные, ученые и невѣжды, развитые и неразвитые, образованные и необразованные, люди самыхъ разныхъ направленій, убѣжденій, вку-

совъ — всѣ одинаково восторгаются произведеніями Гете, Данта, Рафаэля. И какъ скоро явится человѣкъ, который громко скажетъ слово противъ авторитета, то со всѣхъ сторонъ подымутся крики о его невѣжествѣ, глупости, непониманіи высокаго. Закричатъ даже такіе, которые сами считаютъ себя противниками идеи авторитета. Но оказывается, что въ идеѣ-то пожалуй они готовы звѣзды съ неба хватать, а какъ дойдетъ до дѣла, такъ горшка изъ печки вытащить не могутъ. Противъ авторитета какого нибудь Держиморды или Масмапа они готовы воевать, но передъ Сквозникомъ Дмухановскимъ или фонъ-Шиллеромъ — пасъ. Да не только сами пасъ, а еще тѣми же самыми неподобными словами, которыми ихъ обзываютъ за избіеніе Держиморды, обзовутъ того, кто попробуетъ усумниться въ добродѣтели Сквозника-Дмухановскаго. Поэтому много ли найдется такихъ отчаянныхъ головъ, которыя захотятъ принять на себя всѣ эти нареканія, упреки и брань? И вотъ многіе, хотя въ душѣ убѣжденные въ несправедливости общаго мнѣнія, боятся высказывать свои убѣжденія, и присоединяютъ даже свой голосъ къ общему хору. Поднять же голосъ противъ общихъ понятій, рѣшиться подвергнуться нападкамъ, есть великая заслуга, потому что важно то, что этимъ самымъ возстающій человѣкъ доказываетъ возможность сомнѣнія въ авторитетѣ, возможность критическаго взгляда въ отношеніи къ нему, возможность борьбы за его непогрѣшительность. Прежде никто не предполагалъ этой возможности, всѣ слѣпо вѣрили или силились себя увѣрить, чтобъ не считать самихъ себя глупцами; а такъ какъ никто себя глупцомъ не любитъ считать, то кончали тѣмъ, что убѣждались. Примѣръ первыхъ храбрецовъ вызоветъ громогласное заявленіе мнѣнія даже робкихъ людей, и пришедшій въ негодность авторитетъ будетъ пошатнутъ

Но чтобы возвратиться къ взгляду Берне на Гете, я поговорю о его критичсекихъ отзывахъ, о дневникѣ Гете и о знаменитой перепискѣ съ нимъ одного ребенка. Быть можетъ, сужденія эти односторонни, но о Гете судили и рядили такъ много, разсматривали его съ такихъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, что во всякомъ случаѣ Берне дѣлаетъ честь, что онъ съумѣлъ подмѣтить въ сочиненіяхъ великаго поэта такую сторону, на которую ни до, ни послѣ него никто не обращалъ вниманія. Тѣмъ важнѣе, и тѣмъ любопытнѣе узнать вполнѣ взглядъ Берне, что сторона, подмѣченная имъ, дѣйствительно, важна для вѣрной оцѣнки человѣка, который заживо при-

численъ къ богамъ и которому приносятъ жертвы люди всевозможныхъ оттѣнковъ, характеровъ, партій, убѣжденій.

Какимъ жалкимъ филистеромъ является великій Гете съ той стороны, съ которой смотритъ на него Берне. Какъ ничтоженъ и односторопенъ является онъ, этотъ міровой геній, видѣвшій во французской революціи не болѣе, какъ поводъ написать либретто для оперы. О, какой Klein-Cophta! остается воскликнуть вмѣстѣ съ Берне. По убійственно мѣткому замѣчанію Берне, этотъ міровой геній видѣлъ не въ придворной всемірную, а въ всемірной—придворную исторію (съ ожерельемъ, составляющую, какъ извѣстно, предметъ Gross-Cophta). Великія вооруженія старой Европы противъ молодой Франціи дали ему поводъ написать нѣсколько эпиграмъ! Присутствуя при осадѣ Майнца, онъ ничего не находитъ болѣе важнаго отмѣтить въ своемъ дневникѣ, какъ то, что онъ упражнялся въ гекзаметрахъ! Величественный ходъ революціи, полной потрясающихъ событій, ея кровавые и радужные дни, онъ передаетъ своимъ веймарскимъ господамъ въ видѣ исторіи съ горшкомъ молока и разбитымъ носомъ графскаго ребенка! (Bürgergeneral und die Aufgeregten).

Міровой геній, творецъ Фауста, порицаетъ *Фихте* за то, что онъ толкуетъ о вещахъ, про которыя должно молчать! Этого мало: онъ требовалъ усиленія строгости цензурныхъ правилъ! Но всего этого еще, можетъ быть, недостаточно? Если такъ, то стоитъ заглянуть въ его сочиненія, особенно стихи, и станетъ ясно, какъ день, что всѣмъ имъ не достаетъ слѣдующаго общаго эпиграфа, взятаго изъ его же дневника.

«Присутствіе въ Карльсбадѣ ея величества, императрицы австрійской, вызвало нѣкоторыя пріятныя обязанности, и нѣсколько мелкихъ стиховъ развились въ тишинѣ.»

Таковъ этотъ геній, этотъ творецъ дьявола и рая, этотъ пѣвецъ чистѣйшей любви и вѣчной ненависти; таковъ этотъ филистеръ, поставщикъ комедій и стиховъ. Но нѣтъ! «Филистеры тѣмъ именно и отличаются, говоритъ Берне:—что ихъ обидѣть нельзя.» Чѣмъ не называй ихъ, они знаютъ это про себя и думаютъ, что это-то и хорошо. Названіе лакея всякому не филистеру обидно, но филистеры сами готовы назвать себя этимъ именемъ. И не только тѣ несчастные глупцы, которыхъ видѣлъ Гейне у дверей геттингенскаго академическаго правленія, но и самъ великій филистеръ Гете, говоря пр то, какимъ образомъ его герцогъ, принимая князя Турнъ-и-Так-

сиса, изображалъ символъ власти, прибавляетъ: «причемъ *мы, слуги*, были въ приличныхъ обстоятельству мундирахъ и занимали мѣста по рангамъ.»

Это мнѣ напоминаетъ свиданіе Гете съ другимъ гейневскимъ героемъ — Наполеономъ, во время пребыванія послѣдняго въ Ерфуртѣ. Гете добивался чести быть представленнымъ императору и, послѣ долгихъ хлопотъ, былъ представленъ Талейраномъ: «Великогерцогскій саксенъ-веймарскій оберъ-гофъ и т. д. очень тайный совѣтникъ и кавалеръ фонъ Гете».

— А! такъ это вы, господинъ Гете? Вы, кажется, при театрѣ служите? Я привезъ съ собой Тальму, такъ нельзя ли, чтобъ ваши актеры въ три дня разучили расиновскую драму?

— Слушаю, ваше высокоблагородіе.

Не правда ли, хороши оба, и геній — солдатъ и геній — лакей?

Разбирая переписку Бетины съ Гете, Берне взялъ, какъ нельзя удачнѣе въ эпиграфъ, эти стихи самого Гете.

Ich dich ehren? wofür?
Hast du die Schmerzen gelindert
Je des Beladenen?
Hast du die Thränen gestillet
Je des Geängstigten?

И здѣсь опять является намъ та же холодная, черствая фигура, то же филистерство, то же лакейство. На эти наивные восторги свѣтлаго, свободнаго, любящаго существа, чѣмъ отвѣчалъ творецъ Маргариты? Какъ принималъ онъ ея поклоненіе? Ея поэтическую прозу онъ самъ перекладывалъ въ сухія, черствыя, какъ онъ самъ, стихи, дѣлалъ изъ нея дифирамбъ самому себѣ. Въ ея поклоненіи онъ видѣлъ должное, онъ принималъ его, какъ Далай-Лама; онъ не только, какъ богъ, безстрастно принималъ фиміамъ, онъ сходилъ съ своего престола и вмѣстѣ съ Бетиной поклонялся себѣ.

Но Берне разсматривалъ Гете кромѣ того, съ другой еще стороны; онъ видѣлъ въ немъ представителя протестантизма. «Что, говоритъ онъ:—дѣлало Гете, великаго поэта ничтожнѣйшимъ человѣкомъ? Что вплетало хмѣль и петрушку въ его лавровый вѣнокъ? Что надѣвало ночной колпакъ на его почтенное чело? Что дѣлало его рабомъ отношеній, трусливымъ филистеромъ, провинціаломъ? — Онъ былъ протестантъ, и его семейство имѣло право голоса въ городскомъ совѣтѣ. Ему было уже шестьдесятъ лѣтъ, онъ былъ на вер-

ху славы, и облака у ногъ его загораживали его отъ мелкихъ страстей жителей долины: въ это время онъ узналъ, что франкфуртскіе евреи требуютъ человѣческихъ правъ, — и разсердился.»

Подъ протестантизмомъ же Берне понималъ все или почти все зло, которое находилъ въ Германіи. Въ этомъ отношеніи взглядъ его на реформацію имѣетъ большой интересъ, во-первыхъ, по своей самостоятельности и оригинальности, а во вторыхъ потому, что познакомившись съ нимъ, мы еще болѣе поймемъ его взглядъ на Гете и причину той глубокой ненависти, которую онъ къ нему питалъ. Я не стану здѣсь подтверждать или опровергать взглядъ Берне на реформацію и протестантизмъ, такъ какъ это не относится къ предмету настоящей статьи. Здѣсь важно знать, какъ смотрѣлъ на это Берне, а вовсе не то, насколько истины заключаетъ въ себѣ такое воззрѣніе. Но нельзя не замѣтить, что съ его стороны было доказательствомъ большого гражданскаго мужества то, что онъ рѣшался печатно выражать сужденія, съ которыми, въ его время покрайней мѣрѣ, никто не могъ согласиться.

Нужно было имѣть много храбрости и рѣшительности, чтобы сказать въ глаза нѣмецкимъ протестантскимъ патріотамъ и ученымъ, что ихъ пресловутой реформаціи Германія обязана своимъ филистерствомъ. Протестанты патріоты, боявшіеся въ политикѣ малѣйшей тѣни конституціи, приходили въ наивный ужасъ, когда свистунъ Берне, для котораго не было ничего завѣтнаго, осмѣлился заподозрить благодѣтельность реформаціи, этой конституціи, данной церковью сѣверу. Политическія конституціи отличаются тѣмъ, что, не смотря на явныя противорѣчія въ своей сущности, находятъ за себя много горячихъ приверженцевъ, удовлетворяя желаніямъ болѣе значительнаго меньшинства, чѣмъ абсолютизмъ, и поэтому пускаютъ глубокіе корни въ націи, къ которой привились довольно рано. Эта же церковная конституція, состоящая, подобно политическимъ, изъ самыхъ вопіющихъ противорѣчій, такъ что, право, нельзя обвинять католиковъ въ ненависти къ протестантизму, потому что ничего неможетъ быть возмутительнѣе непослѣдовательности, эта церковная конституція, говорю я, совершенно исказила умственную жизнь Германіи и породила тѣ явленія въ ней, о которыхъ я говорилъ. Она ограничила самую существенную часть католицизма: все возвышенное, идеальное, поэтическое,—но само собой разумѣется не коснулась его сущности, основанной на дуализмѣ и идеализмѣ. Черезъ это она

сдѣлалась золотой серединой, филистерствомъ, и представляетъ странное зрѣлище религіи неимѣющей ничего, что бы могло дѣйствовать на чувство и воображеніе. Да протестантизмъ и нельзя въ строгомъ смыслѣ назвать религіей. Ограничивать религіи нельзя, какъ и вообще что бы то ни было: ограниченная религія обращается въ филистерство, подобное протестантизму, перестаетъ быть религіей, а превращается въ какіе-то черствые, мертвые принципы, неимѣющіе никакой связи, кромѣ искуственной, съ человѣкомъ. Точно также нельзя ограничивать и всякое другое понятіе; ограниченная свобода не есть свобода, и только русскому литератору можетъ прійдти въ голову сказать, что свобода состоитъ въ стѣсненіи закономъ. Истинная религія порождала и порождаетъ великихъ героевъ, возбуждаетъ людей къ высокимъ подвигамъ. Протестантизмъ же, т. е. ограниченная религія можетъ производить только филистеровъ, такихъ же сухихъ, скучныхъ и черствыхъ, какъ тѣ принципы, которые замѣняютъ у нихъ религію поэзіи, воображенія и вдохновенія. Само собою, что, находя все это въ протестантизмѣ, Берне долженъ былъ тѣмъ болѣе находить эти недостатки у того, кого считалъ протестантскимъ папой,—у Гете. У него эти недостатки должны были быть гораздо сильнѣе и рельефнѣе, чѣмъ у обыкновенныхъ послѣдователей протестанизма, такъ какъ онъ болѣе всѣхъ могъ считаться представителемъ послѣдняго.

Полемика, веденная Берне въ журналѣ «Balance», который онъ издавалъ во Франціи и который былъ запрещенъ въ Германіи — и поэтому очень популяренъ, и въ его «Парижскихъ письмахъ», очень интересна. Я постараюсь изложить здѣсь главные нападки на Берне ученыхъ и неученыхъ филистеровъ и на блистающіе остроуміемъ отвѣты на нихъ.

Когда двое филистеровъ спорятъ другъ съ другомъ, то оба они сохраняютъ олимпійское величіе и спокойствіе; они не горячатся, доводы ихъ точны, неотразимы, сарказмъ вѣжливъ, но мѣтокъ, видна какая-то сила, могущество, придающія имъ спокойствіе. Они нераздражительны, потому что увѣрены въ своемъ превосходствѣ; они вѣжливы, потому что сознаютъ, что главная ихъ сила въ логикѣ. Борьба такихъ филистеровъ имѣетъ въ себѣ нѣчто героическое, напоминаетъ осаду Троп, борьбу боговъ.

Совсѣмъ не то происходитъ, если такой гелертеръ будетъ имѣть несчастіе схватиться съ свистуномъ. Увѣренность въ успѣхѣ поки-

даетъ, на него нападаетъ страхъ явиться смѣшнымъ въ глазахъ публики; это бѣситъ и раздражаетъ его; олимпійскій тонъ изчезаетъ и смѣняется площадной бранью, идущей crescendo по мѣрѣ того, какъ противникъ его все болѣе и болѣе поражаетъ его веселымъ свистомъ. Доводы гелертеръ приводитъ избитые, старые, сто разъ уже опровергнутые; но вдохновеніе покинуло его, ему поневолѣ приходится пользоваться ими въ сто первый разъ, такъ какъ новаго ничего мозгъ его не въ состояніи выдумать. «Свистунъ!» кричитъ онъ визгливо, охрипнувъ отъ ругательствъ: — «кривляка!» раздается еще разъ его голосъ, но обрывается и кончается какимъ-то шипомъ. А свистъ раздается все громче и громче, все побѣднѣе и побѣднѣе. Такое зрѣлище представляетъ всегда борьба гелертеровъ съ свистунами. Мы убѣдимся въ этомъ окончательно, взглянувъ на полемику Менцеля, Вурма, Мейера и др. гелертеровъ и филистеровъ съ Берне.

— «Жалкій, подлый, смѣшной дуракъ; *лжемудрый крикунъ*, *поджигатель*, безстыдный жидъ, *балаганный плясунъ*, *кривляка*», кричалъ хоръ этихъ лягушекъ, сидя въ своемъ берлинскомъ болотѣ. Подобныя *усиленія* встрѣчаются на каждомъ шагу въ ученой полемикѣ ученыхъ нѣмцевъ противъ Берне, котораго они между прочимъ упрекали въ невѣжествѣ и въ томъ, что въ его сочиненіяхъ нѣтъ новыхъ идей. Люди эти постоянно прибѣгали къ обвиненію своего противника въ недостаткѣ учености, не подозрѣвая той грустной для нихъ истины, что человѣкъ съ умомъ и сердцемъ, незаѣденными филистерствомъ, можетъ гораздо больше сдѣлать, чѣмъ любой гелертеръ, написавшій, какъ напр. д-ръ Веберъ, всемірную исторію въ три пуда вѣсомъ. Впрочемъ, люди эти потому уже обвиняютъ свистуновъ въ невѣжествѣ, что никакъ не могутъ себѣ представить, чтобы человѣкъ могъ сдѣлаться ученымъ, не переставъ быть человѣкомъ. Они правы съ своей точки зрѣнія: тѣ изъ нихъ, которые дѣйствительно учены, перестаютъ быть людьми окончательно, дѣлаются профессорами, тайными совѣтниками, редакторами, писателями, но не людьми.

Что касается до того, что филистеры упрекали Берне въ недостаткѣ новыхъ идей, то я приведу отвѣтъ на это Берне:

«Они требуютъ новыхъ идей!? *Вы* требуете новыхъ идей? Но предайте пыткѣ всѣхъ вашихъ профессоровъ, и если, при третьей степени ея, они скажутъ вамъ хотя одну новую идею, то знайте,

что боль вынудила у нихъ ложь, отъ которой они тотчасъ же отрекутся, какъ только вы освободите ихъ.»

Мы видѣли на первыхъ страницахъ этой статьи, каково было положеніе Германіи, каковы были тѣ порядки, которые защищали гелертеры и противъ которыхъ возставали свистуны. Итакъ, когда послѣдніе возставали протитъ буквоѣдства и бюрократизма, противъ тупоумія и лакейства, противъ деспотизма и гоненія на евреевъ, противъ тогдашнихъ университетовъ, — что говорили имъ въ отвѣтъ на это защитники всего этого? Они говорили имъ: вы все разрушаете, а ничего не даете; вы противъ всего возстаете, а ничего не полагаете въ замѣнъ. Далѣе они утверждали, что если Берне ненавидитъ деспотизмъ, то это потому, что самъ не министръ; если онъ преслѣдуетъ своей насмѣшкой франкфуртскихъ банкировъ, то это потому, что самъ не милліонеръ; если онъ выражаетъ свое презрѣніе къ юнкерамъ, то потому, что самъ не помѣщикъ. Видите ли, эти люди даже вѣрить не могутъ, что можно безкорыстно презирать лакейство и барство. Но такъ какъ такими пошлостями не убьешь даже репутацію жалкой бездарности, а не только такого талантливаго и умнаго свистуна, какъ Берне, такъ какъ его насмѣшки имѣли успѣхъ въ публикѣ, а ихъ писанія возбуждали презрѣніе, то они старались объяснить это тѣмъ, что Берне имѣетъ успѣхъ оттого, что льститъ массамъ... Но тутъ они спохватились, что проговорились. Въ самомъ дѣлѣ, изъ ихъ же словъ выходило, что массы за Берне. Поэтому они стали говорить, что Берне льститъ только части массъ, а именно молодежи, которой легко вскружить голову безпокойными мечтами о свободѣ, но что, кромѣ этихъ *мальчишекъ*, свистунамъ никто не сочувствуетъ, что свистуны хотятъ передѣлать на свой ладъ народъ, но народъ знать ихъ не хочетъ. Тутъ явилась къ этимъ *мальчишкамъ* страшная старческая злоба противъ молодого, злоба умирающаго скупца къ наслѣднику, злоба мертвечины противъ жизни. Однако начальство внушило старцамъ, что нельзя же показывать, что все молодое за Берне. Поэтому стали говорить, что Берне имѣетъ успѣхъ у *праздной* молодежи, или у молодежи, желающей лѣниться; далѣе, что имъ восхищается только уже *нѣсколько* мальчишекъ, и дѣло, кажется, кончилось тѣмъ, что имъ восхищаются только *трое* мальчишекъ, да и то всѣ трое *золотушныхъ*. Этого мало: филистеры говорили изъ Германіи Берне, жившему въ Парижѣ, что онъ кривляется, какъ балаганный плясунъ, запрятав-

шись въ безопасное убѣжище. Хитрецы! они думали разжечь въ немъ самолюбіе, выманить его изъ позиціи и завлечь въ волчью яму — вольный городъ Франкфуртъ. Психологи! они такъ изучили человѣческую душу по аналогіи съ той грязью, которая у нихъ занимала мѣсто души, что воображали, что онъ поддастся на эту удочку. Или, можетъ быть, они чистосердечно считали его въ безопасности—въ тогдашней Франціи, а себя въ опасности—въ Германіи. Это было бы конечно справедливо, но это было бы не цензурно, слѣдовательно они не могли этого полагать.

Послѣ всего, сказаннаго мной о дѣятельности, характерѣ и направленіи двухъ геніальныхъ евреевъ, бывшихъ почти единственными противниками мертвящаго направленія, господствовавшаго въ германскомъ обществѣ, должно показаться страннымъ, что эти два человѣка, имѣвшіе между собой столько общаго, были врагами. Но страннымъ это не будетъ казаться, если мы познакомимся лучше съ личностями обоихъ свистуновъ, оставивъ въ сторонѣ ихъ литературную дѣятельность, и постараемся понять, что за человѣкъ былъ каждый изъ нихъ. Тогда мы увидимъ, что дѣйствительно между ними не могло быть ничего, кромѣ личной непріязни. Какъ ни высоки были литературныя достоинства Гейне, но я уже старался показать, что сочиненія его имѣютъ также большое политическое значеніе. Что касается до Берне, то значеніе его произведеній, хотя также занимающихъ довольно видное мѣсто въ нѣмецкой литературѣ, ограничивается исключительно политикой. Въ этомъ вполнѣ отразился ихъ авторъ. Для него не существовало положительно другихъ интересовъ кромѣ политическихъ. За это, пожалуй, его можно упрекнуть въ односторонности, но должно сознаться, что именно этой односторонности обязанъ онъ тѣмъ вліяніемъ, которое имѣлъ на нѣмецкое общество, и что безъ нея его заслуга была бы несравненно меньше.

Изъ всего этого прямо вытекаетъ то слѣдствіе, что Гейне и Берне не могли ограничивать свой взаимный взглядъ другъ на друга литературными вопросами. Оба они смотрѣли другъ на друга съ политической точки зрѣнія и приэтомъ необходимо вносили въ свое воззрѣніе личности, которыя можно обойти, разсматривая литературное значеніе человѣка, но которыя становятся на первомъ планѣ, когда идетъ рѣчь о его политическомъ значеніи.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ прочесть, напримѣръ, разборъ Берне «Германіи» Гейне, въ которомъ каждая строчка дышетъ лич-

ной злобой, мѣшающей рецензенту не только понять достоинство разбираемаго сочиненія, но даже судить о немъ какимъ бы то ни было образомъ. Берне вовсе не хочетъ, да и не можетъ судить о произведеніи своего врага; для него это произведеніе служитъ только поводомъ высказать свои антипатіи и симпатіи, и первыя, направленныя противъ Гейне, онъ высказываетъ съ рѣзкостью, которымъ должны были радоваться филистеры, видя междоусобіе своихъ враговъ. Конечно, такая страстность въ сужденіяхъ составляетъ капитальный недостатокъ критической статьи; если мы будемъ судить Берне, какъ критика, то должны будемъ произнести безапелляціонный приговоръ его дѣятельности; но я уже сказалъ, что Берне былъ публицистъ, поэтому и въ критическихъ статьяхъ его не надо искать достоинствъ строгой и безпристрастной рецензіи и хладнокровія критика. На нихъ нужно смотрѣть, какъ на прочія его сочиненія: видѣть въ ихъ авторѣ публициста, принимающаго живѣйшее участіе въ событіяхъ своего отечества, судящаго о лицахъ съ пристрастіемъ человѣка, осужденнаго дѣйствовать вмѣстѣ съ ними, слѣдовательно терпѣть отъ ихъ ошибокъ и пороковъ. Гейне же былъ слишкомъ замѣтною личностью среди Масмановъ и Герингвъ, такъ что Берне уже никакъ не могъ оставаться равнодушенъ къ его личности. Сочиненія Гейне имѣли также слишкомъ много политическаго значенія, чтобы такой человѣкъ, какъ Берне, жившій исключительно политической жизнью, могъ разбирать ихъ съ холодностью присяжнаго рецензента. Поэтому онъ необходимо долженъ былъ увлекаться въ ту или другую сторону, даже при простомъ разборѣ литературныхъ произведеній Гейне. Почему же теперь онъ увлекался имъ въ дурную сторону? Почему онъ не чувствовалъ, что дѣятельность Гейне солидарна съ его дѣятельностью? Понять это, я сказалъ, можно только, подробно разсмотрѣвъ характеръ обоихъ свистуновъ.

Я уже замѣтилъ, что Берне былъ одностороненъ, что внѣ политическихъ вопросовъ для него не существовало никакихъ интересовъ. Вся литература, всѣ науки, всѣ люди, съ которыми онъ сходился, все что онъ когда нибудь видѣлъ или слышалъ, всѣ искуства, живопись, музыка, театръ—все это интересовало его настолько, насколько имѣло въ себѣ политическаго значенія. Я сказалъ также, что этой односторонности обязанъ онъ заслугами своими и своимъ вліяніемъ на германское общество. Я постараюсь теперь доказать это, если только это нуждается въ доказательствахъ, потому что, по

моему мнѣнію, всякому должно быть понятно, что если человѣкъ преданъ исключительно одному дѣлу, то онъ успѣетъ гораздо болѣе, чѣмъ еслибъ онъ имѣлъ при этомъ другіе равносильные интересы. Подобная односторонность, внѣ этого главнаго дѣла, конечно можетъ мѣшать человѣку вполнѣ ясно понимать лица, факты и предметы. Но въ то же время она свидѣтельствуетъ о высокомъ нравственномъ развитіи, потому что только высокоразвитый человѣкъ можетъ быть вполнѣ преданъ до самоотверженія какому нибудь общественному дѣлу. Она показываетъ, что принципы и убѣжденія, заявляемые этимъ человѣкомъ, непохожи на сухія правила, которымъ поклоняются филистеры, но проникли въ глубину души его, сроднились съ нимъ, сдѣлались его сущностью, что возможно опять-таки только при высокомъ развитіи. Берне принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, изъ которыхъ являлись мученики всѣхъ религій и убѣжденій. Только при такой односторонности, фанатизмѣ понятій, при такой отчужденности отъ всего, что не входитъ въ кругъ завѣтныхъ убѣжденій, возможна рѣшимость и энергія, ведущія къ мученичеству. Такой характеръ въ крайнемъ развитіи своемъ ведетъ къ факирству и аскетизму, а въ умѣренной степени и въ присутствіи яснаго, развитаго ума произведетъ героевъ, Муціевъ Сцеволъ, св. Бонифиціевъ. Конечно, такой характеръ въ обществѣ иногда тяжелъ и скученъ; общество не можетъ понять такой стойкости убѣжденій; но именно такіе характеры способны производить чудеса, совершать удивительные подвиги и, не дрогнувъ, встрѣчать пытки и казнь. За то они сами непремѣнно отличаются крайней нетерпимостью. Да терпимость и невозможна при ихъ фанатической односторонности. Она бы была у нихъ непослѣдовательностью. Таковъ былъ Берне. Посмотримъ теперь на характеръ Гейне и тогда окончательно увидимъ, что между ними не могло быть ничего, кромѣ вражды.

И Гейне, подобно Берне, былъ политическимъ дѣятелемъ. Всѣ его сочиненія, кромѣ всѣхъ своихъ прочихъ достоинствъ, обладаютъ еще политическимъ значеніемъ. Иначе и не могло быть: Гейне былъ слишкомъ уменъ, слишкомъ страстенъ, чтобы смотрѣть равнодушно на окружающую его гниль. Онъ не могъ, подобно другимъ поэтамъ, игнорировать эту гниль и странствовать воображеніемъ по парнасамъ и олимпамъ. Это было бы тѣмъ же филистерствомъ, пошлостью, но даже Берне, обвинявшій Гейне во всевозможныхъ низостяхъ, не упрекнулъ его въ филистерствѣ. Гейне былъ живой человѣкъ, а не

ходячій трупъ, поэтому онъ не могъ жить въ тискахъ и безъ воздуха. Кромѣ того, естетическое чувство его было оскорбляемо на каждомъ шагу окружавшимъ его умственнымъ безобразіемъ и уродствомъ. На этомъ основаніи его произведенія представляютъ собою протестъ противъ этого стѣсненія, отвращеніе отъ этого безобразія. Но у него политическая дѣятельность не стояла на первомъ планѣ. Если я назвалъ Бёрне одностороннимъ, то нельзя не сказать, что Гейне можетъ служить образцемъ всесторонняго развитія. Онъ былъ столько же литераторъ, художникъ, мыслитель, даже свѣтскій человѣкъ, сколько политическій дѣятель. При такомъ обширномъ кругѣ дѣятельности, онъ не могъ посвятить себя какой нибудь спеціальной сторонѣ ея. На всѣхъ поприщахъ онъ былъ диллетантомъ и не могъ ни чему предаваться такъ безусловно и такъ страстно, какъ Бёрне. Но главная особенность его, набрасывающая тѣнь на всѣ его произведенія и приведшая его къ грустному концу, состояла въ томъ, что онъ принадлежалъ къ числу художественныхъ натуръ. Я уже намекалъ на это, говоря о его пристрастіи къ Наполеону и Гете. Многое въ сочиненіяхъ его, что, благодаря художественности выраженія, въ нашихъ глазахъ служитъ яснымъ доказательствомъ истиннаго, неподдѣльнаго чувства, представляетъ намъ Гейне ревностнымъ поклонникомъ свободы, врагомъ всякаго гнета и другомъ угнетенныхъ, — въ сущности есть ничто иное, какъ чистое искуство. Для насъ конечно все равно, сочувствовалъ ли Гейне свободѣ искренно или нѣтъ; когда мы читаемъ и увлекаемся его произведеніями, то намъ дѣла нѣтъ, были ли чувства, выражаемыя въ нихъ, такимъ же преобладающимъ свойствомъ его характера, какъ характера Берне, или онъ не чувствовалъ всего того, что выражалъ. Но для современника, знавшаго его лично, это было не все равно. Мы, напримѣръ, не современники Пушкина, однако не можемъ серьезно относиться къ его шалостямъ, въ родѣ «Оды къ свободѣ»; иностранецъ, для котораго личность Пушкина сама по себѣ совершенно неизвѣстна, удивится такому взгляду на произведеніе, которое можетъ на него произвести сильное впечатлѣніе. Мы бы тоже, можетъ быть, испытали это впечатлѣніе, но намъ мѣшаетъ чувствовать его другое впечатлѣніе, впечатлѣніе всего того, что мы знаемъ о личности поэта. Оно приходитъ намъ па память при чтеніи «Оды къ свободѣ», и мы можемъ только презрительно улыбаться, читая ее. Я этимъ вовсе не хочу сдѣлать какого бы то ни было сравненія меж-

ду Гейне и Пушкинымъ. Между ними такая же разница, какъ между «Германіей» Гейне и, напримѣръ, «Бакчисарайскимъ фонтаномъ» Пушкина. Гейне былъ высоко развитой человѣкъ и очень умный; эти качества заставляютъ насъ все-таки уважать его, и мы не можемъ все-таки считать все, говоренное имъ, выраженіемъ чистаго искуства, потому что многое должны мы отнести насчетъ ума и развитія. Достаточно указать хоть на черту, подмѣченную въ германскомъ поэтѣ покойнымъ Добролюбовымъ,—это уваженіе къ свободному выбору женщины, здравое, развитое пониманіе любовныхъ отношеній. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что взглядъ, выраженный Гейне на этотъ предметъ, отдѣляется цѣлою пропастью отъ воззрѣнія на то же самое Пушкина. Но я хочу сказать, что если мы, живущіе двумя поколѣніями позже Пушкина, не въ состояніи отдѣлаться при оцѣнкѣ его произведеній отъ впечатлѣнія, производимаго его личностью, то тѣмъ сильнѣе было это впечатлѣніе для современниковъ его. Точно также и Берне долженъ былъ судить о Гейне. Онъ не только читалъ его произведенія, но и зналъ его лично. Человѣка, съ такимъ одностороннимъ развитіемъ, какъ Берне, не могъ не поразить контрастъ между писателемъ и его твореніями. Берне, видя, что Гейне, демократъ въ своихъ сочиненіяхъ, на дѣлѣ чуждается мужицкаго общества и морщится отъ кнастера, почувствовалъ величайшую ненависть къ этому диллетанту демократизма. Онъ сталъ смотрѣть съ этой точки зрѣнія на его сочиненія, а такъ какъ Гейне никогда не заявлялъ, что кнастеръ пахнетъ лучше ландышей, и осмѣливался говорить, что народъ глупъ, и грубъ, то для Берне это было яснымъ доказательствомъ измѣны Гейне; онъ даже не побоялся высказать, что Гейне подкупленъ баварскимъ правительствомъ. Съ своей точки зрѣнія онъ былъ совершенно правъ; судить иначе онъ не могъ. Съ другой стороны и Гейне нельзя обвинять за то, что ему казался скучнымъ и антипатичнымъ Берне. Онъ тоже не могъ смотрѣть не него иначе. Я порицаю Гейне только за то, что онъ съ своимъ умомъ не понялъ характера Берне; еслибъ онъ понялъ его, то увидѣлъ бы, что вся причина ихъ вражды состоитъ въ томъ, что они современники и дѣйствуютъ вмѣстѣ за одно и то же дѣло. Послѣдняя причина, т. е. сходство ихъ дѣятельности, была бы поводомъ къ тому, что, не будь они современниками, тотъ изъ нихъ, который бы жилъ позднѣе, любилъ и уважалъ того, который шелъ впереди по тому же пути. Еслибъ Гейне все это по-

нялъ, онъ простилъ бы Берне его односторонность и даже его нападки на себя, и не написалъ бы, по смерти Берне, той жалкой книги противъ него, которая пережевываетъ нападки на него ихъ общихъ враговъ. Изъ всего сказаннаго, кажется, слѣдуетъ, что Берне былъ одностороннимъ фанатикомъ, а Гейне въ нѣкоторомъ родѣ украшеніе рода человѣческаго. Но если мы прослѣдимъ далѣе дѣятельность ихъ, то окажется, что бываютъ общественныя положенія, при которыхъ такіе блистательныя, всесторонне развитыя личности, какъ Гейне, не только не приносятъ ни малѣйшей пользы украшаемому ими обществу, но, къ общему изумленію, начинаютъ сами поддаваться вліянію этого общества и кончаютъ тѣмъ, что стремглавъ летятъ съ своего пьедестала и падаютъ въ самую грязную яму, падаютъ даже ниже общественнаго уровня. Ничего подобнаго этому приключенію не случается съ людьми такого закала, какъ Берне. Они до конца стоятъ крѣпко и несокрушимо на своей позиціи, и никакія силы неспособны выбить ихъ изъ нея. Единственно, что можетъ съ нимъ случиться, это то, что общество обгонитъ ихъ. Тогда они изъ полезныхъ членовъ его обращаются въ самыхъ вредныхъ, и съ тѣмъ же упорствомъ и несокрушимой энергіей проповѣдуютъ реакцію, какъ прежде проповѣдывали движеніе впередъ. Но къ счастью, подобное несчастіе бываетъ съ этими людьми рѣдко, и большею частію они не доживаютъ до осуществленія своихъ идеаловъ, подобно Берне, умершему въ 1837 г., т. е. за одинандцать лѣтъ до того времени, когда, казалось, начали осуществляться его pia desideria.

Не таковъ былъ конецъ Гейне. Если судить съ отвлеченной точки зрѣнія объ этомъ концѣ, то нельзя не сознаться, что Берне превосходно зналъ его характеръ и былъ вполнѣ правъ, ненавидя его. Я уже сказалъ выше, что по временамъ, читая восторги Гейне передъ Наполеономъ, предчувствуешь, что онъ умретъ для всего живого. Хотя конечно, какъ я уже доказалъ, эти восторги понятны при взглядѣ на положеніе германскаго общества, но, зная также, насколько натура Гейне была художественна, нельзя не заподозрить, не имѣло ли увлеченіе императоромъ въ своемъ основаніи эту особенность гейневскаго характера. Я не знаю почему, но только буржуазно-солдатская фигура Наполеона вдохновляла даже поэтовъ такихъ странъ, которыя къ Наполеону столько же относятся, сколько къ Батыю, и вдохновляла притомъ весьма выгодно для императора.

Изъ этого я заключаю, что вѣроятно поэты и художники находятъ въ этой фигурѣ нѣчто весьма поэтическое. Слѣдовательно и Гейне, кромѣ другихъ причинъ, могъ увлекаться маленькимъ капраломъ съ точки зрѣнія чисто эстетической. Но уже это самое даетъ право подозрѣвать, что исходъ умственной дѣятельности Гейне весьма сомнителенъ, потому что ни за одну художественную натуру нельзя поручиться, что она завтра же не утащитъ платка изъ чужого кармана, не сопьется съ кругу, не продастся и вообще не сдѣлаетъ какой нибудь капитальной мерзости. Тѣмъ болѣе нельзя поручиться, что художественная натура, воспѣвшая нынче свободу, не пропоетъ завтра оду какому нибудь Меттернихчику. Всѣ художники болѣе или менѣе Яковы Хамы; но приэтомъ я спѣшу оговориться, что самого Якова Хама, который

Воспѣвъ Гарибальди,
Воспѣлъ и Франческо,

я не считаю продажнымъ существомъ. На мой взглядъ, такой художникъ, если и не пренебрегаетъ презрѣннымъ металломъ, то все таки дѣйствуетъ не столько изъ разсчета, сколько по вдохновенію. Оно конечно, если къ тому же денегъ даютъ, то почему не взять. Но тѣмъ не менѣе главную роль играетъ художественность натуры, смотрящая на вещи, не съ обыденной, а съ художественной точки зрѣнія. Я уже не говорю о такихъ крупныхъ послѣдствіяхъ художественности характера, какъ дѣятельность Нерона или Ивана IV. Про это и говорить-то стоитъ только для объясненія возможности подобной дѣятельности. Въ обыкновенной же жизни въ благоустроенныхъ государствахъ такого широкаго поприща для художественной натуры не представляется. Поэтому она проявляется въ различныхъ болѣе тѣсныхъ рамкахъ. Одинъ напримѣръ вздумаетъ, что ему душно здѣсь, что онъ въ лѣсъ хочетъ, а его не пускаютъ, и что ему нечѣмъ утолить порывы своей натуры, какъ только очищенной — пьетъ. Другой вздумаетъ, что онъ глава въ своемъ домѣ, и что патріархальная семейная жизнь имѣетъ въ себѣ много художественнаго; поэтому желаетъ наслаждаться ею,—наслаждается: бьетъ жену, дѣтей, прислугу. Третій вообразитъ, что его душа ищетъ любви и сочувствія и заведетъ по этому случаю трехъ содержанокъ, отказывая женѣ и дѣтямъ въ необходимомъ. Художники же проявляютъ художественность своей натуры тѣмъ, что во всякое время готовы, «воспѣвъ Гариваль-

ти, воспѣть и Франческо». Кто поручится въ самомъ дѣлѣ, что человѣкъ, увлекавшійся свободой, не въ практическомъ ея смыслѣ, а въ художественномъ, не увлечется черезъ нѣсколько времени іезуитами, тоже разсматривая ихъ съ художественной точки зрѣнія? Можетъ быть, и даже не можетъ быть, а навѣрно, съ художественной стороны и іезуиты также хороши, какъ и свобода. Вѣдь находились же художники, способные вдохновляться, наприм. Фридрихомъ Вильгельмомъ, и изображать его, удовлетворяя всѣмъ правиламъ искусства. Изображенъ же, наприм. въ Петербургѣ, князь Кутузовъ, и даже поза ему дана величественная. А кажется, на что мало пищи для вдохновенія представлялъ собою этотъ полководецъ. А нашелся художникъ, вдохновившійся имъ, даже не однимъ имъ, а и Баркла-емъ де Толли въ придачу. Находитъ же г. Фетъ возможность вдохновляться появленіемъ жабы на дорогѣ. Скажите, ради Бога, почему іезуиты и муленькіе Меттернихи могутъ служить менѣе источникомъ вдохновенія, А если могутъ, то значитъ нельзя поручиться, что поэтъ или художникъ не увлекутся ими. За примѣромъ далеко незачѣмъ ходить: великій нашъ художникъ Гоголь представляетъ разительное доказательство всего сказаннаго. Тоже было и съ Гейне. Но мнѣ могутъ возразить, что и Гейне, и Гоголь, прежде чѣмъ дошли до идіотизма, разстроили свой организмъ, что у нихъ умственному разслабленію предшествовало разслабленіе физическое. На это я отвѣчу, что самая художественность натуръ зависитъ отъ ненормальности въ ихъ организаціи. Поэтому я вижу только недостатокъ положительныхъ научныхъ свѣдѣній и замѣненіе ихъ отвлеченными бреднями, основанными на дуализмѣ, — слова Прудона, въ которыхъ онъ говоритъ о Гейне, что онъ былъ типомъ эгоиста и гордеца, и обезславилъ свои послѣднія минуты самымъ постыднымъ отступничествомъ. Онъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ обвиняетъ его въ обращеніи къ іудаизму и іезуитамъ, хотя тутъ же замѣчаетъ, что онъ былъ калѣкой. Но нельзя не согласиться съ Прудономъ, когда онъ утверждаетъ, что отступничество Гейне свидѣтельствуетъ, что онъ никогда истинно никого не любилъ, кромѣ самого себя, что ему никогда не были близки къ сердцу нужды общества и что во всемъ, что онъ говорилъ, видно только исканіе популярности. Во всемъ этомъ разсужденіи нельзя согласиться только съ послѣднимъ замѣчаніемъ. Дѣйствительно, Гейне, хотя при концѣ жизни и не обладалъ прежними умственными способностями,

ію не былъ все-таки сумашедшимъ. Между тѣмъ только помѣшанный человѣкъ можетъ прійдти къ убѣжденіямъ діаметрально противоположнымъ тому, что зналъ въ здоровомъ состояніи. Если наприм. здоровый человѣкъ убѣжденъ, что земля обращается вокругъ солнца, то, только помѣшавшись, можетъ онъ подумать противное. Если же умственныя способности его только угнетены физическими страданіями, то онѣ могутъ оказаться значительно слабѣе прежняго, но совершенно извратиться не могутъ. Больной человѣкъ не будетъ въ состояніи доказать, что земля обращается вокругъ солнца, а не на оборотъ, но самый фактъ останется у него въ памяти, покуда мозгъ его не окажется совершенно неспособнымъ къ воспринятію, храненію и произведенію какихъ бы то ни было идей, другими словами, пока онъ не впадетъ въ бредъ и агонію. Слѣдовательно, съ такого больного нечего требовать, чтобы онъ обладалъ прежней энергіей ума, и, если при этомъ онъ до такой степени неразвитъ, какъ наприм. Гоголь, то естественно онъ можетъ поддаться доказательствамъ, которыя бы прежде принялъ съ насмѣшкой. Теперь же онъ не находитъ въ своемъ истощенномъ умѣ никакихъ доводовъ противъ этихъ доказательствъ. Онъ склоненъ къ страху, къ испугу, и поэтому желающимъ не представляется большого труда завладѣть человѣкомъ, котораго убѣжденія и прежде основывались не на прочныхъ знаніяхъ, а на здравомъ смыслѣ, покинувшемъ его въ болѣзни. О такомъ человѣкѣ остается жалѣть, но презирать его или негодовать на него незачто. Естественно, чтобы трупъ гнилъ, а больной терялъ *здравый* смыслъ. Но этого нельзя сказать о Гейне: Гейне былъ слишкомъ развитой человѣкъ, чтобы поддаться раввинамъ и іезуитамъ, покуда мозгъ его былъ цѣлъ. Онъ точно также зналъ, что такое іудаизмъ и іезуиты, какъ и то, что земля обращается вокругъ солнца. Что онъ въ болѣзни поглупѣлъ, это такъ и должно было быть. Но что онъ обратился къ іезуитамъ, это показываетъ на другую причину, кромѣ болѣзни. Причину эту я показалъ выше и теперь повторю, что она заключается въ художественности гейневской натуры. На этомъ же основаніи несправедливъ упрекъ Прудона въ томъ, что будто Гейне искалъ въ прежнихъ сво-

---

*) Которымъ увлекся даже историкъ Т. Карлейль, обнаруживъ при этомъ замѣчательную художественность натуры.

ніемъ какого нибудь мотива, всего вѣроятнѣе болѣзни, онъ сталъ, тоже ради чистаго искусства, пѣть Моисея и Лойолу. Болѣзнь была здѣсь не болѣе, какъ причиной непосредственной; наприм. онъ не чувствовалъ въ себѣ прежней силы для побіенія пошлости и злобы. Главной же причиной была художественность, потому что, какъ я доказалъ, не было никакого повода къ тому, чтобы Гейне, какъ и всякій другой поэтъ и художникъ, не началъ послѣ свободы пѣть іезуитовъ, тѣмъ болѣе, что тутъ не надо было никого ни осмѣивать, ни восхвалять, а стоило только отрекаться отъ своей прошедшей дѣятельности; всякая нехудожественная натура сочтетъ послѣдее самымъ труднымъ и тяжелымъ дѣломъ, на которое можетъ рѣшиться человѣкъ. Но для художественнаго характера это очень легко, потому что эта прежняя дѣятельность не имѣла основанія въ завѣтныхъ убѣжденіяхъ, а состояла изъ ряда порывовъ воображенія. Сомнѣваться въ этомъ рѣшительно не возможно, имѣя передъ глазами примѣръ цѣлой фаланги нашихъ поэтовъ 20-хъ, 30-хъ и 40 хъ годовъ, переходившихъ безъ всякой часто причины отъ воспѣванія одного предмета или идеи къ воспѣванію другихъ, совершенно противоположныхъ первымъ.

Нехудожественная, рѣзкая, односторонняя до фанатизма натура Берне не допускала ни малѣйшаго отклоненія отъ принятаго однажды направленія. Результатомъ этого было то, что, не смотря на превосходство ума и таланта Гейне, онъ никогда не пользовался такой популярностью, ни такимъ вліяніемъ, какъ Берне. Толпы работниковъ сходились слушать рѣчи Берне; въ Германіи его сочиненія, не смотря на полицейскія мѣры, распространялись съ необыкновенной быстротой и въ огромномъ количествѣ. Имя его было знаменемъ цѣлой партіи, и за нимъ неусыпно наблюдали агенты германскихъ полицій. Правда, послѣ смерти его, это значеніе и эта извѣстность быстро исчезли, а сочиненія Гейне имѣютъ право на безсмертіе. Поэтому Германія можетъ любить и уважать помять Берне, этого героическаго бойца за ея свободу, и справедливо можетъ восхищаться горькой иронією великаго поэта Гейне. Но для современниковъ Берне былъ гораздо дороже. Его чувства были искренни и святы, онъ былъ готовъ жизнью и имуществомъ жертвовать за свои убѣжденія, и ни неудачи, ни болѣзни послѣднихъ лѣтъ жизни не могли доставить филистерамъ торжества видѣть заблудшую овцу возвращающеюся въ ихъ стадо. Человѣкъ, съ которымъ больше всего имѣлъ

Берне общаго, былъ Поль-Луи Курье. Подобно сочиненіямъ послѣдняго, сочиненія Берне имѣютъ до сихъ поръ глубокій интересъ, не столько по остроумію и живости изложенія, сколько какъ матеріалъ для полнаго уразумѣнія той бездонной пропасти лжи и насилія, въ которую со времени вѣнскаго конгресса была повергнута Европа.

В. Зайцевъ.

БОЛЬНИЧНЫЕ ОЧЕРКИ.

(Отрывки изъ дневника. Очеркъ первый).

Жизнь доктора—некрологъ его больныхъ.

Афоризмъ.

Клиники пользуются у насъ особенной репутаціей передъ всѣми общественными больницами, а тѣмъ болѣе передъ лазаретами и госпиталями. Народъ ученый, доктора лучшіе. Гдѣ же, стало быть, и леченіе должно быть самое лучшее, какъ не здѣсь? Довѣріе къ клиникѣ, мы знаемъ, очень глубоко, очень велико, такъ что, во мнѣніи многихъ, общественная обыкновенная больница въ сравненіи съ клиникой до такой степени мельчаетъ и отдаляется, что иной и сравнивать не захочетъ. Мы знаемъ, многіе смотрятъ на клинику, какъ на святилище, гдѣ прежде всего дѣлаютъ для больного все, что только можетъ сдѣлать наука и опытная, искусная практика. Тамъ профессора, тамъ лучшіе просвѣщенные медики, тамъ всѣ, какіе только есть, препараты и медикаменты, тамъ высшее вниманіе къ болѣзни и паціенту, тамъ уходъ за больнымъ, уходъ, на который кто могъ бы пожаловаться? Клиника—одно это слово является для многихъ залогомъ душевнаго спокойствія, довѣрчивости и столь великой надежды, что если уже въ клиникѣ не вылечили, значитъ и лечиться нечего. Идетъ человѣкъ въ общественную больницу, и онъ прежде всего не имѣетъ въ нее ни вѣры, ни серьезной надежды, а такъ себѣ: авось, де-скать, вылечатъ; другіе вѣдь идутъ же... Что же тамъ, не черти же въ самомъ дѣлѣ, а все такіе же люди... Оно, положимъ... хаберъ-супъ, шлепанцы-башмаки, доктора... Страшно какъ-то дѣлается; идешь— точно куда-то на кладбище... Башмаки эти, эти бѣлые колпаки, эта мертвая, убійственная регулярность во всемъ, уничтожающая самое понятіе о жизни,

кислые надзиратели, старыя, плюгавыя надзирательницы, клопы, алчныя крысы, мыши, торжественныя визитаціи главнаго доктора, посѣщенія попечителя, желтые халаты, эти вечерніе и обѣденные звонки, вѣчно треплющіяся и воняющія швабры служителей, корзинки съ мертвецами, ванны съ грязью по поламъ—все это быстро нарисуется въ воображеніи человѣка, рѣшившагося идти въ больницу,—говоримъ: рѣшившагося,—потому что долгія колебанія предшествуютъ обыкновенно послѣднему заключенію, что идти необходимо. Иной бѣднякъ идетъ точно по приговору... гдѣ драть его хоть и не станутъ, а напротивъ, дадутъ и обувь, и бѣлье, и пищу, и помѣщеніе, и услугу, и уходъ, и попеченіе, и т. д., но гдѣ за то онъ принужденъ будетъ испытать многое, многое, что не разъ покоробитъ душу даже при одномъ воспоминаніи; гдѣ съ другой стороны вы никакъ не въ правѣ между прочимъ отрекаться и отъ смерти, потому что мало ли чего не случается... Одно заточеніе чего стоитъ,—одна неволя стоитъ тюрьмы. А снятіе съ васъ вашего *я*, — чего стоитъ это обезличеніе, обращеніе васъ въ куклу, которою треплютъ, вертятъ и коверкаютъ, даже сломаютъ, какъ именно можно вертѣть и коверкать только куклой. Если обругаютъ, оскорбятъ, раздражатъ—стерпите, помалкивайте, не замѣчайте этого, потому что «такъ слѣдуетъ»; тѣ—въ правѣ, а вы—не въ правѣ.

Иное дѣло клиника. Извѣстно каждому, что и тамъ тоже не Богъ знаетъ что, по крайней мѣрѣ тѣ же башмаки, то же заключеніе; а между тѣмъ, идя въ клинику, человѣкъ не только не стѣсняется подобнаго рода представленіями, а напротивъ радъ, что есть мѣсто и его принимаютъ; онъ надѣется найти здѣсь человѣческій пріютъ. Главное же, въ немъ дѣйствуетъ сила вѣры въ помощь и исцѣленіе. Затѣмъ, все остальное стушовывается, сглаживается, дѣлается какъ бы стороннимъ, и потому оказывается маловліятельнымъ. Притомъ, было — и еще не такъ давно — время, когда имя профессора для многихъ значило все равно что божество.

Мы очень рады, что имѣемъ маленькую возможность проникнуть въ этотъ храмъ и коснуться наполняющихъ его божковъ. Больницы уже были расписаны, хотя правду сказать, существеннаго толку оттого вышло немного: почитали, по обыкновенію посудили, порядили, побранили, поёжились, да тѣмъ и дѣло кончили. Но о клиникахъ пока еще не было говорено, и онѣ до сихъ поръ остаются тайниками, куда общественный судъ и глазъ еще не про-

никали. Тѣмъ лучше, тѣмъ стало быть свѣжѣе и, такъ сказать, дѣвственнѣе, хотя впрочемъ сказать надо и то, какъ говорится по пословицѣ: гусь и гагара, два сапога — пара; больница и клиника, клиника и больница,—на самомъ-то дѣлѣ, это—двѣ половины одного и того же лица...

Избѣгая риска повторить здѣсь то, что высказывалось въ другихъ мѣстахъ, я безъ дальнихъ сужденій обращаюсь прямо къ своей тетрадкѣ, въ которую когда-то были занесены нѣкоторыя черты одной изъ клиникъ, и выберу оттуда кое-что болѣе занимательное, положительное и характеристическое. Записки эти были ведены назадъ тому почти три года; но существующій порядокъ въ томъ мѣстѣ, котораго коснутся мои описанія, и до сихъ поръ уцѣлѣлъ, развѣ произошла та разница, что стѣны зданія отъ времени еще болѣе почернѣли и оно глядитъ угрюмымъ; тотъ же профессоръ хирургическаго отдѣленія — старый, высокій, высохшій, немного сгорбленный, — онъ тоже постарѣлъ на три года противъ прежняго, тотъ же фельдшеръ, даже тѣ же и служителя, тѣ же халаты, тѣ же кровати, тѣ же порядки, — все тѣ же правила гостепріимства, леченія и препровожденія *ad patres*. Короче:

Ничто не ново надъ Невою...

21 января 186...года.

Заболѣлъ я и попросилъ свести меня въ клинику. Я пріѣхалъ въ 8 ½ утра.

Тутъ прежде всего надо вамъ замѣтить, въ клинику не сразу можно попасть; большая часть приходящихъ порядочно поблуждаетъ, прежде чѣмъ попадетъ. Дѣло въ томъ, что общей пріемной комнаты нѣтъ, и дежурнаго доктора при клиникѣ не бываетъ. Относительно пріема, порядки водятся такого рода: каждое отдѣленіе клиники, терапевтическое, хирургическое и т. д., поручается одному извѣстному профессору, спеціалисту; профессоръ при порученномъ ему отдѣленіи клиники имѣетъ свой кабинетъ, который съ тѣмъ вмѣстѣ есть и пріемная комната для больныхъ. А потому, сколько отдѣленій, столько и пріемныхъ. Читатель подумаетъ, что это гораздо лучше, скорѣе можно попасть; а вотъ въ томъ-то и штука, что нѣтъ. Надо помнить, что каждый профессоръ — спеціалистъ и принимаетъ къ себѣ

только болѣзни, соотвѣтственныя его специальности. Такимъ образомъ, если вы попадаете не къ тому профессору, къ специальности котораго относится ваша болѣзнь, то должны будете, отойдя отсюда, искать иного кабинета и профессора; а это не такъ близко одно отъ другого: вамъ придется въ этихъ путешествiяхъ переходить цѣлые коридоры, длинные и узкiе, вонючiе и довольно холодноватые. Хорошо, если вы наткнетесь на студента и обратитесь къ нему съ распросами; онъ вамъ можетъ указать или даже, если имѣетъ время и расположенiе, довести до самого кабинета, въ который слѣдуетъ обратиться. А если и студентъ вамъ не попадется—да вамъ и спросить будетъ некого, вы будете ходить изъ коридора въ коридоръ — и только; тутъ дверь, тамъ дверь и безконечный рядъ дверей съ номерками надъ входомъ: въ какiя хотите, туда и входите, но все это опять не принесетъ большой пользы, потому что тамъ можете найдти только слоняющихся больныхъ, такъ какъ это ихъ камеры, а не самого доктора. Спросить бы фельдшера, да онъ здѣсь полагается одинъ на цѣлое специальное отдѣленiе, т. е. палатъ на девять, на десять, а потому и его увидать тоже не легко. Попадется на глаза служитель, который однако, надо вамъ сказать, и говорить не станетъ; вы его спрашиваете, а онъ проходитъ молча, даже и физiономiи не обернетъ, или же удружитъ отвѣтомъ въ родѣ того: «ступайте сейчасъ вотъ такъ прямо, а потомъ поверните налѣво, а тамъ направо, а тамъ опять налѣво, а тутъ придетъ дверь—вы въ нее не ходите все идите такъ дальше, все прямо,— тамъ кого нибудь спросите, вамъ и покажутъ...» Разумѣется, если сунете ему малу-толику, раздобрится—доведетъ куда нибудь. И то, что же онъ можетъ показать? Болѣзней не понимаетъ, а потому и на искомаго профессора показать едва ли можетъ; онъ можетъ только сказать, что кабинетъ такого-то профессора тамъ-то, а такого-то тамъ-то, а вы и прогуливайтесь по этимъ кабинетамъ изъ одного конца коридора въ другой. И очень естественно, что иному поступающему придется пропутешествовать такимъ образомъ съ полчаса, особенно если, какъ на зло, не попадается ни одного студента. Притомъ же и самые студенты далеко не всѣ толковые люди. — Обыкновенно спрашиваютъ приходящаго: къ какому онъ желаетъ поступить профессору, — какъ будто каждый приходящiй, особенно изъ людей несвѣдущихъ, можетъ знать, какiе именно и по какимъ болѣзнямъ существуютъ тамъ профессора. Придетъ мужикъ: знаетъ

онъ много вашихъ профессоровъ? Ну, и путешествуй на здоровье, какъ въ незнакомомъ лѣсу. Хорошо еще, если больному не въ особенную тягость совершать подобнаго рода путешествія; а если онъ тяжело болѣнъ, если для него каждое движеніе болѣзненно до мучительнаго состоянія: тогда каково? Признаемся, мы видали примѣры и не разъ, иначе разумѣется не стали бы и говорить. И надо сказать, до сихъ поръ еще помнится и помнится очень живо, какъ таскали одного мальчика простого сословія, пораженнаго сильнѣйшимъ ревматизмомъ въ ногахъ, такъ что самъ онъ даже стоять не могъ и его водили двое приведшихъ. Смотрѣть было больно. Плачетъ, еле ноги волочитъ, на лицѣ дѣлаются судорожныя конвульсіи, а его, нисколько не стѣсняясь, волочатъ изъ одной палаты въ другую,—только тутъ командовали уже сами доктора. Стало быть, дѣло еще лучше говоритъ въ пользу этихъ благодѣтелей человѣческаго рода. Приведутъ въ одну палату, — докторъ говоритъ: зачѣмъ сюда привели? ведите туда-то, къ такому-то. Туда приведутъ, тамъ та же исторія: ведите къ такому-то; тамъ опять повторяется тоже самое. Доводили наконецъ до того, что обратно препроводили къ первому доктору, а тотъ опять куда-то отослалъ, — и наконецъ, больной обращенъ былъ въ третій разъ въ одно и то же мѣсто. Такимъ образомъ пришлось блуждать по всѣмъ этимъ мытарствамъ болѣе получаса. А вѣдь дѣло-то могло бы быть гораздо проще: имѣй каждый изъ этихъ господъ понятіе о болѣзненномъ положеніи человѣка, другими словами, имѣй смыслъ человѣческій, а не казенный. Вѣдь, посмотришь, лица эти сами по себѣ ни чуть не варвары, совсѣмъ не жестокосерды, напротивъ многіе изъ нихъ прекрасные люди, но ради исполненія *долга*, понимаемаго въ офиціальномъ смыслѣ, превращаются въ автоматовъ, поварачиваемыхъ посторонней силой. Имъ представляется, что они дѣлаютъ такъ, какъ слѣдуетъ, что они исполняютъ свой долгъ, а того и не подозрѣваютъ, что всякій долгъ, при своей внѣшней формѣ, долженъ руководствоваться главнымъ образомъ смысломъ, что исполнять надо не форму, а дѣло, главная форма котораго, есть смыслъ человѣческій, простой, безъ фрака, безъ мундира. Такимъ образомъ господа эти—прекрасные у себя дома, нерѣдко являются какими-то пугалами—въ другомъ мѣстѣ, гдѣ болѣе всего требовалась бы человѣчности, а также и ума.

Мы упомянули объ отсутствіи дежурныхъ докторовъ. Собственно

говоря, врачь дежурный полагается при каждомъ отдѣленіи клиники. Это обыкновенно ординаторы при клиникахъ, которыхъ полагается, напримѣръ въ хирургическомъ отдѣленіи, два на все отдѣленіе, то есть, на девять или на десять палатъ. Они дежурятъ поочередно: сутки — одинъ, а другіе сутки—другой. Но вѣдь это только такъ говорится. Поутру, часовъ въ 8 или въ 9, придетъ ординаторъ, облетаетъ больныхъ на живую руку, и всему дѣлу конецъ; развѣ иногда, что впрочемъ бываетъ чрезвычайно рѣдко, еще вечеркомъ заглянетъ въ одну палату, въ другую. Это случится разъ въ недѣлю, а то и въ двѣ. Вотъ вамъ и дежурный. Дежуритъ онъ у себя дома на кровати или на диванѣ, наслаждаясь благими земными и разными чувствіями, а до клиники ему дѣла столько же, сколько мужику до барщины, куда онъ явится, отзвонилъ да и съ колокольни долой. Правда, есть тутъ дежурный при госпиталѣ, при которомъ состоитъ клиника. Но спросимъ, какое можетъ имѣть дѣйствительное значеніе этотъ dinarius medicus, когда онъ одинъ командируется на два отдѣленія громаднѣйшаго военнаго госпиталя и затѣмъ тутъ же на цѣлую клинику? Мы говоримъ положительно, что это тоже одна только форма, а не дѣло, тѣмъ болѣе, что вообще дежурный госпиталя въ дѣйствительности почти совершенно не относится къ клиникѣ, которая притомъ же и отстоитъ отъ дежурной комнаты чрезвычайно далеко, именно, на цѣломъ протяженіи всего госпиталя. Стало быть, если бы явился ревизоръ и спросилъ бы дежурнаго врача, то онъ — есть; а если бы попросилъ къ себѣ его изъ клиники одинъ больной, и два, и три, то дежурный этотъ представилъ бы только воображенію больного, въ видѣ математическаго маятника, имѣющаго свои законы и существующаго на бумагѣ въ физикѣ и на чертежѣ, и несуществующаго въ природѣ. Въ клиникѣ больные и понятія не имѣютъ, что такое дежурный докторъ; то есть, они знаютъ, что дежурный врачъ долженъ бы существовать,—но они никогда его не видятъ, а потому и аттрибутовъ его не знаютъ, какіе бы дежурный долженъ имѣть, и онъ существуетъ въ ихъ представленіи, дѣйствительно, какъ нѣкій мифъ, или какъ математическая фигура, существующая только въ своемъ отвлеченномъ значеніи.

Но вы представьте, что вѣдь это не гдѣ нибудь, а въ клиникѣ, въ клиникѣ, гдѣ принимаются съ болѣзнями только «интересными», съ болѣзнями и въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно важными, вслѣдствіе чего не каждый

больной можетъ туда и поступить. Такимъ образомъ, важнѣйшее медицинское учрежденіе—клиника, на дѣлѣ, отъ утра до другого утра остается чѣмъ-то въ родѣ глухой крапивы, которая никому не нужна и никому до нея нѣтъ дѣла. Это своего рода канцелярія, департаментъ, куда въ условное время собираются извѣстнаго рода чиновники, и разсматриваютъ человѣка, какъ вновь поступившее дѣло или отношеніе. А больной лежи себѣ и чувствуй, какъ хорошо быть въ нѣкоторомъ смыслѣ канцелярскимъ отношеніемъ. На фабрикѣ, на любомъ сахарномъ, мылаворенномъ или иномъ заводѣ, вниманія, присмотра и дѣловой работы бываетъ несравненно больше и на дѣло смотрится гораздо серьезнѣе, чѣмъ на этой врачебной фабрикѣ, гдѣ человѣка принимаютъ точно старую резиновую галошу въ починку, да и того еще нѣтъ... Живъ человѣкъ остался или его улечили на тотъ свѣтъ, выздоровѣлъ онъ или его зарѣзали—это штука неновая и никого особенно не встрѣвожитъ, какъ дѣло обыкновенное. Уладилось дѣло съ больнымъ хорошо—ничего, ладно; случилось наоборотъ — тоже ничего. Словомъ, жизнь и смерть человѣка, кажется, понятія безразличныя и не составляютъ существенной важности; сущность же дѣла заключается, чтобы отданная въ починку или въ передѣлку вещь не лежала такъ, а чинилось бы непремѣнно. И она чинится согласно указаніямъ науки и мѣстной оффиціи, чтобы только не попасть ни въ опалу, ни подъ судъ, а напротивъ добиться нѣкоего благоденствія и благополучія... Объ этомъ впрочемъ я надѣюсь поговорить послѣ. Теперь же долженъ показать, что ради такого характера дѣлъ и порядка, приходящій и желающій поступить въ клинику, ни о какомъ дежурномъ не мечтай, а потому—здѣшній и ты или пріѣзжій, больной ты очень или больной чрезвычайно — напередъ долженъ знать время, когда придти въ клинику, чтобы быть освидѣтельствованнымъ и принятымъ въ нее. Если напримѣръ вздумалось заболѣть тебѣ, положимъ хоть задержаніемъ мочи, въ воскресенье или въ праздникъ, или пришлось сломать себѣ гдѣ нибудь ногу среди дня, ночью или къ вечеру, такъ знай, что за несвоевременность болѣни напрасно сталъ бы ты взывать о пособіи: ты имѣешь право заболѣвать подобнымъ образомъ только въ извѣстные дни, утромъ, потому что въ клинику можно приходить и поступать только утромъ и то только въ извѣстные дни, именно когда профессоръ бываетъ тамъ. А явившись въ праздникъ, ты еще предварительно походи по коридорамъ, да разузнай, хоть

отъ сторожа, къ какому именно профессору слѣдуетъ обратиться и гдѣ его кабинетъ.

Итакъ первый блинъ да комомъ; на первой ступени въ клинику мы принуждены маленько умѣрить свои восторги: не все то золото, что блеститъ, не все то хорошо, что представляется почтеннымъ и отличнымъ, хотя бы это личное представленіе было даже отраженіемъ такого же представленія и общаго, то есть, въ смыслѣ «общественнаго мнѣнія».

Я привезенъ былъ въ клинику однимъ изъ студентовъ, и потому отъ описанныхъ путешествій, благодаря моему товарищу, былъ избавленъ,—не то-что какъ прежде, когда пришлось пріѣхать одному и когда, нечего дѣлать, дѣйствительно пробуждалъ по меньшей мѣрѣ съ полчаса, и вдобавокъ напрасно, потому что въ тотъ день былъ праздникъ (6-го декабря), въ клиникѣ никого не было, и я, послѣ тщетныхъ странствованій при 27 градусномъ морозѣ, долженъ былъ обратиться восвояси, достигнувъ черезъ эту прогулку одного результата—еще большаго раздраженія болѣзни.

Привезшій меня студентъ показалъ кабинетъ профессора—хирурга. Кабинетъ состоялъ изъ довольно чистой и просторной комнаты, хорошо меблированъ, обклеенъ хорошими шпалерами и вообще представлялъ видъ порядочной залы, далеко непохожей на обыкновенные «пріемные покои» больницъ общественныхъ.

Профессора въ кабинетѣ не было, онъ производилъ операцію въ хирургическомъ театрѣ. Хирургическій театръ находится по сосѣдству съ кабинетомъ, отдѣляясь отъ послѣдняго тремя комнатами, камерами больныхъ. Крикъ оперируемой женщины, долетая сюда, производилъ болѣзненныя ощущенія; онъ былъ пронзителенъ и заставлялъ то прислушиваться къ нему до самого тонкаго подслушиванія, то просто хотѣлось заткнуть уши, чтобы совсѣмъ не слыхать.

Такъ провелъ я времени до 11-ти часовъ, въ наслажденіи утреннимъ концертомъ хирургическаго театра, въ которомъ чистый и звучный сопрано оперируемой женщины то доходилъ въ верхнихъ нотахъ до безумнаго взвизгиванія и продолжительнаго визга, то спадалъ въ контральто и лился всею полнотою мученическаго страданія. У больной, какъ я узналъ послѣ, вырѣзывали ракъ въ весьма чувствительной, сокровенной части тѣла. Около 11-ти часовъ вошелъ

въ кабинетъ молодой докторъ, младшій ординаторъ по хирургическому отдѣленію, Вертихвостовъ, добродушная и глупенькая физіономія, со шпагой на боку и съ крѣпомъ на рукѣ, какъ слѣдуетъ таковому экземпляру. Онъ предложилъ мнѣ два-три вопроса, щебеча и вертясь, какъ сорока на трубѣ, и тотчасъ же опять вышелъ, прося подождать самого профессора, пока кончится операція.

По окончаніи операціи, слишкомъ въ двѣнадцать часовъ, вошелъ другой докторъ, старшій ординаторъ, Кукельванскій, съ длинными, въ родѣ зимнихъ сосулекъ, усами a la chinois. Онъ спросилъ меня о болѣзни, спросилъ еще что-то, осмотрѣлъ на живую ногу и тоже вышелъ, прося подождать профессора.

Наконецъ я увидѣлъ «самого профессора», генерала отъ медицины и хирургіи—Мостодонтова.

Мостодонтовъ діагностировалъ болѣзнь съ такимъ безстрастіемъ, какое рѣдко можно встрѣтить, такъ что во время этого изслѣдованія, вмѣсто того чтобы остановить вниманіе на себѣ самомъ, я съ полнымъ любопытствомъ смотрѣлъ на безстрастнаго хирурга, какъ на могильщика Шекспира,—по крайней мѣрѣ онъ напоминалъ собою эту сцену, за исключеніемъ таинственности и лаконическаго мистицизма. Впрочемъ, что я говорю: таинственность и мистицизмъ есть и тутъ, да еще на первомъ планѣ, только не того свойства, но свойства технико-медицинскаго, — вмѣсто напримѣръ того, чтобы назвать воду водою, въ силу учено-нѣмецко-латинско-медицинской кабалистики, онъ зоветъ ее aqva distillata; вмѣсто того, чтобы тряпку попросту назвать тряпкой, зоветъ ее компрессомъ, и т. д.

По изслѣдованіи болѣзни, сдали меня на руки служивому лицу. Этотъ, введя въ палату, предоставилъ свободную кровать, въ ряду съ четырьмя другими, на которыхъ лежали больные. Тутъ меня раздѣли и облачили въ казенную, больничную одежду.

Для размѣщенія больныхъ существуетъ здѣсь два отдѣленія: офицерское или благородное, и солдатское или простое. По недостатку свободныхъ мѣстъ въ офицерскомъ отдѣленіи, меня помѣстили временно въ отдѣленіе солдатское.

22 января.

Худо провелъ я первую ночь. Все какъ-то ново, новыя лица, новыя стѣны, обстановка, порядокъ — все это бросается въ глаза;

человѣкъ — уже такъ бываетъ почти съ каждымъ — почему-то невольно осматривается, выглядываетъ и вообще получается множество мелкихъ новыхъ ощущеній, въ общей сложности дѣйствующихъ довольно вліятельно. Говорятъ, на новосельи худо спится. Это естественно. Но тутъ была и другая причина, почему мнѣ такъ худо пришлось провести эту ночь: поневолѣ не заснешь, когда дадутъ такую подвижническую постель, какъ сегодня — на сбитомъ соломенномъ тюфякѣ, съ толстою суровою простыней и жосткимъ одѣяломъ изъ сѣраго, обыкновеннаго солдатскаго сукна, что идетъ на шинели. Больше всего досталось шеѣ отъ худого положенія головы, — мочи нѣтъ, какъ наболѣла. А тутъ по сторонамъ стонъ, храпѣнье, скрипѣніе зубовъ; а тутъ какая-то, тоже точно больная, лампа съ рыженькимъ огонькомъ и вонючимъ, ѣдкимъ масломъ, наводитъ тусклый, матовый свѣтъ. Бѣдный служитель, калачикомъ свернувшись на голомъ, холодномъ полу, спитъ, какъ невольникъ. Вся эта монотонность чрезвычайно походитъ на какое-то теплое со сводами кладбище, гдѣ всѣ фигуры и лица — точно тѣни.

Комната не представляла ничего особеннаго; она была просторна, маленько грязновата, и хоть суха, тепла, свѣтла, но тѣмъ не менѣе походила на свѣтлый, просторный сарай. Въ ней двое дверей: одна дверь — въ профессорскій кабинетъ, другая — въ коридоръ.

Обѣ каждый разъ, какъ отворятъ, издаютъ отвратительный ревъ, какъ неподмазанныя колеса или деревенскія ворота, отворяющіяся вѣчно съ музыкой. Оконъ—три; два на улицу и одно въ противоположной стѣнѣ въ коридоръ. Форточка одна, въ окнѣ на улицу. Безопасныхъ со стороны вѣтра вентуляторовъ не полагается.

Кровати помѣщаются такъ свободно, что въ другихъ общественныхъ больницахъ на такую палату непремѣнно натискали бы ихъ штукъ десять; здѣсь же всего пять.

Бѣлье отпускается солдатское: рубаха толстая, еще толще панталоны и что-то въ родѣ носковъ на ноги изъ самого толстаго, суроваго холста буросиневатаго, свинцоваго цвѣта. Колпаковъ и косынокъ нѣтъ; должность носового платка понеобходимости должны отправлять кулакъ и халатъ. Полотенце изъ того же суроваго холста въ длину имѣетъ около трехъ четвертей аршина, а въ ширину вершковъ шесть-семь. О постеляхъ я уже упомянулъ: тюфяки или матрацы начинены соломой и жостки, точно выбитая ложбина шос-

сейной дороги... Халаты отпускаются изъ толстаго, сѣраго сукна; съ внутренней стороны до пояса подбиты холстинной дерюгой; воротникъ стоячій, какъ у мундира, и такой же жосткій; полы, запахиваясь одна за другую на одинъ или вершка на полтора, застегиваются на три суконныхъ пуговицы и, спускаясь внизъ, расходятся совершенно, такъ что ноги при ходьбѣ остаются непокрытыми и чрезъ то часто бываютъ подвержены риску простуды.

Между каждыми двумя кроватями стоитъ опрятный, дубовый столикъ съ точеными ножками и двумя ящиками, отдѣльно назваченными для каждаго больного. За тѣмъ, между каждыми двумя кроватями подостланы нещегольскіе, но теплые, соотвѣтствующіе потребности коврики—небольшіе куски сѣраго, русскаго сукна порядочной толщины, длины и ширины; такъ что больной, вставая съ постели, не рискуетъ ступить необутою ногою на голый, холодный полъ, какъ это бываетъ въ другихъ больницахъ, и получить простуду. Больному, само собою разумѣется, нѣтъ дѣла до щегольства; онъ приходитъ лечиться, а не щеголять: ногѣ тепло, вотъ и прекрасно.

На столикахъ не видится официіальнаго «порядка». Все просто, естественно, непринужденно; стоитъ кружка съ холодной водой, стклянка съ лекарствомъ—вотъ и все тутъ, если прибавимъ — у кого лежитъ книга, булка, у кого зеркальце, фуражка и т. д. Больнымъ вообще здѣсь весьма во многомъ предоставлена несравненно большая свобода передъ другими общественными больницами. Нѣтъ ни надзирателей, ни надзирательницъ—предметъ исключительной нетерпимости больныхъ. Больной свободно можетъ встать и лечь, когда и какъ ему угодно, гдѣ угодно посидѣть, пройтись куда вздумается и т. д.; тогда какъ въ другихъ больницахъ, сколько знаемъ, больной поставленъ въ какое то отчасти смѣшное, отчасти жалкое положеніе, что даже по коридору пройтись на всегда ему позволяются — не потому конечно, чтобы того требовало правило леченія, а «порядокъ».

Посѣтители, также не въ примѣръ другимъ больницамъ, допускаются къ больнымъ ежедневно, во всякое время съ утра до поздняго вечера. Больные конечно не только не претендуетъ, а напротивъ рады чрезвычайно, такъ какъ одно появленіе каждаго новаго лица производитъ здѣсь нѣкоторымъ образомъ отраду. Однообразіе, скука, смертельная скука,—разумѣется, посѣщеніе посторонняго при такомъ положеніи для больного должно быть пріятно. — Однако нынѣ, говорятъ, порядки эти измѣнились, и къ больнымъ стали

впускать посѣтителей только въ извѣстные дни и часы. Больной опять остается чѣмъ-то похожимъ на арестанта.

Говоря о комнатѣ, я забылъ упомянуть о топленіи печей. Печки топятся два раза, когда бываетъ холодно,—утромъ и вечеромъ. Но дѣло не въ томъ, сколько разъ онѣ топятся. Печки имѣютъ затопъ изъ комнаты, а не изъ каридора; потому и дрова носятся прямо въ палату. А такъ какъ зимой дрова бываютъ въ снѣгу или обледенѣвшими и вообще промерзлыми или сырыми, то, когда вносятъ ихъ въ комнату, они сначала значительно охлаждаютъ температуру внутренняго воздуха, такъ что при ихъ приносѣ дѣлается холодно; а потомъ, когда обогрѣются, производятъ испареніе и сырость. Приэтомъ и самые служители съ своей стороны оказываютъ услугу: каждый разъ принесенную вязанку такъ грохнетъ на полъ, что не только спящій больной, но, кажется, мертвый вскочилъ бы.

Коридоры устроены худо. Одну сторону составляетъ общая стѣна больныхъ покоевъ, и другую—сплошная рама съ мелкимъ переплетомъ, выходящая наружу, на дворъ. Холодъ отъ того проходитъ всюду; кориторъ, сколько ни топятъ, остается холоднымъ. Къ этому еще двери во дворъ увеличиваютъ худое состояніе коридора: лишь только проходящіе отворятъ, внѣшній, холодный воздухъ вливается въ него, мгновенно принимая видъ густого пара, и холодитъ сильно; а главное, если въ это время идетъ больной, то онъ сразу обхватывается холодомъ и естественно рискуетъ здоровьемъ. Тутъ между прочимъ особенную заслугу по части простуды приносятъ и этотъ скверный коридоръ, и узкополый халатъ, и отсутствіе косынки на шеѣ, а на головѣ—колпака. Коридоръ на одномъ концѣ не имѣетъ двери, но соединяется съ швейцарской, а оттуда съ выходомъ наружу; двери же выхода или совсѣмъ бываютъ отворены или постоянно отворяются студентами, посѣтителями и другими лицами; потому недостатка нѣтъ и въ сквозномъ вѣтрѣ. Конечно больному совсѣмъ не слѣдовало бы выходить,—но онъ гдѣ нибудь долженъ же проходить въ отхожее мѣсто; а другого хода нѣтъ, кромѣ коридора. Да и просто отъ скуки другому хотѣлось бы выдти погулять; а иному нужно пройти къ кому нибудь знакомому въ другую палату,— опять черезъ коридоръ; а иногда изъ палаты гонитъ вонь, спертой гнилой воздухъ. Тутъ же наконецъ носятъ операціонныхъ больныхъ въ хирургическій театръ и обратно. Чего мудренаго въ самомъ дѣлѣ, какъ многіе жалуются, что коридоръ служитъ иногда источникомъ

весьма неблагопріятныхъ результатовъ: нѣкоторые во время переноски, лишенные присмотра и предосторожностей, были простужены и получали ражу. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что переноска операціоннаго больного поручается солдатамъ—служителямъ, за которыми, по неимѣнію времени, не всегда смотритъ даже фельдшеръ, не говоря о докторѣ, а тѣмъ болѣе о самомъ хирургѣ-профессорѣ. Примѣры были на глазахъ: появленіе у больного рожи, въ той части, гдѣ произведена была операція, иногда совпадало съ временъ его переноски; такъ напримѣръ, было съ однимъ капитаномъ, у котораго на другой же день, послѣ перенесенія черезъ коридоръ изъ одной палаты въ другую, появилась рожа, и потомъ гангрена, а потомъ не замѣдлила и самая смерть. А сколько совершенно незамѣтно подвергаются простудѣ господа, проходящіе курсъ меркурія, такъ и говорить нечего... Гг. доктора настолько любезны, что не каждаго предупреждаютъ, или же предупреждаютъ тогда, когда больной уже начинаетъ жаловаться на ломъ въ костяхъ—въ ногахъ или въ рукахъ, преимущественно въ ногахъ, такъ какъ ноги отъ ускополаго халата всего болѣе бываютъ подвержены простудѣ.

— Ты не выходилъ ли въ коридоръ? спрашиваетъ ординаторъ.

— Какъ же, батюшка,—быть, выходилъ .. отвѣчаетъ больной.

— Ну, такъ дуракъ же ты, когда выходилъ,—ты простудился.

Дѣлать нечего. Приходится бѣдняку еще и въ дуракахъ остаться.

Еще одна, послѣдняя заслуга коридора, это — шумъ и шарканье въ немъ, особенно утромъ, когда студенты ходятъ за профессоромъ или одни сами по себѣ. Такъ что въ одно время ухо больного терпитъ отъ прогулокъ по коридору ученыхъ людей, въ другое отъ крика служителей, въ третье отъ шалостей учениковъ фельдшерской школы; расчитывать же на полную тишину и спокойствіе было бы напрасно, кромѣ самой глухой полуночи.

Служители всѣ безъ исключенія солдаты. Касательно обращенія съ больными надо однако замѣтить, ни въ какой другой больницѣ не приходилось видѣть такую на видъ усердную прислугу, какъ здѣсь, хотя выше я и оговорился совершенно наоборотъ. Дѣло объясняется очень просто: школятъ хорошо. Не смотря на старость, и лысину во всю голову, случалось, чешущіеся кулаки какого нибудь бойца разгуливались насчетъ физіономій этихъ несчастныхъ. Оттого здѣсь служитель рѣшительно безгласное существо и чрезвычайно жалкое; переноситъ все съ тупымъ равнодушіемъ, выпол-

няетъ съ безсознательнымъ рабствомъ. Иногда даже бѣжитъ, не раслышавъ или не понявъ, зачѣмъ посланъ, и вмѣсто напримѣръ «Пантеона», за которымъ посланъ, проситъ «порціона», воображая, что его послали за порціею хлѣба или другой съѣдомой вещи; вмѣсто *сигаръ*, изъ лавки приноситъ *сига* и т. д.

Вчера мнѣ во весь день не дали ѣсть, казенная порція будетъ отпущена сегодня въ 12 часовъ, т. е. черезъ 28 часовъ по прибытіи въ клинику. Ложась спать, я попробовалъ воды—воняетъ... Это изъ рукъ вонъ скверно; лечебница стоитъ на берегу великолѣпной рѣки съ свѣжею и лучшею водою въ городѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, посуду содержатъ неопрятно: обыкновеная исторія—грязь и небрежность.

Ночь опять проведена неспокойно. Нѣтъ, какъ ни философствуй, а соломенная, сбитая постель имѣетъ свою философію... Какъ ни мечтай о примиреніи, а бокамъ-то больно, такъ больно — будто сжетъ... Такого наказанія не вынести бы долгое время. Каково же теперь тѣмъ больнымъ, которые принуждены пробавляться такими постелями цѣлые мѣсяцы? Рядомъ со мной лежитъ мальчикъ лѣтъ 14, съ опухшею ногой. Ему было сдѣлана операція, — дожидается вторичной; во все время, вотъ уже другой мѣсяцъ, все лежитъ: каково-то ему приходится эта постель? Какъ онъ стоналъ обѣ эти ночи... Почти въ такомъ же положеніи находятся еще двое, также не встаютъ съ постели и ужасно жалуются: у одного вся спина сдѣлалась красною и у другого въ значительномъ количествѣ выпустили багровыя пятна. Оба лежатъ съ phimosis (congenita). Немудрено при такихъ постеляхъ долежаться до пролежней.

Проснуться всѣмъ намъ пришлось очень рано, около 4 часовъ. Сначала служитель, надѣвъ сапожищи, топалъ въ нихъ, какъ настоящая лошадь. Потомъ притащилъ вязанку дровъ — шарарахнулъ ее на полъ; а тутъ нѣтъ-нѣтъ да заголоситъ на своихъ пріятелей, служителей другихъ номеровъ. А тамъ началась топка печи, уборка палаты. А тутъ пѣвучій ревъ двери, — мочи нѣтъ какъ все это досаждаетъ, тѣмъ болѣе дѣло-то производится утромъ, когда сильно раздражаетъ нервы даже малѣйшій шорохъ.

Воздухъ ощущался тяжелый, гнилой, пронзительный. Отдушниковъ нѣтъ, а форточку открыть нельзя—ветеръ хлынетъ.

Всего же тягостнѣе было настоящее утро, т. е. часовъ около 6. Нашъ пермякъ (служитель) куда-то вышелъ въ это время вдругъ

растворяется дверь, раздается переполошный голосъ: «служитель»! и дверь снова затворяется. Больные встрепенулись: что такое? Проходитъ еще минута—повторяется та же загадочная, глупая исторія; наконецъ, и въ третій разъ. Нѣкоторые больные даже испугались: ужъ не пожаръ ли? думали. Дѣло однако разъяснилось скоро. Вбѣгаетъ служитель чужого номера, растворилъ одну половину двери, потомъ настежъ растворилъ окно въ коридоръ; за тѣмъ — важно, въ родѣ театральнаго герцога, входитъ молодой человѣкъ въ докторскомъ костюмѣ, за нимъ главный докторъ госпиталя, высокаго росса, стройнаго сложенія и съ величественными, китайскими усами, а за ними, войдя, остановился у двери тоже высокаго роста офицеръ въ пальто, въ каскѣ и при саблѣ, и наконецъ тутъ же больничный по операціонному отдѣленію фельдшеръ. Это былъ ревизоръ, командированный отъ какой-то комиссіи. По случаю раствора двери и окна становилось холодно невыносимо. Ревизоръ, однако не замѣтилъ этой штуки... Одинъ изъ больныхъ, выйдя изъ терпѣнія, крикнулъ на служителя, чтобы тотъ затворилъ дверь и окно:—«волковъ чтоль, говоритъ, морозить вздумалъ»? Ревизоръ однако и тутъ не замѣтилъ,—изволили промолчать благосклонно. Самая же ревизія состояла въ томъ, что молодой ревизоръ, обойдя полату, бѣгло взглядывалъ въ лицо каждому больному и двумъ предложилъ какіе-то пустенькіе вопросы; у одного посмотрѣлъ на столѣ стклянку. Тѣмъ дѣло и кончилось. А слона-то все-таки и не замѣтилъ... Что бы ему маленько пощупать постельку-то нашу, сколь удобна для больныхъ, иль попросилъ бы воды, вкусна ли... Наконецъ, хотя обратилъ бы вниманіе на растворъ двери и окна въ холодный коридоръ. Вонь въ палатѣ все-таки и при растворѣ чувствовалось—хоть топоръ втывай, а ревизоръ, кажется, не замѣтилъ или не хотѣлъ замѣтить и этого. Словомъ, это была обыкновенная, казенная ревизія, которая любитъ надѣлать шума, задать звону—и ничего не сдѣлать... Особенно казалось необъяснимымъ присутствіе военнаго лица во всеоружіи, т. е. дежурнаго офицера, котораго ревизоръ мыкалъ за собою... Что за цѣль? А если ее нѣтъ, то зачѣмъ же было его безпокоить?

Въ 8 часовъ пришелъ профессоръ, за нимъ — куча студентовъ. Подошли ко мнѣ, какъ къ новичку. Изслѣдованіе продолжалось около 15 минутъ. Особеннаго ничего не было. Отъ меня профессоръ перешелъ къ мальчику, лежавшему по сосѣдству; развязали больную но

гу, приступили къ операціи. На верхней части стопы сдѣлали разрѣзъ около $^3/_4$ вершка въ длину. Во время производства операціи и выдавливанія исходящей изъ раны матеріи, профессоръ объяснялъ студентамъ состояніе пораженной части тѣла и ходъ операціи. Отъ мальчика дальше перешли къ больному грудью, также новичку. Замѣтно, этому крайне не понравилось обращеніе присутствующихъ господъ съ его больною грудью; когда профессоръ и студенты, при изслѣдованіи, слегка надавливали на грудь, онъ стискивалъ зубы или сердито скрежеталъ, судорожно искривляя лицо; а когда профессоръ запустилъ ему палецъ въ ротъ, то больной, спустя минугу, началъ давиться, легонько вздрагивать и наконецъ прикусилъ профессорскій палецъ. Профессоръ и тутъ однако оставался въ обычномъ спокойствіи, будто прикусилъ больной какую нибудь деревяшку, а не его палецъ... Только младшій ординаторъ, Вертихвостовъ, маленько съострилъ:

— Вы, говоритъ, не кусайтесь,—мы люди смирные.

Нѣкоторые изъ студентовъ засмѣялись. Въ самомъ дѣлѣ весело: одинъ насмѣшитъ, другой съостритъ,—очень весело. А говорятъ, ужасный шутникъ этотъ юный ординаторъ... Только, говорятъ, насчетъ дѣла смекаетъ мало... Ну, да вѣдь еще успѣетъ напрактиковаться: жизнь впереди, успѣемъ отыграться.

По уходѣ профессора, у больныхъ конечно первое дѣло — пошла рѣчь о визитаціи. Всякій старался высказать свои впечатлѣнія и замѣчанія,—больные въ этомъ случаѣ точно маленькія дѣти. Выражали однако серьезное недовольство насчетъ присмотра послѣ операцій. Одинъ расказалъ, какъ онъ, послѣ обрѣзанія (phimosis), оставался около получаса безъ всякаго присмотра и медицинскаго пособія,—даже и примочекъ не было. Самому профессору конечно некогда,—отъ одной операціи онъ переходитъ къ другой, такъ сказать, почти не выпуская ножа изъ рукъ; а вмѣстѣ съ нимъ заняты и ординаторы отдѣленія; равно и фельдшеръ, который притомъ же, какъ упомянуто выше, полагается одинъ на все хирургическое отдѣленіе, т. е. на девять палатъ. Разсказывали притомъ о нѣкоторыхъ непріятностяхъ со стороны ординатора съ усами à la chinois, Кукельванскаго. «Если, говорили, до его прихода не успѣешь отмочить корпіи, ну такъ, братъ, простись... дожидаться не станетъ; начинаетъ рвать, пойдетъ кровь, — боль невыносимая; а онъ катаетъ-себѣ, точно корпію щиплетъ... Возмется перевязывать —

перевязка выйдетъ дрянная,—слишкомъ торопится, спѣшитъ». — А какъ освобождалъ у меня рану отъ металлическаго шва, говорилъ одинъ больной: —вынималъ проволочки, — ну, я вамъ скажу, это уже почище самой операціи... Сердце закатывалось, какъ началъ драть,—царапаетъ... Да спасибо передалъ фельдшеру: тотъ гораздо тише и спокойнѣе окончилъ работу и швы вынималъ гораздо осторожнѣе. Касательно операцій надъ другими субъектами, говоря какъ о нерѣдкихъ случаяхъ неудачь, больные разсказали нѣсколько такихъ примѣровъ, отъ которыхъ съ непривычки другого морозъ бы подралъ по кожѣ. Такъ, на дняхъ одну женщину держали подъ хирургическимъ ножомъ полтора часа—и на другой день она умерла. У больной былъ ракъ въ маткѣ. Вообще ракъ лечится трудно; вырѣжутъ, черезъ нѣсколько времени появляется снова; снова обрѣжутъ, снова появится, пока наконецъ не заѣстъ. Разумѣется, еще труднѣе операція вырѣзыванія рака, когда труднѣе даже опредѣлить точки соприкосновенія пораженныхъ частей съ здоровымъ тѣломъ... Дѣло отдается большему риску. Такъ и случилось: какъ сказано, послѣ полуторачасового страданія подъ ножомъ хирурга, больная на другой же день отказалась отъ дальнѣйшихъ страданій, завѣщавъ ученымъ людямъ долго жить да побольше лечить и рѣзать посмѣлѣе... Подобная исторія была съ мужикомъ, у котораго ракъ на лицѣ появлялся три раза и три раза былъ рѣзанъ; кончилось тѣмъ, что, по окончаніи послѣдней операціи, паціентъ почти тутъ же протянулъ ноги.

Больные разсказывали примѣръ этотъ, во 1-хъ, не какъ исключительный случай, а какъ дѣло довольно обыкновенное; а во-вторыхъ, передавали не какъ исторію, отъ кого-нибудь отъ другихъ слышанную, но—сами были очевидцами.

Около 11-ти часовъ я сидѣлъ на окнѣ, отъ скуки поглядывая на улицу. Что-то стало очень холодно. Глядь—окно въ коридоръ опять отворено настежъ; взглянулъ на термометръ,—онъ показывалъ 12°. Я спросилъ, по какому случаю отворили окно? «Потому случаю, отвѣчалъ служитель:—что такъ надо, такъ велѣно». Велѣно—такъ дѣлать нечего... Оказалось, въ это время по больницѣ ходилъ еще какой-то начальникъ. Потому, для очистки воздуха ради начальника опять отворялось окно.

Утромъ часовъ около 9-ти и вечеромъ около 4-хъ здѣсь ходитъ сбитенщикъ, имѣя при себѣ кулекъ съ кренделями, булками, суха-

рями и разными пирожными. Больные очень довольны, что его пускаютъ къ нимъ. Иной пьетъ сбитень, кто возьметъ булку и т. д., а главное, каждый беретъ то, что ему понравится. Все-бы хорошо, только самъ сбитеньщикъ-то очень грязноватъ... Взглянешь ли на руки, па засаленный полушубокъ, на благодѣтельную сумку—точно трубочистъ или какой-нибудь маслобойщикъ... Да ужъ дѣлать-то нечего. Если каждою вещью брезгать, такъ здѣсь пришлось бы отъ многаго отказаться и, прежде всего отъ пищи, пузырьковъ и одежды.

Вечеромъ сегодня узналъ я, сколько здѣсь служители получаютъ жалованья. Какъ вы думаете, сколько? Не много, слишкомъ не много: обыкновенный солдатскій паекъ—провіантъ, и 50 к. въ треть. Не правда-ли, очень выгодно!

Одинъ изъ служителей сегодня упустилъ въ рѣку, въ прорубь, желѣзное ведро во время черпанья воды: поэтому долженъ лишиться и означенныхъ 50-ти к. третного жалованья, которыя у него вычтутъ въ счетъ уплаты за ведро. Бѣдному нашему пермяку остается жить за «спасибо», да и этого-то не скажутъ, а въ случаѣ еще и отдуютъ, какъ обыкновенно водится. Стало-быть, живи такъ, а при случаѣ и въ плюхѣ распишись.

Къ вечеру перевели меня въ офицерское отдѣленіе. Тутъ все иное: постель, бѣлье и кушанье, чеверики и халатъ, только скука одна и та же.

Въ первый разъ посѣтилъ меня сегодня кураторъ, студентъ V курса, о которомъ пока я могу сказать только, что онъ недуренъ собой, юнъ, по юности маленько разсѣянъ; но эта молодая разсѣянность имѣетъ и свой пріятный колоритъ... Какъ медика, еще неискусившагося практическою мудростью, его нельзя укорить даже въ обыкновенной развязности...

— Здравствуйте, проговорилъ онъ, подходя ко мнѣ.

Я отвѣтилъ легкимъ поклономъ.

— Какъ ваше здоровье?

— Ничего особеннаго не чувствую.

— Былъ у васъ профессоръ? продолжалъ спрашивать кураторъ.

— Да.

— Это вашъ листокъ?—Онъ протянулъ руку къ скорбному листку, лежавшему у меня на столѣ.

— Мой, отвѣтилъ я.

Студентъ взялъ листокъ, прочиталъ.

Расправшивая о здоровьи, признаюсь, господинъ этотъ надоѣлъ порядочно, тѣмъ болѣе, что на самомъ-то дѣлѣ въ производимомъ распознаваньи серьезнаго выходило мало, а такъ себѣ что-то... Дѣти часто стараются корчить изъ себя большихъ,—такъ точно нѣкоторые и изъ сихъ юныхъ уже начинаютъ солидно маскироваться тѣмъ нѣмецко-классическимъ эскулапизмомъ, который каждому извѣстенъ и едва-ли кому не противенъ. Мой кураторъ не чуждъ былъ этой черты, выходило все это какъ-то натянуто, и оттого онъ казался не столько противнымъ, сколько смѣшнымъ.

Дѣлать однако нечего. Нужно было и сему юному отдать себя на обозрѣніе, -пощупаетъ, потрогаетъ, къ груди наклонится, послушаетъ, постукаетъ,—сколько удовольствій! Отчасти между прочимъ и любопытно, а главное—необходимо. Нужно же и симъ юношамъ надъ чѣмъ нибудь учиться... Здѣсь впрочемъ, говорятъ, кураторы большею частію играютъ роль по своей пассивности довольно жалкую. Во всѣхъ клиникахъ и госпиталяхъ, гдѣ занимаются студенты, куратору поставляется, при непосредственномъ отношеніи къ больному, въ первую и непремѣнную обязанность заниматься порученнымъ ему больнымъ, такъ что при его посредствѣ леченіе производится тщательнѣйшимъ образомъ. Онъ стоитъ почти на первомъ планѣ; исключительно слѣдя за болѣзнію, онъ ведетъ ея исторію; ассистентъ или ординаторъ только помогаетъ; самъ же профессоръ, становясь руководителемъ, окончательно формулируетъ какъ наблюденія куратора, тотъ и самую болѣзнь въ ея симптомахъ. Это понятно; только съ этой точки зрѣнія дѣлается яснымъ значеніе куратора въ наукѣ и практикѣ, а ровно и значеніе самыхъ клиникъ или госпиталей, съ клиническими отдѣленіями. Здѣсь же, т. е. въ отдѣленіи, о которомъ говорю, дѣла обѣдлываются иначе. Здѣсь кураторъ держитъ роль приставочную, съ отрѣшеніемъ которой дѣло леченія остается безъ всякаго измѣненія; его наблюденій большею частію не спрашиваютъ; съ его изученіемъ вообще мало справляются; отъ него требуется только, когда профессору вздумается, прочитать исторію болѣзни паціента, написать на чистомъ листѣ бумаги и подать въ извѣстное время, кажется, передъ экзаменами. Къ больному онъ является не каждый день, и то больше какъ бы для того только, чтобы въ чистотѣ голубинаго сердца сказать: «здравствуйте и прощайте». Ино-

гда не появляется сряду нѣсколько дней, дня три, четыре, дней пять и т. д. Бываютъ также случаи такого рода: разъ студентъ приходитъ въ палату, спрашиваетъ объ одномъ больномъ, ему отвѣчаютъ, что больной этотъ уже нѣсколько дней назадъ выписался и вышелъ. — «А, говоритъ, скверно, чортъ возьми...» Чтобы такое это значило? какъ думаете. Студентъ этотъ, изволите видѣть, былъ кураторомъ; но паціентъ давно выздоровѣлъ, давно и вышелъ — а кураторъ и въ глаза его не видалъ. И гораздо лучше. Больной по крайней мѣрѣ избавляется отъ непріятности лишній разъ быть свидѣтельствуемымъ... А между прочимъ дѣлается понятнымъ, отчего больные при такомъ порядкѣ смотрятъ на кураторовъ, какъ на лишнее для себя бремя, и часто обходятся съ ними нелюбезно, имѣя въ виду именно отдѣлаться отъ его безплодныхъ, безпокойныхъ визитацій. Какое же, спрашивается, дается здѣсь серьезное значеніе кураторамъ? Что онъ такое въ дѣйствительности? Главную роль при леченіи занимаетъ профессоръ и ординаторъ. Посмотримъ однако, что изъ этого выходитъ. Кураторъ, какъ показано, занимается больнымъ только формально, для отчета, который нужно будетъ приготовить къ экзамену; самъ профессоръ, по многосложности занятій и по «многочисленности практики» обходитъ больныхъ *разъ въ недѣлю*, и то очень быстро, — слѣдовательно, онъ является только какъ бы контролеромъ для повѣрки ординатора, и дѣло все, дѣйствительно, отдается ординатору. Но ординаторъ, во-первыхъ, самъ занятъ чрезвычайно много, такъ какъ обязанность его вообще смотрѣть по всей клиникѣ и потомъ быть при операціяхъ, совершаемыхъ профессоромъ, или же самому оперировать; а во-вторыхъ, все-таки онъ здѣсь лицо несамостоятельное, не положительно — отвѣтственное, и играетъ въ сущности почти ту же роль юницъ-кураторовъ, съ тѣмъ различіемъ, что тѣ мало смотрятъ — и за то не пишутъ рецептовъ, а этотъ бѣгло смотритъ — и накатываетъ больного разными аптекарскими бульонами и соусами... Положеніе больницы дѣлается фальшивымъ, а положеніе больного крайне неловкимъ. А такъ какъ тутъ постоянно идетъ вопросъ о жизни и смерти, то высказываемая неловкость иногда принимаетъ виды чрезвычайно почтенные и далеко негуманные, съ драматической развязкой. Говорю — съ драматической, потому что, думаю, каждый дорожитъ жизнію и тѣмъ болѣе страшится смерти преждевременной, а она-то и бываетъ. Можете себѣ вообразить

человѣка въ этомъ случаѣ... Если не обманываетъ чувство представленія, это не то, что смерть гдѣ нибудь на лобномъ мѣстѣ, гдѣ лишеніе человѣка права на жизнь и самое обезглавленіе представляется хотя тоже явленіемъ безконечно страшнымъ, насиліемъ потрясающимъ душу, но гдѣ все-таки предварительно существуетъ приговоръ, въ силу котораго человѣкъ, безмолвно опуская руки, нерѣдко съ какимъ-то торжественнымъ спокойствіемъ кладетъ голову подъ ножъ палача, гдѣ по крайней мѣрѣ есть понятіе о преступленіи и наказаніи, о правдѣ и удовлетвореніи ея во имя закона. Тамъ смерть страшна. Но смерть у себя дома, ради только того, что вы заболѣли и попадаетесь въ руки человѣка, который манкируетъ даже своею обязанностію, какъ медикъ, а тѣмъ болѣе, какъ человѣкъ, — такая смерть едва ли не страшнѣе, хотя лишена всякой торжественности и публичности. Она даже неравна убійству простому, изъ за угла или въ лѣсу, гдѣ по крайней мѣрѣ дѣйствующій руководится корыстью, мщеніемъ или инымъ побужденіемъ; здѣсь умираетъ человѣкъ просто, безсмысленно, глупо и не кстати, ради только невѣжества тѣхъ лицъ, которымъ отдается въ распоряженіе и притомъ лишается жизни медленно, нерѣдко предварительно испытавъ крававыя истязанія операціоннаго ножа. Можетъ ли быть что нибудь досаднѣе—умереть подобнымъ образомъ? Тѣмъ замѣчательнѣе, что импровизированный мастеръ является совсѣмъ не какъ убійца, но онъ человѣкъ порядочный—въ обществѣ, ученый—въ наукѣ, благодѣтель человѣческаго рода—въ практикѣ,—и вотъ этотъ-то благодѣтель человѣческаго рода экспементируетъ нерѣдко больного, какъ лягушку; рѣжетъ, какъ мясо; стираетъ, какъ тряпку; наконецъ учится на вашей жизни, какъ на атомическомъ препаратѣ. Что вы тутъ подѣлаете? Ну, откажитесь,—медикъ васъ не удерживаетъ; только что же толку, если, избѣгнувъ одного, рискуете наскочить на другого, и тѣмъ болѣе если изъ огня да попадете въ полымя? Горестное положеніе, хотя и не каждымъ сознаваемое. Можетъ быть даже, въ глазахъ иного подобное представленіе покажется поэтическимъ преувеличеніемъ, или какъ выразился разъ «вновь прибывшій изъ Москвы» редакторъ «Коршіады», «дикою и необузданною страстью къ обличеніямъ»; но не отвѣчая на послѣднее, какъ на пустую фразу необузданнаго редактора и дикаго публициста, относительно мнѣнія о поэтическомъ преувеличеніи могу сказать только, что господа эти сами не подвергались несчастію испытать такого рода уроковъ,—

оттого и сказать они могутъ, что тутъ есть значительная доля поэтическаго преувеличенія. Другое дѣло съ полнымъ безпристрастіемъ вникнуть въ эти страданія по закаулкамъ и, отрѣшившись отъ обыкновенной рутины, достойно понять и оцѣнить ихъ: смѣло можно ручатся, какъ за фактъ, тутъ найдется много такого, въ чемъ правда, нѣтъ художественно-трагическаго или драматическаго, за то есть нѣчто раздирающее душу своею нелѣпостью. Мы присмотрѣлись къ всевозможнымъ смертямъ; мы такъ привыкли, особенно нынѣ, къ этому явленію, что при извѣстіи о смерти какой бы то ни было, иногда ни одинъ нервъ не шевельнется; гуртомъ валится человѣчество подъ градомъ ракетъ: такъ гдѣ же намъ останавливаться на явленіяхъ столь, повидимому, простыхъ и обыденныхъ, какъ смерть гдѣ нибудь въ клинникѣ или больницѣ, притомъ смерть, сопряженная все-таки съ болѣзнью? Что тутъ есть такого важнаго? Померъ — и конецъ; живъ — ну и слова богу. Въ томъ и другомъ случаѣ — вещь обыкновенная и для публики мало интересная. Да; такъ кажется, но конечно не такъ должно бы казаться: если въ одномъ случаѣ неестественная смерть имѣетъ при извѣстныхъ условіяхъ юридическое и общественное значеніе, то разумѣется, то же самое явленіе и въ другомъ случаѣ одинаково должно формулироваться и возбуждать справедливую отвѣтственность. А вотъ этого-то и нѣтъ. Медикъ у насъ, будь онъ шарлатанъ, будь просто балванъ, благодаря мистицизму медицинской практики, мало боится отвѣтственности, потому что она бываетъ въ случаяхъ самыхъ рѣдкихъ.

Разскажу случай, — замѣтить притомъ надо, — одинъ изъ слабыхъ и довольно обыкновенныхъ. Былъ у меня знакомый, человѣкъ молодой, небогатый, короче — студентъ университета. Заболѣлъ онъ ногою, на которой появилось мозолистое пятнышко и сначала только безпокоило, какъ обыкновенный мозоль; а потомъ, при усиленіи боли, стало принимать черноватый цвѣтъ. Очень можетъ быть, что и въ самомъ дѣлѣ это былъ ни больше, ни меньше, какъ простой, обыкновенный мозоль; но человѣкъ иногда бываетъ страненъ, мнителенъ не кстати: вообразилось господину этому, что тутъ есть что нибудь серіезное, и необходимо присутствіе опытнаго медика. Отправляется въ клинику. При свиданіи съ докторомъ наговорилъ, что ему богъзнаетъ какъ больно, что странная болѣзнь эта его безпокоитъ и т. д. Ординаторъ предложилъ ему остаться въ клиникѣ на нѣсколько дней. Больной согласился. Мозолину начали лечить. И едва принялись за дѣло, какъ болѣзнь, при помощи ихъ дѣятельнаго и нѣжнаго

участія, а именно; всевозможныхъ давленій и еще болѣе раздражительныхъ мазей, вмѣсто сокращенія, являя осязательное раздраженіе, начала принимать большіе и большіе размѣры. Отъ мозоля, какъ извѣстно, до антонова огня въ иныхъ случаяхъ недалеко. Къ несчастію, такъ и вышло. Медики продолжали однако леченіе полліативное: сегодня лечатъ какъ ракъ, завтра какъ антоновъ огонь, послѣ завтра видятъ признаки чего-то въ родѣ проявленія золотухи, то застарѣлаго ревматизма и т. д., — что ни день, то почти каждый разъ новое опредѣленіе и съ нимъ новыя средства леченія. Больной между тѣмъ, при физической болѣзни еще и нравственно-обезпокоенный, быстро измѣнялся, слабѣлъ, такъ что черезъ двѣ-три недѣли его трудно было узнать. Медики все выжидали характеристическаго проявленія болѣзни, продолжая около двухъ мѣсяцевъ лечить полліативно, пока наконецъ не долечили до очевидной гангрены. Это подошло притомъ какъ разъ къ тому времени, когда, въ виду предстоящихъ каникулъ, клиники закрываются. Въ такомъ неутѣшительномъ положеніи больной долженъ былъ переѣхать въ городскую, общественную больницу. Тамъ что взглянули — сейчасъ увидали, что тутъ никакой нѣтъ надобности прибѣгать къ полліативнымъ средствамъ: нога, очевидно, поражена гангреной, — тутъ и капли нѣтъ сомнѣнія. Грубое невѣжество первыхъ попечителей больного не должно однако казаться удивительнымъ. Почтенные господа уже привыкли къ картинамъ подобнаго рода. Обративъ науку въ какую-то отвлеченную *цѣль*, а практику — отчасти въ ея *средство*, а отчасти въ *механическое мастерство*, случится ли имъ притомъ взвѣшивать человѣческое испражненіе, лечить ли самого человѣка, — кажется, для нихъ это большой разницы не составляетъ, — выполняютъ чуть ли не съ одинаковымъ безстрастіемъ. Ихъ цѣль и задача — наука, а человѣкъ въ этомъ случаѣ — орудіе, средство. Это внутренняя сторона дѣятельности. Укажемъ же притомъ и на внѣшнюю. Кураторъ какъ занимается больнымъ — показано выше. Ординаторъ — это человѣкъ... какъ бы поприличнѣе назвать этого капрала хирургіи?... Словомъ, господинъ крайне непозволительный... Влетѣть въ палату къ трудно-больнымъ, накричать, выругаться хуже послѣдняго извощика, — это ему ничего не стоитъ. И это безобразіе посылаемо было за границу, и ему готовится каѳедра! Доблести его по клиникѣ одинъ разъ уже были отмѣчены въ лѣтописи нашей несчастной гласности, — только такое нѣжное и скромное лекарство вѣдь мало дѣйствуетъ. Ему нужно бы чего ни-

будь посущественнѣе, поосязательнѣе... Тогда, можетъ, подѣйствовало бы на эту казенную, по заказу выдѣланную натуру. Очень немудрено, если такой господинъ изъ простого мозоля сдѣлаетъ гангрену. Но чего же смотрѣлъ профессоръ? Почтенный ветеранъ, украшенный благородною просѣдью, нѣкоею славою или по крайней мѣрѣ извѣстностью—въ медицинскомъ мірѣ, и генеральскимъ воротникомъ—на мундирѣ, Мостодонтовъ, весь, съ самого верхняго волоска маковки и до самыхъ пятъ погруженный въ интересы хирургическаго ножа, только передъ тѣмъ больнымъ и останавливается съ большею сосредоточенностію, гдѣ ему предстоитъ работа... и чѣмъ кровавѣе операція, тѣмъ апетита больше. И надо отдать справедливость, такихъ усердныхъ служителей своему безкорыстному призванію найдется немного. Такимъ образомъ, принимая во вниманіе посѣщеніе больныхъ г. профессоромъ *одинъ разъ въ недѣлю* и его исключительное расположеніе къ операціонному столу, очень естественно допустить съ его стороны нѣкоторый недосмотръ... Разумѣется, тутъ нельзя винить одну медицинскую среду, это было бы несправедливо, когда кругомъ, куда ни обернитесь, та же дикость. Не исторически ли привыкли у насъ смотрѣть на простого человѣка въ иныхъ случаяхъ, какъ на мула или вола? Иногда скорѣе пожалѣютъ скота, чѣмъ человѣка, избиваемаго нерѣдко до уродства и до смерти. Среди такого звѣролюбія конечно можно только, глубоко вздохнувъ, пожалѣть въ душѣ, что та же непривлекательная натура водится и въ средѣ, поставленной болѣе другихъ въ возможность быть образованной и очищенной отъ грубыхъ наростовъ дикаго состоянія. Бѣдность ли и, при худомъ семени, происходящая отъ нея сердечная грубость; недоученность ли и связанное съ нимъ невѣжество, доходящее до цинизма; недостатокъ ли общечеловѣческаго воспитанія и являющаяся отсюда односторонность образованія; дѣйствіе ли наконецъ наслѣдственнаго характера касты эскулаповъ, — что бы ни было начальною причиной, но репутація этой касты до сихъ поръ не можетъ очистить себя отъ многихъ справедливыхъ нарѣканій...

Чтобы показать кстати, до какой степени здѣсь распущена всякая порядочность и въ какомъ небрежномъ видѣ все это совершается, упомянемъ о предметѣ, имѣющемъ также чрезвычайно важное вліяніе на успѣхъ и неуспѣхъ леченія; именно, о наблюденіи за пріемами лекарства. Фельдшеръ, полагающійся здѣсь одинъ на девять операціонныхъ палатъ и постоянно занятый по горло, можетъ обхо-

дить палаты кругомъ, т. е. посѣщая каждаго больного, только два раза въ денъ, утромъ и вечеромъ. Больной поэтому поставляется въ необходимость самъ слѣдить за сроками пріема. Прекрасно; только вотъ бѣда: часовъ здѣсь не полагается. Стало быть, наблюдай больной по чемъ хочетъ. Ну, и пьютъ, наблюдая сроки—кто смотря по внутреннему расположенію, или такъ сказать, по позыву; кто по состоянію желудка, необыкновенно способнаго здѣсь привыкать къ регулярнсти относительно промежутковъ времени между тѣмъ и другимъ обыденнымъ его занятіями; кто наконецъ принимаетъ безъ всякихъ наблюденій и соображеній, а просто какъ придетъ фантазія. Спрашивается, гдѣ же тутъ наблюденіе? Другое обстоятельство: для пріема лекарствъ не даютъ ни ложки, ни иной мѣрки. Остается въ самомъ дѣлѣ наблюдать время по глазомѣру, а лекарство пить черезъ горлышко, такъ сказать—по горломѣру. Не скажете ли, что это дѣло — фельдшера, а не медика? Пусть такъ; только мы думаемъ еще и вотъ какъ: что здѣсь все—дѣло медика и составляетъ его прямую обязанность, какъ въ полку за каждую вещь отвѣчаетъ главнымъ образомъ не тотъ, за кѣмъ замѣчена неисправность, а командиръ, какъ руководитель и контролеръ всего совершаемаго. Во всякомъ случаѣ, недосмотръ, какъ фактъ неполнаго вниманія къ больному и даже непониманія своей обязанности, или же излишняго довѣрія кь подчиненнымъ, прежде всего падаетъ либо исключительно на медика, либо на самую администрацію заведенія и вмѣстѣ па ея верхнихъ чиновниковъ.

Обратимся къ больному. Найдя гангрену, врачи однако не рѣшались приступить къ операціи, выжидая линіи демаркаціонной. Но ожиданія были напрасны: общее состояніе организма было настолько слабо, что одни усилія природы и аптекарское леченіе оказались недостаточными положить предѣлъ болѣзни. Пособіе ножа дѣлалось неизбѣжнымъ. Отняли пораженную часть стопы, но болѣзнь пошла выше. Оказалось нужнымъ приступить ко вторичной операціи; а между тѣмъ общее состояніе организма больного было такъ ненадежно, что врачи долго не рѣшались дѣлать вторично аммутацію; и дѣйствительно, больной не вынесъ ее,—онъ померъ въ непродолжительномъ времени послѣ этой операціи. Дѣлать нечего,—поплакала сестра покойника, пріятели бросили по горсти земли на опускавшійся гробъ—и дѣло кончено. По завѣщанію покойника, положили его рядомъ съ другою также свѣжею могилой другого юноши. А какъ юношѣ этому

не хотѣлось умирать! Представленіе такой невинной и глупой смерти сначала возбуждало въ немъ злобу и отчаяніе, а подъ конецъ—одно только горькое уныніе, то же отчаяніе, только въ спокойномъ и болѣе безнадежномъ видѣ.

Конечно, нельзя не сослатся и на самую науку, которая пока находится далеко не въ удовлетворительномъ въ состояніи. Такъ, бываютъ нерѣдкіе случаи, что лучшіе діагносты не въ состояніи вѣрно охарактеризовать болѣзнь и точно ее опредѣлить, не говоря притомъ о неопредѣленности и неположительности способовъ самого леченія, когда болѣзнь уже распознана. За то въ своемъ мѣстѣ это можетъ имѣть дѣйствитетьное оправданіе, только не тутъ, не въ этомъ сообщенномъ сейчасъ случаѣ. Едва ли діагнистика тутъ была виновата, но всего вѣрнѣе—личное свойство врачей. Конечно случай этотъ можно и оправдывать: не споримъ. Мы знаемъ, что и каждую вещь можно оправдывать и притомъ на разныя манеры; на это скажемъ только, что съ другой стороны есть вещи, которыхъ какъ ни оправдывайте вы ихъ жостокость не смягчите: что нехорошо, то какъ ни перевертывайте, все будетъ нехорошо.

Упомянемъ кстати о разноски лекарствъ. Медикъ осматриваетъ болѣзнь и, сообразно ея свойству и данному положенію, назначаетъ то или другое лекарство, въ томъ или другомъ пріемѣ. Потому, каждое лекарство относительно пріема необходимо обусловливается, между прочимъ, временемъ пріема, чтобы оно, дѣйствуя ни органамъ извѣстнымъ образомъ, могло дать по расчету опредѣленные результаты. Запозданіе пріема лекарства можетъ при извѣстныхъ случаяхъ сдѣлаться далеко или вовсе не своевременнымъ и потому неумѣстнымъ, вреднымъ или по крайней мѣрѣ ненужнымъ; болѣзнь можетъ принять иной характеръ и положеніе, и вслѣдствіе того вчера написанный рецептъ оказаться недѣйствительнымъ, — онъ дастъ въ этомъ случаѣ совсѣмъ не тѣ результаты, на которые можетъ быть основательно расчитывалъ врачъ, предписывая его. Клиника въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ такъ: визитація и рецептура производятся въ 8—9 часовъ утра по обыкновенію, а лекарство приносится на другой день въ 2—3—4 часа, иногда даже около 5-ти. Это уже не злоупотребленіе со стороны фельдшера, равнымъ образомъ и не случайность, но разъ заведенная и на долго узаконенная рутина...

А. Троицкій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ДЖ. СТ. МИЛЛЬ.

Размышленія о представительномъ правленіи. Вып. I. изд. Яковлева. Спб., 1863.

Одинъ изъ самыхъ серьезныхъ предразсудковъ нашего времени — пристрастіе къ политическимъ формамъ, въ которыхъ стараются видѣть непремѣнное условіе благосостоянія той или другой страны. Многимъ кажется, что въ формѣ заключается вся сущность дѣла, что отъ развитія извѣстной политической формы зависитъ весь складъ соціальнаго порядка вещей и вся обстановка народной жизни. Еще недавно существовало убѣжденіе между лучшими умами Европы, что политическія формы можно пересаживать отъ одной націи въ другую и разводить ихъ точно также, какъ разводятся на новой почвѣ лукъ и капуста. Но лукъ и капуста, посѣянные на неудобной землѣ, не прививаются и вымираютъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ особеннаго вреда; напротивъ, насильственно прививаемая политическая форма сопровождается страшнымъ потрясеніемъ общественной жизни и отражается на судьбѣ нѣсколькихъ милліоновъ людей. Ложная и произвольная теорія огородника прилагается къ чернозему и потому оканчивается ничѣмъ, а доктрина политика, сочиняющаго свою государственную теорію на человѣческой кожѣ, прямо дѣйствуетъ

на живыя существа и даетъ имъ вполнѣ чувствовать свою нелѣпость. Наполеонъ III показалъ на Франціи, что послѣ полувѣковой борьбы за разныя политическія формы, послѣ безчисленныхъ жертвъ, принесенныхъ народомъ для удовлетворенія эгоизма и прихоти партій, можно привести страну къ тому же нулю, на которомъ стоялъ ея политическій барометръ въ блаженную эпоху Бурбоновъ. И для такого поворота назадъ не требовалось ни особеннаго ума, ни глубокихъ соображеній: достаточно было имѣть ловкость игрока и смѣлость, на случай неудачи. Шансы выиграша здѣсь зависятъ отъ степени глупости тѣхъ, кого обыгрываютъ: кто поглупѣй, тотъ проигрываетъ все—до послѣдней нитки; а кто посмышленѣе, тотъ, поймавъ не совсѣмъ чистаго игрока во-время, не рѣшается въ другой разъ подставить ему кармана. Кажется, нѣтъ надобности доказывать, какъ дорого обошлась человѣчеству эта игра въ политическія формы и какъ долго она мѣшала правильному взгляду на развитіе существенныхъ сторонъ каждаго изъ современныхъ обществъ. Прошло нѣсколько вѣковъ, въ теченіи которыхъ люди натерпѣлись много горя и никакъ не хотѣли догадаться, что они принимали *средство* за *цѣль* и вмѣсто дѣйствительной жизни гонялись за какимъ-то призракомъ.

«Вспомнимъ прежде всего, говоритъ Милль, что политическія учрежденія (какъ ни забывается по временамъ эта истина) — дѣло людей и одолжены своимъ происхожденіемъ и существованіемъ человѣческому выбору. Люди, проснувшись въ одно прекрасное утро, не нашли ихъ внезапно выросшими. Онѣ не походятъ и па деревья, которыя, разъ посаженныя, *всегда растутъ*, между тѣмъ какъ люди *спятъ*. Ихъ создаетъ такими, какими онѣ есть во всякую пору ихъ существованія, свободная воля человѣка. Поэтому, какъ все что дѣлаютъ люди, и онѣ могутъ быть хорошо или дурно созданы; разсудокъ и искусство могли быть употреблены на созданіе ихъ, или вовсе неупотреблены. Наконецъ если народъ не успѣлъ, или, вслѣдствіе внѣшняго давленія, не имѣлъ возможности создать себѣ конституцію постепеннымъ процессомъ устраненія всякаго зла, по мѣрѣ того, какъ оно проявлялось, или по мѣрѣ того, какъ угнетенные набирали силы противодѣйствовать ему, такое замедленіе политическаго прогресса было для него большимъ несчастіемъ.» (Разм. о представ. правленіи, стр. 4—5).

Къ сожалѣнію, это несчастіе повторяется нерѣдко, и опыты прожитыхъ вѣковъ какъ нельзя лучше доказываютъ, что немногіе изъ народовъ не проспали своего первоначальнаго политическаго устрой-

ства. Когда же они просыпались, то видѣли, что политическій механизмъ ихъ жизни былъ уже готовъ, что надъ нимъ работали другіе, а вовсе не тѣ, для кого онъ былъ приготовленъ. Нѣтъ сомнѣнія, что религія и духъ партіи, руководимой болѣе или менѣе узкими разсчетами замкнутой касты, оказывали главнѣйшее вліяніе на развитіе первобытной гражданственности. Жрецъ и воинъ вездѣ являются передовыми вождями зарождающихся обществъ: вся власть сосредоточивается въ ихъ рукахъ, вся нравственная сила распредѣляется между тайной алтаря и страхомъ меча, такъ что съ одной стороны могущество авторитета, а съ другой—пассивное повиновеніе составляютъ главный рычагъ несложнаго политическаго механизма. Но съ теченіемъ времени онъ усложняется, увеличиваетъ свой объемъ и значеніе, изощряетъ свою техническую дѣятельность и наконецъ начинаетъ управлять всѣмъ ходомъ народной жизни. Удовлетворяя чисто формальной сторонѣ общественнаго организма, и часто противодѣйствуя его живымъ проявленіямъ, этотъ механизмъ поглощаетъ все вниманіе, всѣ заботы правительства и, по закону неизбѣжной инерціи, легко можетъ обратиться въ рутину. И такъ какъ рутина въ высшей степини благопріятствуетъ сохраненію сословныхъ интересовъ, то политическая система, основанная на рутинѣ, становится вразрѣзъ съ общими стремленіями націи. Такова участь всѣхъ государствъ, опирающихся преимущественно на бюракратическія подпоры: неподвижность и педантизмъ — существенныя черты всякой бюрократіи. Вытѣсняя собой оригинальность идей и замѣчательныя личности, замѣняя дѣло формой, принципы—мертвой буквой, бюрократія по самой природѣ своей неспособна къ преобразованіямъ, которыхъ требуетъ каждый день и каждый часъ живая и дѣйствительная сила народа. Австрія, сообенно зараженная этимъ недугомъ, не разъ доходила до такого состоянія, когда ея цѣлость висѣла на волоскѣ и когда повидимому не оставалось въ ней ни одной капли здоровыхъ соковъ. Въ томъ же видѣ представляется намъ несчастная исторія восточныхъ государствъ. Всѣ они разрушились или окаменѣли въ своемъ неподвижномъ состояніи отъ неравномѣрнаго распредѣленія жизненныхъ элементовъ въ соціальномъ организмѣ. Исторія человѣчества, отъ первой минуты своего развитія и до послѣдней, съ удивительной точностію проводитъ это начало и постоянную борьбу его съ внѣшними препятствіями: у самыхъ хилыхъ и жалкихъ народовъ жизнь по-

рывалась къ уравненію враждебныхъ силъ, искала разрѣшенія экономической правды, но, не отыскавъ ее или не одолѣвъ случайныхъ преградъ, останавливалась въ своемъ теченіи. Величайшей ошибкой этихъ народовъ было то, что они просыпались слишкомъ поздно или совсѣмъ не просыпались. Упустивъ изъ виду свои ближайшіе интересы, они ловили во снѣ отдаленныя мечты, и попадали прямо въ яму метафизика. Вмѣсто того, чтобы начать съ устройства своихъ общественныхъ отношеній, они начинали съ политическихъ формъ, которыя сами по себѣ ничего не значутъ; вмѣсто того, чтобъ поставить свою жизнь въ правильныя экономическія условія и положить ихъ въ основу дальнѣйшаго прогресса, они цѣлыя сотни лѣтъ и тысячи поколѣній потратили надъ обработкой политическаго механизма, т. е. приняли мертвую силу за живую. Впослѣдствіи эта механическая сила сдѣлалась господствующею и поглотила въ себѣ всю дѣятельность народа. Въ этомъ случаѣ древній Римъ представляетъ намъ поучительный примѣръ: по мѣрѣ того, какъ замирала въ немъ дѣйствительная народная жизнь, политическая и юридическая формалистика принимали чудовищные размѣры и наконецъ задушили принципы и общественную нравственность въ самомъ сердцѣ громадной имперіи. Въ то время, когда въ оконечностяхъ ея еще текла теплая кровь, напоминавшая о признакахъ жизни, въ самомъ центрѣ цесарскаго Рима ничего не осталось, кромѣ зловонія трупа и безобразія смерти. А между тѣмъ посмотрите, до какихъ артистическихъ тонкостей была доведена тамъ юриспруденція и внутренняя администрація. Дайте душу этому механизму, и онъ устоялъ бы противъ натиска дикарей, въ десять разъ болѣе сильныхъ и воинственныхъ. Но души не было, и рабы своими собственными цѣпями разгромили колоссальную державу. Это явленіе повторилось въ исторіи всѣхъ тѣхъ народовъ, которые пренебрегли своимъ соціальнымъ устройствомъ въ пользу политической организаціи. «Въ политикѣ, говоритъ Милль, какъ въ механикѣ, надо искать внѣ машины силу, которая сообщаетъ машинѣ движеніе; а если ея нѣтъ, или она недостаточна, чтобъ превзойти могущія оказаться препятствія, то дѣло не пойдетъ на ладъ». Но эта истина до сихъ поръ ускользаетъ отъ пониманія администраторовъ и народовъ, можетъ быть потому, что вообще понимать сущность дѣла труднѣе, чѣмъ его поверхность.

Въ чемъ же заключается *сущность* хорошаго политическаго уст-

ройства? Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ вполнѣ удовлетворительно, намъ слѣдовало бы ясно разграничить тѣ элементы, которые составляютъ политическую жизнь народа, отъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ образуется общественная его дѣятельность. Эти двѣ сферы совершенно различны по своимъ направленіямъ и результатамъ. Но современная наука не даетъ никакой возможности провести такое разграниченіе, потому что множество общественныхъ условій и вопросовъ доселѣ стоятъ внѣ всякаго научнаго изслѣдованія. Въ этомъ отношеніи такъ мало собрано положительныхъ фактовъ, такъ мало добыто хорошихъ выводовъ, что воображенію остается полный просторъ въ области такихъ задачъ, которыя должны быть предметомъ самого строгаго наблюденія и опыта. Поэтому политика и общественная жизнь постоянно смѣшиваются въ нашихъ понятіяхъ, и на практикѣ оспариваютъ другъ у друга свои права и границы. Но если на предложенный нами вопросъ нельзя отвѣчать во всей его подробности, то общая постановка его совершенно удовлетворяетъ нашей цѣли. Не надо забывать одной простой истины, что всякое правленіе есть только *средство* въ рукахъ народа для достиженія его благосостоянія, и слѣдовательно оно должно существовать для общества, а не общество для него. Обратный этому порядокъ есть аномалія, неимѣющая ничего общаго ни съ здравымъ смысломъ, ни съ наукой. Поэтому общественная жизнь должна служить основаніемъ политическому устройству, и развитіе ея должно идти впереди всѣхъ политическихъ учрежденій. Это настоящая соціальная сила, дающая направленіе и смыслъ правительственному механизму. Нѣтъ сомнѣнія, что они оказываютъ постоянное вліяніе другъ на друга, и при самомъ рѣдкомъ гармоническомъ сліяніи могутъ противорѣчить одно другому, но все-таки механическая сторона никогда не можетъ остановить внутренняго движенія народной жизни, лишь только бы эта жизнь дѣйствовала правильно и энергически. Какъ бы ни былъ хорошъ политическій механизмъ, но если отнять отъ него общественную жизнь, то онъ обращается въ негодную вещь; напротивъ, при сильномъ развитіи общественнаго устройства, самая плохая административная машина работаетъ хорошо. Во Франціи пять сотъ тысячь чиновниковъ ворочаютъ правительственной машиной, и ничего путнаго не выходитъ ни для народа, ни для самой имперіи, а въ Англіи только двадцать тысячь человѣкъ орудуютъ законодательнымъ и административнымъ дѣломъ,

и результаты относительно добываются самые счастливые. Изъ этого слѣдуетъ, что лучшая норма правленія та, въ которой общественная жизнь болѣе правильно сложилась и развилась: не допуская перевѣса надъ собой чисто механической рутинѣ, она даетъ движеніе и быстроту всей народной дѣятельности. Это тотъ главный органъ, черезъ который проходятъ всѣ жизненные соки и, очищаясь въ немъ, разливаются свѣжими и здоровыми по остальнымъ частямъ организма.

Такимъ образомъ намъ необходимо показать, изъ какихъ главныхъ началъ должна состоять общественная жизнь, управляющая политическимъ механизмомъ. Кто мыслитъ въ наше время, тотъ понимаетъ, что экономическая сторона въ народной дѣятельности занимаетъ первое мѣсто. Она рѣшаетъ задачу народнаго благосостоянія и руководитъ всѣми другими интересами нашей жизни. Свобода труда и матеріальное довольство—это два основные столба, на которыхъ покоится все соціальное зданіе. Въ странѣ, гдѣ еще не пробудилось стремленіе къ этимъ двумъ верховнымъ цѣлямъ, нѣтъ общественной жизни и слѣдовательно нѣтъ никакого движенія впередъ; эта страна еще варварская, невышедшая изъ того первобытнаго покоя, который характеризуетъ деспотическія правительства. Напротивъ, сильное желаніе и практическое осуществленіе свободной дѣятельности общества и его матеріальнаго благосостоянія доказываютъ жизненность народа и называются общимъ именемъ *прогресса.* Итакъ прогрессъ, какъ совокупность всѣхъ главныхъ потребностей общества и непремѣннаго удовлетворенія имъ, составляетъ первую и послѣднюю цѣль общественной жизни. Но слово прогрессъ подвержено тѣмъ же произвольнымъ толкованіямъ человѣческаго языка, какъ и всѣ другія слова. Такъ напримѣръ, для партіи іезуитовъ прогрессъ заключался въ распространеніи того гибельнаго вліянія, которымъ отмѣчены слѣды этой гнусной партіи; для такого правительства, какъ турецкое, прогрессъ заключается въ упроченіи неподвижности и порядка, выгодныхъ для нѣсколькихъ единицъ и крайне вредныхъ для большинства народа. Поэтому подъ словомъ прогрессъ, въ истинномъ его смыслѣ, надо понимать безпрерывное стремленіе всего общества (т. е. всей массы народа, принимающаго дѣятельное участіе въ общественной жизни), къ усовершенствованію и развитію всѣхъ своихъ силъ. Если только общество не лишено этой активной способности, то оно не допуститъ преобладающаго вліянія надъ собой касты, сословія или

партіи; оно не подчинится безусловно и правительственному механизму, а напротивъ будетъ распоряжаться имъ совершенно свободно. Бюрократія и замкнутая политическая система останутся тутъ ни при чемъ; инициатива и веденіе общественныхъ дѣлъ будутъ принадлежать не отдѣльному классу, не исключительнымъ интересамъ, а всему народу.

„Идеально лучшая форма правленія, по мнѣнію Милля, не есть именно та, которая приложима къ обществу на всякой степени его цивилизаціи, но та, которая будучи приложима, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ наибольшую сумму хорошихъ слѣдствій. Народное правленіе имѣетъ подобный характеръ, какъ въ настоящемъ такъ и въ будущемъ. Оно превосходно удовлетворяетъ обоимъ необходимымъ условіямъ хорошей конституціи. Оно благопріятно и настоящему хорошему управленію, и развитію въ высшія и лучшія степени національнаго характера».

«Его выгоды, по отношенію къ народному благосостоянію въ настоящемъ, основаны на двухъ началахъ, справедливыхъ и примѣнимыхъ болѣе чѣмъ всякое другое положеніе человѣческихъ дѣлъ. Первое то, что права и интересы всѣхъ и каждаго тогда только будутъ вполнѣ ограждены, когда само заинтересованное лицо принимаетъ участіе въ ихъ охраненіи. Второе то, что общее благосостояніе достигаетъ высшей степени и распространяется шире соразмѣрно суммѣ и разнообразію отдѣльныхъ личныхъ силъ, работающихъ для этого благосостоянія».

Итакъ движеніе впередъ есть непремѣнное условіе общественной дѣятельности и хорошей правительственной власти.

Но движеніе впередъ имѣетъ различныя степени; оно можетъ быть медленнымъ или быстрымъ, вялымъ или энергическимъ, безпрерывнымъ или перемѣжающимся. Всѣ эти степени конечно зависятъ отъ тѣхъ средствъ, которыя употребляетъ народъ для своего развитія. Въ первые моменты своего историческаго существованія онъ руководствуется инстинктами, потому что каждому человѣку свойственно внутреннее влеченіе къ улучшенію своего состоянія; потомъ, когда накопляются опыты и усложняется самая жизнь, однихъ инстинктовъ оказывается мало, и общество избираетъ себѣ болѣе дѣйствительныя средства. Выборъ ихъ отчасти опредѣляется мѣстными и историческими обстоятельствами, но главнѣе всего зависитъ отъ силы воли и ума народа. Есть племена, стоявшія прежде на высокой степени гражданскаго развитія, но разъ утратившія его, уже больше н возставали, потому что не находили въ себѣ достаточно энергіи и пониманія для радикальнаго измѣненія своей жизни. Такимъ нароо дамъ обыкновенно приходится погибать, если только цѣной нео-

быкновенныхъ усилій они не завоевываютъ себѣ новаго порядка вещей. Но это случается рѣдко, потому что борьба съ рутиной и предразсудками превышаетъ силы общества, развращеннаго его собственнымъ паденіемъ. Къ несчастію, процессъ общественнаго устройства и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ такъ труденъ, что народу предстоитъ упорная и продолжительная борьба со всевозможными препятствіями. Способностію его одолѣвать непріязненныя встрѣчи обусловливается его первоначальный прогрессъ. Если препятствій мало, а энергіи много, то народъ быстро идетъ къ своему совершенству; и обратно, если силы его уступаютъ внѣшнему давленію, а давленіе значительно, то онъ тащится, какъ червякъ, или совершенно вырождается. Поэтому первое средство для прогрессивнаго движенія заключается въ энергіи народнаго характера и ума. Но умъ самъ по себѣ еще ничего не значитъ; онъ составляетъ огромную соціальную силу только въ приложеніи его къ общественному порядку. Здѣсь важны не отвлеченныя идеи, а практическіе результаты, добываемые человѣческимъ мозгомъ. Качество этихъ результатовъ прежде всего обнаруживается въ умѣньи народа устроить свои экономическія отношенія, изъ которыхъ равновѣсіе труда и капитала составляетъ главное дѣло. Чѣмъ лучше достигается эта цѣль, тѣмъ больше обезпечиваетъ себѣ общество будущее нравственное развитіе и матеріальное счастіе. Для хорошаго соціальнаго устройства возможны и свобода, и высокое умственное развитіе, и политическое могущество; напротивъ, дурно сложившійся экономическій порядокъ ведетъ къ бѣдности массъ, а бѣдность и рабство неразлучны въ исторіи. Слѣдовательно для обезпеченія возможно лучшаго прогресса прежде всего необходима соціальная сила, уравновѣшивающая экономическія отношенія общества. Въ послѣдніе семьдесятъ лѣтъ европейская цивилизація кое-что сдѣлала въ этомъ отношеніи, но полное осуществленіе этого принципа едва предвидится въ отдаленномъ будущемъ.

Другая отличительная черта прогрессивнаго движенія — умственное развитіе народа, прямо вытекающее изъ его матеріальнаго благосостоянія. Потребность образованія, безъ всякихъ понудительныхъ мѣръ, является у человѣка послѣ того, какъ онъ обезпеченъ въ своемъ существованіи. Когда онъ сытъ, одѣтъ и свободенъ, первымъ и естественнымъ желаніемъ его бываетъ нравственное улучшеніе жизни. Рабъ и нищій не думаютъ о развитіи своихъ умственныхъ способностей потому же закону, по которому заключенный въ тюрь-

му не мечтаетъ о великолѣпныхъ и живописныхъ мѣстностяхъ природы; ему нужны правильное физическое движеніе и чистый воздухъ, а не роскошные виды горъ и долинъ. На этомъ же законѣ основывается поразительное тупоуміе и апатія бѣдныхъ народовъ, погруженныхъ въ такую тьму невѣжества, что состоянію животныхъ можно позавидовать сравнительно съ ними. Первыя попытки дѣйствительнаго знанія обнаруживаются въ пониманіи окружающаго міра. Въ знаніи не столько важенъ объемъ, сколько направленіе его. Сильное умственное образованіе отличается изобрѣтательностью и оригинальнымъ взглядомъ на вещи; лучше ошибочная оригинальность, чѣмъ никогда неошибающаяся рутина. Умъ ясный, несдавленный нелѣпыми понятіями, привитыми къ нему воспитаніемъ или окружающей его средой, постоянно стремится къ открытію новыхъ истинъ и къ примѣненію ихъ въ самой жизни. Праздное созерцаніе и неприложимость идей также противны мощному уму, какъ раболѣпіе мысли передъ внѣшнимъ стѣсненіемъ. Поэтому практическое направленіе въ народномъ образованіи доказываетъ его глубокую жизненность. Кромѣ того, хорошее умственное развитіе требуетъ равномѣрнаго распространенія его среди общества. Знаніе, какъ воздухъ, должно быть достояніемъ всѣхъ и каждаго; если же оно накопляется въ одномъ сословіи насчетъ другихъ, тогда общество походитъ на больное тѣло, въ которомъ усиленный жаръ одного члена порождаетъ усиленный холодъ всѣхъ другихъ; тогда образованіе составляетъ одну изъ аристократическихъ привиллегій и производитъ нѣсколькихъ дѣятелей въ кругу бездѣятельнаго и неподвижнаго большинства.

«Недѣятельность, непредпріимчивость, отсутствіе желаній, какъ справедливо замѣчаетъ Милль, вотъ препятствія, которыя гораздо страшнѣе человѣческому совершенствованію, чѣмъ какое бы то ни было фальшивое направленіе энергіи; они-то, если существуютъ въ массѣ, и составляютъ ту страшную силу, которую нѣсколько энергическихъ людей могутъ направить въ какую угодно ложную сторону. Только эта сила и держитъ большую часть человѣчества въ дикомъ или полудикомъ состояніи».

Современныя общества еще не нашли средства распредѣлять поровну знаніе между своими членами, точно такъ же, какъ они не нашли возможности дѣлать всѣхъ сытыми и одѣтыми. Этимъ обстоятельствомъ объясняется та медленность, съ которой человѣчество подвигается впередъ. Для него и за него работаетъ нѣсколько геніальныхъ единицъ, а милльоны такихъ же сильныхъ умовъ, затертые въ

рядахъ невѣжественной массы, остаются безъ всякаго дѣйствія. Еслибъ можно было хоть на нѣсколько лѣтъ пробудить всѣ силы какого нибудь народа и указать имъ на плодотворную дѣятельность, тогда этотъ народъ въ одинъ день сдѣлалъ бы больше, чѣмъ онъ дѣлаетъ теперь впродолженіи цѣлаго вѣка... Изъ всего этого слѣдуетъ то, что лучшими средствами для прогресса служитъ соціальное равновѣсіе матеріальныхъ и умственныхъ силъ, составляющихъ общество, т. е. такія начала, которыхъ ни одинъ народъ еще не выработалъ для себя, въ полномъ ихъ составѣ. Для мечтателей однакожъ остается то утѣшеніе, что человѣчество, какъ бы ни колесило по разнымъ окольнымъ дорогамъ, но рано или поздно придетъ къ этой цѣли, и если за тысячи лѣтъ своихъ страданій насладится однимъ годомъ счастія, то оно можетъ безъ особенной горечи оглянуться на пройденный имъ страдальческій путь.

Разсуждая о прогрессѣ, Милль, въ числѣ условій его, ставитъ деспотическую власть правительства, цивилизующаго дикое общество; онъ признаетъ необходимость принудительной силы тамъ, гдѣ еще нѣтъ сознанія своихъ правъ и обязанностей. «Дикій народъ, говоритъ онъ, надо учить повиновенію, но не такимъ способомъ, чтобъ онъ превратился въ народъ рабовъ». Любопытно было бы знать, какой же есть способъ учить повиновенію такъ, чтобъ не обратить ученика въ олуха или раба? И гдѣ эта золотая середина, на которой деспотическое правительство должно остановиться въ своемъ ученіи повиновенію? Англія напримѣръ начала въ Индіи съ того, что жителей ея сперва обратила въ рабовъ, а потомъ уже стала учить ихъ повиновенію. Способы этой педагогической дѣятельности очень хорошо извѣстны самому Миллю: англійскіе солдаты истребляли цѣлыя деревни непокорныхъ индѣйцевъ и на вѣсъ золота продавали ихъ черепы благовоспитаннымъ лондонскимъ лордамъ. Почти также училась повиновенію и Ирландія, съ тѣмъ единственнымъ различіемъ, что здѣсь дикая сила тиранніи употребляла менѣе грубыя средства, но за то болѣе медленныя и исподоволь отравляющія націю... Повиновеніе есть пассивное состояніе, отрицающее всякое человѣческое достоинство, и неспособное къ тому, чтобы понимать какое бы то ни было ученіе. Научить можно только того, въ комъ возбуждено сознаніе, а сознаніе ни въ какомъ случаѣ не развивается отъ деспотическихъ мѣръ. Чтобы заставить, какъ отдѣльное лицо, такъ и цѣлое общество, уважать законъ и правительственную

власть, надо показать ихъ пользу и нравственное значенiе. Никто и никогда не станетъ уважать того, чего онъ не знаетъ или не имѣетъ причинъ любить, но никто, кромѣ съумасшедшаго, не будетъ и сопротивляться тому, что для него хорошо и удобно. А для съумасшедшихъ нѣтъ ни законовъ, ни правительствъ... Слѣдавательно повиновенiе никакъ не можетъ входить, какъ особенный элементъ, въ составъ цивилизующей силы народа, и Милль напрасно облекаетъ деспота такимъ правомъ. Оно совершенно безполезно и во всякомъ случаѣ безнравственно.

Какъ бы то ни было, но въ нормальномъ состоянiи общества, развивающаго идею прогресса изъ самого себя, влiянiе общественной силы есть первое и главное влiянiе. Ему подчиняются политическiя учрежденiя и отъ него они занимаютъ свою прочность и доброкачественность; оно стоитъ неизмѣримо выше всякаго правительственнаго механизма, который самъ по себѣ не можетъ дѣйствовать. Общество, а не механизмъ, сообщаетъ жизнь и движенiе всему соцiальному порядку. Оно контролируетъ органы исполнительной власти и даетъ ей честныхъ и умныхъ дѣятелей. Если общество негодное и раболѣпное, тогда самый лучшiй правительственный аппаратъ ничего не можетъ сдѣлать; напротивъ, самая плохая административная машина можетъ превосходно работать, если общество хорошее и уважающее свободу. Поэтому дѣйствительная сила прогресса лежитъ въ самомъ обществѣ, а не въ той или другой формѣ управленiя.

Изъ всѣхъ политическихъ формъ Милль считаетъ представительное правленiе самой лучшей формой. Какъ адвокатъ англiйской конституцiи, онъ видитъ въ ней тотъ идеалъ устройства, въ которомъ соединяются всѣ достоинства современнаго гражданскаго порядка; правда, онъ не скрываетъ нѣкоторыхъ нелѣпостей этой идеальной системы, знаетъ слабыя стороны ея, которыми злоупотребляетъ господствующее сословiе Англiи, но въ то же время думаетъ, что пока нѣтъ другой политической доктрины, могущей дать лучшiе практическiе результаты.

«Представительное устройство, говоритъ онъ, есть одно изъ удобнѣйшихъ средствъ свести подъ одно знамя все лучшее, что есть въ обществѣ по уму и честности, свести въ одно мѣсто доблестнѣйшихъ его членовъ и дать имъ большее значенiе, чѣмъ они имѣли бы при всякой другой организацiи, хотя и при всякомъ другомъ устройствѣ влiянiе такихъ людей есть источникъ всякаго добра, какое только есть въ правленiи, и причина отсутствiя въ немъ какого либо изъ золъ. Чѣмъ большую сумму такихъ качествъ общественный порядокъ какой нибудь

> страны можетъ организовать, чѣмъ лучше самая организація, тѣмъ лучше будетъ и правительство.»

Въ теоріи это такъ, но на самомъ дѣлѣ еще ни одна конституція не соединяла въ себѣ такихъ благъ—и, можетъ быть, къ лучшему. Посредственность, какъ общій удѣлъ человѣческихъ стремленій, преобладаетъ въ современныхъ представительныхъ собраніяхъ. Въ англійскомъ парламентѣ, какъ это чувствуетъ самъ Милль, есть такіе депутаты, которые посредствомъ интригъ и подкуповъ добиваются своихъ мѣстъ и которыхъ невѣжество и тупое равнодушіе къ общественнымъ интересамъ едва ли могли бы быть терпимы въ какой нибудь французской префектурѣ. Но положимъ, что конституціонное собраніе состоитъ изъ лучшихъ людей страны, изъ цвѣта ума и честности всего населенія, то и тогда оно не представляетъ достаточныхъ гарантій для безпристрастнаго управленія народомъ. Самый талантливый, образованный и честный человѣкъ не можетъ уберечься отъ произвола и личнаго взгляда на вещи тамъ, гдѣ оппозиція всякому злу не возбуждена въ обществѣ; если онъ принадлежитъ къ партіи, то частные интересы дѣлаются его исключительною цѣлью; если онъ стоитъ по своимъ убѣжденіямъ внѣ всякаго кружка и гораздо выше стремленій массы, желанія и дѣйствія его будутъ расходиться съ потребностями большинства; однимъ словомъ, такой представительный органъ народной воли можетъ быть превосходнымъ по идеѣ, но неудобнымъ на практикѣ: тяготѣніе власти будетъ перевѣшивать на сторону правительства, а извѣстно, что хорошая конституція, въ современномъ ея значеніи, основывается на полномъ равновѣсіи всѣхъ ея составныхъ элементовъ. Когда лучшія силы общества будутъ поглощены правительственной дѣятельностію, тогда самое общество лишится противодѣйствующаго начала и рискуетъ потерять всякое вліяніе на ходъ управленія. Это постоянно случалось съ тѣми неудачными пародіями англійской конституціи, которыя сочиняла Франція; за неимѣніемъ общественной оппозиціи и достойныхъ представителей ея со стороны народа, центральная власть скоро переходила въ руки правительственнаго сословія и отъ него доставалась одному лицу, располагавшему судьбой страны на всей волѣ султанской. Для конституціоннаго правленія, нежелающаго сгнить въ душной и тѣсной сферѣ корпораціи, гораздо полезнѣе оставить побольше лучшихъ дѣятелей внѣ всякой администраціи и дать имъ возможность свободно заявлять свои мнѣнія со стороны общества. Тогда народное мнѣніе, слѣдящее

за дѣйствіями правительства, будетъ прозорливѣе. Иначе, кто же будетъ контролировать и отстаивать права общестта, когда весь его умъ и честность перейдутъ на сторону центральной власти? Ришелье въ своемъ Политическомъ Завѣщаніи сказалъ: «когда народъ разжирѣетъ, онъ начинаетъ брыкаться». Съ народами это было рѣдко, потому что разжирѣть имъ не отъ чего, а съ представительными сословіями случалось почти всегда, когда они вытягивали изъ народа все, что лучшаго выработано имъ и на его счетъ. Поэтому мы убѣждены, что, при общемъ уровнѣ невѣжества и апатіи народа, ему гораздо выгоднѣе управляться посредственнымъ правительствомъ, чѣмъ геніальнымъ. Геніальное непремѣнно разжирѣетъ и будетъ брыкаться.

Опыты конституціонныхъ правительствъ показали, что величайшая опасность для нихъ заключается именно въ перевѣсѣ сословныхъ интересовъ надъ общественными. Вотъ что говоритъ объ этомъ самъ Милль:

«Вообще думаютъ, что большая часть золъ, присущихъ (представительнной) монархіи и аристократіи, проистекаютъ отъ этой причины, т. е. отъ преобладанія сословныхъ интересовъ надъ общественными. Интересы власти и аристократіи, коллективные или личные каждаго члена особо, обусловливаются на дѣлѣ или въ воображеніи вельможъ, образомъ дѣйствій, противоположнымъ тому, какого требуетъ благо народа. Выгода правительства, напримѣръ, требуетъ налагать на народъ большія подати; выгода народа, напротивъ, платить какъ можно меньше, насколько это возможно, чтобъ имѣть притомъ хорошее управленіе. Интересъ короля и аристократіи требуетъ, чтобъ располагать народомъ съ неограниченною властью, чтобы народъ въ своей жизни сообразовался съ волею и склонностями правителей. Выгода народа, напротивъ, допускать въ свою жизнь какъ можно менѣе вмѣшательства, именно столько, сколько дѣйствительно нужно для достиженія правительству его законныхъ цѣлей. Выгода явная или воображаемая исполнительной власти и вельможъ состоитъ въ томъ, чтобы не дозволять никакихъ сужденій на ихъ счетъ, по крайней мѣрѣ въ такой формѣ, которая можетъ показаться имъ опасною для ихъ власти или свободы ихъ дѣйствій. Интересъ народа, напротивъ, требуетъ полной свободы сужденій над. каждымъ общественнымъ дѣятелемъ и надъ каждою общественною мѣрою. Интересъ господствующаго класса въ аристократіи или аристократической монархіи можетъ заключаться въ томъ, чтобы присвоить себѣ какъ можно болѣе всякаго рода привиллегій, съ цѣлію, или наполнить свои карманы народными деньгами, или просто, чтобъ только возвыситься надъ народомъ, или, что выходитъ тоже самое, унизить его передъ собою. Если народъ недоволенъ (а неудовольствіе при подобномъ образѣ правленія очень возможно), то королю и аристократіи выгоднѣе держать его на низкой степени просвѣщенія, сѣять несогласія между его отдѣль-

ными партіями, и даже не допускать его до слишкомъ большаго матеріальнаго благосостоянія... Все сказанное принадлежитъ къ категоріи чисто эгоистическихъ интересовъ короля и аристократіи; на практикѣ примѣненіе этой системы ограничивается до извѣстной степени страхомъ вызвать противодѣйствіе. Все это бывало, и многое еще существуетъ и теперь— тамъ именно, гдѣ могущество исполнительной власти и аристократіи поставило ихъ выше общественнаго суда; да при такихъ условіяхъ нѣтъ причины и думать, чтобъ господствующіе элементы добровольно пожелали дѣйствовать инымъ образомъ.

Подобная своекорыстная система дѣйствій слишкомъ очевидна въ представительныхъ монархіяхъ и аристократіяхъ, но напрасно нѣкоторые думаютъ, что демократія отъ нея должна непремѣнно быть изъята. Если мы будемъ подъ словомъ «демократія» разумѣть то, что обыкновенно разумѣютъ, то есть, правленіе численнаго большинства, то весьма можетъ случиться, что верховная власть будетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ частныхъ или сословныхъ интересовъ, заставляющихъ принять образъ дѣйствій, несовмѣстный съ общими выгодами всѣхъ гражданъ. Предположимъ, что большинство составляетъ бѣлое племя, меньшинство черное, или наоборотъ: есть ли вѣроятность думать, чтобы большинство дѣйствовало одинаково справедливо въ отношеніи къ тому и другому? Предположимъ еще, что большинство католики, меньшинство протестанты. или большинство англичане, меньшинство ирландцы, и на оборотъ: опасность во всѣхъ этихъ случаяхъ будетъ та же самая. Во всѣхъ странахъ есть большинство бѣдныхъ и меньшинство, которое сравнительно можно назвать богатымъ. Эти два класса во многихъ случаяхъ раздѣляетъ совершенная противоположность интересовъ. Мы предполагаемъ, что большинство достаточно развито, чтобы понять, что нѣтъ никакой выгоды ослаблять безопасность собственности, и что ея идея ослабляется всякимъ актомъ произвольнаго захвата. Но не явится ли другая значительная опасность: не наложатъ ли представители большинства слишкомъ несоразмѣрной доли, а пожалуй и всѣ тяжести податей на владѣльцевъ такъ называемой наличной собственности и на получающихъ большіе доходы? А сдѣлавъ это, въ добавокъ къ безсовѣсной раскладкѣ налоговъ, не начнутъ ли еще и растрачивать доходовъ на то, что, по ихъ мнѣнію, служитъ къ благу рабочаго класса? Предположимъ еще меньшинство изъ искусныхъ рабочихъ, большинство изъ неискусныхъ: опытъ многихъ рабочихъ ассоціацій (если только ихъ не оклеветали жестокимъ образомъ) показалъ. что равномѣрность заработной платы можетъ быть сдѣлана обязательною, и что работа отъ штуки и тотъ родъ ремеслъ, который даетъ средства болѣе искусному работнику получать большую плату, можетъ быть уничтоженъ. Попытка законодательства ограничить предложеніе на работу, возвысить плату, наложеніе пошлинъ и стѣснительныхъ обязательствъ на машины и другія изобрѣтенія, которыя стремятся подорвать какого нибудь рода существующее уже ручное производство, можетъ быть даже покровительство сво-

его производителя противъ чужестраннаго совмѣстничества, — все это весьма естественные (я не берусь рѣшить, въ такой ли мѣрѣ они вѣроятны) результаты сословныхъ интересовъ, если большинство націи состоитъ изъ людей, живущихъ ручной работой.

Мнѣ скажутъ, что ни одна изъ этихъ попытокъ не ведетъ къ «*дѣйствительнымъ*» выгодамъ большинства. На это я отвѣчу, что еслибъ всѣ люди въ своихъ дѣйствіяхъ имѣли въ виду только «*дѣйствительныя*» свои выгоды, то ни одинъ изъ образовъ правленія не былъ бы такимъ дурнымъ, какими они являются иногда на самомъ дѣлѣ; часто доказывали, и можно еще подтвердить сильными доводами ту мысль, что король и сенатъ находятся въ положеніи гораздо болѣе завидномъ, когда бдительно и по правдѣ управляютъ дѣятельнымъ, богатымъ, просвѣщеннымъ и характернымъ народомъ. Но короли рѣдко, а олигархіи едва ли и когда нибудь принимали такой возвышенный взглядъ на свои собственныя выгоды: а почему же мы должны ожидать отъ рабочаго класса болѣе высокаго образа мыслей? Дѣло не въ томъ, что составляетъ ихъ истинныя выгоды, а въ томъ, что они считаютъ такими; съ этимъ они сообразуютъ свой образъ дѣйствій. Этого соображенія, кажется, совершенно достаточно для опроверженія всякой теоріи, которая принимаетъ, что правленіе большинства естественно дѣлаетъ то, чего не дѣлаетъ и не можетъ сдѣлать никакая другая форма правленія, — именно: что оно ведетъ всегда дѣло сообразно съ своимъ дѣйствительнымъ, хотя и болѣе далекимъ благомъ, въ противоположность своему кажущемуся и непосредственному. Никто конечно не усомнится въ томъ, что многія изъ показанныхъ выше вредныхъ мѣръ, послужатъ къ временному благу всей массы неискусныхъ работниковъ; очень можетъ быть, благо это продлится на цѣлое поколѣніе. Упадокъ промышленной дѣятельности и предпріимчивости, и какъ дальнѣйшее слѣдствіе, меньшая охота къ сбереженію ихъ—могутъ быть мало замѣтны для всего класса неискусныхъ работниковъ въ теченіи обыкновеннаго періода человѣческой жизни. Первыя слѣдствія самыхъ гибельныхъ государственныхъ распоряженій иногда приносили явное непосредственное благо Установленіе деспотизма цезарей было большимъ благодѣяніемъ для всего современнаго поколѣнія. Деспотизмъ прекратилъ междоусобныя войны, уменшилъ въ значительной степени грабежи и тираннію преторовъ и проконсуловъ, смягчилъ нравы, ввелъ умственную обработку во всѣ отрасли дѣятельности, кромѣ политической; при немъ явились тѣ памятники литературнаго генія, которые поражаютъ воображеніе поверхностныхъ читателей исторіи; только эти господа не замѣчаютъ, что люди, которымъ деспотизмъ Августа (какъ и деспотизмъ Лаврентія Медичи и Людовика XIV) одолженъ своимъ блескомъ, — всѣ образовались въ средѣ предшествовавшаго поколѣнія. Запасы богатствъ и умственной дѣятельности, накопленныя въ теченіи вѣковъ свободы, достались первому поколѣнію рабовъ. Но это было началомъ того управленія, которое рядомъ мѣръ мало помалу уничтожило пріобрѣтенную массу образова-

нія; имперія, которая завоевала и держала въ своей рукѣ весь міръ, до такой степени утратила даже свое военное могущество, что внѣшніе враги, противъ которыхъ прежде достаточно было трехъ-четырехъ легіоновъ, наконецъ овладѣли почти всею ея территоріей. Свѣжая стихія христіанства явилась какъ разъ во-время: она спасла науки и искусства отъ окончательной гибели и не допустила родъ человѣческій погрузиться снова во мракъ, можетъ быть вѣчный.

Когда мы говоримъ объ интересѣ какой либо корпораціи или даже отдѣльнаго человѣка, какъ о причинѣ, опредѣляющей ихъ дѣйствія, — личный интересъ, такой, какимъ бы его понималъ безпристрастный человѣкъ, играетъ только самую незначительную роль въ вопросѣ. Кольриджъ замѣчаетъ, что не причина создаетъ человѣка, а человѣкъ причину. Побужденіе, вслѣдствіе котораго человѣкъ рѣшается или удерживается отъ чего нибудь, зависитъ не столько отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, сколько отъ его внутреннихъ качествъ. Если вы хотите знать, какой именно интересъ владѣетъ человѣкомъ въ данномъ случаѣ, то вы должны знать образъ его мыслей и чувствъ въ обыкновенномъ состояніи. У каждаго человѣка есть два рода побужденій: одни онъ старается удовлетворить, о другихъ не заботится. Каждый человѣкъ имѣетъ и корыстныя, и безкорыстныя побужденія; эгоистъ, сверхъ того, выросъ въ привычкѣ заботиться о своихъ личныхъ интересахъ и пренебрегать чужими. У каждаго есть ближайшіе и далекіе интересы, и недальновиднымъ человѣкомъ мы называемъ того, кто думаетъ только о близкихъ, пренебрегая далекими; нѣтъ нужды, что простой разсчетъ показываетъ ему важность послѣднихъ въ сравненіи съ первыми: если его умъ привыкъ исключительно останавливаться на томъ, что близко, то и рѣшеніе будетъ въ пользу близкаго. Если человѣкъ бьетъ свою жену и дѣтей, то напрасно мы будемъ убѣждать его въ томъ, что онъ будетъ счастливѣе, когда начнетъ жить въ любви съ ними. Онъ былъ бы счастливѣе, еслибъ былъ изъ рода тѣхъ людей, которые могли бы такъ жить; но онъ не изъ такихъ людей, и по всѣмъ вѣроятіямъ ему уже слишкомъ поздно сдѣлаться такимъ. Наслажденіе своеволіемъ, удовлетвореніе своимъ свирѣпымъ наклонностямъ, кажутся ему большимъ счастіемъ, чѣмъ любовь домашнихъ, которою онъ будетъ наслаждаться послѣ. Ихъ счастіе не его счестіе, и онъ не думаетъ объ ихъ любви. Его сосѣдъ, который заботится объ этомъ, вѣроятно счастливѣе его, но еслибъ онъ и убѣдился въ этомъ, то, по всему вѣроятію, свирѣпствовалъ бы и ожесточался еще болѣе. Повидимому человѣкъ, который заботится о счастіи своихъ ближнихъ, своей страны, всего человѣческаго рода, счастливѣе того, кто объ этомъ не думаетъ, но какая польза проповѣдывать объ этомъ человѣку, пекущемуся только о своемъ покоѣ и о своемъ карманѣ. Онъ не могъ бы заботиться о другихъ, еслибъ и хотѣлъ. Это тоже, что разсказывать гусеницѣ, ползущей въ травѣ, что для нея было бы лучше, еслибъ она родилась орломъ.

И то и другое зло, т. е., что человѣкъ свои личныя выгоды пред-

почитаетъ тѣмъ, которыя долженъ раздѣлить съ другими, и свои прямыя и близкія блага — непрямымъ и отдаленнымъ, какъ замѣчено повсюду, особенно рѣзко проявляются, когда человѣкъ принимаетъ участіе вс власти: власть вызываетъ и питаетъ въ немъ эти свойства. Добившись ея, человѣкъ или сословіе людей, начинаетъ видѣть въ своихъ отдѣльныхъ интересахъ, личныхъ или сословныхъ, совершенно иную степень важности. Встрѣчая себѣ поклоненія отъ другихъ, они и сами становятся самопоклонниками, и начинаютъ видѣть въ себѣ значеніе во сто разъ большее, чѣмъ другія лица и другія сословія общества; возможность легко приводить въ исполненіе свои желанія притупляетъ въ нихъ способность видѣть послѣдствія, даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается ихъ лично. Этимъ и объясняется вообще убѣжденіе, основанное впрочемъ на всеобщемъ опытѣ, что власть портитъ людей. Всякій знаетъ, что было бы безуміемъ предполагать, чтобы частный человѣкъ, котораго образъ мыслей и дѣйствій мы знаемъ, принявъ участіе во власти, остался бы при томъ же образѣ мыслей и дѣйствій: въ частной жизни всѣ слабости человѣческой природы сдерживаются каждымъ изъ окружающихъ его лицъ, каждымъ обстоятельствомъ; напротивъ, при участіи во власти онъ будетъ имѣть и обстоятельства и лица въ своемъ распоряженіи. Такимъ же безуміемъ было бы питать подобныя надежды и па какое нибудь отдѣльное сословіе, будь это демосъ, или другое. Какъ бы это сословіе ни было умѣренно и благоразумно въ виду сильнѣйшей стихіи, но мы должны ожидать совершенной перемѣны, какъ только ему достанется наиболѣе сильная власть.

Правительство должно быть таково, каковъ народъ, имъ управляемый, или какимъ онъ скоро будетъ. На всякой ступени умственнаго развитія, достигнутаго уже обществомъ или его отдѣльнымъ классомъ, или котораго они стремятся достигнуть, интересы, которыми они будутъ руководиться, думая исключительно о своей собственной пользѣ, будутъ почти всегда тѣ, которые наиболѣе очевидны съ перва о взгляда, и которые дѣйствуютъ въ настоящихъ условіяхъ. Только безкорыстная заботливость о пользахъ другихъ, особенно будущихъ поколѣній, о пользахъ страны или всего человѣщества, будетъ ли эта заботливость основана на безсознательномъ или сознательномъ чувствѣ, заставляютъ общество добиваться отдаленныхъ и пока еще скрытыхъ благъ; правительство, которое держится безусловно этихъ возвышенныхъ принциповъ, какъ верховныхъ руководителей въ управленіи обществомъ средней руки, нельзя назвать раціональнымъ. Можно смѣло расчитывать на извѣстную степень сознанія и безкорыстныхъ стремленій въ обществѣ зрѣломъ для представительнаго правленія, но было бы смѣшно предполагать, чтобы онѣ устояли противъ всякой благовидной лжи, стремящейся, въ образѣ общаго блага и безусловной правды, провести свои сословные интересы. Мы всѣ знаемъ, какіе благовидные предлоги можно придумать для прикрытія несправедливости, будто бы необходимой для блага массы. Мы знаемъ, что люди, во всѣхъ другихъ

отношеніяхъ неглупые и небезчестные, считали извинительнымъ отречься отъ національнаго долга. Мы знаемъ многихъ, людей съ умомъ и вліяніемъ, которые думаютъ, что все бремя общественныхъ податей, должно лежать на такъ называемой наличной собственности, т. е. на томъ капиталѣ, который образуется изъ личныхъ сбереженій; мыслители эти полагаютъ вѣроятно, что люди, которыхъ отцы и они сами проживали все получаемое ими не должны ничего платить именно за такое прекрасное поведеніе.

Слѣдовательно, въ демократіи, какъ и въ другихъ формахъ правленія, наибольшія опасности кроются въ зловѣщихъ интересахъ сословія, держащаго высшую власть; эта опасность состоитъ въ томъ, что законодательство и управленіе будутъ стремиться къ осуществленію выгодъ господствующаго сословія въ ущербъ цѣлому обществу (достигнутъ ли цѣли или или нѣтъ — это другое дѣло). Поэтому, при составленіи конституціи, первый вопросъ: какими средствами предупредить это зло? (Размышл. о предст. правл. стр. 107—116.

Это средство находитъ Милль въ той уравновѣшивающей силѣ, которая соглашала бы частныя выгоды съ общими и не допускала бы перевѣса ни одной изъ противодѣйствующихъ сторонъ. Этой уровновѣшивающей силой, по мнѣнію Милля, должно быть образованное меньшинство, «руководимое высшими побужденіями и дальновидными разсчетами». Но мы уже замѣтили, что какъ бы ни были образованы и добросовѣстны отдѣльныя личности правительства, онѣ еще не представляютъ полнаго ручательства за сохраненіе общихъ народныхъ интересовъ. Съ этимъ отчасти соглашается и самъ Милль, когда онъ говоритъ, что власть измѣняетъ индивидуальный характеръ, подчиняя его общему направленію политической системы... Поэтому настоящую точку опоры для хорошей конституціи надо искать въ самомъ обществѣ или, выражаясь яснѣе, въ его соціальной и умственной развитости. Прилагая этотъ принципъ къ британскому представительному правленію, мы находимъ въ немъ вопіющія нелѣпости рядомъ съ великолѣпными гарантіями человѣческой свободы. Прежде всего насъ поражаетъ экономическая несправедливость, примѣненная во всей ея силѣ къ народу, обобранному аристократическимъ сословіемъ до волосъ. У народа нѣтъ собственной земли, а у аристократіи ея такъ много, что совершенно отъ ея доброй воли зависитъ уморить голодомъ 18 милліоновъ бѣднаго населенія. «Но вѣдь вы свободны, говорятъ англійскіе филантропы безземельнымъ пролетаріямъ: —идите съ вашей свободой, куда знаете, только не требуйте земли». И они предпочитаютъ идти изъ свобод-

ной страны подъ покровительство американскихъ рабовладѣльцевъ. Можитъ ли политическая нравственность допустить такое явленіе, еслибъ народная воля, какъ думаетъ Милль, руководила англійскимъ правительствомъ? Могутъ ли такіе паріи, какъ англійскіе пролетаріи, живущіе чуть не изъ милости на аристократической землѣ, принимать участіе въ дѣлѣ управленія? У нихъ нѣтъ для этого ни особеннаго желанія, ни матеріальной и умственной возможности. Ихъ голоса не слышно въ парламентѣ, потому что онъ состоитъ изъ людей, болѣе или менѣе заинтересованныхъ именно въ томъ, чтобъ паріи не попросили себѣ земли или прибавки заработной платы. Почтенные лорды отлично понимаютъ, что съ той минуты, какъ народъ завоюетъ себѣ земельную собственность, вліяніе ихъ на конституцію исчезнетъ, и потому они такъ глухи къ этому требованію. Но мы уже сказали, что бѣдность и невѣжество идутъ рядомъ, и англійскій народъ въ этомъ отношеніи представляетъ самый очевидный примѣръ. Правительство не мѣшало ему учиться; свобода мысли, слова и совѣсти, свобода ассоціацій и предпріимчивости всегда благопріятствовали образованію Англіи, а между тѣмъ общій уровень его стоитъ тамъ гораздо ниже, чѣмъ въ какой нибудь Пруссіи. Гдѣ же тутъ гарантія противъ сословнаго преобладанія, когда нѣсколько милліоновъ людей не только не имѣютъ своихъ представителей въ парламентѣ, но не имѣютъ и собственнаго мнѣнія? При такомъ соціальномъ устройствѣ олигархія есть неизбѣжное зло, будетъ ли эта олигархія наслѣдственная или денежная, это рѣшительно все равно.

Мы знаемъ, что у насъ есть много приверженцевъ англійской конституціи, которая, разумѣется, при всѣхъ ее несообразностяхъ, неизмѣримо лучше японской автократіи; эти приверженцы, обыкновенно, любятъ указывать на общественное мнѣніе, какъ на ultima ratio всѣхъ благодѣяній представительнаго правленія. Къ сожалѣнію, они не видятъ за громкой фразой самого дѣла. Общественное мнѣніе противодѣйствуетъ злоупотребленіямъ правительства только тогда, когда въ этомъ мнѣніи есть достаточно силы не только думать, но и дѣлать... Никакая гласность не поможетъ произволу, если общество смотритъ на него равнодушно или даже съ нѣкоторою сыновнею нѣжностію. Въ характерѣ англійскаго народа есть прекрасная черта — не гоняться за оффиціальными мѣстами, не искать отличій тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ ожидаетъ униженіе; этотъ народъ питаетъ глубокую антипатію къ увеличенію бюрократіи и правительственныхъ должно-

стей, но въ то же время онъ привыкъ съ гордостію и самодовольствомъ относиться къ своей аристократіи. Этотъ дикій блескъ и роскошь, купленные цѣной продолжительныхъ народныхъ страданій, ослѣпляетъ массу, и она поклоняется тому же кумиру, который гнетъ ее въ дугу. Отъ такого мнѣнія немного выиграетъ общій интересъ страны. Притомъ общественное мнѣніе, при безгласности народа, принадлежитъ одному господствующему сословію. Оно даетъ тонъ и направленіе всей странѣ; оно имѣетъ средство защитить свой образъ мыслей и навязать его обществу; оно всегда съумѣетъ увѣрить, что его идеи — самыя справедливыя гуманныя, его дѣйствія— самыя благородныя, и если мало простыхъ доводовъ, то оно можетъ подтвердить свое мнѣніе болѣе дѣйствительными аргументами, въ родѣ тѣхъ, какіе Пальмерстонъ употреблялъ противъ безпокойныхъ работниковъ Ланкашира и Манчестера. Сквозь такое мнѣніе еще нельзя видѣть всѣхъ желаній и требованій страны. Оно выгодно для тѣхъ, кто его фабрикуетъ, а не для цѣлаго общества; оно скорѣе вводитъ въ заблужденіе, чѣмъ наводитъ на истину. По выходѣ второго выпуска книги Милля въ русскомъ переводѣ, мы поищемъ другихъ, болѣе дѣйствительныхъ гарантій хорошей конституціи и сведемъ наши мнѣнія къ общему итогу.

Книга Милля о «Представительномъ правленіи» вышла въ Англіи въ 1861 году, а у насъ появляется въ переводѣ въ концѣ 1863 года. Сколько намъ извѣстно, г. Яковлевъ начинаетъ свою издательскую дѣятельность этого книгой. Начало хорошее, и мы увѣрены, что русская публика поблагодаритъ издателя за его первый опытъ. Только мы совѣтуемъ г. Яковлеву найдти себѣ другого переводчика, который зналъ бы получше русскій и англійскій языкъ. Переводъ вообще дуренъ и мѣстами безграмотенъ. Переводчикъ дозволилъ себѣ прибавлять или сокращать нѣкоторыя слова совершенно некстати; Милль очень точенъ въ своихъ выраженіяхъ, и потому прибавлять къ нему отъ своего чрева нѣтъ ни малѣйшей надобности. Кромѣ того у переводчика есть претензія вводить новые техническіе термины, какъ напримѣръ, *право голосованія;* но такія нововведенія крайне неудачны. *Голосованіе* происходитъ отъ слова: *голосить*, а голосить по русски вовсе не значитъ то же, что *подавать голосъ.*

Григ. Благосвѣтловъ.

ЛИРИЧЕСКОЕ ХУДОСОЧІЕ.

Стихотворенія А. А. Фета. 2 части. Изданіе К. Солдатенков\. Москва. 1863 г.

(Письма и размышленія россійскаго сочинителя, критика и стихотворца, отставного маіора Михайла Бурбонова).

Ты въ мозгу моемъ убогомъ
Не ищи совѣтовъ умныхъ;
Только лютней онъ веселыхъ,
Только флейтъ онъ полонъ шумныхъ.

А. Фетъ.

Я рѣшительно дѣлаюсь присяжнымъ россійскимъ критикомъ.

Милостивые государи мои, любезные читатели! Я увѣренъ, что вы нисколько не удивитесь, увидя меня въ новой роли критика, не удивитесь потому именно, что вы давно уже привыкли къ всевозможнымъ неожиданнымъ явленіямъ въ журнальномъ мірѣ. Журналистика пріучила васъ ко всему. Не удивлялись вы, когда началъ писать свои критическія прорицанія г. Анненковъ, которыми задавалъ тяжкія задачи вашимъ мозгамъ и здравому смыслу; не удивлялись вы, когда изъ гробницы, схоронившей прахъ «Москвитянина», поднялся призракъ эстетическаго критика Эдельсона; наконецъ вы даже не выказали ни малѣйшаго изумленія, когда Ап. Григорьевъ, измученный *прожиганіемъ жизни*, сталъ, какъ за нѣчто новое вы-

давать свои старыя критическія лохмотья и началъ этими тряпками угощать васъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ.

Любезные читатели! Имѣя смѣлость подозрѣвать васъ въ логичности, я думаю даже, что вы сами давно ожидали появленія Михайла Бурбонова въ роли критика, сознавая, что только одинъ онъ можетъ быть теперь истиннымъ цѣнителемъ того мусора, которымъ завалена россійская журналистика. Рыться въ этомъ мусорѣ—задача не очень лестная и пріятная, и для этой задачи нужно было родиться особому человѣку, нужно было выработаться новому типу — Михайлу Бурбонову. Смѣло могу сказать, что типъ этотъ—явленіе вовсе не случайное, не капризное, а вытекающее изъ самого порядка вещей: только при теперешнемъ характерѣ русской литературы могъ явиться этотъ типъ и только при немъ вы можете вполнѣ оцѣнить и понять, что дѣлается въ нашихъ органахъ, въ нашихъ литературныхъ канцеляріяхъ.

Осмотритесь кругомъ—и вы увидите, что въ россійской словесности господствуетъ далеко не старый порядокъ прежнихъ дней. Недавніе либералы обратились въ консерваторовъ, обличители—въ ноющихъ Маниловыхъ. Эстетическіе критики сочиняютъ занозистые, не совсѣмъ опрятные памфлеты; безхитростные, тепленькіе стихотворцы, сочинявшіе нѣкогда лирическіе рапорты къ «милымъ дѣвамъ», предаются прозаической истерикѣ и жалобамъ по сельскому хозяйству; мрачные хроникеры щеголяютъ лирическими выходками. Писемскій, отрекшись отъ художественности, пишетъ клубничный романъ въ родѣ замѣтокъ Никиты Безрылова; ученый мужъ М. П. Погодинъ сдѣлался фельетонистомъ ежедневной газеты.... Евгенія Туръ оплакиваетъ свои прежнія убѣжденія; эротическій поэтъ Щербина толкуетъ о постѣ и покаяніи. Все сбилось съ прежней колеи, измѣнило свой прежній характеръ....

Въ эти-то самые дни и стихосшиватель Фетъ явился передъ нами въ новомъ фазисѣ своей дѣятельности. Его прежняя неуловимая поэзія, вся состоявшая изъ какихъ-то неясныхъ полунамековъ, давно уже возбуждала въ насъ интересный вопросъ: какой же наконецъ поэтъ г. Фетъ? Новая прозаическая дѣятельность г. Фета дала ключъ къ пониманію его поэтическаго типа, послужила отличнымъ коментаріемъ къ его лирическимъ произведеніямъ.

Впрочемъ въ настоящее время вѣроятно никто бы не сталъ разбирать стихотворенія г. Фета, если бы ему самому не вздумалось

издать двѣ книжки своихъ пѣсень и переводовъ, и мы должны— одинъ разъ навсегда — сказать о нихъ свое слово. Какъ бы мало мы ни цѣнили дѣятельность г. Фета, мы все-таки должны обратить на него свое вниманіе, какъ на одного изъ представителей поэтовъ «крѣпостного періода», которыхъ пѣсня могла только раздаваться до появленія знаменитаго манифеста о воли: послѣ 19 февраля этимъ пѣвцамъ оставалось — сойти со сцены и разбить о камень свои крѣпостныя лиры.

Изслѣдованіе произведеній г. Фета съ этой точки — весьма поучительно. Дѣятельность его кончена, а потому мы будемъ разбирать ее хладнокровно, смотря на г. Фета, какъ на нѣчто прошлое и отжившее. Поучительно будетъ для тебя, мой читатель, припомнить, чѣмъ развлекалъ тебя, что писалъ въ прежніе годы г. Фетъ и чѣмъ ты нѣкогда до извѣстной степени увлекался.

Оцѣнимъ же теперь по достоинству его лирическую карьеру и сотворимъ ей «вѣчную память.»

Въ 1856 году г. Фетъ въ первый разъ издалъ книжку своихъ стихотвореній, въ предисловіи къ которымъ очень мило замѣтилъ, что они *болѣе прежняго достойны благосклоннаго вниманія публики*. Въ 1863 году г. Фетъ является уже съ двумя книжками и съ замѣчаніемъ еще болѣе наивнымъ: «первое изданіе моихъ стихотвореній — распродано». А сколько экземпляровъ вы печатали, г. Фетъ? Въ чьей типографіи? Почемъ съ васъ взяли?.... Напрасно вы и объ этомъ не довели до свѣдѣнія публики. Впрочемъ изъ предисловія къ новому изданію видно, что г. Фетъ издалъ свои стихотворенія уже не для публики, а для друзей—поэтовъ.

Перейдемъ теперь прямо къ его стихотвореніямъ.

У каждаго поэта, говорятъ, должно быть свое міросозерцаніе и та руководящая идея, которая проходитъ черезъ всю его дѣятельность. Можемъ ли мы сказать то же самое о г. Фетѣ? Онъ, по замѣчанію самыхъ лучшихъ своихъ друзей, есть поэтъ наивности и ребяческой фантазіи, поэтъ какихъ-то лирическихъ намековъ

и недоговорокъ. Это опредѣленіе, хотя не совсѣмъ ясно, но вѣрно. Самъ Фетъ говоритъ о себѣ гораздо точнѣе:

> Ты въ мозгу моемъ убогомъ
> Не ищи совѣтовъ умныхъ;
> Только лютней онъ веселыхъ
> Только флейтъ онъ полонъ шумныхъ.

Именно, въ пѣсняхъ Фета есть только одни лютни, да флейты, но здраваго смысла нечего въ нихъ искать. Извѣстно, что чѣмъ болѣе у человѣка развита мыслительная способность, тѣмъ болѣе у него средствъ выражать свои мысли, и обратно: дикарь, почти лишенный мыслительной способности, всѣ свои жизненныя потребности, желанія, мечты выражаетъ какой-нибудь дюжиной словъ, которыми онъ довольствуется во всю свою жизнь. У г. Фета ужасно какъ мало словъ, но даже и эти немногія слова, данныя ему, его сильно безпокоятъ. Онъ самъ искренно въ этомъ сознается:

> О, еслибъ *безъ слова*
> *Сказаться душой было можно!*

Признаніе такое дорого именно потому, что оно искренно и совершенно объясняетъ фетовскую поэзію.

Мысль Фета я перевожу такъ:

> Гоняйся за словомъ тутъ каждымъ!
> Мнѣ слово ей-богу постыло!...
> О еслибъ мычаньемъ протяжнымъ
> Сказаться душѣ можно было!

Г. Фетъ даже сдѣлалъ опытъ подобнаго мычанья въ слѣдующихъ восьми строкахъ, заслужившихъ себѣ общую извѣстность:

> Буря на небѣ вечернемъ,
> Моря сердитаго шумъ,
> Буря на морѣ и думы,
> Много мучительныхъ думъ;
> Буря на морѣ и думы,
> Хоръ возрастающихъ думъ—
> Черная туча за тучей
> Моря сердитаго шумъ.

Въ одномъ гошпиталѣ случилось мнѣ встрѣтить одного юнкера Звонкобрюхова, который въ припадкѣ ипохондріи и временнаго умопомѣшательства любилъ писать стихи. Тетрадь этихъ странныхъ стиховъ у меня сохранилась. По поводу пѣсень Фета мнѣ придется не разъ ихъ вспомнить. Вотъ и теперь, прочтя пьеску «Буря на небѣ вечернемъ», я могъ только поставить рядомъ съ ней слѣдующую юнкерскую импровизацію:

Думы и бури,
Брови нахмуря,
Смѣлъ по натурѣ
Ѣду я къ дурѣ.
Слушаю бури,
Сидя на фурѣ,
И балагуря
Въ каждой фигурѣ,
Какъ на лазури,
Вижу я бури.

Стихи эти особенно врѣзались въ моей памяти, потому что юнкеръ Звонкобрюховъ, съ пафосомъ проговоривъ ихъ, разбилъ окно и изъ третьяго этажа выскочилъ на дворъ гошпиталя. Черезъ недѣлю послѣ этого случая попалась мнѣ статья г. Фета и можете представить мое удивленіе, когда я нашелъ у него слѣдующую мысль: «поэтомъ можетъ себя назвать только тотъ, кто внизъ головой выпрыгнетъ изъ четвертаго этажа на улицу» Это уже совершенно сбило меня съ толку, и я сталъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ смотрѣть на юнкера Звонкобрюхова и на его поэтическія произведенія.

Но возвращусь къ Фету. Что бы ни говорили о немъ, но я не могу не признать за нимъ одного важнаго достоинства. Не трудно говорить безсмыслицы, но трудно изъ этихъ безсмыслицъ и случайнаго набора словъ составить нѣчто граціозное, благоухающее, поэтическое. Пѣсни же Фета именно таковы: вы въ нихъ ничего не поймете, но они защекочутъ ваши нервы, и вы, сказавъ: какая ерунда! въ тоже время почувствуете на вашихъ рѣсницахъ *поэтическія слезы.*

Въ одной изъ своихъ пѣсень г. Фетъ самъ точно опредѣляетъ занятія своей музы. — Я, говоритъ онъ:

Безсвязныя связать стараюсь рѣчи.

Въ другомъ мѣстѣ онъ очень тонко и въ то же время скульптурно намекаетъ на умственныя способности своей музы, говоря, что она явилась къ нему,

«Скрывая *низкій лобъ* подъ вѣтвію лавровой.

Было бы очень неделикатно и неловко со стороны критика или читателя послѣ такихъ признаній доискиваться въ пѣсняхъ г. Фета какой нибудь мысли или смысла, неделикатно и неловко—потому что самъ г. Фетъ предупреждаетъ насъ:

Нѣтъ, не жди ты пѣсни страстной,
Эти звуки—бредъ неясный,
Томный звонъ струны.

Настоящій поэтъ, по мнѣнію г. Фета, тотъ, котораго —

Томитъ *напѣвъ безсмысленныхъ рѣчей.*

Наконецъ онъ самъ признается:

Скучно мнѣ вѣчно болтать о томъ, что высоко, прекрасно;
Всѣ эти толки меня только къ зѣвотѣ ведутъ ..

Итакъ, любезные читатели, —

Вы читайте съ наслажденьемъ
Безъ критической свирѣпости,
Граціозныя безсмыслицы,
Граціозныя нелѣпости.

Муза г. Фета задалась граціозной работой подбирать звучныя, мелодическія слова, которыя, будучи подобраны вмѣстѣ, производятъ эфектъ своей музыкальностью. Весь процессъ ея творчества состоитъ въ томъ, что она ловитъ картинныя выраженія и изъ нихъ лѣпитъ одну общую мозаику, вовсе не безпокоясь о томъ, будетъ ли смыслъ въ цѣломъ произведеніи. Попробуйте составить вмѣстѣ рядъ музыкальныхъ словъ, и хотя бы между ними не было никакой связи, но все-таки ихъ музыкальность пріятно будетъ дразнить ваше ухо. Попробуемъ сдѣлать подобный наборъ словъ:

Олеандры гирляндой надъ бандой,
Видѣнъ локонъ изъ оконъ и ленты;
А Кассандра, обнявъ Александра,
Подъ чинарой сосетъ пеперменты.

Вѣдь какъ хотите, подобная музыкальная безсмыслица можетъ подкупить иныя лирическія уши.

Есть у Фета особенная рубрика стихотвореній подъ названіемъ: «*Къ Офеліи*». Былъ ли знакомъ г. Фетъ съ шекспировской Офеліей, или не былъ, и затѣмъ онъ разсказываетъ ей о своей болѣзни—съ нашей точки зрѣнія мы доискиваться не будемъ. Поэтъ, въ родѣ Фета, воленъ даже бесѣдовать и съ такими женщинами, которыя и Шекспиру не грезились и на свѣтѣ никогда не бывали.

Прочтите слѣдующую пѣсенку Фета и вы поймете, что онъ одинаково могъ посвятить его, какъ Офеліи или «Бѣдной Лизѣ», такъ и Евгеніи Туръ, или г-жѣ Гебгардтъ:

Не здѣсь ли ты легкою тѣнью,
Мой геній, мой ангелъ, мой другъ,
Бесѣдуешь тихо со мною
И тихо летаешь вокругъ?
И робкимъ даришь вдохновеньемъ,
И сладкій врачуешь недугъ,
И тихимъ даришь сновидѣньемъ,
Мой геній, мой ангелъ, мой другъ...

Вы, разумѣется, ровно ничего тутъ не понимаете, да и самъ Фетъ не понимаетъ: онъ наловилъ только дюжины три музыкальныхъ словъ, а наше дѣло ими наслаждаться. Я самъ даже увлекся этой пѣсенкой и, подражая г. Фету, посвятилъ слѣдующее восьмистишіе.

Авдотьѣ Кукшиной.

Не здѣсь ли въ капотѣ нечистомъ,
Мой геній, мой ангелъ, мой другъ,
Ты пьешь редереръ съ нигилистомъ
И пепелъ бросаешь вокругъ?
Не здѣсь ли мы въ комнатѣ слышимъ,
Какъ грязными пальцами вдругъ
Усердно ты бьешь по клавишамъ,
Мой геній, мой ангелъ, мой другъ?

Не разъ вѣроятно всѣмъ намъ доводилось слушать, какъ русскія барышни взвизгиваютъ за роялью.

«Неотходи отъ меня,
Другъ мой, останься со мной!
Не отходи отъ меня—
Мнѣ такъ отрадно съ тобой» и т. д.

Г. Фетъ называетъ эти стихи «мелодіей». Есть у него «мелодія» еще слаще и лирически-безсвязнѣе:

I.

Тихая, звѣздная ночь,
Трепетно свѣтитъ луна;
Сладки уста красоты
Въ тихую звѣздную ночь.

* *
*

Другъ мой! въ сіяньѣ ночномъ
Какъ мнѣ печаль превозмочь?..
Ты же свѣтла, какъ любовь
Въ тихую, звѣздную ночь.
Другъ мой, я звѣзды люблю
И отъ печали не прочь, (?!)
Ты же еще мнѣ милѣй
Въ тихую звѣздную ночь.

II.

Жди яснаго назавтра дня,
Стрижи мелькаютъ и звенятъ,
Пурпурной полосой огня
Прозрачный озаренъ закатъ

* *
*

Такъ робко набѣгаетъ тѣнь,
Такъ тайно свѣтъ уходитъ прочь,
Что ты не скажешь — минулъ день,
Не говоришь — настала ночь.

Каждый разъ, когда въ книжкѣ А. Фета я угощаюсь такими мелодіями, то начинаю въ недоумѣніи перелистывать рукописную те-

традь юнкера Звонкобрюхова, который одинъ только нагляднымъ образомъ поясняетъ мнѣ всѣ перемѣны фетовской мелодичности. На этотъ разъ я невольно остановился на трехъ мелодіяхъ прототипа г. Фета. Вотъ они:

I.

Ты предо мною сидишь,
Весь я горю отъ любви:
Умъ я теряю всегда,
Если сидимъ vis-a-vis.

* *
*

Сядь же напротивъ меня,
Или къ себѣ подзови,
Будемъ мы молча сидѣть
Цѣлую ночь vis-a-vis.

II.

Я—на диванѣ сидѣлъ,
Ты же—къ окну подошла,
Мѣсяцъ въ окошко глядѣлъ,
Полночь томила и жгла.
Вдругъ я съ дивана спрыгнулъ,
Ты — отошла отъ окна,
Я на луну заглянулъ —
Спряталась въ тучи луна.

III.

Что это: ночь или день?
Дай мнѣ, мой ангелъ, отвѣтъ!
Свѣтъ прогоняющій тѣнь,
Тѣнь застилавшая свѣтъ.

* *
*

Тучки нигдѣ ни слѣда,
Ярко зардѣлся востокъ...
Шепчешь ты мнѣ — *середа*,
Я жь говорю — *четвертокъ*.

IV.

Тихая, звѣздная ночь.
Другъ мой, чего я хочу?
Сладки въ смѣтанѣ грибы
Въ тихую звѣздную ночь.

* *
*

Другъ мой, тебя я люблю,
Чѣмъ же мнѣ горю помочь?
Будемъ играть въ дурачки
Въ тихую звѣздную ночь.

*
* *

Другъ мой! Уменъ я всегда,
Днемъ я — отъ смысла не прочь,
Лезетъ въ меня ерунда
Въ теплую звѣздную ночь.

Выдыхать изъ себя мелодіи, во вкусѣ г. Фета, можно безконечно. Я готовъ предложить г. Фету публичное состязаніе, гдѣ обязуюсь въ два часа написать тысячу такихъ мелодій. За г. Фетомъ только есть одно важное преимущество, что онъ началъ писать подобные стихи: до него никто не дописывался до такихъ прелестей. Примѣръ Фета соблазнилъ всѣхъ мальчиковъ, которые взапуски начали предаваться подобному лирическому лунатизму и свое худосочіе выдавали за поэзію. Какъ, напримѣръ, не соблазниться какому нибудь юному, начинающему барду, новой манерой писать такія пѣсни:

Котъ сидитъ, глаза прищуря,
Мальчикъ дремлетъ на коврѣ,
На дворѣ играетъ буря,
Вѣтеръ свищетъ на дворѣ.
«Полно тутъ тебѣ валяться,
Спрячь игрушки, да вставай!
Подойди ко мнѣ прощаться

Да и спать себѣ ступай».
Мальчикъ всталъ. А котъ глазами
Поводилъ и все поетъ.
Въ окна снѣгъ валитъ клоками,
Буря свищетъ у воротъ.

Слѣдующее произведеніе юнкера Звонкобрюхова едва ли уступаетъ фетовскому въ образности и рельефности.

На дворѣ мычитъ корова,
Ждетъ на крышѣ кошку котъ,
Небо темно и сурово,
Буря плачетъ и реветъ.
— «Что валяешься въ прихожей!
Самоваръ нести пора...
Наказанье съ этой рожей:
Дрыхнетъ съ самого утра»
Козачокъ вскочилъ. Сурово
Буря рвется въ ворота,
Но молчитъ въ клѣвѣ корова
И на крышѣ нѣтъ кота.

Которая изъ этихъ пѣсенокъ лучше?

Есть однако у Фета безсмыслицы даже вовсе немелодическія, которыя и лирическое ухо не пойметъ. То онъ говоритъ:

Цѣлую волоса душистыя и плечи
И *долго слушаю, какъ ты молчишь...*

Какъ это онъ ухитряется дѣлать — намъ неизвѣстно. Или сидя съ своей милой у печки, онъ говоритъ:

Полонъ нѣжнаго волненья,
Сладостной мечты,
Буду ждать успокоенья
Чистой красоты,

Что это значитъ? Нужно вѣроятно понимать такъ, что онъ дожидается, когда «любезная» ляжетъ попросту спать. Такъ что ли? Такъ для чего же такая скромность неумѣстная!.. Вѣдь достало же у г. Фета смѣлости воскликнуть въ другой пѣснѣ:

Тебя, одну тебя люблю я и *желаю!*

А вотъ даже и намека на смыслъ мы не отыщемъ въ слѣдующихъ четырехъ строкахъ:

Тихонько движется мой конь
По вешнимъ заводямъ луговъ,
И въ этихъ заводяхъ огонь
Весеннихъ свѣтитъ облаковъ.

Какъ не переставляйте слова этихъ двухъ послѣднихъ строчекъ, но ихъ уразумѣть невозможно. Перестановкой же словъ у г. Фета читателю приходится заниматься нерѣдко; какъ напримѣръ здѣсь:

И тысячи висящихъ надо мною
Качаются душистыхъ опахалъ,

т. е., переводя на русскій языкъ, это значитъ: надо мною качаются тысячи душистыхъ опахалъ.

Иногда образы г. Фета доходятъ до такой смѣлости, что даже считаешь за преступленіе стараться понять ихъ. Одну «*пѣвицу*» онъ проситъ о нижеслѣдующемъ:

Уноси мое сердце *въ звенящую даль,*
Гдѣ, какъ мѣсяцъ, за рощей печаль...
И все выше помчусь серебристымъ путемъ
Я, какъ шаткая тѣнь за крыломъ.

Куда просится г. Фетъ — этого не знаетъ вѣроятно ни «пѣвица», ни публика. Впрочемъ, такія посланія смѣло можно посвящать пріѣзжимъ пѣвцамъ, незнающимъ русскаго языка, но если они знаютъ этотъ варварскій языкъ... тогда что? Прямо обращаюсь къ фетовской «пѣвицѣ»:

«На языкѣ тебѣ невнятномъ»
Когда запѣлъ однажды Фетъ,
Не разгадала ты, пѣвица,
Что въ этихъ звукахъ—смысла нѣтъ.
Но если ты поймешь къ несчастью,
О чемъ онъ пѣлъ, что думалъ онъ,
То отъ его «звенящей дали»
Въ твоихъ ушахъ раздастся звонъ.

Въ пейзажахъ г. Фета большею частію все грезитъ: «*и грезитъ прудъ, и дремлетъ тополь сонный*», и черемуха спитъ въ саду, а

чаще всего грезитъ самъ поэтъ. Во время этихъ грезъ онъ мучится иногда довольно странными желаніями: то ему хочется отправиться на луну, то ему кажется, что его гдѣ-то *«березы ждутъ»* съ сладострастнымъ трепетомъ, то его смущаетъ *«трезвый видъ»* сосенъ, то наконецъ ему приходитъ въ голову прогулка такого рода:

Хочу привстать, хоть разъ еще вздохнуть
И на волнѣ ликующаго звука,
Умчася въ даль, во мракъ потонуть.

Какъ ни затѣйлива была «стихоподатливая коляска» кн. Вяземскаго, но экипажъ, придуманный г. Фетомъ, будетъ похитрѣе. Фетъ, путешествующій «на волнѣ ликующаго звука», — вѣдь это чего нибудь да стоитъ! Вотъ до чего доводятъ поэтическія грезы... Передо мной рисуется цѣлая картина:

Чудная картина!
Грезы всюду льнутъ.
Грезитъ кустикъ тьмина,
Грезитъ сонный прудъ,
Грезитъ георгина,
Даже, какъ поэтъ,
Грезитъ у камина
Афанасій Фетъ.
Грезитъ онъ, что въ руки
Звукъ поймалъ, — и вотъ
Онъ верхомъ на звукѣ
Въ воздухѣ плыветъ,
Птицы жъ щебетали:
— Спой-ка намъ куплетъ
О «звенящей дали»,
Афанасій Фетъ.

Главное свойство поэзіи г. Фета, какъ поэта «крѣпостного періода», есть то, что онъ постоянно чему-то радуется, постоянно благодушествуетъ. Подходитъ къ нему смерть — и онъ ее встрѣчаетъ —

«Со взоромъ, полнымъ сладострастья.»

Заходитъ онъ въ крестьянское село — и начинаетъ благодушествовать:

Опять душа полна! Какъ въ этой тишинѣ
Всѣмъ, всѣмъ, что жизнь дала довольная вполнѣ,
Иного ужъ она не требуетъ удѣла.

Рисуетъ г. Фетъ картину похоронъ дѣвочки, гробъ которой съ плачемъ провожаетъ ея мать, и, казалось бы, тутъ долженъ бы, какъ чувствительный поэтъ, немножко взгруснуть, — но онъ все-таки и тутъ благодушествуетъ:

За гробомъ шла, шатаясь, мать, —
Надгробное рыданье! —
Но мнѣ казалось, что легко
И самое страданье (?!)

Только однажды, упоминая о своей осенней жизни въ деревнѣ, г. Фетъ перестаетъ радоваться и улыбаться, но мрачно замѣчаетъ, что ему въ деревнѣ:

Лезетъ въ голову больную
Все такая чертовщина.

Этими словами г. Фетъ словно объясняетъ намъ весь характеръ своихъ «деревенскихъ писемъ». Гуси всему виною, непремѣнно гуси!.. Но въ прежнія времена деревенская жизнь нечасто пугала нашего поэта: чаще всего онъ предавался тамъ разнымъ поэтическимъ шалостямъ и капризамъ. Случится ему напр. встрѣтить восходъ солнца — онъ ту же минуту спѣшитъ разбудить «ее» и докладываетъ ей стихами, что солнце встало, лѣсъ каждой вѣткой проснулся, что онъ, т. е. не лѣсъ, а Фетъ, «весельемъ вѣетъ» и сбирается пѣть,

Что, не знаю самъ, что́ буду
Пѣть, но только пѣсня зрѣетъ.

И для такого монолога капризный поэтъ будитъ на зорѣ спящую «милую». Нечего сказать — за дѣломъ же приходилъ...

Есть у г. Фета и такіе стихи, которые стихами рискованно даже называть. Вотъ послушайте: стихи это или что иное?

«Я люблю многое, близкое сердцу, только рѣдко люблю я. Чаще всего мнѣ пріятно скользить по заливу — такъ, забываясь подъ звучную мѣру весла, омоченнаго пѣной шипучей, — да смотрѣть, много-ль отъѣхалъ, и много-ль осталось, да не видать ли зарницы... Изо всѣхъ островковъ, на которыхъ рѣдко мерцаютъ огни рыбаковъ

запоздалыхъ, милъ мнѣ одинъ предпочтительно... Красноглазый кроликъ любитъ его; гордый лебедь, каждой весной съ протянутой шеей летаетъ вокругъ и садится сразмаха на тихія воды. Надъ обрывомъ утеса ростетъ, помавая вѣтвями, широколиственный дубъ. Сколько ужъ лѣтъ тутъ живетъ соловей! Онъ поетъ по зарямъ, да и позднею ночью, когда мѣсяцъ обманчивымъ свѣтомъ серебритъ и волны и листья... Онъ не молкнетъ, поетъ все громче и громче. (Слушайте теперь заключенье). Странныя мысли приходятъ тогда мнѣ на умъ: что это — жизнь или сонъ? Счастливъ я или только обманутъ? Нѣтъ отвѣта...»

— Что это, проза или стихи, господа? — Нѣтъ отвѣта.

Этотъ новый стихотворный родъ такъ плѣнилъ меня, что я хочу самъ попробовать писать въ этомъ родѣ. Хоть трудно, очень трудно — но попытаюсь.

Я люблю многое, что для другого
Навѣрно покажется вздоромъ.
Чаще всего мнѣ пріятно писать чепуху,
Такъ, забываясь,
Словно я дѣлаю дѣло,
Вполнѣ убѣжденный,
Что чѣмъ напишу я глупѣе,
Тѣмъ ближе къ поэзіи буду.
Также люблю я Ѳеодора Берга,
Если подъ часъ онъ начнетъ
Съ зайчикомъ прыгать!
Ей-богу! смотрѣть любопытно на это!
Кромѣ того
Испанки Крестовскаго милы мнѣ тоже,
Особенно та, что бѣднягѣ
Дала подаяніе тѣломъ,—
Славная баба!..
Изъ всѣхъ петербургскихъ театровъ
Милъ мнѣ одинъ предпочтительно:
Русскій.
Даже Григорьевъ — нашъ критикъ
Любитъ его:
Ѳедоровъ Павелъ Степанычъ
Невольно къ театру привяжетъ.
Когда же піесы Дьяченки идутъ тамъ
Иль хоть Чернышова,
И въ креслахъ сижу я,

То вдругъ восклицаю невольно:
Что это — жизнь, или сонъ?
Русскую сцену я вижу.
Иль представленья Легата?
Нѣтъ отвѣта..

Достоинство пѣсень Фета мною еще далеко не исчерпано. Я нашелъ за нимъ даже такое достоинство, котораго не находилъ, при всемъ моемъ стараніи, у юнкера Звонкобрюхова. Я увѣренъ теперь, что никому еще до сихъ поръ не удавалось открыть въ г. Фетѣ особеннаго свойства его дарованія. Прочтите теперь для опыта хоть слѣдующую элегію А Фета.

Въ долгія ночи, какъ вѣжды на сонъ не сомкнуты,
Чудныя душу порой посѣщаютъ минуты.
Духъ окриленъ, никакая не мучитъ утрата,
Въ дальней звѣздѣ отгадалъ бы отбывшаго брата!
Близкой души предо мною всѣ ясны изгибы;
Видишь, какъ были, и видишь, *какъ быть бы могли бы*(!!)
О, если ночь унесетъ тебя въ міръ этотъ странный
Мощному духу отдайся, о другъ мой, желанный!
Я отзовусь, но, внемля безтѣлесному звуку,
Вспомни меня, какъ невольную помнятъ разлуку.

Вы прочли стихотвореніе, но вы прочли его по обыкновенной методѣ, т. е. сверху внизъ; теперь не угодно ли прочесть его снизу вверхъ. Не бойтесь! Смѣю увѣрить васъ, что отъ способа чтенія характеръ и смыслъ пѣсни нисколько не пострадаетъ... Читайте же:

Вспомни меня, какъ невольную помнятъ разлуку,
Я отзовусь; но, внемля безтѣлесному звуку,
Мощному духу отдайся, о другъ мой, желанный!
О, если ночь унесетъ тебя въ міръ этотъ странный
Видишь, какъ были,—и видишь, какъ быть бы могли бы!
Близкой души предо мною всѣ ясны изгибы;
Въ дальней звѣздѣ отгадалъ бы отбывшаго брата.
Духъ окриленъ, никакая не мучитъ утрата.
Чудныя душу порой посѣщаютъ минуты,
Въ долгія ночи, какъ вѣжды на сонъ не сомкнуты.

Такихъ обоюдоострыхъ стихотвореній у г. Фета много: читай ихъ съ конца, съ середины — они будутъ дивить насъ «красой непостижимой».

Изъ всѣхъ приведенныхъ отрывковъ мы должны придти къ заключенію, что г. Фетъ патріотъ, но патріотъ лирическій, который въ своемъ отечествѣ видитъ только «бриллiанты въ свѣтѣ лунномъ», георгины, стоявшiя передъ нимъ, «какъ живыя одалиски», видитъ одни только «золотые переливы» ржи и влюбленнаго Феба, почивающаго съ Фетидой. Его крѣпостная муза только внимала «трелямъ соловья» и «на волнѣ ликующихъ звуковъ» уносилась въ «звѣнящую даль» отъ всѣхъ житейскихъ дрязгъ. Жизнь кругомъ не улыбалась, но Фетъ благодушествовалъ, нюхалъ цвѣты и подкармливалъ мелодіями птичекъ. Друзья поэта, желая оправдать его «ликующую» дѣятельность, повторили на себѣ басню «медвѣдя и пустынника». Они хотѣли увѣрить насъ, что Фетъ «поэтъ скорби и отчаянія», и только съ отчаянья бросился въ міръ порхающихъ мотыльковъ, грезящихъ прудовъ и чувствительныхъ незабудокъ. Фету такая скорбь и не грезилась никогда. Фетъ на звѣзды смотритъ и говоритъ: «Я думалъ — *не помню что* думалъ»; но звѣзды тихонько задрожали», и *потому-то* онъ ихъ и полюбилъ. И. Тургеневъ, вѣроятно желая вызвать г. Фета на объясненіе по поводу его скорбей, предложилъ ему вопросъ (въ родѣ гимназическихъ классныхъ задачь на сочиненія): «за что мы любимъ родину?» Г. Фетъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ цѣлымъ посланіемъ Тургеневу. При этомъ мы не должны забывать, что г. Фетъ, принимаясь за стихи, самъ не знаетъ, о чемъ онъ напишетъ. Онъ говоритъ:

> Я *не знаю самъ, что буду*
> *Пѣть,* — но только пѣсня *зрѣетъ.*

Итакъ, онъ начинаетъ свое *зрѣлое* посланіе къ г. Тургеневу:

> Поэтъ! ты хочешь знать, за что такой любовью
> Мы любимъ родину съ тобой?

Какъ Тургеневъ былъ заинтересованъ по всей вѣроятности, первымъ приступомъ этой пѣсни, такъ и для всѣхъ насъ любопытно, что отвѣтитъ на трудный вопросъ этотъ г. Фетъ.

Г. Фетъ даетъ отвѣтъ совершенно неожиданный. Нигдѣ, говоритъ

онъ, нѣтъ такихъ «божественныхъ» ночей, какъ на сѣверѣ.—Иду, продолжалъ онъ:—я по городу,

И надъ громадой ночь, блѣдна и вдохновенна,
Какъ «ясновидящая» шла...
. . . .
О вѣрь, что никогда въ объятьяхъ раскаленныхъ
Не могъ такихъ ночей, *вполнѣ разоблаченныхъ*,
Лелѣять сладострастный югъ.

Слѣдовательно отвѣтъ тотъ: гг. Фетъ и Тургеневъ потому любятъ родину, что ея сѣверныя ночи — «вполнѣ разоблаченныя», и нигдѣ такихъ ночей нельзя болѣе встрѣтить. Ergo!

Вотъ онъ, настоящій лирическій, птичій патріотизмъ! Да-съ, милостивые государи, сѣверная ночь — «есть вещь, а прочее все — гиль».

Въ другой своей пѣснѣ, «Италія», г. Фетъ восклицаетъ: «Италія, ты сердцу солгала». Его она огорчила тѣмъ, что, на зло мечтѣ, итальянскій воздухъ —

«Не роднымъ мнѣ воздухомъ повѣялъ.»

Фету представилось почему-то, что въ Италіи онъ непремѣнно найдетъ русскіе снѣга «и зелени растительную *сырость*».

Какъ ни странно такое желаніе — искать подъ итальянскимъ небомъ сырости Черной Рѣчки, но въ г. Фетѣ мы удивляемся не этому желанію, а тому: неужели онъ не читалъ какого нибудь краткаго учебника географіи, изъ котораго могъ бы узнать объ итальянскомъ климатѣ? Однако подъ конецъ своего посланія г. Фетъ помирился съ Италіей, но помирился только потому, что въ ней понравились ему ящерицы.

Что сказать еще о первомъ томѣ оригинальныхъ стихотвореній А. Фета? За исключеніемъ двухъ-трехъ пьесокъ въ антологическомъ родѣ, во всѣхъ остальныхъ его пѣсняхъ г. Фетъ, по собственному его признанію: «*безсвязныя связать стараюсь рѣчи.*» Поэтъ лучше всякаго критика, ясно и образно опредѣлилъ самого себя.

Книжку своихъ пѣсенъ г. Фетъ разбилъ на прихотливые отдѣлы. Они называются: «мелодіи», «вечера и ночи», «море», «весна» и

«разныя стихотворенія». Къ чему же повело такое дѣленіе, когда въ отдѣлѣ «разныхъ пѣсенъ» встрѣчаются и мелодіи, и ночи, и море, весна? По моему, г. Фетъ поступилъ бы гораздо остроумнѣе, раздѣливъ книжку на рубрики: *астрономическихъ*, *зоологическихъ и ботаническихъ* пѣсенъ. Къ «астрономическимъ» стихотвореніямъ можно бы отнести всѣ пѣсни съ луной и звѣздами; къ «ботаническимъ» пѣсни къ березамъ, къ ивамъ и разнымъ ландышамъ и георгинамъ. Наконецъ самый большой отдѣлъ былъ бы отдѣлъ «зоологическихъ» мелодій, съ перепелами, жабами, соловьями, коростелями, форелями, которыхъ такъ много въ стихотвореніяхъ г. Фета.

Прочтя цѣлую книжку, состоящую изъ «весеннихъ страницъ» г. Фета, мы должны непремѣнно придти къ печальному выводу. Новѣйшая прозаическая дѣятельность поэта совершенно освѣщаетъ весь характеръ его музы. Г. Фетъ началъ писать свои стихи въ то время, когда уже въ воздухѣ носилась и предчувствовалась крестьянская реформа и, какъ само правительство, такъ и лучшіе наши дѣятели приготовляли къ этой реформѣ русскую публику. Въ то самое время сталъ «ликовать» г. Фетъ, явился безсознательной апофеозой крѣпостного права. Наслаждаясь деревенскимъ затишьемъ, онъ останавливался передъ каждымъ пнемъ въ полѣ, всхлипывая:

Какъ хорошо! Прозрачный воздухъ скованъ!

Онъ на зарѣ будилъ барышенъ, только для того, чтобы увѣрить ихъ, что у него «пѣсня зрѣетъ»... Въ деревенской глуши онъ видѣлъ только однихъ коростелей и куропатокъ, и даже не предчувствовалъ, что тутъ живутъ люди, будущіе его злодѣи и истребители его пшеницы. Лира его издавала изъ себя примирительные звуки о трепетѣ звѣздъ, о грезахъ природы. Фетъ явился безсознательнымъ, наивнымъ пѣвцомъ крѣпостного права.

Наступило другое время. Г. Фетъ наконецъ узналъ, что въ деревенской глуши дѣйствительно живутъ не одни только куропатки, а воскресающіе, начинающіе возраждаться люди. Новый, богатый, свѣтлый мотивъ открылся для его лиризма, но увы! этотъ лиризмъ долженъ былъ черпать свои силы прямо изъ жизни, но уже не изъ міра призраковъ,—а такого лиризма въ г. Фетѣ не было. Отжилъ

старый порядокъ вещей и мы невозвратно потеряли г. Фета, прежняго Фета, летающаго на ликующемъ звукѣ. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» онъ явился передъ нами уже въ новомъ видѣ. О «деревенскихъ письмахъ» г. Фета было уже столько говорено и писано, что я не буду повторять стараго: оно уже давно извѣстно читателямъ.

Г. Фетъ самъ понялъ, что его поэтическая дѣятельность кончена и разгадана, а потому онъ на прощаньи хочетъ утѣшить насъ такимъ обѣщаніемъ:

Проходятъ юноши съ улыбкой предо мной
И слышу я ихъ шопотъ внятный:
Чего онъ ищетъ здѣсь, средь жизни молодой
Съ своей тоскою непонятной?
Спѣшите, юноши, и вѣрить и любить,
Вкушать и трудъ и наслажденье,
Придетъ моя пора, — и скоро, можетъ быть,
Мое наступитъ возрожденье.
Приснится мнѣ опять весенній, свѣтлый сонъ
На лонѣ божески единомъ,
И міра юнаго, *покоенъ*, *примиренъ*,
Я стану вѣчнымъ гражданиномъ.

Т. е. г. Фетъ обѣщается намъ написать въ «гражданскіе мотивы» А. Пятковскаго. Иного же его гражданства мы не предчувствуемъ.

Второй томъ стихотвореній г. Фета состоитъ изъ переводовъ, по которымъ видно, что А. Фетъ съ равнымъ удовольствіемъ и стараніемъ готовъ переводить изъ Горація и съ китайскаго, изъ Шиллера и Гафиза, изъ Кернера и Байрона, изъ Катулла и Гейне. Изъ переводовъ «одъ» Горація мы только могли узнать, что Горацій ро-

дился 8 декабря въ 65 году до Р. Х., но о поэтѣ Горацiѣ мы не могли составить себѣ никакого понятія. Что можно сказать о такихъ стихахъ, достойныхъ Мерзлякова:

Богиня, Анціумъ свой правящая милой,
Могущая вознесть съ нижайшихъ ступеней
Простого смертнаго, иль замѣнить могилой
Тріумфы гордые вождей.

Остановите взглядъ на любой страницѣ и вы наткнетесь на такіе стихи:

Въ пользу льгать тебѣ погребеннымъ прахомъ
Матери и всѣмъ молчаливымъ небомъ,
Звѣздъ ночныхъ и чуждыми вѣчно-хладной
Смерти богами.

Можно встрѣтить еще лучше:

Дарить и чашами и мѣдью дорогой,
О, Цензоринъ, бы я товарищей старался.

Музыкальная лира Фета не стѣсняется такими выраженіями:

«*Онъ и тебя-то за то покидаетъ.*»

Или же:

Что же отъ той-то, отъ той-то въ тебѣ
Нѣгой дышавшей еще уцѣлѣло?

Вѣдь это, право, въ родѣ скороговорки: «шитъ колпакъ не по колпаковски». И это называется — переводъ изъ Горація? Знаете ли, что мнѣ пришло въ голову? По словамъ Гамлета, другъ его Горацiо писалъ стихи. Послушайте, г. Фетъ, не смѣшали ли вы ихъ между собою? Можетъ быть, вамъ вздумалось перевести ваши оды не изъ римскаго *Горація*, но изъ *Горацiо* — пріятеля датскаго принца? Что, угадалъ ли я?

Объ остальныхъ переводахъ г. Фета я уже лучше совсѣмъ не упомяну, потому что тамъ повсюду попадаются такія строчки: «Кротко слезъ моихъ уйми ручей», или: «Какъ не сіяй въ алмазахъ дня очей» и т. п. Надъ переводами Фета я задумался, дѣлая себѣ такой вопросъ: ужъ не работникъ ли Семенъ сочинялъ эти вирши?

Статью о г. Фетѣ я закончу его же собственнымъ двустишіемъ:

Коль я тебя почту лирическимъ пѣвцомъ,
Ты вознесись до звѣздъ торжественнымъ челомъ.

М. Бурбоновъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ

„Вокругъ Свѣта“, журналъ землевѣденія, естественныхъ наукъ, новѣйшихъ открытій, изобрѣтеній и наблюденій, издаваемый подъ редакціею П. Ольхина. Съ прибавленіемъ „Природа и Землевѣдѣніе“. СПБ. Изданіе Вольфа. 1861, 1862, 1863.—Вода. Изложеніе для образованныхъ читателей и читательницъ. Э. А. Росмеслера. Перевели съ нѣмецкаго А. Андреяновъ и М. Яблонскій. СПБ. Изданіе Вольфа. 1862.—Очеркъ греческой литературы, составленъ А. В. Марковъ-Виноградскимъ. СПБ. 1863.—Народныя сказки, собранныя братьями Гриммами. Переводъ съ нѣмецкаго. Т. I. Книжки 1—4. 1862—1863. — Народныя сказки, собранныя сельскими учителями. Изданіе Эрленвейна. М. 1863.—Поѣздка на востокъ. М. Н. Дохтурова. СПБ. 2863.

Въ ту тяжелую эпоху, о которой мы имѣемъ теперь понятіе, наступившую въ нашей литературѣ послѣ смерти Бѣлинскаго, Москва, въ противуположность нынѣшнему времени, обладала людьми, которые разными правдами и неправдами въ миніатюрномъ и урѣзанномъ видѣ проводили въ наше общество идеи, выработываемыя наукой и цивилизаціей запада. Какъ ни скромны дѣятельность и заслуги этихъ людей, но имена ихъ знаетъ каждый, и многіе считаютъ ихъ великими дарованіями, безукоризненными проповѣдниками науки и свободы. Люди эти были Грановскій и Рулье. Дѣйствительно, видя, до какой степени среда пагубно подѣйствовала на огромное большинство ихъ современниковъ, нельзя не отдать этимъ людямъ

должной справедливости, нельзя не забыть ихъ слабостей и темныхъ сторонъ изъ уваженія къ тому, что они все-таки остались въ главномъ чистыми и незапятнянными. Въ то время, когда мы вступили на путь прогресса, когда у насъ, какъ грибы, выростали гласность, самоуправленіе, акцизъ, эмансипація, общества трезвости и проч., люди, увлекавшіеся этимъ трескомъ словъ возгордились передъ такими дѣятелями, какъ Рулье, непремѣннымъ условіемъ дѣятельности которыхъ была скромность. Сравнительно съ этимъ фейерверкомъ и громомъ фразъ конечно дѣятельность человѣка, ограничивавшаяся передачей нѣсколькихъ здравыхъ понятій небольшому кружку слушателей, казалась блѣдною и безцвѣтною. Но послѣ благополучнаго разрѣшенія горы отъ бремени мышью, кичливость и гордость уже не къ лицу. При видѣ людей, занявшихъ мѣста Рулье и Грановскаго, приходится преисполняться чуть не благоговѣйнымъ уваженіемъ къ нимъ, въ родѣ того, какое питаютъ къ нимъ ихъ бывшіе слушатели, непошедшіе далѣе того, что они имъ говорили, и поэтому воображающіе, что ихъ наставники проглотили и передали имъ всю мудрость, могущую когда-либо зародиться на свѣтѣ. Но въ самомъ дѣлѣ нельзя не уважать людей, которые *въ то темное время* съумѣли остаться искренними и честными дѣятелями. Достаточно вспомнить, что черезъ шесть лѣтъ послѣ Рулье въ Москвѣ въ томъ же университетѣ явился г. Юркевичъ. Фактъ правда для зрителей особеннаго утѣшенія непредставляющій, но тѣмъ не менѣе фактъ.

Я здѣсь вовсе не намѣренъ пускаться въ разборъ какой бы то ни было стороны дѣятельности этихъ лицъ. Но имя Рулье мнѣ пришло на память при взглядѣ на журналъ «Вокругъ Свѣта», о которомъ я хочу здѣсь поговорить. Я вспомнилъ приэтомъ благородныя усилія покойнаго Рулье представить результаты современной науки не только *ограниченному* кружку своихъ слушателей, но и публикѣ, дать ей что нибудь посвѣжѣе, чѣмъ «Исторія одного женскаго сердца», «Слабое сердце», «Бѣда отъ нѣжнаго сердпа», «Сердце съ перегородками», «О религіозномъ значеніи избы славянина» и т. п. произведеній, печатавшихся, по увѣренію Добролюбова, во время Рулье. Съ этой цѣлью онъ издавалъ журналъ естествознанія подъ заглавіемъ «Вѣстникъ естественныхъ наукъ», прекратившійся послѣ его смерти. Да и кстати прекратился. До естественныхъ ли наукъ было россіянамъ, вступавшимъ на путь прогресса, гласности, самоуправленія и даже трезвости. Трезвонъ, продолжавшійся довольно долго

по случаю этого вступленія, обращалъ общество къ вопросамъ, извѣстнымъ подъ именемъ животрепещущихъ. Правда, лучшіе дѣятели не упускали изъ виду результатовъ новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій по естественнымъ наукамъ; но они могли обращаться къ нимъ болѣе для того, чтобы добывать аргументы въ спорахъ съ ретроградами, а споры эти имѣли такіе обширные размѣры и производились на столькихъ пунктахъ, что посвятить особенное вниманіе естественно-историческимъ выводамъ было невозможно. Такое положеніе дѣлъ объясняетъ намъ, почему теперь мы такъ прилежно занялись тѣмъ, чѣмъ прежде пренебрегали. Мы находимся въ положеніи Рулье; мы снова видимъ, какъ отовсюду лѣзутъ безобразныя произведенія, но не въ родѣ вышеисчисленныхъ, а гораздо хуже. Тѣ являлись съ явными признаками пришибленности и запуганности; слѣдовательно, на нихъ и взять было нечего,—то была мертвечина. А теперь они выступаютъ бодро и игриво; это ужъ не мертвечина, а живая гадина, норовящая уязвить. Покуда можно было противодѣйствовать имъ — противодѣйствовали; а потомъ, видя, что тутъ ничего не подѣлаешь, пришлось послѣдовать примѣру, поданному московскимъ профессоромъ десять лѣтъ назадъ. Это тоже фактъ неоспоримый. Поэтому у насъ естественныя науки получили значеніе совершенно особенное, чѣмъ то, которое они имѣютъ на своей родинѣ. Тамъ отъ нихъ ждутъ великихъ и благотворныхъ послѣдствій не только въ ихъ собственной области, какъ полагаютъ филистеры, въ родѣ Либиха, но и въ соціальномъ отношеніи, потому что кромѣ того, что матеріальное положеніе общества должно улучшиться вслѣдствіе научныхъ открытій, естествознаніе имѣетъ еще то драгоцѣнное свойство, что выказываетъ въ самомъ яркомъ свѣтѣ, какъ ни одна наука и никакія краснорѣчивыя фразы, внутреннюю нелѣпость многихъ золъ, удручающихъ европейскіе народы.

Всѣ подобныя ожиданія въ приложеніи къ намъ оказались бы самыми смѣлыми, даже отчаянными утопіями. Никакихъ измѣненій въ нашемъ соціальномъ быту естествознаніе не повлечетъ. Куда намъ до этого. Значеніе естественныхъ наукъ несравненно скромнѣе для насъ, чѣмъ какое онѣ имѣютъ на западѣ; оно состоитъ въ томъ, что въ скорбныя времена намъ все-таки остается матеріалъ, которымъ мы можемъ поддерживать существованіе нашихъ умственныхъ способностей и препятствовать ихъ совершенному притупленію о «Слабыя сердца» и «Сердца съ перегородками». На скромномъ по-

прищѣ естествознанія мы можемъ встрѣчать человѣческія мысли и человѣческія понятія. Правда, изъ этого выходитъ только то, что мы впадаемъ въ рефлексію и, сидя въ трущобѣ, рѣшаемъ судьбы міра, который видимъ въ щелку. Практическаго же приложенія не выходитъ для насъ никакого. Мы даже неспособны, какъ нѣмцы, предаться съ жаромъ наукѣ и постараться забыть внѣшнюю дѣйствительность въ лабораторіи или диссекціонной залѣ. Мы остаемся только диллетантами естествознанія и вмѣсто того, чтобы трудиться, предпочитаемъ пускаться изъ свой трущобы въ самыя смѣлыя гипотезы. Но у насъ есть драгоцѣнное сознаніе, что намъ и нечего больше дѣлать, потому что мы чужіе человѣческой семьѣ, собравшіе себѣ на рубашку съ міру по ниткѣ. Германія дала намъ клокъ своей наукп, Франція — своихъ идей, только русскій народъ намъ ничего не далъ, но не по скупости и не по недоброжелательству. И мы ему ничего не можемъ дать, потому что у самихъ какія - то клочья, съ которыми мы не знаемъ что дѣлать, а можемъ только перебирать, да перевертывать ихъ. Сиры мы и нищи, никому ненужны,—отчего же намъ и не предаваться безплодной рефлексіи? И кто можетъ претендовать на насъ за то, что мы сидимъ въ трущобѣ? Вѣдь если мы попытаемся выйдти изъ нея, то дѣло окончится только тѣмъ, что еще глубже погрязнемъ

А кому отъ этого прибыль? И чѣмъ виноваты мы, что у насъ нѣтъ ни отца, ни матери, ни крова, и что исторія наша распорядилась съ нами такъ нецеремонно. Намъ остается только сообразить, что у насъ подъ ногами не твердая скала, а трясина, на которой не только трудно дѣлать, но даже пошевельнуться невозможно, и намъ остается только, спокойно сидя, *сочувствовать.* Сочувствуемъ мы всему, но дальше сочувствія у насъ ничего и не выходитъ.

Но я долженъ воротиться къ журналу, о которомъ хочу говорить. Теперь, когда книги по естественнымъ наукамъ у насъ въ такомъ ходу, подобный журналъ, если хорошо ведется, составляетъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе для публики. «Вокругъ Свѣта» издается съ 1861 г., а съ 1862 къ нему прибавленъ другой, меньшій журналъ «Природа и Землевѣденіе». Выборъ статей дѣлаетъ честь редакціи. Такъ, въ нынѣшнемъ году было помѣщено между прочимъ продолженіе чрезвычайно любопытныхъ лекцій К. Фогта «Мнимовредныя и мнимополезныя животныя», (начало которыхъ помѣщено въ «Природѣ и Землевѣденіи» за 1862 г.). По предмету лекцій, напе-

чатанныхъ въ нынѣшнемъ году, онѣ близко подходятъ къ сочиненію Кэрби, о которомъ я говорилъ. Но талантъ и умъ автора даютъ имъ необыкновенный интересъ и дѣлаютъ чтеніе ихъ чрезвычайно любопытнымъ и полезнымъ, чего, какъ мы видѣли, не достаетъ въ книгѣ Кэрби. Большого вниманія заслуживаютъ также статьи: «Привидѣнія» и «Мормоны», хотя въ послѣдней къ сожалѣнію болѣе чѣмъ гдѣ либо отразился недостатокъ, которымъ страдаетъ журналъ, и который состоитъ въ томъ, что статьи не переводятся, а компилируются, причемъ нѣкоторыя претерпѣваютъ большой ущербъ. Такъ, въ статьѣ Фогта встрѣчаются выраженія, очевидно принадлежащія компилятору и противорѣчащія направленію автора. Въ журналѣ «Вокругъ Свѣта» читатели найдутъ хорошо составленныя описанія всѣхъ послѣднихъ путешествій, начиная съ путешествія Ливингстона. Но нельзя не пожелать журналу поболѣе серіозныхъ статей и поменѣе такихъ, которыя помѣщены единственно ради приложенныхъ картинокъ (которыя, нужно замѣтить, очень хороши). Вообще не смотря на то, что попадаются много прекрасныхъ статей, редакція, по моему мнѣнію, должна позаботиться о томъ, чтобы рѣзче опредѣлить свое направленіе. Конечно въ журналѣ Рулье, онъ не могъ помѣщать такихъ статей, какія можно выбирать въ настоящее время, и долженъ былъ держаться тона наивности. Теперь же этотъ тонъ не нуженъ и можно наполнять журналъ *исключительно* статьями такихъ авторовъ, какъ Фогтъ, Молешоттъ, Гексле, Дарвинъ, Вевель, Лайель и др., избѣгая описанія нравовъ китайцевъ, цвѣта фазановъ и куликовъ, швабовъ и голландцевъ, и т. п. общеизвѣстныхъ и нелюбопытныхъ предметовъ.

Такую же наивность обнаруживаетъ авторъ, говоря о знаменитомъ аббатѣ Парамелѣ, который послѣ долгихъ трудовъ достигъ такихъ познаній въ геологіи, что съ перваго взгляда открывалъ въ безводной странѣ подземное теченіе и направленіе источника, его глубину и количество воды. Этимъ онъ приносилъ громадную пользу безвод-

нымъ мѣстностямъ Франціи и проводилъ свою жизнь въ путешествіяхъ для открытія источниковъ. Не смотря на такую почтенную и полезную дѣятельность, Парамель хотя и вышелъ изъ духовнаго званія, сохранилъ однако нѣкоторыя замашки католическихъ священниковъ и весьма любилъ поражать зрителей своими чудесами, скромно увѣряя ихъ, что онъ не святой и не чудотворецъ. Росмеслеръ, доказывая, что почтенный эксъ-аббатъ былъ чуждъ этого маленькаго шарлатанства, приводитъ слѣдующія слова самого аббата:

«По желанію только двухъ частныхъ лицъ, въ октябрѣ, я отправился въ Лавалетту, главное мѣсто кантона (Шаранты), въ городъ, гдѣ каждое лѣто жители должны были приносить себѣ воду на разстояніи болѣе километра. При моемъ прибытіи одинъ изъ нихъ отвелъ меня всторону и сказалъ: «Будьте осторожнѣе въ томъ, что вы будете дѣлать; *здѣсь вы въ странѣ философовъ, гдѣ уже по причинѣ вашего званія не довѣряютъ вашему искуству.*»—Будьте покойны, отвѣчалъ я ему:—*ваши философы скоро не будутъ знать, что отвѣчать.*

«При первомъ источникѣ, который я могъ указать въ разстояніи почти 100 метровъ отъ города за мной послѣдовало около 30 гражданъ и многія другія лица. Когда владѣлецъ, которымъ я былъ призванъ, пожелалъ узнать мое мнѣніе, я сказалъ: «источникъ лежитъ на этомъ мѣстѣ, прошу васъ замѣтить это; онъ находится на глубинѣ 16 футовъ и толщиною въ мой большой палецъ.» *Потомъ, нѣсколько приподнявшись, я сказалъ возвышеннымъ голосомъ: «милостивые государи, я вовсе не считаю себя непогрѣшимымъ, но если кто либо желаетъ держать пари въ 300 франковъ о томъ, что если сказанное мною не оправдается, то я закладываю 600 франковъ за вѣрность первыхъ трехъ моихъ показаній. Мы можемъ тотчасъ внести деньги и въ теченіи трехъ дней узнаемъ, кто выигралъ.»* Затѣмъ послѣдовало молчаніе; *почти всѣ лица удлиннились и поблѣднѣли* (философамъ, значитъ, страху задалъ!) По истеченіи четырехъ или пяти минутъ изъ толпы послышался голосъ и сказалъ: «ну, говори же! Теперь время! Говори! Ты вѣдь говорилъ, что пристыдишь его, когда онъ прійдетъ; выиграй 600 франковъ!» Послѣ этихъ словъ снова послѣдовало молчаніе. Я подождалъ нѣсколько минутъ и сказалъ потомъ, смѣясь: «есть люди, которые согласятся какое-либо дѣло подтвердить клятвою, но не захотятъ держать за него пари: *я наоборотъ хотя и знаю, что ненепогрѣшимъ, однакожъ держу закладъ о томъ, что говорю, хотя и не желалъ бы того подтверждать клятвою.*» *) (стр. 454—455).

---

*) Курсивъ очень кстати въ подлинникѣ.

Росмеслера не поражаетъ въ этомъ пассажѣ ни извѣстіе о томъ, что департаментъ Шаранты есть страна философовъ (въ родѣ того, какъ Арзамасъ — гусей), ни то, что эти философы почему-то вознамѣрились устроить эксъ-аббату козню. Онъ не интересуется весьма интереснымъ вопросомъ о томъ, что это за философы такіе и почему они злоумышляли противъ Порамеля. Если это были дѣйствительно философы, а аббатъ дѣйствительно мужъ ученый, то съ какой стати явился между ними антагонизмъ? А то можетъ быть, это были философы, въ родѣ Юркевича или Берви? Росмеслеръ не замѣчаетъ также явныхъ признаковъ шарлатанства, которыми обильно преисполнены, какъ видятъ читатели, собственныя показанія Парамеля.

Выписанное мною мѣсто доказываетъ, кромѣ наивности автора, еще нѣкоторую неловкость переводчиковъ. Слогъ, какъ можетъ судить всякій, не отличается гладкостью и правильностью. Но особенно поразили меня двѣ ошибки: гг. переводчики принимаютъ слово *филистеръ* (стр. 149) за имя собственное и переводятъ какимъ-то *Филистромъ.* Не менѣе изучительно и то, что (стр. 362) они переводятъ слово *натуръ-философія*, означающее извѣстное старое воззрѣніе на природу, словомъ *философія природы*, имѣющимъ совершенно противоположное значеніе.

Довольно странно выбирать для перевода на русскій языкъ такія книги, какъ «Вода» Росмеслера. Въ Германіи, гдѣ столько издается сочиненій по всѣмъ отраслямъ естествознанія, такія произведенія составляютъ позволительную роскошь. Тамъ можно писать объемистыя монографіи по всевозможнымъ предметамъ и нелишнее написать и напечатать въ нѣсколькихъ толстыхъ томахъ монографію утконоса или рѣки Рейна. Но у насъ подобныя монографіи имѣютъ видъ, какъ если бы у человѣка были свѣжія бѣлыя перчатки и дырявые сапоги. Такъ и «Вода» Росмеслера. Я не предполагаю, чтобы она нашла себѣ много «образованныхъ читателей и читательницъ», какъ сказано въ заглавіи, потому что не имѣетъ въ себѣ ничего, что бы интересовало нашу публику. Въ Германіи дѣло другое. Тамъ напр., сочиненіе это можетъ возбудить интересъ хотя бы потому, что авторъ является защитникомъ теоріи нептунизма. Извѣстно, что между защитниками нептунизма и плутонизма шелъ нѣкогда великій споръ, давнымъ давно оконченный. Поэтому человѣкъ, норовящій возобновить его и съ понятнымъ въ ученомъ мужѣ пристрастіемъ приписывающій всѣ важнѣйшія явленія природы исклю-

чительно водѣ, долженъ показаться страннымъ и возбудить нѣкоторое удивленіе. Но для насъ съ этой стороны также нѣтъ ничего удивительнаго, потому что и о спорѣ-то нептунистовъ съ плутонистами мы имѣемъ самое темное понятіе. Образованные читатели и читательницы наши даже найдутъ книгу Росмеслера скучною, потому что большая часть того, что онъ говоритъ, извѣстна имъ изъ курсовъ химіи, физики, физіологіи, физической и политической географіи и проч. За исключеніемъ этихъ общеизвѣстныхъ свѣдѣній, они найдутъ очень мало новаго и интереснаго: книга, не смотря на величину объема, ограничивается большею частью пережевываніемъ давно извѣстныхъ свойствъ воды, между тѣмъ какъ та часть, которая бы могла быть особенно интересна, а именно географическое описаніе водъ, очень неполна. Такъ, въ книгѣ нѣтъ ни слова ни о Байкалѣ, ни о Мертвомъ морѣ, ни объ озерахъ и водопадахъ Финляндіи и Швеціи, нѣтъ никакихъ свѣдѣній о вновь открытыхъ великихъ рѣкахъ Африки и о ея озерахъ. Вмѣсто того мы встрѣчаемъ довольно странныя разсужденія, относящіяся къ области кабалистики и эмблематики. Такъ напр. на стр. 597, авторъ говоритъ:

> «Безъ сомѣнія, одна изъ главныхъ причинъ нашего пристрастія къ птицамъ заключается въ томъ, что онѣ однѣ только, при граціозныхъ движеніяхъ и съ несомнѣнными признаками веселаго довольства, почти съ одинаковымъ успѣхомъ господствуютъ въ трехъ окружающихъ средахъ, въ которыхъ вообще могутъ водиться животныя: въ водѣ, воздухѣ и на землѣ.»

Почему авторъ предполагаетъ въ людяхъ пристрастіе къ птицамъ и почему онъ не сомнѣвается, что это зависитъ отъ ихъ господства въ трехъ окружающихъ средахъ — можно объяснить только нѣкоторой склонностью къ эмблематикѣ и гаданіямъ, а также несовершенной ясностью мыслей въ головѣ.

Еще страннѣе серьезное разсужденіе о томъ, что Рону слѣдуетъ называть *Ронъ*, Эльбу, отъ впаденія въ нея Молдавы, именемъ этой послѣдней, а Шпре — Гавеланъ. Но потомъ авторъ находитъ, что Рону лучше называть не Рономъ, а Соной (переводчики говорятъ *Саона*). Тутъ же авторъ сообщаетъ, что какой-то Эбель сожалѣетъ, что Дунай не называется Инномъ, и говоритъ, что такое сожалѣніе несправедливо. Но это не столько несправедливо, сколько безсмысленно, и самъ авторъ дѣлаетъ тоже, сожалѣя, что Везеръ не на-

зывается Веррой, и считая Жиронду «естественнымъ обманомъ», направленнымъ противъ Гаронны. Все это напечатано на стр. 467 и 468 книги Росмеслера и носитъ на себѣ явныя признаки кабалистики, потому что иначе нельзя объяснить, что человѣкъ серьезно разсуждаетъ о томъ, что столъ слѣдуетъ называть стуломъ.

Впрочемъ не смотря на всѣ эти недостатки видно, что авторъ человѣкъ хорошій и желаетъ идти въ наукѣ по новому пути; нельзя также сказать, чтобы въ его книгѣ не было ничего любопытнаго и замѣчательнаго. Всякая книга по естественнымъ предметамъ, придерживающаяся новыхъ воззрѣній на природу, вещь все-таки болѣе или менѣе полезная, и во всякомъ случаѣ болѣе достойна нашего уваженія и любопытства, чѣмъ любое произведеніе любого беллетриста. Поэтому тѣмъ хуже, если здравыя мысли и любопытные факты, представляемые такой книгой, завалены грудой общеизвѣстныхъ свѣдѣній и кабалистическихъ разсужденій. Книга подвергается опасности быть брошенною. А между тѣмъ, откинувъ ненужный балластъ, она представляла бы полезное и интересное чтеніе. Я познакомлю вкратцѣ читателей съ нѣкоторыми страницами этой книги, которыя могутъ служить доказательствомъ моихъ словъ.

Вотъ напр. какъ разсуждаетъ авторъ объ одномъ изъ необходимѣйшихъ ингредіентовъ нашей пищи — о соли. Онъ справедливо замѣчаетъ, что значеніе соли такъ велико, что оно можетъ быть поставлено на одну степень съ воздухомъ и водой. Дѣйствительно, мы также мало можемъ существовать безъ соли, какъ и безъ воздуха и воды. Ежедневно человѣкъ выдѣляетъ количество соли, равное по вѣсу одной двадцать пятой части всѣхъ выдѣленій. Эту потерю онъ долженъ вознаградить, иначе подвергается разнымъ болѣзнямъ, влекущимъ за собой скорую смерть. Количество соли, принимаемой человѣкомъ въ теченіи года, равно приблизительно 12 фунтамъ, и эти 12 фунтовъ соли составляютъ такимъ образомъ необходимое условіе его существованія. Послѣ всего этого, авторъ весьма удачно дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о значеніи налога на соль. Человѣкъ мало мальски достаточный пользуется солью точно также, какъ воздухомъ; но покупка соли для бѣдняка ощутительна. Здѣсь ярче, можетъ быть, чѣмъ гдѣ либо, выступаетъ безобразіе существующихъ экономическихъ условій: бѣдняку приходится покупать себѣ соль, то есть, покупать право на дальнѣйшее существованіе. Такой налогъ ничѣмъ не отличается отъ того, какъ еслибъ вздумали об-

ложить пошлиной воздухъ. Къ счастью для бѣдняковъ, это невозможно, между тѣмъ какъ съ солью дѣло другое: здѣсь стоитъ только приказать каждому купить въ таможнѣ не менѣе 12 ф. соли, въ годъ, предоставляя тому, у кого особенный аппетитъ къ соли пополнять остальное покупкой контрабандной соли. Прусскіе таможенные чиновники, довѣряясь наукѣ, предполагаютъ, что найдется мало охотниковъ на тринадцатый фунтъ. Люди достаточные вовсе не замѣчаютъ того грошоваго расхода на соль, который для нихъ такъ ничтоженъ; но въ то же время существуетъ несравненно больше людей, которыхъ съ трудомъ добытая копѣйка истрачивается на необходимую поддержку жизни — соль. Свирѣпость таможенныхъ чиновниковъ доходитъ до того, что, въ Пруссіи напримѣръ, приказано примѣшивать къ соли, продаваемой по нисшимъ цѣнамъ для ремесленнаго употребленія, разныя негодныя вещества (см. стр. 337 и слѣд.)

Я бы поговорилъ здѣсь также о томъ мѣстѣ книги Росмеслера, гдѣ онъ доказываетъ необходимость остановиться на гибельной работѣ истребленія лѣсовъ, если бы не говорилъ объ этомъ недавно по поводу прекрасной книги Карла Мюллера «Міръ растеній». Поэтому я замѣчу здѣсь только, что Росмеслеръ еще энергичнѣе, чѣмъ Мюллеръ, заступается за лѣса и сопровождаетъ свое заступничество разсужденіями, съ которыми нельзя не согласиться. Вотъ что онъ говоритъ:

> «Если же мы уже находимся на томъ рубежѣ, гдѣ лѣсъ перестаетъ быть исключительнымъ достояніемъ владѣльца, будетъ ли это частное лицо или одна изъ 36 большихъ и малыхъ спицъ Германіи... Столь часто винятъ «подданныхъ», если они со своимъ «ограниченнымъ сужденіемъ» заботятся о «благѣ отечества». Пусть бы исключили изъ этого запрещенія по крайней мѣрѣ абсолютные жизненные вопросы дабы обсужденіе ихъ могло перейти за домашній порогъ.» (стр. 131—132).

Дѣйствительно, нельзя не сознаться, что когда истребленіе лѣса начинаетъ угрожать благосостоянію цѣлаго народонаселенія и процвѣтанію цѣлой страны, то это именно тотъ рубежъ, гдѣ лѣсъ перестаетъ быть исключительнымъ достояніемъ своего владѣльца, такъ какъ здѣсь затронуты интересы всѣхъ прочихъ обитателей и вся ихъ собственность подвергнута опасности погибнуть. Слѣдовательно, существованіе собственночти многихъ лицъ требуетъ уничтоженія ея въ одномъ случаѣ, и крайняя нужда осуществляетъ экономическія

теоріи, упорно отвергаемыя, пока необходимость не заставитъ принять ихъ. Но правда, мы видимъ цѣлыя страны, гдѣ прихоть и невѣжество частныхъ владѣльцевъ лѣсовъ превратили цвѣтущія поля въ голую степь. Слѣдовательно, было бы безплодно спорить о томъ, имѣютъ или не имѣютъ право частныя лица вмѣшиваться во что бы то ни было. Дѣло все въ томъ, вмѣшиваются ли они фактически, и тогда не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что они право имѣютъ вмѣшиваться. Въ заключеніе скажу, что вполнѣ расхожусь съ авторомъ въ томъ, что онъ говоритъ на стр. 310 по поводу измѣренія глубины морского дна. Онъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы ратовать противъ тѣхъ, которые порицаютъ естествоиспытателей за ихъ одностороннее пристрастіе къ накопленію огромнаго множества фактовъ, рѣдко пытаясь вывести изъ этихъ фактовъ какое-либо заключеніе. Авторъ говоритъ по этому поводу, что тѣ, которые говорятъ о какомъ либо вновь открытомъ фактѣ: «къ чему это служитъ», обнаруживаютъ тѣмъ самымъ неуваженіе къ наукѣ. Онъ говоритъ, что имъ можно отвѣтить словами Франклина: «къ чему служитъ каждое новорожденное дитя?» Разумѣется, оба вопроса нелѣпы. Но дѣло въ томъ, что никто, кромѣ людей совершенно тупыхъ и неразвитыхъ, и не задаетъ ихъ. Рѣчь идетъ только о томъ фактѣ, который проявляется въ разработкѣ естественныхъ наукъ, а именно, что чернорабочихъ слишкомъ много относительно мастеровъ. — Разумѣется, всякій дѣлаетъ то, что можетъ, и нельзя досадовать, что есть болѣе людей годныхъ на черную работу, чѣмъ чтобъ быть мастерами. Но нельзя также радоваться такому ходу дѣла и нельзя не сказать, что чернорабочіе слишкомъ много придаютъ себѣ значенія. Поэтому знаменитый Вирховъ поступаетъ весьма хорошо, стараясь направить дѣятельность молодыхъ ученыхъ отъ сухихъ фактовъ къ полнымъ жизни идеямъ и избавить ихъ отъ крайности, противоположной той, по которой, люди прежде думали, можно до всего своимъ умомъ дойти.

А вотъ и отечественное произведеніе, составленное г. Марковъ-Виноградскимъ. Посмотримъ каково оно.

Прежде всего мы узнаемъ, что Грецiя омывается Средиземнымъ моремъ и «составляетъ страну», преисполненную самаго поразительнаго разнообразiя и прелести». Въ ней жили прежде Пелаеги, отличительная черта которыхъ состоитъ въ томъ, что они спокойно покорялись жрецамъ, а потомъ Эллины, замѣчательные богатствомъ. Потомъ мы узнаемъ, что нѣкоторые историки, вѣроятно давно уже умершiе въ сумасшедшихъ домахъ, полагаютъ будто

«Эллины образовались изъ воинственной части самихъ Пеласговъ и, низвергнувши жрецовластiе, тяготѣвшее надъ страной, овладѣли его силою.»

Природа Грецiи описана весьма краснорѣчиво; такъ, въ началѣ стр. 6, она названа «улыбающейся и, по преимуществу, мягкой», а въ концѣ той же страницы уже сказано объ ней, «что она была «богата» и обладала «чудными красотами». Она имѣла кромѣ того то свойство, что «наводила на идею о красотѣ вообще». Послѣдствiя этой идеи оказались слѣдующими:

«Подъ влiянiемъ этой идеи Греки прежде всего обратили вниманiе на свою наружность и стали хлопотать о приданiи своему тѣлу наибольшей грацiи и красоты. Старанiя ихъ, при помощи природы, увѣнчались успѣхомъ. Они гимнастикою выработали себѣ красивыя формы и, любуясь ими и изяществомъ окружавшей ихъ природы, усвоили себѣ идею пластической красоты, составляющую одну изъ характеристическихъ чертъ эллинскаго образованiя» (стр. 7).

Въ другомъ мѣстѣ г. Марковъ-Виноградскiй говоритъ о томъ же въ такомъ родѣ:

«Скоро отрѣшился онъ (Грекъ) отъ безобразныхъ представленiй восточной религiи и, подъ упоительнымъ влiянiемъ прелестей окружающаго, восхищался изящными формами своего собственнаго тѣла, грацiозно развивавшагося отъ ласковой заботливости природы и на половину, по климатическимъ условiямъ, обнаженнаго и т. д.» (стр. 58).

Разумѣется, если Греки только и дѣлали, что разсматривали свои формы, что въ голову имъ лѣзло всякое неподобiе, и литература ихъ была болѣе всего косметическою. Такъ оно и выходитъ въ книгѣ

г. Марковъ-Виноградскаго. Примѣромъ можетъ служить поэтъ Ѳеокритъ, о которомъ авторъ говоритъ:

«Любимецъ Птоломея Филадельфа (Ѳеокритъ) воспѣлъ его жену Веронику, славившуюся красотой своихъ волосъ, изобрѣтеніемъ особыхъ для нихъ мазей и роскошью какъ въ жизни вообще, такъ въ нарядахъ въ особенности.“ (стр. 148).

Другіе, хотя и отклонялись отъ предметовъ косметическихъ, но за то городили такую чушь, что волосы дыбомъ становятся.

Такъ напр., по увѣренію г. Марковъ-Виноградскаго, Орфей предполагалъ, что

«Пучина матеріи была сначала какъ нѣкій духъ и носилась безразлично; потомъ довелось ей принять нѣкоторое опредѣленное теченіе, въ которомъ смѣшивались различныя сущности... Каждая изъ нихъ стремилась къ центру подъ вліяніемъ облекающаго духа...»

Чтожъ бы вы думали произошло наконецъ изъ пучины матеріи, облежащаго духа и различныхъ сущностей? Произошелъ пузырь, то есть, не то чтобы пузырь, а *нѣчто какъ бы пузырь*, *нѣчто подобное яйцу*, слѣдовательно среднее между пузыремъ и яйцомъ. Этотъ пузырь лопнулъ. Все это я не выдумалъ, а прочиталъ на стр. 19 «Очерка греческой литературы». Но это еще цвѣточки: чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. На стр. 100, г. Марковъ-Виноградскій увѣряетъ, что будто Эмпедоклъ выдумалъ какой-то «споръ, который возникаетъ изъ плѣна»; Анаксименъ же изобрѣлъ какой-то хитонъ, въ который, на стр. 76, облекались эсмоническія существа, а на стр. 80, самъ Анаксименъ цѣломудренно надѣваетъ этотъ хитонъ на силы небесныя. Но всѣхъ лучше, по книжкѣ нашего автора, оказывается Гераклитъ, который «искалъ мышленія въ мышленіи: ему дорогъ былъ процессъ мышленія» (стр. 84), какъ Петрушкѣ былъ дорогъ процессъ чтенія. Узнавъ, что древній мудрецъ ничѣмъ существеннымъ не отличался отъ чичиковскаго камердинера, мы уже не удивилися, слыша, что онъ стремился за какую-то периферію и думалъ, что какой-то міръ *склоняется* по направленію къ этой периферіи. Все это не удивительно, принявъ въ соображеніе, что вѣдь это все говорилось потому, что

дорогъ былъ процессъ мышленія. Но надо сознаться, что въ этомъ случаѣ Гераклитъ имѣетъ поразительное сходство, кромѣ Петрушки, еще съ самимъ г. Марковъ-Виноградскимъ. Всѣ фразы его, приведенныя мною, доказываютъ, что въ сочинительствѣ ему дорогъ самый процессъ писанія. Напишетъ напр. такую фразу: «эпопея уступила мѣсто лирикѣ, живо воспроизводившей въ пѣсняхъ своихъ общественныя и *личныя* движенія эллинскаго *духа»* (стр. 50)—напишетъ и радъ: вотъ, дескать, написалъ штуку! Если бы приэтомъ ему не былъ дорогъ процессъ писанія, онъ, быть можетъ, могъ бы сообразить, что какія же могутъ быть *личныя* движенія у *духа*? Но передъ такимъ вздоромъ нечего останавливаться, когда дѣло идетъ о процессѣ писанія. Или, описываетъ напр. пропилеи (стр. 60) такими словами:

> «Пропилеи представляли великолѣпное мраморное зданіе, въ срединѣ котораго красовалась высокая колонада воротъ съ пятью проходами; пропилеи подымались къ ней уступами и были украшены, кромѣ барельефовъ, картинами живописца Полигнота».

Такимъ образомъ по срединѣ пропилей была колонада воротъ съ воротами, къ которой поднимались опять-таки пропилеи. Другими словами: ворота на воротахъ сидятъ, воротами погоняютъ. Не ясно ли, что все это написано ради процесса писанія?

А вотъ опредѣленіе поэта: «Поэтъ есть существо легкое, крылатое, святое» (стр. 133). Не правда ли какъ хорошо?

Такимъ-то образомъ предается г. Марковъ-Виноградскій сочинительству ради процесса писанія, изобрѣтая разные пузыри, споры, хитоны и т. п. и приписывая ихъ греческимъ мудрецамъ. Любопытнѣе всего тутъ знать, откуда это Господь насылаетъ такихъ сочинителей? Жалуются на бѣдность русской литературы, на недостатокъ отечественныхъ произведеній. Это дѣйствительно правда, потому что мѣсяца въ два появится развѣ какая нибудь тощая книжонка. Но подумайте, что бы было, еслибъ гг. Марковъ-Виноградскихъ было много и они неутомимо бы строчили? Просто хоть со свѣту бѣги.

Говоря объ истинно-народныхъ сказкахъ, какъ тѣ, которыя собраны въ Гермаіи братьями Гриммами, и въ Россіи сельскими учителями тульской губерніи, нельзя заниматься вопросомъ, дурны онѣ или хороши. Сказки эти суть произведенія народной жизни; онѣ обусловливаются всѣми элементами ея; онѣ таковы, каковъ самъ народъ. Разсуждать же о томъ, зачѣмъ народъ таковъ, каковъ онъ есть, а не другой—значитъ предаваться пустословію, достойному только нашихъ эстетическихъ критиковъ. Сказки, какъ всякое другое произведеніе народа, также не подлежатъ критической оцѣнкѣ. Нельзя досадовать на нихъ за одно и похваливать за другое, какъ мы дѣлаемъ, разбирая какое нибудь произведеніе ума частнаго лица. Частное лицо можетъ въ своихъ произведеніяхъ высказывать правду, обращать наше вниманіе на предметы, которыхъ мы прежде не замѣчали, защищать полезное, возставать противъ вреднаго, и за все это мы можемъ хвалить его. Въ другомъ случаѣ оно можетъ лицемѣрить, лгать, искажать факты, защищать вредное и возставать противъ полезнаго, и тогда мы будемъ бранить его. Ничего этого не въ состояніи дѣлать цѣлый народъ, и критическій взглядъ на его произведенія былъ бы величайшей нелѣпостью. Дѣло въ томъ, что разсматривая сказки, мифы, легенды и даже вѣрованія народа, мы должны видѣть въ нихъ не литературныя произведенія, подлежащія нашей критикѣ, а выраженія самого народа, его жизни, его развитія: онѣ лучшіе источники для изученія той или другой народности. Съ этой точки зрѣнія сказки нѣмецкаго народа, въ которыхъ видна жизнь уже на значительной степени развитія, и пѣсни эскимосовъ, состоящія въ томъ, что я, дескать, поѣхалъ за тюленемъ, убилъ его, привезъ, накормилъ собакъ, напился рыбьяго жиру и легъ спать, — съ этой точки зрѣнія и то и другое равно хорошо для насъ, потому что даетъ намъ одинаковыя средства для распознанія степени развитія народа.

Въ пѣснѣ эскимоса мы сейчасъ же видимъ, что у этого норода нѣтъ никакихъ другихъ потребностей, кромѣ удовлетворенія своему голоду и желанія выспаться, напившись жиру. Было бы странно, критически взирая на это произведеніе, упрекать его за недостатокъ мысли и за грубость содержанія. Намъ достаточно того, что изъ нея мы можемъ понять, что природа, окружающая эскимосовъ неспособна сильно возбуждать ихъ воображеніе и отвлекать ихъ мысли отъ желудка и занятій, необходимыхъ чтобы не умереть съ голода. Мы видимъ также, что среди этой природы, жизнь не выработалась

настолько, чтобы явились другія потребности, кромѣ матеріальныхъ, въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова. Напротивъ того, въ сказкахъ нѣмецкаго народа мы видимъ обширный міръ легендъ и мифовъ, выработанный подъ вліяніемъ природы воображеніемъ невѣжественнаго, но находящагося въ благопріятныхъ условіяхъ для развитія народа. Матеріальныя потребности народа, какъ мы видимъ въ этихъ сказкахъ, несравненно обширнѣе и не могутъ ограничиваться тѣмъ, чтобы набить чѣмъ ни попало свой желудокъ и потомъ тутъ же повалиться спать; мы видимъ, что этотъ народъ знакомъ уже съ нѣкоторыми удобствами жизни и считаетъ человѣка, лишеннаго ихъ, несчастнымъ бѣднякомъ. Наконецъ, мало этого: мы видимъ уже въ нихъ высшее развитіе, мы видимъ присутствіе мысли если въ большей части случаевъ и остающейся на степени воображенія, то въ другихъ—достигающей до степени идеи и смысла. Это дѣлаетъ невозможнымъ даже сравненіе жизни эскимосовъ съ жизнью германскаго народа, потому что пропасть, раздѣляющая ихъ, слишкомъ велика и глубока. Для сравненія мы должны взять сказки народа, котораго жизнь также перестала сосредоточиваться исключительно около ощущеній голода и сна. Сказки, собранныя гг. сельскими учителями могутъ дать намъ понятіе о положеніи какъ матеріальномъ, такъ и умственномъ русскаго народа. Приэтомъ можно бы было возразить, что сказка можетъ свидѣтельствовать только о той степени народнаго развитія, на которой онъ находился въ ту минуту, когда создалъ эту сказку. Но такое возраженіе было бы несправедливо. Передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, сказка слѣдуетъ всѣмъ измѣненіямъ въ развитіи народа; чѣмъ болѣе потребности народа перестаютъ сосредоточиваться около потребностей желудка, тѣмъ болѣе отвращается отъ нихъ и сказка. Новыя матеріальныя петребности, внесенныя въ жизнь, непремѣнно переходятъ и въ сказку; наконецъ чѣмъ болѣе мысль народа развивается и переходитъ съ степени воображенія на степень идеи, настолько осмысливается и сказка. Такимъ образомъ одна и та же сказка, сохраняя свой гланый сюжетъ, все болѣе и болѣе отдаляется отъ пѣсни эскимоса и приближается къ осмысленному разсказу. Поэтому мы часто встрѣчаемъ въ старинныхъ сказкахъ слова и понятія, очевидно попавшія въ нее въ новѣйшее время. Чѣмъ богаче сказка такими понятіями, чѣмъ осмысленнѣе и разнообрѣзнѣе ея содержаніе, чѣмъ богаче матеріальная сторона народнаго быта, обнаруживающаяся въ

ней, тѣмъ выше развитіе народа, тѣмъ разнообразнѣе его потребности, однимъ словомъ, тѣмъ онъ цивилизованнѣе. Наконецъ высшаго своего развитія сказка достигаетъ въ романахъ и повѣстяхъ, въ которыхъ уже непремѣнно преобладаетъ мысль; и чѣмъ глубже и обширнѣе эта мысль, тѣмъ выше романъ.

Если мы теперь сравнимъ сказки нѣмецкаго народа съ сказками русскаго, то сейчасъ же увидимъ, что все сказанное мною справедливо. Возьмемъ какую нибудь сказку изъ числа, собранныхъ Гриммами на берегахъ Рейна. Вотъ напр. «*Три пряхи*».

„У одной бѣдной матери была дочь, да такая лѣнивая, что никогда не хотѣла даже прясть. Мать, бывало, и бранитъ и уговариваетъ—ничто не помогаетъ: не хочетъ дѣвушка садиться за работу, да и только. Дошло до того, что мать потеряла терпѣніе и, осерчавъ, побила свою лѣнивую дочку, а та давай, что силы есть, ревѣть во все горло.

На ту пору ѣдетъ королева и, услыхавъ такой громкій плачь, приказала кучеру остановиться, а сама вошла въ бѣдную избушку да и спрашиваетъ мать, за что она побила свою дочку? Стыдно стало матери обличать передъ королевой свою дочку въ лѣности, и стыдно и жалко, вотъ она и рѣшилась лучше солгать:

— Да вотъ, говоритъ она: — никакъ не могу дочку оторвать отъ самопрялки, ей все хочется прясть, не складывая рукъ; ну, а я бѣдна и не въ состояніи безпрестанно покупать для нея льну.

А королева на то въ отвѣтъ:

— А меня такъ ничто такъ не веселитъ, какъ шумъ, который дѣлаютъ пряхи, когда прядутъ; мнѣ пріятно и весело, когда самопрялки постукиваютъ. Отдай-ка мнѣ, старушка, свою трудолюбивую дочку; въ моемъ дворцѣ не бываетъ недостатка въ льнѣ и дочка твоя можетъ вдоволь прясть, сколько душѣ угодно.

Очень обрадовалась мать такому предложенію, и королева увезла съ собой красную дѣвушку.

Вотъ пріѣхали онѣ во дворецъ, и королева, не теряя времени, отвела гостью въ отдѣльныя три комнаты, гдѣ ничего не было кромѣ льна, самого лучшаго льна, отъ полу до самого потолка.

— Вотъ, говоритъ королева:—садись за работу, и когда ты кончишь прясть весь этотъ ленъ, то я отдамъ тебя замужъ за моего старшаго сына. Что мнѣ за дѣло, что ты бѣдна? Неутомимое трудолюбіе—самое лучшее приданое за дѣвушкой.

Ужъ какъ же и перепугалась красная дѣвушка: вѣдь она и прясть-то не умѣла и знала только то, что хоть цѣлый вѣкъ просидитъ надъ этой кучей льна, а не выпрясть ей ни одного мотка нитокъ. Вотъ си-

дитъ она цѣлые три дня и горько плачетъ, а сама и рукой не пошевелитъ. На третій день къ вечеру приходитъ королева и видитъ, что ленъ такъ непочатой и стоитъ. Удивилась такому диву королева, а бѣдная пряха стала извиняться, говоря, что руки не поднимаются на работу отъ великаго горя—отъ разлуки съ матушкой родимой. Королева милостиво выслушала эту причину и, уходя, говоритъ:

— Ну, такъ и быть; но съ завтрашняго дня принимайся ужъ за работу.

Опять осталась красавица одна надъ кучами льну и, не зная, чѣмъ пособить себѣ, подошла къ окну. Печально смотритъ она въ окно и видитъ, идутъ три женщины: у одной преширокая, плоская нога, у другой отвисла безъ конца-длинная нижняя губа, а у третьей большой палецъ на рукѣ непомѣрно широкъ, такъ широкъ, что и сказать нельзя.

Три женщины подошли къ окну и, остановясь прямо передъ красавицей, говорятъ ей:

— Что у тебя за кручинушка, красная дѣвица?

Она разсказала имъ все, какъ было съ нею. Тогда всѣ три женщины вызвались помочь ея горю.

— Только обѣщаешься ли ты позвать насъ на свадьбу и, не стыдясь, назвать насъ своими двоюродными сестрицами и посадить насъ за свадебный пиръ? Если обѣщаешься, то мы поможемъ твоему горю и мигомъ выпрядемъ весь ленъ.

— Съ великою радостью обѣщаюся, только не откажитесь помочь моей кручинѣ и поторопитесь приниматься скорѣе за работу.

Странныя пряхи тотчасъ вошли; красная дѣвица поумяла ленъ такъ, что сдѣлалось свободное мѣстечко; пряхи сѣли и тотчасъ принялись за работу.

Первая пряха пропустила шнурокъ вокругъ колеса и, положивъ ногу на подножку, застучала ею, и колесо завертѣлось; вторая пряха смачивала нитку нижнею губой, а третья держала пальцами нитку и при каждомъ движеніи ея широкаго, большого пальца, спускалась на полъ самая ровная и тонкая нитка.

Зайдетъ королева посмотрѣть на работу, красная дѣвица тотчасъ запрячетъ пряхъ, а сама показываетъ ихъ работу за свою, а королева не нарадуется, не нахвалится ею.

Опустѣла первая комната; пряхи перешли во вторую, потомъ въ третью, да и въ третьей скорехонько льну не стало.

Кончивъ работу, пряхи простились съ красной дѣвицей, да и напомнили ей:

— Смотри же, не забудь обѣщанія: твое счастье зависитъ отъ того.

Когда красавица показала королевѣ опустѣвшія комнаты и огромную кучу прекрасныхъ нитокъ, королева не медля положила срокъ свадьбѣ, и принцъ не нарадовался, что невѣста у него такая искусница, да трудолюбивая, и всѣмъ хвалился ею.

— У меня есть три двоюродныя сестрицы, говоритъ будущая принцесса:—онѣ дѣлали мнѣ много добра, когда я была бѣдна, и мнѣ было бы очень прискорбно, когда бы я забыла ихъ въ счастіи. Позволите ли вы мнѣ пригласить ихъ на свадьбу и посадить вмѣстѣ съ вами за столъ?

Съ радостью согласились на то королева и ея сынъ.

Начался свадебный пиръ; вошли три пряхи въ странной одеждѣ, а невѣста, не стыдясь, говоритъ имъ:

— Милости просимъ, дорогія сестрицы.

— Эге! говоритъ женихъ:—отчего это у тебя сестрицы такія уроды?

И съ этими словами принцъ подходитъ къ первой пряхѣ съ широкою ногою и обращается къ ней съ вопросомъ:

— Отчего у тебя такая широкая нога?

— Колесо верчу, батюшка—принцъ, колесо верчу, отвѣчала пряха.

Женихъ обращается къ другой съ вопросомъ:

— Отчего у тебя такая безконечная губа!

— Нитку смачиваю, батюшка—принцъ, нитку смачиваю.

Женихъ къ третьей:

— Отчего же у тебя такой непомѣрно широкій палецъ?

— Нитку сучу, батюшка—принцъ, нитку сучу.

Ужасно перепугался царственный женихъ.

— Отнынѣ навсегда повелѣваю, чтобы королевскія невѣсты никогда не притрогивались къ самопрялкѣ! закричалъ онъ съ испугу.

Оттого-то съ тѣхъ поръ невѣсты во дворцахъ никогда не прядутъ.

Я бы весьма пожалѣлъ о человѣкѣ, пониманію котораго оказались бы недоступными умъ, остроуміе, живость и изящество этой сказки. Переройте всего Андерсона, котораго сказки славятся, какъ политическія сатиры, вы въ нихъ не найдете такого богатаго юмора и такой мѣткой колкости, какъ въ этомъ произведеніи. Могли ли бѣдность и трудъ болѣе язвительно, хотя и добродушно, подсмѣяться надъ праздностью и богатствомъ? И замѣтьте: ни слова лишняго, ни одной лишней черты; и не смотря на безъискуственность и незлобивость сатиры, она колетъ не хуже ѣдкихъ и желчныхъ стихотвореній Гейне. Нѣтъ, народъ, понявшій такимъ образомъ отношеніе богатства къ труду, народъ, осмѣявшій такъ аристократическое тунеядство и богатство, — этотъ народъ не можетъ долго оставаться въ рабствѣ. А сколько деликатности, сколько мягкости въ его насмѣшкѣ! Смѣхъ его даже слишкомъ добродушенъ; онъ не ненавидитъ своихъ угнѣтателей; чувство, которое онъ къ нимъ питаетъ, наполовину — жалость, наполовину — презрѣніе.

Теперь возьмемъ одно изъ произведеній нашего народа.

КОЗЕЛЪ ИДЕТЪ ЗА ЛЫКАМИ.

Пошелъ козелъ за лыками, пошла коза за орѣхами. Пришелъ козелъ съ лыками, козы дома нѣтъ. Погоди же ты, коза, напущу на тебя волка. Волкъ не идетъ козу рѣзать, коза не идетъ домой. Погоди ты, волкъ, напущу на тебя людей. Люди не идутъ волка бить, волкъ не идетъ козу рѣзать, коза не идетъ домой. Погодите вы, люди, напущу на васъ медвѣдя. Медвѣдь не идетъ людей ѣсть, люди не идутъ волка бить и т. д. Погоди, медвѣдь, напущу на тебя дубье. Дубье не идетъ медвѣдя бить, медвѣдь не идетъ людей ѣсть и т. д. Погоди, дубье, напущу на тебя топоръ. Топоръ не идетъ дубье сѣчь, дубье не идетъ медвѣдя бить и т. д. Погоди ты, топоръ, напущу на тебя огонь. Огонь не идетъ топоръ жечь, топоръ не идетъ дубье сѣчь и т. д. Погоди, огонь, напущу на тебя воду. Вода не идетъ огонь лить, огонь не идетъ топоръ жечь и. т. д. Погоди ты, вода, напущу на тебя быковъ. Быки не идутъ воду пить, вода не идетъ огонь лить и т. д. Погодите, быки, напущу на васъ балду. Балда не идетъ быковъ бить, быки не идутъ воду пить и т. д. Погоди ты, балда, напущу на тебя червей. Черви не идутъ балду точить, балда не идетъ быковъ бить и т. д. Погодите вы, черви, напущу на васъ гусей. Гуси не идутъ червей клевать, черви не идутъ балду точить и т. д. Погодите вы, гуси, напущу на васъ орла. Орелъ идетъ гусей драть, гуси идутъ червей клевать, черви идутъ балду точить, балда идетъ быковъ бить, быки идутъ воду пить, вода идетъ огонь лить, огонь идетъ топоръ жечь, топоръ идетъ медвѣдя бить, медвѣдь идетъ людей ѣсть, люди идутъ волка бить, волкъ идетъ козу рѣзать, коза идетъ домой.

По нѣкоторому однообразію своего содержанія и по недостатку мысли, сказка эта имѣетъ гораздо менѣе общаго съ приведенной германской сказкой, сколько съ произведеніемъ народной поэзіи эскимосовъ. Но при внимательномъ разсмотрѣніи можно открыть нѣкоторую разницу между послѣднимъ и выписанной мною сказкой съ береговъ Красивой Мечи. Именно: въ первой мы видимъ не болѣе какъ простой разсказъ объ удовлетвореніи своихъ животныхъ потребностей; напротивъ того, вторая представляетъ намъ нѣкоторые признаки болѣе развитой интеллигенціи. Начать съ того, что здѣсь замѣтенъ нѣкоторый мифическій элементъ, ибо звѣрямъ приписываются человѣческіе помыслы и дѣйствія; во-вторыхъ, мы видимъ даже, что черезъ повѣствованіе, хотя и представляющее собой безсмысленный

лепетъ ребенка, проходитъ мысль о томъ, что поощреніе необходимо для каждаго. Приэтомъ поощреніе принимается не иначе, какъ въ видѣ битья, сѣченья, колоченья, дранья и т. п.,—но тѣмъ не менѣе мысль, какова бы она ни была, а есть. Все это указываетъ намъ на то, что народъ, среди котораго создались и живутъ такія сказки, хотя и не такъ ограниченъ природой, какъ эскимосы, потому что его окружаютъ несравненно большее число предметовъ, но стоитъ еще на самомъ низкомъ уровнѣ развитія. У него мысль едва еще только оторвалась отъ созерцанія побужденій своего организма и только-что обратилась къ окружающимъ предметамъ. Воображеніе его развито настолько, чтобы придавать животнымъ человѣческія свойства, но еще не способно связать стройный разсказъ. Оно поражено первымъ зрѣлищемъ, представившемся ему въ окружающемъ, зрилищемъ насилія, и далѣе этого оно не пошло, не могло осмыслить того, что видѣло, а приняло видѣнное, какъ оно есть, и передало даже не въ формѣ разсказа, а въ самомъ грубомъ и безыскуственномъ видѣ. Очень можетъ быть, что и германскій народъ находился нѣкогда на томъ же уровнѣ развитія. Но онъ такъ давно возвысился съ тѣхъ поръ надъ нимъ, что подобный дѣтскій лепетъ, удовлетворявшій прежде его умственному развитію, сдѣлался потомъ совершенно неудовлетворителенъ и давно забытъ. Покуда же такія сказки живутъ среди народа и забавляютъ его, существованіе ихъ доказываетъ, что онъ далеко не достигъ не только господства мысли въ своей жизни и ея продуктахъ, но даже не достигъ той эпохи, когда преобладаютъ первыя зачатки мысли — воображеніе. Сказанному совершенно не противорѣчитъ то обстоятельство, что въ другихъ сказкахъ видно нѣчто подобное разсказу. Строго говоря, и въ этой сказкѣ есть разсказъ, и вотъ даже его содержаніе: коза не шла домой, козелъ прибѣгнулъ къ принудительнымъ мѣрамъ, которыя въ свою очередь потребовали принудительныхъ мѣръ, и только когда послѣдняя изъ принудительныхъ мѣръ оказалась достаточно сильной относительно предпослѣдней, тогда всѣ исполнили свой долгъ, и коза была загнана. Вотъ вамъ и разсказъ. Вся разница между нимъ и другими состоитъ въ томъ, что онъ слишкомъ однообразенъ. Но за то этотъ недостатокъ его, сравнительно съ другими, съ лихвой вознаграждается тѣмъ, что онъ выигрываетъ передъ прочими въ стройности и послѣдовательности. Разсказъ этотъ занимаетъ, если даже его выписать вполнѣ,

безъ тѣхъ сокращенiй, которыя я святотатственно позволилъ себѣ сдѣлать, сокративъ на полторы странички. Есть разсказы, занимающiе десять, двадцать и тридцать страницъ. Но въ сущности они не богаче содержанiемъ и не разнообразнѣе приведеннаго. Дѣло въ томъ, что такiе разсказы составлены изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ разсказовъ, ничего общаго между собой неимѣющихъ. Возьмемъ напр. содержанiе сказки: «*Иванъ купеческiй сынъ*». Сказка эта собственно состоитъ изъ трехъ совершенно особыхъ разсказовъ, ничѣмъ между собой несвязанныхъ. Сперва разсказывается, какъ «мышица» подралась съ «воробьищемъ». Приэтомъ орелъ взялъ сторону «воробьища», а левъ — «мышици» и подрались между собой; левъ былъ убитъ, а орелъ лишился крыла.

Отсюда начинается второй разсказъ: больного орла, который не могъ лѣтать, хотя и имѣлъ коверъ самолетъ,—что нѣсколько несообразно,—взялъ купецъ и прокормилъ на него три лавки. Потомъ купецъ съ орломъ поѣхали къ тремъ сестрамъ орла, которыя дали имъ: одна—сундучекъ, другая—крыночку, третья—табатерочку. Они полетѣли домой, причемъ купецъ уронилъ дорогой табатерочку въ рѣку. Ею завладѣлъ «идолъ». «Орелъ и говоритъ (идолу):

„Отдай мою табатерочку. Идолъ и говоритъ купцу: отдай, что дома не знаешь. Купецъ подумалъ, подумалъ и говоритъ; я все дома знаю,—чтожъ, возьми. Идолъ отдалъ ему эту табатерочку.—Купецъ вернулся домой и построилъ новыя лавки.

Только теперь наконецъ начинается третья сказка, а именно про купцова сына. Единственная связь ея съ прежней та, что герой ея— сынъ героя предъидущаго разсказа. Содержанiе ея также безсвязно, какъ и содержанiе исторiи съ купцомъ, и передавать его не стоитъ. Я привелъ этотъ разсказъ только съ цѣлью показать, что и другiя сказки не отличаются большимъ развитiемъ мысли, чѣмъ «*пошелъ козелъ за лыками*». Было бы скучно передавать здѣсь содержанiе другихъ сказокъ. Желающаго убѣдиться окончательно я попрошу прочесть сказки: Ванюша новорожденный, Объ ужакѣ, Падчерица и родная дочь, Птичка—золотой лобъ и др., всѣ одинаково скудоумныя и по изложенiю крайне неуклюжiя.

Сюжетъ этихъ сказокъ, при всемъ разнообразiи ихъ внѣшнихъ оттѣнковъ, вставокъ и прибавокъ сообразно мѣстнымъ впечатлѣнiямъ

и понятіямъ, отличается одинаковымъ міросозерцаніемъ. Для характеровъ существуетъ опредѣленное число формъ, въ которыя они всѣ и отливаются, причемъ не допускается никакого измѣненія. Такъ, попъ всегда жаденъ, купецъ и солдатъ хитры, послѣдній даже съ наклонностію къ воровству, богатырь — храбръ, хотя успѣхамъ своимъ обязанъ не себѣ, а разнымъ посторонним помощамъ. Изъ трехъ братьевъ два старшіе обыкновенно неглупы, а третій глупъ, и этотъ-то знаменитый Иванушка-дурачекъ и есть любимый герой народныхъ сказокъ. Такимъ образомъ въ нихъ отражается симпатія народа къ глупости, и твердая вѣра въ то, что дураку на свѣтѣ жить лучше, чѣмъ умному. Разумѣется, народъ не выдумалъ этого афоризма, а подмѣтилъ его въ самой жизни. Итакъ сказочный Иванушка-дурачекъ, какъ народъ, удостовѣряетъ насъ, что на счастливыхъ берегахъ могучихъ или игрывыхъ русскихъ рѣкъ умному жить плохо, а дураку везетъ. Мы вспоминаемъ судьбу тѣхъ, кто пытался мыслью освѣтить *темное царство*, и — преклоняемся передъ народной мудростью, выражающейся въ безчисленныхъ сказкахъ объ Иванушкѣ-дурачкѣ.

Теперь обратимся къ другому вопросу, къ которому приводятъ насъ произведенія, о которыхъ я говорю, а именно о томъ, какое значеніе имѣютъ сказки для дѣтей.

Очень давно, кто-то замѣтилъ, что жизнь народовъ, подобно жизни людей, можно раздѣлить на три возраста: юность, зрѣлый возрастъ и старость. Такъ напримѣръ, говорилъ этотъ остроумецъ, до Пуническихъ войнъ Римъ находился въ первомъ возрастѣ, до начала междоусобій, ну и такъ далѣе. Много примѣровъ даже по этому случаю приводили. Все это впрочемъ ничего бы,—мели себѣ, что хочешь,—а дѣло въ томъ, что при воспитаніи дѣтей руководствуются изрѣченіемъ этого остроумца. Народъ начинаетъ со сказокъ—давай и дѣтямъ сказки. И сколько гадкой и отвратительной ерунды намалевываютъ разные писаки ежегодно къ Рождеству, Пасхѣ и другимъ торжественнымъ праздникамъ. Такъ вѣдь ихъ передъ праздникомъ и прорветъ, всѣ книжные магазины запружены этими издѣліями. И чего только не пишутъ, страхъ беретъ при одной мысли. И вся эта ерунда укладывается нѣжными родителями въ головы своихъ дѣтей. Считается необходимымъ набивать дѣтскія головы непремѣнно вздоромъ: ужъ какъ будто это такая напасть, свойственная дѣтскому возрасту, какъ крупъ или корь. Большинство дѣлаетъ это потому, и

покупаетъ дорогія, но глупыя книжки для дѣтей къ празднику потому, что всѣ такъ дѣлаютъ. Ну, а люди цивилизованные готовы сейчасъ же привести вышеприведенное сравненіе и сказать, что сказки свойственны дѣтскому возрасту, какъ цѣлаго народа вообще, такъ и каждаго человѣка въ частности. Они не способны сообразить такой простой вещи, что народъ довольствуется сказками оттого, что ничего другого не можетъ выдумать, а взять со стороны негдѣ; а вѣдь у дѣтей есть взрослые, которые объ нихъ пекутся. И вѣдь не сами же дѣти пишутъ себѣ сказки; опять-таки это дѣлаютъ взрослые, которые нарочно, чтобъ писать дѣтямъ сказки, предварительно сдѣлаютъ себя чрезвычайно глупыми, воображая, что этимъ они примѣняются къ дѣтскимъ понятіямъ; они начинаютъ говорить какимъ-то приторнымъ, противнымъ, нечеловѣческимъ, а куринымъ языкомъ, опять-таки съ цѣлью примѣниться къ дѣтямъ. Отчего же они не хотятъ вмѣсто того писать для дѣтей не глупости, а дѣло, и притомъ, не стараясь написать какъ можно глупѣе и противнѣе? Вѣдь и народу бы было лучше, еслибъ ему прямо, помимо жаръ-птицы, стали разсказывать дѣло; но народу дѣло разсказывать некому (въ эпоху такъ называемаго юношескаго возраста его). Почему же намъ, имѣя возможность теперь говорить нашимъ дѣтямъ дѣло, начинать съ жаръ-птицы? Дѣло ясное, что сочинители дѣтскихъ сказокъ гораздо глупѣе тѣхъ дѣтей, для которыхъ они пишутъ.

Поэтому какъ ни хороши сказки, собранныя братьями Гриммами, но значеніе ихъ велико не для педагога, а для историка. Конечно при теперешнемъ положеніи нашей дѣтской литературы, и педагогъ можетъ радоваться появленію ихъ. Но онѣ же даютъ мнѣ возможность доказать, что можно доставлять дѣтямъ чтеніе, несравненно болѣе полезное, чѣмъ сказки, какъ бы онѣ хороши ни были. Доказательство это я нахожу въ предисловіи, помѣщенномъ въ первой книжкѣ этихъ сказокъ. Въ этомъ предисловіи заключается краткая біографія Гриммовъ и разсказывается, какимъ образомъ они собирали свои сказки. Я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь начало этого предисловія, которое, если смотрѣть съ педагогической точки зрѣнія, стоитъ всѣхъ сказокъ въ мірѣ. Вотъ это начало.

«Исторія этихъ сказокъ была бы сама по себѣ уже лестною сказкою, не будь она истинною съ начала до конца.

«Жили два брата очень ученые—что въ Германіи не диво — и очень дружные, что большая рѣдкость на этомъ свѣтѣ. Оба брата носили имя славное впродолженіе болѣе чѣмъ столѣтія. Это имя — Гриммъ.

«Вмѣстѣ они учились въ геттингенскомъ университетѣ, оба были любимы профессорами и товарищами; старшій помогалъ въ работахъ младшему, младшій забавлялъ старшаго въ играхъ. Въ концѣ года имъ всегда доставались первыя награды; но это торжество ни въ комъ не возбуждало зависти, потому что ихъ скромность равнялась ихъ достоинству; да и быть первымъ послѣ Гриммовъ считалось ужъ великою честью. Когда изъ нашихъ мальчиковъ вышли люди, а изъ студентовъ доктора правъ, тогда они сказали другъ другу: — „Ну что же мы теперь станемъ дѣлать? Торговля душитъ умъ, чиновничество сушитъ сердце; медицина — лотерея, дипломація — школа лжи, война — рѣзня. Далекія путешествія—разлука, да и родина такъ мила! Останемся-ка на житье въ Геттингенѣ и сдѣлаемся профессорами! Станемъ любить нашихъ воспитанниковъ, какъ насъ любили наши наставники,—и наши воспитанники станутъ любить насъ, какъ мы любили нашихъ наставниковъ.»

Сказано — сдѣлано, братья остались въ Геттингенѣ на службѣ при университетѣ и вскорѣ сдѣлались его свѣтомъ и славою. Но уча другихъ, они продолжали учиться сами. Не то ли же, что лѣстница безъ конца? Наши профессоры имѣли благоразуміе остановиться на одной изъ ступенекъ и на ступенькѣ самой прочной: на изученіи древняго германскаго языка, древней литературы и древнихъ обычаевъ Германіи. Съ самымъ горячимъ усердіемъ предались они этому изученію и вскорѣ издали драгоцѣннѣйшіе труды, именно: *Грамматику*, передъ которою приходится краснѣть всѣмъ иностраннымъ грамматикамъ; чудесную книгу о *мифологіи сѣверныхъ народовъ* и *трактатъ о происхожденіи и объ учрежденіяхъ германцевъ*, настоящій народный памятникъ.

Короче: наши ученые братья сдѣлали народнымъ свое знаменитое имя.

Но, разработывая этотъ богатый рудникъ, братья Гриммы распространяли такіе лучи свѣта, отъ которыхъ потемнѣло въ глазахъ начальства. Бываютъ же и между людьми такіе филины, что солнца боятся. Въ одинъ прекрасный день старшій братъ получилъ увѣдомленіе, разомъ лишавшее его титула и мѣста, почестей и благосостоянія.

Онъ бѣжитъ къ брату и говоритъ ему:

— Я лишился мѣста; теперь у меня нѣтъ другого пристанища, кромѣ твоего дома; нѣтъ другихъ средствъ, кромѣ твоего сердца.

— Такъ дай же руку, братъ, я тоже уволенъ отъ службы, отвѣчалъ младшій.“ (стр. I — IV.).

Вотъ если бы такъ писали для дѣтей, тогда бы намъ не надо было давать имъ читать вещи, драгоцѣнныя въ историческомъ, но не въ педагогическомъ отношеніи. Мы могли бы отвести народнымъ сказкамъ ихъ настоящее мѣсто, въ числѣ источниковъ

при изученіи народной жизни, а всѣ *выдуманныя*, въ томъ числѣ и Андерсоновскія, предать вѣчному и глубокому забвенію, оставивъ для образца немногія, чтобы знали будущія поколѣнія, чѣмъ насъ кормили въ дѣтствѣ, и извинили бы намъ поэтому наше неумѣніе сдѣлать свое существованіе сноснымъ.

Если я скажу, что «поѣздка на востокъ» г. Дохтурова имѣетъ характеръ специфически — лошадиный, то всякій, нечитавшій этой книжки, назоветъ такой отзывъ плоской шуткой. Онъ дѣйствительно и былъ бы таковымъ, если бы я сколько нибудь его преувеличилъ. Но въ томъ то и дѣло, что иначе никакъ нельзя опредѣлить произведеніе г. Дохтурова. Онъ, видите ли, былъ посланъ на востокъ покупать для казны жеребцовъ и кобылъ арабской породы, и такъ проникся возложеннымъ на него порученіемъ, что на весь востокъ, на все видѣнное имъ смотритъ съ лошадиной точки зрѣнія. Такъ напр. въ предисловіи онъ жалуется, что не имѣлъ никакого руководства при своемъ путешествіи (какъ будто при путешествіи необходимо какое-то руководство?). Гиды и описанія путешествій иностранцевъ оказались или лживыми или недостаточно полными, потому, что вѣроятно не занимаются спеціально лошадьми. Болѣе уваженія заслуживали путевыя замѣтки двухъ всероссійскихъ ветеринаровъ Керстинга и Клемма, ѣздившихъ до г. Дохтурова, но съ той же лошадиной цѣлью, какъ онъ, и поэтому представлявшихъ лучшія руководства, чѣмъ всевозможныя описанія иностранцевъ. Во время самого путешествія г. Дохтуровъ обращалъ вниманіе почти исключительно на лошадей или на предметы сколько нибудь касающіеся лошадей. Такъ въ Вѣнѣ, его заинтересовали императорскія конюшни и онъ тутъ же отмѣтилъ, что содержащіяся въ нихъ лошади отличаются «сильно развитыми задами». Въ Венеціи, гдѣ, какъ извѣстно, лошади мало употребительны, г. Дохтурову пришлось довольствоваться созерцаніемъ бронзовыхъ лошадей св. Марка. Вѣроятно съ горя, что нѣтъ живыхъ лошадей, онъ обратилъ свое вниманіе на посторонніе предметы, но тутъ же оказалось, что г. Дохтуровъ силенъ только въ лошадяхъ, потому что онъ вдругъ явился славянофиломъ и сталъ укорять австрійцевъ за то, что они подавляютъ славянскую національность въ пользу ита-

ліанской и достигли въ *Тріэстѣ* совершеннаго подавленія этой національности. Слышите, славянская національность — въ Тріэстѣ!

За то въ Константинополѣ путешественникъ вполнѣ, кажется, насладился созерцаніемъ лошадей. Здѣсь уже вы на каждомъ шагу слышите отъ него толки о мундштукахъ, дужкахъ, недоуздкахъ; слышите дѣльныя замѣчанія о томъ, что у лошадей Селимъ-паши переднія ноги нѣсколько врозь, спины немного длинны, холки плоски, головы мясисты,—но утѣшаетесь прибавленіемъ, что за то въ общемъ лошади эти представляютъ много красоты и благородства. Здѣсь вы узнаете, сколько у какого паши жеребцовъ и кобылъ, какой они масти, какой породы; здѣсь вмѣстѣ съ путешественникомъ вы можете не одобрять Кеамиль-пашу, у котораго только одинъ порядочный жеребецъ, порицать Решидъ-пашу, у котораго лошади посредственныя, и негодовать на Фуадъ-пашу, у котораго ничего нѣтъ хорошаго. Иногда г. Дохтуровъ заговариваетъ и о людяхъ, но въ его сужденіяхъ о нихъ видна привычка судить о лашадяхъ. Взглядъ на людей у него, если можно такъ выразиться, жеребячій. Онъ больше говоритъ о масти и статяхъ встрѣчавшихся ему людей, чѣмъ о какихъ нибудь другихъ качествахъ ихъ. Обыкновенно къ имени лица онъ лаконически прибавляетъ: мужчина видный, или мужчина высокаго роста и полный; или: мужчина худощавый и черноволосый и т. п., подобно тому, какъ замѣчаетъ о жеребцахъ: жеребецъ съ хорошо развитымъ задомъ, или: жеребецъ съ плоской холкой, рыжей масти. Впрочемъ, говоря о лошадяхъ, онъ рѣдко остается въ предѣлахъ лаконизма, а напротивъ того доходитъ до подробностей, которыя я даже считаю неудобными для приведенія въ подлинникѣ, особенно когда рѣчь зайдетъ о прекрасномъ полѣ, т. е не людей, а лошадей. Нѣкоторыми изъ этихъ подробностей можетъ воспользоваться г. Дебе, когда вздумаетъ написать «Физіологію брака животныхъ», хоть бы напр. страницей 141 или 151, а также подробностями о поклоненіи Фалусу (стр. 112). По временамъ особенныя лошадиныя достоинства, встрѣчаемыя путешественникомъ въ людяхъ, приводятъ его въ восторгъ, и онъ распространяется о статяхъ такого человѣка довольно подробно. Такъ напримѣръ, замѣчательны описанія двухъ пашей. Про одного онъ говоритъ:

«....красивый, высокаго роста паша, также какъ Мехмедь-Али, зять покойнаго султана и притомъ его любимецъ. Теперь онъ немного толстъ, но видно, что былъ когда-то замѣчательнымъ красавцемъ» (стр 69).

Про другого выражается такъ:

«....но особенной представительностью отличался тогдашній капитанъ паша Мехмедъ-Али. Въ своемъ генеральскомъ мундирѣ, при высокомъ ростѣ и широко развитой груди, покрытой звѣздами и орденами, онъ очень напоминалъ покойнаго князя Алексѣя Федоровича Орлова, какимъ онъ былъ до своей послѣдней болѣзни» (ibid).

До чего доходитъ пристрастіе г. Дохтурова къ лошадямъ, видно изъ слѣдующаго пассажа:

«....арабъ Гуери-Али, молодецъ, лѣтъ 25-ти. лихой наѣздникъ, на сѣромъ жеребцѣ, къ которому очень шелъ костюмъ его, состоявшій изъ вышитаго доломана съ откидными рукавами, перетянутаго широкимъ поясомъ, за которымъ торчали кинжалы и пистолеты, и изъ бѣлыхъ шальваръ» (стр. 133).

Такимъ образомъ костюмъ Гуери-Али, молодца 25-ти лѣтъ, шелъ не къ нему, а къ его жеребцу. Любопытно также другое мѣсто:

«Общество наше состояло изъ семейства англійскаго консула въ Бейрутѣ, католическаго архіерея, турецкаго консула, въ одномъ изъ городовъ Шотландіи, съ новокупленною женою, жеребца, выведеннаго изъ Алеппо и посылаемаго черезъ Марсель въ Швейцарію» (стр. 191).

Къ этому даже комментаріевъ никакихъ нельзя сдѣлать, а можно только остолбенѣть отъ изумленія, что такіе люди бываютъ на свѣтѣ. Впрочемъ я бы никогда не кончилъ, еслибъ вздумалъ выписывать всѣ мѣста, гдѣ проявляется лошадиный взглядъ путешественника на людей, въ томъ числѣ, какъ мы видимъ по послѣдней цитатѣ, и на самого себя. Намъ остается рекомендовать книжку г. Дохтурова той части публики, которая питаетъ особенное пристрастіе къ конюшнямъ и породистымъ жеребцамъ.

В. Зайцевъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

Торжество 15 августа въ честь святаго Наполеона или пресвятой Мадонны (ad libitum). — Муза Людовика Наполеона или офиціозный газетчикъ Эдуардъ Фурнье. — Книги Ренана и пріемъ сдѣланный ей католическимъ духовенствомъ. — Производство ликеровъ и другихъ грѣховныхъ жидкостей въ монастыряхъ шартрёзскомъ и кармелитскомъ. — Католическій конгресъ въ городѣ Malines. — Рѣчь Монталамбера за свободу и прогресъ. — Чудотворная дѣва въ Виковарѣ. — Причины разбойничества въ неаполитанскихъ провинціяхъ. — Японія откупается отъ притязаній Англіи. — Новыя побѣды американскаго Сѣвера надъ Югомъ. — Паденіе Сёмтера и паническій ужасъ, произведенный имъ въ лагерѣ рабовладѣльцовъ. — Призывъ Негровъ къ оружію, какъ крайняя мѣра растерявшихся плантаторовъ. — Декретъ Линкольна и письмо Гарибальди къ президенту сѣверо американскихъ штатовъ. — Coup d'état въ женевской республикѣ. — Характеристика президента ея, Джемса Фази. — Попытки консерваторовъ низвергнуть его.

Въ то время, какъ заграничныя извѣстія представляютъ необыкновенную важность и въ мірѣ дипломатическомъ таинственно готовятся новые перевороты, Франція внутри болѣе спокойна, т. е. болѣе беззаботна, чѣмъ когда либо. Жатва внутреннихъ политическихъ новостей никогда не была такъ скудна; за то урожаи хлѣбовъ обильны и сборъ винограда обѣщаетъ быть превосходнымъ. Наши буржуа

забавляются охотой; наши государственные люди наслаждаются дачною жизнію; профессора и правовѣды пользуются каникулами; аристократія проводитъ время на водахъ. Наши аристократическія дамы, отъ четырехъ до пяти разъ въ день, мѣняютъ свой туалетъ, прогуливаются съ длинными, предлинными палками и наряжаются въ баварскій, тирольскій, словомъ, во всякаго рода костюмы, которые доставляютъ возможность выгодно выставить напоказъ ножки, обутыя въ ботинки, съ задорно-высокими каблуками. Онѣ играютъ на билліардѣ и въ ландскнехтъ, гоняются за оленями и, разъѣзжая въ кабріолетахъ, сами правятъ лошадьми. Лозунгомъ у насъ служитъ: что будетъ — неизвѣстно, а теперь — да здравствуютъ празднества, да здравствуютъ банкеты!

Празднованіе, 15-го августа, дня святого Наполеона или пресвятой Мадонны (ad libitum) было, какъ нельзя болѣе, блистательно. Никогда не зажигалось столько шкаликовъ, не дѣлалось столько парадовъ и не давалось столько зрѣлищъ на открытомъ воздухѣ и никогда не появлялось столько акробатовъ, пантоминныхъ актеровъ и плясуновъ и не истреблялось столько пряниковъ. Откровенно говоря, правительство до того хорошо само отпраздновало свой собственный праздникъ, что ни малѣйше не нуждалось въ изъявленіи народнаго энтузіазма; виваты и восторженные крики толпы никогда не произвели бы такого шума, какимъ огласился воздухъ отъ пушечныхъ выстрѣловъ, разбудившихъ насъ утромъ въ этотъ высокоторжественный день. По поводу этого торжества, инвалиды имперіи запаслись чистыми носовыми платками, подновили свои треуголки, наваксили свои деревяшки, вычистили свои солдатскія шинели, наполнили табакомъ свои табатерки и запустили за голстухъ по рюмочкѣ шнапса. Въ Парижѣ, Елисейскія поля и паркъ Монсо представляли волшебное зрѣлище. Гирлянды изъ газовыхъ рожковъ, покрытыхъ матовыми стеклянными шарами, развѣшаны были по длиннымъ аллеямъ; на каждомъ деревѣ, на каждомъ кустѣ, подъ каждымъ фонтаномъ горѣли разноцвѣтные фонари. Весь паркъ былъ превращенъ въ фантастическій садъ, въ которомъ деревья, съ фантастическими блестящими плодами, окаймлялись млечнымъ свѣтомъ гирляндъ. Фейерверкъ на Іенскомъ мосту извергалъ цѣлые потоки пламени, бившіе ключемъ и падавшіе подобно каскадамъ. Съ самого изобрѣтенія пиротехники никогда не видали такого блистательнаго зрѣлища. Не смотря однакожъ на все это великолѣпіе, мы раздѣляемъ мнѣніе бо-

напартистскаго поэта, который однажды пѣлъ на своей жестяной лирѣ:

«Le seul feu d'artifice, s'est d'être magnanime! *)

Этотъ стихъ бѣднаго Бельмонте напоминаетъ намъ оперную кантату офиціознаго газетчика Эдуарда Фурнье. Она озаглавлена «Мексика» и, по увѣренію афиши, есть «пѣсня славы». Франція въ ней представляется фамиліярно бесѣдующею съ богами моря и съ геніями Мексики. Въ порывѣ энтузіазма, вѣрноподданная муза Наполеона Бонапарта восклицаетъ:

Ma course, d'avance tracée,
Suit l'impériale pensée,
Qui, mesurant l'espace humain,
T'a dit, par Dieu même poussée (sic):
Sois au Nord aujourdhui, cours au Nord demain,
Un peuple appelle-t'il la France?
Nous marchons au cri de souffrance,
Comme si la charge eût sonnée:
Moi le soldat de l'Esperance,
Lui, le Vengeur Prédestiné **).

Г. Фурнье былъ такъ любезенъ, что хотѣлъ обѣщать оперной публикѣ войну за свободу Польши и затѣмъ войну въ пользу рабовладѣльческой конфедераціи южныхъ американскихъ штатовъ. Но цензура, опасаясь, чтобъ этотъ гимнъ, который должна была пѣть дѣвица въ розовыхъ триковыхъ штанахъ, не слишкомъ связалъ политику императора, заставила автора замѣнить послѣдній стихъ перваго куплета другимъ, гораздо болѣе неопредѣленнымъ:

Hier tu fus ici, tu seras là demain ***)!

Послѣ праздника наши государственные люди поспѣшили воспол-

*) Истинный фейерверкъ заключается въ великодушіи.

**) Вотъ подстрочный переводъ этой пѣсни: Мой путь, опредѣленный заранѣе идетъ за мыслію императора, который, измѣривъ пространство человѣчества, мнѣ говорилъ: Богомъ самимъ подвинутая (sic), будь на сѣверѣ сегодня, бѣги на сѣверъ завтра. Призываетъ ли какой нибудь народъ на помощь Францію, мы идемъ на крикъ страданія, какъ будто раздалась сигнальная труба: Я — какъ воительница, служащая надеждѣ, онъ—какъ мститель, избранный Провидѣніемъ.

***) Вчера ты была здѣсь, завтра будь тамъ.

зоваться каникулами. Чтобъ имъ не мѣшали наслаждаться покоемъ, они приказали литературѣ вести себя смирно, какъ дѣлаютъ съ дѣтьми, черезъ чуръ шаловливыми. Всѣмъ литераторамъ строго запрещалось говорить о политикѣ. О Мексикѣ дозволялось писать не иначе, какъ съ крайней осторожностью, развивая только темы Монитёра и Pays, журналовъ имперіи. Нѣкоторые журналы, выразившіеся неблагопріятно о Россіи, получили предостереженіе, или даже подверглись запрещенію на два мѣсяца. Но оправданіе марсельскаго журнала, Семафора, обратило на себя всеобщее вниманіе публики. Дѣло касалось приказаній, данныхъ эскадрѣ Средиземнаго моря, которыя этотъ журналъ напечаталъ на своихъ столбцахъ, не предполагая въ этомъ ничего дурного. Не довольствуясь выговоромъ Семафору, правительство предало его суду, какъ распространителя ложныхъ извѣстій; это значило подвергнуть виновнаго двойному наказанію за одинъ и тотъ же проступокъ. Судъ собрался и постановилъ такого рода рѣшеніе:

«Эти приказанія были даны и затѣмъ отмѣнены, по требованіямъ времени. Довѣріе гражданъ не зависитъ отъ этихъ ежедневныхъ измѣненій, предписываемыхъ, быть можетъ, политикой, но на которыхъ судъ не можетъ основывать свои приговоры».

Какъ, у насъ есть правдивые суды во Франціи! Какое счастье!

Новый министръ внутреннихъ дѣлъ внушилъ всѣмъ президентамъ генеральныхъ совѣтовъ и другимъ значительнымъ лицамъ не произносить политическихъ рѣчей. Его предшественникъ, знаменитый Фіалэнъ де-Персиньи, не захотѣлъ принять этого запрещенія на свой счетъ и почтилъ насъ рѣчью, которая удостоилась помѣщенія въ Монитёрѣ. Между прочими любопытными вещами, мы узнаемъ изъ нея, что парламентская свобода возможна только въ Англіи, гдѣ аристократія всемогуща, что отвѣтственность министровъ — нелѣпость, что напротивъ, безотвѣтственность ихъ есть основной принципъ нашихъ учрежденій, принципъ разумный и благотворный, придающій имъ національный характеръ, котораго они было лишились, и полагающій конецъ существованію у насъ жалкой маніи подражать англичанамъ. Вмѣсто великой аристократіи у насъ, по замѣчанію господина Персиньи, есть *административная іерархія, которая сама по себѣ составляетъ весь организмъ нашей демократіи, и внѣ которой существуютъ однѣ только песчинки, неимѣющія между собой никакой связи.* Поняли вы это?

Книга господина Ренана о жизни Іисуса Христа распространилась уже въ числѣ пятидесяти тысячь экземпляровъ. Это успѣхъ изумительный, которому не мало содѣйствовали яростные нападки нашихъ архіепископовъ. Одинъ бретонскій епископъ далъ обѣщаніе всенародно сжечь эту святотатственную книгу, которой запрещенъ былъ доступъ въ Испанію и въ папскія владѣнія. Между тѣмъ, какъ журналы, уважающіе себя, наши Revues и серіозныя изданія, или принимали сторону автора, или оспаривали его пр личнымъ образомъ, на Ренана яростно нападали Figaro, этотъ нахальный цирюльникъ, Tintamarre, и Corsaire Rouge. Между рюмкой абсинта и рюмкой chartreuse, между скандальнымъ анекдотомъ о мадемоазель Фифинь и эпопеей о баденскихъ скачкахъ, эти такъ называемые Moniteurs des Gamins сочли своею обязанностью вооружиться на Ренана.

По поводу chartreuse, напитка, приготовляемаго въ совершенствѣ монахами Шартрёзскаго монастыря, близь Гренобля, мы можемъ рекомендовать нашимъ читателямъ *траппистинь*, какъ достойнаго соперника абсинта. Надо замѣтить, что трапписты затемнили шартрёзскихъ монаховъ, славившихся въ цѣломъ свѣтѣ строгостью своей дисциплины. Народная легенда разсказываетъ о нихъ, что они каждый день сами роютъ себѣ могилы и, обращаясь другъ къ другу, произносятъ торжественно: «Мы должны умереть!» И что же? Картинки, прибитыя въ видѣ афишъ ко всѣмъ стѣнамъ Парижа, представляютъ ихъ намъ теперь въ новомъ свѣтѣ. Одни изъ этихъ монаховъ правда продолжаютъ рыть себѣ могилы, но другіе занимаются дистиллировкою разныхъ горныхъ травъ, а достопочтенный ихъ пріоръ, лысый и одѣтый въ грубую рясу, пробуетъ напитокъ, назначенный для возбужденія аппетита. Цѣна кувшину 4 франка 50 сантимовъ. Но это не все еще. Есть у насъ туалетныя жидкости и масло святой Терезы, которое можетъ соперничать съ помадою госпожи Жоржъ Зандъ. Есть у насъ превосходная вода, извѣстная подъ именемъ Eau de Mélisse, произведеніе скромныхъ кармелитовъ, которые ходятъ босикомъ. Эти почтенные отшельники увѣряютъ, что ихъ жидкость, приготовленная съ большимъ искуствомъ, уменьшаетъ жаръ, производимый бритьемъ бороды, предохраняетъ дамскую кожу отъ морщинъ и въ то же время служитъ гигіеническимъ напиткомъ, полезнымъ противъ болей желудка и т. п. Но погодите! мы еще будемъ имѣть честь послать къ вамъ нашего commis voyageur, іезуита

въ свѣтскомъ платьѣ, который представитъ вамъ наши прейсъ-куранты, приметъ отъ васъ заказы и соберетъ съ васъ благостыню въ пользу нашего святого отца папы и въ пользу нашей святой матери церкви. Кстати прошу васъ, не забудьте при этомъ пожертвовать въ пользу разныхъ богоугодныхъ учрежденій, въ родѣ «Sainte Enfance» и «Adoration Perpétuelle du Saint Sacrement.» «Маленькіе китайцы» также рекомендуютъ себя вашему благосклонному вниманію...

Это приводитъ насъ къ конгрессу, собравшемуся въ Malines, конгрессу католическому, даже если угодно, апостольскому и очень веселому. Онъ началъ празднествомъ, во вкусѣ среднихъ вѣковъ,—но что я говорю,—во вкусѣ варварскомъ. Представьте себѣ девять кортежей сряду, шествовавшихъ подъ звуками флейтъ, тромбоновъ и свирѣлей. Впереди, на здоровыхъ фламандскихъ лошадяхъ, ѣхали верхомъ шестнадцать херувимовъ. Служители религіи носили знамена съ разными яркими изображеніями. Здѣсь представлены были: такъ называемая колесница безсѣменнаго зачатія, какая-то забавная штука, представлявшая Мадонну, которая раздавливала нѣчто похожее на змію. Затѣмъ слѣдовала телѣга, наполненная разными вихляями, въ бѣлой, черной, красной и фіолетовой одеждахъ. Если вѣрить имъ, это были монсиньоръ Меродъ, Пій IX, Антонелли, Бизарро, Пантини и Сакрипанти; всѣ, вмѣстѣ съ предводителемъ іезуитовъ, провозглашали догматъ безсѣменнаго зачатія. Затѣмъ верхомъ на лошадяхъ ѣхали четырнадцать наѣздницъ, выдававшихъ себя за святыхъ. Эти скромныя особы держали въ рукахъ знамена, съ надписями: я святая Кунигунда; я святая Радегонда; я святая Цецилія; я святая Филомена и т. д. Потомъ явилась такъ называемая колесница успенія; пресвятая Мадонна сидѣла на ней такъ, какъ будто собиралась вскочить съ своего мѣста; вокругъ нея, на желѣзныхъ проволокахъ весьма искусно скрытыхъ, висѣли ангелы, въ бѣлыхъ рубашкахъ и розовыхъ панталонахъ, но въ позахъ весьма неудобныхъ; у ногъ ея находились апостолы, въ чистыхъ блузахъ и штанахъ. Затѣмъ шли ивовые великаны, представлявшіе Гога и Могога, русскаго и скифа, вооруженныхъ страшными дубинами; за ними четверо сыновей Аймона, посаженныхъ на одну и ту же кобылу, а въ заключеніе — вы никакъ не угадаете что—колесо Фортуны!

Въ залѣ собранія, зрѣлище было не менѣе любопытно и не менѣе торжественно. Былъ тутъ князь Альбертъ де-Брольи, членъ

французской академіи, который съ большимъ эффектомъ произнесъ нѣсколько словъ по поводу открытія конгресса. Былъ тутъ также главный президентъ ассизнаго суда Бельгіи, г. Герлахъ, получавшій, по случаю бывшей въ 1830 году революціи, огромное содержаніе, плодами котораго онъ и теперь еще живетъ въ свое удовольствіе. Онъ произнесъ очень длинную рѣчь, стараясь доказать, что теперь слишкомъ забываются потребности современной эпохи, которая нуждается въ монастыряхъ (sic). Онъ требуетъ, чтобы по всей Бельгіи распространились эти учрежденія, необходимыя, по его мнѣнію, для предохраненія общества отъ сенсуализма, при настоящей утонченности и испорченности нравовъ. Какъ поклонникъ игнорантиновъ, г. Герлахъ желаетъ, въ видахъ спасенія общественной нравственности (!), размножить школы, содержимыя этими цѣломудренными монахами.

Но главнымъ почетомъ въ этой католической арлекинадѣ пользовался правдивый Монталамберъ. О немъ постоянно была рѣчь, съ самого открытія конгресса. Безпрестанно одинъ изъ членовъ вставалъ, съ тѣмъ чтобы возвѣстить о его прибытіи. Назначены были особые коммисары для встрѣчи Монталамбера у станціи желѣзной дороги. Когда узнали о его пріѣздѣ, президентъ обратился къ обществу съ просьбою о сохраненіи тишины. Когда явилось лицо, ожидаемое съ такимъ нетерпѣніемъ, святые мужи конгреса всѣ почтительно встали. Когда Монталамберъ взошелъ на каѳедру, раздались громкіе крики «ура!» и оглушительныя рукоплесканія. «Позвольте мнѣ, господа, воскликнулъ кто-то изъ присутствующихъ:—отъ имени всѣхъ привѣтствовать достойнаго потомка знаменитыхъ крестоносныхъ воиновъ». Раздался новый громъ рукоплесканій. Повѣрите ли, что такихъ привѣтствій не бываетъ даже въ вашей ветхозавѣтной Москвѣ?

Тотъ самый человѣкъ, который издѣвался надъ іюньскимъ кровопролитіемъ, который требовалъ римской экспедиціи и первый подалъ голосъ въ защиту декабрьскихъ убійствъ, этотъ самый человѣкъ поднялъ свою правую руку, чтобы присягнуть въ любви къ прогрессу и началъ проповѣдывать свободу!

«Новѣйшіе католики, воскликнулъ Монталамберъ: — недостаточно принимали участія въ великой революціи, положившей основаніе современному обществу. Они жалѣютъ о прежнемъ порядкѣ вещей, но этотъ порядокъ, каково бы ни было его величіе, имѣетъ одинъ капитальный недостатокъ: онъ мертвъ и никогда болѣе не воскреснетъ. Демокра-

тія существуетъ въ одной половинѣ Европы, завтра она будетъ существовать и въ другой.

«Поэтому необходимо, чтобы католики чистосердечно приняли свободу, но свободу полную, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова — не одну свободу политическую безъ религіозной, ни гражданскую безъ политической. Подобное исключеніе можетъ только служить признакомъ гнуснаго лицемѣрія, которое стремится къ подчиненію равенства господству кого бы то ни было. Необходимо принять свободу цѣликомъ, свободу во всѣхъ проявленіяхъ соціальной жизни.

«Надо исправить демократію посредствомъ свободы и примирить католицизмъ съ демократіей. Надо рѣшительно отказаться отъ всякаго рода привиллегій въ пользу католицизма и протестовать противъ всякой мысли о возвращеніи того порядка вещей, который возбуждаетъ негодованіе современнаго общества. Теперь нѣтъ болѣе роли, возможной для теократіи!»

Что вы на это скажете? Вотъ тѣ самые католическіе священники, которые были душою реакціи съ 1849 по 1852 годъ, которые офиціально предавали проклятію права человѣка и принципы французской революціи и которые предводительствовали шпіонами и по ночамъ указывали жандармамъ убѣжища республиканцевъ, осужденныхъ на изгнаніе и преслѣдуемыхъ, — вотъ они, эти іезуиты, проповѣдующіе теперь свободу совѣсти, свободу гражданскую, политическую, словомъ, всякую свободу! Какъ великъ долженъ быть страхъ, который сжимаетъ ихъ сердце и заставляетъ произнести похвалу въ пользу свободы, равенства и революціи 1789 года!

Послѣ этой рѣчи господина Монталамбера, едва ли кто осмѣлится назвать себя либераломъ. Къ счастію, монсиньоръ Нарди, аудиторъ римской консисторіи, началъ проклинать Гарибальди, котораго ненавистное имя встрѣчено было яростнымъ ропотомъ негодованія и глухими возгласами: Hou! hou! houhou! houhou! Это крикъ совы, которая скрывается въ развалинахъ и по ночамъ промышляетъ убійствомъ.

Какъ бы продолженіемъ малиньскаго конгресса служитъ посланіе святого отца папы, направленное по обыкновенію противъ похитителя церковной собственности, Виктора Эммануила, который, не смотря на столько молній проклятія, низвергаемыхъ на его главу римскимъ первосвященникомъ, остается все тѣмъ же здоровымъ, краснощекимъ толстякомъ, какимъ вы его знаете. Въ этомъ посла-

нiи, «кроткiй Mastaï,» какъ обыкновенно, съ истерическимъ краснорѣчiемъ вопiетъ противъ страшныхъ, чудовищныхъ заблужденiй настоящаго времени и противъ разлива всѣхъ возможныхъ пороковъ и злодѣйствъ. Онъ возстаетъ противъ религiознаго равнодушiя и безвѣрiя и противъ безумной страсти къ господству и къ обогащенiю, и на вѣки вѣчные осуждаетъ мнѣнiе, что можно найти спасенiе внѣ лона римско-католической церкви. Онъ не можетъ достаточно восхвалить епископовъ и архiепископовъ и достаточно разбранить низшее духовенство, которое пристало къ италiянской революцiи...

Нѣсколько дней спустя, старшiй сынъ церкви не убоялся публично дать урокъ святому отцу. Въ папской буллѣ, разрѣшавшей переводъ шамберiйской епархiи изъ Италiи во Францiю, императоръ Бонапартъ зачеркнулъ нѣкоторыя неблагозвучныя мѣста, и не допустилъ появленiя ихъ въ печати. Быть намѣстникомъ Бога на землѣ, преемникомъ Григорiя и Гильдебранда и потерпѣть, чтобы простой французскiй императоръ, проживающiй въ Тюльери, осмѣлился святотатственной рукой изгладить нѣкоторыя шероховатости въ папскихъ рас-пре-свя-тыхъ буллахъ—какое горе, какое униженiе!

Быть можетъ, вслѣдствiе скорби по случаю наступленiя тяжкихъ временъ, блаженная дѣва въ Виковарѣ, въ папскихъ владѣнiяхъ, начала отчаянно закатывать глаза и косить самымъ ужаснымъ образомъ, ежедневно отъ 9 до 11 часовъ утра. О чудо! Она не только двигаетъ глазами, но безпрестанно то блѣднѣетъ, то краснѣетъ. Каждый день церковь наполняется огромной толпой богомольцевъ, приходящихъ изъ окрестныхъ деревень, изъ Тиволи, изъ Субiака, изъ Рима и изъ Абруццъ. По воскресеньямъ, посѣтителей—отъ семи до восьми тысячъ и каждый приноситъ съ собой дары. Священникъ и содержатели гостинницъ въ Виковарѣ были въ восторгѣ отъ такой благодати. Но приключилась бѣда: извѣстно, что два воробья не могутъ не поссориться, если судьба ихъ сведетъ на одномъ и томъ же колосѣ. Тивольскiй епископъ потребовалъ, чтобы субiакскiй протоiерей подѣлился съ нимъ новыми своими доходами въ нѣсколько тысячъ ефимковъ. Протоiерей отказалъ, говоря, что эта дѣва — его собственность и что епископу до нея нѣтъ никакого дѣла. «Если мнѣ до нея нѣтъ никакого дѣла, гнѣвно воскликнулъ епископъ:— значитъ въ ней нѣтъ ничего особеннаго, и въ такомъ случаѣ ваше чудо — ничто иное, какъ обманъ!» Пока они спорили, распространилась молва, что чудо, творимое субiакской юродивой дѣвой, неваж-

но, такъ какъ въ двадцати миляхъ оттуда, въ одной церкви, принадлежащей бенедиктинцамъ, есть другая, которая не только моргаетъ глазами, но и собственноручно сгоняетъ мухъ съ своего лица. Вотъ ужъ чудо, такъ чудо!

Французская полиція вдругъ рѣшилась захватить нѣсколькихъ разбойниковъ и, между прочими, она поймала знаменитаго Тристани. По этому случаю главный штабъ неаполитанскихъ Бурбоновъ счелъ благоразумнымъ разойтись и искать развлеченія въ Испаніи. Но разбойничество чрезъ это не прекратится въ неаполитанскихъ провинціяхъ. Лишившись громкаго титула защитниковъ законной династіи и поборниковъ божественнаго права, разбойники будутъ грабить и убивать на свой собственный счетъ. Это видно изъ рапорта слѣдственной коммисіи, учрежденной туринскою палатою. Этому документу сначала придавалась такая важность, что депутаты рѣшились приступить къ чтенію его при закрытыхъ дверяхъ, выславъ напередъ публику. Они составили тайный комитетъ и единогласно положили хранить молчаніе о томъ, что имъ придется слышать. Нѣсколько времени спустя, наши депутаты, желая поскорѣе возвратиться къ своимъ пенатамъ и отдохнуть отъ парламентскихъ трудовъ, вотировали гуртомъ, подъ самый конецъ засѣданій, девять законовъ, и въ томъ числѣ одинъ, безобразный и непослѣдовательный, состоящій изъ нѣсколькихъ, несвязанныхъ между собою частей. Этотъ законъ, безсмысленный и жестокій, представляетъ разстрѣливаніе какъ единственное и самое дѣйствительное средство противъ всѣхъ государственныхъ золъ и безстыднымъ образомъ возстановляетъ гнусное преслѣдованіе, которому при Бурбонахъ подвергались всѣ безъ исключенія люди подозрительные. Въ минуту обнародованія его, оказалось необходимымъ оправдать такую жестокую мѣру, и такъ какъ никто не требовалъ напечатанія рапорта слѣдственной коммисіи, то этотъ рапортъ и преданъ былъ гласности. Но зачѣмъ не дѣлали этого ранѣе? Неужели никогда не поймутъ, что народы должны быть пріучаемы слышать всегда истину?

Въ числѣ причинъ разбойничества въ неаполитанскихъ земляхъ, первое мѣсто занимаетъ бѣдность крестьянъ. Живя посреди обширныхъ владѣній, на одной изъ самыхъ плодородныхъ почвъ, и лишенные существующими законами и мѣстными обычаями всякой возможности обладать собственностью, нѣсколько тысячъ людей, въ совершенно маленькой провинціи, не знаютъ какъ поддержать свою жизнь и при-

нуждены питаться хлѣбомъ, котораго не захотѣли бы ѣсть даже собаки (подлинныя слова официіальнаго рапорта). Феодальная система въ этомъ краѣ еще не уничтожена. Крестьянинъ знаетъ, что произведеніе земли, орошенной его потомъ, никогда не будетъ ему принадлежать, и прибѣгаетъ къ насилію и мести, съ цѣлью добыть то, въ чемъ отказываетъ ему общество. Такимъ образомъ, разбойничество является грубымъ протестомъ бѣдности противъ вѣковой несправедливости. Викторъ Гюго давно говорилъ: «разбойничество есть насильственная форма бѣдности...» Прибавьте къ этой гнетущей нуждѣ видъ огромныхъ пространствъ земли, которыя могли бы быть оплодотворены трудами бѣдняковъ, но оставляются невоздѣланными по безпечности или по капризу владѣльцевъ. Есть земля и есть руки для ея обработыванія, но обработывать ее не позволяется. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ примѣняется трудъ земледѣльца, эксплоатація рабочихъ доводится хозяевами до крайнихъ предѣловъ, и плата, получаемая несчастными тружениками, недостаточна для ихъ пропитанія (также подлинныя слова рапорта). И къ этимъ-то страдальцамъ обращается священникъ съ своею проповѣдью; онъ вооружаетъ ихъ во имя Франциска II и говоритъ, что законный ихъ король, въ случаѣ побѣды, въ благодарность за ихъ услугу, доставитъ имъ полное возмездіе за всѣ претерпѣваемыя ими бѣдствія. Къ этому онъ прибавляетъ, что, для предохраненія себя отъ ранъ, достаточно сдѣлать себѣ маленькій надрѣзъ на рукѣ и окропить его святой водой.

Въ виду такого плачевнаго состоянія неаполитанскихъ крестьянъ, слѣдственная коммисія объявила, что военныя мѣры въ этомъ случаѣ могутъ имѣть только палліативное дѣйствіе и что единственное вѣрное средство противъ общественнаго зла заключается въ распространеніи народнаго образованія, въ уничтоженіи десятинной подати, барщины и другихъ феодальныхъ обыкновеній, въ раздѣленіи коммунальныхъ земель, въ осушеніи болотъ, въ устройствѣ дорогъ и т. д. Таковы были мѣры, предложенныя слѣдственною коммисіею, вполнѣ согласною въ этомъ отношеніи съ общественнымъ мнѣніемъ и съ мыслью, которую громко высказывали Гарибальди и его друзья. Но наши піемонтскіе администраторы упорствовали въ употребленія своей правительственной панацеи — ружья. Наши туринскіе законодатели все еще воображаютъ, что гораздо проще, дѣйствительнѣе и дешевле разстрѣливать людей, чѣмъ дѣлать имъ добро. Несправедливые фео-

дальные обычаи представляются имъ болѣе заслуживающими уваженія, нежели человѣческая жизнь.

Важнымъ событіемъ въ Туринѣ было замѣщеніе англійскаго посланника сэра Джэмса Гэдсона сэромъ Генри Элліотомъ. Многіе въ этомъ обстоятельствѣ видѣли признакъ болѣе тѣснаго союза Англіи съ Австріею — этимъ естественнымъ врагомъ Италіи; но гораздо правдоподобнѣе дѣло объясняется тѣмъ, что сэру Генри Элліоту, родственнику всемогущаго Росселя, понадобилось мѣсто. Онъ съумѣлъ пріобрѣсти довѣріе короля и всѣхъ вообще министровъ. Въ піемонтской Consorteria, состоящей изъ самыхъ отъявленныхъ консерваторовъ, онъ нашелъ для себя точку опоры, благодаря которой, онъ, не смотря на то, что пользовался репутаціею либерала, не разъ оказывалъ вредное вліяніе на итальянскую свободу.

Англійскому министерству еще не приходилось прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ въ отношеніи къ Японіи. По послѣднимъ извѣстіямъ, тайкунъ далъ задатокъ въ счетъ уплаты двухъ милліоновъ, обѣщанныхъ въ видѣ штрафа за убіеніе англичанина Ричардсона; но онъ объявилъ, что не въ состояніи наказать даймій, которые отъ него зависимы и на дѣлѣ и по законамъ. Представители Франціи и Англіи внушительно намекнули ему, чтобъ онъ поднялъ знамя гражданской войны и атаковалъ даймій, а въ случаѣ надобности, и микада; но тайкунъ не согласился на такую продѣлку. Потомъ мы узнали, что микадо, этотъ папа-императоръ Японіи, объявилъ недѣйствительными трактаты, заключенные безъ его согласія намѣстникомъ его, тайкуномъ. Вслѣдствіе этого, онъ приказалъ изгнать всѣхъ иностранцевъ. Недавно Pembroke, ѣхавшій подъ американскимъ флагомъ, подвергся нападенію со стороны одного японскаго судна, неимѣвшаго никакого флага. Французы и англичане укрѣпляются въ Іокогамѣ. Европейцы и японцы наблюдаютъ другъ за другомъ; и съ той и съ другой стороны опасаются столкновеній, зная, что въ этомъ дѣлѣ всякій можетъ болѣе проиграть, чѣмъ выиграть.

Англичане уважаютъ японцевъ, но презираютъ ирландцевъ, которые впрочемъ платятъ имъ тою же монетою. Не имѣя никакой возможности ни противиться своему побѣдителю, ни даже произвести мятежъ, который бы продолжался болѣе восьми дней, Paddy не перестаетъ надѣяться, вопреки своему безнадежному состоянію. Онъ не хочетъ помириться съ своимъ положеніемъ и безпрестанно про-

являетъ свою національность, не смотря на четыре вѣка рабства и уничиженія. 16 августа, на одной возвышенности, близь Типперари, назначена была сходка *націоналистовъ*, но по случаю проливного дождя, собралось только около тысячи человѣкъ. Вода, лившаяся потоками, не укрощала пыла ораторовъ, которые, объявивъ, что законныя средства не поведутъ ровно ни къ чему, смѣло дѣлали воззваніе къ мятежу. «Намъ слѣдуетъ, говорили они: — не посылать болтуновъ въ парламентъ, а заготовлять штуцера и пики; мы должны собраться вокругъ зеленаго знамени зеленѣющей Ирландіи и сражаться до тѣхъ поръ, пока не водрузимъ его на самомъ высокомъ зубцѣ дублинскаго замка, низвергнувъ красное, кровавое знамя англичанъ.» Лондонскіе журналы сильно издѣвались надъ этой демонстраціей и называли эту сходку — сходкою, во вкусѣ японскомъ, парламентомъ жибоновъ и гориллей. Имъ бы слѣдовало скорѣй печалиться о томъ, что англичане не съумѣли пріобрѣсти любовь этихъ бѣдныхъ, великодушныхъ и взбалмошныхъ ирландцевъ, своихъ братьевъ, происходящихъ отъ одного съ ними кельтическаго племени!

Въ Шотландіи также происходило маленькое волненіе. Такъ называемые *субботники* были взбѣшены на адмирала, дозволившаго публикѣ въ святой воскресный день посѣтить военный корабль!

Въ Соединенныхъ Штатахъ событія быстро смѣняются одно другимъ и мы приближаемся если не къ окончательной развязкѣ, то по крайней мѣрѣ къ одному изъ самыхъ рѣшительныхъ переворотовъ революціи. Разскажемъ напередъ исторію войны.

Послѣ сраженія при Геттисбергѣ и совершеннаго открытія Миссиссипи для судовъ уніи, военныя дѣйствія федералистовъ были немногочисленны, но всѣ они клонились къ достиженію окончательной цѣли — подавленію мятежа. Каждый шагъ, дѣлаемый теперь федеральными войсками, есть шагъ впередъ; каждый изъ ихъ походовъ сопряженъ съ завоеваніемъ и уменьшаетъ на нѣсколько миль пространство, занимаемое государствомъ рабовладѣльцевъ. Можно сказать, что мятежная конфедерація, все болѣе и болѣе стѣсняемая побѣдоносною арміею уніонистовъ, необходимо должна будетъ, рано или поздно, признать себя побѣжденною.

Послѣ великой побѣды, одержанной при Геттисбергѣ, правительство уніи, сдѣлавшись достаточно сильнымъ для того, чтобы избрать мѣсто для своихъ военныхъ дѣйствій, дало потомакской арміи отдохнуть отъ кровавыхъ ея трудовъ и устремило свое вниманіе глав-

нымъ образомъ на Чарльстоунъ. На этотъ разъ федералисты, подъ начальствомъ генерала Гильмора, дѣйствовали съ большимъ искусствомъ, чѣмъ во время предшествовавшей аттаки этого города. Они не бросились разомъ на весь рядъ непріятельскихъ укрѣпленій, но пробирались вдоль берега, отъ острова къ острову, и въ одно прекрасное утро, когда никто изъ сепаратистовъ не ожидалъ ихъ нападенія, они вдругъ раскрыли свои батареи, взяли приступомъ крайніе верки непріятеля и загнали его въ фортъ Вагнеръ, находящійся у южнаго входа въ Чарльстоунскій портъ. Гильморъ, занявъ островъ, немедленно сталъ укрѣплять свою позицію, чтобы имѣть возможность отбить всякую атаку, потребовалъ для себя подкрѣпленій и запасся орудіями чудовищнаго калибра, превосходными по свидѣтельству знатоковъ, и достаточно сильными для того, чтобы снаряды ихъ хватали до острова Сёмтера черезъ форты Вагнеръ и Греггъ. Штурмъ, предпринятый противъ перваго изъ этихъ двухъ фортовъ, не имѣлъ успѣха. Оказалось нужнымъ приступить къ правильной осадѣ и устроить траншеи, медленно пробираясь по песку между моремъ и болотами. Наконецъ, 16 августа, всѣ эти работы были кончены и флотъ, состоящій изъ тридцати большею частію броненосныхъ судовъ, сталъ на шпрингъ передъ Сёмтеромъ и фортами острова Морриса. Впродолженіе восьми дней батареи, и съ суши и съ моря, метали противъ непріятельскихъ укрѣпленій свои снаряды, и теперь, судя по послѣднимъ депешамъ, всѣ три форта, подвергавшіеся бомбардированію, превращены въ груды развалинъ.

Самый городъ, лишенный страшныхъ укрѣпленій, защищавшихъ его со стороны моря, и которыя безъ сомнѣнія скоро займутся федералами, подверженъ серьезной опасности. Не смотря на многочисленные форты, разсѣянные по островамъ и по берегу, Чарльстоунъ, повидимому, заранѣе приговоренъ къ сдачѣ, и его оборонительные верки, по всей вѣроятности, падутъ одинъ за другимъ. Во всякомъ случаѣ, портъ теперь блокированъ дѣйствительнымъ образомъ, и военная контрабанда, отправляемая туда нейтральнымъ Джономъ Буллемъ, не проникнетъ болѣе до мѣста назначенія.

Паденіе Сёмтера произвело въ мятежныхъ штатахъ болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ въ республикахъ уніи. Этотъ фортъ былъ первымъ завоеваніемъ рабовладѣльцевъ. Тамъ враги, 12 апрѣля 1861 года, въ первый разъ помѣнялись пушечными выстрѣлами; тамъ звѣздоносное знамя опустилось передъ знаменемъ гремучей

змѣи; тамъ совершилось событіе, не стоившее жизни ни одному человѣку, но которое, по возможности, превосходитъ всѣ факты американской исторіи съ объявленія независимости этой страны. Паденіе Семтера придаетъ огромный нравственный перевѣсъ оружію сѣвера: лишенные этого укрѣпленія, суевѣрные жители юга заранѣе готовы считать себя на половину побѣжденными. Что же будетъ, когда, въ свою очередь, падетъ Чарльстоунъ, этотъ священный городъ? Тамъ въ 1831 году была сдѣлана первая попытка къ возстанію; тамъ двадцать девять лѣтъ спустя, въ 1860-мъ, это возстаніе было осуществлено. Тамъ законодатели южной Каролины, вотируя рѣшеніе объ отпаденіи отъ уніи, ознаменовали свое предпріятіе торжественною молитвою къ всевышнему о дарованіи имъ побѣды. Прошло послѣ того два съ половиною года, и теперь этотъ городъ со дня на день можетъ быть превращенъ въ развалины ядрами и зажигательными бомбами федералистовъ. Жители поспѣшно покидаютъ его, и федеральный фортъ проникаетъ въ портъ. Паденіе Чарльстоуна будетъ для рабовладѣльцевъ нравственнымъ ударомъ, болѣе ужаснымъ, чѣмъ тотъ, какой нанесенъ имъ на Миссисипи. Лишившись великой рѣки, они еще могли сохранить нѣкоторую вѣру въ судьбу, но когда лишатся этого города, то перестанутъ вѣрить въ самихъ себя.

Притомъ лига мятежныхъ штатовъ въ настоящую минуту подвергается опасности лишиться самой важной стратегической линіи, какую она имѣла послѣ взятія Виксбурга. Генералъ Розенкранцъ началъ 21 августа аттаку Чаттаноги, города, который можетъ считаться жизненнымъ пунктомъ, истиннымъ центромъ всей конфедераціи. Служа точкой пересѣченія желѣзныхъ дорогъ, направленныхъ къ Мобилю, Саваннѣ, Чарльстоуну, Ричмонду и Нашвиллю,—Чаттанога сверхъ того защищаетъ высокія равнины Теннесси и ея притоковъ, а также Дефилеи, которыми пересѣкаются Апанахскія горы. Эти горы параллельными хребтами тянутся отъ юго-запада на сѣверо-востокъ и совершенно отдѣляютъ такимъ образомъ три штата: Теннесси, Кентукки и западную Виргинію—отъ штатовъ еще мятежныхъ, которые граничатъ съ Атлантическимъ океаномъ. Эти крутые хребты почти совершенно лишены дорогъ и на огромномъ протяженіи, въ восемь сотъ километровъ, могутъ быть проходимы военными обозами и пушками только въ трехъ пунктахъ. Въ настоящее время эти три прохода еще находятся во власти мятежниковъ; но

когда послѣдніе лишатся Чаттаноги и высокой равнины Теннеси, тогда эти пункты будутъ для нихъ безполезны, и войска рабовладѣльцевъ должны будутъ спуститься въ долину, склоняющуюся къ Атлантическому океану. Тогда генералъ Розенкранцъ, помѣстивъ въ этихъ проходахъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, будетъ имѣть въ своихъ рукахъ ключъ ко всѣмъ центральнымъ занятіямъ. Тогда не будетъ болѣе возможно никакое военное сообщеніе между Ричмондомъ, настоящею столицею рабовладѣльческой конфедераціи, и тѣми мѣстностями, которыя граничатъ съ Мексиканскимъ заливомъ. Тогда южная Каролина и ея сосѣди, большею частію уже покоренные федералистами со стороны моря, совершенно будутъ предоставлены на произволъ судьбы.

Изъ этого видно, какая великая опасность грозитъ мятежникамъ, и предводители ихъ чувствуютъ это такъ сильно, что они другъ друга обвиняютъ въ измѣнѣ. Джефферсонъ Девисъ поговаривалъ даже оставить Ричмондъ, перевести всѣ силы, находящіяся въ его распоряженіи, въ Чаттаногу и сдѣлать изъ этого города священную столицу конфедераціи. Напротивъ того, виргинецъ Ли, главнокомандующій раппаганокской арміи, требуетъ, чтобы Виргинія защищаема была до нельзя и чтобы, въ случаѣ надобности, юго-западные плантаторы предоставлены были на произволъ судьбы. Губернаторъ сѣверной Каролины написалъ обвинительный актъ противъ Джефферсона Девиса, гдѣ напоминаетъ ему всѣ нарушенныя имъ обѣщанія и всѣ бѣдствія юга, и гдѣ, подъ конецъ, онъ предлагаетъ жителямъ своего штата немедленно заключить миръ съ вашингтонскимъ правительствомъ и вступить въ лоно уніи. Въ самомъ Ричмондѣ предводители общественнаго мнѣнія требуютъ, чтобы министры конфедераціи преданы были суду.

Еще болѣе важнымъ признакомъ слабости мятежниковъ служитъ разстройство ихъ арміи. Декретомъ президента рабовладѣльческихъ штатовъ приказано всѣмъ безъ исключенія людямъ, способнымъ носить оружіе, вступить въ военную службу, но число новобранцевъ недостаточно для того, чтобы пополнить пробѣлы, образуемые въ рядахъ бѣгствомъ солдатъ. Корпусъ генерала Ли, самый солидный изъ всѣхъ, и который, по увѣренію депешъ, отправляемыхъ мятежниками, а также французами и англичанами, простирается до полутораста тысячъ человѣкъ и готовъ въ третій разъ овладѣть Мэрилендомъ,—этотъ корпусъ на самомъ дѣлѣ содержитъ въ строю не

болѣе шестидесяти тысячъ и сильно страдаетъ отъ дезертерства рядовыхъ. Иногда отряды кавалеріи должны насильно возвращать въ войско солдатъ, которые бѣжали за Миссиссипи подъ предлогомъ подать помощь своимъ землякамъ на родинѣ. Въ Арканзасѣ главнокомандующій войсками мятежниковъ, Гольмсъ, видитъ, какъ рѣдѣетъ его армія и, въ тоже время, самъ страдаетъ отъ бѣлой горячки.

Положеніе армій Джонстона и Брегга не лучше. Тамъ число дезертеровъ каждый день доходитъ до тысячи человѣкъ. Въ Апалахскихъ горахъ, гдѣ жители свободны и содержатъ весьма небольшое число невольниковъ, конскрипція, предписанная Джефферсономъ Девисомъ, служитъ мертвой буквой, и нарушители этого приказанія спокойно остаются въ своихъ селеніяхъ, рѣшившись встрѣтить наборщиковъ рекрутъ ружейными выстрѣлами. Нѣкоторые изъ нихъ, взятые въ войско насильно, даже отказываются сражаться. Это дезертерство и это уклоненіе отъ военной службы не предвѣщаютъ успѣха оружію рабовладѣльцевъ. Могущественная армія мятежниковъ, въ которой считалось триста тысячъ человѣкъ, теперь едва содержитъ полтораста тысячъ, начиная отъ береговъ Раппаганока и до береговъ Алабамы. Въ такой же пропорціи падаетъ и надежда сепаратистовъ на окончательное торжество. Въ юго-западныхъ штатахъ бумажныя деньги мятежнаго правительства не имѣютъ болѣе никакой цѣны; въ самомъ Ричмондѣ лажъ на золото постепенно поднялся до тысячи пятисотъ процентовъ. Зданіе конфедераціи рушится со всѣхъ сторонъ: «Помоги, Джонъ Булль! Помоги, милый Джонни! Помоги, не то погибнемъ!»

Находясь въ такомъ крайне затруднительномъ положеніи, предводители мятежниковъ, увлекаемые или властолюбіемъ и страстью къ битвѣ или боязнію пораженія и смерти, соглашаются оскорбить «священный принципъ невольничества», который долженъ былъ служить «краеугольнымъ камнемъ ихъ общества». Они издаютъ приказъ немедленно приступить къ набору арміи изъ полутора милліоновъ негровъ и, въ назиданіе своимъ европейскимъ друзьямъ, объявляютъ, что эти невольники, по окончаніи войны, въ награду за свои услуги конфедераціи, получатъ свободу и по пятидесяти акровъ земли на душу. Государственные люди рабовладѣльческихъ штатовъ надѣются, что вслѣдствіе этихъ обѣщаній, сдѣланныхъ не самимъ неграмъ, а всѣмъ вообще ротозѣямъ на свѣтѣ, Франція и Англія, столь щекотливыя, какъ извѣстно, въ дѣлѣ нравственности,—захо-

тятъ наконецъ принять ихъ подъ свою могущественную защиту и облегчить имъ вступленіе въ синедріонъ признанныхъ правительствъ. Знаемъ мы такія выходки: это тактика надувательскихъ дѣлъ мастеровъ!

Официальная пресса торжествуетъ. Всѣ тѣ, которые, или по приказанію, или по естественной своей безнравственности, аплодировали вторженію французовъ въ Мексику и другимъ подобнаго рода гнуснымъ поступкамъ,—восторгаются непредвидѣннымъ великодушіемъ президента мятежныхъ штатовъ, чувствуя очень хорошо, что эта обѣщанная эмансипація есть ничто иное, какъ приманка, скрывающая новую измѣну. Они восхваляютъ рабовладѣльцевъ, какъ людей «добрыхъ, великодушныхъ и добродѣтельныхъ». Но мы надѣемся, не много найдется такихъ простаковъ, которые въ состояніи вѣрить подобной лжи.

Начать съ того, что наборъ полутора милліоновъ негровъ совершенно невозможенъ. Если исключить Техасъ и Арканзасъ, которые отдѣлены отъ остальной части конфедераціи долиною Миссисипи и потому уже болѣе не могутъ повиноваться приказаніямъ Джефферсона Девиса, то рабовладѣльческіе штаты заключаютъ въ себѣ не болѣе 2,400,000 негровъ, со включеніемъ въ это число и тѣхъ, которые считаются свободными. Предположимъ теперь, принявъ во вниманіе цифру средней долговѣчности жизни, что всѣ, безъ исключенія, невольники, отъ двадцати до пятидесяти лѣтъ, призываются въ военную службу; все же такая всеобщая конскрипція доставитъ только 450,000 солдатъ, а не полтора милліона, какъ того требуетъ декретъ правительства. А изъ этихъ четырехъ сотъ пятидесяти тысячъ человѣкъ не должно ли исключить всѣхъ слабыхъ и увѣчныхъ, весьма многочисленныхъ въ этой варварской странѣ, а также всѣхъ, страдающихъ грыжей,—болѣзнію, которая часто свирѣпствуетъ между неграми, вслѣдствіе ихъ чрезмѣрныхъ трудовъ? А кто останется для производства работъ на плантаціяхъ и въ заводахъ? Неужели джентльмены — бѣлоручки, презиравшіе трудъ въ продолженіе всей своей жизни какъ занятіе унизительное, примутся теперь за заступъ и станутъ работать и потѣть на мѣстѣ негровъ? Однакожъ мятежная конфедерація теперь болѣе, чѣмъ когда либо, нуждается въ работникахъ. Они нужны для производства хлѣба, который уже болѣе не привозится съ сѣвера; они нужны также для приготовленія пороха, который теперь уже не доставляется Англией

въ такомъ огромномъ количествѣ, какъ прежде. И неужели въ настоящую минуту конфедерація соберетъ армію, которая бы заключала въ себѣ всѣхъ негровъ, больныхъ и здоровыхъ, отъ двадцати до пятидесяти лѣтъ, т. е. болѣе одной пятой всего населенія страны? Это одно и тоже, что еслибъ Франціи вздумалось сдѣлать наборъ въ восемь милліоновъ человѣкъ, а Россіи — въ пятнадцать милліоновъ. И вотъ на такую нелѣпость тысяча европейскихъ журналовъ смотрятъ какъ на серьезную мѣру.

Къ матеріальной невозможности осуществленія такого декрета присоединяются и нравственныя затрудненія. Рабовладѣльческіе штаты подняли знамя мятежа и соединились между собою съ двоякою цѣлью: обезпечить автономію каждаго штата относительно центральнаго правительства и упрочить невольничество всѣми возможными средствами. Декретъ Джефферсона Девиса самымъ явнымъ образомъ противорѣчитъ этой двойной цѣли и разрушаетъ тѣ принципы, которые служили поводомъ къ мятежу. Онъ разрушаетъ абсолютную самостоятельность штатовъ, такъ какъ онъ изданъ безъ предварительнаго согласія народныхъ собраній; онъ разрушаетъ «священное» постановленіе невольничества, такъ какъ всѣмъ неграмъ, поступающимъ въ военную службу, обѣщана свобода. Плантаторы, начавшіе войну единственно съ тою цѣлью, чтобы сохранить свой *двуногій рабочій скотъ*, теперь не имѣютъ никакой причины оставаться въ числѣ мятежниковъ. Такъ какъ во всякомъ случаѣ они должны лишиться своихъ негровъ, то не лучше ли уступить этихъ невольниковъ Линкольну, который за освобожденіе ихъ, быть можетъ, заплатитъ выкупъ?

Да и самые негры, которыхъ хотятъ вооружить, допустятъ ли повести себя на войну, какъ безсмысленныхъ животныхъ? Они всѣ знаютъ, что свободны по праву, вслѣдствіе декрета 1-го января; что невольничество, въ которомъ они содержались своими мятежными господами, было беззаконно, и что Янки въ покоренныхъ территоріяхъ освободили болѣе полумилліона ихъ братьевъ. Они съ восторгомъ прислушивались къ грому пушекъ федералистовъ, безпрестанно приближавшемуся къ ихъ плантаціямъ и привыкли благословлять имя Линкольна, какъ имя полубога. А теперь допустятъ ли они добровольно вооружить себя и согласятся ли идти противъ своихъ чорныхъ братьевъ, которые сражаются за свободу въ рядахъ федеральныхъ войскъ? Неужели они, вмѣсто того, чтобы

оставаться невольниками въ продолженіе всей войны, не захотятъ дезертировать, съ тѣмъ, чтобы немедленно воспользоваться правами свободныхъ гражданъ? Да притомъ думали ли и самые плантаторы объ опасности, какой они подвергаются, давая неграмъ оружіе въ руки въ то время, какъ жены и дѣти этихъ людей остаются на плантаціяхъ подъ бичемъ своего повелителя?

Ужь конечно, повѣрьте, самые компрометированные предводители мятежниковъ знаютъ всѣ эти вещи очень хорошо и прибѣгаютъ къ такой отчаянной мѣрѣ единственно въ надеждѣ на союзъ съ иностранцами: декретъ гораздо болѣе имѣетъ цѣлью обезпечить за конфедераціею армію бѣлыхъ европейцевъ, чѣмъ армію черныхъ невольниковъ.

Притомъ мятежники чувствуютъ себя на краю пропасти. Если они будутъ побѣждены, то погибнутъ вмѣстѣ съ невольничествомъ; но если останутся побѣдителями, то будутъ имѣть возможность упрочить рабство, такъ какъ «темнокожій человѣкъ не имѣетъ никакихъ правъ, которыя обязанъ былъ бы уважать бѣлый».

Пока предводители рабовладѣльцевъ такимъ образомъ прибѣгаютъ къ крайнимъ мѣрамъ, свободные штаты уніи развиваются мирно, не смотря на страшную войну, свирѣпствующую на ихъ границахъ.

Федеральная армія безпрестанно усиливается, и теперь, какъ говоритъ государственный секретарь Сьюардъ въ своемъ циркулярѣ, «она можетъ аттаковать инсургентовъ на всѣхъ пунктахъ съ превосходными силами». Конскрипція производится безъ всякихъ затрудненій, и рекруты немедленно отправляются въ Вашингтонъ и на берега Потомака съ тѣмъ, чтобы войти въ составъ старыхъ войскъ. Федеральный флотъ увеличивается, по крайней мѣрѣ, однимъ броненоснымъ кораблемъ въ недѣлю, и болѣе ста такихъ судовъ строются на верфяхъ Огайо и Миссисипи. Въ западныхъ штатахъ приверженцы конфедераціи не смѣютъ болѣе пикнуть и въ Нью-Іоркѣ они не дерзаютъ производить новые безпорядки. Взаимное довѣріе жителей возрастаетъ въ такой же пропорціи, какъ и ихъ довольство. Банкиры торговыхъ городовъ каждый день покупаютъ билеты національнаго долга на 1,200,000 долларовъ, по нарицательной цѣнѣ. Всѣ роды промышлености процвѣтаютъ; хлѣбъ, составляющій богатство западныхъ штатовъ, далъ необыкновенный урожай, и у восточной подошвы Скалистыхъ горъ открыта новая Калифорнія золотой руды.

Изъ всѣхъ мѣръ, принятыхъ президентомъ Линкольномъ, безъ сомнѣнія самыя важныя тѣ, которыя касаются солдатъ — негровъ, попавшихъ въ плѣнъ къ рабовладѣльцамъ. Какую бы заслугу имѣла американская республика въ отношеніи къ чернымъ невольникамъ, взятымъ ею на службу, еслибъ бывшіе рабы, включенные въ составъ федеральной арміи, не были признаны людьми свободными и еслибъ мятежники могли присвоить себѣ право безнаказанно топтать ихъ ногами, вѣшать и возвращать въ прежнюю неволю?

Ужъ конечно нельзя сказать, чтобы солдаты-негры слабо защищали дѣло уніи. Они достаточно доказали свою храбрость въ Арканзасѣ, въ Флоридѣ, въ Георгіи, при первомъ нападеніи на фортъ Гедсонъ, гдѣ изъ восьми сотъ ихъ легло шесть сотъ во рвахъ, и при первомъ штурмѣ на фортъ Вагнеръ, откуда полкъ ихъ возвратился подъ предводительствомъ лейтенанта, лишившись всѣхъ прочихъ своихъ офицеровъ. И однакожъ тѣ изъ нихъ, которые попали въ плѣнъ къ своимъ непріятелямъ, были повѣшены, какъ преступники, или проданы, подобно скоту. Тщетно федеральное правительство дѣлало представленія противъ такого нарушенія военныхъ законовъ. Генералы мятежниковъ, большею частію бывшіе плантаторы, утверждали, что негръ не есть человѣкъ. Истощивъ всѣ средства убѣжденія, президентъ Линкольнъ наконецъ 30 іюля издалъ декретъ, въ которомъ торжественно объявилъ, что солдаты, сражающіеся за свободу—люди свободные. Вотъ текстъ этого декрета, который займетъ почетное мѣсто въ исторіи африканской расы:

«Всякое правительство обязано защищать своихъ гражданъ, къ какому бы классу они ни принадлежали и какого бы цвѣта и состоянія они ни были, въ особенности тѣхъ, которые законнымъ образомъ опредѣлены солдатами на службу обществу.

«Народнымъ правомъ и обычаями войны, въ томъ видѣ, какъ они примѣняются у народовъ цивилизованныхъ, запрещается въ обращеніи съ военно-плѣнными, какъ съ общественными врагами, дѣлать различіе по цвѣту ихъ кожи. Продать или обратить въ неволю кого бы то ни было за его цвѣтъ, а не за нарушеніе военныхъ законовъ, есть анахронизмъ варварскихъ временъ и преступленіе противъ цивилизаціи нашего вѣка.

«Правительство Соединенныхъ Штатовъ одинаково будетъ защищать всѣхъ своихъ солдатъ, и если непріятель продастъ или обратитъ въ рабство человѣка за цвѣтъ его тѣла, то, въ наказаніе за

такое преступленіе, поступлено будетъ подобнымъ же образомъ съ военноплѣнными, находящимися въ нашихъ рукахъ.

«Вслѣдствіе этого приказывается: за всякаго солдата Соединенныхъ Штатовъ, убитаго вопреки законамъ войны, казнить солдата мятежниковъ; за всякаго солдата Соединенныхъ Штатовъ, обращеннаго въ неволю или проданнаго непріятелемъ, осудить на каторгу солдата непріятельскаго и въ этой каторгѣ содержать его до тѣхъ поръ, пока первый не будетъ освобожденъ отъ рабства и не удостоится такого же обращенія, какъ и всѣ военноплѣнные.

Авраамъ Линкольнъ».

Этотъ декретъ опредѣлителенъ и показываетъ, какъ серьезно рѣшеніе Линкольна. Гарибальди по этому случаю адресовалъ къ президенту Соединенныхъ Штатовъ нѣсколько строкъ, вылившихся изъ глубины его геройской души. Вотъ его письмо:

«Аврааму Линкольну, освободителю невольниковъ въ американской республикѣ.

«Если, посреди шума вашихъ титанскихъ битвъ, до васъ можетъ дойти нашъ голосъ, то позвольте, Линкольнъ, намъ, свободнымъ сынамъ Коломба, въ добрый часъ высказать слово удивленія по поводу предпринятаго вами великаго дѣла.

«Какъ наслѣдникъ мысли Христа и Броуна, вы перейдете въ потомство съ именемъ эмансипатора, болѣе завиднымъ, чѣмъ всякая корона и чѣмъ всякое человѣческое сокровище!

«Цѣлая раса людей, которая, вслѣдствіе эгоизма другихъ, должна была влачить цѣпи невольничества, возвращена вами, и цѣною самой благородной крови Америки—человѣческому достоинству, цивилизаціи, любви.

«Америка, научившая нашихъ отцовъ свободѣ, снова открываетъ для себя торжественную эру прогресса.

«Позвольте людямъ свободнымъ благоговѣйно праздновать паденіе невольничества. Привѣтъ вамъ, Линкольнъ, кормчему свободы! Привѣтъ и вамъ, героямъ, сражающимся впродолженіи двухъ лѣтъ и умирающимъ вокругъ его освободительнаго знамени! Привѣтъ и тебѣ, освобожденное племя Хама! Свободные люди Италіи цѣлуютъ твои раны, натертыя цѣпями.

Гарибальди».

Послѣ декрета Линкольна, можно сказать, что африканскія войска

составляютъ армію, такъ какъ до этого времени ни негръ, ни мулатъ, находившіеся въ строю, не пользовались тѣми драгоцѣнными правами, безъ которыхъ нельзя претендовать даже на имя человѣка. Теперь вступленіе негровъ въ военную службу совершается въ обширныхъ размѣрахъ. Въ разныхъ частяхъ республики организовано семьдесятъ два негритянскихъ полка, въ тысячу человѣкъ каждый, и большею частію они включены въ составъ дѣйствующей арміи. Если причислить сюда работниковъ, воздѣлывающихъ поля, то сто тридцать тысячъ бывшихъ рабовъ и сыновей невольниковъ, утвердившись побѣдителями на территоріи своихъ прежнихъ господъ, содѣйствуютъ теперь освобожденію своихъ братьевъ, еще находящихся въ неволѣ. Это факты, которые не забываются и которые дѣлаютъ возстановленіе прежняго порядка вещей совершенно невозможнымъ. Не далѣе какъ два года тому назадъ, Франція и Англія гордились тѣмъ, что освободили своихъ негровъ, тогда какъ народъ американскій еще влачилъ у ногъ своихъ невольничество, какъ галерный каторжникъ ядро. А теперь, быть можетъ, Соединенные Штаты противопоставятъ грудь своихъ освобожденныхъ невольниковъ Франціи и Англіи, готовымъ вступить между собою въ союзъ для того, чтобы заставить американцевъ сохранить учрежденіе рабства. О судьба, какъ ты измѣнчива!

Дѣйствительно, снова представляется намъ кровавая перспектива войны съ Соединенными Штатами. Двѣ причины дѣлаютъ эту войну почти неизбѣжною: во-первыхъ, коварное поведеніе англійскаго и французскаго правительствъ, которыя вооружаютъ корсаровъ или даютъ имъ выѣхать въ море для уничтоженія американской торговли; и во-вторыхъ, занятіе Мексики французами. Уніонисты возмущены опустошеніями, которыя производятся англійскими корсарами. Эти орскіе разбойники, подъ флагомъ гремучей змѣи, грабятъ, жгутъ и потопляютъ торговыя суда сѣверныхъ американцевъ и почти совершенно уничтожили заатлантическую торговлю Соединенныхъ Штатовъ. Американскіе купцы намѣрены затѣять формальный процессъ съ ливерпульскими домами, которые промышляютъ устройствомъ корсарскихъ судовъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ побѣда при Геттисбергѣ и взятіе форта Гедсона и Виксбурга успокоили жителей сѣверныхъ штатовъ относительно исхода, какой должно имѣть возстаніе рабовладѣльцевъ, между уніонистами поднялся всеобщій крикъ: «отмстимъ этимъ мнимымъ

друзьямъ, англичанамъ, которые разоряютъ и убиваютъ насъ на всѣхъ моряхъ. Они уничтожили нашу торговлю и намъ нетрудно будетъ отплатить имъ тою же монетою и сверхъ того взять у нихъ Канаду. Они хотѣли сокрушить народъ Соединенныхъ Штатовъ, но это отзовется смертью ихъ аристократіи!» Читатели, безъ сомнѣнія, помнятъ, что на ливерпульскихъ верфяхъ строился корсарскій корабль Princess Alexandra, назначавшійся для нападенія на американскія суда. Когда это сдѣлалось извѣстнымъ, онъ еще не былъ вооруженъ пушками, которыя отливались въ другомъ мѣстѣ. Посланникъ Соединенныхъ Штатовъ обратился по этому поводу съ представленіями къ англійскому правительству, вслѣдствіе чего Princess Alexandra была арестована и дѣло это подверглось судебному разсмотрѣнію; но потомъ, по приговору суда, корабль былъ отпущенъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что такъ какъ на немъ не было пушекъ, то и не имѣлось матеріальныхъ доказательствъ, что онъ дѣйствительно назначался для войны.

Ободренные такимъ неоспоримо злонамѣреннымъ рѣшеніемъ, Лэрдъ и Робекъ хотѣли пустить въ ходъ два новыхъ броненосныхъ корабля, которые назначались для друга ихъ, Джефферсона Девиса. *Общество для уничтоженія невольничества* представило по этому случаю адресъ лорду Джону Росселю, требуя, чтобы правительство воспрепятствовало отправленію броненосныхъ канонерскихъ лодокъ, вооруженныхъ таранами. Извѣстно было, что Соединенные Штаты думали не на шутку признать это новое нарушеніе нейтралитета причиною достаточною для объявленія войны, если Англія сохранитъ предательскую легальность, принятую по поводу Princess Alexandra. Англія устрашилась, и газета Таймсъ также: «Нейтральныя державы, замѣчаетъ она:—не имѣютъ никакого права доставлять военныя суда воюющимъ сторонамъ. И, однакожъ, говорятъ, что одинъ корсарскій корабль конфедераціи находится въ британскихъ водахъ, въ ожиданіи новыхъ товарищей, съ которыми онъ долженъ соединиться. Правда ли это? Мы надѣемся, что нѣтъ. Это *не вопросъ симпатіи*, нисколько, это вопросъ о законности, и мы можемъ прибавить еще разъ,—вопросъ, касающійся интересовъ Англіи».

Это значило приготовить отступленіе. Пока это происходило въ Англіи, въ Брестѣ пристало знаменитое корсарское судно, Флорида, которое въ нынѣшнемъ году, 11-го мая, истребило имущества на пятьдесятъ четыре мильона франковъ. Это судно недавно ограбило

американскій корабль, нагруженный товарами, принадлежавшими французскимъ купцамъ, которыхъ оно такимъ образомъ разорило. Оно высадило своихъ плѣнныхъ на берегъ и просило позволенія производить починки и вооружиться новыми пушками въ императорскихъ докахъ. На эту просьбу, представленную въ Тюльери, послѣдовало немедленное разрѣшеніе — честь, которой, сколько намъ извѣстно, никогда прежде не удостоивался ни одинъ корабль. Мониторъ по этому случаю объявилъ, что это корсарское судно принято императорскимъ правительствомъ гостепріимно на основаніи требованій строгаго нейтралитета, такъ какъ, по весьма хитрому замѣчанію этого офиціальнаго журнала, приведеніемъ Флориды въ прежнее состояніе ей дается возможность не сражаться, а только продолжать свое плаваніе. Въ то же время кабинетъ тюльерійскій адресовалъ въ сенъ-джемскій конфиденціальную ноту: «Вотъ смотрите, говорилъ онъ:—я первый открыто принимаю сторону сепаратистовъ; послѣдуйте и вы моему примѣру»!

Лордъ Джонъ Россель отвѣчалъ на это предложеніе тѣмъ болѣе благопріятнымъ образомъ для императора, что онъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ отказался безпокоить строителей корсарскихъ судовъ на Клайдѣ и на Мерси, основываясь на судебномъ рѣшеніи, состоявшемся по поводу Princess Alexandra. Потомъ вдругъ, вслѣдствіе ли страха, или вслѣдствіе угрызеній совѣсти, онъ велѣлъ задержать двѣ корсарскія канонирскія лодки, противъ отправленія которыхъ возставали аболиціонисты. Чтобы выпутаться изъ бѣды, г. Лэрдъ, знаменитый другъ господина Робека, контрабанднаго посланника при парламентѣ со стороны его тюльерійскаго величества, объявилъ, что эти суда строились для покойнаго вице-короля египетскаго (пойдите-ка и справьтесь объ этомъ въ раю Магомета), и въ доказательство справедливости своего показанія онъ далъ имъ арабскія названія Эль-Тустонъ и Эль-Монастырь.

Что-то скажетъ вашингтонское правительство, когда узнаетъ, что непріятельскій корабль отдыхалъ на верфяхъ государства, которое находится въ soi-disant дружественныхъ отношеніяхъ къ Соединеннымъ Штатамъ? Притомъ всему свѣту извѣстно, что во Франціи недавно строились для сепаратистовъ корсарскія суда, по крайней мѣрѣ по два въ Нантѣ и Бордо; планы для нихъ доставлены были какими-то таинственными людьми и самыя суда теперь красуются на морѣ.

Этотъ фактъ тѣмъ большую имѣетъ важность, что онъ совершился не въ Англіи, гдѣ господствуетъ совершеннѣйшая свобода промышленности, а во Франціи, гдѣ ни одна паровая машина не можетъ быть приготовлена безъ предварительнаго разрѣшенія со стороны правительства, ни пущена въ ходъ, не бывъ изслѣдована и заклеймена высшимъ начальствомъ.

Гг. Линкольнъ и Сьюардъ знаютъ очень хорошо, что между Джефферсономъ Девисомъ и императоромъ французскимъ заключено условіе, на немедленномъ исполненіи котораго отчаянно настаиваетъ Richmond Examiner. Это условіе состоитъ въ томъ, что Наполеонъ III обѣщаетъ сепаратистамъ наступательный и оборонительный союзъ, а Джефферсонъ Девисъ ему, для округленія его завоеваній въ Мексикѣ—Техасъ и древнюю Люизіану (которые, замѣтимъ въ скобкахъ, должны быть прежде отняты у Соединенныхъ Штатовъ).

Чувствуя, какъ опасно такое предпріятіе, императоръ Наполеонъ вступилъ по этому предмету въ переговоры съ Испаніею. Папа и совѣтъ кардиналовъ также принимаютъ участіе въ этомъ замыслѣ. Архіепископъ Мексики по этому случаю нарочно совершилъ путешествіе въ Римъ. Высшее духовенство во всѣхъ странахъ старается содѣйствовать этому предпріятію своими совѣтами и молитвами. Императоръ австрійскій и эрцгерцогъ Максиміліанъ въ этомъ дѣлѣ заинтересованы непосредственно, такъ какъ имъ назначена роль обманутыхъ жертвъ; но они не слишкомъ довѣряютъ главнымъ дѣйствующимъ лицамъ.

Императору Наполеону въ особенности хочется пріобрѣсти для этого предпріятія помощь Англіи. Война съ Соединенными Штатами не можетъ имѣть никакого шанса на успѣхъ, если она будетъ предпринята безъ содѣйствія англійскаго флота, на долю котораго въ такомъ случаѣ падетъ вся тягость борьбы и который все таки не въ состояніи будетъ предохранить британскую торговлю отъ уничтоженія. Въ случаѣ успѣха союзниковъ, окажется, что Англія трудилась для истребленія самой могущественной, послѣ нея, протестантской націи и для разрушенія конституціоннаго государства, именно республики, и что она содѣйствовала своему собственному паденію и крайнему возвеличенію могущества французскаго императора. Въ случаѣ неудачи, всего болѣе пострадаетъ союзный флотъ, а такъ какъ для Великобританіи флотъ составляетъ жизненную силу, то Англія получитъ смертельный ударъ, тогда какъ мо-

гуществу императора нанесенъ будетъ ущербъ, легко вознаграждаемый.

Съ другой стороны, спрашивается, какой политики въ этомъ дѣлѣ будетъ придерживаться англійское правительство? По всей вѣроятности, такой же политики, какой оно слѣдовало въ мексиканской экспедиціи: оно соединится съ великимъ авантюристомъ, пустится съ нимъ въ самое безразсудное предпріятіе, и потомъ въ рѣшительную минуту покинетъ своего союзника: пусть онъ одинъ выпутывается изъ бѣды, какъ знаетъ.

Любопытно, кто изъ этихъ двухъ компаньоновъ перехитритъ другого. Оба они играютъ въ коварную игру и каждый день отливаютъ другъ другу пули. Ихъ дипломаты щедро угощаютъ другъ друга любезностями и въ то же время ядовитыми колкостями, въ которыхъ давно уже они доходятъ до крайностей.

Но въ этой игрѣ, гдѣ дѣло идетъ о томъ, чтобы превзойти своего противника въ злодѣйствахъ, Англія пользуется преимуществомъ. Россель и Пальмерстонъ не имѣютъ надобности становиться каждый день на натянутый канатъ и балансировать, подобно своему благородному другу, этому parvenu 2-го декабря. Притомъ они не *обязались* окончательно дѣйствовать противъ Соединенныхъ Штатовъ. Хотя янки возмущены противъ нихъ какъ нельзя болѣе, и скорѣй готовы простить Франціи за ея коварныя продѣлки, все-таки Англичане въ случаѣ если наконецъ вспыхнетъ война, по всей вѣроятности съумѣютъ во время устранить себя отъ передряги. Они, къ своему счастію, не находятся въ Мексикѣ, тогда какъ это мнимое завоеваніе заставитъ Людовика Наполеона впадать изъ одной ошибки въ другую, пока наконецъ онъ не наткнется на такое же несчастіе, какое испытали французы въ Москвѣ, на такое же пораженіе, какое они потерпѣли при Лейпцигѣ, и на такую же непоправимую бѣду, какая надъ ними разразилась при Ватерлоо. Мексика третья республика, ниспровергнутая императоромъ Бонапартомъ, но ему уже не удастся ниспровергнуть четвертой.

La Epoca, министерскій журналъ, въ Мадритѣ, такимъ образомъ говоритъ объ этомъ вопросѣ: «Признаніе конфедеративныхъ штатовъ Франціею и, быть можетъ, вслѣдъ за тѣмъ Англіею, приближается гигантскими шагами.... Мы всегда подозрѣвали, что виды императора Наполеона на Мексику не ограничиваются однимъ водвореніемъ въ этой странѣ правительства сильнаго и прочнаго, но что они

соединяются съ проэктами, имѣющими цѣлью противопоставить преграду всепоглощающей политикѣ Соединенныхъ Штатовъ.

«Быть можетъ, признанію сепаратистскихъ штатовъ Франціею будетъ предшествовать признаніе ихъ новымъ мексиканскимъ правительствомъ, а быть можетъ наоборотъ. Это будетъ служить причиною къ формальному разрыву вашингтонскаго правительства съ Мексикою и вслѣдъ затѣмъ съ Франціею. Мы должны быть готовы къ великимъ событіямъ, которыя вскорѣ разыграются между Европой и Америкой».

Послѣ того, какъ учреждено пресловутое собраніе изъ самыхъ значительныхъ лицъ Мексики, замысловато придуманное для замѣны всеобщей подачи голосовъ, французскіе журналы просто приводятъ насъ въ отчаяніе неопредѣленностью, съ какою они говорятъ объ этомъ «великолѣпномъ завоеваніи». Однакожъ они утверждаютъ, что Хуаресъ имѣетъ у себя не болѣе сотни приверженцевъ и что онъ принужденъ былъ импровизировать бригаднаго генерала въ лицѣ своего бывшаго министра финансовъ. Дольбадо, *говорятъ*, намѣренъ отъ него отстать, генералъ Коммонфортъ также, *повидимому*, склоняется въ пользу иностраннаго вмѣшательства въ дѣла Мексики. Черезъ мѣсяцъ всѣ порты Мексиканскаго залива *неизбѣжно* пристанутъ къ той же сторонѣ. Вѣроятно, съ цѣлью ускорить въ народѣ проявленіе желаній, благопріятныхъ для французскаго правительства, адмиралъ Боссъ объявилъ эти порты въ блокадномъ состояніи. Впрочемъ «непреодолимая вспышка чувствъ цѣлаго народа, возвращеннаго къ самосознанію, самымъ блистательнымъ образомъ оправдываетъ политику, которой придерживался императоръ въ этой странѣ. Вездѣ, гдѣ жители освобождены отъ ига, угнетавшаго ихъ такъ долго, они объявляютъ себя въ пользу новаго порядка вещей съ такимъ единодушіемъ и энтузіазмомъ, которые удивляютъ ихъ друзей, даже самыхъ прозорливыхъ». Такъ говоритъ Монитеръ. Должны ли мы этому вѣрить?

Audiatur et altera pars. Тѣ немногія газеты Соединенныхъ Штатовъ, которыя попадаются намъ въ руки, напротивъ, разсказываютъ, что гверильясы почти блокировали Форея въ Мексикѣ; что этотъ генералъ около мѣсяца не имѣлъ возможности отправлять своихъ писемъ въ Вера-Круцъ; что клерикально-иностранная партія ввела въ страну разстрѣливаніе и вѣшаніе, и что всякій французскій солдатъ, выходящій на улицу одинъ, немедленно убивается туземцами,

а на одномъ балѣ, который иностранные офицеры давали мексиканскимъ дамамъ, едва можно было собрать нѣсколько дюжинъ мексиканокъ. Всѣ мѣстные граждане, по словамъ этихъ газетъ, отказываются помѣстить у себя солдатовъ арміи, «пришедшей для ихъ освобожденія», и когда госпожа Рубіо не хотѣла принять на постой французскаго офицера, его превосходительство маршалъ Форей, представитель его величества императора Бонапарта въ новомъ свѣтѣ, велѣлъ отсчитать ей двѣсти ударовъ плетью. Говорятъ, что мужъ этой несчастной женщины, владѣлецъ богатыхъ рудниковъ, бросился передъ генераломъ на колѣни, умоляя его замѣнить тѣлесное наказаніе денежнымъ штрафомъ и предлагая груду серебра, которая своимъ вѣсомъ равнялась вѣсу его жены. Но маршалъ, котораго впрочемъ обвиняли въ корыстолюбіи и даже болѣе, остался непреклоннымъ и не поддался на такой соблазнъ. «Нуженъ примѣръ»! воскликнулъ офиціальный апостолъ французской цивилизаціи, и несчастная дама была подвергнута истязанію. Неизвѣстно, осталась ли она послѣ того въ живыхъ. — Что мы должны думать о такихъ мерзавцахъ, руками которыхъ Наполеонъ III душитъ свободу вездѣ, гдѣ можно ее задушить безнаказанно?

Въ Женевѣ совершилось coup d'état. Это буря въ стаканѣ воды, притомъ не совсѣмъ чистой.

Въ стаканѣ воды, сказали мы. Однакожъ было бы весьма ошибочно судить о значеніи маленькой женевской республики по занимаемому ею пространству и по числу ея жителей. Она пользуется въ свѣтѣ вліяніемъ, во сто разъ болѣе значительнымъ, чѣмъ какое она могла бы имѣть по количеству своего народонаселенія. Дѣло въ томъ, что Женева городъ весьма образованный, быть можетъ, самый образованный изъ всѣхъ существующихъ городовъ. Во всякомъ случаѣ, она посвящаетъ бюджету своего образованія сумму сравнительно въ восемь разъ болѣе значительную, чѣмъ Франція, ея великая сосѣдка. Это она разсылаетъ по всѣмъ цивилизованнымъ странамъ своихъ наставниковъ, своихъ гувернанокъ, своихъ учительницъ, своихъ банкировъ и свои часы. Почти по всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности, Женева имѣла своихъ знаменитыхъ представителей: по естественнымъ наукамъ — Губера, Соссюра, Кандоля, Де-ла-Рива, по историческимъ — Пикте и Сисмонди, по философіи — Шарля Бонне. Но кто ее прославилъ навсегда, это Руссо, философъ природы, и Кальвинъ, логикъ

супранатурализма и докторъ предопредѣленія. Хотя Женева нисколько негостепріимна, (такъ какъ она слишкомъ много видитъ у себя иностранцевъ), но благодаря своему удивительно счастливому географическому положенію между Франціею, Италіею и Германіею, озеру Леману съ его лазуревыми водами, великолѣпному своему пейзажу, виду на Юру и на альпы Монъ-Блана, городъ этотъ во всѣ времена былъ любимымъ убѣжищемъ эмигрантовъ. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ въ немъ укрывались французскіе и италіянскіе протестанты, въ семнадцатомъ — пресбитеріанцы Англіи и Шотландіи, въ восемнадцатомъ — философы, въ девятнадцатомъ — республиканцы и соціалисты. Женева всегда была богата представителями европейскаго образованія; эмигранты, люди несчастные, преслѣдуемые своими правительствами, составили ея величіе интеллектуальное, промышленное, торговое и политическое, такъ же какъ они составили величіе Берлина. Флорентинскіе изгнанники, съ своими семействами, Діодати, Бурламаки, Турретини, Каландрини и другіе, доставили Женевѣ банкъ и торговлю драгоцѣнными металлами и развили въ этомъ городѣ вкусъ къ изящнымъ произведеніямъ художествъ; любовь къ комфорту занесена сюда англичанами и шотландцами, которые возбудили въ мѣстныхъ жителяхъ неутомимую настойчивость и умъ практическій и положительный. Вольтеръ, знавшій этихъ жителей хорошо, говорилъ: если вы увидите женевца, который бросается изъ окна, съ третьяго этажа, вы смѣло можете броситься за нимъ, рискуя жизнію изъ ста случаевъ не болѣе какъ въ пяти. Французы дали женевцамъ свой основной характеръ, умъ точный, свѣтлый, ѣдкій, вооруженный сильною логикою. Но обыкновенно теряется изъ виду то обстоятельство, что основаніемъ женевцевъ служатъ савояры (двоюродные братья овернцевъ), народъ, состоящій изъ мнимыхъ добряковъ, хитрый, угрюмый, скрывающій свой умъ подъ грубою наружною оболочкою, и менѣе наивный, чѣмъ кажется,—народъ, принужденный вознаграждать суровость своего климата и бѣдность своей страны трудомъ упорнымъ и, вслѣдствіе этого, алчный и корыстолюбивый. Поэтому женевецъ ничто иное, какъ савояръ разбогатѣвшій, просвѣщенный и развитый; это — дерево, расцвѣтшее и покрытое плодами.

При такомъ характерѣ неудивительно, что женевецъ внушаетъ къ себѣ скорѣе уваженіе, чѣмъ симпатію. Въ дѣлѣ религіи, Женева отличается узкимъ, сухимъ и безплоднымъ догматизмомъ; прежде она

заражена была ученіемъ о предопредѣленіи вѣчныхъ мукъ, а теперь съ упорствомъ защищаетъ такъ называемую Theopneustia. Религія здѣсь приняла характеръ судейскій. «Богъ каждый день вноситъ наши грѣхи въ свою записную книгу», говорятъ женевцы. Какъ бы то ни было мы сами слышали, какъ женевскіе мужчины и женщины въ одномъ душеспасительномъ собраніи пѣли весьма куріозный куплетъ, сочиненный докторомъ Сезаромъ Маланомъ, женевскимъ священникомъ, апостоломъ педо-баптистовъ, — въ этомъ куплетѣ говорится:

«Souvent le chrétien
Manquant de tout bien
S'impatiente, s'impatiente.
Dieu lui répond: Quoi!
Ne suis-je pas moi
Ta banque? Ta banque?» *)

Не менѣе теологовъ, скучны также женевскіе филантропы, фанатическіе приверженцы ученія, извѣстнаго подъ названіемъ Morale restreinte и содержанія преступниковъ въ кельяхъ. Преступникъ, по ихъ мнѣнію, впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, не долженъ говорить ни съ кѣмъ, ни видѣть ни одного животнаго, ни одной птицы, ни одного цвѣтка. Онъ долженъ жить въ кельѣ совершенно чистой, чтобы не имѣть возможности развлекаться крысами, мухами или пауками. Окно его должно быть изъ матоваго стекла, чтобы онъ всегда находился въ сумеркахъ и чтобы въ душѣ его уничтожилось всякое понятіе о солнечныхъ лучахъ и о лазуревыхъ небесахъ. Преступникъ долженъ быть исправляемъ затворничествомъ и безмолвіемъ, т. е. долженъ сойти съ ума; исправляемъ работою, т. е. вязать носки за пятьдесятъ сантимовъ въ день; исправляемъ религіею, т. е. быть заключену съ библіею и проповѣдями келаря.

На самомъ дѣлѣ, между жизнію преступника въ такъ называемой усовершенствованной кельѣ и жизнію добродѣтельнаго женевца на свободѣ существуетъ совершеннѣйшая аналогія; вся разница между тою и другою заключается только въ наружной обстановкѣ. Это одна и та же жизнь безцвѣтная, правильная, монотонная и скучная.

---

*) Часто христіанинъ, угнетаемый нуждой, нетерпѣливо ропщетъ на свою судьбу. Господь Богъ ему отвѣчаетъ: Не безпокойся, я — твой банкъ, твой банкъ!

Женевецъ — банкиръ, его дражайшая половина — синій чулокъ. Отецъ семейства суровъ, мать холодна, а дѣти ихъ и холодны и суровы. Правда, женевцы — республиканцы, но въ то же время и аристократы и притомъ такіе аристократы, какими могутъ быть только республиканцы. Правительство ихъ составляло патриціатъ, достояніе нѣсколькихъ знатныхъ семействъ, подобно тому, какъ это было въ олигархическихъ республикахъ бернской, венеціянской и нидерланской.

Такова была Женева впродолженіи нѣсколькихъ генерацій, такова она отчасти и теперь. Но дѣло въ томъ, что она подверглась революціи. Старая протестантская партія, по естественному ходу вещей, болѣе или менѣе сблизилась съ іезуитами Зондербунда. Пораженіе послѣднихъ, а также консервативной партіи Женевы — два неизбѣжно связанныхъ между собою факта. Радикалы, одержавшіе въ 1847 году побѣду, имѣли во главѣ своей Джемса Фази журналиста, ознаменовавшаго себя въ Парижѣ въ іюльской революціи 1830 года. Этотъ Фази — человѣкъ необыкновенный. Отличаясь дѣятельностью, характеромъ живымъ и отважнымъ, умомъ свѣтлымъ, изобрѣтательнымъ, логическимъ, ѣдкимъ, тонкимъ и проницательнымъ и способностями финансовыми, экономическими и политическими, онъ не лишенъ былъ нѣкотораго сходства съ графомъ Кавуромъ. Кто изъ нихъ былъ болѣе честолюбивъ? Вотъ вопросъ, который трудно рѣшить. И тотъ и другой успѣли въ своемъ предпріятіи. Дѣло Кавура — реорганизація обширной Италіи — было дѣло возвышенное, великое и плодотворное. Дѣло Фази — реорганизація маленькаго женевскаго кантона—было дѣло самое трудное изъ этихъ двухъ, въ особенности, если принять въ соображеніе среду, въ которой пришлось дѣйствовать женевцу, и его точку исхода. Кавуръ родился богатымъ и знатнымъ; быть можетъ, отъ природы, а во всякомъ случаѣ, по своему положенію, онъ стоялъ выше всѣхъ денежныхъ заботъ; тогда какъ Фази былъ бѣденъ и расточителенъ и всегда нуждался въ деньгахъ. Поэтому нѣкоторые частные его поступки не слишкомъ деликатны и даже нѣсколько грязноваты — обстоятельство, которое дѣлаетъ этого человѣка почти вульгарнымъ. Отличаясь душою безпристрастною и характеромъ прямымъ, онъ бы могъ претендовать на славу великаго патріота, но при томъ положеніи, въ какомъ онъ находится, и при тѣхъ недостаткахъ, которые характеризуютъ его частную жизнь, онъ имѣетъ право только на похвалу за великія услуги, оказанныя имъ

обществу. Во время продолжительной его диктатуры Женева совершенно измѣнила свой наружный видъ. Она выросла и похорошѣла; ея народонаселеніе, ея богатство и ея производительныя силы увеличились, и что всего важнѣе, сама она приняла характеръ демократическій Низшій классъ народа теперь легко пріобрѣтаетъ здѣсь средства къ жизни; съ иностранцемъ не обращаются болѣе, какъ съ паріемъ; совершеннѣйшая свобода религіи предоставлена католикамъ, большею частію состоящимъ изъ савояровъ и людей бѣдныхъ. Преобразованіе пустило такіе глубокіе корни, что теперь нельзя узнать прежней Женевы. Еслибъ патриціи снова овладѣли кормиломъ правленія, они бы принуждены были сообразоваться съ совершившимися фактами и содѣйствовать окончательному развитію порядка вещей, который они нѣкогда громко называли чудовищнымъ, еретическимъ и безнравственнымъ. Конечно Фази все это совершилъ не одинъ, но онъ былъ тутъ главною дѣйствующею пружиною и во время его администраціи для народа сдѣлано болѣе добра, нежели впродолженіе нѣсколькихъ олигархическихъ генерацій. Поэтому неудивительно, что консерваторы преслѣдуютъ этого человѣка своею ненавистью и презрѣніемъ, правда, иногда заслуженнымъ. Не переставая вести противъ него войну открытую и тайную, они наконецъ, въ прошломъ году, имѣли удовольствіе воспрепятствовать его избранію въ государственный совѣтъ, котораго онъ былъ душою. Надо замѣтить, что государственный совѣтъ, представляетъ исполнительную власть, тогда какъ власть законодательная принадлежитъ великому совѣту.

Это была первая побѣда консерваторовъ; въ нынѣшнемъ году они одержали вторую. 16-го минувшаго сентября, комиссія, учрежденная для разсмотрѣнія дѣйствій исполнительной власти, постановила сдѣлать выговоръ государственному совѣту за то, что это собраніе не распорядилось закрытіемъ игорнаго дома, который, съ согласія Фази и въ его собственномъ домѣ, содержался бывшимъ арендаторомъ купаленъ въ Эксѣ. Конечно Фази сильно заинтересованъ въ этомъ безнравственномъ дѣлѣ, которое доставляетъ ему большіе доходы. Выговоръ государственному совѣту вотированъ былъ значительнымъ большинствомъ голосовъ. Что же послѣ того сдѣлало это собраніе, совершенно преданное господину Фази? Оно всенародно объявило этотъ выговоръ лишоннымъ законной силы и самый законодательный корпусъ закрытымъ впредь до декабря, т. е. до того времени, когда окончатся выборы новыхъ членовъ исполнительнаго

собранія. Правительственный журналъ не побоялся сказать, что этимъ дѣйствіемъ государственный совѣтъ намѣренъ окончательно распустить законодательный корпусъ.

Это миніатюрное Coup d'Etat, произвело въ Швейцаріи сильное волненіе. Консервативные журналы надѣлали по поводу его въ десять разъ больше шуму, чѣмъ по поводу декабрьскаго переворота, произведеннаго принцемъ Людовикомъ Наполеономъ. Вообще говоря, они въ восторгѣ отъ этого беззаконнаго поступка, который выставляетъ ихъ противниковъ въ невыгодномъ свѣтѣ. Радикалы, съ своей стороны, энергически возстаютъ противъ выходки государственнаго совѣта, но отвѣтственность за нее падаетъ на ихъ предводителя и друга, слѣдовательно на нихъ самихъ.

Жакъ Лефренъ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Горе нашей статистики.—Неумѣнье взяться за обработку ея. — Равнодушіе къ статистикѣ происходитъ отъ равнодушія къ общественнымъ вопросамъ. — *Статистическія таблицы*, изданныя Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ.—Односторонность и произволъ общихъ выводовъ статистическихъ таблицъ. — Неопредѣленность цифръ, выражающихъ факты. — Почва, крѣпостное право и расколъ, какъ главные дѣятели въ распредѣленіи русскаго населенія.— Замѣтки о Новоузенскомъ краѣ г. Кавелина.— Желаніе его, какъ Самарскаго помѣщика, понизить запросъ на рабочія руки и заработную плату.—средства, избираемыя имъ, для этой цѣли.—Противоположность помѣщичьихъ и крестьянскихъ интересовъ. — Къ чему ведетъ пониженіе заработной платы.—Объясненіе съ „Сѣверной Пчелой" по поводу женскаго труда —Не безполезный совѣтъ моему юному противнику.

Классическое равнодушіе нашего общества къ своимъ собственнымъ интересамъ ни въ чемъ такъ рѣзко не выразилось, какъ въ собираніи и разработкѣ статистическихъ данныхъ. Предпріятія частныхъ лицъ въ этомъ случаѣ оканчивались почти абсолютнымъ нулемъ; кое-гдѣ были сдѣланы попытки собрать нѣкоторые матеріалы для статистики отдѣльныхъ мѣстностей, въ родѣ сочиненій гг. Лаптева, Барановича, Лаврентьева и др., но попытки эти оказались безпорядочной кучей всякаго вздору, неосвѣщеннаго ни однимъ новымъ и оригинальнымъ выводомъ. Тамъ, гдѣ нужна безпощадная строгость цифры и соціальнаго значенія ея, авторы пускались въ сентиментальныя размышленія, въ историческія описанія, и наговорили пропасть совершенно ненужныхъ вещей. Не больше сдѣлали и наши статистическія общества, предпринимавшія свои изслѣдованія не дальше офиціальныхъ архивовъ и полицейскихъ картоновъ. Изъ всего этого не вышло ровно ничего; безсвязный сборъ чиселъ, фактовъ и таблицъ напоминалъ только о томъ, что и мы занимаемся чѣмъ-то похожимъ на статистику. Въ Англіи, Германіи и Франціи, куда мы отправляемся для изученія даже почтовыхъ марокъ, наука эта разработана до изумительныхъ результатовъ; тамъ есть подробныя уголовныя статистики, тамъ выводы ея давно примѣнены къ вопро-

самъ экономическимъ и административнымъ, а мы еще доселѣ навѣрное не знаемъ, какъ велико народонаселеніе Россіи и какими матеріальными и нравственными средствами оно обладаетъ въ данную минуту. У насъ нѣтъ точныхъ показаній ни для учащихся, ни для купцовъ, ни для производительныхъ сословій по отношенію къ непроизводительнымъ классамъ; численность крѣпостного состоянія сдѣлалась извѣстной не прежде, какъ во время самого рѣшенія этого вопроса. Послѣ этого неудивительно, что невѣжество наше въ этой отрасли знанія можетъ равняться только нашей апатіи къ точнымъ и положительнымъ свѣдѣніямъ. Я совершенно убѣжденъ, что многіе изъ нашихъ такъ называемыхъ образованныхъ людей чистосердечно повѣрятъ, если сказать имъ серьезно, что близь нерчинскихъ рудниковъ растутъ ананасы, а на рѣкѣ Невѣ прогуливается флотъ, едва могущій помѣститься въ балтійскомъ морѣ.

Равнодушіе наше къ статистическимъ выводамъ и неумѣнье взяться за обработку этой науки можно объяснить только тупѣйшимъ взглядомъ на общественные вопросы. Они не интересуютъ насъ или интересуютъ гораздо меньше, чѣмъ перемѣщеніе какого нибудь директора Мордоплюхина изъ одного департамента въ другой. Мы вовсе не привыкли искать въ соціальныхъ явленіяхъ ихъ внутренняго смысла и группировать ихъ подъ одну общую идею; мы до того расползлись въ разныя стороны, какъ по своимъ понятіямъ, такъ и по географическимъ широтамъ, что общественная нравственность у насъ не имѣетъ никакого вліянія на совѣсть частнаго человѣка, и обратно. Кромѣ того, множество сословныхъ оттѣнковъ и соединенныя съ ними взаимныя антипатіи мѣшаютъ наблюдателю понимать интересы того круга, къ которому онъ не принадлежитъ самъ. Купеческое самодурство держитъ себя вдали отъ мѣщанства, а мѣщанство топырится отъ крестьянства, а крестьянство жмется ёжится отъ дворянства, а дворянство соразмѣряетъ свои общественныя отношенія по разнымъ служебнымъ и родословнымъ рангамъ. Еслибъ у насъ хоть нѣсколько была развита соціальная жизнь и пониманіе огромныхъ ея выгодъ, тогда мы давно почувствовали бы необходимость въ статистикѣ, и конечно нашлись бы люди, способные дать ей научную форму, и изъ хаоса обратить въ систематическое знаніе; тогда въ самомъ обществѣ явилось бы желаніе, не дожидаясь офиціальныхъ программъ и понуканій, взяться за это дѣло и общими усиліями довести его до конца. Но когда намъ приходится говорить о *самодѣя-*

тельности нашего *общества*, слова эти невольно вызываютъ самую горькую иронію; намъ представляется приэтомъ поэтическій образъ Мильтона, изобразившаго сатану скачущимъ верьхомъ па туманѣ.

Между тѣмъ безъ статистики, хорошо обработанной, нельзя сдѣлать ни шагу въ одной изъ важнѣйшихъ наукъ — въ соціальной экономіи. Безъ точнаго знанія цифръ, выражающихъ результаты и законы общественныхъ явленій, нѣтъ никакой возможности изучать правильно экономическое состояніе народа и слѣдить за его развитіемъ. Остается дѣйствовать на наше ухорское *авось* тамъ, гдѣ нужны факты и основательныя соображенія. Въ практическихъ сферахъ торговли и промышленности, еслибъ эти понятія не были у насъ синонимами плутовства и самой наглой спекуляціи, статистика опредѣляетъ годность всякого предпріятія и на мѣсто азартной игры случая ставитъ строгость разсчета и добросовѣстное веденіе дѣла. Но намъ хоть колъ теши на лбу, а мы все-таки будемъ жить на *авось*, надувая другъ друга по всѣмъ правиламъ только въ Россіи воспитавшагося кулака.

Вотъ почему мы съ удовольствіемъ встрѣчаемъ труды центральнаго статистическаго комитета, недавно издавшаго «Статистическія таблицы». Въ этихъ таблицахъ, составляющихъ матеріалъ для будущей разработки нашей статистики, заключается наличное населеніе Россіи за 1858 годъ и географическое пространство ея. При этомъ приложена отчетливо сдѣланная карта, представляющая наглядно распредѣленіе и густоту населенія въ европейской Россіи. Составители «статистическихъ таблицъ», не ограничиваясь одними голыми цифрами и фактами, старались объяснить ихъ общими выводами. Относительно провѣрки самыхъ данныхъ, основанныхъ на офиціальныхъ источникахъ, редакція обращалась «къ просвѣщенному содѣйствію постороннихъ лицъ и ученыхъ учрежденій». Какъ ни похвально такое обращеніе, но оно было бы гораздо практичнѣе, еслибъ Статистическій Комитетъ заявилъ свои требованія гласно и пригласилъ цѣлое общество участвовать въ сообщеніи матеріаловъ, входившихъ въ его программу. Пусть каждое лицо, заинтересованное въ передачѣ статистическихъ свѣдѣній извѣстнаго края и знакомое съ его положеніемъ, внесло бы свою посильную лепту въ общее дѣло. Нѣтъ сомнѣнія, что много было бы сообщено всякого вздору, но отдѣлить годное отъ негоднаго, цѣнное отъ ничего нестоющаго,

было бы обязанностію самой редакціи. Если ея критическій тактъ не боится растеряться передъ множествомъ разнорѣчивыхъ фактовъ, то богатство ихъ ни въ какомъ случаѣ не было бы лишнимъ бременемъ, а сравненіе разнообразныхъ показаній и мнѣній навело бы на нѣкоторыя новыя соображенія. Это было бы полезно и въ томъ отношеніи, что многіе обратили бы вниманіе на изученіе мѣстныхъ условій края, можетъ быть, возбудили бы любознательность другихъ и дали бы возможность если не теперь, то впослѣдствіи открыть доселѣ хранимыя подъ спудомъ данныя. Къ сожалѣнію, наши правительственные органы привыкли относиться къ обществу осторожно и свысока, но въ такомъ случаѣ нечего и жаловаться на недовѣріе къ офиціальнымъ свѣдѣніямъ...

Относительно общихъ выводовъ, которые такъ важны при оцѣнкѣ статистическихъ цифръ, замѣтимъ, что они могли бы быть гораздо полнѣе и откровеннѣе. Такъ, говоря о движеніи населенія, осѣдавшаго болѣе плотной массой къ юго-западу, комитетъ указываетъ на причины, управлявшія этимъ движеніемъ, но глубоко умалчиваетъ о причинахъ общей малонаселенности Россіи. При первомъ взглядѣ на карту, огромное пространство имперіи представляется почти пустыней. Сибирь на 1 кв. м. имѣетъ 15 жителей, т. е. населеніе ея рѣже въ 335 разъ сравнительно съ Англіей и Ирландіей и въ 140 разъ — съ царствомъ польскимъ. Среднее населеніе европейской Россіи въ 6 разъ менѣе населенія Франціи и въ 8 разъ — менѣе Великобританіи. Такія краснорѣчивыя цифры требуютъ объясненія и заставляютъ думать, что кромѣ мѣстныхъ условій есть еще общія причины, задерживающія размноженіе людей, занимающихъ русскую территорію. Комитету не слѣдовало обходить молчаніемъ общіе выводы этого факта, если онъ остановился на причинахъ второстепенныхъ и менѣе важныхъ для оцѣнки общаго итога. Точно также мы не получаемъ удовлетворительнаго понятія о томъ, какія обстоятельства вліяли на сгущеніе народонаселенія въ одной мѣстности и почему они не оказывали того же вліянія въ другой. Такъ, Псковъ заселенъ гораздо плотнѣе, чѣмъ Новгородъ, хотя историческія и гражданскія условія ихъ были почти одинаковы. «Явное вліяніе на населенность, говоритъ Комитетъ, оказываетъ присутствіе большихъ судоходныхъ рѣкъ и большихъ коммерческихъ трактовъ. Въ уѣздахъ, положеніе которыхъ представляетъ подобныя удобства, большая плотность населенія является въ прямой зависимости отъ хода

колонизаціи вообще и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ распространенія въ нихъ русскаго населенія. Такимъ образомъ болѣе значительная населенность является преимущественнно по болѣе древнимъ путямъ распространенія русскаго населенія, менѣе значительная — по новымъ. Пути же эти по большей части слѣдуютъ по теченію судоходныхъ рѣкъ и по волокамъ между ними. Этимъ причинамъ главнѣйшимъ образомъ должно приписать большую населенность уѣздовъ, лежащихъ по берегамъ Волги, Оки и Клязьмы, между верховьями Днѣпра и Западной Двины, около бассейна Ильменя и по Волхову, и наконецъ по Камѣ и Вяткѣ, по направленію главнаго пути сибирскаго.» Мы ясно понимали бы эту причину только въ связи съ другими экономическими условіями нашей жизни. Въ Россіи, какъ въ странѣ земледѣльческой, почва должна была играть главную роль въ движеніи населенія. Въ дикомъ и бѣдномъ состояніи народъ охотнѣе группировался на тощихъ и безплодныхъ земляхъ, не требующихъ особенныхъ усовершенствованій культуры; по мѣрѣ же развитія его матеріальныхъ средствъ и нѣкоторой доли пониманія, онъ долженъ былъ переходить на почвы богатыя и плодородныя. Бассейны рѣкъ, орошающихъ богатыя долины, обыкновенно заселяются людьми гораздо позднѣе, чѣмъ сухіе холмы и возвышенности. Исторія подтверждаетъ этотъ фактъ. Славянскія племена, у которыхъ проявились первые признаки соціальнаго склада, занимали сѣверо-западный край и оттуда спускались на югъ, постоянно тяготѣя больше къ западу, чѣмъ къ востоку. Только этимъ можно объяснить, почему доселѣ на лучшихъ черноземныхъ почвахъ населеніе не такъ густо, какъ на посредственныхъ. Что же касается судоходныхъ рѣкъ и коммерческихъ трактовъ, то они имѣютъ значеніе для населенія только у народовъ промышленныхъ, слѣдовательно высоко развитыхъ въ экономическомъ отношеніи. Мы видимъ, что берега Волги, въ самыхъ лучшихъ частяхъ своихъ, доселѣ остаются почти пустыми. Еслибъ коммерческія удобства составляли одну изъ притягательныхъ силъ для населенности, то эти берега были бы самые многолюдные. Напротивъ, такая уединенная мѣстность, какъ псковская губернія, была бы самой безлюдной, между тѣмъ какъ населенность ея превышаетъ въ два раза заселеніе всего черноморскаго и азовскаго побережья. Такимъ образомъ въ свойствахъ почвы надо искать главную причину, управлявшую распредѣленіемъ населенія между земледѣльческими народами. Кромѣ экономическихъ условій, нѣтъ сомнѣнія, историческія

обстоятельства должны были дѣйствовать, какъ на развитіе народонаселенія вообще, такъ и на относительное его сгущеніе. Если городское населеніе относится къ сельскому, какъ 9 : 90, т. е. въ десять разъ менѣе, то изъ этого ясно видно, что городская жизнь у насъ ничего не значитъ. Дѣйствительно, наши города имѣютъ значеніе чисто-административное, какъ резиденціи губернаторовъ и присутственныхъ мѣстъ, но въ промышленномъ отношеніи они равняются нулю; и село попрежнему остается единственнымъ центромъ производительной дѣятельности. По селамъ и мѣстечкамъ разбросаны разныя отрасли промысловыхъ занятій, удовлетворяющихъ скудныя потребности народа. Поэтому приливъ населенія къ городамъ былъ слишкомъ ничтоженъ, чтобы придавать ему особенное значеніе. Но какія же историческія событія могли оказывать ощутительное вліяніе на передвиженіе массъ и на правильное заселеніе ими центральныхъ частей Россіи? Крѣпостное право и расколъ были безъ сомнѣнія главными дѣятелями въ этомъ отношеніи. Крѣпостное право, при самомъ началѣ своемъ, захватило народъ врасплохъ и, прикрѣпивъ его къ извѣстной мѣстности, остановило свободное развитіе заселеній на долгое время. Это случилось въ ту пору, когда бродячая масса еще не устроилась на своихъ мѣстахъ и не сложилась въ органическое цѣлое. При дальнѣйшемъ ходѣ крѣпостного права оно должно было медленно, но постоянно дѣйствовать на застой народонаселенія, понижая процентъ его жизненности и искажая всѣ экономическія условія крестьянства, что въ свою очередь должно было отразиться на характерѣ всего пространства, занимаемаго рабами. Кто искалъ свободы, тотъ выселялся въ лѣса и степи, гдѣ возникали новыя колоніи, обязанныя своимъ происхожденіемъ не естественному развитію населенности, а крайнему угнетенію ея. Тоже самое надо сказать и о расколѣ. «Статистическія таблицы» не опредѣляютъ точно цифры раскольниковъ и даже не видятъ никакой возможности добиться вѣрнаго результата. «Лучшіе авторитеты, говоритъ Комитетъ, близко знакомые съ размѣрами раскола, если не во всѣхъ, то по крайней мѣрѣ во многихъ губерніяхъ опредѣляютъ цифру его въ 10% всего народонаселенія, или отъ шести до семи милліоновъ душъ обоего пола, то есть: *въ 10 разъ болѣе оффиціальныхъ показаній.*» Слѣдовательно арифметическая оцѣнка раскола остается доселѣ только приблизительно вѣроятной; и, кажется, нѣтъ надобности прибавлять, какъ осторожно слѣдуетъ по-

лагаться на офиціальныя данныя и какъ мало статистика пріобрѣтаетъ въ своемъ значеніи отъ этихъ данныхъ. А между тѣмъ расколъ есть такая стихійная сила нашей исторіи, что общій итогъ населенія не могъ остаться внѣ всякого вліянія отъ этой дикой, темной, но могущественной силы. Петръ I, выбилъ эту силу изъ нѣдръ земли русской съ свойственнымъ ему крѣпостнымъ взглядомъ на образованіе человѣческихъ обществъ, и организовалъ расколъ въ замкнутую и мертвую касту. Преслѣдованія приверженцевъ старой вѣры породили съ одной стороны безграничный административный произволъ, а съ другой вызвали глухую и тайную оппозицію, которая выражалась въ укрывательствѣ и систематическомъ лицемѣріи старовѣровъ. Многіе изъ нихъ, избѣгая гоненій, подъ личиной православія скрывали свое отщепенство и носили въ себѣ двѣ совѣсти—одну офиціальную, а другую внутреннюю. Нашлись и фанатики, бѣжавшіе въ лѣса и пустыни для сохраненія своего ветхаго аллилуія и двухперстнаго сложенія; были и такіе, которые предпочитали переселеніе заграницу своему домашнему гнету. Сила дикаго изувѣрства росла и увеличивалась соразмѣрно самому преслѣдованію. Когда Екатерина II ослабила правительственныя грубыя мѣры противъ раскольниковъ и дала имъ позволеніе свободно селиться не только въ Сибири, но и въ другихъ частяхъ своей имперіи, они стали искать убѣжища на окраинахъ Россіи. Колонизація ихъ пустила корни въ самыхъ отдаленныхъ и пустынныхъ мѣстностяхъ. Явились скиты, монастыри и братства тамъ, гдѣ прежде не было видно никакого человѣческаго слѣда; явилась особенная секта *бѣгуновъ*, которые возвели въ догматъ бродяжничество и безпаспортность, укрываясь подъ разными именами и предлогами. Все недовольное своимъ положеніемъ, разные бродяги и искатели приключеній приставали къ раскольническимъ сектамъ и увеличивали число ихъ прозелитовъ. Цѣлыя села и деревни покидали свою землю и бѣжали въ степи. Все это конечно должно было мѣшать правильному распространенію населенія и, наперекоръ всѣмъ экономическимъ и этнографическимъ условіямъ, колонизировать такія мѣстности, гдѣ при другихъ обстоятельствахъ не было бы ни малѣйшаго признака заселеній. Комитетъ не потрудился оцѣнить этихъ двухъ обстоятельствъ, столь важныхъ въ статистическомъ опредѣленіи населенія. Но онъ почему-то почелъ за лучшее разсказать исторію народныхъ переписей, которую можно найти въ любомъ историческомъ учебникѣ или въ юридической энциклопедіи, мы

также не знаемъ, какое значеніе имѣетъ исторія межеванія для статистическаго опредѣленія пространства, особенно когда это пространство остается неопредѣленнымъ. Говоря вообще, статистическіе выводы должны постоянно опираться на экономическія начала и соображенія; безъ нихъ статистическая цифра остается пустымъ знакомъ, неимѣющимъ соціальнаго характера, какъ главнаго своего выразителя. Эта существенная сторона совершенно упущена изъ виду редакціей «Статистическихъ таблицъ», отъ чего онѣ теряютъ много въ самомъ интересѣ и точности выводовъ.

Но если общіе выводы грѣшатъ неполнотой и произволомъ, то самыя цифры страдаютъ неопредѣленностію. Ни пространство, ни населеніе не подведены подъ математически строгіе итоги; вездѣ показывается приблизительная величина, основанная на вѣроятіи, а не на положительномъ фактѣ. Такъ мы видѣли, что наличная масса раскольниковъ колеблется между шестью и семью милліонами душъ обоего пола; слѣдовательно точная цифра неизвѣстна. Неизвѣстной она остается и для отдѣльныхъ сектъ раскола. «Хлысты и скопцы, говоритъ Комитетъ, распространены почти повсюду, особенно же держатся въ губерніяхъ орловской и курской, имѣя своихъ пропагаторовъ преимущественно въ большихъ городахъ. Особенно много показывается ихъ въ кутаисской губерніи, но это потому, что лѣтъ тридцать тому назадъ, правительство стало ихъ туда переселять. Всѣ хлысты, въ томъ числѣ и скопцы, тщательно исполняютъ всѣ внѣшніе обряды православной церкви, и потому почти вездѣ слывутъ за православныхъ, считаются въ спискахъ сихъ послѣднихъ, и слѣдовательно принадлежатъ къ раскольникамъ тайнымъ. *Общую цифру ихъ трудно опредѣлить, но по мнѣнію нѣкоторыхъ число ихъ простирается за 110,000*». Такимъ образомъ статистическая цифра основана здѣсь только *на мнѣніи нѣкоторыхъ*. Далѣе, мы обращаемся къ сектѣ духоборцевъ, но и здѣсь получаетъ ту же неопредѣленную величину. «*Дѣйствительная цифра духоборцевъ тоже въ точности неизвѣстна, но должна быть не болѣе цифры хлыстовщины.* За то офиціальная цифра явныхъ духоборцевъ пропорціонально гораздо значительнѣе, именно вслѣдствіе того, что правительство стало ихъ переселять на югъ, который для всѣхъ нихъ есть земля обѣтованная. Какъ скоро было объ этомъ объявлено, множество духоборцевъ-молоканъ, до того времени скрывавшихся, открыто стали просить о переселеніи и о надѣленіи ихъ землею. Переселяли

ихъ сначала въ саратовскую губернію (гдѣ особенно многочисленны акинфіевцы, проповѣдующіе совершенное равенство или коммунизмъ), потомъ въ таврическую губернію, наконецъ въ послѣднее время ихъ переводили въ эриванскую губернію, вблизи самого Арарата. Поэтому-то въ этихъ трехъ губерніяхъ и значится болѣе всего молоканъ, а именно до 35,000 (во всей имперіи до 40,000). Вообще переселенные молоканы, надѣленные щедро землею, по отзывамъ губернаторовъ, живутъ смирно и трудолюбиво.» Затѣмъ, останавливаясь на рубрикѣ секты бѣгуновъ, мы читаемъ слѣдующее. «Бѣгуны (или *евфимiевщина*, основанная бѣглымъ солдатомъ Ефимомъ) не признаютъ никакой власти и считаютъ покорность таковой, даже по принужденію, грѣхомъ. Остается имъ одно средство спастись — это постоянное бѣгство, странничество, чтобы не быть записанными въ ревизію, чтобы не попасть въ рекруты, чтобы не брать паспортовъ, на которыхъ двуглавый орелъ по ихъ словамъ есть изображеніе антихриста. Секта эта, по существу своего ученія и по совершенной свободѣ, предоставляемой мужчинѣ и женщинѣ, для временнаго сожительства, очень распространена въ народѣ, особенно въ губерніяхъ по Окѣ и Волгѣ, и по пути въ Сибирь. Къ ней принадлежатъ и странноприимники и жиловые христіане, т. е. укрыватели, и собственно странники, высшая степень сектаторовъ. Опредѣлить числительность этого послѣдняго отдѣла раскола, разбросаннаго по всему сѣверу европейской Россіи, по Волгѣ и въ Сибири, нѣтъ никакой возможности, *но слѣдуетъ предположить ее не менѣе одного милліона.*» Изъ всѣхъ выписанныхъ цитатъ ни въ одной нѣтъ точно обозначенной цифры, хотя наговорено очень много такого, что собственно принадлежитъ исторіи раскола, а не статистикѣ.

Относительно классификаціи сословій мы находимъ еще больше произвола и сбивчивости въ статистическихъ итогахъ, и этотъ важный вопросъ, получающій огромное соціальное значеніе особенно въ настоящее время, обработанъ далеко не такъ, какъ слѣдовало бы ожидать соотвѣтственно его интересу. Положимъ, что намъ необходимо знать, сколько въ Россіи существуетъ чиновниковъ, знать для того, чтобы имѣть понятіе о числѣ лицъ, составляющихъ государственное управленіе, и о стоимости правительственнаго механизма, оплачиваемаго обществомъ,—мы напрасно станемъ искать этихъ свѣдѣній въ «Статистическихъ таблицахъ». Адресъ-календарь въ этомъ

случаѣ даетъ намъ болѣе удовлетворительный отвѣтъ. Неизвѣстно, на какомъ основанiи Комитетъ смѣшалъ подъ одну рубрику дворянъ и чиновниковъ, что запутываетъ и ту, и другую цифру Опредѣливъ общiй итогъ дворянскаго сословiя нѣсколько болѣе однимъ миллiономъ, т. е. однимъ дворяниномъ на 68 жителей и вычисливъ относительный процентъ его по губернiямъ, комитетъ прибавляетъ: «Таковы общiе выводы касательно распредѣленiя дворянскаго сословiя, истекающiе изъ цифръ нашихъ таблицъ. Цифры эти Центральный Статистическiй Комитетъ отнюдь не считаетъ непреложными. Онѣ явнымъ образомъ *преувеличены*, вслѣдствiе причисленiя къ нимъ всѣхъ служащихъ вообще, изъ которыхъ многiе по закону принадлежатъ къ почетному гражданству; вслѣдствiе *вѣроятнаго* причисленiя къ нему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ семействъ чиновниковъ и личныхъ дворянъ, и наконецъ вслѣдствiе неопредѣленности существующаго законоположенiя касательно дворянъ кавказскихъ, шляхты и т. п. Вообще должно сознаться, что приведенiе въ извѣстность личнаго дворянства такъ трудно, что невозможно даже и требовать отъ собирателей большей точности.» Итакъ всѣ чиновники, неимѣющiе даже личнаго дворянства, попали въ число дворянскаго сословiя. Точно также подъ одинъ разрядъ городского сословiя сведены купцы, мѣщане и ремесленники, и мы не узнаемъ точно ни одного изъ этихъ разрядовъ. Сколько именно купцовъ и сколько мѣщанъ, и какъ велика относительная ихъ цифра — все это спутано въ одну безразличную кучу. Ясно, что «Статистическiя таблицы» оказываютъ плохую услугу статистикѣ и мало вносятъ свѣта въ старый хаосъ нашихъ свѣдѣнiй по этому предмету. Мы еще разъ повторимъ, что Комитетъ облегчитъ свой трудъ не безплодно и откроетъ себѣ множество новыхъ источниковъ, доселѣ ему неизвѣстныхъ, если вызоветъ участiе къ своему дѣлу не въ однихъ офицiальныхъ органахъ, а въ цѣломъ обществѣ, заявивъ передъ этимъ свои требованiя въ возможно большемъ объемѣ и съ полной независимостью частныхъ изысканiй... Повидимому этой цѣли удовлетворяютъ губернскiе статистическiе комитеты, но характеръ дѣятельности ихъ такой же офицiальный, какъ и центральнаго комитета; слѣдовательно всѣ недостатки послѣдняго въ болѣе рѣзкомъ видѣ относятся и къ первымъ.

Мы остановились такъ долго на «Статистическихъ таблицахъ» потому, что статистика есть по преимуществу наука общественная, въ которой чувствуется необходимость на каждомъ шагу. Если бъ наша эконо-

мическая жизнь была хоть нѣсколько осмыслена и развивалась по законамъ раціональнаго процесса, то мы безъ хорошей статистики не обошлись бы ни одного дня.

Съ нѣкотораго времени потребности статистическихъ свѣденій начали удовлетворять ежедневныя газеты. Такъ, въ «Сѣверной Почтѣ» постоянно печатается списокъ больныхъ, находящихся въ петербургскихъ общественныхъ лечебницахъ; иногда появляются кой-какія данныя для статистики учащихся, отчеты о торговыхъ оборотахъ на ярмаркахъ, о числѣ проѣзжающихъ и перевозимыхъ кладей по желѣзнымъ дорогамъ, о результатахъ веденія дѣлъ разными акціонерными компаніями, — но все это дѣлается какъ будто случайно и нехотя; почти никогда не указывается на источники, изъ которыхъ почерпаются приводимыя свѣденія; голыя цифры не объясняются никакими выводами, и одно свѣденіе часто противорѣчитъ другому. Но и въ этихъ отрывочныхъ и смутныхъ показаніяхъ пользуются особенной привиллегіей только столицы и большіе губернскіе города, а о другихъ менѣе многолюдныхъ мѣстностяхъ нѣтъ и помину. Между тѣмъ, для статистики также важно знать состояніе столицы, какъ и всякаго села, потому что законы соціальной жизни остаются одинаковыми для всѣхъ мѣстностей и пониманіе ихъ обусловливается полнотой и точностію наблюдаемыхъ фактовъ. Статистическіе факты, пока мы не научились цѣнить ихъ по достоинству, могли бы очень удобно составить предметъ особеннаго изученія для губернскихъ вѣдомостей. Теперь они ни то, ни сё, ни газеты ни оффиціальные отчеты, а что-то въ родѣ обязательно-печатаемой бумаги, куда и зачѣмъ предназначаемой — на это, мы увѣрены, могутъ отвѣтить не многіе даже изъ ихъ редакторовъ. Почему бы губернскимъ вѣдомостямъ не открыть у себя особенной рубрики, подъ которой постоянно помѣщались бы статистическія свѣденія, добываемыя на мѣстѣ. Когда накопилось бы достаточно матеріаловъ по разнымъ отраслямъ нашей общественной жизни, тогда одна талантливая рука овладѣла бы этими матеріалами и составила бы изъ нихъ что нибудь цѣлое и полное. Тоже самое мы рекомендуемъ и столичнымъ газетамъ. Теперь внутреннему убожеству ихъ трудно надивиться. Въ каждой газетѣ одна и та же рутина въ составѣ такъ называемыхъ передовыхъ статей, которыя отличаются другъ отъ друга только тѣмъ, что однѣ менѣе снотворны, а другія болѣе. Статьи эти обыкновенно сшиваются изъ разныхъ лохмотьевъ

иностранной прессы или нашего собственнаго издѣлія, заготовляемаго на фабрикахъ гг. Аксакова и Каткова. Но эти два мужа, по крайней мѣрѣ, шевелятъ какими-то мозгами, а другія редакціи какъ-будто согласились окончательно усыпить публику, и безъ того зѣвающую во всю мочь отъ невыразимой скуки. Вмѣсто передовыхъ статей и разныхъ хроникъ о томъ, что вчера Иванъ въ пьяномъ видѣ заушилъ Матрену, а сегодня Матрена дала встрепку Ивану, было бы гораздо интереснѣе прочитать подробный статистическій отчетъ о числѣ преступленій, совершенныхъ за извѣстный періодъ времени, и объ относительномъ распредѣленіи ихъ по сословіямъ и географическимъ широтамъ. Бояться сухости такихъ статей нечего, потому что цифры во всякомъ случаѣ интереснѣе и оживленнѣе пустозвонныхъ фразъ, отъ которыхъ тошнитъ все читающее населеніе въ Россіи.

До какой степени незнаніе статистически сбиваетъ съ толку нашихъ ученыхъ и переученыхъ мужей, это мы видимъ по статьѣ г. Кавелина, напечатанной въ 216 N «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», подъ названіемъ «Замѣтки о новоузенскомъ краѣ». Какъ самарскій помѣщикъ, г. Кавелинъ имѣетъ причины жаловаться на многое, но въ настоящей статьѣ онъ горько плачется на то печальное обстоятельство, что отмѣна обязательнаго крестьянскаго труда увеличила потребность рабочихъ рукъ и возвысила цѣну заработной платы. «Съ отмѣной крѣпостного права, пишетъ самарскій помѣщикъ, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ произошла въ нашемъ краю существенная перемѣна, которую впрочемъ легко было предвидѣть, и я, въ свое время, предсказывалъ. Съ прекращеніемъ барщины, господскіе посѣвы прекратились и замѣнились отдачей пашни подъ посѣвъ желающимъ. Эти желающіе почти исключительно крестьяне, бывшіе крѣпостные и сторонніе Лѣтъ десять тому назадъ, еще можно было снимать земли изъ спекуляціи, изъ барыша. Теперь быстрое возрастаніе наемныхъ цѣнъ и платы за работу сдѣлали этотъ родъ спекуляціи очень невѣрнымъ и крайне рискованнымъ. Бываютъ и теперь счастливцы, которые удачно снимутъ пашню именно подъ такой годъ, когда урожай великолѣпный и цѣны высокія; они получаютъ огромные барыши. Но это такая же удача, какъ въ игрѣ въ банкъ, которая иного обогатитъ, а многихъ разоритъ до тла. О такихъ удачахъ разсказываютъ, какъ о необыкновенныхъ случаяхъ тѣ, которымъ посчастливилось посѣвомъ; если они осторожные и обстоя-

тельные люди, тотчасъ же бастуютъ и не сѣютъ нѣсколько лѣтъ сряду; а кто, расчитывая на новыя удачи, затянется въ посѣвы, тотъ непремѣнно «просѣется». Словомъ, съемъ земель подъ посѣвы изъ барыша, какъ постоянный промыселъ, теперь никуда не годится въ нашей степи. Нанимаютъ пашню почти исключительно одни крестьяне для себя, потому что работаютъ сами съ семействами, принанимая работниковъ и жнецовъ. Да и крестьяне уже начинаютъ кряхтѣть, потому что работа ихъ не оплачивается и они рады-рады, если сведутъ концы съ концами, то есть, заплатятъ всѣ подати и повинности, расчитаются съ работниками и жнецами, и прокормятъ себя и скотину. Мнѣ не разъ удавалось слышать отъ своихъ и стороннихъ крестьянъ такія рѣчи: «отъ посѣвовъ нѣтъ теперь никакой выгоды; занимаемся этимъ дѣломъ, потому что мужику дѣлать-то больше нечего, какъ около земли возиться.» Самый простой расчетъ доказываетъ, что это дѣйствительно такъ, по крайней мѣрѣ у насъ, въ Новоузенскомъ краю, въ 60-ти верстахъ отъ Балаковской пристани — самого близкаго пункта сбыта для хлѣба. Два воза, т. е. 6 мѣшковъ бѣло-турки съ сороковой десятины—это, по нашему, урожай очень порядочный. Бываетъ, какъ въ нынѣшнемъ году, и больше — три воза; но чаще бываетъ меньше. Если продать изъ нихъ пять, оставя одинъ на сѣмена и на обиходъ, по среднимъ цѣнамъ, по 7 руб. сер. за мѣшокъ (въ нынѣшнемъ году выше 6 руб. 15 коп. не было), то выйдетъ, что десятина дастъ 35 руб. А расходы, крупные и видимые, вотъ какіе: наемная плата за десятину 5 руб., поднять быками залежь — 4 руб.; выжать — можно положить кругомъ, считая харчь и магарычи жнецамъ, 8 руб., потому что у насъ жали сначала по 10 руб., а потомъ по 8, по 7 и по 6 руб., на чистыя деньги, т. е. не считая харча, магарычей и другихъ проторей по найму жнецовъ; вымолотить и обвѣять мѣшокъ стоитъ 60 коп., свезти на продажу съ мѣшка 75 коп. Всего, поэтому, десятина обойдется въ 24 руб. 35 коп. Но мы не положили въ счетъ, чего стоитъ вспахать, засѣять и забороновать, свезти снопы съ поля на гумно и зерно въ амбаръ, чего стоитъ печь жнецамъ «пироги», т. е. пшеничные хлѣбы, чѣмъ занимаются, не разгибая спины, бабы-хозяйки впродолженіе всего жнитва, и нѣкоторые другіе мелкіе расходы. Что же очистится крестьянину на его домашній обиходъ, подати, работниковъ и содержаніе домашняго скота?

Эта обстановка земледѣлія въ нашей степи становится годъ отъ году неблагопріятнѣе. Цѣны на хлѣбъ достигли, кажется, своего апогея въ послѣдніе годы. Лучшая бѣло-турка продавалась по 9-ти и даже по 10-ти руб. за мѣшокъ; въ прошломъ еще году, въ октябрѣ, доходила до 8 руб. Нынѣшняго значительнаго упадка цѣнъ конечно нельзя принимать въ расчетъ, потому что онъ вызванъ чрезвычайными обстоятельствами. Со всѣмъ тѣмъ усиленіе посѣвовъ дѣлаетъ весьма невѣроятнымъ, чтобъ когда нибудь среднія цѣны поднялись выше 10 руб. за мѣшокъ. Между тѣмъ заработная плата, и въ особенности наемная и продаждая цѣны земель растутъ чрезвычайно быстро. Я еще живо помню, что въ 1857 году выжать десятину пшеницы стоило 3 р. 50 коп. Теперь въ самомъ концѣ жнитва, когда жнецы нипочемъ, нанять жнецовъ за 4 р. 50 коп.— большая рѣдкость; въ началѣ же меньше 10-ти руб не бываетъ. Какъ поднялись продажныя и наемныя цѣны на пахатныя земли — нельзя повѣрить! Тридцать лѣтъ тому назадъ десятина продавалась за 1 руб. сер. Гораздо позднѣе, даже въ пятидесятыхъ годахъ, можно было покупать земли за 7 и даже за 5 руб. Въ 1860 году мнѣ съ перваго слова предлагали уже 15 р. Теперь за 20 руб. не отобьешся отъ покупателей, да отдать невыгодно, потому что другіе просятъ 24 и 25 руб. за тридцатую десятину. Наемъ земель подъ посѣвъ за деньги ввелся у насъ недавно; прежде земли нанимались все на пшеницу; при хорошемъ и среднемъ урожаѣ платилось не менѣе мѣшка (8 пудъ) пшеницы за 40-ю десятину. Наемная цѣна пашень возростаетъ точно также быстро, и съ 3 хъ рублей поднялась теперь до 5-ти за первые два года найма и до 4-хъ за третій. Это обыкновенная средняя цѣна. Но есть и выше. Изъ сосѣднихъ владѣльцевъ, одинъ беретъ за залежь 6 руб. и въ добавокъ половину соломы («корму»); другой за лучшія земли по 7-ми руб. Въ николаевскомъ уѣздѣ десятина ходитъ, говорятъ, за 8 р. въ годъ, хотя я и не могу сказать, въ какой именно мѣстности этого уѣзда.

Быстрое вздорожанье рабочихъ рукъ, въ особенности жнецовъ, сильно затрудняетъ крестьянъ. Рѣдкій изъ нихъ имѣетъ довольно денегъ въ запасѣ, чтобъ расчитаться съ ними, не входя въ долги. Большинство вынуждено изворачиваться займами, а такіе займы — сущая бѣда. Жнецы не ждутъ платы. Ихъ нужно расчитать тотчасъ же по окончаніи работы, потому что они приходятъ издалека, съ

нагорной стороны; кромѣ того, если расчетъ замедлится, жнецы перестанутъ наниматься и станутъ обходить деревню, или неисправнаго плательщика. Итакъ нужно, во что бы то ни стало, занять денегъ. Хорошо, если есть добрый пріятель и у кого деньги водятся. А если нѣтъ, крестьянинъ въ самое нужное время, въ рабочую пору, ѣдетъ промышлять денегъ за 50, за 100 верстъ, кланяется, молитъ и того и другого, и счастливъ, если раздобудется деньгами, подъ жидовскіе проценты, доходящіе даже до 20-ти копеекъ съ рубля въ мѣсяцъ, и на короткій срокъ. Этотъ долгъ долженъ быть уплаченъ и обыкновенно уплачивается весьма исправно, иначе кредитъ на будущее время потеряешь. Чтобъ уплатить его, надо волей-неволей продать пшеницу въ самое невыгодное время, по низкимъ цѣнамъ. Не найдетъ крестьянинъ денегъ въ займы — такая же бѣда: нужно тотчасъ же обмолотить хлѣбъ и везти его на продажу въ самую нужную пору, отрываясь съ рабочими лошадьми отъ дѣла, чтобъ продать хлѣбъ за такія же низкія цѣны. Выходитъ, что заемъ на короткій срокъ только отстрочиваетъ бѣду, увеличивая ее въ то же время всею тяжестью жидовскихъ процентовъ. Но на то или на другое крестьянину надобно рѣшиться, потому что дѣлать-то нечего.

Спекулянты и ростовщики начинаютъ уже, здѣсь и тамъ, пользоваться этимъ стѣсненнымъ положеніемъ крестьянъ; являются съ деньгами, раздаютъ ихъ подъ страшные проценты и получаютъ въ нѣсколько мѣсяцевъ огромные барыши. Правду сказать, лучшаго и болѣе вѣрнаго помѣщенія капитала, отложивъ всякую совѣсть, трудно и пріискать.

Крайняя измѣнчивость и непостоянство урожаевъ, неправильное чрезвычайное колебаніе хлѣбныхъ цѣнъ, быстрое возрастаніе цѣнъ на земли и на рабочія руки, дороговизна кредита, все это вмѣстѣ падаетъ тяжелымъ бременемъ на здѣшнее народонаселеніе, особенно на крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и неблагопріятно дѣйствуетъ на нашъ край, составляющій, какъ извѣстно, одну изъ богатѣйшихъ пшеничныхъ житницъ имперіи. Вопросъ, какъ устранить эти обстоятельства, по крайней мѣрѣ смягчитъ ихъ дѣйствіе, и тѣмъ дать возможность развиться и расшириться воздѣлыванію пшеницы, понизивъ значительно ея цѣну, такъ чтобъ она могла соперничать съ пшеницами другихгъ странъ на иностранныхъ рынкахъ, куда большею частью отправляется,—этотъ вопросъ

мнѣ кажется, первостепенной, едва ли не государственной важности, о которомъ потому стоитъ серьезно подумать».

Какія же средства предлагаетъ г. Кавелинъ для разрѣшенія этого вопроса государственной важности? Что, по его мнѣнію, можетъ облегчить положеніе *крестьянъ*, надѣленныхъ солончаками, и вообще самарское народонаселеніе, пострадавшее отъ возвышенія заработной платы? Три средства предлагаются г. Кавелинымъ: 1, постройка желѣзной дороги отъ Саратова до Москвы; 2, введеніе и распространеніе земледѣльческихъ орудій; и 3, основаніе ссуднаго капитала для крестьянъ, нуждающихся въ деньгахъ. Такимъ образомъ если удовлетворить этимъ тремъ жгучимъ потребностямъ *крестьянскаго* сословія, то благосостояніе его, какъ думаетъ г. Кавелинъ, должно упрочиться надолго.

Всѣ эти экономическія соображенія высказывались въ печати уже не разъ; по нимъ составлялись проэкты, обсуживались общественнымъ и административнымъ путемъ, и нѣкоторые изъ нихъ осуществлялись на дѣлѣ. Соображенія эти были вызваны крайнею необходимостію, какъ непосредственный результатъ уничтоженія крѣпостного гнета. Съ той минуты, какъ человѣческія права возвращены 20 милліонамъ русскаго народа, интересы двухъ сословій, поставленныхъ исторіей въ непріязненныя отношенія, не могли не придти въ столкновеніе. Одни должны были почувствовать себя настолько лучше, насколько другимъ сдѣлалось хуже. Таковы ближайшія послѣдствія всякой реформы, исправляющей зло, вытекающее изъ враждебныхъ сословныхъ элементовъ. Мы говоримъ—ближайшія послѣдствія, потому что идея справедливости въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ не можетъ быть вредной никому и никогда. Большинство помѣщиковъ, разставаясь съ крѣпостнымъ правомъ, смотрѣло на непосредственныя свои невыгоды, на то, что отнималъ у нихъ настоящій день и чего не давалъ имъ завтрашній. Проснувшись послѣ манифеста 19 февраля, они прежде всего ощупали свои карманы и, не досчитавшись въ нихъ нѣсколькихъ копеекъ отъ стараго оброка, испугались этой потери и готовы были ухватиться за старый порядокъ вещей, какъ за якорь спасенія. Даже теперь, когда нѣкоторая доля добра уже обнаружилась на свободномъ сословіи, когда весь вредъ глубочайшаго историческаго разврата, порожденнаго долговременнымъ рабствомъ, ярко выступилъ наружу, находятся еще пѣвцы и панегиристы крѣпостного права. Такъ г. Катковъ считаетъ его основой государственной про-

чности и слѣдовательно видитъ въ освобожденіи крестьянъ ударъ, нанесенный этой прочности. Мы понимаемъ, что можно быть рабомъ по привычкѣ или по найму, но увлекаться рабствомъ по какому-то странному энтузіазму—значитъ потерять послѣднее человѣческое сознаніе, растлить свою совѣсть до презрѣнія къ самому себѣ. Но г. Катковъ очень хорошо знаетъ, что мнѣніе его найдетъ себѣ отголосокъ, если не такой явный, то не менѣе того дѣйствительный. Мнѣнію этому способны сочувствовать люди, для которыхъ выше личныхъ интересовъ не существуетъ ничего другого. Но есть люди другого рода, люди дальновидные, умѣющіе соглашать свои выгоды съ выгодами общими, убѣжденные въ томъ, что единичное ихъ существованіе не имѣетъ смысла, что благосостояніе ихъ тѣсно связано съ благосостояніемъ всего общества. Для этихъ людей понятны будущія послѣдствія всякой реформы; они не станутъ роптать на то, что въ пользу общаго добра иногда надо пожертвовать личными выгодами; они увѣрены, что всякій шагъ народа къ улучшенію его положенія есть собственный ихъ шагъ, рано или поздно неизбѣжный и, при общихъ усиліяхъ, менѣе трудный и болѣе безопасный. Помѣщики такого образа мыслей не только отстаивали уничтоженіе крѣпостного права, но желали уничтожить его на самыхъ широкихъ началахъ. Они основательно думали, что чѣмъ лучше будетъ обезпечена судьба крестьянъ, получающихъ личную свободу, тѣмъ легче будетъ имъ самимъ. Въ этомъ обстоятельствѣ заключается вся сущность крѣпостного вопроса и весь смыслъ настоящихъ недоразумѣній между помѣщиками и крестьянами. Нѣтъ сомнѣнія, что немногіе могли возвыситься до этихъ понятій и взглянуть на дѣло такъ, какъ того требовала взаимная и общая ихъ польза; но если бъ случилось иначе, тогда крестьянское дѣло, помимо всякихъ бюрократическихъ закоулковъ, давно бы разрѣшилось къ обоюдному удовольствію обѣихъ сторонъ. Одни Коробочки и Плюшкины остались бы въ убыткѣ, но о нихъ не заботятся, когда предпринимаютъ общественныя реформы.

Какъ ни странно думать, но надо признаться, что г. Кавелинъ въ своей статьѣ не избѣжалъ рутиннаго взгляда на вещи. Сквозь помѣщичью теорію общественной экономіи ему показалось, что возвышеніе заработной платы повредило крестьянскому сословію, т. е. тому сословію, которое живетъ исключительно трудомъ и для котораго всякая копейка, надбавляемая за рабочій день, въ общей суммѣ

составляетъ величайшее благо. Ужъ если для кого недостатокъ рабочихъ рукъ и увеличившаяся цѣнность труда оказались невыгодными, то это для помѣщиковъ. Прекращеніе барщины поставило ихъ въ необходимость оплачивать тѣ рабочія силы, которыми они пользовались почти даромъ. Земля, удержанная ими въ собственномъ владѣніи, для обработки своей потребовала новыхъ источниковъ труда и другихъ экономическихъ условій. Ко всему этому помѣщики не были приготовлены ни со стороны знанія, ни со стороны практическаго веденія сельскаго хозяйства. Вмѣсто того, чтобы усилить производительность наличныхъ силъ и взяться за развитіе промышленной дѣятельности, какая могла представиться смотря по условіямъ мѣстнымъ, они возложили всѣ свои надежды на копеечные разсчеты старой барщины. Поэтому возвышеніе заработной платы должно было опечалить не крестьянина, а помѣщика. Но г. Кавелинъ указываетъ на тѣхъ изъ крестьянъ, которые, за неимѣніемъ достаточнаго количества земли, принуждены нанимать ее, или на тѣхъ, которые барышничаютъ на счетъ этого найма. Что касается первыхъ, то невыгода ихъ вовсе не въ томъ, что рабочая сила оплачивается лучше, чѣмъ прежде, а въ томъ, что они часто лишены возможности приложить свой трудъ къ своей собственной землѣ и обезпечить существованіе своего семейства въ первѣйшихъ потребностяхъ жизни. Но и въ этомъ случаѣ возвышеніе заработной платы скорѣе полезно для нихъ, чѣмъ вредно. Относительно барышниковъ и несообразительныхъ землевладѣльцевъ мы ничего не говоримъ: они дѣйствительно проигрываютъ отъ усиленнаго запроса на трудъ и возвышенія его цѣнности, потому что интересы ихъ, при настоящемъ экономическомъ складѣ, вовсе не одинаковы съ интересами массы крестьянъ. И если желающій эксплуатировать трудъ своего ближняго подвергается самъ эксплуатаціи другого барышника, дающаго деньги въ заемъ подъ «жидовскіе проценты», то разумѣется, это дѣлается не безъ особенной выгоды для того, кто набиваетъ карманъ ростовщика.

Напрасно также думаетъ г. Кавелинъ, что распространеніе земледѣльческихъ орудій должно значительно сбавить цѣну на рабочія руки. Кто знакомъ съ первыми уроками общественной экономіи, тотъ понимаетъ, что машинное производство, въ общемъ результатѣ, всегда возвышало заработную плату и улучшало положеніе рабочихъ классовъ. Временныя и чисто случайныя неудобства, при оцѣнкѣ общихъ соціальныхъ явленій, не могутъ быть принимаемы въ разсчетъ.

Въ Англіи и во Франціи, напримѣръ, цѣна на человѣческій трудъ поднималась соотвѣтственно развитію механическихъ силъ. Теперь лондонскій и парижскій работникъ получаютъ вчетверо больше, чѣмъ въ концѣ прошлаго вѣка. И это совершенно понятно. Механическая сила пара или огня, сокращая время труда и замѣняя мускульное движеніе механическимъ, увеличиваетъ общій итогъ народной производительности, и слѣдовательно дѣлаетъ страну богаче. А общее національное благосостояніе, при самомъ дурномъ распредѣленіи его по сословіямъ, не можетъ не отразиться на улучшеніи положенія всѣхъ и каждаго. Низкій уровень заработной платы доказываетъ не совершенство машиннаго производства, а бѣдность народа и такой соціальный порядокъ, гдѣ отъ накопленія жира въ одномъ сословіи происходитъ худосочіе въ другихъ. Поэтому средство, избранное г. Кавелинымъ, еслибъ оно могло достигнуть предполагаемой имъ цѣли, повело бы не къ благоденствію крестьянъ, а къ размноженію паріевъ, продающихъ свои силы и трудъ за ничто. Но помѣщичья экономія такъ близорука, что она не можетъ ни на одну минуту забыть своихъ личныхъ и временныхъ интересовъ ради нѣсколько отдаленныхъ и болѣе дѣйствительныхъ. Намъ необходимо раціональное земледѣліе и примѣненіе къ нему механическихъ орудій, но необходимо не потому, чтобы породить излишекъ рабочихъ рукъ, понизить цѣнность труда, а для усовершенствованія нашихъ истощенныхъ почвъ и для сбереженія человѣческихъ силъ и времени. Промышленность наша, при всей ея ничтожности, страдаетъ не отъ высокихъ цѣнъ на трудъ, а отъ произвола и невѣжества представителей ея, отъ бѣдности и умственной неразвитости рабочаго класса. Но рутина экономическихъ понятій, обращающихся въ нашемъ обществѣ, до того исказила здравый смыслъ, что намъ дѣлаются непонятными самыя простыя человѣческія истины.

Мы вполнѣ соглашаемся съ г. Кавелинымъ, что ростовщики и кулаки составляютъ глубокую язву на тѣлѣ нашего народа. Они обираютъ его круглый годъ, обираютъ у него скотъ, хлѣбъ, домашнюю утварь и даже будущіе его посѣвы. Близко наблюдая за нуждами народа, какъ хищныя птицы за добычей, хорошо зная его привычки и наклонности, они пользуются всѣмъ, чѣмъ можно воспользоваться въ положеніи бѣднаго человѣка. Только напрасно г. Кавелинъ придаетъ этому явленію такой частный характеръ, какъ эксплуатація земледѣльческаго сословія во время лѣтней рабочей поры и въ но-

воузенскомъ краѣ. Кулачество существуетъ у насъ повсюду, во всѣхъ отрасляхъ крестьянской дѣятельности и во всѣ времена года. Кто бы могъ подумать, что есть цѣлые уѣздные города, которыхъ общественныя земли арендуются богатыми купцами или помѣщиками и потомъ отдаются въ наемъ тому же обществу, которому эти земли принадлежатъ. Есть множество рабочихъ классовъ, находящихся почти въ вѣчной кабалѣ по своей денежной зависимости отъ капиталистовъ. Торговля Москвы по отношенію къ провинціальнымъ купцамъ есть нѝчто иное, какъ постоянная эксплуатація торговаго люда по всѣмъ центральнымъ городамъ. Богатый московскій самодуръ, не имѣя никакого понятія о правильномъ движеніи коммерческихъ оборотовъ и не отличая обмана отъ добросовѣстнаго веденія дѣлъ, старается какъ можно скорѣе и ловчѣе затянуть провинціальнаго купца въ долгъ, и потомъ сбывать ему разную гниль за самые «жидовскіе проценты.» Должникъ не возражаетъ, потому что кредиторъ можетъ погрозить ему ликвизаціей векселей и торговыхъ счетовъ. Надо брать, что даютъ, и надо въ свою очередь сбывать какъ можно дороже и другимъ покупателямъ. Подлоги, обмѣриванія и подмѣси составляютъ неизбѣжную принадлежность этой темной торговли, для которой высшимъ выраженіемъ служитъ наша полуазіятская ярмарка. Въ томъ видѣ, какъ она существуетъ у насъ, ярмарка всего лучше доказываетъ, что кулачество лежитъ въ основѣ всѣхъ торговыхъ операцій общества; стягивая, напримѣръ, въ Нижнемъ Новгородѣ товары и покупателей въ одно мѣсто, со всѣхъ концевъ Россіи, она въ нѣсколько недѣль выпускаетъ весь запасъ произведеній и за тѣмъ на цѣлый годъ закрываетъ коммерческіе каналы. Производитель и потребитель сближаются между собой, въ остальное время года, посредствомъ разныхъ мелкихъ кулаковъ, опустошающихъ уѣздные города, села и деревни. Въ странѣ, гдѣ промышленная дѣятельность вышла изъ варварскаго состоянія, ярмарка становится ненужной; тамъ образуются центры торговыхъ операцій смотря по мѣстнымъ удобствамъ и постоянно переносятся съ одного пункта на другой; тамъ производитель и потребитель съ каждымъ новымъ шагомъ цивилизаціи становятся другъ къ другу ближе; наконецъ общественный кредитъ увеличиваетъ быстроту взаимныхъ отношеній и служитъ душей торговыхъ оборотовъ; централизація капиталовъ и монополь, при такомъ порядкѣ вещей, дѣлаются менѣе опасными, и ростовщикъ менѣе необходимымъ. У насъ, за от·

сутствіемъ промышленнаго и торговаго движенія, при административныхъ и соціальныхъ недостаткахъ свободы труда, накопленіе богатства въ однихъ рукахъ чрезвычайно легко и злоупотребленіе денежной силой очень естественно. Кулакъ и ростовщикъ — ничто иное, какъ посредники между бѣдной массой и невѣжественными капиталистами; для ясности, мы можемъ сравнить ихъ съ тѣми нечистотами, которыя переносятся организмомъ для того, чтобы отвлекать болѣе серьезные симптомы болѣзни.

Зло это г. Кавелинъ предполагаетъ поправить посредствомъ ссудныхъ капиталовъ, изъ которыхъ могли бы отпускаться крестьянамъ извѣстныя суммы подъ залогъ пшеницы, стоящей на нивахъ. Потребность эта давно чувствуется, но она будетъ только *чувствоваться* до тѣхъ поръ, пока наши села и деревни не организуются въ болѣе правильныя и самостоятельныя общества. Теперь зависимость ихъ отъ разныхъ постороннихъ вліяній слишкомъ велика, чтобы они могли дѣйствовать иначе; теперь богатый землевладѣлецъ и крестьянинъ слишкомъ разъединены между собою, чтобы взаимные интересы ихъ могли быть общими... А это мѣшаетъ обоюдному довѣрію, которое могло бы гораздо лучше ссудныхъ кассъ помочь нуждающемуся мужику. Во всякомъ случаѣ г. Кавелинъ выбиваетъ клинъ клиномъ; чтобы истребить ростовщиковъ, разоряющихъ бѣдныхъ земледѣльцевъ, онъ возводитъ то же ростовщичество въ общественное учрежденіе. Его ссудныя кассы выдаютъ займы по шести и по семи процентовъ съ рубля, на семь мѣсяцевъ и даже менѣе. «И какое было бы это благодѣяніе, восклицаетъ онъ, для цѣлаго края, какъ бы отъ этого поднялось производство пшеницы, какъ бы ускромились ростовщики, нагрѣвающіе теперь руки»! Конечно, 20% тяжелѣе 6% или 7%, но и семь процентовъ съ рубля нельзя назвать особеннымъ благодѣяніемъ. Семь процентовъ на семь мѣсяцевъ обременительны не только для крестьянина, но и для промышленника, у котораго капиталъ можетъ обернуться два или три раза въ годъ. И такую ссудную кассу, которая бы взимала по 12% въ годъ, надо считать общественнымъ бѣдствіемъ. Но вѣдь, ростовщики, разсуждаетъ г. Ковелинъ, все же хуже, чѣмъ 12-процентныя ссудныя кассы. Совершенно такъ; но это напоминаетъ намъ гуманное наставленіе одного славянофила, совѣтовавшаго не слишкомъ больно сѣчь русскаго мужика, а такъ—розокъ по четырнад-

цати отпускать ему, что разумѣется, сравнительно съ тремя стами розгачами слѣдуетъ назвать благодѣяніемъ.

«Занимаясь все важными міровыми вопросами, заключаетъ г. Ковелинъ, мы ничего не хотимъ видѣть у себя подъ ногами, и ежедневная жизнь, если ее не толкнетъ что нибудь со стороны, идетъ себѣ старой, ржавой колеей». Ужъ эти важные міровые вопросы!— кому они только не стали поперекъ горла; они даже виноваты въ томъ, что мы обратились въ ржавчину. А сколько мы ихъ рѣшили, г. Кавелинъ? И кто у насъ спрашивалъ этого рѣшенія? Не заняться ли въ самомъ дѣлѣ вмѣсто разныхъ фантазій практическимъ дѣломъ—пониженіемъ заработной платы и основаніемъ ссудныхъ кассъ по 7°/₀ на семь мѣсяцевъ? Нѣтъ ужъ лучше фантазіи и важные міровые вопросы, чѣмъ такая дѣйствительность, отъ которой можно умереть съ голоду.

Въ заключеніе этой лѣтописи намъ выпадаетъ немалая доля удовольствія объясниться съ «Сѣверной Пчелой». Въ № 248 этой газеты помѣщена передовая статья, возражающая мнѣ, скромному лѣтописцу, по поводу моихъ мнѣній о женскомъ трудѣ въ примѣненіи его къ типографіямъ. Я выразилъ убѣжденіе и доселѣ остаюсь твердо убѣжденнымъ, что типографское дѣло не соотвѣтствуетъ тѣмъ органическимъ условіямъ женщины, которыя прежде всего должны быть взвѣшены, когда заходитъ рѣчь о женскомъ трудѣ.

Надѣюсь, что никто, ни г. Мельниковъ, ни г. Лѣсковъ, ни г. Липранди, ни самъ П. С. Усовъ не станутъ оспаривать необходимости болѣе свободнаго общественнаго положенія женщины вообще и русской въ особенности. Что ей нуженъ трудъ и обезпеченіе, болѣе реціональные, чѣмъ какими она пользовалась доселѣ — въ этомъ также едва ли кто искренно сомнѣвается. Но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы всѣ отрасли дѣятельности одинаково приходились по силамъ женщины. До тѣхъ поръ, пока физіологія не разъяснитъ отличительныя свойства женскаго организма по отношенію его къ соціальному вопросу, мы не имѣемъ основанія положительно говорить, какая отрасль труда лучше и полезнѣе для женщины; но руководствуясь чисто-опытными соображеніями, мы должны согласиться, что и теперь есть такія занятія, которыя прямо противорѣчатъ кореннымъ свойствамъ женскаго организма. Женщина, какъ мы замѣ-

тили въ прошлой лѣтописи, не можетъ быть коменоломщикомъ, рудокопомъ, матросомъ и солдатомъ. Противникъ мой, конечно, опять возразитъ мнѣ: да почему же она не можетъ быть всѣмъ этимъ, если эта дѣятельность доступна силамъ мужчины? Если угодно, женщина можетъ быть и палачомъ и Мессалиной, но я говорю не объ одной возможности, а о тѣхъ удобствахъ и лучшихъ условіяхъ, при которыхъ трудъ женщины могъ бы не уродовать ея нравственной и физической природы, не мѣшать ея развитію, а помогать ему. Въ современномъ общественномъ механизмѣ можно указать не мало такихъ уродливыхъ явленій, особенно въ области промышленнаго труда, которыя убиваютъ самые здоровые организмы работниковъ. Стоитъ только взглянуть на эти ситощенныя, блѣдныя и околеченныя лица фабричныхъ рабочихъ, которые рѣдко переживаютъ за сорокъ лѣтъ своей жизни; стоитъ посмотрѣть на тѣ смрадныя и душныя мастерскія, въ которыхъ преждевременно чахнутъ тысячи людей и на которыя мы привыкли также хладнокровно смотрѣть, какъ на нѣкоторыя изъ передовыхъ статей «Сѣверной Пчелы». Но какъ ни отвратительны современныя мастерскія и какъ ни обременителенъ ихъ трудъ, все же мужчина можетъ вынести его легче, чѣмъ женщина. Съ этимъ вѣроятно согласится и мой противникъ. Женщина по преимуществу существо соціальное, и потому она должна особенно дорожить выборомъ своего общественнаго положенія. Она носитъ въ себѣ сѣмя того поколѣнія, отъ котораго мы въ правѣ ожидать здоровья и ума. Первая страница любой гигіены подскажетъ моему противнику, что истощенная трудомъ и поставленная въ неблагопріятныя условія беременная мать не можетъ родить здороваго ребенка. Опять стоитъ только заглянуть въ подвалы и на фабрики, гдѣ чахлыя дѣти бѣдныхъ работницъ поражаютъ своимъ видомъ. А что важнѣе въ соціальномъ отношеніи? Пристроить ли всѣхъ женщинъ къ типографіямъ и мастерскимъ, какъ онѣ теперь организованы, и получитъ новыя тысячи идіотовъ и калекъ, или указать женщинѣ на болѣе ограниченный кругъ свойственной ей дѣятельности и спасти ей здоровыхъ дѣтей. Надо спросить объ этомъ мать, чтобы услышать основательный отвѣтъ. Вотъ почему я и разграничилъ умственныя занятія отъ чисто-мускульныхъ, замѣтивъ, что первыя гораздо больше идутъ женщинѣ, при современной организаціи труда, чѣмъ вторыя. Женщина можетъ быть хирургомъ, медикомъ, адвокатомъ, профессоромъ, редакторомъ, конторщикомъ, швеей, но она поступила бы дурно и неразсчетливо,

если бъ пошла работать въ типографію. Здѣсь придется носить ей такія тяжести, которыя вовсе не по ея силамъ; во время беременности ей необходимо движеніе, послѣ родовъ уходъ за ребенкомъ и кормленіе его своей грудью; можетъ ли отвѣчать типографскій трудъ всѣмъ этимъ потребностямъ матери? Можетъ ли наборщица, сидя или стоя у кассы по 10 часовъ въ сутки, пользоваться движеніемъ, необходимымъ ея беременному организму? На все это мой юный противникъ только и нашелся сказать, что вѣдь и кухарки, и деревенскія бабы родятъ, такъ не объявить же ихъ неспособными быть кухарками и заниматься сельскими работами. Я еще больше скажу: у насъ есть много такихъ деревенскихъ бабъ, которыя родятъ во время самой работы и, положивъ новорожденнаго въ сторону, продолжаютъ спокойно свой начатый трудъ. Но 1) потому-то деревенскія бабы и родятъ такъ легко, что работаютъ въ полѣ, а не въ типографіяхъ, живутъ въ деревнѣ, а не въ городѣ; 2) не всегда удается и деревенскимъ бабамъ такъ счастливо разрѣшаться, и многія изъ нихъ производятъ на свѣтъ жалкихъ уродовъ и выкидышей, если трудъ имъ былъ не подъ силу или надорваны онѣ подъемомъ какой нибудь тяжести. «Но мы *не видимъ*, говоритъ мой противникъ, почему для беременной женщины должно быть легче ходить 8 или 10 часовъ по магазину, снимать матеріи и платья и ящики съ кружевами и лентами съ высокихъ полокъ, чѣмъ сидѣть все это время и набирать букву за буквой изъ стоящей передъ ней кассы.» Не видите вы различія между движеніемъ и сидѣніемъ, между желѣзной тяжестію шрифта въ два или три пуда и картонкой съ лентами,— не видите вы потому, что ужъ очень несообразительны, милостивый государь. Не видите вы многого, и чтобы хоть нимножко видѣть, я посовѣтую вамъ на первый разъ двѣ не безполезныя вещи: 1) когда вы беретесь судить о соціальномъ вопросѣ, разсматривайте его какъ можно шире, со всѣхъ сторонъ, и если ставите его на практическую почву, то не отрывайте его отъ горькой дѣйствительности современнаго общества; 2) когда вы еще соберетесь полемизировать со мной, то запаситесь знаніемъ экономическихъ законовъ общества хоть изъ политической экономіи г. Горлова; наконецъ я искренно желаю вамъ быть менѣе смѣшнымъ, чѣмъ я вышелъ забавенъ, по вашему мнѣнію.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Гдѣ можно изучать русскую общественную жизнь? — Различныя свойства московскаго чернозема и петербургскихъ болотъ.—Открытія Спяка и Писемскаго.—Географическія границы „Взбаламученнаго моря“ — Нѣчто о русской публикѣ и журналистикѣ —Проницательные читатели. — Лирическій эпизодъ изъ нашей общественной жизни. — „Сказка о восточныхъ послахъ“. — Призракъ прогресса и его шествіе по русской землѣ.—Наши иллюзіи и перерожденіе. — Поучительный разсказъ изъ жизни статскаго совѣтника Кишмишь-Длинноушинскаго.—Вечеръ съ прогрессистами.—*Красныя* барышни. — Охотникъ до протестовъ и непризнанный драматургъ.—Сюжетъ одной потерянной для міра комедіи.—Образчики подвязнаго либерализма. Нравственная метаморфоза прежнихъ прогрессистовъ —Шалости московской журналистики. — Новое открытіе, весьма интересное для всѣхъ постоянныхъ сотрудниковъ „Русскаго Вѣстника“.—Роковой акростихъ.—Полемическія спрынцованія гг. Каткова и Аксакова.—М. П. Погодинъ въ качествѣ „*начинающаго фельетониста*». — Прогулка М. П. Погодина по Дѣвичьему полю.—М. П. Погодинъ, бьющій заграницей своихъ соотечественницъ. — Критикъ «Отечествен. Записокъ» начинаетъ зарапортовываться. Нѣкто г. М. Федоровъ, нашедшій рѣшеніе вопроса о сліяніи „съ народомъ“.—П Анненковъ, получившій награду за «упражненія въ слогѣ».—Новое литературно-поваренное агенство, занимающееся поставкой и доставкой литераторовъ и кухарокъ. — Глава изъ лирической поэмы.—Театральныя новости.—Двѣ новыя пьесы: „Лиза Ѳомина“ и „Было да прошло“.—Постановка комедіи Островскаго «Доходное мѣсто».—Петербургскіе нѣмцы-врачи и ихъ шарлатанскія выходки у постели больной женщины.—Неаполитанскія шутки Александра Дюма—Выставка картинъ въ Академіи Художествъ. — Нѣсколько словъ объ академическомъ скитѣ, который не «отъ міра сего» —Пристрастіе академіи къ Сауламъ и Харонамъ. — Конкурсныя картины нынѣшняго года: „Моисей, источающій воду изъ камня».—Толки публики передъ картиной г. Ге.—«Неровный бракъ», картина г. Пукерева.—Восклицаніе одной зрительницы передъ Неровнымъ бракомъ. — «Оттело и Дездемона» г. Кенига, и «Демонъ» г. Литовченко.—Хохотъ, возбуждаемый этими этюдами.—«Милосердіе римлянки», картина г. Плѣшанова.—Пейзажи г. Айвазовскаго.

Съ наступленіемъ длинныхъ, осеннихъ вечеровъ, съ ихъ слякостью, дождемъ и туманомъ, съ открытіемъ театровъ и разныхъ увеселительныхъ заведеній, невольно хочется говорить объ общественной жизни Петербурга. Петербургъ именно тѣмъ только и хорошъ, что онъ есть единственный городъ въ Россіи, до извѣстной степени ясно очертавшій свою общественную жизнь. Не уловите вы этой жизни на Невѣ — значитъ нигдѣ уже не уловите. Не говоря уже о провинціяхъ, вы даже въ Москвѣ не составите себѣ и приблизитель-

наго понятія о томъ, какъ идетъ ея общественная жизнь и что дѣлаетъ ея общество. Въ Москвѣ вы можете прожить весь свой вѣкъ и умрете, не зная, хорошій или дурной человѣкъ вы были. М. Н. Катковъ болѣе двадцати лѣтъ уже пишетъ для Москвы, а Москва только еще недавно узнала и поняла, о чемъ именно хлопочетъ московскій публицистъ. Живи г. Катковъ въ Петербургѣ — здѣсь бы онъ невольно скорѣе, въ нѣсколько лѣтъ, договорился до самой сути теперешнихъ его журнальныхъ статеекъ. Ужъ таковы свойства петербургской почвы: въ ней даже трупы скорѣе разлагаются.

Итакъ, слѣдить за общественной жизнью въ Россіи можно только по Петербургу. Я сказалъ: *можно слѣдить*, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что эот очень легко. Русская общественная жизнь есть еще новая Америка, Америка до ея открытія, и еще не явился тотъ русскій Колумбъ, который бы познакомилъ насъ со всѣми ея лабиринтами. Писемскій попробовалъ-было явиться передъ нами въ этой новой роли, хотѣлъ было раскрыть передъ нами цѣлое житейское море, но вмѣсто того началъ купаться въ какой-то лужицѣ и, вмѣсто полной характеристики русской жизни, представилъ намъ нѣсколько каррикатуръ во вкусѣ «Занозы», нѣсколько пошлыхъ и мелкихъ личностей и анекдотцевъ. По поводу открытія г. Писемскаго, одинъ новѣйшій географъ сдѣлалъ въ своемъ учебникѣ слѣдующую приписку: «гг. Спикъ и Грантъ открыли истоки Нила, а г. Писемскій открылъ въ Россіи «Взбаламученное море». Море это съ сѣвера и востока граничитъ съ фельетонами Никиты Безрылова, съ юга — Армянскимъ переулкомъ, а съ запада «Асмодеемъ» В. Аскоченскаго...

Русская общественная жизнь все-таки осталась для насъ неразгаданной тайной. Мы можемъ разсказать изъ этой жизни множество отдѣльныхъ разсказовъ, указать на множество фактовъ, но всего цѣлаго феникса все-таки не уловимъ, не поймемъ. Въ другомъ мѣстѣ журналистика можетъ быть до извѣстной степени мѣриломъ общественнаго сознанія и инстинктовъ, но у насъ это не такъ. У насъ какъ-то такъ дѣлается: журналистика — сама по себѣ, а публика — сама по себѣ. Я знаю многихъ господъ, которые вовсе не изъ полемическихъ видовъ разомъ выписываютъ и читаютъ «Русскій Вѣстникъ» и «Современникъ», и только потому отличаютъ одинъ журналъ отъ другого, что у нихъ обертки разныя, а не будь этихъ обертокъ—такъ и не

отличили бы. Для опыта я даже пробовалъ статьи изъ «Русскаго Вѣстника» подклеивать въ «Современникъ» и давалъ читать: никто даже и не догадался. И не думайте, что эти господа—тупицы какіе нибудь, нѣтъ, сохрани Богъ! они о Гегелѣ статьи гг. Лаврова и Страхова читаютъ и на службѣ передовыми людьми считаются. Все это происходитъ отъ того, что журналистика наша — явленіе случайное, къ числу нашихъ житейскихъ нуждъ непринадлежащее. Вотъ хоть у «Сына Отечества» чуть-ли не шестьдесятъ милліоновъ подписчиковъ, и что же изъ этого? Опять-таки явленіе чисто случайное. Представьте себѣ (въ Россіи подобныя дикія фантазіи рѣшительно возможны), что всѣ наши журналисты провалились бы сквозь землю или просто сговорились цѣлый годъ не издавать своихъ журналовъ и газетъ. Какой бы результатъ вышелъ изъ этого? Да ровно никакого. Большинство и ухомъ не повело бы, и стало бы перечитывать романы Дюма въ переводѣ Строева или разныхъ «Таинственныхъ монаховъ» Рафаила Зотова.

Не получаетъ, напримѣръ, подписчикъ своей газеты очень долгое время. Проходитъ недѣля, проходитъ другая. Случилась подписчику надобность купить себѣ перчатки новыя, а такъ какъ такія надобности нельзя отлагать въ дальній ящикъ, то онъ спѣшитъ въ лавку, а по дорогѣ заходитъ въ контору газеты справиться—почему онъ ее не получаетъ.

— Газета запрещена по распоряженію правительства, отвѣчаютъ ему. Вы думаете онъ станетъ спрашивать: — какъ? по чему? за что? Ошибаетесь, онъ прежде всего задастъ вопросъ:—а какъ же мои деньги? отдадутъ ли мнѣ ихъ? Отвѣтятъ ему:—отдадутъ, — онъ и успокоится. Разумѣется, свои деньги — каждому дороги, но вѣдь и нравственное лишеніе чего нибудь да стоитъ.

Помните ли вы, господа, тѣ не такъ далекіе, «золотые» дни, которые назывались днями русскаго прогресса? Помните ли вы это время? Давно ли все это было? Въ общественной жизни, какъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка, неизбѣжно переживаются лирическіе эпизоды. Нашимъ лирическимъ эпизодомъ былъ славный россійскій прогрессъ и его воображаемое шествіе. Въ одно утро мы проснулись тѣми же, чѣмъ были и вчера, и ни чего бы не случилось, если бы кто-то, можетъ быть еще въ просонкахъ, не крикнулъ: «прогрессъ идетъ! прогрессъ идетъ!« Мы всѣ переполошились. Намъ пріятно было повѣрить такому хорошему извѣстію, и такую слабость

извинить можно. Попробуйте увѣрять иного:—какую ты, другъ любезный, умную вещь сказалъ! то, чѣмъ настоятельнѣе вы будете увѣрять его въ этомъ, тѣмъ скорѣе онъ, хотя бы и вовсе никакой умной вещи не сказалъ, будетъ думать, что дескать я и въ самомъ дѣлѣ что-то великое выдумалъ...

Вѣсть о нарожденіи русскаго прогресса дошла даже до отдаленныхъ японцевъ, которые, желая намѣстѣ убѣдиться въ этомъ случаѣ, прислали къ намъ особую миссію. Одному изъ этихъ пословъ, съ которымъ мнѣ случилось встрѣтиться, по просьбѣ его—написать что нибудь на память въ его записную книжку, я написалъ слѣдующее стихотвореніе.

СКАЗКА О ВОСТОЧНЫХЪ ПОСЛАХЪ.

Шлетъ намъ гостинцы востокъ
Вмѣстѣ съ посольствомъ особымъ.
— Ну-ка, веди, мужичекъ,
Йхъ по родимымъ трущебамъ.
Ходятъ. Все степи, да лѣсъ,
Все, какъ дремотой одѣто...
— Это-ли русскій прогрессъ?
— Это, родимые, это!..

* *
*

Въ села заходятъ. Вросли
Въ землю, согнувшись, избенки,
Чахлое стадо пасли
Дѣти въ одной рубашенкѣ;
Крытый соломой навѣсъ...
Голосъ рыдающій гдѣ-то...
— Это-ли русскій прогрессъ?
— Это, родимые, это!..

* *
*

Городъ предъ ними. Въ умахъ
Мысль, какъ и въ селахъ, дремала,
Шепчутъ о чемъ-то въ потьмахъ
Два-три усталыхъ журнала.
Ласки продажныхъ метрессъ...
Путь безъ конца, безъ разсвѣта...
— Это-ли русскій прогрессъ?
— Это, родимые, это.

* *
*

Трудъ отъ зори до зори,
Бѣдность—что дальше, то хуже:
Голодъ, лохмотья—внутри,
Блескъ и довольство—снаружи.
Шалости старыхъ повѣсъ,
Тающихъ въ креслахъ балета...
— Это-ли русскій прогрессъ?
— Это, родимые, это!

***

— Гдѣ-жъ мы, скажи намъ, вожакъ?
Эти зеленыя зимы,
Голыя степи и мракъ...
Полно, туда-ли зашли мы?
Ты намъ скажи наотрѣзъ,
Ждемъ мы прямого отвѣта:
— Это-ли русскій прогрессъ?
— Это, родимые, это!

***

Мы повѣрили въ русскій прогрессъ. Мы словно видѣли, какъ онъ странствуетъ между нами, заходитъ въ каждый домъ, перестирываетъ начисто каждую совѣсть, подвинчиваетъ новые черепа къ старымъ туловищамъ. Насъ обманули два - три смѣлыхъ голоса, двѣ - три хорошія статьи: опи были для насъ свидѣтельствомъ общаго перерожденія. Прогрессистовъ явилась тьма тьмущая, потому что быть прогрессистомъ въ тотъ лирическій періодъ было вовсе нетрудно. Вы смѣетесь надъ Аскоченскимъ, вы порицаете откупа,—значитъ вы прогрессистъ. Теперь пришло другое время; теперь всѣ смѣются надъ Аскоченскимъ, всѣ порицаютъ откупа, но, увы! прогрессисты, переродившіеся въ новѣйшихъ нигилистовъ, сидятъ у многихъ, какъ камень на шеѣ.

Въ дни нашего общественнаго лиризма мы всему улыбались до ушей, передъ всѣмъ расплывались. Въ ретроградныхъ пѣсняхъ г. Розенгейма мы видѣли смѣлыя обличенія, въ порицаніяхъ алгебраическихъ личностей гг. Z и Y — торжество россійской гласности. Подкрашенная наружность скрывала отъ насъ внутреннее безобразіе, громкія фразы — нравственную скудость и безсиліе. Россійскій прогрессъ въ Петербургѣ явился въ самомъ яркомъ и поучительномъ образѣ двухъ, одна противъ другой, кричащихъ и вопіющихъ крайно-

стей. Петербургская журналистика, не смотря на свои прогрессивные фейерверки, уже начинала поднимать тѣ ноты, которыя послѣ дошли до ужасныхъ воплей, раздававшихся въ дыму апраксинскаго пожара. Толки о гуманности сливались со стонами больныхъ, задыхавшихся въ духотѣ и въ грязи городскихъ больницъ. Призракъ педагогическихъ реформъ заслонялся живою фигурою г. Юркевича, вооруженнаго связками розокъ. Проекты желѣзныхъ дорогъ во всѣ концы Россіи — и невозможность нанять порядочный общественный экипажъ и благополучно проѣхать по улицамъ города; воздвиженіе громаднаго водопроводнаго минарета—и населеніе, пьющее грязную воду изъ фонтанокъ; европейскія, граненыя кружки для пива въ ресторанахъ — и какой-то скверный настой изъ «Сѣверной Пчелы» и кукельвана; статьи о женской эманципаціи, пересыпанныя восклицательными знаками—и невозможность женщинѣ одной показаться гдѣ нибудь на публичномъ гуляньи; надежды на молодое поколѣніе—и юноши, преслѣдуемые литературными и нелитературными хожалыми. Это были золотые дни нашего прогресса!..

Въ эти блаженныя времена мы просто не узнавали другъ друга: мы всѣ стали прогрессистами. Отъ слова «прогрессъ» не было проходу ни въ журналистикѣ, ни въ жизни. Малые младенцы въ просонкахъ шептали это слово. Иванъ Сидоровичъ пересталъ при гостяхъ бить свою жену—и его считали по этому случаю прогрессистомъ. Марья Сидоровна, щипавшая горничныхъ, прочла «Подводный Камень»—и прослыла прогрессисткой.

Давно ли все это было, почтенные мои соотечественники?

Давно-ль въ честь русскаго прогресса
Трудились перья и станки,
И разомъ—общество и пресса
Ему плели свои вѣнки?
Фальшивой краской подрумяненъ,
Но крѣпко на руку нечистъ,
Давно-ль послѣдній россіянинъ
Провозглашалъ:—я прогрессистъ?
Теперь умолкъ хвалебный грохотъ,
Прогрессъ схороненъ и отпѣтъ,
И только хохотъ, дерзкій хохотъ
Мы шлемъ покойнику во слѣдъ.

Объ этомъ лирическомъ періодѣ нашей общественной жизни я

всегда вспоминаю съ немалымъ сокрушеніемъ, съ сокрушеніемъ за его быстрое изчезновеніе. Я скорблю о томъ, что мы такъ недолго были прогрессистами, недолго наслаждались своей мнимой метаморфозой. Какое благотворное вліяніе имѣлъ на насъ этотъ періодъ, я объясню сейчасъ примѣромъ.

Во время оно, когда еще прогрессъ нашъ не возродился изъ пѣны финскаго залива, зналъ я въ Петербургѣ одного почтеннаго и сановитаго отца семейства, жившаго на барскую ногу и имѣвшаго квартиру съ швейцаромъ. Извѣстно, что настоящій важный петербургскій баринъ скрѣе примирится съ измѣной жены и съ рогами на лбу, нежели удовольствуется квартирой безъ швейцара. Знакомый мой статскій совѣтникъ Капитонъ Александровичъ Кишмишь-Длинноушинскій щеголялъ той важностью, которая наводитъ ужасное уныніе. Губамъ своимъ онъ никогда не позволялъ улыбаться, но улыбался какъ-то однимъ только подбородкомъ. Онъ постоянно носилъ Анну, сдѣланную имъ по особенному заказу, т. е. величина креста была почти вдвое больше обыкновенной величины. Статскій совѣтникъ, при встрѣчѣ съ людьми нисшими передъ нимъ по чину, подавалъ имъ ноготь указательнаго пальца и кивалъ имъ больше шляпой, нежели головой. Но не смотря на свою видимую надменность, Капитонъ Александровичъ былъ самый добродушнѣйшій и добрый человѣкъ въ мірѣ. Изрѣдка я бывалъ въ его семьѣ. Въ домѣ его постоянно царствовала такая невыносимая скука, что провести вечеръ въ гостиной статскаго совѣтника—было для меня тоже, что совершить какой либо геройскій подвигъ. Супруга его отличалась только одною единственною добродѣтелью—опрятностью. Она цѣлый вечеръ слѣдила за гостями, чтобы они не роняли на полъ пепелъ отъ папиросъ, и ежеминутно подставляла имъ пепельницы. Другихъ какихъ-либо свойствъ я за этой дамой не замѣчалъ. Три дочки Капитона Александровича, воспитанныя въ модномъ пансіонѣ, были граціозны до унынія, бесцвѣтны и скучны до граціи. Я съ удовольствіемъ готовъ назвать ихъ ангелами, но женщинами — ни за что на свѣтѣ.

Мнѣ случилось какъ-то очень долго не бывать въ домѣ Капитона Александровича. Однажды, — это было въ самый разгаръ петербургскаго прогресса, — идя по Невскому проспекту, я грудь съ грудью столкнулся съ моимъ статскимъ совѣтникомъ. Въ лицѣ его было что-то новое, для меня непонятное. Подъ галстухомъ его, какъ

прежде, не висѣло уже никогда нерастававшагося съ нимъ ордена. Онъ добродушно и, противъ ожиданія, цѣлою ладонью пожалъ мнѣ руку.

Праздничный, веселый видъ Капитона Александровича невольно вызвалъ меня на вопросъ:

— Ужъ не поздравить-ли васъ съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника?

Кишмишь-Длинноушинскій взглянулъ на меня съ упрекомъ.

— Не хорошо такъ смѣяться надъ человѣкомъ, право не хорошо... Кто теперь о чинахъ думаетъ? Говорятъ, ихъ скоро и уничтожатъ совсѣмъ, ну и слава Богу... Не въ томъ вѣкѣ мы живемъ теперь...

— Отчего же? генеральскій чинъ напримѣръ вещь недурная...

— Знаю, знаю, какъ вы всѣ объ этой вещи думаете, лукаво возразилъ Капитонъ Александровичъ.—Читалъ я кое-что... А что вы ко мнѣ не заглянете никогда? У меня, знаете, нынче все безъ предразсудковъ, безъ чиновъ. Молодежъ читаетъ, танцуетъ... Приходите же: по понедѣльникамъ у насъ сбираются добрые знакомые, безъ предразсудковъ, совершенно безъ предразсудковъ... ужъ такое время пришло...

Капитонъ Александровичъ видимо старался мнѣ что-то объяснить, но не справился съ фразой и только повторилъ свое приглашеніе. Я, разумѣется, обѣщался.

Въ ближайшій понедѣльникъ я изъ любопытства отправился къ Кишмишь-Длинноушинскому. Едва я вошелъ въ залу, какъ тотчасъ понялъ, что воздухъ русскаго прогресса ворвался и въ убѣжище статскаго совѣтника. На кругломъ столѣ подъ лампой появились дотолѣ невиданные мною разные журналы, впрочемъ почти неразрѣзанные. Гости толковали все больше о современныхъ вопросахъ и составляли какую-то благотворительную подписку. Хозяинъ встрѣтилъ меня извѣстіемъ, что онъ прочтетъ мнѣ свой проектъ о введеніи въ городѣ какого-то новаго дешеваго освѣщенія.

— Въ наше время, говорилъ онъ:—каждый изъ насъ долженъ по возможности помогать общему дѣлу преуспѣванія и гражданскаго благоденствія...

Хозяйка дома хотя попрежнему подставляла гостямъ пепельницы, но уже не смотрѣла съ прежней свирѣпостью на гостей, ронявшихъ окурки на полъ.

Три барышни — дочки меня рѣшительно плѣнили; всѣмъ имъ тремъ я готовъ былъ разомъ предложить руку и сердце. Всѣ онѣ встрѣтили меня вопросомъ:

— Скажите, пожалуйста, когда откроется женскій университетъ?

— Вѣроятно еще въ томъ тысячлеѣтіи. А почему васъ это интересуетъ?

— Мы хотимъ непремѣнно поступить въ него, съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ при насъ людей не рѣзали. Фи! какъ это страшно!..

— Нѣтъ ли у васъ какихъ нибудь запрещеныхъ стиховъ? воскликнула голубоглазая прогрессистка.—Мы ихъ всѣ списываемъ...

— Мы читаемъ теперь письмо Бѣлинскаго къ Гоголю... Вы читали? перебила черноглазая прогрессистка...

Въ это время третья прогрессистка ни съ того, ни съ сего начала читать на память: «Бѣги, сокройся отъ очей», Пушкина.

— Онѣ вѣдь у меня *красныя*! докладывалъ мнѣ умиленный родитель.

Голубоглазая дочка принесла мнѣ даже свой альбомъ съ разными современными пѣснями, ходящими по рукамъ. Были и экспромпты, написанные самой владѣтельницѣ альбома, въ родѣ слѣдующихъ:

Въ прогрессѣ русскомъ я лишь видѣлъ темный лѣсъ,
Когда же васъ узналъ — я вѣрить сталъ въ прогрессъ.

Между тѣмъ кругомъ шелъ разговоръ...

— Я могу только вѣрить человѣку съ либеральнымъ образомъ мыслей, говорила румяная вдовушка гвардейскому прапорщику.

— Хотите, я подамъ въ отставку? Я рѣшился непремѣнно подать въ отставку, твердилъ ей прапорщикъ.

Господинъ въ золотыхъ очкахъ и въ невѣроятной величины жабо разговаривалъ въ другомъ углу съ хозяиномъ.

— А вы читали вчерашній нумеръ «Полярнаго Муравья»?

— Нѣтъ, такъ просматривалъ...

— Тамъ я помѣстилъ свой протестъ. Представьте себѣ, купилъ я у часового мастера карманные часы, потомъ какъ то нечаянно уронилъ ихъ, отчего лопнула пружина. Если бы часы были хорошіе, то пружина никакъ бы не лопнула. Я къ часовому мастеру:— перемѣните, говорю, часы. Тотъ не хочетъ:—вы, говоритъ, сами виноваты, — зачѣмъ роняли. Вѣдь согласитесь, это ужасное мошенничество. Я, разумѣется, написалъ протестъ.

Въ это время прапорщикъ, желающій подать въ отставку, сѣлъ къ роялю и запѣлъ ухорскимъ тономъ какую-то ultra-либеральную песенку. Ему рукоплескали.

— Я вамъ говорилъ, что у насъ безъ предразсудковъ, совершенно безъ предразсудковъ, твердилъ мнѣ Капитонъ Александровичъ, крѣпко сжимая руку.—Вотъ бы хоть насчетъ канкану: многимъ онъ не по душѣ пришелся. Что жъ тутъ ужаснаго такого? У меня—вы сами увидите — послѣ ужина молодежъ легенькій канканьчикъ отплясываетъ. Такъ-то-съ!..

— Я никогда не бываю въ русскомъ театрѣ, межъ тѣмъ говорила румяная вдовушка длинному и сухому господину во фракѣ:— тамъ всѣ пьесы такія пошлыя — никакой идеи.

— Что дѣлать! возразилъ длинный господинъ:—хорошихъ пьесъ туда не принимаютъ. Я это самъ испыталъ на себѣ. Вздумалось мнѣ попытать счастья въ литературѣ и я написалъ пяти-актную драму въ современномъ вкусѣ. Читалъ многимъ, всѣ въ восторгѣ были; самъ сознавалъ, что вышло нѣчто не-дюжинное. Разсказать вамъ сюжетъ?

— Пожалуйста! mesdames, послушайте, какую M-r. Воротигоревъ драму написалъ, обратилась вдова къ тремъ хозяйскимъ граціямъ.

— Ахъ, M-r. Воротигоревъ, разскажите ради Бога!

— Извольте. Разумѣется, я не могу передать вамъ всей художественной стороны моей пьесы, но передамъ только главный смыслъ ея, задачу, такъ сказать... Я вывелъ въ драмѣ современную русскую дѣвушку, очень развитую и умную, надъ гнетомъ семейнаго деспотизма. Дѣвушка межъ тѣмъ влюблена въ одного чиновника, занимающаго видное мѣсто. Тутъ слѣдуетъ развитіе ихъ любви, свиданія тайныя, и наконецъ чиновникъ на ней женится. Пятый актъ изображаетъ свадебный пиръ: толпа народу, музыка и танцы. Вдругъ во время вечера молодая случайно подслушиваетъ, что мужъ ея — взяточникъ, слышите, mesdames, взя-то-чникъ!.. Для такой честной и гумманной натуры, какъ выведена моя героиня, большого удара нельзя было ожидать. Оскорбленная, униженная, возмущенная, она въ безуміи бѣжитъ въ кабинетъ, схватываетъ охотничій ножикъ и во время торжественнаго, брачнаго тоста, закалываетъ мужа, а потомъ — сходитъ съ ума. Тѣмъ драма и оканчивается...

— Браво, M-r. Воротигоревъ! безподобно...

— Въ слѣдующій понедѣльникъ непремѣнно приходите прочитать вашу драму.

— Отчего же вы не отдадите ея на сцену?

— Отдавалъ, съ иронической улыбкой отвѣчалъ новый драматургъ:—отдавалъ, но не приняли въ театральномъ комитетѣ. Непремѣнно познакомлюсь съ какимъ нибудь журналистомъ и попрошу его отдѣлать комитетъ за то, что онъ подставляетъ ногу начинающимъ писателямъ.

Чтобы испить чашу до дна, я кое-какъ дождался ужина. За ужиномъ добродѣтельный прогрессистъ изъ статскихъ совѣтниковъ говорилъ собственно для меня спичь о томъ, что отрицаніе—дѣло хорошее, что онъ самъ многое отрицаетъ, но что прогресса русскаго отрицать не слѣдуетъ, потому что онъ во-очью совершается.

Послѣ ужина немного потанцовали подъ звуки рояля. Прапорщикъ, думающій подать въ отставку, и розовая вдовушка танцовали дѣйствительно нѣчто въ родѣ умѣреннаго канкана, т. е. ломались и шалили. Я вернулся домой съ этого вечера съ такимъ точно ощущеніемъ, какъ будто бы профессоръ Юркевичъ собственноручно наказалъ меня розгами.

Съ тѣхъ поръ я надолго потерялъ изъ виду прогрессивное семейство, и многое перемѣнилось съ тѣхъ поръ. Прогрессъ нашъ, подобно тѣни отца Гамлета, провалился сквозь землю; погорѣлъ публицистъ «Сѣверной Пчелы» П. С. Мельниковъ, М. Катковъ перешелъ въ новый фазисъ своей дѣятельности, народились нигилисты и почвенники, въ газетахъ появился новый отдѣлъ подъ названіемъ: «Польскій вопросъ»... По одному дѣлу случилась мнѣ надобность повидать моего знакомца Капитона Александровича, и я не безъ интереса думалъ полюбоваться на его житье-бытье...

Вхожу. Тѣ же комнаты, та же мебель и драпировка, тѣ же самыя лица, а между тѣмъ я не нашелъ и призрака моихъ прежнихъ милыхъ прогрессистовъ. Статскій совѣтникъ встрѣтилъ меня пасмурно и даже не безъ нѣкотораго удивленія. За столомъ у лампы, гдѣ уже не лежало ни одного журнала, сидѣла вся семья и щипала корпію... Три барышни опять походили на трехъ ангеловъ, безгласныхъ и невинныхъ. Капитонъ Александровичъ началъ съ того, что принялся ругать русскую молодежь...

— Мы даже понедѣльники наши прекратили для того, чтобъ къ намъ не забрались какіе нибудь новѣйшіе нигилисты, замѣтила

статская совѣтница, пододвигая ко мнѣ пепельницу.—Вотъ оно-что! подумалъ я.

— Ну, а что вашъ проектъ о дешевомъ освѣщеніи города? достало у меня неделикатности спросить отца семейства.

Статскій совѣтникъ, начавшій снова улыбаться только однимъ подбородкомъ, только искоса взглянулъ на меня, но ничего не отвѣтилъ.

Я не унялся и обратился къ барышнямъ.

— Вы, я помню, дожидались открытія женскаго университета. Теперь вотъ женщинъ допускаютъ на слушаніе лекцій въ медико-хирургической академіи, и вы вѣроятно посѣщаете лекціи?

Барышни только переглянулись и — потупились.

Мамаша однако выручила. — Мои дочери получили такое образованіе, замѣтила она, слѣдя съ негодованіемъ за тѣмъ, какъ я сдувалъ пепелъ съ папиросы:—что не нуждаются болѣе ни въ какихъ лекціяхъ.

Я ушелъ. Для полноты картины прибавлю слѣдующія извѣстія о судьбѣ постоянныхъ гостей Капитона Александровича. Онъ самъ разсказалъ мнѣ о нихъ.

Розощекая вдовушка, охотница до либерализма, вышла замужъ за какого-то бывшаго откупщика.

Прапорщикъ, хотѣвшій подать въ отставку, уже въ чинѣ капитана и получилъ какой-то орденъ за «успѣхи на службѣ.»

Авторъ пропавшей для міра драмы отданъ подъ судъ за растрату казенныхъ денегъ. Вотъ весь пятый актъ изъ жизни этого прогрессивнаго кружка. Чтѣ же отъ него осталось? Съ нимъ случилось тоже, что и съ старикомъ въ извѣстной сказкѣ:

Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
Не дождался — къ старухѣ воротился.
Глядь: опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А передъ нею — разбитое корыто...

Нашъ прогрессъ есть именно это самое разбитое корыто...

Перейду теперь въ другія времена, въ другой міръ...

Въ московской журналистикѣ творится что-то недоброе, (да и творится ли когда нибудь и что нибудь доброе тамъ?). Московская журналистика начинаетъ шалить и не признавать своего *набольшаго*— г. Каткова. Съ чего бы, кажется, вооружаться ей противъ него? Петербургскіе журналы— дѣло другое: тамъ все нигилисты, и они съ г. Катковымъ жить въ ладу не могутъ. Знаете ли вы, гг. москвичи, что вы идете противъ самихъ себя, идете противъ фатума, подымаясь на г. Каткова? Знаете ли вы, что г. Катковъ есть для васъ нѣчто символическое, нѣчто роковое? Взгляните напримѣръ на составъ сотрудниковъ «Русскаго Вѣстника». Вы подумаете, пожалуй, встрѣчая ихъ имена, что они въ журналѣ явленіе совершенно случайное, и не будь ихъ дескать, были бы на ихъ мѣстѣ другіе... Легкомысліе, любезные москвичи, легкомысліе одно подсказываетъ вамъ такое мнѣніе... Есть прямое, неотразимое доказательство того, что «Русскій Вѣстникъ» только съ этими сотрудниками, именно съ этими, можетъ вести свое журнальное дѣло. Прочтите эти давно знакомыя вамъ имена сотрудниковъ «Русскаго Вѣстника»:

Молинари.
Ивановъ (Ф. И.).
Хвощинская.
Алмазовъ.
Ивановъ (А. А.).
Леонтьевъ.
Капустинъ.
Ахшарумовъ.
Толстой (Л. Н.)
Козловскій.
Ольга Н.
Вадимъ.

Прочтите же теперь начальныя буквы этихъ именъ, и передъ вами сложится (акростихъ) имя и фамилія вашего публициста, именно: *Михаилъ Катковъ*. Неужели и теперь вы скажете, что эти имена— явленіе случайное?

Наши читатели ужъ знаютъ, что въ настоящее время въ Москвѣ загорѣлась междоусобная война «Дня» съ «Московскими Вѣдомостями», и, разумѣется, поставлены втупикъ такимъ событіемъ. Читатели наши знаютъ, что «Московскія Вѣдомости» есть ничто иное,

какъ «День» — въ англійскомъ пиджакѣ, а «День» тѣ же «Московскія Вѣдомости», переряженныя въ поддевку; а потому имъ бы не слѣдъ ссориться. И. Аксаковъ, взглянувшій въ зеркало, увидитъ тамъ непремѣнно Каткова—въ новомъ нарядѣ, а М. Катковъ увидитъ въ трюмо не себя, а И. Аксакова — въ другомъ переплетѣ. Имъ только и можно развѣ поссориться за то, что они ужъ слишкомъ стали походить одинъ на другого. Но на дѣлѣ вышло совсѣмъ иное:

— Я патріотъ! кричитъ Аксаковъ,
— Я патріотъ! кричитъ Катковъ;
— Ты заврался! кричитъ Аксаковъ,
— А ты отсталъ! кричитъ Катковъ.

На эту важную тему между ними завязалась перестрѣлка, а потомъ и настоящая битва. Московскій воздухъ, говорятъ, сильно способствуетъ подобнымъ баталіямъ, и москвичи любятъ схватки боевыя и на кулакахъ, и на перьяхъ.

Оставивъ гг. Каткова и Аксакова забавляться кукольной комедіей битвы, посмотримъ, что дѣлается съ другими московскими дѣятелями. На этотъ разъ мы остановимся передъ М. П. Погодинымъ. Съ нимъ тоже случилось что-то недоброе. Мы положительно не узнаемъ въ немъ теперь прежняго серьезнаго и солиднаго дѣятеля, покрытаго пылью лѣтописей и старыхъ рукописей. Не тѣмъ сталъ нашъ московскій ученый, чѣмъ былъ прежде. Бывало, случится надобность написать «похвальное слово» какому нибудь ученому мужу, — къ кому обращаются съ просьбой? къ Михаилу Петровичу. Ставятъ памятникъ въ провинціи славному историку, — кого просятъ на открытіе памятника? Михаила Петровича. Захотятъ наконецъ дать паспортъ Рюрику для свободнаго странствія по русскимъ учебникамъ,— и М. П. Погодинъ спѣшитъ совершить историческое усыновленіе безроднаго скитальца... Такимъ въ оны дни знали мы московскаго ученаго, но увы! не такимъ встрѣчаемъ его теперь... Не обидно ли въ самомъ дѣлѣ видѣть этого почтеннаго мужа, начав-

шаго дебютировать въ журналистикѣ въ роли начинающаго фельетониста на столбцахъ ежедневной газеты!

М. П. Погодинъ — *начинающій фельетонистъ*!!. Вся кровь бросается мнѣ въ голову отъ одного такого сближенія... М. П. Погодинъ — начинающій фельетонистъ, т. е. значитъ, онъ отрекся отъ всей своей прошлой дѣятельности. М. П. Погодинъ — начинающій фельетонистъ: значитъ, его увлекаетъ этотъ новый родъ занятій, и онъ хочетъ начать свою пѣсню сначала. Противъ факта спорить нельзя и мы поневолѣ должны ему повѣрить, должны даже поощрить въ лицѣ Михаила Петровича новаго, начинающаго писателя. У насъ даже явилась теперь надежда, что пройдетъ еще лѣтъ пятьдесятъ, и М. П. сдѣлается самымъ ярымъ нигилистомъ. Вы скажете, что это предположеніе нелѣпое, ну, а скажите пожалуйста, можно ли было думать 20 лѣтъ назадъ, что М. П. въ 1863 г. будетъ писать фельетоны о московскихъ гуляньяхъ, явится соперникомъ г. Пановскому и др.?

Итакъ въ качествѣ фельетониста М. Погодинъ посѣщалъ московскія гулянья, но, какъ фельетонистъ начинающій, предавался тамъ такого рода разсужденіямъ... Позвольте однако: я разскажу вамъ лучше *своими* словами его монологи, предупреждая впрочемъ, что всѣ мѣста, подчеркнутыя мною, принадлежатъ самому Михаилу Петровичу. Извольте же теперь послушать отрывокъ изъ пѣсни «московскихъ славянъ».

Погулять на Дѣвичіе Поле,
Посмотрѣть на гулянье народа
Какъ-то вышелъ Михаилъ Погодинъ.
Онъ идетъ, опираясь на посохъ,
И въ толпѣ пробираясь тихонько;
На лицѣ его ужасъ явился,
И воскликнулъ невольно тутъ старецъ:
— *Что здѣсь вижу я, Господи Боже?*
Что здѣсь вижу, Кириллъ и Мефодій?
Здѣсь ли вижу смягченіе нравовъ?
Ни слѣда благородства въ весельи,
Ни слѣда удовольствій приличныхъ:
Шумъ и гамъ только, *варварство, грубость*...
Ктожъ слѣдитъ за гуляньями тѣми?
Подъ какимъ они вѣдомствомъ нынче?
Ни одно министерство не хочетъ

Ихъ держать подъ особымъ надзоромъ,
А ужъ это, по моему, дурно.
Мой совѣтъ — *государственнымъ людямъ*
И полиціи высшей — совѣтъ мой:
Заходить на Дѣвичіе Поле
И почаще слѣдить за народомъ
И его изучать безобразье.
Тридцать лѣтъ по подобнымъ гуляньямъ
Я брожу, наблюдая за ними,
И нашелъ, что *они въ наше время*
Все становятся хуже и гаже...
Ахъ, къ какому же вѣдомству, право,
Причисляются гульбища эти?!.

Вотъ какіе милые вещи разсказываетъ намъ и даетъ совѣты государственнымъ людямъ начинающій фельетонистъ... Представьте же теперь, что этотъ самый М. П., ноющій надъ вопросомъ: къ *какому вѣдомству* принадлежатъ московскія гулянья, этотъ же самый М. П. произноситъ слѣдующую тираду: «О, съ какимъ *остервененіемъ* готовъ я былъ *вцѣпиться въ волоса* (какой-то Воронцовой или Бутурлиной), встрѣтивъ ее въ Римѣ, съ молитвенникомъ въ рукахъ, близь Piazza di Spagna!..»

Къ счастію, М. П. Погодинъ въ волоса ихъ не вцѣпился, потому что, какъ въ Римѣ, такъ и на Дѣвичьемъ Полѣ въ Москвѣ, за такія нѣжности имѣютъ дѣло съ полицейской властью и поплачиваются за нихъ и личнымъ спокойствіемъ, и свободой. Странно только одно: шумъ и гамъ на московскомъ гуляньи привели М. Погодина въ уныніе и ужасъ, а въ Римѣ онъ самъ хотѣлъ совершить избіеніе женщинъ во вкусѣ Козляинова?.. Погодинъ и Козляиновъ!.. Господи! какія странныя сопоставленія приходятъ иногда въ голову... Но кто же виноватъ въ этомъ, какъ не самъ начинающій фельетонистъ?.. Можетъ быть впрочемъ, М. П., какъ начинающій, юный фельетонистъ, написалъ не то, что хотѣлъ сказать... Это иногда случается. Вотъ хотя критикъ «Отечественныхъ Записокъ», кажется, человѣкъ уже опытный по части писанія, а и съ нимъ случаются затмѣнія. Такъ, въ N 8 «Отеч. Зап.» (см. Литер. Лѣтопись стр. 134), желая сказать, что всѣ наши писатели (неужели *всѣ*?) идутъ противъ зла, критикъ написалъ слѣдующее: «наши литераторы, каждый по своимъ средствамъ и умѣнью, *стараются помочь злу*», т. е. выходитъ, что они будто распространяютъ зло.

Какъ-то, давно уже, я разсказывалъ про одного доморощеннаго стихотворца, который поднесъ своему начальнику стихи, гдѣ начальникъ былъ между прочимъ названъ *поборникомъ зла*, за что былъ посаженъ подъ арестъ. Дѣло же все въ томъ, что бѣдный виршеплетъ слово «поборникъ» понималъ въ буквальномъ смыслѣ, т. е., что онъ *поборяетъ*, осиливаетъ зло... Критикъ «Отечественныхъ Записокъ» невольно напомнилъ мнѣ этого приватнаго стихотворца, но что только забавно со стороны послѣдняго, то непростительно подъ перомъ критика, имѣющаго болѣе обширныя претензіи.

Нѣкто г. М. Федоровъ ужасно сердитъ на русскую журналистику. Не то чтобы онъ ратовалъ противъ нигилистовъ, не то чтобы его почвенники возмущали, нѣтъ, г. М. Федоровъ смотритъ гораздо *шире*. Г. Федоровъ призванъ въ міръ для того, чтобы рѣшить вопросъ «сліянія народа съ обществомъ», и сердитъ на журналистику именно за то, что она будто бы мѣшаетъ этому сліянію. Чѣмъ же это? А вотъ чѣмъ, отвѣчаетъ г. М. Федоровъ: «Мы въ послѣднее время привыкли изъясняться непремѣнно съ иностранными словами и даже для полноты рѣчи не можемъ отыскать своихъ, то мы и выражаемъ такого рода желаніе: нехудо было бы, если бы наши газеты и журналы, употребляя иностранныя слова, *въ скобкахъ*, *въ сноскѣ*, или *въ особенномъ примѣчаніи* (очень находчиво!) *дѣлали краткое разъясненіе этихъ словъ*. Это принесло бы несомнѣнную пользу въ томъ, что *народъ* (?!), читая статьи (гдѣ это народъ читаетъ наши журнальныя статьи?), понималъ бы ихъ смыслъ, что для него весьма занимательно и полезно, и вмѣстѣ съ этимъ бы учился и *сливался* съ другою своею частью» (Н. Б. № 205).

Слѣдовательно, г. М. Федоровъ можетъ крикнуть: эврика! Ставьте въ газетахъ примѣчанія къ иностраннымъ словамъ—и вопросъ «сближенія съ народомъ» рѣшенъ. Вотъ что значитъ истинное глубокомысліе!

Гордися, Россъ!
Отъ всѣхъ тайный
Рѣшенъ вопросъ
Неразрѣшимый,

Чтобъ понялъ край
Смыслъ иностранныхъ,
Словъ — очень странныхъ,
Къ нимъ рядъ пространныхъ
Замѣтокъ дай.
Понявъ въ чемъ дѣло,
Въ единый годъ
Народъ нашъ смѣло
Всю суть пойметъ.
Съ тѣмъ лексикономъ,
Не зная тьмы,
Съ народомъ онымъ
За рубикономъ
„Сольемся“ мы.

Неужели же теперь никто не признаетъ заслугъ г. М. Федорова, никто не поощритъ его?.. Нѣтъ, я этому не вѣрю, потому что заслуги у насъ даромъ не пропадаютъ. П. Анненковъ, столько лѣтъ водившій насъ въ критическомъ лабиринтѣ, наконецъ-таки дописался до медали, полученной имъ отъ академіи наукъ... Наконецъ, не отъ одной только академіи можно ожидать поощренія. Такъ напр. давно существуетъ въ Петербургѣ *«перворазрядная контора коммиссіонерства и агенства П. В. Васильева»*. Это самое агенство задало теперь себѣ задачу: «*поощрять* ученыхъ и образованныхъ людей своего города и края къ сотрудничеству въ ученыхъ, литературныхъ и художественныхъ изданіяхъ». Кромѣ шутокъ, въ этомъ агенствѣ, спеціально занимавшемся доставкой петербургскимъ жителямъ кухарокъ и поваровъ, открылся новый отдѣлъ: «литературнаго агенства». Цѣль этого агенства, говоря его собственными словами: «*легчайшій и вѣрнѣйшій способъ* доставлять всѣмъ возможность сдѣлаться сотрудниками журнала или найти издателей для книгъ и сочиненій.» Такимъ образомъ, въ этомъ агенствѣ любой редакторъ можетъ найти себѣ разомъ—сотрудника и кухарку. Безцѣнное учрежденіе! Въ скобкахъ замѣчу здѣсь для нѣкоторыхъ соображеній, что въ это самое коммиссіонерство нѣкогда была прислана изъ провинціи рукопись, которая валялась тамъ болѣе года, совершенно позабытая. Рукопись эта — была «Обыкновенная исторія» И. А. Гончарова. Неужели же и современное «литературное агенство» будетъ также проницательно? Но, какъ бы то ни было, новое агенство — фактъ умиляющій и трогающій. Муза моя невольно начинаетъ предаваться лиризму.

Хорошо жить въ наше время.
Благодатные года!
Геніальныя открытья...
Безкорыстіе труда...

* *
*

Вотъ хоть новое извѣстье:
Говорятъ, что сэръ Джонъ Спикъ
До истоковъ самыхъ Нила
Наконецъ-таки достигъ.

* *
*

И теперь въ ученомъ мірѣ
Нетаинственъ больше Нилъ.
Согласитесь: Джона Спика
Подвигъ очень, очень милъ.

* *
*

А у насъ? У насъ, ей Богу,
Всѣмъ открытьямъ — счету нѣтъ;
Жаль одно, что тѣ открытья
Знаетъ только русскій свѣтъ.

* *
*

Вотъ хоть Писемскій! Представьте...
Впрочемъ, знаете ужъ вы, —
„Взбаламученное море“
Намъ открылъ вблизи Москвы.

* *
*

Потому-то всѣ ланд-карты
Нужно нынче измѣнить
И Москву въ „приморскій городъ“
Непремѣнно обратить.

* *
*

А новѣйшее агенство?
Имъ открытъ намъ — просто страсть! —
Самый „лучшій, вѣрный способъ“
Въ литераторы попасть.

* *
*

То агенство поставляетъ
По заказу въ города
Литераторовъ, кухарокъ —
Самыхъ лучшихъ, господа!

* *
*

Лишь прочелъ я объявленье,
Какъ, себя ударивъ въ лобъ,

Я помчался въ то агенство,
Въ попыхахъ надѣвъ салопъ.

* *
*

Прихожу. Большая зала...
Много женщинъ и мущинъ...
Я смутился. Для смущенья
Было нѣсколько причинъ.

* *
*

Но, молчу объ этомъ. Сзади
Вдругъ я слышу: „Вамъ чего-съ?"
„Мнѣ нужна, monsieur, кухарка!"
Отвѣчаю на вопросъ.

* *
*

— „Вамъ кухарку? Нѣтъ-съ, *всѣ вышли*...
(Очень милый каламбуръ)
Вотъ писателей — такъ много»...
И на нѣсколько фигуръ,

* *
*

Мрачно жавшихся у стѣнки,
Мнѣ конторщикъ указалъ:
— „Все таланты-съ! Только видъ ихъ
Лишь немножко подгулялъ.

* *
*

«А кухарокъ нынче нѣту,
Приходите завтра въ часъ.
Вѣдь на нихъ запросъ огромный
Здѣсь бываетъ каждый разъ.»

* *
*

Онъ былъ правъ. Кухарки нужны
Вѣдь почти-что въ каждый домъ;
Литераторы же нынче
Стали вовсе нипочемъ.

* *
*

И такіе есть межъ ними,
Что отъ нихъ избавь насъ Богъ!
И воскликнулъ я невольно,
Пробираясь за порогъ:

* *
*

О, судьба! будь милосердна!
И для насъ устрой ты такъ:
Дай поболѣе — кухарокъ.
И поменѣе — писакъ.

Кромѣ «литературно-повареннаго агенства», на какія еще новости мы укажемъ? Новостей совсѣмъ нѣтъ. Петербургъ отчасти занимается «польскимъ вопросомъ», отчасти новымъ комнатнымъ освѣщеніемъ и заводитъ у себя кирасиновыя лампы. По Невскому проспекту разъѣзжаютъ поѣзды конно-желѣзной дороги, а у Думы выставляются образцы будущихъ общественныхъ экипажей. Александрійскій театръ угощаетъ публику бенефисами и представленіями въ родѣ «Лиза, Фомина», которая есть ничто иное, какъ другая «Бѣдная Лиза», только съ запахомъ «александринки». Вторая театральная новость комедія «Было да прошло» — каррикатурная передѣлка драмы Вольфсона «Nur eine Seele». Поставлена также въ первый разъ на сцену старая пьеса Островскаго—«Доходное мѣсто». Въ оба эти представленія александринская публика осталась равно довольна», и «Доходнымъ мѣстомъ» и комедіей «Было да прошло», и съ одинаковымъ одушевленіемъ вызывала и Островскаго и Вольфсона, живущаго въ Дрезденѣ. Какія еще новости? Вѣдь не за новость же считать, что нѣкто г. Кушнеревъ, случайно открывъ въ себѣ родникъ юмора, сталъ издавать какіе-то грязные листочки какой-то «Блохи»? Бѣдный русскій юморъ!

Ужъ если Кушнеревъ
Сталъ нынче юмористомъ,
То право каждый ревъ
Покажется намъ свистомъ.

Кто нынче въ самомъ дѣлѣ не считаетъ себя юмористомъ? Даже нотныхъ дѣлъ мастеръ г. Стелловскій гдѣ-то тамъ, въ мрачной неизвѣстности, обертываетъ свои ноты какими-то «юмористическими листками»...

Чего не стерпитъ листъ бумаги!

писалъ нѣкогда К. Вяземскій, убѣдившись въ этомъ собственнымъ опытомъ...

Разскажу теперь одинъ фактъ изъ жизни петербургскихъ врачей-нѣмцевъ, фактъ весьма выпуклый и характерный. У одного кружка нѣмецкихъ врачей съ нѣкоторыхъ поръ камнемъ на шеѣ стала сидѣть блистательная карьера одного изъ русскихъ докторовъ, который составилъ себѣ прочную извѣстность и хорошую практику. Нѣмцы, видя, что ихъ репутація подрывается, рѣшились отомстить русскому врачу (назовемъ его хоть Субботкинымъ) и только ждали перваго удобна-

го случая. Случай скоро представился. Въ одномъ семействѣ, гдѣ пользовалъ врачь - нѣмецъ, очень трудно заболѣла сама хозяйка. Нѣмцы прописывали ей лекарства, пичкали разными микстурами, но болѣзнь все-таки не проходила. Больная женщина рѣшилась наконецъ прибѣгнуть къ помощи Субботкина, о чемъ и просила своего доктора - нѣмца. Нѣмецъ отправился сейчасъ къ своимъ собратіямъ и объяснилъ имъ желаніе больной... Тутъ нѣмцы составили заговоръ...

На другой день утромъ къ больной является нѣмецъ - врачь и приводитъ съ собой другого врача, котораго называетъ Субботкинымъ. Послѣдній прописываетъ ей лекарство и — уѣзжаетъ. Проходитъ день. Больной отъ лекарства дѣлается хуже. Мужъ ея, который, при первомъ посѣщеніи извѣстнаго врача, не былъ дома, отыскиваетъ его адресъ и прямо ѣдетъ къ нему на домъ.

— Ради Бога, помогите женѣ: отъ вашего лекарства она стала чувствовать себя хуже...

Врачь изумился и не понималъ, въ чемъ дѣло...

— Извините, но вы ошибаетесь: вашу супругу я и въ глаза не видѣлъ и никогда въ вашемъ домѣ не былъ.

Мужъ больной удивился въ свою очередь.

— Но вѣдь вы докторъ Субботникъ?

— Я.

— Вчера утромъ вы были у меня въ домѣ?

— Нѣтъ, все утро просидѣлъ въ своей квартирѣ.

Они оба не понимали другъ друга.. Загадка объяснилась только черезъ нѣсколько дней. Врачи-нѣмцы представили больной подставного доктора, который назвался Субботкинымъ, и желая скомпрометировать послѣдняго, прописалъ такое лекарство, отъ котораго больной жертвѣ докторскихъ интригъ сдѣлалось хуже. Очень милая шутта у постели больной женщины! Только одни нѣмецко-петербургскіе врачи и способны ее выкинуть...

Шарлатанская выходка нѣмецкихъ коноваловъ невольно напомнила намъ недавнюю выходку знаменитаго романиста Александра Дюма, выходку также шарлатанскую, но по крайней мѣрѣ не такъ зловредную. Недавно въ «Independente», журналѣ, издаваемомъ въ Неаполѣ Александромъ Дюма, появилось слѣдующее объявленіе: «14 сентября, поздно вечеромъ, къ одному каменьщику въ Неаполѣ пришли два незнакомые человѣка и уговорили его идти за собою, говоря, что

необходимо окончить весьма спѣшную работу, за которую онъ будетъ хорошо вознагражденъ. Когда каменьщикъ согласился и вышелъ съ ними на улицу, они всѣ сѣли въ карету и оба незнакомца, вынувъ изъ каргановъ револьверы приказали каменьщику безпрекословно повиноваться, подъ опасеніемъ смерти, и завязали ему глаза. Послѣ продолжительной ѣзды, карета подъѣхала къ дому, въ который ввели каменьщика, и приказали ему сдѣлать въ каменной стѣнѣ одной изъ комнатъ отверзтіе, куда бы могъ помѣститься гробъ. Когда эта работа была кончена, внесли въ комнату связанную молодую и красивую женщину и, не смотря на ея мольбы, положили ее въ гробъ, заколотили его, поставили въ сдѣланное въ стѣнѣ отверстіе и приказали каменьщику задѣлать такъ, чтобы не было слѣдовъ. Каменьшикъ вздумалъ было сопротивляться, но принужденъ былъ исполнить и это приказаніе. Когда все было сдѣлано, его опять посадили въ карету, завязали глаза и отвезли домой. Каменьщикъ тотчасъ отправился въ полицію, гдѣ разсказалъ это происшествіе, и полиція употребляетъ всѣ усилія, чтобъ открыть преступниковъ».

Точно одна глава изъ Монте-Кристо! Весь Неаполь взволновался отъ этого извѣстія. Стали искать таинственнаго дома и романическаго каменьщика. Наконецъ послѣ долгихъ безуспѣщныхъ поисковъ, всѣ узнали, что это исторія — только *невиннаа шутка* автора «Трехъ мушкатеровъ», что онъ только пошутилъ съ публикой...

Въ прошломъ мѣсяцѣ я обѣщался потолковать о годичной художественной выставкѣ. Выставка эта давно уже теперь открыта для посѣтителей и мы можемъ съ каталогомъ въ рукахъ прогуляться по заламъ академіи художествъ. Прогулка эта тѣмъ любопытнѣе, что академія только одинъ разъ въ году растворяетъ свои двери для публики, только одинъ разъ въ году видитъ въ своихъ стѣнахъ живыхъ людей: все остальное время она живетъ въ обществѣ казенныхъ натурщиковъ и олимпійскихъ героевъ. Впродолженіе цѣлаго года, живой говоръ, живые люди, общественныя волненія не проникаютъ въ этотъ огромный гробъ, стоящій на томъ берегу Невы. Поэтому очень ошибаются тѣ публицисты, которые обращаются къ

академическому совѣту съ разными замѣчаніями и вопросами: они туда не доходятъ. О нашей Академіи Художествъ какъ и объ Академіи Наукъ, можно сказать, что:

Она по русски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала
И изъяснялася съ трудомъ
На языкѣ своемъ родномъ.

Какую пользу принесли всѣ нападки на ея конкурсныя задачи, на ея Сауловъ и Хароновъ? Проникнули ли они въ академію, которая не «отъ міра сего»? Нѣтъ, стоитъ только взглянуть на задачи нынѣшней выставки, чтобъ убѣдиться въ противномъ. На картинахъ, писанныхъ на программу, мы опять встрѣчаемъ «Моисея, источающаго воду изъ камня». Есть надежда, что еще долго наша академія будетъ задавать свои мистическія программы, долго еще ее будутъ мучить образы Хароновъ и Сауловъ...

О лучшемъ украшеніи выставки, о картинѣ г. Ге, я уже говорилъ въ прошлой книжкѣ. Передъ этой картиной всегда много публики, гдѣ очень любопытно послушать различныя мнѣнія разныхъ «цѣнителей и судей». Множество господъ съ напряженнымъ вниманіемъ смотрятъ на картину, стараясь понять, почему она произвела такое сильное впечатлѣніе даже на академическихъ мистиковъ и художественныхъ шамановъ?..

Вообще нужно замѣтить, что картину г. Пукерева «Неровный бракъ» больше хвалятъ, чѣмъ произведеніе г. Ге. Картина эта дѣйствительно выдѣляется изъ общей посредственности выставки, но и только. Задаваясь темой—написать «Неровный бракъ», художникъ съ ней не справился и всю картину составилъ изъ разныхъ художественныхъ подставокъ и подписей. Изобразивъ старика, стоявшаго у налоя съ молоденькой дѣвушкой, г. Пукеревъ ничего не сказалъ этимъ. Онъ понялъ это самъ, и потому въ личности шафера, стоявшаго сзади въ неприличной позитурѣ г. Пронскаго, хотѣлъ выразить подпись къ картинѣ: протестъ противъ неровнаго брака. Вся обстановка двухъ главныхъ фигуръ есть ничто иное, какъ ярлычки съ объясненіемъ смысла этой сцены. Охота выбирать такія дѣтскія темы? Это все равно, еслибы какой нибудь поэтъ вздумалъ написать теперь серьезную поэму о томъ, какъ нехорошо и безнравственно молодыхъ дѣвушекъ отдавать замужъ за стариковъ. Да кто жъ въ этомъ теперь сомнѣвается? Что же тутъ новаго для насъ? Притомъ

же, какой это «неровный бракъ»? Это бракъ самый обыкновенный у насъ...

Одна почтенная мать семейства, стоя передъ картиной съ двумя своими дочками, не могла не воскликнуть отъ умиленія:

— Господи! Вотъ такъ счастливица: за генерала выходитъ!

Вотъ вамъ и «неровный бракъ».

Перейду теперь къ главному, что поражаетъ на выставкѣ — къ ея безобразіямъ. Ихъ ужъ такъ много, что я выберу изъ нихъ только самыя забористыя.

Мы останавливаемся передъ картиной г. Кенига. Что она изображаетъ? Какая-то женщина, въ родѣ тѣхъ, которыя бываютъ въ ефремовскомъ танцклассѣ, лежитъ сонная на кровати; передъ ней стоитъ какое-то черное чудовище (по цвѣту, должно быть негръ) съ кинжаломъ въ рукахъ. Мы ничего не понимаемъ.

Негръ стоитъ; на негрѣ тога
Яркаго вся цвѣта. .
Отгадайте, ради Бога,
Что такое это?
Онъ кинжалъ свой поднялъ строго,
Точно выпилъ гдѣ-то...
Отгадайте, ради Бога,
Что такое это?
Дѣва странная немного
Спитъ, полураздѣта...
Отгадайте, ради Бога,
Что такое это?
Дѣвъ такихъ одна дорога —
Около буфета...
Отгадайте, ради Бога,
Что такое это?

Вы не отгадываете и справляетесь съ указателемъ, изъ котораго узнаете, что передъ вами «Отелло» и «Дездемона». Кладемъ палецъ удивленія въ ротъ! Г. Кенигъ воображалъ, что въ этихъ двухъ фигурахъ какого-то безобразнаго евнуха и героини шпиц-бала, онъ изобразилъ два шекспировскихъ типа. Дерзость это или наивность? Вообще, передъ этой картиной о Шекспирѣ и думать какъ - то стыдно...

Шекспировскаго міра
Искать здѣсь кто захочетъ?

Всѣ плачутъ — за Шеспира,
Надъ Кенигомъ — хохочутъ.

Съ достоинствомъ картины г. Кенига можетъ только равняться произведеніе г. Литовченко: изъ поэмы «Демонъ». Лермонтовскій демонъ представленъ здѣсь тѣмъ чортомъ, котораго изображаютъ на лубочныхъ картинкахъ, т. е. безобразнымъ, растрепаннымъ, съ оскаленными зубами и глазами, которые хотятъ словно выскочить. Русскому художнику ничего не стоитъ написать какого нибудь Квазимодо или просто пьянаго цирульника и назвать его «Демономъ» Лермонтова или «Люциферомъ» Байрона. Нѣтъ, г. Литовченко, о вашемъ пьяномъ цирульникѣ мы можемъ только сказать одно:

Смотритъ вовсе здѣсь не тѣмъ онъ
Демономъ поэмы,
Это — собственный вашъ демонъ, —
Убѣдились всѣ мы.

Милосердіе римлянки—картина г. Плѣшанова въ одно и то же время возбуждаетъ и смѣхъ и отвращеніе. Молодая баба явилась въ темницу голоднаго старика и, выбросивъ одну изъ отвисшихъ грудей своихъ, начинаетъ поить узника молокомъ. О, г. Плѣшановъ! если ваша римлянка милосердна, то сами вы ей богу немилосердны, и цинизмъ вашей картины едва ли можетъ плѣнить кого нибудь. Вотъ другой этюдъ г. Плѣшанова, называемый «портретъ тетки художника», все-таки болѣе достигаетъ своей цѣли, чѣмъ римлянка; этюдъ этотъ по крайней мѣрѣ убѣждаетъ насъ, что у г. Плѣшанова есть тетка, — ну и прекрасно...

О прочихъ безобразіяхъ я хотѣлъ было распространиться, но раздумалъ: довольно и этихъ. Пейзажей на выставкѣ есть нѣсколько очень хорошихъ. Неутомимый профессоръ Айвазовскій выставилъ нѣсколько прекрасныхъ видовъ, особенно хорошъ «Семибашенный замокъ въ Константинополѣ». За то есть у г. Айвазовскаго, охотника до яркаго колорита, картина (именно «закатъ солнца въ Малороссіи»), вся написанная однимъ только огнемъ, и до того красная, что кажется, будто сама картина покраснѣла за художника.

СОДЕРЖАНІЕ АВГУСТОВСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОТДѢЛЪ III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

и либеральная партіи въ Японіи. — Покровительство благородныхъ лордовъ американскимъ плантатёрамъ. — Послѣдніе симптомы американской войны.— Паденіе Виксбурга и дальнѣйшія побѣды Сѣвера надъ Югомъ. — Истощеніе силъ и разныя продѣлки рабовладѣльцевъ. — Близкая кончина плантаторской олигархіи. — Наполеонъ III—императоръ Мексики. — Гуманныя обѣщанія побѣдителя, приводимыя въ исполненіе вовсе негуманными зуавами. — Фокусы-покусы генерала Форея. — Можетъ ли удержаться французская монархія въ Мексикѣ, если американскимъ плантаторамъ не удастся основать у себя систему абсолютнаго правительства? — Насильственное обращеніе еврейской дѣвочки въ католическую вѣру въ Римѣ.—Конгрессъ германскихъ государей во Франкфуртѣ.—Мечты нѣмцевъ о національномъ единствѣ.—Характеристика прусской конституціи. — Желаніе габсбурговъ стать во главѣ германской федераціи

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Пѣтушиный бой двухъ московскихъ редакторовъ.—Полемика нашихъ почвенниковъ съ г. Катковымъ. — Г. Страховъ въ роли крѣпостного бурмистра передъ редакторомъ «Русскаго Вѣстника».—Почвеники по недоразумѣнію поражаютъ *своихъ*.—Убѣжденія и любовь славянофиловъ къ народу.—Унисонъ мнѣній г. Аксакова и г. Каткова. — Значеніе журналиста нашего времени.—Измѣнилъ-ли дѣйствительно г. Катковъ своимъ убѣжденіямъ? — Примѣненіе женскаго труда къ типографскому дѣлу и притязанія на славу этого примѣненія редакціи «Сѣвер. Пчелы». — Значеніе нащего народнаго труда. — Могутъ-ли быть женщины типографскими наборщиками?—Неудавшіеся опыты въ этомъ родѣ.—Женщины-медики; женщины—самодуры.—Шайка воровъ открытая петербургскою полиціей.—Связь воровства, какъ общественнаго явленія, съ бѣдностью.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Признаки начинающагося «зимняго сезона» въ С. Петербургѣ. — Невская осень съ дождями, съ грязью и съ статьями гг. Раппопорта и Ростислава.— Охота домовладѣльцевъ за жильцами. — Нарожденіе скандаловъ. — В. И. Аскоченскій предъ прахомъ нѣкоего юноши. — Гимнастика охотниковъ, поднимающихъ разные вопросы. — Новый изобрѣтатель — служитель либерализма и полиціи. — Лонгиновъ и Фокинъ — критическая статья московскаго ученаго. — Московскія вѣдомости и ихъ сезонныя шалости. — Сказка о муромскомъ разбойникѣ Мишкѣ Никифоровѣ. — Разныя мелочи сезона. — Поднятіе занавѣса на русской сценѣ. — Фальшивая тревога о театральныхъ реформахъ. — Лирическое втступленіе по поводу прошедшей дѣятельности Александринскаго театра. — Гимнъ Мельпоменѣ отъ Темнаго Человѣка. — Разсужденіе о томъ, что зимній невскій сезонъ можно узнать по запаху. — Всеобщій насморкъ, спасающій петербуржцевъ отъ зловоній. — Новый планъ столичныхъ домовладѣльцевъ съ норовомъ, принимающихъ въ жильцы своихъ домовъ только людей съ высокими чинами. — Сновидѣніе домовладѣльца. — Нѣчто о докторѣ Ханѣ и его новомъ журналѣ. — Русскіе рецензенты: Тавелъ Анненковъ и др. — Слово о И. Тургеневѣ заграницей. — Новая картина г. Ге, присланная въ Академію художествъ на ежегодную выставку. — «Мечта и дѣйствительность» — сцена въ вагонѣ на Николаевской желѣзной дорогѣ.— Тѣнь Козлянинова. — Одинъ изъ типовъ современной провинціальной жизни.

ОТВѢТНЫЙ ЛИСТОКЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

«РУССКАГО СЛОВА».

Въ *Казань, г. Озерецкому.* — Доплата, 7 р. Редакціею получены.

Въ *Нижній-Новгородъ, въ Губернскую Строительную и Дорожную Комиссію.* — Получено 9 р.

Въ *Воронежъ, въ Губернскую Строительную и Дорожную Комиссію.* — Деньги 37 р. за вторую треть Редакціею получены.

Въ *Тереньгу, В. А. Юматову.* — Письмо ваше и при немъ остальныя деньги 7 р. за журналъ Редакція получила.

Въ *Кіевъ, въ Казенную Палату.* — Деньги 5 р. съ гг. Коменко и Сорочинскаго получены.

Въ *Каневъ, г-ну Штатному Смотрителю училищь.*—Остальныя деньги 7 р. за журналъ получены.

Въ *Черниговъ, г. Захаревскому, служащему съ Казенной Палатѣ.*— 5 р. за вторую треть Редакціею получены.

Въ *Симбирскъ, г. Директору училищь симбирской губ.* — Деньги 14 р. за журналъ Редакціею получены.

Въ *Воронежъ, въ Канцелярію начальника губ.* — Деньги 5 р. за вторую треть съ Г. П. Орлова получены.

Въ *Казань, г. Директору 1-й Казанской Гимназіи.* — Деньги за журналъ 14 р. Редакціею получены.

Въ *Москву, въ Управу Благочинія.* — Деньги 42 р. за три экз. „РУССКАГО" съ гг. Акиньфіева, Нестерова и Шиллинга получены.

Въ *Зміевъ, И. И. Павловскому.* — Деньги 11 р. получены. 18 октября препровождается въ почтамтъ 1, 2 и 3 т. соч. Мея, для отсылки къ вамъ.

Въ *Манусинскъ, г. Самохвалову.* — Посланныя вами деньги 10 р. Редакція получила; за уплатою 7 р. за настоящій годъ, остающіеся затѣмъ 3 р.

приняты, согласно вашему желанію, въ счетъ подписной суммы на журналъ за будущій 1864 годъ, въ которомъ онъ будетъ издаваться относительно цѣны на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ и въ настоящемъ году, т. е. 14 р. за годовое изданіе, съ пересылкой. — О недоставленіи вамъ январской книжки «РУССКАГО СЛОВА» сообщено въ почтамтъ, и вы во всякомъ случаѣ получите ее.

Въ *Вятку, Ректору Семинаріи Архимандриту Павлу.* — Перемѣна адреса сдѣлана; равнымъ образомъ сообщено въ Газетную Экспедицію о пересылкѣ №№ 7 и 8« РУССКАГО СЛОВА» — въ Вятку изъ Могилева, куда они отправлены были по первому адресу.

На Эсманскую станцію, свящ. П. Красовскому. — По увѣдомленію отъ почтамта, до сихъ поръ недоставленный вамъ 3 т. Мея былъ посланъ *14 Мая.*

На ст. Нижне-Чирскую Зем. Дон Войска, М. А. Веденяпину. — Недоставленые вамъ №№ «РУССКАГО СЛОВА», по увѣдомленію отъ почтамта, были посланы: № 6-й іюля 29, № 7-й сентября 9, № 8-й сентября 24.

Въ *Члецъ, г. Скуридину.* — По увѣдомленію отъ почтамта. шесть первыхъ №№ «РУССКАГО СЛОВА» вамъ также посланы и, по расчету времени при правильной доставкѣ, давно бы должны придти по адресу.

Въ *Кременчугъ, Г. И. Емельянову.* — Почтамтъ увѣдомляетъ, что недоставленный вамъ № 6-й «РУССКАГО СЛОВА» отправленъ былъ 29 іюля при описи на Черниговъ за № 60.

Въ *Харьковъ, г. Винецкому.* — Жалоба ваша о недоставкѣ іюльской и августовской книжекъ «РУССКАГО СЛОВА» передана въ почтамтъ, и будетъ сдѣлано распоряженіе о немедленномъ удовлетвореніи.

Въ *Кадниковъ, Н. А. Каринскому.* — «РУССКОЕ СЛОВО» было посылаемо къ вамъ: № 5-й іюля 23, № 6 іюля 29, № 7 сентября 6, № 8 сентября 24.

Въ *Ямполь, И. И. Пакситрееру.* — Почтамтъ увѣдомляетъ по вашей жалобѣ, что № 6 былъ посланъ іюля 29, № 7 сентября 9, № 8 сентября 24. Редакція каждую книжку сдавала въ почтамтъ тотчасъ по ея выходѣ, и вамъ никогда непрекращала высылку.

Въ *Владикавказъ, г. Гейдеману.*—О неполученіи вами 3 т. Мея Редакція опять сообщила въ почтамтъ, и во всякомъ случаѣ вы его получите; если почта не доставитъ этого экземпляра, какъ она не доставила вамъ 2 т. того же автора, то Редакція принуждена будетъ возобновить высылку дупликатомъ, какъ это сдѣлано со 2 т. Мея; равнымъ образомъ посланы будутъ и тѣ два листа, о которыхъ вы пишете...

Въ *Коменскій заводъ, Н. К. Булатову.* — Согласно вашему письму, переводъ на г. Иванова сдѣланъ. Книжки «РУССКАГО СЛОВА» вамъ были высылаемы: № 1 марта 14, № 2 марта 25, № 3 мая 3, № 4 мая 27, № 5 іюня 24, № 6 іюля 29, № 7 сентября 9, а съ № 8 сдѣлана перемѣна на г. Иванова.

Въ *Велюнь, въ библ. Бѣлозерскаго пѣхот. полка.* — По увѣдомленію отъ почтамта, недоставленныя №№ «РУССКАГО СЛОВА» были посланы: № 6, іюля 29, № 7 сентября 9.

Въ *Саратовъ, Д. А. Столыпину.* — По вашей жалобѣ о недоставленіи №№ 6, 7 и 8 „РУССКАГО СЛОВА", сообщено въ почтамтъ.

На *промыслы Прибрежно-Ленской золотопромышленной Ком, г. А. А Рыбину.* — О поздней доставкѣ вамъ майской книжки и о не доставкѣ апрѣльской сообщено въ почтамтъ и сдѣлано распоряженіе объ удовлетвореніи.

На Буняковскую станцію, г-ну Држевецкому. — Получивъ отъ васъ увѣдомленіе о томъ, въ какомъ видѣ доставлены вамъ, въ Рѣшетиловской почтовой конторѣ, №№ РУССКАГО СЛОВА по іюль, именно; „изорванными, запачканными и вѣроятно многими читанными, потому что одинъ не въ состояніи такъ изорвать", — Редакція можетъ сказать только, что каждая книжка журнала посылается ею новою и крѣпкозапакованною. Пользуясь сообщеннымъ вами извѣстіемъ о таковой доставкѣ книжекъ, равно какъ и отъ другихъ нерѣдко получая такія же увѣдомленія, Редакція долгомъ считаетъ сообщить о томъ почтамту.

Въ *Ирбить г. Рудольскому.* — По вашему увѣдомленію о томъ, что пакетъ іюльской книжки, доставленной вамъ 25 сентября, былъ „совершенно раздѣланъ, и что подобная неисправность замѣчена вами уже не въ первый разъ", — Редакціею будетъ сообщено въ почтамтъ.

ПРИ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ

СЕНЬКОВСКАГО и К°.

На Невскомъ проспектѣ, противъ Аничкова дворца, въ домѣ № 60.

Съ 1-го октября открыта подписка на всѣ вообще журналы и газеты на 1864 г., по объявленнымъ цѣнамъ отъ издателей.

Начальный курсъ Географіи, по американской методѣ Корнеля, съ 80 политипажами и 10 географическими картами, изданіе второе, значительно исправленное и дополненное, одобрено ученымъ комитетомъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, какъ руководство для училищъ министерства, и принято руководствомъ въ училища вѣдомства духовно-учебнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ. Спб. 1863 г. Ц. 1 р. 25 к. съ пересылкою 1 р. 60 к.

Вселенная. Разсказы изъ физической, математической и политической географіи. Сочиненіе Ф. Герштеккера переводъ подъ редакціею Ф. Розенера, съ 6 картинами и 7 географическими картами. Спб. 1863 г. Ц. 3 р. 50 к., вѣсъ за 3 ф.

Краткіе очерки исторіи польскаго народа. Іоахима Лелевеля, переводъ Якова Ивановскаго. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. вѣсов. за 1 ф.

Учебникъ Уголовнаго Права, составленный В. Спасовичемъ. Томъ 1 выпуск. 2. Спб. 1863 г. Ц. 1 р. 30 к., вѣс. за 2 ф. тожъ выпуск. 1. Ц. 85 к. вѣс. за 1 ф.

Историческій очеркъ жизни Вашингтона. Сочиненіе Гизо съ французскаго, редакція, Ивановскаго. Спб. 1863 г. Ц 75 к., съ перес. 1 р.

Эпоха Древней Тиранніи въ Греціи. Спб. 1863 г. Ц. 50 к., вѣс. за 1 ф.

Полный курсъ элементарной математики, составленный генеральнаго штаба подполковникомъ Христіани. Спб. 1863 г. Ц. 3 р., вѣс. за 4 ф.

Исторія Русской словесности, древней и новой, соч. А. Галахова. Томъ I. Спб. 1863 г. Ц. 3 р. (на 2-й Томъ выдается билетъ) вѣс. за 5 ф.

Невинные разсказы, Н. Щедрина. Спб. 1863 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

Геологическіе этюды. Соч. Германа Бурмейстера, профессора зоологіи въ Галле, перевелъ съ нѣмецкаго Никол. Михайловъ. 2 части. Спб. 1863 г. Ц. 2 р. 75 к., вѣс. за 2ф.

Руководство къ химіи описательной и теоретической, Одлинга, секретаря химическаго общества и профессора химіи при Сіускомъ госпиталѣ, переведено съ анлійскаго, Ф. Савченковымъ, горнымъ инженеромъ, часть 1. Спб. 1863 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

Сатиры въ прозѣ. Сочин. Щедрина. Спб. 1863 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

Бѣдные дворяне. Романъ въ 4 част. А. А. Потѣхина. Спб. 1863 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

Море. Мореходное искусство, богатство моря. Историческій очеркъ всемірной торговли и значеніе ея для цивилизаціи. Переводъ съ нѣмецкаго, изданный подъ редакціею Е. Березина. Спб. 1863 г. Ц. 2 р., вѣс. за 2 ф.

Энциклопедія Законовѣденія. Соч. Доктора правъ Н. Рождественскаго. Спб. 1863 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. за 3 ф.

Исторія польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 годовъ. Ф Смита, переведено съ нѣмецкаго гвардіи штабсъ-капитаномъ Квитницкимъ. Томъ I, Спб. 1863 г. Ц. за 3 тома 6 р., вѣс. за 1 ф.

Чтеніе изъ Русской исторіи съ исхода XVII вѣка, П. Щебальскаго, выпускъ четвертый. Спб. 1862 г. Ц. 75 к., вѣс. за 2 ф. тожъ выпуск. 1, 2 и 3. Ц. по 50 к., вѣс. за 1 ф.

Ученіе о горячкѣ излагаетъ докторъ Ф. С. Залѣскій. Спб. 1863 г. 1 50 к., вѣс. за 2 ф.

Общепонятныя лекціи о строеніи и отправленіи человѣческаго тѣла съ изложеніемъ правилъ къ сбереженію здоровья, читанныя въ 1862 году для писарей главнаго штаба кавказской арміи докторомъ А. Рончевскимъ. Тифлисъ 1863 г Ц. 1 вѣс. за 2. ф.

Картины вселенной. Соч. И. Савицкаго съ 36 рисун. Спб. 1863 г. Ц. 1 р. 20 к., вѣс. за 1 ф.

Ученіе о пищѣ, общепонятно изложеное Я. Молешоттомъ Спб. 1863 г. Ц. 1 р. вѣс. за 1 ф.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

А. ЧЕРЕНИНА И К°.

ВЪ МОСКВѢ.

На Рождественкѣ, въ д. Торлецкаго и въ С. Петербургѣ, въ д. Петропавловской Церкви.

Продаются, между прочими слѣдующія книги:

ФИЗІОЛОГИЧЕСКІЕ ЭСКИЗЫ Я МОЛЕШОТТА. Переводъ съ примѣчаніями А. Пальховскаго. М. 1863 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ МІРОЗДАНІЯ, съ нѣмецкаго перевода Карла Фогта. Перевелъ и дополнилъ примѣчаніями А. Пальховскій. М. 1863 г. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 50 к.

ЗЕМЛЯ И ЧЕЛОВѢКЪ, или физическая географія въ отношеніи исторіи человѣческаго рода. Арнольда Гюйо. Переводъ съ англійскаго. Изд. 2. М. 1861 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ, или органическое изложеніе науки о правѣ и государствѣ, на основаніи принциповъ этической философіи права. Д-ра Г. Аренса. Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1863 г. Ц. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.

ОЧЕРКИ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ. А. Забѣлина. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ОЧЕРКИ МОСКВЫ, Н. Скавронскаго. М. 1862 г. Ц. 50 к. съ перес. 75 к.

ИЗЪ КУПЕЧЕСКАГО БЫТА А. Ушакова. М. 1862 г. Ц. 50 к. съ перес. 75 к.

Тамъ же принимается подписка на русскіе журналы и газеты, по цѣнамъ объявленнымъ Редакціями.

ОБЩЕСТВО ВРАЧЕЙ

(ПОКРОВСКІЙ, СИМОНОВЪ, БОКОВЪ),

принимаютъ больныхъ по воскресеньямъ и средамъ отъ 2 до 4 часовъ по полудни.—Эртелевъ переулокъ д. № 5, кв. № 4. Здѣсь леченіе электричествомъ.